

В. В. Розанов

В мире неясного и нерешенного

В мире неясного
и нерешенного

Из восточных
мотивов

В. В. Розанов

Собрание
сочинений

В.В.Розанов

В мире неясного и нерешенного

В мире неясного
и нерешенного

Из восточных
мотивов

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина

Москва
Издательство «Республика»
1995

ББК 87
Р64

Составление
А. Н. Николюкина

Комментарии
А. Н. Николюкина
и *С. Р. Федякина*

*Издание выпущено при содействии
Комитета Российской Федерации по печати*

Розанов В. В.

Р64   **Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / Под. общ. ред. А. Н. Николюкина.— М.: Республика, 1995.— 462 с.**
ISBN 5—250—02507—2

В настоящий том вошли два произведения писателя и философа В. В. Розанова - «В мире неясного и нерешенного» (1901; 2 изд. - 1904), «Из восточных мотивов» (1916—1917), не издававшихся со времени их публикации. Центральное место в них занимает розановская трактовка необъяснимых загадок человеческой природы, тайн древнейших цивилизаций (Вавилона, Египта, Иудеи и др.), пола, семьи и брака как основы мировой истории, религии и культуры. Мыслитель обращается в этой связи к творчеству писателей и художников — Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Л. Толстого, Шиллера, Рафаэля, Рембрандта и др. Философские открытия и пафос публикуемых сочинений произвели глубокое впечатление на современников. Андрей Белый писал об огне, оплеснувшем нас из книги «В мире неясного и нерешенного».

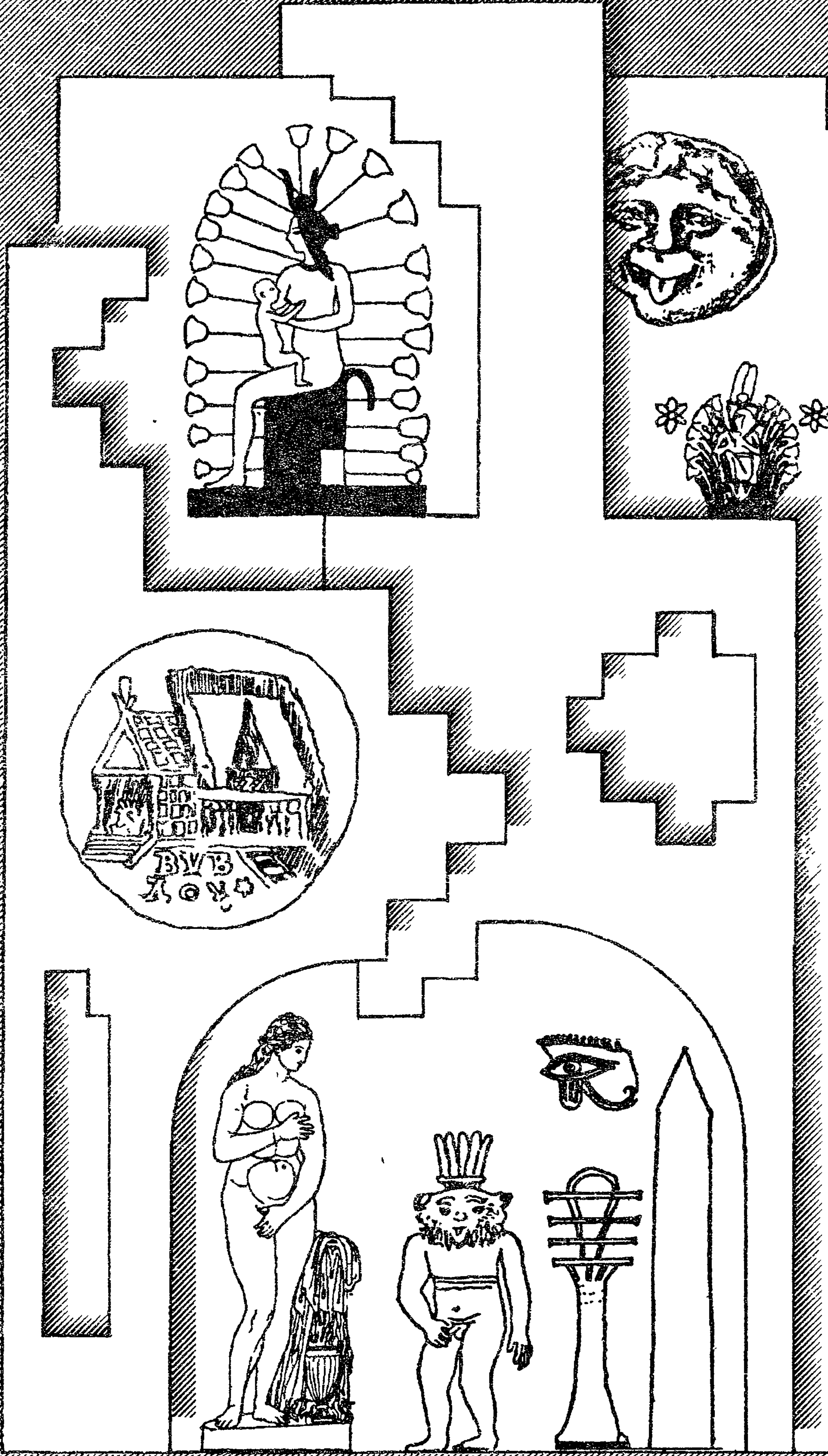
Издание иллюстрировано рисунками, подобранными самим В. В. Розановым. Адресовано всем, кто интересуется философией, религией и культурой.

Р **0301080000—044**
079(02)—95

ББК 87

ISBN 5—250—02507—2

© Издательство «Республика», 1995

В.В. Розанов

В мире неясного и нерешенного

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Собранные здесь статьи были напечатаны в 1898 и 1899 гг. в «Биржевых Ведомостях», «Гражданине», «Новом Времени», «Русском Труде» и «С.-Петербургских Ведомостях»,— и все касаются некоторых темных и неясных областей бытия и знания. Я позволил себе к ряду своих статей присоединить, под рубрикой «Полемические материалы», очень ценные мне возражения, или разъяснения, или продолжения моей мысли, сделанные в названных же журналах гг. Н. Аксаковым, Гатчинским Отшельником, И. Колышко, П. Кусковым, Мирянином, В. Петерсеном, Православным, И. Рудневым, А. У-ским и С. Шарповым,— внимание которых к заинтересовавшей меня области пробуждает во мне чувство самой живой признательности.

Спб., 1901 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Дать почувствовать семью как ступень поднятия к Богу, вот простая и ясная цель собранных здесь статей. В таком виде, однако, они представили бы только коротенькое и бессильное поучение, которое скользнуло бы по душам людей, не вкоренившись в них. А мне хотелось, я ищу вкоренения. Семья — *телесна, семенна и кровна*; это — производители, без коих нет семьи. Но *связуемы* ли, и если «да», то каким образом *связуемы кровь, семя и тело* не *in statu quo*¹, но *in statu agente*², с чистым спиритуализмом, каковым 2000 л. мы определяем ядро и полную орбиту религии? Вот трансформация темы: «семья как ступень к Богу». И в этом виде она уже переводит нас в мир глубочайших философских погружений. Но одних ли философских? Тело — *растет*; рост — это *тайна*; семя раскрывается в *организм*, из точки преобразуется в многообъемный дуб или многодумного человека: это все, конечно — огромная философия, но вместе нет ли здесь уже и зачатков религии, темного начинающегося света какой-то не спиритуалистической, но однако и непременно религии? Таким образом, «чистый спиритуализм» (алгебраизм) получает себе границу в этом темном (=не ясном) свете семенно-телесно-кровного. Кровь — не *вещество*, а *существо*, живое, бегущее, глубоко автономное, я даже думаю — глубоко *личное*; тело — не стереометрия, оно есть *красота и блеск и свет*; семя — *потоки духа, мириады «дыханий»*, душ: против этого всего напрасно было бы спорить. Таким образом, тема наша не только волнуется на границе философии и религии, но может быть она составляет центр, откуда идут дороги и в религию, и в философию. Но это еще не все: «ступень поднятия к Богу» — под этим термином всегда мыслился только аскетический подвиг и идеал. Что такое аскезис? Мы имеем порог, ведущий в комнату; эта комната — семья; «не переступи этот порог, не вступи в ту комнату — и ты поднимаешься к Богу, уже этим одним, уже этим только», вот привычная для вас формула, тоже 2000-летней давности. Никто не догадывается, что тут *нет двух устремлений равно свободных к избранию*, но одно устремление (семья), на путь которого если ты *не вступил*, и притом только и единственно *не вступил* — ты в относительном круге «спасения». Очевидно, что идеал семьи — под чертою; и чистое отрицание, *нуль* — только *пустующий* от семьи, один высится над чертою, один горит какою-то таинственной и притом совсем новою «утреннею звездою». Ясно: «звезда» наших 2000 лет не есть та же, что «звезда» пяти тысяч лет до нашей эры. «Звезды» — разошлись, «путеводные»; небеса — раздвинулись. Мы этого никогда не замечали; потому что мы над этим никогда не размышляли; «брали

¹ без изменений (лат.).

² в состоянии движения (лат.).

дело, как оно есть». Отсюда, из этой третьей фазы раскрытия темы: «семья как ступень к Богу» — вытекают огромные исторические светы, падающие даже до подножия непонятых пирамид, не разгаданных сфинксов. Таким образом, тема наша волнуется не только на границах философии и религии, но и в центре истории, в точке величайших и никогда надлежаше не понятых ее изломов. Самый «излом» *главнейше* и содержался в захождении прежней «звезды», передвинувшейся под горизонт, в ночное небо, в мир отрицаемых идеалов, какого-то «демонизма» или «княжения мира сего»: что все почти механически совершилось («по меридиану») через поднятие над горизонтом новой звезды, другого идеала, который впрочем сам в себе ничего и не содержит кроме требования: «*ту звезду — под горизонт! в темь! в отрицание! в небытие!*». Две тысячи лет повернулась ось мира, и «открылось все новое», а «старое — все закрылось». И старая история, которую историки только рассказывают, перестала вовсе быть понимаема, сделалась непостижима! *вовсе!! окончательно!!!* Вот в чем вопрос, вот где тоже огромная, но уже историческая философия.

«Все, что было (или казалось) божественно — стало (или показалось) демонично; а что раньше казалось демонично — представилось божественным»: вот очерк перемены, которую уже, беднее, *слабее* и нельзя выразить. Птицы поднялись и перелетели: сидевшие влево — направо, и стали «счастливыми», а сидевшие направо — влево, и стали «несчастными», «несчастно знаменующими». В «Ганне или утопленнице» Гоголя есть рассказ: лунная ночь, девушки-феи играют на берегу озера; все они — дружны, сестры, кровны и любовны. «Кто же будет ловить?» — спрашивают играющие. — «Я», — вызывается одна. Игра продолжается, русалочки-дети порхают, летят. Вдруг одна вскрикнула. «Добрая русалочка», вызвавшая ловить, вдруг «выпустила когти и изловленная почувствовала боль»: а оглянувшись на подругу-изловившую, заметила в прозрачном теле сестрицы темное ядро и воскликнула: «ведьма! это — ведьма!!». У Гоголя это страшно передано: как и все у него странно и страшно; но, подводя параллель к нашей теме, не можем же мы отринуть, что «там — бесы, а не боги», это в самом деле коренное восклицание, главный исторический клич, огласивший города и веси две тысячи лет назад и разделивший мир каким-то недоумением.

«Святыня семьи», «несокрушимый столб — семья», «камень во главу угла цивилизации» — как легко и прямодушно и с восхищением прочтет это каждый! Бедные простецы, бедные мы, две наши тысячи лет! Кровь, семя, тело — без этого нет, не началась, не открылась, не вскрылась семья: что же, значит и семя — святыня? кровь — святыня? тело — святыня, не *in statu quo*, но *in statu agente*? Это уже труднее понять и принять, и, прочитав это, всякий задумается, сморщится, скажет: «дайте подумать». Но я напому ему первые страницы учебных географических атласов: звездное небо, в двух половинах — южное небо, северное небо; звезды — обведены фигурами; вот — «близнецы», там —

«лев»; еще дальше «Персей» и «медведица»; а вот — «дева», и «козерог», и «овен». Остаток ли это астрологии, попавший в наши учебники, или это какой-то неясный намек древних... но только звезды обволóчены, как кости — телом, животными телами. Но ведь завещанный нам намек можно прочесть и «не слева направо», «против солнца», как мы читаем свои шрифты, а «справа налево», «по солнцу» (раскольнические термины), как читали свое письмо семиты: обводя звезды фигурой человекообразных и животноеобразных тел, не хотели ли выразить древние, что «небеса бредят человеком», а «человек бредит небесами», и что, собственно, «обвести звезды фигурой девы» потому и можно, что уже здесь на земле знакомая нам фигура «девы, или тельца, или орла, или льва» обнимает какие-то, параллельные «тем», звезды же, и «те» и «не те». Есть сомнамбула. Она имеет *вторую действительность*, которую мы объективно наблюдаем: идет по крышам, карнизам, над пропастью, не обрываясь, не пугаясь. Не видит, что́ мы видим, и видит, чего мы не видим (у сомнамбул — открыты глаза, и вообще они *не спят* в нашем смысле). Она — в чуде, в чудной действительности; но едва она пробудится от нее — для нее разом пропадает подмеченная объективно нами вторая действительность, и она видит только нашу первую. Но ведь кто знает, нельзя ли так думать, что и наша действительность («первая») есть тоже только хорошо и крепко заснувший сон, от которого мы... перейдем в третью крепость сомнамбулизма со смертью, а родившись — впали в сон от некоей действительности. Сны — во сне, и у снов — опять сны! Точнее — действительность — реальная, сомнамбулическая (ведь сомнамбула — совершает реальные факты, т. е. находится в своей *реальной* же, но только *не нашей* действительности), и в ней — третья степень крепости сна: как ткань *своего плана и устремления*, вотканная в другую ткань другого плана и другого устремления, и опять снова — все это содержится в третьей ткани третьего устремления и третьего плана! Вот узор мира!! Если так, то возможно, что «звезды», настоящие небесные, огромные, чудовищные, и входят, да не одно, а мириадами, в «мое тело», маленькое, временное (временное и вечное), — и обратно «руки», «спина», «главизна» моя облекает, как мясо — кости, далекие звезды, и «медведицу», и «стрельца». При такой-то брезжущейся действительности, на вопрос:

— Что такое семя и кровь и тело?

Можно получить ответ, и даже восклицание, удивление:

— Звезды! звездно!

Небеса обнаруживают — *глубь!* Они — разворачиваются; воронка мысли — уходит туда, и отворачивая один пласт, говорит: «вот — небо»; идет дальше, и заворачивая в другую сторону другой пласт звезд, говорит — «второе небо». Бывает, в пасмурную осеннюю погоду, что облака нижнего пласта несутся, близ земли, к северу, а над ними спокойно движутся к югу другие облака. То же и в «сне во сне», в «сне х-овой глубины», по направлению коего, по правде коего, по *святости*

кого — мы ничего не можем заключить о святости и грехе всех остальных «сновиденных действительностей». Семя есть первая действительность, ибо из точки она вырастает в колос, имеет так сказать сжатие в себе действительности как бы под молотом в миллион пудов веса: ну, оно и есть *первая святость* в мире реальностей, святейшее реальных облаков, звезд, солнца, луны (= «колосья» *выросшие*). Но в мире полного отрицания действительности оно будет, именно как корень реализма — последний грех; «князь мира сего», «бес», «демон». Облака двинутся в разные стороны, и *Аз* одного неба в слое над ним облаков переливается как *Омега*. «Демоны» — вправо, «боги» влево — это «отсюда» если смотреть; а если «оттуда»: где были демоны — суть боги, где боги — суть демоны. Никто не оспорит, что зерно пшеницы есть благо; и мысль, и мудрость, и правда. Но о семени человека — всякий задумается в нашем «спиритуалистическом небе»; однако в мире-то, в космосе-то, во вселенной — уж конечно семя человека выше зерна пшеницы: и если добро и благо и мудро оно, семя человека — свято! И притом — не *in statu quo*, а *in statu agente*.

Ряд статей здесь и ограничивает спиритуализм (как алгебраизм) спиритуализмом же семенно-кровно-телесным; священным небом, откуда ниспал глагол: «не убий!», вовсе не понятный в мире алгебраического спиритуализма! Св. Филипп некогда воскликнул Грозному: «о, государь! мы здесь приносим *бескровную* жертву, а за стенами храма сего *льется кровь* христианская». Символ тысячелетий! Едва свернулись «живые», «живущие» (животные) небеса, старое астрологическое небо: как кровь почувствовалась «аки вода» и льется же «аки вода»; и семя почувствовалось «как скверна» и стало искать себе скверных помещений (проституция, идея проституции, метафизический ее корень). Святой хлеб — на стол! заплесневелая корка — под стол: логика, из круга коей не вырвется ни смертный, ни бессмертные! Если семя есть скверна, то дом терпимости становится «во главу угла цивилизации»; смертная казнь, как наказание, и война, как хроника жизни народной — во «главу» же «угла». Вот некоторые контуры нашей цивилизации, которые намечаются и прямо падают — как дождь — реально, неизбежно, из «неба спиритуализма»; а кротость, боязнь пролить кровь, священные жертвоприношения, священный тип семьи и всеобщая малограмотность, как и игрушечные войны, прерывавшие вечный мир — суть контуры «неба кровавого», с «тельцом», «девою», «козерогом» — у египтян, вавилонян, частью — евреев, полузабыто — у греков. Кровавы небеса — мирна земля, «золотой сатурнов век» на ней; водянисты небеса, «чисты», «духовны» — кровава земля, и гнездятся в ней Крупн, Мольтке. Да, Мольтке — есть член «исповедания» цивилизации! Он такой же «Аз» уже 2000 лет, как кроткая Руфь есть «Аз» в дочерях Моава, внука Лота. Мы все рассматриваем это как случай, как арабски разных цивилизаций; но это — *логика* цивилизаций, последовательное и *неодолимое* развертывание «разных небес». Вода в небе — кровь на земле; кровь в небе

(не бойтесь — не пролитая, не от зареза, а живая, налившая собою небеса, как молоко наливает грудь кормящей матери), и на земле — ручьи и реки и пастбища и «древо жизни» первой невинности...

Тему свою я могу считать уже привившеюся, уже начавшею действовать. Мысль моя, чаяния, вздохи, идеал — пролить на землю кротость; не ту кротость, которая на языке и обманывает, а которая в сердце, слов для себя не имеет, а сказывается кротким обращением, кроткими поступками, кроткими законами; которую просто *не умеет нарушить человек*. Но я заговорил о *принятости* моей темы. «Полемиические матерьялы», здесь включенные, тонут как объемом, так и значительностью своею, в той, теперь уже обширной полемике, которая захватила в себя и светскую и духовную печать. Нельзя более говорить, что тема эта более неизвестна русскому обществу, что она пробирается где-то «в темноте», крадется «около стенки». Так можно было еще говорить в 1901, 1902 году. Но теперь эти речи поздны. Пока моя тема была непонята — она вызывала ярость к себе; такова о ней обширная критическая статья проф. *А. Заозерского* («Странный ревнитель святыни семейного очага», в «Богословском Вестнике» за 1902 г., январь). Сравните ее с тоном статьи проф. *П. П. Кудрявцева* («К вопросу об отношении христианства к язычеству; по поводу современных толков о браке», в «Трудах Киевской духовной академии», 1903 г., февраль) — и вы увидите, до чего *за один год* изменилось отношение общества к поставленному трудному вопросу: речь проф. Кудрявцева спокойна, философична, ни в общем, ни в частностях ко мне не враждебна, и скорей даже благоприятна. Прозревается и в язычестве зачаток истины, притом не имеющей когда-либо умереть: в профессоре духовной академии — это такой шаг вперед, о каком еще недавно нельзя было даже мечтать. Язычество ранее казалось убитым, похороненным, никогда даже основательно не существовавшим; просто — умолкнувшею ошибкою; но теперь — какой тон!.. «Как видно, вопрос об отношении христианства к язычеству, весьма важный в научно-теоретическом отношении, получил в наше время глубоко жизненный, практический интерес; вследствие чего всякие рассуждения по этому вопросу нельзя, кажется, причислить к категории размышлений не ко времени. Попытаемся же». И т. д. (*П. П. Кудрявцев*).

Почти сильнее еще этого выражается свящ. Иоанн Филевский в статье: «Об отношении к жизни и смерти в язычестве и христианстве»: «Вопрос об отношении язычества к христианству и наоборот — вновь выдвигается, как средостение брани, на первый план в нашей текущей литературе. Лица из светских писателей (следует перечень) и из духовных (опять перечень) — воспламененно заговорили о том, какая существенная разница между древнеязыческим и новохристианским мирами, между религиозными верованиями язычников и религиозными идеалами

истинного христианства. Это — не вопрос моды и не случайная тема, легко уловляемая любовью к литературной славе, а *вопрос самой жизни современного общества*. Самый характер литературного стремления к этому вопросу лучших писателей и мыслителей нашего времени и самое особое разрешение его говорить за величие этого вопроса, за огромную важность его. Много есть причин живого интереса к этой теме. С одной стороны, усиленное развитие языческих стремлений в нашем обществе, в новой политике, в искусстве, в философии, в жизни; с другой — большое недовольство этими самыми идеалами и строгое их обличение, осуждение. Видимо, *идет глубокое течение, совершается с мучительными усилиями великая перемена в судьбах современной европейской цивилизации, и наша переходная эпоха гневно обнаруживает религиозно-философскую тенденцию подвести итоги всей протекшей жизни человечества и разрешить собравшиеся на поверхности общественного самосознания религиозные сомнения, разочарования, тревоги, ожидания...* Трудно разобраться в огромной массе философско-литературной работы, и работы самой упорной и самой серьезной, обнаруженной нашими писателями и «за» и «против» язычества, и «за» и «против» христианства». И т. д.

В самом деле, впервые из споров о *тончайших деталях брака, о сумме тончайших наших воззрений и тончайших наших отношений к этим деталям* — вскрывается, из глубокой могилы, подлинный метафизический корень так называемого «язычества»; и становится понятно, *что* именно содержалось в нем и как это содержимое потом обволоклось «мифами» (= иносказаниями), туманом (все закрывшим от понимания историков). Пересказывая «мифы», ученые не могли не сказать: «да это — просто вздор», «ни Зевса, ни Юноны, ни Афродиты или Марса — так же никогда *не было*, как и сюжетов сказок Андерсена». Но сбоку, из иной области встал, в сущности, *практический вопрос*: «Ну, а как же, в конце концов, должно происходить супружеское сближение: в опьянении, весельи, как *шутка*, как *удовольствие?*» И вдруг, из вопроса этого, сквозь туманы *сложнейшего* этого недоумения, просунули как живые (да и точно живые!!) головы свои и древняя Артемида «вечно девственная», и Юнона — «мать брачущихся», и Афродита — «сама» брачущаяся, и старый Zeus помавающий бровями; и Веста, и нимфы, шум лесов и влага вод, как *живые, одухотворенные...* Ибо ответ на поставленный вопрос, практический, и не мог не быть, как следующий *новый и неожиданный* для нас: «Свински всегда мы это совершали, по-животному, да и хуже чем животные: ни *тайны* у нас, ни *молчания* об этом не было; съездили в оперетку, вернулись домой, и как были возбуждены, да и силы накопились — то и *соединились*». Это специальное проституционное действие, пусть и совершаемое в семье, в браке: в этот момент, в эти 5—6 минут, каждая супруга и всякий супруг нисходил до проститутки, до проститута — *без всякого различия*. «Возбуждение, удовольствие»: в этом круге вращается и проституция; и половые отношения, иначе как

в этом же круге («возбуждение, удовольствие») никогда и нигде не происходят в семье. «Умерла *Афродита!*» (по древним воззрениям — *плюс* религиозный, «положительное», «хорошее», ибо наречено было «богом», т. е. «идеалом»): вот вопль, ответно раздавшийся при воззрении на гнусное ложе проститутки. Умер идеал, идеальное, *серьезное*; умер тут «дух» (= «бог» древних): вот разгадка! И самые скромные, самые тихие, самые смиренные стали восклицать: «да дайте сюда *Афродиту*» (= «идеал»); а задумывающиеся прибавили: «не все в древности было ложью: есть в ней неразрушимые религиозные части, без которых мы умерли бы».

Но я увлекся. Вернусь к литературному развитию темы. Тот же 1903 год принес, одну за другою, брошюры: «О нравственном достоинстве девства и брака по учению Православной церкви» священника *Д. Якшича* (Спб., 1903), «О разводе; речь, произнесенная в день торжественного собрания Императорского Харьковского университета 17 января 1903 г.» проф. *Загурским* (Харьков, 1903 г.); и наконец «Слово в день зачатия св. Иоанна Предтечи. Зачатие и беременность в отношении к наследственности» протоиерея *А. Ковальницкого* (Варшава, 1903), — которые с разных сторон, *но уже все благоприятно*, трактуют эту же тему. Нужно заметить, практические в нашей теме стороны, разные механизмы к оздоровленью семьи, вроде развода по соизволению самих супругов, или как это же соизволение в качестве достаточного основания и достаточной санкции брака — не менее важны, чем теоретические. Доброе наше духовенство, сперва отшатнувшееся от темы, затем в следующий момент тем фундаментальнее признало ее важность, ее основательность: и именно духовные-то ряды, — живо помнящее страницы Библии, и дадут, думаю, лучших работников на этой ниве. Светские слишком «по-светски» все чувствуют, все понимают: читайте в этой книге «полемику» *Шарапова*, — и вы увидите, что в светском человеке, в противоположность духовному лицу, тема возбуждает одно бессмысленное гоготанье. С *Шараповым*, экономистом, публицистом — невозможно говорить о «метафизическом корне» язычества; с *П. П. Кудрявцевым*, с свящ. *А. Ковальницким*, *А. Устьянским*, оказывается — можно! Древний «Пан» (аллегория *живой природы, святой природы*) меньше умер в духовенстве, больше умер — в светских (атеистических совсем) слоях.

Вот одно, тоже из важных и неожиданных, открытий, к каким косвенно повела наша тема.

Однажды в дождливый день, летом, верст 10 за Териоками, вышел я на берег моря; впрочем, не я один, а шла нас целая группа. Проклиная погоду, повертывали мы назад, как вдруг открылось зрелище, и расшемившее нас, и умилившее. Прямо около воды (моря) стоял уже старый священник, в нанковом подряснике, расставив широко ноги и распустив громадный (дождевой) зонтик. Шел дождь, но он с такой любовью смотрел на гладь моря, рябившего под каплями дождя, что

вовсе не замечал так смутившей нас мокроты и грязи. К вечеру мы узнали от познакомившегося с нами, на даче, священника, уже отца 20-летней дочери (т. е. очень не молодого): «это — мой тесть. До того любит *воду*, что не оторвется от ее зрелища. Живет в Вятской губернии, ко мне приехал погостить — и теперь все уходит к морю, просто — смотрит, и ничего больше!». Вот это я и называю «пантеизмом», не литературным (пошлым), а живым, «в костях и плоти», деятельным, прекрасным, вечным. Как молода и *древня* была душа этого священника на седьмом десятке лет, который торопливо-торопливо стал перед *лицом* «θαλασσις»; и смотрелись они друг в друга, как любовники, как ангелы (= добрые существа): ибо верно, что и море *смотрело* на него и показывало ему красоту свою, ему — тонкому ценителю!!

В духовенстве нашем — неизмеримые силы. Это — люди старой (древле, издревле уже сложившейся) культуры: а этим сказано все.

И около старика сейчас хочется вспомнить ребенка. Года за четыре до этого, в подобную же дождливую погоду — помню я, каждое утро взор мой останавливался на своей 3-х летней старшей дочке: дождь идет, а она «пережидает» его под сосенкой, и тоже под сосенкой-ребенком (маленькой): «Что жс ты ждешь под дождем? иди сюда» (на балкон, к чаю). — «А я, папа, бабку» (=гриб), т. е. пойду искать.

Все — пантеизм, «езде — боги», в скромном и малом, в непритязательном и тихом признании, что «Бог везде живет», «езде — Сый»: что все *благо* и *свято*, куда ни обратишь взор.

Читатель видит, что в таком язычестве ничего нет пугающего; и между тем оно более живо, а до известной степени и более грозно, чем какое пробовали реабилитировать люди «Возрождения», откапывающие из земли мраморных Аполлонов и Венер. То было почти литературной шуткой; теперь оно «в самом деле», «воочию», как приведенный Вий у Гоголя: сам железный, и повисла земля на пальцах. В этом добром, мягком, *благодушном* виде язычество готово к каким угодно спорам. Слияние с язычеством безнравственного (жестокого и развратного) было одною из самых бесчеловечных ошибок Renaissance'a, совершенно *повторявшего* клеветы II—III—IV веков нашей эры. Будьте уверены, вслед *злого* человечество никогда не пойдет; тут встречается такое *первоначальное* нашей природы, против которого было бы напрасным усилием бороться. Поэтому начать «с попытками возродить язычество» сливать «оправдание дурного в себе» — значит, приобретая себе весьма дурную репутацию, в то же время вколачивать осиновый кол и в могилу язычества. Так поступали полемисты II—III века: и их имели несчастье безумно повторить «гуманисты» XIV—XV в. «Они безнравственны *были*: потому что были язычники», — говорили первые; «мы безнравственны потому, что *в нас* возрождается язычество». Все это далеко от кроткой Весты, от тихих Лар; от Катона и Порции, соединивших дружественно руки — изваяние коих, как символ, ставилось на могилах доблестных супругов.

Далеко это от «плача Ярославны» в «Слове о полку Игореве»; от 20-летнего ожидания Пенелопею мужа своего; от поисков, в лесу, в страхе, среди опасностей, благородною Дамаянти легкомысленного и несчастного своего мужа. Вот жемчужины язычества; а пороки людей XIV—XV вв. были только пороки (скрываемые) мрачного средневековья, вдруг заговорившие вслух.

Нет прекрасного «без Бога». А язычество, от Индии, Ирана, до Рима, галлов, славян, несомненно было во многом прекрасно, в некотором и иногда — исключительно прекрасно¹.

Сверх указанных статей, относящихся к нашей теме, мы должны назвать: «О христианском браке. По поводу современных толков в печати о браке и безбрачии» г. Л. И. («Богословский вестник», 1900 г.), «Вопрос о браке в светской печати» А. Полозова («Вера и церковь», 1899 г., декабрь), «О вопросах, связанных с христианским браком» проф. Бронзова; иеромонаха о. Михаила: «О задачах церковного права. Вступительная лекция по церковному праву в С.-Петербургской Духовной академии» («Христианское чтение», 1901 г.), «Психология таинств. О браке» (в «Миссионерском обозрении»), «В поисках Лица Христова» (там же) и пр.; «Письма о русском богословии» П. Никольского

---

¹ В пространных статьях своих: «Идея царства Божия» протоиерей П. Я. Светлов так говорит об язычестве: «Итак, язычники включаются в состав царства Божия, ибо ищущие царства Божия иногда даже предваряют самих сынов царствия. Таково решение вопроса на основании слова Божия; а что говорит нам действительность? Она говорит нам, что язычники со своей стороны, в меру сил своих, служили и работали для царства Божия. Греция, напр., завещала последующему времени образованность, философию, которая дала готовые рамки для христианского просвещения; самый же язык греческий послужил гибким орудием для выражения высоких христианских идей. Римляне, стремившиеся только к расширению своей территории, невольно служили царству Божию: политическим объединением мира под своею властью они проложили пути к быстрому, беспрепятственному распространению Евангелия по всему миру и нравственному объединению людей. Нельзя отрицать и того, что римляне завещали последующему времени основу земной гражданственности, справедливости или так называемого государственного права, лежащего в основе европейского права. Таким образом язычники не были вне царства Божия: насколько могли, они ошупью, так сказать, шли к Богу; искание Бога, правды было высшей целью до-христианской эпохи. Все подобные мысли заключаются в речи ап. Павла перед собранием афинян в ареопаге, этом культурном центре древнего мира (Деян. XVII, 22—31). В этой речи ап. Павел признает прежде всего за афинянами большую религиозность, которая видна из того, что улицы этого города усеяны множеством храмов: заявляет, что *и они чтут того же самого Бога, какого проповедует он*, но только для них этот Бог является неведомым; и далее: «От одной крови Он произвел весь род человеческий, для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли; хотя Он и недалеко от каждого из нас; ибо мы Им живем, и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род» (Деян. XVII, 26—28). Очевидно, что по смыслу этих слов и язычество включается в состав царства Божия. *Язычество не есть царство сатаны, оно живет в том же царстве Бога, который действует всюду!*» Так пишет православный русский священник и в лучшем нашем богословском журнале. Как должен устыдиться, прочтя эти слова, г. М. Меньшиков, который, на минуту прикинувшись Аскоченским, в распространеннейшей газете русской кричал, указывая на благороднейшего священника А. П. Уского (коего письма в этой книге напечатаны), высказавшего на язычество этот же самый взгляд, что де это «поп-декадент», «сумасшедший», «преступник», который не может стоять у алтаря той церкви, в которой он, Меньшиков, Богу молится. И пришлось употребить величайшие усилия целой группе людей, чтобы этого доброго и умного священника «не убрали» по крикам либерального публициста и «гуманиста». Между тем взгляд о. Уского, как и о. П. Я. Светлова, есть только взгляд образованного человека.

(в «Православном Путеводителе», в трех книжках за 1903 г.), «К вопросу о браке и безбрачии» А. Брянцева («Вера и церковь», 1903 г.), «Отношение Ветхого Завета к браку и девству» А. Переверзева («Христианское чтение», 1903 г.), «О сущности христианского брака» проф. Барсова («Христианское чтение», 1903 г.).— Но все эти труды представляют собою лишь некоторое шевеление мысли, довольно тусклое и вялое, и они не сообщили бы теме общерусского, национального и государственного интереса, если бы не «принял к сердцу» эту же тему «огонь нашего времени», Д. С. Мережковский, в громадном двутомном труде, к тому же имевшем быстрый и влиятельный успех (вышло уже три издания, менее чем в три года): «Гр. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество, религия» (Спб., 1902—1903 гг.). В нем он связал ход русской литературы и конечные задачи, перед которыми она остановилась, с взаимным и притяжением и отталкиванием миров христианского и дохристианского, и в самом христианстве — его частей исторических и уже отживших с частями «грядущими», апокалиптическими; причем пунктом разделения между ними является отрицательное или утвердительное отношение к полу, «плоти» (его термин), «миру» и «мирскому» (термин церкви). Труд этот, в обширных полосах своих классически написанный и представивший многие тезисы в ослепительно понятной форме, поставил «духовное» наше «слово» перед всеми трудностями как бы вторично совершающегося «Возрождения» или древней «эллино-апостольской» распри. Точно вновь апостол Павел говорит перед Афинами, среди афинян; но уже афиняне что-то пережили, «сойдя в Аид» двутысячелетней смерти, и смотрят теперь на провозвестника новых откровений глазами такой глубины, познания, грусти, упрека и трагедии, каких при жизни у них не было. То было детство: теперь явилась философия детства. И она умеет защитить детство, как детство само себя защитить не умеет, не умело.

Но томы все же суть томы; для читателя — это путешествие. Г-н *Гатчинский Отшельник* в двух статьях «Мира искусства» за этот 1903 г.: «Нагота рая» (№№ 3 и 4) и «Нагота на выставках» дал нам посмотреть на тот же путь как бы из окна высокой башни: окинуть разом и извивы дорожки, и всю громаду пространства, среди которого она вьется. «И показал Ему в мгновение времени все царства земли», как сказано вечным евангельским словом о таких мимолетных и точных обзорах. Мы с удовольствием окончили бы это «введение» обширными выписками из двух названных статей: но, по существу, это уже тема не книги «В мире неясного и нерешенного», а другой, за нею следующей, и которую, быть может, за наступающею старостью, мне не придется написать, или, точнее, опять же искусно составить из ранее написанного. Ибо из одной темы вытекает следующая; и их не следует путать.

Названные труды г. *Гатчинского Отшельника* и Д. С. Мережковского конечно могли бы появиться и вне темы настоящей книги; но, поистине, они были бы, во-первых, непонятны, явились бы афоризмами

неизданной книги; а, во-вторых, и *самое главное* — они были бы явлениями литературными, «Фаустовщиною», а не подлинной «историей с Фаустом», которая произошла и вдохновила Гете. И *Мережковский* и *Гатчинский Отшельник* взяли честь и миссию Гете; но была когда-то «подлинная история», в таком-то «средневековом городишке», с пуделем, с ученым, с Мефистофилом и пр., с *надеждами и гибелью подлинного человека*, — которая, конечно, могла пройти для мира и не замеченною, особенно без вдохновения Гете; но уже так Господь Бог устраивает мир, что если в «подлинной истории» содержится некоторое ценное зерно, то раньше или позже она докатится до своего Гете... Все темы настоящей книги подняты из *пыли действительности*; в них трактуется *действительность*: 1) как она есть и 2) как должна быть. Это-то и насыщает практицизмом и реализмом «мифы» (в добром смысле, без насмешки) *Мережковского* и *Гатчинского Отшельника*. Да чем схематизировать, я лучше приведу отрывок, — и отрывок из того, что просто ближе, что сейчас лежит под рукой:

«Нагота на выставках. К итогам нынешнего художественного сезона. Изображение нагого человеческого тела давно выделилось на Западе в особую рубрику, обозначаемую на языке тамошних выставок термином «le nue». «Правдивый, свободный и могучий» русский язык различает в понятии «le nue»: 1) голизну, 2) наготу. Нагота возвышенна. Голизна низка. Нагота академична, классична. Голизна повседневна, реальна. Нагота целомудренна, возвышенна; она возводит ум и чувство к премирному, горнему, потустороннему, ноуменальному. Голизна неприлична, соблазнительна, и в Германии и в Англии преследуется судом. Нагота обладает самодовлеющею ценностью красоты. Можно без конца упиваться красотой заката или восхода солнца, и можно без конца упиваться красотой Венеры Капитолийской или Луврской. Тут и там объектом созерцания служит некоторый шедевр Верховного Художника — природа в ее неискаженном величии или человек в его нерастленной красоте. Голизна презренна, оскорбительна, низка, и с точки зрения эстетики совершенно неинтересна, не потому, что она *фотографирует* величайший шедевр Верховного Художника, а потому, что она главным образом подчеркивает ужасающий *позор* человеческой природы после грехопадения, ее ущерб, изнеможенье... Оскорбительна *порча* несравненного шедевра, безнравственно то, что совершенно непримиримо с элементарными требованиями эстетики. Следовательно, если бы в условиях нашей реальной жизни открылась нагота, способная удовлетворить эстетику — *eo ipso*¹, она украсилась бы венцом целомудрия, стала бы достойною Божества — Неба². Скажу сильнее: в ресурсах живописи и *нет* другого способа вознести реализм жизни к недостижимым высотам премирного, как только изображением нагого человеческого тела! Поразительно, почти чудесно по таинственной загадочнос-

¹ вследствие этого (лат.).

² На этом основано в католической церкви введение полунагих, даже иногда совершенно нагих, фигур внутрь храма (статуи, живопись), что несколько не *оскорбляет* зрителя и не *развращает* его. См. даже в Петербурге в церкви св. Екатерины, на Невском проспекте, мраморные статуи ангелов, сидящих на полусрезаных архитектурных выступов; нагота нижней части их тела — *вне темы художества* — и *вне темы исторической правды*; но, очевидно, входит частью в *религиозную тему*. На этом же было основано особое устройство одежды священников в Ветхозаветном храме: она прикрывала их до колена, приблизительно; но ни *обуви*, ни *нижнего белья* в составе *полно исчисленных* одежд их не упоминается.

ти — но так. Доказательство — *детская нагота*. Она оказывается приятной, хотя бы и в условиях протокольного реализма, для эстетики: — и вот нельзя помыслить мифологический сюжет, т. е. все-таки религиозную тему, без наготы ребенка (купидоны, амурь). То же относительно наших христианских религиозных тем: как только заходит речь о сюжете премирного ноуменального характера, будьте уверены, что художник не обойдется без наготы ребенка: ангелы, Иоанн Креститель, Предвечный Младенец — нагота необходима!

Только ли одной *детскою наготою* исчерпывается эстетически приемлемое в условиях добросовестного реализма жизни? Это огромный вопрос! Это колоссальная проблема будущего... Известно, каким образом пытался разрешить эту проблему Микель-Анджело в своей картине Страшного Суда... Известно, как благочестие того времени, в лице папы, отнеслось к смелой, но, позволительно думать, *глубоко религиозной* попытке великого мастера Возрождения... Позволительно, однако, думать, что «дело» Микель-Анджело ждет его пересвершения... Догмат папской непогрешимости и в области эстетики еще не провозглашен, да и вряд ли когда будет провозглашен... Не неподвижно в вечной игре исторического прибоа и отбоа и христианское благочестие... Возможны иные точки зрения на гениальное новаторство Микель-Анджело... Не невозможны кажутся нам неожиданные прозрения в намеченной им проблеме... Разумеется, нужен некоторый подвиг и со стороны гг. художников» («Хроника Мира искусств», 1903 г., № 9, стр. 89—90).

Прекрасная страница. *По поводу чего* она написана? По поводу, главным образом, Всемирной фотографической выставки в Спб. в минувший 1903 год. О чем трактует? О *грехопадении*, тьмах *падшего* и *возрожденного* человека, темах (теоретически) апокалиптических, темах (исторически) хлыстовских... Ибо и мужики наши, по-мужичьи, потрудились (конечно, элементарно и грубо), в знаменитой этой секте, над этой темой, заданной себе автором, об «*le pie*» в искусстве, в жизни, в религии, *до* грехопадения и *после* него. Кожа, кожа человека!.. Сколько раз о ней я думал... «Это — *нервная сыпь*; полечим нервы и сыпь исчезнет», — говорил раз доктор, когда я растерянно, изумленно его слушал, и прописывал от мелких волдырьков *на теле* (у подростка) *cali bromati* — *внутри!*.. «Нервная сыпь»... Значит, *кожа* человека не есть футляр кожаный на нем; не есть замшевый кошелек, в который положено золото-душа; наоборот, душа-то именно, «золото» внутреннее, как бы истончаясь в нити, завернулось на человеке и вдруг покрыло его, именно *душою* *покрыло*, снаружи: как некогда Вулкан покрыл сетью Венеру и Марса. Вот отчего «кожа» — начало эстетики человека, да и весь *путь* ее: и без кожи — ни привязанности, ни влюбления, ни любви представить вовсе нельзя! — даже *не было бы* их наверное! Еще замечание: чем орган *важнее* — тем многозначительнее его заболевания; но *рак*, это болезнь кожи — из самых страшных, даже самая страшная, и вместе она до сих пор не разгадана в происхождении и существе своем. Ногти, волосы почти не болят! Глупые части, как желудок, кишки, если они не болят *кожею* (рак же), вообще ничтожно болят! Но сердце, но легкие — *тяжко* болят! и подобным же образом болеет *кожа!* В коже, таким

образом, этом эстетическом начале человека, скрыт вместе важнейший центр *жизни* его, один из немногих «корней жизни»... Мы влюбляемся, таким образом, через созерцание кожи — между прочим и по силе скрытого в ней «корня жизни». Влюбленность, такой эстетический момент, есть, ведь, вместе и центрально биологический! Мы любим красоту и *силу жизни* в коже; да наконец, как говорит *Гатчинский Отшельник*, любим в ней и «премирное»... Но я увлекся. Приведенная прекрасная страница таким нужным «листочком» входит в настоящую книгу; *после* ее чтения как понятны стали, сами собою вытекли мысли этой страницы; и хотя конечно они могли появиться вне текста этой книги, но тогда были бы непонятным афоризмом: ибо «грех и кожа» — этот вопрос уже есть следствие вопроса о «грехе и семени»...

А через вопрос о «грехе и коже» поднимается вопрос обо всем эллинском искусстве, его *попытках и гаданиях*, его истине и наконец *грехе* или *святости*; да появляется прозрение и на законы Моисеевы: «если заметил пятно на *коже* своей — то явись к *священнику*, и пусть он осмотрит и (таким-то *религиозным ритуалом*) *очистит* тебя». Итак, вопрос о «коже и грехе» двумя расходящимися лестницами ведет — к фронтоу Парфенона, и во двор Скинии Моисеевой, где полунагие, полуодетые священники торопливо и деловито осматривают несчастных прокаженных. И молились о них. И очищали их. И приносили Богу жертвы «очистительные». Ибо небеса были еще не водянисты; но, как грудь кормилицы, как вымя возвращающейся в вечер с луга коровы полно молоком, — так и они наполнены были «кровями, кровями рождения» (Иезекииль, XVI).

Кончу философию. Цель моя столь же практическая, как и теоретическая. И в ряде писем, приложенных в конце книги и которые составляют добавление к тексту ее первого издания, читатель увидит, что книгу эту читали не одни философы, но и простые смертные. И в них она сказала простым и самым дорогим для меня фактом: наклоном к сложению *благочестивой семьи*.

Вот им-то, благочестивым русским отцам семейств, благочестивым русским матерям, и чистому порождению их «двух в плоть едину» — детям, я и посвящаю этот труд. Ради их более всего он был предпринят. Пусть читают его внимательнее, вдумываются; и пусть приносят, как Иезекииль говорит (гл. XVI): «дары Господни, елей, пшеницу и мед на Престол Славы Его, в благоприятное благоухание жертвы» (гл. XVI)... И да цветет здоровьем, в основе всего телесным (кожным, кровяным, нервным), а по связи с ним и душевным — добрый и великий русский народ.

Спб., 1904 г., январь

ИЗ ЗАГАДОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

I

Есть удивительные стихи у Гейне:

Кто разрешит мне, что тайна от века
В чем состоит существо человека?
Кто он? откуда? куда он идет?
Кто там вверху над звездами живет?

И далее, поэт продолжает, как бы озираясь на историю:

Головы в иероглифных кидарах,
Головы в черных беретах, в чалмах,
Головы в шлемах и папских тиарах
Бились над этим вопросом в слезах.

Все инстинктивно чувствуют, что загадка *бытия* есть собственно загадка *рождающегося бытия*; т. е. что это есть загадка *рождающего пола*. Что такое пол? что такое половое?

Прежде всего — точка, покрытая темнотой и ужасом; красотой и отвращением; точка, которую мы даже не смеем назвать по имени, и в специальных книгах употребляем термины латинского, т. е. мертвого, не ощущаемого нами с живостью языка. Удивительный инстинкт; удивительно это чувство, с которым у человека «прилипает язык к гортани», он «не находит слов», не «смеет» говорить, как только подходит к корню и основанию бытия в себе. Мы упомянули об ужасе, окружающем пол: вспомним ошибку Эдипа и ужас, с которым он выколол себе глаза; еще такого особенного страха, до глубины его потрясающего, человек не испытывает никогда, как при подобных ошибках, в утилитарном смысле почти безразличных. Наша одежда есть только развитие половых покровов; удивительны в одежде две черты, две тенденции, два борения: одежда *прикрывает* — такова ее мысль; но она еще *выявляет*, обозначает, указывает, украшает — и опять именно пол. Тенденция скрыться, убежать, и тенденция выявиться и покорить себе, удивительно сочетается в ней, и собственно обе эти тенденции сочетаются уже в поле. То, что мы именуем в себе половой «стыдливостью», есть как бы психологическое продолжение одежды: мы «стыдливо» затаиваемся

в поле, и тем глубже, чем сильнее он выражен, чем деятельнее. Ребенок, т. е. в ком пол скрыт, не выявлен, объективно не действует — не знает стыда. Но наравне с этим страхом быть *увиденным*, раскрыться перед *другим*, замечательна столь же мучительная жажда пола — *раскрыться*, притянуть *к себе* и показать *себя*. Девушка, целомудренно вспыхивающая при взгляде на нее, не захотела бы жить в ту секунду, когда узнала бы, что никогда более никто, до могилы, на нее уже не взглянет. Тогда она захотела бы лечь в эту могилу; но почему? Что за сочетание жажды остаться непременно тайною, но с мучительнейшею надеждой, жаждой, чаянием, что кто-то некогда сорвет и разорвет эту тайну?

II

Борьба этих двух усилий играет на стыдящемся и прекрасном лице девушки. Вот еще загадка: Что такое *лицо*? Что за странность, что тело наше имеет не только *части*, не одни *органы*, как подобало бы организму, но еще имеет нечто необыкновенное, непостижимое, крайне мало в утилитарном смысле нужное, что мы именуем в себе и даже именуем в мире *лицом*, *личностью*? Да что такое *лицо* в нас?! Никто не разобрал. Точка, где тело начинает «говорить», к которой и сами мы говорим, «обращаемся»; точка, где прерывается немота, откуда прорывается глагол; где начинается *особливость* и оканчивается безразличие. В фигуре человека есть части, линии, плоскости большей глухоты и тупости, меньшей выразительности — средняя часть голени, средняя часть предплечья; но уже *локоть* и *плечо*, также чрезвычайно еще тупые, уже начинают что-то или хотят что-то сказать. Вот — начало лица; намек к нему. Но у человека, кроме лица, какое мы знаем, есть полные в очерке, хотя эмбриональные по степени развития лица — *кисть* руки и *ступня* ноги. Одна и другая представляют точки, очень отдаленные, откинутые от главной массы тела; и, как бы выйдя из-под зависимости ему, они несколько развились. В кисти руки есть явно *затылочная*, покрытая легким пушком, часть, и *личная*, лицо — ладонь, голая. Будем внимательны в наблюдениях и не глухи к мелочам человеческих инстинктов: приветствуя — мы касаемся рукою руки и не дотрагиваемся, но прикладываем ладонь к ладони, которые сжимают одна другую. Образовалась *фразировка* рукопожатий, без придумывания, *сама собой*: руки — ласкаются. Холодно, из почтительности целуя руку — мы ее целуем в глухую *затылочную* часть (верхнюю, с пушком); но, поразительно, что в неге и страсти — мы повертываем ее, довольно неудобно для нее — и целуем в лицо, в ладонь, где сплетаются таинственные линии, задатки черт лица. В минуту особо горячей молитвы мы почему-то «воздеваем руки»; руки кого-то *ищут*, *тянутся* к кому-то; и, станем следить, до чего это любопытно: мы обе кисти рук повертываем ладонями к образу, св. Лику; т. е. мы *становимся* на молитву всеми в себе лицами (священник во время Херувимской песни). Как ладонь есть

эмбрион лица, так и эмбрион какой-то автономной души есть в ней. Она имеет свою память, независимую от головной памяти; на этом основана игра виртуозов, эти брызги движений, вызывающие брызги звуков, — движений, не уследимых глазом и уже, конечно, не следующих за отчетливым сознанием, на которую клавишу нужно в эту и ту секунду положить палец. Кисть руки имеет почерк, т. е. *характер*, манеру, тоже едва ли рационально объяснимую. Но и более того, в ней есть еще творческий талант. Известно в истории живописи, что некоторые знаменитые картины были закончены и получили глубочайшую выразительность, особенную таинственную красоту, через несколько совершенно безотчетных, торопливых, молниеносных мазков кисти: «он, быстро подойдя», иногда — «подбежав к оконченному уже полотну, что-то непонятное себе сделал кистью — и в картине загорелась жизнь» — эти, или очень близкие к этим словам мы читаем местами в истории живописи. Танец есть жизнь, поэзия, узор бытия, в котором выражается другое, еще более тусклое и зачаточное лицо в человеке — «ступня» ноги. Тоже какие-то бледные линии (на подошве); *своя* у каждой походка; *фразировка* — танца; гений танца — как мазурка. «Он так притопывал каблуками» (в «Тарасе Бульбе»). Но это — эмбрионы лиц; перейдем к полному.

III

Есть лица *мужские* и *женские*, но нет лиц «математических» и «филологических». Я хочу сказать, что строение лица не обусловлено вовсе предметами и характером теоретической деятельности человека, как можно было бы ожидать по его положению и казалось бы тесной зависимости от головного мозга; но есть что-то в нем, указывающее на зависимость его от пола, текучесть из пола. Есть лица отроческие, юношеские, мужские, старческие; но и отрочество, и юность, и мужество, и старость суть *стадии в жизни* пола, его утренняя дремота, поздний сон, его день и зной полудня. Нет вовсе «музыкальных» и «живописных» лиц, но есть «целомудренные» и «развратные»: очевидно, что лицо есть отсвет пола, его далеко отброшенное, но точное и собранное, сосредоточенное устремление. Вот отчего любовь, т. е. бесспорно и исключительно половое чувство, начинается с взгляда на лицо, завязывается с лицом, пробуждается к лицу, вспыхивает при взгляде на лицо. Лицо в игре своей, выразительности, бесспорной и высокой одухотворенности есть как бы гуттенбергов набор, на который переведен смысл темных иероглифов, в которых выражено вовсе, по-видимому, не одухотворенное сложение материнства и «отчества». Маленькая литературная иллюстрация: Лев Толстой, столь гениальный в психическом анализе, собственно везде дает нам психологию возраста и пола; например, нарисовав столько поразительно жизненных фигур — Наташа, Соня, кн. Марья в «Войне и мире», Долли, Китти, Анна, Варенька в «Анне Карениной» —

он даже не упоминает ни об одной из них, была ли она чему-нибудь выучена. Так сказать «филологические» и «математические» черты в лице человеческом у него вовсе отсутствуют; но вся полнота выражения лица сохранилась при этом, и, много выиграв в жизненности, они ничего не утратили в осмысленности.

Остановимся, однако, на частностях дешифрирования пола в лице, и возьмем цветок, где нам все становится «сказуемее»: его благоухание передано в лице как обоняние; то, что течет с него сладостью нектара — в лице развито во вкус; его окрашенность, рисунок здесь перевелись зрением. Остается слух... но кто же не понимает, что пол есть пульсация, есть древнейший в природе ритм. Кто не отметит, что стих становится труден для стареющих, поздних цивилизаций, что тогда он «придумывается», «изобретается», к нему «усиливаются»; а отроческий народ естественно говорит Илиадою, Рамаёной, былинами; и все древние священные книги — ритмичны. Лицо зрящее, слушающее, обоняющее есть те же знаки пола, но уже перед которыми мы не испытываем страха, не закрываем их в одежды, а радостно ими смотрим на мир; но в самом мире мы раньше всего склоняемся к цветку и обоняем в нем древнюю свою родину; мы отведываем его нектар и называем его «сладостью»; «ненасытно» рассматриваем его краски. Сближение двух лиц, тайное и древнее сочувствие. Идя к алтарю, девушка берет в руку не бриллиантовое кольцо, но каким-то таинственным инстинктом захватывает цветок, — древнее свое материнство. Но чуть-чуть остановимся еще на частностях лица: ведь есть *мужской* и *женский* слух, *мужской* и *женский* голос; природа обоняния в обоих полах не совершенно одинакова; и чуть-чуть, но есть вариация у них во вкусе: как безумно любят женщины духи, но гастрономические способности развитее у мужчины. Таким образом природа пола в его мужской и женской вариациях выразилась вариациями во всех органах чувств.

IV

Замечательно, что пока не начинается в природе жизнь, т. е. *где не начался пол — нет лица*; но оно сейчас же появляется как зачаток, как намек — где появляется пол:

Печальная береза
У моего окна
И прихотью мороза
Подернута она.

Разве поэт сказал бы «печальная», если бы весь *вид* березы уже не был бы каким-то еще туманным пока «лицом»? Разве можно сказать «печальное» зрелище при виде беспорядочно или «упорядоченно» сваленного кирпича? Можно *обратить стихотворение* к фиалке:

Стыдливый маленький цветок (Борнс)

— но решительно нельзя начать стихотворно петь при виде «Регента», т. е. знаменитого бриллианта, носящего это имя. Все это потому, конечно, что в «фиалке» или «березе» есть какое-то темное начало души, которое и возбуждает сочувствие и пробуждает понимание, даже ритмическое волнение в человеке, который ими любит и, наконец, о них поет. Древнейшие песни: т. е. я говорю о роднике сочувствия. Но закончим же о человеческом лице: главное в нем — мысль;

К земным утехам нет участия,
И взор в грядущее глядит

— это у Алексея Толстого есть два стиха об Иоанне Богослове («Грешница»). Лицо «пылает»; «светится» или «омрачено». Замечательно, что когда мы говорим — лицо у нас постоянно в движении; «какое выразительное лицо» — у умного; или: «до чего он глуп — у него никакого выражения нет в лице». Сон всегда сопровождается бессмысленностью, безвыражаемостью лица. Это так ярко, так заметно, что зависимость здесь гораздо бесспорнее, нежели между «мыслью», «душевною деятельностью» и внутри черепными «мозговыми» массами: их состав анатомический и функциональный во сне сохраняется, как и при бодрствовании, и также бегут, до дальнейших уголков там, струйки крови. Но вот для этих струек встречается препятствие: происходят так называемые явления «тромбоза», т. е. «закупорки» в мозгу артерий: что же мы наблюдаем? Парализуется, например, сердцебиение; в случаях, сопряженных с ужасным страданием, парализуется половина, $\frac{3}{4}$ легких, все легкое, кроме кусочка: человек задыхается и не может умереть, пока следующая закупорка сосуда не прекратит функцию более важного и жизненного органа. Тогда смерть наступает как ушиб. Вообще есть бесспорная зависимость между телом, *corpus*, как музыкальным инструментом огромной сложности струн, и между мозговыми массами, где как бы собрана в небольшом объеме их всех клавиатура. Но зависимость от этих масс собственно «души струящейся» гораздо темнее и даже вовсе сомнительна. Например, это

...диктует совесть
Пером сердитый водит ум

или у того же поэта и в том же стихотворении:

И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и омыт

— как-то ужасно трудно отнести к «извилинам» «белого» или «серого» вещества мозга. Еще так называемую статистическую, неподвижную сторону души, что-нибудь вроде Аристотелевских силлогизмов:

Все люди смертны.
Сократ человек,
Следовательно — Сократ смертен

можно представить себе недвижно, «от века» лежащую в мозговых массах; но

Мир мечтою...

т. е. *вихрь*, таинственный утренний ветерок, который даже в чисто умственной работе *ворошит и перебирает* силлогизмы, *устраивает* их то в страницу, где

Пером сердито...

то в страницу же совершенно противоположного направления, где

...мир очищен и омыт,

нельзя туда отнести, как нельзя отнести сон и бодрствование. Кстати о сне и бодрствовании, сонливости и пробуждении, этих общих, охватывающих всю психику, явлениях: ведь «печальная»-то береза «спит» зимою и «пробуждается» в апреле — *без всяких решительно струек крови*, которые орошали бы ее «мозг». В апреле выбегают душистые листочки, и в мае появятся «веревочки» — цветы. Вот факт, в самом деле бросающий свет на суть сна и бодрствования у человека и вообще у животных: то, что для березы есть зима, то у нас есть крепкий сон, т. е. *забвение, перерыв психической деятельности*. Но в березе зима есть *исчезнувший, отлетевший* пол; тюльпаны и вообще луковичные, снеся плод и не имея цвета, т. е. никакого полового обозначения, совсем опадают, сводятся почти на *нет*; и у человека аналогично сон есть *отдыхающий ритмически* пол: когда «спать хочется» — тут не до «любви», и решительно нельзя себе представить дремоту у человека, пылающего любовью; тогда «сон бежит от глаз»:

Ах, няня, няня...

Явления, бегучесть которых в противоположную сторону — бесспорна; мы говорим о сне и «сонливости», поле в его осеннем сне и апрельской возбужденности. Еще маленькая аналогия: все аномальности в поле, его эксцессы или угнетенность, влияют удивительно на «настроение» души, «течение» мыслей, «образ» суждений; и в медицине это так известно, что психиатр обычно ищет помощи и указаний, «разъяснений» у акушера. Вот целый пук зависимостей, бьющих в одну точку; именно, что душа в ее динамическом смысле, как «ветерок» мыслей, как «крылышки» около силлогизмов, которые уносят их туда или сюда — *вовсе и нисколько не имеет своим сиделищем мозг*, но то темное и разлитое в существе нашем, что мы называем «полом» и что имеет, в лице и знаках пола, только два кульминационные свои выражения. Да ведь и в самом деле, как жалуются все мужья, — «*есть женская логика*», и все вообще соглашаются, что есть «женская» и «мужская» душа: странный термин, выражающий в сущности, что *душа имеет в себе пол* и что *пол в нас и есть наша душа*. Проверим это. Есть старческий и отроческий способ суждения, об этом нельзя спорить; а отрочество

и старость суть стадии пола. Старость «благоразумна», у ней только «силлогизмы»: утрата динамического в поле параллельна утрате динамического в душе; напротив, в отрочестве — непременно ветерок:

Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва

— это отроческий стих; напротив, этот:

Не дорожа чужою тайной,
Приличный скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Не умолим я и жесток

— это психология старика, немножечко растленного старика. И вот, в этих двух вариантах, психология столь сложного и глубокого ума, как Лермонтов, этот

...бедный листочек дубовый

по возрасту — конечно еще *апрельский* лист, в котором еще пытаются подняться «чудные светила», которому хочется «облить мир мечтою благородной»; но по опыту, по испытаниям, по пережитому —

Засох и увял он от холода, зноя и горя...

И вот посмотрите, вечная-вечная его мечта, тема в сущности всех его дивных созданий, от «Демона» и до «Даров Терека», «Ночевала тучка», «Три пальмы», да и всех без исключения, если присмотреться внимательно:

Чинара стоит молодая.
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы,
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

С устанавливаемой нами точки зрения, что центр души лежит в поле и даже что душа и пол идентичны — мы имеем ключ к загадочной душе поэта, мы ее начинаем постигать. И мы ничего в ней не постигаем с точки зрения «Души человека и животных» Вундта. Т. е. я хочу сказать, что Вундт и вообще его школа «мозговиков» не имеет никакого ключа к душе человеческой. Но взглянем же еще раз на «печальную» березу или, пожалуй, на тюльпан в его весенней радости. Пол в растении есть только временный феномен; это — «распускающийся» и «оппадающий» цветок: остальное время года есть *живое*, но оно не имеет выявленных точек, *сосредоточений* пола. Но вот цветок (растения) разделяется: его венчик, лепестки, даже тычинки и пестики, вся «видная» часть, всякое в нем «выражение», «сказывание» о себе — сохраняют верхнее, переднее положение; напротив, все внутреннее уже в цветке, полости оплодотворения и плодоношения, относятся назад. Едва этот чудный факт в сущности разделение цветка произошел — существо начинает *шевелиться, бегать, испытывать страх*, когда его ловят, *ловить* — когда оно

голодно. Мы получаем *план животного*, собственно развившийся из цветка: *лице, личико* в нем — существующее в зачатке у насекомого, у раков, у «долгоносика» — суть *преобразованные наружные покровы пола*, — отчего оно и бывает мужское и женское; а собственно внутренние половые части — есть затаившийся внутрь плодник и «чрево». Связь между чертами лица — отроческого, мужественного, старческого, лица сладострастного или целомудренного, и между жизнью собственно внутренних половых частей — ясна отсюда: как лепестки повинуются фазам плодника, так развернутые и отделенные у животных и человека эти же лепестки или *лицо* выражают жизнь *яйца и семени*.

V

Мозг самый тяжелый был у Кювье; но следующий за ним по тяжести был мозг одной помешанной женщины, высокие способности которой ничем не были засвидетельствованы: выражение разорванности между душою и мозгом довольно доказательное. Рядом с этим самое прекрасное лицо есть лицо Рафаэля. Его гений тем высок, что это не был вовсе гений порядка логического, но гений образов, созерцаний, таинственных молитв, для которых он не нашел слова, и, как бы взяв краски с цветка, сочетал их в дивные картины. Единственное в истории лицо, но чем оно особенно нас поражает? Одною страшною и немного сверхъестественною в себе чертою: это лицо *девушки*, посаженное на мужчину. Присутствие обоих полов в одном существе, двуполость в индивидууме — невольно в нем останавливает. Т. е., как мы можем догадываться, лицо первого по богатствам души человека, *самого небесного*, свидетельствует о странной раздвоенности его души в начала мужское и женское, и, вероятно, соответственно этому, о постоянном и сильнейшем в нем половом возбуждении *utriusque sexus*¹. Но мы заговорили о «тяжести» мозгов и кончим же; если Кювье и помешанная женщина почти слились в мозге, то, напротив, лица так же богаты индивидуализмом выражения и неуловимо, жизненно разбегаются по разным направлениям, как и психическая деятельность людей: и они прекрасны там именно, где есть прекрасное, как благость, благородство, открытость в душе человека: здесь зависимость ярка и не представляет смешных и в сущности разрушительных для теории аномалий, как Кювье и слабоумная. Т. е. психическая деятельность, представляя как бы гуттенберговский перевод гieroглифов пола, струится с лица как «мысленный свет», как аромат «доброты» и «ласки»; страха за ближнего, готовности для него:

Тс... Тс... Ромео, это ты?

Неужели это «в мозгу вырабатывается»? Конечно — это стекает с лица. Лицо живет, играет, движется, говорим ли мы, пишем ли сочинения, скорбим ли, радуемся ли: «душа» есть «жизнь» лица, «от-

¹ обоих полов (лат.).

блеск» духовный с «одушевленных» его линий, струйки, стекающие с многозначительных его точек, со «сморщенного» чела, с «ласкового» взора. Но теперь перейдем же к отделившимся и главным, нижним точкам пола.

VI

Все то, что в лице дано в порядке логического выражения, здесь дано в порядке реального созидания. Это — зиждущие точки, зиждущие самую жизнь, ткущие ее на таинственном станке. Логически мы не можем ничего создать, лицом — мы только достигаем, отгадываем, догадываемся, любопытствуем; напротив, здесь — абсолютное молчание, но исполненное какого-то таинственного ритма, пульсации; самая форма — пустоты, полости, в противоположность «выпуклостям», «уплотнениям», из сочетания которых составлено лицо; «пустота», т. е. начинающее *отрицание материи*, противоположный уплотнению полюс: это — материнские пустоты, *владычественные по отношению к самым вещам*. Je pense — donc je suis, «мыслю — следовательно есмь», — формулировал Декарт принцип логического порядка, и новая философия от этого принципа повела свое начало; но вот, в закрытых покрывами пустотах, куда мы спустились, не действительно первое же слово его формулы, т. е. это есть противоположный логическому порядку мир, где нет вовсе познаваемых феноменов и начинаются собственно зиждительные ноумены. «Ноуменами» Кант назвал вторую и главную, сокровенную от рационального познания, сторону вещей; «есть миры иные, которых постичь нельзя, но тайным касанием к которым живет человек: если в тебе прервется это касание — возненавидишь и проклянешь жизнь», — так формулировал Достоевский ту же мысль Канта, но дав ей яркое выражение, а главное — потянувшись в формуле своей к родникам именно «жизни», куда мы подходим; «не» этот свет, «не» наш — «тот» свет, как с удивительным мистическим прозрением формулирует русский народ. Как бедны анатомические очертания. И, обманувшись ими, ничего особенного не находя скальпелем и под микроскопом, их сочли только физиологическими знаками, без всякого иного и более утонченного содержания, особенно без содержания духовного. Между тем здесь-то и скрыты прообразы всего духовного; и также отсюда начинаются собственно мистические его тенденции ли, связи ли, мистические и религиозные. Скальпель не открывает в «мозгу» диалектики Платона, и идея бессмертия души, выраженная, например, в диалоге «Федон», едва ли брезжит, хотя все-таки уже брезжит, в пластике нашего лица; однако, чтобы познать природу «мозга» ли, «лица» ли, нужно, брося скальпель, обратиться к человеческой культуре, к идеям, волновавшим человечество. Так точно внутренняя природа пола, распадение всего «живого» в «мужское» и «женское», в черты

«материнства» и «отчества» может быть также раскрыто не скальпелем, не в препаровочной анатомического театра, но через внимательное изучение мышления и поэзии немногих сравнительно людей, сюда специфически, особенно внимавших.

VII

И вот, начав с фигуры человека и даже с «лица», с «выражения» печальной березы, мы подведены своею темою к мирам поэтического и философского созидания. Мы не войдем сюда, ибо это значило бы войти в бесконечность; но, в видах методических, укажем несколько поясняющих наблюдений. Выше мы привели, как литературную иллюстрацию, гр. Л. Толстого и опять остановимся на нем, как на человеке, чутко сюда прислушивавшемся. Какое его первое произведение? — «Детство и отрочество», т. е. об этом торопливо и раньше всего захотел он сказать свое слово. В высшей степени характерны и важны эти первые темы великих умов («Бедные люди» — у Достоевского, «Записки охотника» — у Тургенева); в них они высказывают самую глубокую и живучую в себе мысль, свой «гений», «талант» по крайней мере как «умоначертание», и очень часто — программу, абрис своего жизненного труда. В самом деле, вся почти необозримая по разнообразию деятельность Толстого в сущности примыкает к теме «Детства и отрочества». «Крейцера соната», например, — что она такое, как не «плач неутешной души» над поруганным в мире материнством, над оскверняемым в самых его родниках «детством» и «отрочеством». Мы уже заметили, что Толстой не знает, т. е. он отвергает, иную психологию, кроме как психологию возраста и пола; но если взять и весь круг его забот, тревог, его ожесточенности против «нашей цивилизации», «плодов» нашего «просвещения», нетрудно открыть их всех общий родник в страхе и отвращении к тому же загрязненному или без внимания обходимому «детству» и всему, что его вынашивает, т. е. к человеку в рождающих его глубинах. Но мы не разбираем писателя, а берем его как иллюстрацию для своей особой темы: мы говорим, что Толстой непрерывно внимает полу и что одновременно он есть мистик и до глубины религиозный человек. Но вот другой поэт, еще более глубокий и безостановочный мистик — Лермонтов, этот «дубовый листочек» с вечным прижиманием к «корню чинары». Он дает материал для более подробных умозаключений:

у корня чинары высокой
Приюта он просит...

Это моление, в сущности его вечная тема, читается нами во всех подробностях в следующей картине странной «Сказки для детей»:

Перенестись теперь прошу сейчас
Со мною в спальню: газовые шторы

Опущены; с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточного узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И, девственным дыханьем напоенный,
Огнем в лицо вам дышет воздух сонный.
Вот — ручка, вот — плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуетя молодой, но строгий профиль
И на него взирает...

Будем внимательны; взят сон, т. е. не зрящие глаза, не слушающее ухо, без мысли, «сонливое», «заспанное», едва ли очень красивое лицо; взят возраст — и в самом деле, он определен ниже:

Имел он дочь *четырнадцати лет* —
Она являлась в фартучке с мадамой,
Сидела чинно и держалась прямо...

Взяв миг пола, сейчас перед выявлением, «апрель» чинары, и это собственно к возрасту, а не к человеку, отнесены следующие строчки:

*Когда ты спишь...
И шибко бьется девственною кровью
Младая грудь под грезой ночной —
Знай, это я, склонившись...
Любуюся и говорю с тобой...*

Странные диалоги *во время сна!* Конечно, это вовсе не диалоги в логическом порядке вещей и вовсе не к логическому лицу они обращены. Картина полнее раздвигается в одном сне — припоминания другой художественной фигуры, к которой тоже идет эта квалификация Лермонтова:

То был ли сам великий сатана
Иль мелкий бес — из самых нечиновных.

Уже в наименованиях сказывается у поэта какой-то потусветный ужас, глубокое, особенное, Эдиповское содрогание от неудержимо, однако, влекущего его —

Любуюся и говорю.

Но пусть же договаривает, дорисовывает другой, — в сущности эту картину Лермонтова:

«Грезы вставали одна за другою, мелькали отрывки мыслей, без начала и конца и без связи. Как будто он впадал в полудремоту. Холод ли, мрак ли, сырость ли, ветер ли, завывавший под окном и качавший деревья, вызвали в нем какую-то упорную фантастическую склонность и желание, но ему все *стали представляться цветы*. Ему вообразился прелестный пейзаж; светлый, теплый, почти жаркий день, *праздничный день, Троицын день*. Богатый, роскошный деревенский коттедж, в английском вкусе, весь заросший *душистыми клумбами цветов*, обсаженный грядами, идущими кругом всего дома; крыльцо, *увитое вьющимися растениями*, заставленное *грядами роз*; светлая, прохладная лестница,

устланная роскошным ковром, обставленная *редкими цветами в китайских банках*. Он особенно заметил в банках с водой, на окнах, *букеты белых и нежных нарциссов*, склоняющихся на своих ярко-зеленых, тучных и длинных стеблях *с сильным ароматным запахом*. Ему даже отойти от них не хотелось, но он поднялся по лестнице и вошел в большую, высокую залу, *и опять и тут везде, у окон, около растворенных дверей на террасу, на самой террасе — везде были цветы*. Полы были усыпаны *свежее, накошенной душистой травой*, окна были отворены, свежий, легкий, прохладный воздух проникал в комнату, *птички чирикали под окнами*, а посреди залы, на покрытых белыми атласными пеленами столах, стоял гроб. *Гирлянды цветов обвивали его со всех сторон*. *Вся в цветах*, лежала в нем *девочка*, в белом тюлевом платье, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными из мрамора, руками. Но распущенные волосы ее, волосы светлой блондинки, были мокры; венки из роз обвивали ее голову. Строгий и уже окостенелый профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то не детской, беспредельной скорби и великой жалобы. Свидригайлов знал эту девочку: ни образа, ни зажженных свеч не было у этого гроба и не слышно было молитв. Эта девочка была самоубийца — утопленница. Ей было только *четырнадцать лет*, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшейся и удивившей ее детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшей последний крик отчаяния, неуслышанный, а нагло поруганный в темную ночь...» («Преступление и наказание»). Изд. 84 г., стр. 464).

Возраст, 14 лет, совпал с предыдущей картиной до отсутствия разницы хотя бы на один год; и бесспорна совершенная независимость рисунка у обоих мистиков, оригинальность и *первичность* замысла у обоих. Но мы ищем мотива, разгадки потрясающей картины, которая у нас поднимает дыбом волосы на голове: ибо очевидно, к чему манится «мелкий бес» Лермонтова — исполнил Свидригайлов. Но вот опять говорит и *мотивирует* поэт:

Если б знал ты *Виргинию нашу*, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира; как часто
Дряхлые старцы, любясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее — модели; юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою, иль в пляске,
Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством,
Звонким *ребяческим смехом* родительский слух утешая.

Возраст, едва ли позднее 14 (в Италии). Очевидно, и в этом стихотворении Лермонтов начал рисовать вечно смущавшую его картину, которую дорисовал в «Зимней сказке», и там за этот соблазн к рисунку назвал себя «сатаною». Но здесь есть удивительнейший изгиб таинственного влечения:

...стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила. *При свете
Поздней лампы я видела раз, как она на коленях,
Тихо, усердно и долго молилась...*

Поэт ставит манящую его девочку-подростка *на молитву*; оглядываясь на тему «Демона», мы собственно видим, что путем очень сложных комбинаций — влекущий образ девушки и там выводится из шума жизни, суеты движений, уединяется и опять *становится на молитву* (поступление в монастырь), и вот только тогда разыгрывается тягостный диалог, борьба, согласие, отдача, *все моменты Свидригайловского мистического сна*, вплоть до заключительного:

Мучительный, протяжный крик...

Если бы мы молитву, лампаду и все проч. сколько-нибудь приняли за *случайность* в теме или *особливость индивидуальности* поэта, то Свидригайлов поправил бы нас: всего за полтора часа до порыва к Дуне Раскольниковой, он рисует ее образ: «Знаете, мне было всегда жаль, почему она не живет *во втором или третьем веке нашей эры*; была бы из тех, которые *претерпели мученичество*, и уж конечно бы улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленным железом. Сама пошла бы на это; а в 4-м или 5-м веке *ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями*» (там же, стр. 436). Единство рисунка у Лермонтова и Достоевского — полное! Но что же, что же это такое?! Исследим, назовем: взята не только отчетливо, непременно оговоренная «*четырнадцатью*» годами безгрешность; это еще только отрицательное отсутствие греха, вины; но взято положительное —

Тихо, усердно, долго молилась...

«акриды», «видения»; т. е. *что-то* взято в теистическом движении, в мистическо-религиозном и непременно отрочески-чистом дуновении, — и тогда только

Мучительный, протяжный крик...

Здесь, в этой картине и в психологии великого поэта и знаменитого художника, к одному манящихся, как еще ни в какой точке природы и ни в какой из написанных книг, мы имеем узел двух нитей, из коих одна казалось бы падает в бездну, другая — уходит в небо; и лишь путем подробного и осторожного анализа мы можем, но только отсюда, пытливым глазом и заглянуть вниз, и взглянуть вверх. На место «молитвы» — поставим наглость, вместо «*четырнадцати лет*» возьмем «*23 года*», вместо удивляющегося, непонимающего ничего целомудрия, детства, — пол выявленный и полурастленный: порыв ментально исчезнет, у Свидригайлова, «демона» и всякого вообще смертного, всегда на протяжении всей истории! Т. е., что же это значит?! *Притяжения полового нет, когда в точке тянущей — грех*; но значит,

когда есть притяжение — в тянущей точке есть обратное греху, есть молитва, есть святость. Факт полового притяжения, на двух, несродно рисуемых картинах, обобщается в том, что здесь и там это есть религиозное, теистическое притяжение и изумительное владычество молитвы над грехом, чистоты над смрадом.

VIII

«О, пройду же и я мой квадранлион и узнаю секрет»,— воскликнул в каком-то изумлении Достоевский («Бр. Кар.»), нарисовавший очень много нам аналогичных сцен, глубоко в эти сцены всматривавшийся, сказавший около них чрезвычайно многозначительные слова — и все-таки, все-таки растерянно остановившийся. Отчего существуют в природе эти странные порывы? Мы ничего в них не постигнем, и никогда не постигли бы, пока не обратим внимание на «молитву», «акриды», на требование «безгрешного», «святого», «удивленного детства» в секунду этого бесспорно полового порыва, т. е. порыва к бесспорно половым точкам, причем качествами святости порыв не только не удерживается, но при соблюдении этих-то условий и совершается с силой, разбивающей всякое препятствие (сон Свидригайлова). Тогда мы просто догадываемся, что здесь есть сплетение религиозных ноуменов, зависимость родников добра и зла, жизни и смерти, отрицания и утверждения: ведь «дубовый листочек, свернувшийся» — это почти смерть, догорающий октябрь космического года; но вот последний осенний вздох, силою остающегося в нем «дыхания», он, все оставляя, все забывая, устремляется к необъятным богатствам бытия в «корне» чинары; и следя дальше, следя внимательнее, мы замечаем, что предмет порыва не только есть «богатство жизни», но что он есть «чистота», «невинность», «святость», «молитва», «акриды» пусть у 14-летней. Т. е. все это есть в содержании таинственных, нами исследуемых глубин этого прекрасного 14-летнего, «удивленного» ребенка. Вот что такое «человек», вот что такое «жизнь». Мы начали с пола; мы иллюстрировали его ужасами, но что же нашли на дне их? — Молитву! Т. е. самое *существо, ткань, жизнебиение* человека есть *молитва*, и в особенности *из молитвы бьет бытие его*. Отсюда-то удивление Геродота, много странствовавшего: «есть народы без государств, без правительств, но нет — без религии». Но это потому, что *самое существо человека теистично* и нельзя «дышать» и не «молиться». Но доисследуем же двух поэтов:

Когда волнуется *желтеющая нива*
И *свежий лес* шумит при звуке ветерка
И прячется в саду *малиновая слива*
Под тенью сладостной *зеленого листка*,
Когда росой обрызганный душистой
Румяным вечерком иль утра в час златой
Из-под куста мне *ландыш серебристый*
Приветливо кивает головой...

Ведь надо совершенно быть невнимательным, чтобы не почувствовать, что это есть те же «цветы, цветы и цветы», которые в мистическом предсмертном сне приснились Свидригайлову. Но что же это за «цветы» видит Свидригайлов? Да раздвижение «цвета» девочки в гробу, ее «14-ти лет», ее «апреля», — который посыпался на пол, на лестницу, в сад, «английскими клубами», и на дворе заиграл как «солнце», как «Троицын день» (весна, утро, «апрель»). И вот — зрелище растворяется слезами:

Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе...

И в небесах я вижу Бога.

В одном рисунке, у Достоевского, мы видим перечень знаков, символов, «симптомов» заболевания: «цветы», «цветы»; другой начинает именно с этих «цветов», но «болезнь» странно выражается как познание Бога, слезы к Богу, молитва к Богу:

Тогда смирятся души тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
Тогда я вижу Бога...

Да что такое за факты? — Да ведь в «14 лет» впервые лопаются «графов пузырьки» и из него выходит таинственная, столь новая в мире, никем из ученых и никогда не разгаданная детская клеточка; дитя, еще у нерождавшей матери, лоно которой и тянет с неодолимою силою теперь, сейчас поэта; и он, вечно слушающий мистический ритм этого лона

Засох и увял... от холода, зноя, от горя.

Анатомы передают глупости об этом «графовом пузырьке». Его природу, природу, выходящего из него дитяти, лучше знает поэт:

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез...

О себе он все думал, бедный, что

Любуясь и говоря...

около «заспанной», «сонливой», верно дурнушки-девочки, но непременно «14», может быть «13½» лет (Достоевский несколько раз поправляется так) он — что-то страшное страшен лицом:

То был ли сам великий сатана,
Иль мелкий бес из самых нечиновных.

Но, не постигнув тайной природы вещей, он не догадался, что в таинственных прислушиваньях был только бедным учеником и что была его великою, «в звездах и солнце» (Апок.), учительницею эта самая девочка-подросток: и все, о чем он нам пел — не его вовсе песня, но ее наука, «звездная» наука, — часть которой он же записал:

В небесах торжественно и чудно...
Спит земля в сияньи голубом...

IX

Нам больно, в литературном отношении, собирать эти клочки строк, — имеющие вид такого хаоса; но нет иного *доказательного* пути в природу пола, как этот постоянный мистический уклон души у людей, у всех людей, сюда особенно внимавших:

Давно пора мне *мир увидеть новый* —
Молчу и жду!

— воскликнул Лермонтов. Какое восклицание! Какая вера в «тайны вечности и гроба»: дорогая вера, ею живут народы и человечество, и ее сто́ит купить, а по Лермонтову мы знаем, как и где он эту веру купил. Достоевский, — менее поэтично, более грубо и реально, в сущности вечно рисует вечную же тему Лермонтова: тот же старый «дубовый листок у корня юной чинары»; и назвал это «карамазовщиною», мы же переименуем ее в «святую землю», в священный корень бытия, нашего и всемирного. Уже в «Преступлении и наказании» мысль и интерес его как бы качаются между Раскольниковым и Свидригайловым; он постепенно забывает Раскольникова и начинает интересоваться Свидригайловым. Но что́ такое Раскольников и Свидригайлов, как не два выразителя двух пунктов средоточения человека, пожалуй — двух «лиц» его «по образу, по подобию Божию» фигуры? Размышляющая и творческая, рефлексивная и зиждущая сторона в нас — вот носителями чего они являются. И все последующие творения Достоевского замкнуты между двумя этими темами, пожалуй — между этими двумя фигурами «Преступления и наказания»; но, судя по «Карамазовым» и созданному им понятию «карамазовщины», его внимание решительно отходило от рефлексивных сторон и сосредоточивалось на зиждущих: здесь «возрождение», но он его не умел и не решался назвать! Он уже обещает «рассказать картину возрождения человека» в заключительных строках «Преступления и наказания», но ее не рассказал, ибо он брел, но не добрел, к истинному значению родников бытия, все еще считая их «свидригайловщиною», «карамазовщиною», в общем — грехом, грязью, бесовщиною, «темною силою», «нечистою силою». — «О, и я пройду мой квадральон и узнаю секрет!» Этот «секрет», чувствуемый, но не разгаданный и породил в нем бессильный и постоянный лепет о «вечной гармонии», столь же его тревоживший, как и «свидригайловщина», с нею как-то странно параллельный. «Где-то параллели сходятся», — опять его восклицание («Бр. Кар.»). Полет на новую землю, переданный в фантастическом «Сне смешного человека» (в «Дн. Писателя»), дает, однако, уже целую картину «не сего мира», и здесь он вдруг сближается с главной темой Толстого, однако, с глубиной и страстью, каких Толстой никогда не достигал. На далекой «звездочке», пошутим — Лермонтовской «звездочке» («И небо, и звезды...» «И звезда с звездою говорит»...) раскрывается «детство и отрочество» (тема Толстого), но не индивидуума, а всего *начального человечества*. Детство и в сущности дитя — обняли мир,

поглотили мир. В этом «Сне» как последний не переступаемый идеал взято не какое-нибудь социальное строительство, не рычаг Логоса: взята психика возраста, т. е. как мы объяснили — рычаг пола. Вот колеблющиеся пути и окончательный выход великого мистика, с его тоже «преимущественным вниманием». — Лермонтов, Толстой и Достоевский, столь неоспоримо «чресленные» писатели, «беременные», быть может, лучше всего оттенятся, если мы около них выдвинем огромную и хорошо куафированную голову Грибоедова. Какое в нем нищенское мирозерцание; какое совершенное забвение «миров иных»! Но что́ лежит в основе этого? Он нам дает сухонькие, чистенькие, выметенные комнатки, где ради смеха только шепчутся про любовь Молчалин и Софья. Ни земли, ни сора, ни мокроты, ни Бога! Истинно «не обрезанный». Но мы не занимаемся им и отмечаем только: нет чувства пола — нет чувства Бога! Если, наконец, от нашей истории мы перекинулись бы, например, в древность, то в «Пире» и «Федре» Платона мы без труда открыли бы те же самые родники трансцендентных идей, какие находим у Лермонтова, в «Карамазовых», у Толстого. Все эти писатели, которых внимание так постоянно приковано к началу, зиждущему в мире жизнь, — мистичны, трансцендентны, религиозны; т. е., как мы подводим итог, — рождающие глубины человека действительно имеют трансцендентную, мистическую, религиозную природу. «Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущность вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и возрастил сад Свой, и возшло все, что могло взойти, но взрощенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабеваешь или уничтожаешься в тебе сие чувство, то умираешь и взрощенное в тебе. Тогда станешь к жизни равнодушен и даже возненавидишь ее» («Братья Карамазовы», изд. 1882 г., т. 1, стр. 357). Вот тезис, который мы поясняем и написав который — удивительно, как Достоевский не продвинулся еще на один шаг, чтобы указать территорию

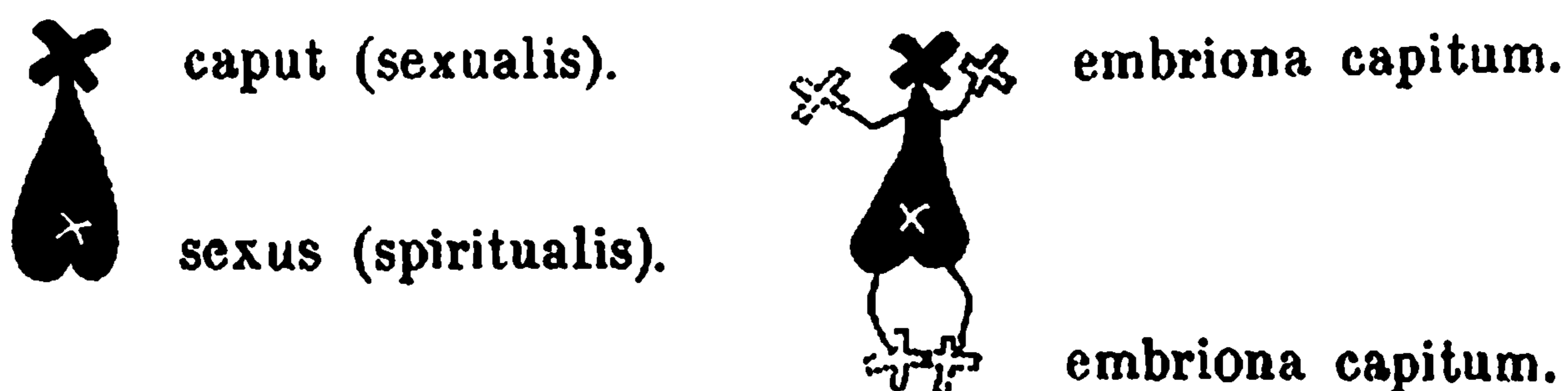

Рис. 1.
 Мистические сосредоточения фигуры человеческой в шесть лиц. Схематический чертеж ¹.

¹ Здесь и далее подписи к рисункам принадлежат автору. — *Ред.*

таинственных «касаний» и «миров». Фигура человека, «по образу Божию, по подобию», имеет в себе как бы внутреннюю ввернутость и внешнюю вывернутость — в двух расходящихся направлениях. Одна образует в ней феноменальное лицо, обращенное по сю сторону, в мире «явлений»; другая образует лицо ноуменальное, уходящее в «тот» мир, к каким-то не астрономическим звездочкам, не наших садов лилиям, о коих поэты безотчетно и начинали петь и говорить названные мистики:

И месяц, и звезды...
Внимали той песне святой.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира...
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томила она
Желанием чудным полна...

Кто не узнает, что это — те точно самые слова, которые устами старца Зосимы высказал Достоевский; та же мысль о «касании мирам иным», но уже точно названа теория непостижимых песен, очень странных звезд. Это — рождение, рождающаяся душа человека, все то, что нам представляется так кратко и просто. Кто знает характерно «карамазовский» диалог Платона «Федр», это наводящее ужас рассуждение о чувственной любви в ее ужасных, потрясающих формах, не мог не обратить внимания, что здесь сказано о «ниспадении на землю души человеческой» и о «звездочках», о «солнце», «небе» — то самое, что сказано Лермонтовым в приведенном стихотворении; совпадение поразительное, если принять во внимание, что Лермонтов едва ли знал Платона, по крайней мере в тот юный возраст. Но мир ноуменов одинаковым является для всякого, на расстоянии тысячелетий, кто поблуждал около его «мыса бурь», «мыса доброй надежды». Самые эти «бури», эта «вальпургиева ночь» чувственности, против которой напрасно боролись самые возвышенные умы и могучие характеры, от Соломона до Гете («Фауст»), и имеет то простое объяснение для себя, что здесь человек уходит в мир владычественных ноуменов, и понятно, что он уходит в них тем глубже, чем более могучие крылья поднимают его в «горня». Вот связь чувственности и гения, наблюдаемая на протяжении всей истории, и причина, что так много «остовов» и «разбитых кораблей» лежит около этого мыса все-таки «добрый» и именно небесной надежды. Замечательно, что типичные рационалисты, «от сего мира» люди, никогда не досягая этого мыса, не слагали ни стихов, подобных Лермонтовскому (Пушкин вовсе не имел такой концепции души человеческой и жизни), ни образовали «идей», подобных Платоновским; и даже просто не могут этому поверить, «не видели», «не осязали». Кстати, так называемые «идеи» Платона не суть вовсе «понятия», но «виды», «образы» и, как он объяснял, «первообразы» всего сущего; он учил о них

в диалектике, но большею частью передавал их в так называемых философских мифах, без доказательств, но как самую достоверную и почти им виденную истину. Мы сблизили его, по содержанию идей и «горних ожиданий», с Лермонтовым; восклицание Достоевского, перед изложением «Сна смешного человека»: «Я видел Истину, я ощущал ее», — очень напоминает «мир благого в самом себе, справедливого в самом себе», и т. д., что все «видел» как «истину» Платон. А заключительное восклицание в том же «Сне» Достоевского: «И пойду, и пойду! хотя бы на тысячу лет!» (с проповедью увиденной «Истины») дает собственно психологию неустанного учительства всех этих людей — Толстого, Достоевского, Платона, Лермонтова:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я...

Разве это не Толстой, с отрясанием «городского праха» от ног? не Достоевский — на Пушкинском празднике? и не Платон, с его отчуждением от Афин, уединением в Академии и реформационными путешествиями к Сиракузским тиранам?

ИРОДОВА ЛЕГЕНДА

Чтоб из низости душою
Мог подняться человек,
С древней Матерью-землею
Он вступил в союз...

Шиллер

I

Есть легенды ли, факты ли в истории — «уники», единственные. Они не повторяются; им нет подобий; они сильно потрясают человеческое воображение и как-то длительно запоминаются, хотя иногда долго остаются неразгаданными. Таков рассказ или легенда об Иродовом избиении младенцев. Факта этого нет у Иосифа Флавия, в описании одновременных событий в Иудее, и он стоит только преддверием в Евангелии, в какой-то странной близости, почти в сближении с рождением Христа. Продолжение и как бы заключение содержащейся в этом рассказе мысли дано в конце Евангелия: уже идя на смерть, Христос спросил «плода у смоковницы»; она не дала плода и Он ее проклял. Между двумя этими легендами ли или фактами стоит бесплотное Евангелие, которое в учащей, училищной своей части, в речах и слове, его составляющем, исполнено таинственного умолчания о существовании плода, «плодящейся смоковницы», о существовании младенца не в отношении к будущему его научению, слушанию Царствия Божия, но в его отношении к самому рождению, в растущих его силах, в связях его с материнскою «смоковницею». Два этих рассказа — не прообраз ли? не предостережение ли? «И повеле искать Христа... и повеле избить младенцев»... Т. е. «многие будут искать Христа», искать «осуществить Христово», но «претыкаясь» о бесплотность Его научения, Его небесного училища, — впадут в Иродову мысль «найти Христа, избивая младенцев». И через это жизнь, в чаяниях бесплотная, станет бесплодною («смоковница»).

Прообраз не был понят: и в огромных частях своих христианство, «ища осуществить Христово», действительно пошло по пути Иродова заблуждения. Мы не будем упоминать о частном и узком, хотя необыкновенно глубоком по страстности и последовательности заблуждении нашего сектанта Селиванова: но краевые тени этого заблуждения обняли в сущности весь Запад, и там или здесь они появляются, хотя мимолетно и вызывая содрогание, у нас. — «Как может касаться чаши со св. Дарами женатый священник», — писал в одном частном письме (еще тогда не папа) Григорий VII Гильдебрандт. Христианство в бесплотности его учения, как бы в воздушности его небесных истин, казалось этому

великому уму и действительно чистому сердцу — вовсе несовместимым с реальным и, конечно, плотским существом брака. Завязалась краткая и чрезвычайно страстная борьба, в пору которой, без сомнения, прошли чрезвычайной тонкости ощущения существа христианства и существа брака. Тут вовсе не в «нужде» было дело, не в практической стороне жизненного уклада; или, по крайней мере, не в этом только. Т. е. я хочу сказать, что Гильдебрандта вовсе увлекала не одна мысль получить не связанных с миром, свободных по службе и для службы «черных» воинов, но и действительное существо дела. Он плакал на литургии; он был политик потом, но прежде — священник. И центр тяжести лежит в эфирнейшем проникновении в существо и «душу» религии, в существо и «душу» человеческого отношения к Божеству, и именно отношения молитвенного; и вот оно почувствовалось в этот решительный для христианства миг, как исключаящее вовсе, совершенно существо «брачных касаний». После непродолжительной и страстной борьбы характерное отвращение знаменитого римского понтефекса преодолело, и для всего Запада на несколько веков Иродова легенда получила плоть и кости исторически действенного факта. «И повеле искать Христа... и повеле избить младенцев». Тут не в одних фактически избиваемых младенцах дело — мы разумеем матерей, рождающих не в «иудейскую субботу» — хотя и они очень важны; дело во внутреннем и субъективном «избиении» самого существа младенца каждым в себе, в некотором перестроении духа человеческого, когда он порывает связь с жизненными недрами своими, с теплою в себе «животностью», и ригорически и сухо начинает расти только в «небесное училище», мы подозреваем — в «небесный номинализм». Но что очень трудно уловить и определить в субъекте — легче уловляется в огромных контурах истории. Ведь что такое инквизиция, которая

В великолепных auto-da-fe
Сжигала злых еретиков,

как ни последствие расторжения связи между «плотским» и «духовным»? Дух так велик и плоть так ничтожна. Но что такое «дух»? Это — «Summa theologiae»² Фомы Аквинского. Есть ли также дух в предчувствиях матери о болящем ребенке, в его милых ямках на щеках, беззаботных играх, невинном взоре — об этом не могло быть вопроса в цикле Иродова понимания, и в цикле того противоположения «плоти» и «духа», на точку коего стал Гильдебрандт и увлек за собой весь Запад. Но «горчичное зерно» расторгнутого духа и плоти выросло, можно сказать, в целое дерево западной цивилизации. Известно, что Декарт считал животных «усовершенствованною машиною», даже «не ощущающею» ,

¹ Служа литургию, еще священник и епископ, Гильдебрандт часто не мог удержать слез от волнения (т. е. при произнесении слов литургических).

² «Сумма теологии» (лат.).

³ Типично противоположная Египту точка зрения: там «животное» — «бог». Глубины Декарта, как антитеза, проливают свет на неразгаданных нильских сфинксов.

начиная «дух» с «je pense — donc je suis»; и уже нам совершенно понятно, что «совершенную машину» у человека, «его животное тело», естественно, жгли его богословствующие предшественники, когда оно не следовало за соответствующею страницей катехизиса, то есть за своеобразным теизмом тоже в порядке «je pense donc...» Это вызвало в «Lettres persanes»¹ Монтескье улыбку доброго мусульманина Рика: «В Испании жгут людей с таким легким сердцем, как бы это была солома». Но последствия «св. чаши», поднятой «над землею», сказались не в одном этом. Что такое деление и разрыв «клира» (духовенства) от «тела народного», как не опять это же разделение «духовного» и «плотского»? «Многоочитая» плоть, «исполненная внутренних очей» — о, если бы это тайновидение Иезекииля было постигнуто ... По-видимому, «религия перестала быть плотскою»: в действительности она стала номинальною; она стала спором кафедр, построением и опровержением «контроверз» в порядке «je pense, donc je suis», не проливаясь в жизнь и даже вовсе не переходя в ощущение, в «животное ощущение»! Параллельно этому, философия стала рационализмом, брезгая *опыта, ощущения* почти как папа и папы брезгали физиологии. Мир догадок, «животных догадок», *ясновидения* природы:

Открылись *вещие* зеницы,
Как у испуганной орлицы

— все это выпало из европейской науки, и она так же тупо начала взирать на мир, как тупо прихожанин слушает... все слушает и слушает естественное продолжение «небесного училища» — училище земное, схоластически построенную проповедь, в протестантском или в католическом храме.

II

«Земля» осталась без «чаши», слишком грязная для нее земля!

С Олимпийские вершины
Сходит Мать-Церера вслед
Похищенной Презерпины:
Дик лежит пред нею свет.
Ни угла, ни угощенья
Нет нигде богине там;
И нигде богопочтенья
Не свидетельствует храм.
Плод полей и гроздь сладки
Не блистают на полях;
Лишь дымятся тел остатки
На кровавых алтарях...
И куда печальным оком
Там Церера ни глядит —
В унижении глубоком
Человека всюду зрит.

---

¹ «Персидские письма» (лат.).

Мы хорошо понимаем, что внутренняя дикость души, и именно ее религиозная дикость, может очень хорошо совместиться с богатым и блистающим на вид обликом цивилизации. Весь Запад, продолжая хранить декорум религии, в тайне души и в явном факте, в практике жизни разошелся с христианством. Лютер, жаждая «религиозной жизни», сливающихся в «одно» религии и жизни, оторвал от католичества германские части Запада; но, честный и грубый монах, он потребовал «религиозных нравов», «пуризма» и «простоты», не догадываясь, что все это не затрагивает тайников жизни и что не туда надо пролить религию, чтобы высветиться ею изнутри, чтобы стал религиозен человек в самом существе своем. Дело религии глубже и тоньше; оно именно в правости или неправости тонких ощущений Гильдебрандта и в доверии к первой почти строке Библии: «Дыхание Божие повеяло в перси» («красной глине»). Сомнение Гильдебрандта Лютер не разрешил, но обошел; он вовсе выделил брак из таинств, взглянув на него как на «нужную» «физиологию». Все протестантские страны от этого пошли «в мясное». Если в типично и характерно выраженном католике (напр., Ла-Менэ) мы читаем какой-то передернутый идеализм, мистика — у которого болит зуб; то в протестанте, опять типично и характерно выраженном, мы видим просто разросшееся мясо, разросшееся до «Синтетической философии» Спенсера, до «Origin of man»¹ Дарвина: неустанно ядущее, стреляющее из пушек, читающее «Erlkönig»² и заедающее его сосискою. «Святое животное», где ты, «многоочитая плоть»? Где эта религия недр человеческих, не припоминаемая из катихизма, но проходящая в жизненных содроганиях? Религия, которая не из книги, но лилась бы во всякие книги из существа человека, плодом ощущения им себя существом типично и искони религиозным?!

Оставшиеся верными католицизму романские страны стали через несколько веков в явный разрыв с «бесплотной религиею». Начальнее всего они пошли по пути невероятного загрязнения жизни, падения нравов, оставивши в этом отношении далеко за собою «честную физиологию» лютеран. Кондратий Селиванов «отсек» предполагаемый грех; к этому же предполагаемому «греху» католицизм направил внутренний духовный нож, и, так сказать, ввел операцию духооскопления в повседневную свою психику. Веселые песенки Беранже заиграли около темного Капитолийского католицизма,—

Шатаюсь по ночам
Да тратясь на девчонок,
Он, кажется, к долгам
Привык еще с пеленок...

«Это удивительно,— записал один «разговор» Гете Эккерман.— Я прочел китайский роман — какая чистота души!» — Мы приведем несколько издала наблюдения Гете, потому что они в самом деле очень

¹ «Происхождение человека» (англ.).

² «Лесной царь» (нем.).

любопытны: «Разница с нашим у них в том, что всегда и внешняя природа живет подле человеческих фигур. Всегда слышны всплески золотых рыбок в прудах; птицы, не уставая, поют на ветвях; день всегда ясный и солнечный, ночь всегда светлая; много говорится о месяце, но он никогда не изменяет пейзажа: он светит так ярко, что кажется, будто день. И внутри домов все так же чисто и мило, как на китайских картинках. Например: «Я слышал, как смеялись милые девушки, и когда я увидел их, то они сидели на тростниковых стульях». Таким образом, тотчас же получается прелестная ситуация: нельзя представить себе тростниковых стульев, без мысли о легкости и нарядности. Затем к фабуле в романе примешивается бесчисленное множество легенд, и они приводятся также в виде пословиц. Например, о девушке говорится, что у нее были такие легкие и нежные ножки, что она могла стать на цветок и не согнуть его. О молодом человеке — что он был такой нравственный и храбрый, что в тридцать лет удостоился чести говорить с императором. Или о влюбленной парочке, — что они, будучи долго знакомы, были так сдержаны, что, когда им привелось однажды провести ночь в одной комнате, то они провели ее в разговорах, не коснувшись друг друга. И множество таких легенд: все они имеют в виду нравственность или благоприличие». В его время гремел Беранже, и Гете невольно пришло на ум сравнение: «В высшей степени замечательную противоположность этому китайскому роману я нахожу в песнях Беранже; почти все они основаны на безнравственных и распутных мотивах и были бы для меня в высшей степени противны, не будь они обработаны таким большим талантом, как Беранже, — теперь же они переносны и почти прелестны. Но, скажите сами, разве не в высшей степени замечательно, что сюжеты китайского поэта вполне нравственны, а первого французского поэта нашего времени — составляют ему противоположность?»

— Такой талант, как Беранже, — сказал Эккерман, — вряд ли бы что сделал из нравственного сюжета.

— Ваша правда, — отвечал Гете, — именно благодаря испорченности эпохи и народа раскрылись и развились в Беранже его лучшие стороны». (Перевод Д. Аверкиева, т. I, стр. 287).

III

Вот наблюдение, конечно точное, которое поражает нас, как оно поразило и Гете. Но тут очень много предметов для мысли: нельзя же предположить «кровь» двутысячелетней галло-франкской расы более испорченною, чем пятитысячелетнего Китая, и ясно, что причина разницы лежит здесь не в человеке, но в доктринах; т. е., так как дело идет о нравах — очевидно в моральной и религиозной части доктрин. Это «больной зуб» аскета, вырвавшийся криком сквернословия. Мы говорим о Беранже, и также эпохе и народе, о которых заговорил Гете.

Шатаясь по ночам
Да тратясь...

Это все та же просветленная плоть, порядок логического существования: «je pense — donc je suis». Он уже теперь кончил свое «pense», «Summ'у theologiae»; стрелка показывает одиннадцать ночи и оставшаяся в нем «свинья» естественно ищет для себя «хлева». От Гильдебрандта и до Беранже, через Декарта и Фому Аквинского — можно провести без перерыва одну нить. Капитолийские идеи; я говорю, что это — капитолийский взгляд на «человека» и «божество» в одной характерной и не замеченной черте его отличия от олимпийского. Дело в том, что уже гораздо ранее христианства, с его разветвлениями на Восточное и Западное, — на Олимпе и Капитолии были, казалось, те же «боги», но с тою в них разницей, что одни множились, а другие не множились. Зевс вечно рождает, Юпитер — нет; Гера — ревнует, Юнона — занимает местоположение. Таким образом, уже искони, издревле Восток имел положительную, высокую и сорадующуюся точку зрения на существо рождения; Запад же издревле был к нему глух, не внемлющ и, так сказать — туп. Восток всегда был животен, не в физиологическом, но в мистико-религиозном смысле:

Открылись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы

— почему сказал поэт «орлицы», и почему нам это не только понятно, но эта таинственная строчка сказывает какую-то ужасную истину о мире, от которой мы содрогаемся и на которую умиляемся. «И птицы во пророках»... Вот — апокалиптическая, *нечаянно удавшаяся* поэту, строчка, в которой разгадка и древних сфинксов, этих «вещих» львов с человекообразными «зеницами». И эта постоянная *перепутанность* животного и человека в Боге, что мы читаем во всех восточных скульптурах, не оправдались ли в Вифлееме, его таинственных стадах, его волхвах, звезде и в центре этого всего — *Бого-человека в яслях?!*

Восток всегда ожидал, что Бог должен быть «рожден»; в этом ожидании, неугасимом, жадном — его миссия, была его задача. Он до того возлюбил и постиг существо рождения, «жизнь» не в ее «status in statu»¹, а в глубине завитков, что — верил — Бог не презрит их и даже освятит тем, что через них «воплотится». Если с этой точки зрения мы рассмотрим все необозримые легенды, все смешные, казалось бы, записи у Геродота об Египте и Вавилоне, мы вдруг догадаемся, что в них всех есть тайный смысл и некоторая полуправда; но эта полуправда все тянется к Вифлеему. Да это же и выразил, т. е. возможность этого, «апостол языков»: «невидимое Его, вечная сила Его и божество от создания мира через рассматривание творений — видимы». («К римлянам», гл. 1.) Не сказано: «через смотрение камней, гор, воды», но — «творений», т. е. через рассматривание твари и самого «сотворения»

¹ «государство в государстве» (лат.).

в чертах видимого мира. Этих детей истории до того поражало сияние младенца, какое-то таинственное отсутствие греха у него, почти начинающаяся в нем святость, и все это в очевидной связи с тем что он «сотворен» внутренно, а не внешне сделан, что они верили — на Ниле, в Месопотамии, Сирии,— что «Бог станет младенцем». Все это было полуистиною; все эти кажущиеся смешными религии были религиями истинного ожидания. «Девушка восходит на верхушку храма в Вавилоне; но никто туда еще не приходит», «я слышал, что и в Фивах тоже в храме Аммона ночует девушка: и нет там ни изображений, ничего — кроме пустой комнаты» (Геродот). Тысячи историков это читали, пожимали плечами: но ведь у входившей девушки и посылавших ее жрецов была «вера» какая-то, было какое-то «ожидание». Святость само-ощущения каждой матери выросла до всеобщей надежды, до жажды, до великой умиленной веры, что некогда, наконец, Бог действительно посетит девушку и созиждет ее матерью. И то, что ожидалось в Фивах и Вавилоне — исполнилось в Вифлееме. Вот откуда «волхвы с Востока», пришедшие сюда и поклонившиеся нашему Богу; и откуда таинственное странствование Бого-Матери в Египет, от Ирода «четыре-властника». Ибо явно, что для одного только укрывательства едва ли предлежало бежать столь далеко, бежать через пустыни, в которых блуждали и заблудились на 40 лет евреи, шедшие из Египта в Ханаан. Здесь — сближение; здесь — притяжение родины. «От земной девы наш Бог».

IV

Мы теперь должны взглянуть на Евангелие в его полной мысли. Оно составлено из «*λογοι*», «речений»; но, если бы они принадлежали человеку, они не составили бы религии. Теперь мы можем пристально и безбоязненно, понимая все, остановиться на отсутствии среди этих речений какого-нибудь положительного «да», обращенного к внутреннему и реальному существу рождения, рождаемости. Конечно, это так важно, что будь «речи» одни — они в силу одного этого молчания не составили бы вообще религии, не заключая в себе требуемой от всякой религии универсальности понимания и универсальности освящения. Евангелие, в составе этих «*λογοι*», есть, конечно, великое училище, книга внимания, слушания, и если дети упоминаются в них, то не в чертах предыдущего рождения, но будущего научения: пуповина земли, матернее чрево — абсолютно умолчено в них, т. е. умолчен фундамент и первый вопрос бытия нашего. На этом и «преткнулись» народы: но ведь «*λογοι*» только половина Евангелия. Таинственно умолчено в нем о матернем чреве, потому что «*λογοι*» текут из матернего чрева, что синагоге и синедриону предшествует Вифлеем, ночь яслей, поклоняющиеся волхвы и еще простые пастухи, слушающие с недоумением «Слава в вышних Богу» поющих ангелов — поющих над «сбывшеюся», по ожиданиям целого Востока, колыбелью. Замечательно место рождения, замечатель-

но все это окружение, до «стад» включительно. Небесное смешалось с земным: оно пролилось на землю — и именно через пуповину бытия человеческого. В этом порядке не «логического» воплощения, хотя воплотилось именно «Слово» — и есть тайна и сущность христианства; в слиянии вечного «Логоса» с «плотью» («и Слово — Плоть бысть») и даже в подчинении, «послушании» Его до возмужалости Матернему поучению, человеческой Матери — глубина и мысль «спасения» для нас. Через это мы научаемся и просвещаемся именно в «плоти», а не в одном порядке логического слушания. То, что составляет первый глагол Евангелия — Божество в Матернем и Земном чреве: что с этим глаголом мы сделали, почти прокляв — пусть косвенно и отдаленно — именно материнское чрево, ее кормящие сосцы, существо младенчества и рождения?! Капитолийские идеи, capitoлийская глухота к существу рождения; замечательно, что католицизм и до сих пор не понимает существа воплощения, и косвенно его отвергает, как-то затушевывает, обходит: он создал догмат о «непорочном зачатии Девы Марии», т. е. именно «не обыкновенном», «не земном», «не ясленном», и уже в эти специфически «не ясли», а что-то особенное и отдаленное от человека, — помещает Божество. Тенденция — отвергнуть именно центральную суть воплощения, *смещение* божеского и человеческого, соединение небесного и земного. В XVII веке (см. биографию Паскаля, написанную его сестрою, m-me Dacier), началось было «особое мнение»: именно, явилась гипотеза, что «тело Девы Марии образовано не из обыкновенной материи, из какой весь мир составлен; но что в шесть дней творения особым актом Божества был образован особый, отдельный кусок вещества, который, хранясь тысячелетия и не входя в круг мировращения, и послужил, когда пришло время — для образования тела Девы Марии». Ересь была подавлена Паскалем, через жалобу Руанскому епископу. Но характерное в ней то, что она заканчивает мысль католического догмата «о непорочном зачатии Марии», коего сущность заключается именно в непонимании тайны Вифлеема, и, наконец, просто в отвержении ее существа по непостижимости. «Не сливается Божеское с человеческим» — для Гильдебрандта, для юного друга Паскаля, для авторов указываемого догмата и еще даже — для языческих понтификсов; или, пожалуй, точнее и общее — Бог усвоаем человеку, но лишь в порядке «je pense — donc je suis», как абстракт и фикция, как своего рода «deus Terminus», «бог Термин» («бог» — *понятие*), разграничивавший еще поля латинских поселян. Вот сущность разошедшихся Востока и Запада; для нас Бог — жизнь, жизнен, почти — по свойству земного материнства — «животен»; он — «животный хлеб», как выразился о себе; «Лоза», коей мы — «ветви». Отсюда таинство Евхаристии, глубочайшим образом связанное с тайною Вифлеема: не достаточно слов — вкусите «тела» и «живы» будете. И поразительно, что опять-таки и евхаристию католики полудают, что и ее они как-то ограничили, чуть-чуть попытались изъять. Нет «тела», не нужно тела — есть «бог Термин» и «первый Двигатель»

в гипотезе «бездушных атомов» Декарта. Таким образом, искони, *ab origine*, сливаясь поименно в религиозных представлениях, Запад и Восток в сущности исповедывали и исповедуют до сих пор религии, столь существенно различные и типично противоположные, что эта разница господствует даже над понятиями: «христианство» — «язычество». Только в дивном, небесном художестве Рафаэля, который, кажется, не дал ни одного изображения Христа в «училище», но везде взял Его «младенцем» и в связи с присутствующей тут же земною «Матерью» — сказалась реакция к Востоку, постижение «яслей» и окружения «пастухов» и «стад». Рафаэль — наш; и, если бы сверх термина — «олимпийское понимание», нужно было еще определение для восточного христианства — мы называли бы его Рафаэлевским христианством.

Теперь почти понятно должно быть читателю, почему мимо существа «рождения» Спаситель прошел безмолвно, не обратив к нему никакого слова (на браке в Кане Галилейской — даже *не взглянув на брачующихся*), как бы это были камни стен Иерусалима, мимо которых Он также безмолвно проходил. Это было бы удвоение Вифлеемского глагола; но и сверх того: ведь Он — «Предвечное слово», «Вторая Ипостась» Божества, которая «вечно рождается», но уже «не рождает». Не догадавшись об этом и приняв умолчание за отрицание, христианство в огромных частях своих, от Гильдебрандта — до Селиванова, ввело некоторый тайный антагонизм внутрь самых Ипостасей Божества, противопоставив «Отческому» Лицу в нем — «Сыновнее». И если мы всюду видим, как ужасно крушатся христианские надежды, как явно гаснет свет религиозного у нас сознания, продержавшись 2000 лет, т. е. для религии очень немного, — мы должны приписывать это не силам борющегося с христианством просвещения, не слабости душ наших; но тому, что в этих душах и в самом нерве нашего просвещения, и именно религиозного просвещения, есть не гармония, но антагонизм двух разнозначащих, равно мистических и божеских сил — Ипостасей.

V

«Отческая» Ипостась, «вечно рождающая», раскрылась в Ветхом Завете, с его «обрезанием» и неугасимым благословением рождению. Как удивительно: ведь две женщины, заспорившие о ребенке и пришедшие на суд к Соломону, были «блудницы». Это так неправдоподобно, и все окружение обстоятельств так поразительно, что нам хочется привести текст:

3-я книга Цар., ст. 3 и след. «И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и курения на высотах.

И пошел царь в Гаваон, чтобы принести там жертву, ибо там был главный жертвенник. Тысячу всеожжений вознес Соломон на том жертвеннике.

В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе.

И сказал Соломон: Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость: и за то, что он ходил пред Тобою в истине и правде и с искренним сердцем пред Тобою, Ты сохранил ему эту великую милость и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне;

и ныне, Господи Боже мой, Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я — отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа;

и раб Твой — среди народа Твоего, который избрал Ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть;

даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?

И благоугодно было Господу, что Соломон просил этого.

И сказал ему Бог: за то, что Ты просил этого и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить,—

вот, Я сделаю по слову твоему: вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе;

и то, чего ты не просил, Я даю тебе: и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои;

и если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид; Я продолжу и дни твои.

И пробудился Соломон, и увидел, что слова Господни были ему в сновидении. И пошел он в Иерусалим, и стал перед ковчегом завета, и принес всесожжения, и совершил жертвы мирные, и сделал большой пир для всех слуг своих.

И вот, в это время пришли две женщины-блудницы к царю и стали перед ним.

И сказала одна: о, господин мой! Я и эта женщина живем в одном доме; и я родила при ней в этом доме;

на третий день после того, как я родила, родила и эта женщина; и были мы вместе, и в доме никого постороннего не было; только мы были в доме;

и умер сын этой женщины ночью, ибо она заспала его;

и встала она ночью, и взяла сына моего от меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его к своей груди, а своего мертвого положила к моей груди;

утром я встала, чтобы покормить сына моего — и вот он был мертвый...

и сказала другая женщина: нет, мой сын живой...»

Как поразительно! Сколько нужно страниц катехизиса, чтобы водрузить такое «богословие». И какое окружение! — царь, «мудрейший»

не в одном только Израиле, и только что умолкли, в вещем видении, слова к нему Бога; он пробуждается, идет к ковчегу завета и вот среди «всесождений» перед ним подымается другая «мудрость» — «сосцов питающих», «чрева носящего»:

С древней Матерью-Землею
Ты вступи в союз навек.

Подымаются «две блудницы», т. е. казалось бы ведь «рабыни из рабынь», «презренные» и «поносные» существа. Но, в «ветхом завете», в завете «отчем», они знают, что их и порожденное ими не обошли слова Иова: «Дух Божий *создал меня* и дыхание Вседержителя *дало мне жизнь*» (Глава 32, стих 4). Царь устраивает роскошный пир «рабам своим», и не следует забывать, что это вообще первые дни его царствования. Но попирая пиршественные одежды и опрокидывая яства и пития, две блудницы возносят свое чрево прямо к престолу царя, поднимая крик о «заспанном» и не заспанном ребенке «трехдневном». Какая бесконечность любви, какая бесконечность богословия! Но царь и в самом деле не номинально «богослов», и догадываясь, что «прииде час его», испытание его «мудрости», — тоже откладывает пития и яства, совлекается царственных одежд и ветхим в себе «Адамом» судит в «блудницах» ветхую прародительницу «Еву», т. е. он не судит, как мы знаем, а помогает. Величайшее усилие ума приложено к делу, и решение, которое действительно нельзя не назвать мудрым, летописец благочестиво вносит в книгу, а наши дети учат о нем в училищах. Теперь перенесемся к нам, в эру безплотного духа, обширнейшей катехизации и иродовой тоски, которая подменила правду Вифлеема:

«Обратили ли вы, читатель, внимание, на известие, напечатанное мелким шрифтом в «Нов. Времени». Военно-окружной суд приговорил бывшего офицера, Венглера, к 12-летней каторге за убийство собственного ребенка. Изверг-отец убил новорожденного малютку варварским способом: завез в леса, удавил кнутовищем и бросил трупик, который на другой день был найден обглоданным животными. В этом преступлении интересен, с психической точки зрения, мотив его: Венглер женился на девушке, с которою сошелся до брака; вследствие этого сын родился у них чуть ли не через 4 месяца после свадьбы; и вот родители, боясь общественных сплетен и пересудов, решили скрыть факт рождения ребенка и отдать его куда-нибудь подальше, на воспитание; с этой целью, тотчас после родов, Венглер и увез ребенка, но рассудил, что концы будут спрятаны в воду вернее и родителям будет меньше хлопот, если ребенок умрет, а потому и устроил эту смерть, не решившись признаться жене в своем злодеянии... Вот и еще, мне известный, случай: молодой чиновник сошелся с бедной девушкою; через год у них явилась дочка; отец не посмел объявить об этом родителям и знакомым. По службе он быстро продвигался вперед, и, наконец, решил, что уже теперь может, имея независимость положения и средств, жениться на девушке,

которую продолжал любить: но как теперь объявить о давно существовавшей связи, о ребенке? И вот ребенок скрыт и отдан на воспитание; родители, теперь обвенчанные, навещают по праздникам плод своей незаконной любви. Ребенок растет, начинает понимать, но от него скрывают, кто его родители, которые для него являются посторонними благодетелями, допускающими его в свой дом, но с заднего крыльца...» («Нов. Вр.». 31 декабря 1897 г.).

Еще одна черта, страница из дневника русского туриста: «Париж, воскресенье, 26 октября 1897 года. Вчера был в театре Gymnase, чтобы посмотреть на комедию, про которую говорит, за неимением лучшей, весь Париж. Вынес, до известной степени, глубокое впечатление, так как пьеса, несомненно, умна и талантлива и так как, с другой стороны, благодаря талантливому, но беспощадному реализму автора приходится сказать, что действие этой комедии есть уныние от необходимости признавать безнравственность общества не только неизлечимую, но даже торжествующую.

Пьеса «Les corbeaux»¹, про которую я говорил намеренно, — того же поля ягода: она тоже оставляет зрителя в безотрадном настроении, но она, во-первых, менее талантлива, а во-вторых, ее горизонт гораздо уже. В пьесе Gymnase'a «Les trois filles de M. Dupont»² автор в трех дочерях г. Дюпона изобразил три жалких типа, изображающие в то же время три самые обиходные женские положения в обществе: тип старой девы, посвящающей себя религии и благотворительности, с оттенками аскетизма и душеспасительного, так сказать, эгоизма. Второй тип — это молодая замужняя женщина, вышедшая замуж только для того, чтобы не остаться, как старшая сестра, старою девою, без всякой любви, но с страстною мечтою в материнских чувствах найти идеал своей жизни. Третий тип — женщина полусвета, попавшая туда после романа и падшая 17-ти лет от роду и, затем, изгнанная отцом из дому.

Необыкновенно искусно и в то же время почти естественно автор комедии сталкивает эти три типа в интригах пьесы и каждой из дочерей дает свою долю более или менее глубоких разочарований. Львиную долю страданий и разочарований автор дает замужней женщине и, прежде всего, разумеется, в личности ее мужа, молодого человека, карьериста и циника, который женился из-за приданого, с омерзительною целью сделать из жены своей à la rigueur³ любовницу, но матерью — никогда, чтобы не было нужды выделять часть годового дохода на детские расходы. Ночная сцена перед спальнею обоих супругов, когда она решается сказать мужу, что с каждою ночью усиливались в ней и ненависть и презрение к нему, и когда он ей доказывает, что она столь же безнравственна, как он, так как она шла за него, как он за нее — без всякой любви; и когда после мгновенного затишья с обеих сторон в ней

¹ «Воронь» (фр.).

² «Три дочери м-сье Дюпона» (фр.).

³ в крайнем случае (фр.).

с большею еще силою загорается ненависть к мужу в тот момент, когда он ей говорит, что детей у них никогда не будет, — вся эта сцена, говорю я, одна из самых драматических и захватывающих по силе правды, которую я когда-либо видел на сцене. Автор доводит настроение зрителя до апогея омерзения к современному французскому мужу, и ставит женщину в такое безысходно-мучительное положение, что ей где-нибудь, в чем-нибудь — вне брака надо искать спасения.

В последнем акте, самом безнравственном, но в то же время логически реальном и правдивом, автор сводит всех трех сестер на такой психической минуте, когда и замужняя сестра, утомленная и разочарованная своею супружескою жизнью, хочет все бросить и сделаться, как старшая сестра, простою работницею, и сестра, избравшая своею карьерою продажную любовь, хочет тоже искать возрождения на пути честного труда, но обеим старшая сестра, отдавшаяся делам благотворительности, говорит: «нет, вы в моей жизни не найдете счастья, я сама так измучена своею ролью, я так сильно страдаю от моей жизни лишений и долга, что завидую тебе, в твоей жизни порочного довольства, завидую и тебе, сестра, в твоей безнравственной супружеской жизни.

В заключение, над двумя сестрами остается вопросительный знак, а развязка дается автором только судьбы замужней женщины. Убежденная советами сестер и отца, она философически мирится с мужем, а когда муж говорит жене, что они поедут на дачу и он пригласит гостить своего друга, который в начале пьесы стал ухаживать за нею, молодая супруга развеселяется и говорит, что она будет искать супружеского счастья в любви этого друга...

Такова комедия нравов нынешнего Парижа; пьеса разыграна художественно хорошо» («Гражданин», № 86, 1879 г., стр. 11—12).

Вот уличные сценки, т. е. я говорю о нашем Венглере, об этих трех сестрах-француженках и «двух блудницах», встревоживших мир, расстроивших пиршество Соломона. Там и здесь, в основе сценок, полегли тысячелетия культуры, и нам очевидно, что эти культуры — расходятся: т. е. расходятся именно на почве понимания существа рождения. Израиль, выросший на Библии, «в ветхом завете», и мы, под углом внимания к бесплотным «λογοι» Евангелия, без дополнения их мыслью Вифлеема — несоизмеримы в линии данной темы. Там рождение — всегда благословенно; оно гордо, оно «возносится» и, чуть-чуть запутываясь, «восходит до царя»; но, мы догадываемся, оно имеет смелость «взойти до царя», ибо около него, «воздев руки горе», и «кивот завета», и «всесожжения», и внимание летописца, а уже затем и царь, прерывающий для него свой пир. Мы говорим — тысячелетие культуры, и на ее фоне картинка; перебежим же к другим картинкам. У нас, очевидно, не постигнуто существо рождения в своем смысле; полу-отвержено, полу-пренебрежено; отдаленно и косвенно — оно отвергнуто; и опять — это тысячелетие, и вот лишь на фоне его мы постигаем отца, удавливающего свое дитя на кнутовище, и печальную судьбу трех сестер. Здесь нельзя

не обратить самого пристального внимания на следующее. Все взятые «с улицы» нами фигуры суть «общие очерки» человека, без оригинального в них я, без гордости, без сил к борьбе; в Библии «блудницы» даже не названы по имени; но и «Венглер», или эти три сестры — все это «№№» человека, а не «человек»; т. е. тут, действительно, все принадлежит культуре и ничего не принадлежит слабому я. Мы взяли колеблющиеся тростинки, и по их сгибам исследуя ветер, находим, что в одном случае он дует с «благодатного», «рождающего», «благословляющего» юга, и в другом — с полуночи...

Ибо приведенные нами факты, все факты «раз»-единения плоти, «раз»-членения человека, по всем истинно-ужасающим чертам своим суть факты бесспорно «полуночные», «пустынные», «отрицательные»; умный дух «пустыни», дух «небытия» и «отрицания» явно и чудовищно (случай Венглера) заглаголил в них. Мы имеем в точности «иродовы искания»; мы в точности наблюдаем как бы последний шелест листьев «засыхающей смоковницы». Это — случаи, но уже не нужно повторять, что эти случаи суть знамения культуры, ее темный, могильный креп.

Цивилизация европейская, не сейчас только, но и всегда, вечно, была и есть «не» плодущая цивилизация; она никогда не вознесла «до неба» (гордо и вместе свято) «чрева носящего» и «сосцов питающих». Женщина сыграла в ней «большую роль», но «игривую», и как-то допустила (да и как было не допустить, когда это лежит в смысле всей цивилизации), чтобы отнеслись «игриво» именно к специфически женственным и материнским в ней чертам.

Как мало, незначуще и тускло в ней участие женщины, дитяти; это типично не женственная, и поэтому типично не нежная цивилизация; типично не «детская», т. е. не невинная.

«И вражду положу между тобою и женщиною, между детенышем твоим и дитятею ее: оно уязвит тебе голову, а ты уязвишь ему пяту» (Бытие, 3, 15, буквальный перевод с еврейского *Мандельштама*), сказал Бог (древнему) Змию. Это — принцип, это — не предсказание; сказано «женщина», а не «Дева», не «дитя Девы», как наш Спаситель. Самая суть и дыхание древнего Змия, его «детеныши», и суть отрицания сосцов и чрева. И, как в случае Венглера — оно выражается в фактах индивидуально почти невинных, ибо отец тут первый и страшный страдалец, но которые ужасом своего вида, ужасом детской крови показывают, что «не сего мира» сие дело; что тут человек не изобретал, не придумывал, — а бессильно как феномен повинился тоже Ноумену, но уже не светлому рождающему ноумену пола, а темному, отрицательному. «Умный дух пустыни, дух небытия и отрицания» поговорил с ним, научил его, внушив ему: «И вражду положи между *собою* и между *семенем жены*»...

ИСТИННЫЙ «FIN DE SIÈCLE»¹

Солнце XIX века закатывается в лучах мошенничества. «Эстергази или Дрейфус?» «Который мошенник?» «Или мошенники — оба?» Не то существенно, что к концу знаменитого и гордого века оказалось налицо несколько всесветных мошенников, но важно, что в течение дней, недель, месяцев и, наконец, лет целая Европа с наибольшим прилежанием ума и чуткостью сердца следила за подробностями жизни людей, о которых с самого же начала не могло быть спора, что в сущности все они суть самые плоские людишки, без остроумия, которое было когда-то у Картуша, без рыцарства каких-нибудь «братьев разбойников» и даже без приключений нашего Савина; важно, что после Панамы и процесса шантажистов прессы, Эстергази и К^о — очевидно не эпизод, не случай, но, так сказать, звено в некоторой эволюции, «момент» исторического процесса, коего окончания нам предлежит ждать. Но этот «момент» так плох, что, оставляя в стороне страхи за XX век, мы с испугом спрашиваем о конце XIX: неужели ничего в нем не нашлось, что из воображения, из памяти, из любопытства людей имело бы силу вышибить эти эпюлеты некрасивого французского покроя, эти вздернутые усики или хвостоподобные усы, эту убийственную плоскость лица?

Можно подумать, что это — ошибка печати, которая создала рекламу мошенничеству и возвела улично-полицейский эпизод в значение исторического события; но нужно заметить, что никто так сильно не скучает необходимостью наполнять столбцы газет этим эпизодом, как журналисты; что группа писателей, случайно собравшись, даже не упоминает никогда имен этих прославившихся майоров. Нет — это не интерес печати. Но печать подчинилась всесветному интересу к мошенничеству, и, наконец, она подалась перед тою пустынною исторической атмосферы, которая собственно и составила условие, что скверный эпизод скверных господ вдруг стал виден от Таго до Камы, и, так сказать, знаменитостью своею нахально требует себе почти Вандомской колонны. Начав Наполеоном, почему не кончить Эстергази?.. XIX век остроумен, или, может быть, очень несчастен?..

---

¹ «конец века» (фр.).

Была Тюбингенская школа богословов, критиковала Евангелие, и что-то там раскритиковала, какие-то рукописи и тексты; ну, интересовались; одни пугались, другие радовались; но и одни и другие — не до «положения» же «риз». Был Пушкин, но как туго он входил в общечеловеческое внимание; мы по годам, по десятилетиям считаем, что вот «и во Франции его стали понимать», «явился Меримэ и истолковал», на родине то «вспомнили», то «опять забыли». Волна внимания то приходит, то отходит; бессильная в приливе уже, и потому — отливающая. Был Байрон, смутил, заразил и взволновал умы, но едва ли, однако, до последней мещанской семьи, до разговора двух кокоток, которые сегодня, раскрывая № газеты, спрашивают: «итак, душенька, Эстергази или Дрейфус?» Над евангелиями, над поэзией, над скорбною кончиною австрийской императрицы Елизаветы, как бы вплетшею ужасное в смешное, торжествуют устойчивостию и всесветностию к ним внимания два человека: офицер-альфонс и богач-еврей, который лезет к эполетам, которых ему не хотят дать и которых ему, в сущности, ни для чего не нужно. В самом деле, не только биография императрицы, с ее любопытною привязанностию к памяти и к поэзии Гейне (частный интерес, господствующий над общим, в человеке столь общего положения), не только биография Пушкина, разночтения его строф; но и попытки христианского мира защитить свое евангелие от критики германских кропунов не вызвали тех стоп печатной бумаги, которые вызвал в сущности изумительно бессодержательный процесс. Бедный Гуттенберг: если бы он знал, если бы он предвидел... Бедные типографские наборщики, с больными глазами, зелеными козырьками-абажурами, во вредной свинцовой пыли шрифтов, которые оказались изобретенными для волнений около «bordereau»¹ и какой-то «надорванной» и «склеенной», но, к всемирному несчастью, не разорванной и не отнесенной в клоаку, телеграммы...

Гоголь, в одной из черновых своих бумаг, набросал как бы план или идею задумываемых им «Мертвых душ»: — «Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословие, сплетни, перешедшие пределы. Как все это *возникло из безделия* (курсив здесь и ниже Гоголя) и приняло выражение, пошное в высшей степени; как люди не глупые доходят до делания совершенных глупостей... Как пустота и бессмысленная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертию. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются... Смерть поражает не трогающийся мир. И еще сильнее, между тем, должна представиться читателю мертвая бесчувственность жизни. Проходит *страшная мгла жизни* и еще глубокая скрыта в том тайна... Не ужасная ли вещь — жизнь без опоры прочной? Не страшное ли она *великое явление?*.. Так слепа жизнь при бальном сиянии, при фраках, при сплетнях и визитных билетах».

---

¹ ведомость (фр.).

Удивительно, до поразительности удивительно, как эта черновая запись, брошенная Гоголем в корзину и вытащенная оттуда Тихонравовым, не только до глубины выражает, но и до подробностей очерчивает ту картину, над которой мы плачем сейчас. О, наш пророк, с «незримыми» его «слезами»; о, наш вещун! Не об одной России он плакал; особенность его странной и никем никогда не разгаданной (в источниках) печали быть может лежала в том, что рок указал ему быть Иеремиею не руин своего времени, своего отечества, но культуры европейской, но цивилизации... христианской.

Да, почему не произнести, наконец, этого слова? Ведь сущность того, что последний и самый пышный век этой цивилизации заходит в лучах мошенничества, заключается, мы заметили, в пустынности, безынтересности, в невидимости какого-нибудь лица или какой-нибудь идеи, которые пребороли бы «колоссальность» «boudageau» и «телеграммы». Ведь не в них дело, не в Эстергази и Дрейфусе, а во мне, в нас, и, в последнем анализе, в том, что цивилизация от востока и до запада, от севера и до юга сочтется такой ужасной, невозможной прежде всего и яснее всего — скущицей. Но «скука» — это пустыня; это — ничего. И если «ничего» не произрастает на почве данной цивилизации, не очевидно ли, что иссякла, выпажана она; что выдохлась самая «земля» под нами, и потому мы выбегаем из нее такими чахлыми, бедными, без съедобного в себе зерна, колосьями. Жалок человек; жалкая историческая нива, но уж позвольте — доканчивайте же: жалок не колос, а бесплодна и, следовательно, невозможна для дальнейшей пахоты, самая земля. Так все плохо; так всеобщее плохо, что мудрый сеятель, задерживая зерно в кошнице, должен подумать и подумать, куда его выбросить...

В самом деле, можно все критиковать со стороны истины или достоинства, хотя нужно быть слишком гордого мнения о своем уме или непорочности сердца, чтобы произносить суждения об этой стороне вещей; но можно еще все критиковать со стороны *силы* — и, может быть, это есть настоящая историческая точка зрения, ибо в истории, несомненно, остается сильное и сходит на «нет» слабое. Мы отказываемся от «ума» *fin de siècle*; отказываемся от *fin de siècle* истого сердца; но не обманывает же нас глаз и его смиренная физиология: о, она именно показывает, что никакая более красота не сочтется из нашего сердца; что не умеем мы ни производить, ни даже выбрать и залюбоваться «прекрасным или вечным». Уж какое тут «прекрасное», какое «вечное»...

А если мы все таковы — значит «мать сыра земля не держит»; и нива падает, ибо не недрится корнем на пустынном кремне, который под нею остался за совершенной выпажанностью азотистых, живых частиц. Никак из этого круга суждений не выйдешь: ну, бездарен я: но ведь бездарны все мы; или по крайней мере все не гениальны; и ведь это не пять, не восемь лет: но гораздо более, по крайней мере — четверть века. Понаблюдаем. Что-то надорванное, нервозное и частью фальшивое было, например, в наших последних поэтических силах; я разумею

Гаршина и Надсона, которые пропели свою краткую песню слышно на всю Россию; надтреснувшая струна — в одном случае, смычок дрожащий — в другом. Это — так очевидно, так бесспорно, так многозначительно в духовном оркестре Европы. Мы говорим о Европе, ибо, кажется, там и не восходило лучших «светил», нежели эти две бледные звездочки, уже четверть века. А четверть века для группы, для такой огромной группы народов — многознаменательна. Укажите в истории еще четверть века, в которую не появлялось бы совершенно и нигде ничего нового, великого или по крайней мере занимательного. Вы не найдете. Не было поэтов — были полководцы; не они — так мореплаватели; наконец, был интерес в самой эпохе. Но если бы вас пробудили сегодня ночью и внезапно спросили, что такое особенно интересное происходит в мире, вы бы не нашлись на это ответить, как нашелся бы гренадер Наполеона, якобинец, пуританин, католик в ночь св. Варфоломея. «Эстергази или Дрейфус?» Но это не так интересно, чтобы вспомнить, даже проснувшись ночью.

В интересных своих «Этюдах» г. Old Gentleman не раз отмечал, на основании исторических изучений, глубокое сходство симптомов нашего времени с симптомами древнего мира перед появлением, или, точнее, перед торжеством христианства, т. е. сходство симптомов упадка, падения. Но чьего же падения: там — язычества; но — у нас? Вот щемящий душу вопрос, от которого не умеешь освободиться. За двадцать лет до г. Old Gentleman'а Достоевский обронил, в «Дневнике Писателя», и скорбный, и дерзкий термин: «не удавшееся христианство». Как страшно это подумать; но, в самом деле, где же плод, по коему мы могли бы узнать, что древо христианства еще живо? Достоевский, как это записано в воспоминаниях о нем, не иначе, как с наворачивающимися на глаза слезами, мог слушать что-нибудь отрицательное, что в его присутствии говорилось о христианстве или Христе; и если он написал приведенные выше слова, значит, его вичее сердце тоже почувствовало что-то тревожное, как и вичее сердце Гоголя, как это, наконец, чувствуем все мы, от Old Gentleman'а до меня, почти случайно заговорившего о Дрейфусе. Панама, шантажисты, дрейфусиада — конечно это похоронный колокол, похоронный колокол всякого идеализма, и в цивилизации христианской это — похоронный колокол самого христианства. Красота Евангелия — все та же, истина — та же; но, мы заметили — есть истина и есть *сила*. Истина Евангелия не превозмогла человеческой лжи ли, порочности ли, скудоумия. Тьма объяла свет и... свет «не победил».

Это так очевидно — против этого нельзя спорить. Сейчас мы видим благороднейшие усилия благороднейших умов оживить, насадить свет Христова учения, по крайней мере, в детских сердцах. Захарьин жертвует 500 000 р. на церковно-приходские школы — хороша лепта и велика; старый профессор Рачинский четверть века живет с крестьянскими ребятами и обучает их по псалтири, по часослову: свят подвиг, праведен муж. Но есть истина, есть сила: встают нахалы в эполетиках и... где же Захарьин, где — Рачинский? Они раздавлены, подавлены, луч их света

не ясно ли потонул в совершенной «объявшей» их «тьме»? А если так, то «тьма объяла», и «несть света», который бы ее превозмог.

Замечательны тут подробности. Захарьин «отвалил» 500 000 руб.— это акт простой, перевод денег в банке, перепись цифры из книги в книгу; конечно, велико безмолвное, в тиши ночей, решение сердца; труд г. Рачинского гораздо замечательнее, он достоин биографии, достоин истории: это — 365 дней года, помноженные на 20, тут так много непрерывности, терпения, тысяч и почти десятков тысяч маленьких скорбей и радостей. Так, прекрасно, высоко. Но однако ни жертва одного, ни подвиг другого не выразились во всемирно-засверкавших лучах, которые засыпали бы, победили бы, свели на «нет» и, словом, подвели под сапог нахальство тех господ, которым место — точно под сапогом, между тем как они ухитрились залезть в центр всемирного внимания. Талант их мошенничества превозмог талант подвига. Есть правда, но есть еще и сила. Ну, если бы опять Давид заиграл новую «псалтирь», заговорил Исаия, где были бы Эстергази, Анри и Дрейфус? Но мы смиренно, в тиши села, учим псалтирь, переучиваем ее в тысяча восемьсот девяносто восьмой раз: Эстергази победил. В его нахальстве есть оригинальность и новизна, или, по крайней мере,— оригинальность и новизна в том, что «так глуп» — и вот, подите же «на весь свет»; но что́ есть нового, оригинального и что могло бы привлечь всемирное внимание в том, что еще раз эта группа детей учит эту прекрасную книгу? Восхождение солнца в той же точке зодиака, в которой оно восходило со дня миротворения.

Вот секрет «неудавшегося христианства»: что оно не произрашивает из себя плодов существенно новых и оригинальных. В нем — вечная нравственность, которой последовать бы временно живущим людям. Выходит Эстергази и дает существенно новое представление: скучающее стадо человечества — увы, скучающее без нового, вечно без нового, скучающее — оставляя псалтири бежит забыться около шарманки. Что делать: так мы устроены. Дайте нам еще арфу, опять Давида: и конечно — мы не будем слушать Эстергази. Таким образом, «fin de siècle», тоска Гоголя, предчувствие Достоевского, да и глубокая полутревога, полуотвращение всех нас имеет фундаментом под собою то общее явление, что недостает творческой и неиссякаемой, вечно неиссякаемой бури, которую в наших бедных сердцах подняло бы «слово живота». Мы подходим к силе: дайте нам не истину, но истинную силу, коею наполнив грудь, мы «полетели бы — и не устали», «пошли бы и не утомились». Мы утомились, обессилены в вечном стереотипе: вот почему мы занялись Эстергази.

Это нас вводит в цикл идей, когда-то насмешивших публику и которые были высказаны г. Вл. Соловьевым. Он построил такую схему (мировых сил ли, начал ли): царь, первосвященник, пророк. По его частнейшим указаниям царь «бысть от Востока, в православном граде Москве»; первосвященник уже дан в Риме и давно ждет запоздавших пилигримов, особенно с Востока; остроумнейшие между читателями могли догадываться, что «пророк» дан или готовится в самом авторе

концепции. Но, оставляя смех, мы переходим к серьезному в этой мысли: в самом деле, христианству недостает и даже собственно всегда недоставало пророков; и не было в нем самого духа пророческого. Оно имело великих учителей, наставников, проповедников, всего более — катехизаторов. Но оно не имело арфы и не выразилось в псалтири. Европейское человечество приняло «благую весть» на острие рассуждения и отнесло ее в академию, а не на умиление сердца, и не понесло ее на струны. Вот секрет «тьмы», объявшей «свет», бессилия света и нашего печального *fin de siècle*.

Это подводит нас к утренней заре XX века, к надеждам, которые мы можем простереть сюда. Замечательно, что все мечтания о содержании этого наступающего века (их было много) носят однообразно технический характер. Если в XIX веке мы ездим по железным дорогам, то в XX станем ездить на аэростатах; двигаясь теперь со скоростью 60 верст в час, будем тогда двигаться со скоростью 160 верст. Все улучшения будут около нас, вокруг нас: улучшения пособий нашей деятельности; но что улучшится сам человек, что новое вырастет в его сердце, заволнует его ум — об этом не было ни чаяния, ни догадки, ни просто сознания, что это сколько-нибудь необходимо. Этот характер мечтаний есть также показатель ужасающей «убыли души», какую мы наблюдаем к концу века; и, прерывая эти технические мечты, можно высказать хотя бы одну идеалистическую, которая ответила бы именно ужасной нужде самой душе нашей.

Бесспорно, она растет из христианства. Никто не захочет возражать, если мы скажем, что оно шире всех истолкований, какие ему давались; что человеческая мысль и человеческий труд, приложенные к Евангелию в течение двух тысяч лет, не покрывают собою всех сокровищ, которые в нем содержатся. Вот смиренный взгляд человека на себя, который открывает ему возможность новых взглядов. Мы поняли его, т. е. XIX веков понимали, как некоторую систему мышления, как бого-«мыслие», а не бого-«ощущение». Можно сказать, вопреки тысяче слов самого Спасителя, мы все-таки взяли Евангелие умом и в ум, а не сердцем и в сердце. Об этом говорят истории семи вселенских соборов и множества поместных западных, из которых многие продолжались семь, восемь, и даже — как Тридентский собор — целых тридцать лет. Тридцать лет рассуждения! Но мы не ошибаемся, если, компактно охватив христианство, заметим, что все почти две тысячи лет европейское человечество рассуждало об Евангелии, над Евангелием, по поводу Евангелия — между тем как его можно еще *почувствовать и исполнить*.

Можно, и именно догматически можно, по тому или другому вопросу, собрать не слова, но собрать *поступки* Спасителя в совершенно аналогичных случаях, или в случаях близких, подобных; и их, а не слова положить догматически в фундамент решения. Нужно заметить, что тогда как речения Спасителя едва ли донесены до нас в буквальной их точности, а между тем от малейшего варианта в них зависит чрезвычайно многое, — Его *поступки* и их *обстановка*, по самой, так сказать, сложности и массивности их фактуры (дело, а не слово) не могли не быть

переданы правильно, или, по крайней мере, варианты передачи здесь не имеют огромного значения. Можно верить, что при подобной полноте воззрения на Евангелие большинства ересей не возникло бы, и, главное, мучимые «еретики» никогда не имели бы основания с таким святым негодованием указывать, что с ними поступают «от имени Христа», но «не по-христиански»: предмет вечного смущения для христиан, недоумения для христианского историка. Ереси, или большинство их, и были первыми порывами войти в полноту христианства, при очевидно одностороннем, лишь на сплетении слов основанном, постижении его установившимися церквами. И вот мы сейчас подойдем к родникам порыва, одушевления, не вскрытым еще в христианстве: ведь *память, припоминание, консерватизм* в припомненном существенно исключает *порывы*; в порыве — какая же память: тут сейчас наделаешь «святых ошибок», убавишь слово, прибавишь слова. Метод *осторожности и точности*, естественно, стал господствующим в христианстве, как только оно начало утверждаться на *памяти слов*; но оно все пойдет на струны, как только взглянет на Лик, на Движителя, на Жившего и еще как бы сейчас Живого и между нами Ходящего. Замечательно, что тогда как в словах евангелистов есть несогласованности или трудно согласимые места, в Лице Спасителя нет черт противоречивых — Оно цельно и едино. Тут все вероисповедания сливаются, т. е. вероисповедных различий не могло бы и возникнуть, если бы мы приняли к исповеданию всего Спасителя, а не помнили только тексты и их «разночтения». Что могла бы сказать Тюбенгенская школа пред Лицом Спасителя? Как бессильно рассыпался бы смех Вольтера! Да и вообще, кто в человечестве мог бы восстать против «поступающего» Спасителя, как «лжеименный разум» восставал и оспаривал Его «говорящего» или о Нем «говоривших» евангелистов.

Вот тема для великого идеального движения XX века: разработка в музыкальных тонах того, что мы разрабатывали до сих пор механизмом памяти. Мы построили церковь исключительно в чертах *точности и последовательности*, почти *юридической*: она стала или мы усиливаемся ее сделать «хранителем», «консерватором» канонического права, почти в том смысле, как есть «консерваторы», «хранители» музеев, археологических и других. Тьма, так явно «объявшая» христианский мир, объяла вовсе не Лик Спасителя: как это могло бы быть с Лицом Божиим? Но она потому и объяла христианский мир, что он вовсе не содержит в себе этого Лица Божия, а лишь скудно и бедно держит в памяти одни донесенные от Него «*λογος*». Таким образом, вовсе не почва христианства оскудела под человеком; но собственно «выпахались» и «не рождают» более те способности человеческие, которые непрерывно две тысячи лет, все одни и те же, применялись к нему. «Ум» христианский, «рассуждение» христианское — исчерпано, и, быть может, истощено; сердце христианское, порыв христианский, музыка души христианской не пробуждена, и она может бесконечно жить и бесконечно, кажется, может сотворить...

НОМИНАЛИЗМ В ХРИСТИАНСТВЕ

Можно ли поверить, чтобы какие-нибудь слова читались полторы тысячи лет и всегда читались неправильно? Чтобы эта неправильность доходила до непонимания, к какому подлежащему относится предложение и что составляет в нем сказуемое? Наконец, чтобы это были слова, повседневно повторяемые и которые положены в угол жизненного фундамента? Этот вопрос я невольно задал себе, пробежав в любопытной статье г. А-та «Текущие военные вопросы», в № 8087 «Нов. Вр.», прекрасные слова о семье, о браке, их фактическом сужении в нашей печальной жизни, и вытекающем отсюда плотском загрязнении человека. Как и всегда в своих статьях, г. А-т трезво и реально указывает на трудную совместимость семьи и воинских обязанностей, а еще более — воинских чувств, характера, всего сложения человека и быта. В самом деле, семейный воин есть до известной степени «разоружающийся» воин, и, наоборот, семьянин при оружии есть полусемьянин, есть начинающийся бобыль. Крестьяне наши, кому из них предстоит отбывать воинскую повинность, не вступают до нее (между 18 и 21 годом) в брак, и обычай ранних браков, повсеместный в России до 74-го года и прочнее всякого закона охранявший народное целомудрие, повсеместно исчез после введения всеобщей воинской повинности. Картина семьи, как она сложилась у нас под тысячею воздействий и между прочим под влиянием широкого развития вооруженных сил, рисуется г. А-том с его обычною яркостью:

«Бриллианты и цветы ложатся у ног беззастенчивых этуалей, и тено-ра-душки имеют неоспоримое преимущество перед забавными и вечно перегруженными дачными мужьями. Честной девушке без талантов и невероятной красоты остается судьба и профессия фельдшерицы, бухгалтерши, иной раз зубодерки даже, но на семейное счастье, на мирное существование в недрах устойчивой и честной семьи везде и всюду сегодня очень и очень мало надежды. Невольно набивается злая (а по-нашему — добрая, благая) мысль: разумно ли, при таких условиях, вообще посягать на свободу тех немногих и исключительных мужчин, которые еще сохранили наивное желание жениться именно для семьи?»

Статья написана по поводу предполагаемых в военном министерстве новых мер к ограничению офицеров на женитьбу; как мы читали в одной газете, комиссии, которой поручено было рассмотреть этот вопрос, едва не было указано рассмотреть, в связи с ним, и вопрос об ограничении семейных прав вообще чиновников, но, по крайней мере временно, эта часть вопроса была снята с очереди; и вот г. А-т продолжает:

«Однако суровые требования современной военной службы¹ отвечают на жгучий вопрос об этом ограничении утвердительно: да, разумно! Ввиду последнего ярко выступает также вопрос о способах обеспечить чем-либо существенным запрещение вступать в брак раньше известного срока или без реверса. Старые средства в этом отношении были более чем наивны, так как за женитьбу без разрешения страдал более венчавший священник, сам же женившийся получал от начальства строгий выговор, но в конце концов оставался женатым. Боже мой, да такие ли испытания может преодолеть сильная любовь юноши? И вот возникает необходимость усугубить кару за самовольное вступление в брак. Но как? Изгонять из службы нельзя, частью ввиду ее обязательности, а еще более от недостатка офицеров. Допустить насильственные разводы, значит создать новый церковный раскол. Наш православный брак считается браком нерасторжимым, и то, что соединено Богом, люди не могут уже разъединить. Это — серьезный догмат, с которым необходимо считаться...» и т. д.

Читатель замечает, что у писателя, коему нельзя отказать в высоком здравом смысле, догмат о семье, догмат семьи соскользнул на догмат о венчании: не разрушается, «не расторгается насильственно» последнее — и заповедь Христова: «Что Бог сочетал, человек да не разлучает» считается исполненной. Семья рушится; картина нарисованных нравов (см. первые строки) подобна картине Рима эпохи упадка; и вытекает, что это состояние, это реальное состояние семьи не только не отрицает собою завета Спасителя, но и как бы не имеет к нему никакого отношения, движется, так сказать, вне и не задевая евангельского учения. Что тут не г. А-т ошибается, что он лишь безмолвно следует какой-то чудовищной аномалии, именно непониманию, к какому подлежащему Христос относил свои слова, — это можно видеть из удивительного покоя церкви при фактическом разъедании, подрыве, разрыве семьи. Кто пишет по поводу новых предполагаемых военно-административных мер? — Они задевают живое, задевают семью — и тревожится г. А-т, тревожусь я. Но эти меры нисколько не задевают собственно венчания и венчающих священников и совершающих «разводы» духовных консисторий, — и от петербургского «Паломника» до «Амурских Епархиальных Ведомостей» едва ли есть хоть страница, которая была бы посвящена вопросу. Как бы Спаситель, сказав о браке (Матф., 19) — дал

---

¹ Нужно бы справиться с историей, как было дело в Риме. Это было самое вооруженное и прочно дисциплинированное государство, но с богатым, не в уровень нашему, инстинктом семьи, который едва ли был принесен в жертву «военной службе».

не заповедь *мужу и жене*, а послал «ордер за №» в наше духовное ведомство. Так выходит. Так ощущается.

Это — номинализм. Закрадывается подозрение, что «христианство», «христианское состояние» не есть способ христианского жития, не есть живой и конкретный образ «живущего» христианина. Оно есть, т. е. сделалось в веках только последовательностью некоторого определенного *исповедания*; слилось с понятием *доктрины*; улеглось, от маковки и до пяток, в *книгу*. Оно есть рационализм христианский, доктринерство христианское. Слова Спасителя о «книжниках» и фарисеях не получили никакого практического применения (пугающего предостережения) в первой своей части, и, быть может от этого, не получили применения и во второй: понятие христианина и лицемера, т. е. ложного, лживого исповедателя, почти слилось. Но что ужасно, то это — то, что это не недостаток нравов, не падение нашего века, не грех Ивана и Петра: это суть и тенденция самого дела, и, как ни печально произнести, это-то именно и есть христианство, как оно выразилось, как оно фразировалось и расцветилось в истории. Мы указали на конкретный пример, который разберем подробно ниже; но вот факт из истории: костры инквизиции вспыхнули ли против еретических *фактов*, против еретических *действий*? Нет, но против еретических *слов*: т. е. именно «слово» и, в последнем анализе, «страница» или «строка» книги, в понимании самой церкви, тысячу лет назад и сейчас, и составляет суть христианства; так что нарушить христианство нельзя действием, но только мнением, мыслью. Семья падает — это вне орбиты христианства; но семьдесят легкомысленных голов впали в «лжеучение» Толстого, — и христианский мир в тревоге, и от «Амурских Епархиальных Ведомостей» до петербургского «Странника» страницы горят полемикой.

Разберем теперь подробнее факт, побудивший нас взяться за перо.

Христос вверил церкви вовсе не институт «венчания», а институт брака; и указал беречь чистоту и целостность семьи, а не чистоту и целостность венчания. Подлежащее слов Спасителя есть семья, связь в браке, реальная, а не связь в метрических книгах, которая «когда неразрушена — церковь цела», «страницы могут молчать»; и хотя человечество гибнет (от разрушения семьи), но зато «христианство остается». «Не расторгаются венчания»; расторгаются только семьи («разъезд») или семьи вовсе не допускаются (новый закон об офицерах) и канон целостен, авторитет церкви не поколеблен и... что же, «заповеди Христовы исполнены»?! Ведь этот быт, аналогичный быту Рима, через тысячу невидимых нитей достигает и до меня, карает меня; ну, и какое же утешение для меня в сифилисе, с разрушенной семьей, с дочерьми-«зубодерками», читать «Пространное догматическое богословие» Макария? Вот уж поистине Брут, читающий перед смертью «Федона»; но мы, кроме «Федона», имеем еще церковно-приходские школы. В юности — слова, в старости — слова; и повитые ими, что смертными пеленами, мы нисходим в могилу...

Слова Спасителя относились к наличной (и вместе вечной) действительности того времени, т. е. к *семейному союзу, союзному в супружестве течению жизни*, к браку в жизненной его связанности. И понятно, что всенародною мыслью отнесенные сюда, они высветили бы необыкновенным светом и несокрушимою прочностью этот союз, до непонимания людьми, как можно разорвать его. Так было бы, если бы не совершилось печальной замены, подстановки на место «вещи» брака — о нем «слова». Вся человеческая заботливость, все человеческое внимание, вся человеческая бережливость легла бы *внутри* семьи, *между* мужем и женою, а не *вне* семьи, не *около* нее (венчание). Самые внешние меры получили бы обратное теперешнему направление, именно направление к *устройству* семьи, к *расчищению свободы* для нее, а не к ее *сужению*. Сейчас военное ведомство, суживая фактически брак, и становится именно «человеческим противодействием» Божией тайне, вложенной в инстинкт полов, склонящихся к религиозному союзу. Это есть *ересь действия*, о чем, к печали нашей, самого понятия церковь не развила. Эта-то именно установка *преград перед браком*, что обсуждается сейчас и еще в большей мере совершилось в 1874 г., и есть *разрушение таинства брака*; есть его разрушение всякое фактическое расторжение связи между мужем и женою («разъезд»). Но, напр., так называемый церковный «развод»?! Даже непонятно, что же именно сторожится, стережется церковью, когда уже брака в его реальном содержании — нет?! Таковое сбережение скорлуп вместо внимательного сохранения, предварительного предохранения от порчи самого зерна брака — непонятно; во всяком случае, это не есть прочность, ненарушенность, неразрушимость таинства. «Таинства» суть всегда тайно-«действия», но не тайно-«глаголания»; именно — это те действия, природа и основание коих, хотя они совершаются человеком, для него остаются непостижимы, мистичны, большею частью — подневольны. Такова семья, безусловно таинственная в своих инстинктах; явно религиозная по связи детей с родителями, родителей — с детьми, по неразрешимой тайне самого их рождения и этой таинственной безгрешности, которую мы наблюдаем в младенце. Вот — «брак»; его «таинство» идентично таинству «семьи»; но затем остается «венчание», о коем в суженном и утонченном значении нет никакого глагола в Новом или Ветхом завете, оно возникло их позднее, и весь свет его есть чисто отраженный и обратный, падающий от высоты той тайны, в которую благословляется человек. Нельзя же штемпель монеты, «орел» и надпись «пять рублей» смешивать с ценностью золота, помещенного в монете. Золото брака, его вес и ценность — в *поло-сочетании, поло-переплетении*, т. е. в том, что лежит за венчанием, *после* венчания: а последнему принадлежит только взвешивание, определение, прописание цены. Нет полов — нет брака, не будет венчания; как нет золота — нет денег. Но если бы и было венчание, при отсутствии полов — оно не произвело бы брака; как при отсутствии золота — одни бумажки не могли бы ходить. Если бы центр тяжести

лежал не в длительном течении супружества, не в предварительном склонении полов, если бы не это было свято и священно: — как церковь пошла бы благословлять, кто имел бы бесстыдство позвать ее благословить? Т. е. предмет *тайны* есть *вещь, сосуд* таинства — *семья, и тайнотворцы* — *супруги*. Мы имеем таинство евхаристии. Конечно, оно происходит в чаше, оно есть претворение вина и хлеба в тело и кровь Спасителя, т. е. скрытый, невидимый, мистический акт; вовсе таинство евхаристии не идентично, не исчерпывается, даже вовсе не состоит из *словоглаголания над чашею*. Вот параллель, из которой мы можем научиться, что в браке свято и священно, вечно и нерасторжимо, и, наконец, чему нельзя делать препятствий: это — *брачное житие*. До какой степени это очевидно, можно привести следующее косвенное еще доказательство: состояние монашеское есть высоко радостное и высоко благословляемое церковью; но это благословение («постриг») она не решилась назвать «таинством», ибо за ним следуют молитвы, подвиги поста и молчания, но — никакого особенного действия, подобного наступающему в семье; и очевидно, лишь по составу последнего, благословляя гораздо менее отвечающий ее идеалу семейный союз, она называет его «таинством».

Мы заметили, что семейный воин есть «разоружающийся» воин. «Вечный» мир, «вечное благоволение в человецех» — никто не догадывается, как это близко!.. Это и есть вечная семья; семья, как канон бытия человеческого, просветленная и универсально потребованная. Церковь поняла в ней только «венчание»: как это бедно, как это узко и, закрывая все дело — почти опасно. Семья — это «Аз есмь» каждого из нас; «святая земля», на которой издревле стоят человеческие ноги. Это есть целый клубок таинственностей; узел, откуда и начинаются нити, связующие нас, ограничивающие наш произвол, но так, что только здесь мы радостно покоряемся подобному ограничению: т. е. начало религии, религиозных сцеплений человека с миром. Это есть настоящее духовное отечество наше, без коего каждый из нас — духовно бобыль. Семью нужно понимать как труд; как неустанную заботу друг о друге, как единственный предмет, для коего труд нетруден и забота не утомляет; способ такой связанности людей, где они уже без «Нравственного богословия» любят друг друга, проливают друг за друга пот и готовы пролить, да и проливают иногда, кровь. Конечно, это религия! Как же можно стеснить вступление в эту религиозную связь, и, так сказать, в этот Иерусалим всеобщечеловеческого бытия? Г. А — т замечает: «Даже строжайшие требования армии и отечественной самозащиты не могут допустить насильственных разводов, ибо это значит нарушить догмат и начать раскол»; но, как мы объяснили, тут путаница: подлежащее догмата есть не «венчание», а «брак», течение «супружеской жизни», и слова: «Что Бог сочетал — человек да не разлучает» относятся именно к инстинкту сочетания, к вложенному Богом склонению полов; и даже отдаленно они не относятся к «венчанию». Т. е. *нарушение догмата*

о браке и есть сужение прав брака, препятствование ему, «разлучение» как и «недопущение». Однако нельзя спорить, что есть жестокие условия, есть такие тернии жизни, такие «быть или не быть» в истории, когда, даже не смущаясь расколами, догматы задерживаются в своем действии, «субботы» отменяются. Таков ужасный вооруженный мир Европы, требующий сурового бобыля-воина, этой сухожильной человеческой митральезы. Мы и не подымали бы вопроса о браке, если бы в нынешнем году с Престола не раздались радостные слова: призыв к обеднению, к умягчению, к понижению этой митральезы. Разумеем мирную декларацию нашего Государя к народам. Тогда мы указываем на семью, как противоположный армии институт, и говорим, что сужение армии ничем так верно не может быть достигнуто, как расширением семьи и распространением ее начал на армию. Воины будут «похуже», реально указывает г. А — т; да, «похуже», от Амура до Таго, всюду женатые, — и это есть начало «вечного мира»; война превратится в малокровную, не искусную, без «охотки» борьбу. Не лучше ли это, не вернее ли достигает цели, чем отмена керосиновых бомб или разрывных снарядов? Борьба еще будет, но когти и зубы притупятся; мечи чуть-чуть, но начнут перефасониваться на серпы и косы; и, главное, эта огромная и пугающая машина, вечно ожидающая и раздраженно ожидающая, действия — она умиротворится, умякнет, станет таять в лучах и атмосфере семьи, как в воде распускается соль. «Рассолится армия...» — но ведь это же и есть евангельский идеал! Мы не упоминаем о культуре, ибо она по малозначительности отступает перед евангельским светом; но также бесспорно это есть и культурный идеал. Таким образом, частный вопрос нашего Главного штаба, получив туземно-отрицательное решение, должен бы стать первым универсальным вопросом предполагаемой конференции разоружения. Разоружение есть во всяком случае «ослабление»; каковы бы ни были меры, каждая из них будет непременно «минусом» в армии, и для изобретения этих минусов конференция соберется. Но искусство армии и, так сказать, ее нервная взрывчатость есть острейший и самый огромный, самый опасный плюс: пусть конференция оставит только перочинные ножи у воинов — будет очень печально и малокультурно, если с утроенною яростью они станут ими резать друг друга. Лучше достигнется цель, если убавится, — ослабится воин, сольется ближе с гражданством, приблизится к его типу: и ни через что он так не сольется с гражданином, как через кровную, по крови и родству, связь с ним. К тому же, вот мера, за равномерностью которой легче всего наблюдать государствам друг у друга: право семьи есть просто закон, первый *обще-европейский, обязательно-европейский* закон, против коего не могут возражать (солдату, офицеру) частные правительства. Но здесь мы прерываем речь, надеясь, что кто-нибудь искуснейший и авторитетнейший, из состава учительствующей церкви, поддержит и продолжит эту мысль; тем паче, что именно церкви предлежало бы и начать ее.

СЕМЬЯ КАК РЕЛИГИЯ

Гр. Л. Н. Толстой. «Крейцера соната», 1890.

Гр. Л. Л. Толстой. «Прелюдия к Шопену», 1898.

I

Самое длительное впечатление и самое глубокое оставляет произведение писателя, иногда несовершенное по форме, но в котором сжат сок остальных его творений. Может ли кому-нибудь прийти на ум писать теперь горячие возражения против «Войны и мира», «Анны Карениной»? Но бедная романтической стороной, бедная вообще художеством «Крейцера соната» вызвала в «Прелюдии к Шопену» ответ сына отцу (в июле на столбцах «Нов. Вр.»). И он не опоздал. Никто не нашел ответ неуместным по времени, т. е. между тем, как «Война и мир» и «Анна Каренина» устарели для текущей минуты, «Крейцера соната» сохраняет свежесть, как бы была вчера написана и прочитана. Припоминая время ее появления, мы знаем, что на несколько недель она взволновала всю Россию. Ее каждый про себя или вслух обсудил; но новый пересуд никого не утомляет. В ней есть вечность; и, вечная, она как бы сегодня сказана.

«Крейцера соната» имеет два смысла: тайный и явный. Явный ее смысл кажется направленным против брака: «лучше не жениться» — эти слова Евангелия раздвинуты в обширные страницы и требовательный закон. Таинственные слова, по духу, по положению, по судьбе в истории. Только одна строка, неуловимо нежное указание; но в то время, как тысячекратно повторенные слова о любви «даже и к врагам» не получили никакого развития в христианском мире, не выросли в катехизис, не сложили из себя богословия, не оделись в каноническое право и не создали никакого специального учреждения, если не считать нарезных пушек и игольчатых ружей «для врагов», — это нежное указание, собственно, обволокло все христианство, всему ему сообщив колорит, тембр. Оно так кратко, так необыкновенно, так ново по отношению к Ветхому Завету, что, принимая во внимание слова: «Я не разрушить пришел закон, а исполнить», его можно было бы счесть интерполяцией текста, если бы еще некоторые в Евангелии слова не составляли отдаленно к нему предуготовления. «Кто *мать* твоя и *братья* твои?» — «*Слушающие* слово Мое суть братья Мои и Матерь моя». Это — небесное училище, без кровных связей и даже с неуловимо-тонким их отрицанием. «Кто ради Меня не оставит *мать* свою и *отца* своего — несть Меня достоин». Опять специальной нужды упоминать именно родные, кровные узы, как предмет разрыва — не было здесь; и можно думать, что центр тяжести здесь именно в этих узах, а «несть Меня достоин» есть

лишь случай и повод указать на противоположность Христова и плотского. «Ты — Петр, и на сем камне (пустыня) созижду церковь Мою» — есть как бы предуготовление, что вся церковь, почти вся, будет построена на характере пустынного, пустынножительного бытия. Голгофа! Все эти тайные указания суть предуказания Голгофы, и христианство не ошиблось в постижении Евангелия, выросши все в духе, в глубину, в философию и поэзию Голгофы. «Сораспинаемся Христу», «распинаем страсти»... «Что есть человек? — трава сельная; днесь есть и назавтра нет ее», — поет один церковный стих. Да и один ли? Религия «сред» и «пятков», она увита, повита погребальными покровами. Как кратко крещение, как бледно венчание, краткотечны и торопливы исповедь и причастие! Но человек умирает, и вдруг христианство вырастает во всю силу: какие пения, какие слова! какая мысль, и, повторяем, поэзия!..

Великая, одна из великих, неразгаданных тайн Евангелия! Не все Евангелие; даже не важнейшая в нем черта, а только мимолетное указание, те «йоты», которым «не прейти»; и вот мы наблюдаем, что они действительно опутали и облекли в смертные пелены, в погребальные покровы, весь христианский мир. Мы пока не интерпретируем; мы — очерчиваем дух и понимание веков, смиренных, упившихся евангельским восторгом человеческих сердец: вкусили «йоты»...

Явный смысл «Крейцеровой сонаты», ее эпиграфы, некоторые в ней абзацы, т. е. прямо напечатанные слова, по-видимому, сливаются с этим вековым мотивом христианства. Нужно заметить, что все сочинения, тема коих невообразимо трудна и в глубине своей не только не решена, но и не может быть решена автором, заключают в себе, так сказать, риторически-словесные вставки. В «Крейцеровой сонате» — таковы вставки о прекращении рода человеческого, и еще несколько аналогичных, против брака. Если мы примем во внимание, что ее всю пронизывает, от ранних строк и до поздних, доходящая до уличного пафоса брань «мерзавцев, которые научили мою жену не рожать» (доктора), — мы догадаемся, что тут же рядом вставляемое рассуждение о «прекращении рода человеческого» есть только словесный переход, без мысли и силы в нем, от одной значущей мысли к другой, напр., от мысли о растленной семье — к картине и скорби: «Почему я убил ее?» Мы переходим теперь к тайной мысли «Сонаты». Она вся состоит в утверждении брака, но с глубоким недоумением: *что* же он такое? роман Бетси Тверской с Тушкевичем и с лакеем («Анна Каренина»)? любовь Николая Левина к его Марье Ивановне? эфирность Кити, которую рвет Толстой, изображая ее животные крики в родах? печальная картина «ухмыляющихся протопопов» в предчувствии грязи развода Анны с мужем? адвокат, при разговоре об этом ловящий моль и сокрушающийся, что обивка мебели к осени будет испорчена? Скорбь и недоумение, которое уже душило автора при написании «Карениной», вылилось перед непонимающей публикой рыданиями и проклятиями Позднышева-Толстого... «Вы не умеете понимать картин»; «вы так деревянны, что не захотели сказать

ни *да*, ни *нет* после «Анны Карениной» и «Войны и мира» о том, о чем, как брат братьев, я вас спрашивал: — ну, вот вам зарезанная женщина, вот оголенные, без художества, монологи: наконец, вы скажете ли ¹ *да* или *нет*?»

Изобразив в «Войне и мире» параллельные романы Наташи и Марии Болконской с Ростовым и Безуховым; заставив сухого и государственного Андрея Болконского — умереть; нарисовав целый ряд параллельных семей в «Карениной» — Толстой что́, собственно, делает? Почему его произведения дóроги, ценны и *новы* в русской литературе? Все занимались его философией войны и философией истории в первом большом произведении; но что не здесь — центр дела, тяжесть дум автора, показывает то, как он отрицает сейчас войну, заигрывает с поляками, мутит, что палкой реку — течение истории, и пишет с болезненной страстностью в эти же почти годы «Крейцерову сонату». Вот *что́* не умерло в нем, вот *где* центр его дум... Он дал, в тихих и прекрасных картинах, поэзию и почти начало религии семьи. Анна разрешается от бремени; Кити — в муках рождения кричит; Наташа смотрит пленки ребенка и, перебивая политические речи мужа, говорит: «Не надо доктора, опять желтым». Это так ново после гражданства Тургенева, вечного быга — у Гончарова, «купцов» — Островского. Все ново тут, и смелость не попадавшего никогда в литературу рисунка, но главное — нов сам автор! Сколько недоразумений вызвала «Крейцера соната», а между тем она вся есть только «послесловие» к странному диалогу между Долли и Анной, в доме-дворце Вронского, после коего назавтра Долли выехала из этого дома с каким-то страхом, а Анна говорила накануне:

«— Нет, я именно несчастна! Ты не вправе и не смеешь осуждать меня»...

Она спустилась к гостье нарядная и веселая, и Долли смутилась за свою заплатанную ночную кофточку. Она полна любви и жалости к Анне; в ответ на жалость — раскрывается бедное, гибнущее сердце Анны; она начинает в мажорном тоне, как «она счастлива с Вронским», «свободна и легка в своем положении». Разговор углубляется, переходит в шепот: что-то о детях и о том, почему Анна не может, а главное — не хочет ² рожать. Тема «Крейцеровой сонаты», уже ее печальный тембр!

---

¹ Одна из причин отчуждения Толстого от церкви лежала, быть может, в том, что так внимательно даже с католической стороны разобранный в «Карениной» брак, и, наконец, печальная, трагическая смерть последней, потрясшая всю Россию, не нашла никакого отзвука в духовной литературе, никакого ответа на мучительнейшие проблемы. — «Вам нет дела до подробностей, до частных центрального в жизни; ну — мне нет дела до подробностей ваших догматов» — вот как бы логика его отпадения и глухоты к церкви.

² Это — вариант разговора между Ник. Ростовым и некрасивою Марией Болконской («Война и мир»), ставшею его женою:

— Как это безобразно, — сказала она, указывая на живот свой. — Ты не будешь меня любить...

— Если бы я в тебе красоту любил, — отвечает недалекий и честный Ник. Ростов, — то поверь, всегда для всякой красивой женщины найдется еще красивейшая.

Т. е. фундаментом семьи не служит красота, ни ее часть — молодость; не служит также и связь умов, тонкая и одухотворенная. Мария бесконечно любит туповатого Николая, и, обратно, бесконечно им любима; фундамент ее, будучи животным-плотским, именно в этом животном-плотском мистичен и религиозен.

Покров опущен стыдливым автором; на завтра Анна — остается умирать. Долли — жить (религия семьи). «Мне отмщение — и Аз воздам». За что? Из тысяч читателей никто не спросил себя об этом?

«Мне отмщение и Аз воздам» растлением, смертью, ужасной мукой под колесами поезда (Анна), под ножом мужа (жена Позднышева), воздам в «слезах» и недоумении этого маниака-сумасшедшего, который сосет папиросы и бормочет печальные монологи в вагоне первому встречному. За что «воздам»? Да все за то же: «Дом Отца Моего не делайте предметом паскудства». Я сказал, что высота и особенность, новизна Толстого состоит в том, что он первый постигнул, а через художество свое и дал почувствовать какой-то не просто идеализм, а тонкий, пока еще едва различимый, чуть-чуть брезжущий религиозный свет, коим струится «дом Божий» в каждой бедной веси, около всяких Вифлеемских «яслей» («заплаты» на Долли), если это есть правильно сложенная, хотя в одной стороне правильная (Долли и Стива), семья. Он дал почувствовать, сам постигнув, «ветхую» скинию, которую около себя каждый носит, исполняя некоторый «ветхий завет»... Ветхое-ветхое что-то, и новое-новое заговорил он.

«А если, анафемы, вы этого не понимаете, то лучше не женитесь...» — крикнул он в «Крейцеровой сонате» и разбил скрижали, показав читателям нож и кровь. Замечательно, что нигде еще, кроме «Крейцеровой сонаты», нет убийства у Толстого. Женоубийство, растленный муж-убийца, растленная жена-убитая суть единственная у него кровь — у него, так глубоко ее чуждающегося! «Дом Божий»... но в его тайны он не проник иначе как собственным воображением, и стыдливо опустил покров над шепотом Долли и Анны о подробностях их супружества.

Вся литературная деятельность Толстого вытянулась в тонкую и осторожную педагогику около «семьи», «яслей», «Вифлеемской» стороны нашего бытия; но во всяком случае — в направлениях абсолютно полярных Голгофе. Еще замечательно: похорон нигде он не описал, да и сам, как человек, на шестом десятке лет точает, ничего не сумняся, «сапоги» и даже перетачивает их на новые фасоны: истинный израильтянин, с шилом и около Ревекки! Ремесленник и богоносец! Но pruderie¹ дворянства и хорошего слога удержала его на черте; крики рожениц он еще допустил... но над интимностями Долли и Анны опустил завесу.

Это — при устройении скинии Моисеевой все мелькают слова: «...и завесь завесою, и покой крышкою»...

Измученный Достоевский, евший из одного корыта с каторжниками, игравший на рулетке и мучительно жаждавший выиграть...

...«И золото той земли хорошо, там — рубин и бдолах», — сказано при описании самого Рая в *Бытии* (какая, казалось бы, память о золоте!)

— Итак, этот хромой и заикающийся в человечестве малец, «с запекшейся в руке кровью и седыми волосами», как сказано о рождении

¹ стыдливость (фр.).

Тамерлана, бесстыдно разорвал «завесы», сбросил с «заветного» крышки и обнажил перед всем светом содержание шепота Долли и Анны. Чувство бесстыдности лежит на всех произведениях каторжника. «Иди и виждь», — говорит он, ухмыляясь; и мы видим, видим — и недоумеваем. «Только?» — «Только».

Завеса падает. Один умер, ничего не договорив, другой с мучительнейшей и вековечной темы перешел к вегетарианству, «Первой ступеньке», и, опуская «акриды и корни» в графский суп, кой-как дотягивает век. Тема стоит, жгучая. Тема вечная. Тема — я скажу больше и глубже — колебания всей нашей цивилизации.

II

Тема колебания самой Голгофы; возведенная в «hosanna»¹ — она дала христианство; утренним легким и каким-то новым дуновением на нас тянет из дома-скинии Долли, вечной клушки, водящей детей к причастию; Наташа — с пеленками, и опять утренний ветерок какой-то скинии!.. Бог с ней, с политикой — это от *сего* мира; там, около колыбельки, — начало *иного* мира. Но углубим колыбель, и получим — так удивительно похожий на шепот Долли и Анны — шепот, тоже спальный, Рахили и Иакова:

— Дай мне детей, а если нет — то я умираю.

— Безумная! разве я Бог, чтобы мог дать тебе плод чрева?

Но мы углубим и «ветхий завет»; еще откинем «покров», скинем «крышку» с шепота Иакова и Рахили — и получим откровенности Достоевского, который заговорил о том, о чем все шепчутся. Я же сказал, что он — «с седыми волосами», «с запекшейся кровью». Эти откровенности откидывают нас в глубь тысячелетий, за самое «Бытие», за Авраама — в таинственные страны, куда он путешествовал и откуда Моисей снес... откуда он вынес (по Апостолу) свои заветы.

Оставим исторические дали и будем пока судить каждого мужа, каждую семью. Есть религия Голгофы; но может быть и религия Вифлеема; есть религия «пустыни», «Петрова камня», но есть и религия «животных стад», окруживших «ясли», и многодумных «волхвов с Востока», пришедших в Вифлеем поклониться исполнению каких-то своих чаяний. Гроб есть второе житие человека, за коим начинается поздняя бесконечность; но и колыбель есть его первое житие, и ему также предшествует ранняя бесконечность.

Мы подходим к фундаменту религии, и наблюдаем, что их — два: за гробом, перед рождением. Там и здесь — «тот свет». Мы их предчувствуем, предчувствовал Гамлет:

...умереть — уснуть.

Но если сон *виденья* посетят?

---

¹ осанну, хвалебный гимн (фр.).

Однако есть и иной стих: о предвременных видениях души, о до-земных выслушанных ею «песнях», памятью коих жива и бывает утешена она на земле!

Он душу младую в объятиях нес
Для мира, печали и слез.

· · · · ·
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов.
О Боге великом он пел...

· · · · ·
И звук этих песен в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она
Желанием...

Чаяния человечества, не только поэтов и мудрецов, но и сущих сирот в знании, равно ожидают Бога как там, так и здесь. Свято — «уснуть», свято, однако, и «родиться». Христос «родился», был «младенцем», имел земную «мать». Храм есть Голгофа, но храм — и Вифлеем; религия есть монастырь, но почему не быть религиею и семье? Раскопаем, разроем ее неясную «землю»... Рахиль и Иаков, Долли и Анна; но в глубине, но дальше, за «завесами», под «крышкою» — то, над чем сорвав покров — отошел в сторону Достоевский... Моисей и его скрижали с заповедью «чти отца и мать», впереди поставленною (ближе к Богу), чем «не убей»; дальше, за Моисеем

...чуждый тени
Моей желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.

Царство праха, царство давнего забвения; царство мумий и иероглифов и странных сфинксов. Это — страна, которая даже по писаниям нам современных христианских историков — была полна самого пламенного теизма и глубоко мистических созерцаний; страна, которая в начале нашей эры сыграла фундаментальную роль в построении самого христианства (Ориген, Климент Александрийский). У нас, в Петербурге, возле Николаевского моста, есть два сфинкса, мимо которых нельзя пройти без волнения. Как неувядаемо жизненно сложение их членов! Улыбка через четыре тысячи лет — улыбка печальным, хмурым петербуржцам: юные и веселые лица сфинксов точно хотят прыснуть смехом на недогадливого зрителя. Аллеи таких сфинксов, как известно, вели к египетским храмам — неразгаданного поклонения (и по Хрисанфу — нет удовлетворительной теории для объяснения характерного для египтян поклонения животным). Мысль сфинкса — «ищи Бога в животном»; «ищи — в жизни»; «ищи Его — как Жизнедавца».

Маленькое соображение: по очертанию львиных частей сфинкс изображает Бога и есть только комментарий к одному стиху открытой Липсиусом «Книги мертвых»: «Я — великая кошка» (слова о себе Ра-Солнца); но бог — как может видеть каждый петербуржец — оканчивается спереди человеком, и, следовательно, полная мысль сфинкса читается: «Бого-человек». Если припомним кое-какие записи у Геродота о Фивах и Вавилоне, мы догадаемся, что «волхвы с Востока» в самом деле тысячелетия уже ожидали «воплощения» Божества и евангельского: «Слово — плоть быть и вселись в ны». А радостная улыбка сфинксов — ее может каждый видеть — есть выражение, что не только радостно будет исполнение, пронесется «благою вестью» человечеству, — но что и теперь, при Моисее и даже раньше Моисея, сердца уже наполняются восторгом этого ожидания.

Но здесь «восторг» сфинксов сливается с удивительными пятнами восторгов, какие перемежаются у нашего «седовласого» романиста с пятнами же глубокого у него неприличия:

«Есть секунды: их всего зараз приходит пять или шесть — и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это — неземное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести: надо перемениться физически или умереть. Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: *да, это правда*. Бог, когда мир создавал, то в конце каждого дня создания говорил: «Да — это правда, это — хорошо». Это — не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то, что любите — о, тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд — то душа не выдержит и должна исчезнуть. В эти пять секунд я проживаю жизнь и за них отдаю всю мою жизнь, потому что сто́ит. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически. Я думаю, человек должен перестать *родить*. К чему дети, к чему развитие, коли цель достигнута? В Евангелии сказано, что в воскресении не будут *родить*, а будут как Ангелы Божии. Намек. Ваша жена *родит*?

— Кириллов, это часто приходит?

— В три дня раз, в неделю раз.

— Это вы зажгли в углу лампаду?

— Я зажег («Бесы», изд. 82 г., стр. 528).

Теперь, спутав узор истории и романа, мы перейдем к мучительнейшей теме «Крейцеровой сонаты».

III

Есть цикл идей, и именно теизма, приняв который каждая вещь начала бы струиться религиозным светом; это цикл, по которому каждый муж ощущал бы в жене своей начало религиозного чего-то, и именно как в жене; обратно и жена ощущала бы в муже своем начало опять чего-то

религиозного ¹; связь их, самая связь, в одной строке «Ветхого Завета» выраженная, ощущалась бы не только как религиозная, но и как «ветхая» форма и прототип вообще религии. Вы ощущаете, что семья тогда не в оболочке и имени своем ² была бы религиозною, но в существе и реально; и религия, внесенная в таинственный завиток бытия, брызнула бы религиозным светом на детей, религиозным светом на родителей ³. Но вы постигаете, что для этого в Спасителе нужно поклониться не чертам Голгофы, не печали гроба, но чертам Вифлеема, восторгу «Боговоплощения». Тембр и колорит всей европейской цивилизации меняется, и, собственно, «образ Божий» в человеке перестанавливается из академически-катехизических нюансов в кровно жизненные. С тем вместе всякий дом и каждая высь вырастает в храм, в «ветхую скинию» древнейшего поклонения. Но тут... но тут с египетскими сфинксами, которые умерли в прошлом, встречаются ожидания Апостола, которые обещаны будущему: именно, что придет Некто, кто «сведет огонь с небеси» и о коем, чудясь, заговорят люди:

«Кто подобен зверю сему? он дал нам огонь с небеси».

«Зверь» ⁴ — это опять «ищите божьего в животном» ⁵, на что указывают сфинксы: а «огонь с небеси», «небесный огонь», есть огонь пламени брачных уз, постигнутых в небесном своем происхождении, которым

---

¹ В сущности — мы только дорисовываем то, начало чего есть: уже сейчас это — «буди, буди», всякой семьи и брака.

² Плач «Крейцеровой сонаты» — о том, что мы имеем имя семьи, звук семьи, фикцию семьи: но у нас нет *вещи* семьи, и даже непонятно (недоумение «Сонаты»), как и в цикле каких идей она могла бы установиться. Ее картины суть картины разврата после венчания, причем муж для себя продолжает его, но на путь порока увлекает с собой теперь и девушку. Заслуга и новизна «Сонаты» и лежит в этом, что она поставила углом вопрос о реализме брака и спрашивает, а частью и отвергает (недоумения Толстого) возможность целомудренной реализации его.

³ В цикле теперешних наших религиозных идей, или колеблющихся в отношении к полу, или отрицающих (уничтожающих) его, религиозность связи родителей и детей есть просто риторический вздор. Она вдалбливается детям, как непонятный и искусственный урок, быстро забываемый, потому что он ни с чем не связан и не связуем. В сущности, при отрицании пола мы имеем экономическую и юридическую, но не религиозную семью. Если она все-таки именуется «священною», то это есть плод распорядительного акта, а не ее внутреннего характера; и, не связанное внутренним ощущением, человеческое произволение вечно пытается выйги из-под этого распорядительного *mandat* (разложение европейской семьи).

⁴ Апокалипсис — книга неразгаданного. Но что в нем можно понимать, это глубокое его отличие, отличие самого характера его написания (образы, фигуры, видения) от повествовательно-словесного характера Евангелий. По-видимому, в нем выразилось некоторое недоумение о направлении, которое сейчас же после Голгофы и под впечатлением Голгофы стало принимать христианство. Образы «жены, облеченной в солнце и кричащей в муках рождения», «четырех животных перед престолом Божиим» и, наконец, «зверя, приносящего огонь с небеси» — все это не только не вписуемо в Евангелия — по крайней мере Матфея, Луки и Марка, — но как-то и противоположно им по духу. Только Евангелие от Иоанна, с его: «Слово — плоть бысть, и вселися в нь» имеет в себе нечто предуготовительное к Апокалипсису. См. также определение в нем Себя Спасителем: «Аз есмь хлеб животный, сшедый с небес».

⁵ Да не смущается ум читателя, по-видимому, грубым нашим выражением, которое мы вторично вынуждены употребить: пусть вспомнит каждый у евангелиста Иоанна слова Спасителя о Себе в тайном и непостижимом раскрытии ученикам Своей природы: «Аз есмь хлеб животный, сшедый с небес», и еще: «Аз есмь лоза и вы — ветви». Дело в том, что космос распадается на минеральную и жизненную, животную сторону: Бога, конечно, предлежит искать во второй. Но *узел жизни* лежит в точках и секундах, нами трактуемых по поводу «Крейцеровой сонаты».

свяжется человечество, начав религию рождений взамен религии умира- ния. Но тогда все меняется; одни столбы цивилизации вырываются и вкапываются другие. В монастырь, не меняя его молитв, под их покров — вводится семья; обратно, в семью, не меняя ее существа, вводится именно для этого существа строгая размеренность как бы монастырского ритуала. Вы понимаете, что отдаленно именно об этом шептались Долли и Анна, плачет — Позднышев. Они хотят семьи как религии. Но никому не приходило на ум, как далеко это идет...

Пункт — в откровенностях Достоевского. Не без причины его мисти- цизм — возвышеннее, чем у Толстого; его религиозный пафос — неиз- меримо страстнее. Он вовсе сам не предчувствовал, куда ведут его «Карамазовы», и умер, не кончив их, — потому что не умел бы кончить. Эмбрион всех сфинксов и того, кто принесет «огонь с небеси», заключа- ется уже теперь в институте брака, который как только из речитатива «Господи, помилуй» переведем к красоте и неге мистической херувимс- кой песни — мы и получим новую религию... мы получим христианство же, но выраженное столь жизненно-сладостно, что около Голгофы, аскетической его фразы, оно представится как бы новой религией...

IV

«Семья — да будет дом Божий», «брак — несокрушим и вечным таин- ством» плачемся мы, люди, законы, царства. Но, ради Бога, как, от- куда он будет «домом Божиим», если глубь его сливается с идеей последнего греха? Переверните все, внесите в эту глубь свет Божий, поместите туда Поклоняемое Лицо Божие, и семья станет в самом деле бого-поклонением, а брак — не фиктивно-религиозным таинством. Вы хотите теитизации бытия; «мир — от Бога»: однако — поверхностно, или в глубине? Вы поставили образ Божий *около* дома; естественно, что дом наш и не светится им. Внесите этот образ *в* дом — и он станет храм, «домом молитвы» наречется. Но «дом» бытия нашего — на дне брачно- го завитка: если там Бог — мир храм; и никогда вы не постигнете, и ничем вы не достигнете, чтобы мир был «Божий», если оттуда вынесе- те образ Божий и поставите «около», на крыше, «крыле храма» и вообще где-нибудь «инуду». Но оставим мир, будет судить жену и мужа: святы ли они друг для друга? О, как хотелось бы! Однако — чем? Мы имеем брак: драгоценные его черты выражены ли в академических нюансах, в том, что он — «образован» и она — «хороша»? Какая профанация! глубже, глубже! «и в болезни — не оставляй», «и в безобразии — сохра- ни». Да почему? почему? — Да потому, что «святое» их обоих, тот факт, что они «святятся» друг для друга, — не по поверхности скользит, но уходит вглубь именно и специально по линиям их связи: к Единому Образу, которому они там поклонились. Вот откуда — свет брака! Брак есть поклонение «невидимому свету». Отрицательный ли он? Да он-то и побеждает смерть, не иносказательно, но фактом: где мое и жéнино

в этом младенце? Мы — живы в нем, а через его рождения — живы в бесконечность. «Смерть — где твое жало?» Мать умирает за младенца; она — в нем; и краткий обрывок частного в себе бытия естественно жертвует за бесконечное (в будущем) свое же «я». Не только в колорите, в тембре рождение противоположно смерти: оно в самом деле вечно вырывает у нее жертву, оставляя в руках ее, «под косою», скорее скорлупу бытия, нежели самое бытие, ускользающее через рождение — в жизнь. Но оставим философию, займемся религией: что значит, что мы там «образу поклоняемся»? В чем сущность поклонения? Где, — о чем плачет Позднышев, — граница между «развратом», кощунством в браке, и «религией», «святым» брака? Здесь мы подходим к труднейшей стороне темы; но вот несколько черт ответа. Свет образа отражается светлым поклонением; если есть свет, душа не темна и не скорбна в секунды брака — он правилен; замутнение его раньше и чутче всего сказывается расстройством его глубин. Искусство жить в семье заключается в вынесении, в выбрасывании тотчас каждой соринки, которая в житейском быту со стороны попадает в нее, или по несчастию и греховности человеческой природы, зарождается в ней же (семье). Вина ли — сейчас покаяйся; слаб, немощен — не ищи на стороне утешения. Воистину — «дом Божий», где «все вместе». Поразительно, что малейшая тень неуважения, казалось бы так мало относящаяся к существу плоти, сейчас ее расстраивает. Наступает вид плотского друг к другу отворачивания. Итак, сущность чистого брака есть совершенная любовь; брак «свят», «религия» — когда он в «истине» и «в любви»; а без любви, при обмане — «разврат»¹. Даже отрицательные феномены поучительны здесь; всякий вид духовного идеализма, между встречавшимися, заканчивается плотским союзом: не свидетельство ли, что глубь идеализма уходит сюда? Но вот — союз расторгается; прежде всего, какая скорбь даже для окружающих: что-то жалостливое-жалостливое, слезы и муки, как бы в самом деле еще Тит разрушает опять Иерусалим... религиозно-жалостливое! Но распадение совершилось, мертвое зернышко греха, попав в скинию, расколело ее на половины: что же делает каждая половина, до могилы, путем всех жертв? Собственно, «разврат» каждому открыт, да и друг с другом они могли бы продолжать «разврат»; но именно от него они уходят в новое поклонение, ищут сияния, доверия, уважения, тысячи душевных черт, около такого, казалось бы, бессодержательного, «животного» акта. Но «ищите Божьего в животном»: мысль сфинксов не только скрывает идею брака, но и указывает его закон —

---

¹ Вот почему глубочайшее есть кощунство настаивать на *продолжении брака*, когда в нем умерла любовь и правда. Это значит настаивать, заставлять, принуждать к *разврату* (нечистые соединения, ругательства перед Образом). Одно соединение с отравленной совестью заражает непоправимым грехом тело и душу человека. Вероятно, догадываясь об этом, чуткие евреи не *допустили* только, по *потребовали* непременно условием семьи субъективный (по воле мужа) развод: «я *грешен против нее* — и не могу более с нею соединиться», «целый мир меня до этого (до супружеских отношений) допускает и она сама: но я знаю мой грех и не хочу оскорблять Бога». Требование развода есть следствие страха Божия в семье.

нимб светлого, духовного около него сияния, как отграничение его от разврата. Но, продолжаем, тема эта бесконечно трудна: здесь тысячи вариантов в зависимости от тысячи варьирующихся лиц. Вот, однако, еще одна черта религиозного, святого в браке.

Это — целомудрие, как «*je suis*»¹ пола. Удивительная его черта, что оно не исключает плотской связи. Собственно, целомудрие есть сияние пола, но идеалы величайшего целомудрия суть жены, а не девы. Мысленно обежав взглядом ряд известных вам лиц, вы непременно остановитесь как на особенно целомудренных, именно на льющих из себя какой-то религиозный свет, — на редких, но именно женщинах. Тарквиний остановился на Лукреции; Толстой дал нам ряд лиц, которых не нужно называть; Дездемона — вот еще пример. Итак, это удивительно, но и бесспорно, что святой союз не исключает дымки величия, не срывает таинственности и святости с пола. При умелом браке, девственно-венчальная фата как бы не снимается вовсе, не снимается никогда с чела; и уже в морщинах и многоплодные, супруги еще радуются один на другого, как бы невеста и жених². Но сосредоточимся на *целомудрии*; оно есть черта именно и специально только *пола*; это — не качество *ума*, не особенность *сердца*, не принадлежность *характера*; это — уважение человека к своему полу, молчаливое и бережное отношение к нему, как к *ненарушимо-святому* в себе. Между высокими качествами ума и сердца нет, однако, ни одного, которое бы идентично было целомудрию: оно их превосходит всех именно каким-то небесным сиянием, от него льющимся. Мы назовем «героинею» самоотверженную женщину; но «святою» не только не назовем оскопленную женщину, но и преднамеренно-упорную старую деву: а назовем так невесту — в отношении к обещанному жениху, жену — в отношении к мужу, мать — в отношении к младенцу; т. е. целомудрие есть черта деятельного, а не молчащего пола. Теперь станем наблюдать дальше — и мы будем восходить в удивлении: именно целомудренная-то женщина и становится источником глубочайшего к ней влечения. Тарквиний рискнул короной для одной такой; Достоевский, вовсе не догадываясь о конечном смысле своего рисунка, дал нам ряд таких порывов («Карамазовщина», Свидригайлов). Но о чем все эти пугающие факты свидетельствуют, как не об отраднейшей — для постигающего ума — вещи, что истина пола и душа полового притяжения не разврат, но чистота, целомудрие и, наконец, высший его луч — нечто религиозное. На этом порыве — религиозном и к религиозному — и завязывается брак; и он не только не разрушает целомудрия, но еще удлиняет его таинственные и влекущие ресницы, уплотняет фату девства. Половой акт, в душе и правде своей, для нас совсем теперь утерянной, есть именно акт не разрушения, а приобретения целомудрия:

¹ «я есть» (фр.).

² Образ этой старой радости дан в «Старосветских помещиках» у Гоголя; нельзя не заметить, что как бы призыв к этой старой радости содержится в обетовании Божиим уже девяностолетним и безнадежным Сарре и Аврааму.

и только пройдя через бездны его отрицания, невыносимого его загрязнения, мы впали в действительность, из которой даже взглянуть и увидеть радостную истину нам почти не дано ¹.

V

Толстой не подметил, не знал этого Достоевский, да и вообще ускользает это от внимания людей, что отрицательно-грязные явления пола возникают не на почве утвердительно-к нему отношения, но именно — отрицательно-ослабленного. Позднышев, коего без нескромности мы можем отождествить с Толстым, — он плачет о браке; это — *не он* убил жену: он взят как иллюстрация, как иллюстрирующий, и иллюстрирующий Толстой-Позднышев не только не «убил» жену, но в мелко растленном обществе вырос в столп постижения семейной красоты и создал почти литературу целомудрия. Но вот факт поразительнее: ссыльный, игрок, автор невыразимо грязных картин, Достоевский автобиографически дал почти прототип трогательнейшего семьянина: «а Евангелие передай Феде» (старшему сыну) — были его предсмертные слова жене, и в какой трогательнейшей обстановке подробностей!

Оба писателя «поклонились» полу; отсюда их тайноведение жизни пола. Но поистине лучший плод, нежели это ведение, есть их биография, их труд, их какая-то религиозность в семье, — как и что-то чуть-чуть, но кровное же и страстное в религии. Мы подошли к узлу великой исторической загадки: как существует брак, как он может существовать, не разлагая либо религии собою, либо жизни? Ведь что такое «брак», как не утвердительнейшее отношение к полу, не доведение этого отношения до религии, до культа, до начинающегося склонения перед ним и поклонения ему? Помилуйте, человек «оставляет отца и мать» и берет обузу на себя на весь остаток жизни — за что? За мелочи, характерно выраженные Достоевским; ибо без них возможна вечная дружба, но только с этими «мелочами», кровью и семенем, начинается «брак». Конечно — это поклонение, и в такой сфере, что, казалось, оно должно бы разорвать в клочки жизнь, как вихрь разрывает сплошную тучу. Но в «буре — Бог», как уже заметил Иов: не только жизнь не разорвана этим культом пола, но она им сцементирована до неразрываемой прочности,

---

¹ Замечательная безгрешность младенца вытекает отсюда. В сущности, около младенца всякая взрослая (гражданская) добродетель является уменьшенной и ограниченной, и человек, чем далее отходит от момента рождения, тем более темнеет. В сиянии младенца есть поуменальная, потусветная святость, как бы влага потустороннего света, еще не сбжавшая с ресниц его. Дом без детей — темен (морально), с детьми — светел; долго смотря или общаясь с младенцем, мы исправляемся, возвращаемся к незлобию и правде. Откуда все это, когда это «барахтающееся животное» (говорят циники) есть плод «животнейшего» акта (говорят еще худшие циники)? С их точки зрения, — все непостижимо; но как только мы отождествим душу пола с целомудрием и его ритм — с восхождением по ступеням целомудрия, тотчас мы и поймем, что младенец, плод полового акта, есть *отелесненное целомудрие*, от коего он и заимствует все черты свои (невинность). Плод виновного акта был бы виновен же, скареден: иначе невозможно ни метафизически, ни религиозно.

до совершенной несокрушимости жизненной ячейки — семьи. Взглянем теперь на религию: ей ли, «чистой» и «бесплотной», не загрязниться, не протрястись до фундамента, не извратиться до глубины от касаний пола? какая чудовищная несовместимость! Но будьте терпеливы, но будьте зорче: религия почти во всей своей существующей полноте струится от пола: это — молитвы отцов о детях, матерей — о них же; молитвы детей, повторяющих слова за няней. Там и здесь — это молитвы пола, т. е. имеющие пол в скрытой глубине своей. Холодны ли они? притворны ли? Нет глубочайших, нет страстнейших молитв!.. Даже Некрасов-«гражданин» подметил их:

Внимая ужасам войны

. . . . .
Одни я в мире подсмотрел
Прямые истинные слезы —
То слезы бедных матерей;
Им не забыть своих детей!
Так не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей.

Нет высшей красоты религии, нежели религия семьи. Но тогда и семья, т. е. в кровности своей, в плотскости своей, в своей очевидной телесной зависимости и связности, не есть ли также, обоюдно и взамен, религия? Т. е. если столь очевидно религия льется из плотских отношений, то и обратно — нет ли религиозности в самых плотских отношениях? в их фактуре? Все это безмолвно и для всех неощутимо выражено в самом институте «брака»: он и есть теитизация пола; т. е. это не только факт склонения человека перед полом до культа, до религии, но это — самую церковь выраженное признание, что тут возможно религиозное склонение, т. е. что начала пола не только не враждебны или не сторонни для нее, но и, напротив, существенно входят в нее. Если «брак» есть или может быть «религиозен», — то, конечно, потому и при том лишь условии, что «религия» имеет что-либо в себе «половое». Пол теитизируется: это дает эфирнейший цветок бытия — семью; но и теизм непременно и сейчас же сексуализируется: мы становимся целомудренно-возвышенны в браке, но (по-видимому) низводя к чему-то несколько земному и даже чуть грязному — религию. Возможно ли это? можно ли подниматься к Богу средствами понижения Его? Не «возможно» только — но факт: земная Мать, в самом деле, в подробностях своего материнства — как посредство между «Небесным Отцом» и небесным же, но и вместе «Человеческим Сыном». Тайна Боговоплощения: «Слово — Плоть бысть и вселися в ны».

Таким образом, фундаментальное очертание христианства не только не бес-«поло», как думают некоторые, не бес-«плотно»: но именно эта религия, с во-«площением» в центре, и есть истинное поклонение ставшей божескою плоти. В одном удивительнейшем и, собственно, единственном, Христом оставленном таинстве это и выражено: «Вкусите Тела — и живы будете», «Испейте Крови — в жизнь вечную». Что за

непонятные слова! Но вот что совершенно бесспорно и понятно в них: Христос открыл через них ученикам, что «тело — в жизнь вечную» не только не есть что-то земное и печальное в Нем, след земного и недостаточно около Него материнства, но что это-то «тело», плод земной Матери, и особенно важно, «спасительно», даже спасительнее Его слов, для людей. Ни об одном речении, ни о какой истине Им не сказано слов такой значительности, как о Своем «теле». Таким образом, «телесность», «плотскость» христианства совершенно бесспорно не только из тайны во-«площения», но и из глубоко связанного с ним таинства эвхаристии. Но одно и другое имеет на земле для себя отражение: это — семья, брак, теитизация пола и узел связей, где все «во-образ Отца», «по образу Сына», по примеру полунебесной, полужемной «Матери»¹.

VI

Таким образом, семья точно так же имеет для себя религию в христианстве, как и институт монашества; и если аскеты, как мы знаем, именуют себя «небесными человеками», «земными ангелами», то и многоплодный и заботливый отец, покорный родителям сын, целомудренная дочь, завтра вырастающая в еще целомудреннейшую жену, — суть также образы небесных прообразов. Они не суть ослабевшие в грехе люди: они восходят в некоторую положительную святость, и только по иной, полярно противоположной Голгофе, скале: «зла» — «блага».

Выраженное в нюансах Голгофы, христианство, естественно, отнесло в гроб, «схиму», в заживо-погребенность идею последнего торжества над грехом, окончательного подчинения Христу. В чине «великого пострига», постригаемый, на коего наброшена темно-пепельная мантия с изображениями мертвой головы и костей, под нею сложенных крестом, на вопрос, троекратно повторяемый:

— По ком грядеши? —

отвечает троекратно же:

— По Тебе, Господи.

Это — смерть, возведенная в апофеоз святости; Голгофа, которую несет человек, как Спаситель нес гвозди и крест. Более чем постижимо, что величайшее отрицание смерти, до некоторой степени над нею победа и ее упразднение, лежащее в глубине брачного завитка, слилось с идеею последнего греха. Но это — все относительно: перенесемся в Вифлеем — и Голгофа представится в истинном своем свете, как страдание, как враждебное Христу, как в самом деле распинание Его. Смерть и к ней

---

¹ Нельзя не настаивать твердо, что в Божией Матери мы поклоняемся именно Пречистому Телу Ее, как Престолу Божию, — но не скорби Ее перед Голгофою, и вообще не остальному Ее жизненному пути. Дело в том, что в христианстве мы имеем поумеренное событие, но дали ему исключительно феноменальную разработку, прицепились мыслью и вниманием к понятному и рациональному в нем, как понятная скорбь, понятная любовь к ближнему, понятное страдание (Христа) за правду. Везде мы взяли в Христе понятное и обходим безмолвно Божеское.

ступени предстанут в истинном своем виде — как ступени греха, как виды отрицания: а виды святости, нисходя по ступеням семейного труда, семейного «несения тяготы друг друга», благочестивого в семье веселья — падают, как к «первому святому», в самый завиток бытия человеческого. Христианство, читаемое правильно, от начала к концу, из рыдания над гробом и около гроба переходит в неизъяснимую глубину херувимской песни около брака. И «слово плоть бысть» Нового Завета сливается с «бысть два в плоть едину» Завета Ветхого. Только при этом постижении становятся доказуемо-ясными словами: «Я не разрушить пришел закон, а — исполнить». В противном случае («лучше не жениться») получалось бы расхождение Ветхого и Нового Завета, с последствиями (такового расхождения), которых и предвидеть нельзя...

Мы начали с «йот» евангельских, которым поработило себя восторженное и неразумное человеческое сердце, с сомнительного колорита в нем и неясных указаний, никогда внимательно не разобранных. Мы привели нить рассуждения, чрезвычайно опасную: так узок путь, по которому она тянется, — и страшные стремнины, бедственнейшие заблуждения тесно сжимают пробирающуюся между ними истину. «Торжество пола»: — не торжество ли разврата? не разнузданность ли чувственности? Нет и нет! Не это конечная гибель манила нас в наших рассуждениях: совершенно обратное — страх Божий, который окружил бы родник бытия человеческого и всякое подхождение человека к бездонной его пропасти. Именно сюда, именно в узел, — откуда без молитвы исходят чудовищные гарпии, — мы зовем молитву, благочестие, тихую радость; а раскрывая значение пола, заглядываем в глубь его бездны, мы утверждаем, что молитва здесь есть не только предохранение, но что она и соответствует его мистически-неясной глубине. Не без великого смущения мы написали здесь многие слова; но пусть читатель доверится, что автор знал весь риск этих слов, и, значит, были они неизбежны, когда, постановив их полными буквами и в надлежащем порядке, он и сам прошел чрезвычайно близко к краю величайшего и губительного осуждения, какому вообще может быть подвергнуто имя писателя. Все рискованно здесь — в мысли, для имени пишущего; но нет еще областей, которые содержали бы такие великие обещания, какие находит человек здесь, подходя к утреннему лучу своего «я», и, с любопытством рассматривая его, открывает точно природу «горного мира», в которой нет иных путей, кроме этих опаснейших. Есть еще иной, темный — могила; но с того пути «никто не возвращался»...

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

I. Сфинкс

(В. В. Розанову, по прочтении статьи
«Семья как религия»)

Вокруг него — сыпучего песка
Безжизненно-желтеющие волны,—
Но смотрит он, бессонный и безмолвный
Сквозь сумрак лет, сквозь дальние века.

* * *

Тоскует дух, отяжелела плоть,
Во львиных лапах нет уж львиной власти,—
Но верит он, исполнен вещей страсти:
Не до конца прогневался Господь!

* * *

С немой улыбкой каменное око
Он устремил в немую даль Востока,—
На бедную Израильскую весь,
На нищенский, под ризою ночью,
Вертеп, звездой отмеченный святою:
Сомнений нет! Освободитель здесь!

Дм. Шестаков

II. Брак — как религия и жизнь.— Иосифа Колышко

«Крейцера соната» и ее уродливый побег «Прелюдия к Шопену», — все еще волнуют кое-кого. На днях известный публицист г. Розанов напечатал в «С.-Пет.Ведом.» две статьи, под заглавием: «Семья — как религия». Об них стоит потолковать.

По мнению г. Розанова, брак — религия. Пол — свят. Поклонение ему есть поклонение образу Бога. Акт супружеской любви — есть акт религиозного культа. Плоть с экстазом ее может и *должна* в честном браке доводить людей до такой же «святости», какую обретают схимники и аскеты, хотя путь этот, скала восхождения и «полярно-противоположна Голгофе»...

Я поместил главные тезисы статьи г. Розанова не в порядке их развития автором, а в том порядке, в каком легче к ним приглянуться, по ним подняться или, вернее, по ним спуститься в «опасную бездну».

«Семья — да будет дом Божий!» «Брак — несокрушимым и вечным таинством».

Эти слова Св. Писания ¹ понимаются г. Розановым не в поверхностном значении их, а в самой глубине; они подразумевают собой не «гражданские», не патриархальные и этические формы брака, а самые недра «брачного завитка»; — те отношения супружачихся, которые смешиваются ² с идеей последнего греха. «Переверните все, внесите ³ в эту глубь свет Божий, поместите туда поклоняемое Лицо Божие, и она (глубь) станет в самом деле Богопоклонением, а брак — не фиктивно-религиозным таинством»...

«Святое» супругов, тот факт, что они «святятся друг для друга», по мнению автора, не по поверхности скользит, но уходит вглубь и *специально по линиям их связи*: к единому образу, которому они так поклоняются... Вот почему брак есть поклонение «невидимому свету», а пол, без которого немислим брак, свят...

Тот свет, которому поклоняются брачующиеся, не может быть отрицательным уже потому, что он зажигает ⁴ новую жизнь и в детях побеждает смерть родителей... Рождение вырывает у смерти бытие, оставляя под косою ее лишь скорлупку: «самое бытие через рождение ускользает в жизнь».

Переходя к доказательствам, почему полу надлежит поклонение, почему пол может и должен стать культом брачующихся, их религией, «поклонением образу», автор сознается, что здесь самая трудная часть его задачи. Он говорит так:

«Искусство жить в семье заключается в вынесении, в выбрасывании тотчас каждой соринки, которая в житейском быту попадает в нее

---

¹ Автор неправильно понял слова моей статьи: это — не текст, а *общие, частые* пожелания нас, мирских людей, но, впрочем, также и пожелание церкви вступающим в супружество людям: «да святится ваш дом как храм», «да будете вы святы друг другу», «ваша связь — отныне и до века не сокрушима». Я не беру текст из Писания, но подслушиваю *пожелания* мира, *идеалы* мира, *вздохи* мира. Прим. В. Р-ва.

² Мирянами, но, кажется, также и церковью. Однажды у меня сидела в гостях ветхая-ветхая бабушка, лет 64, однако бодрая и свежая. — «Ну, бабушка, скажите мне, *от кого* рождаются дети», — спросил я ее. — «От Бога», — ответила она мне с таким чувством, что как бы только глупый может в этом сомневаться, или не верящий в Бога — об этом серьезно спрашивать. Это было за чаем. Входит ее дочь, женщина лет 40, мать 5-х прелестных детей. Продолжая думать об этой теме, я и ее спросил: «Скажите, В. А-на, вот мы говорим с вашей мамой о детях, и я не понимаю, откуда же *очистительная молитва* над роженицей?» — «Как откуда?» Она немножко смутилась: «Все-таки дети *зачинаются из греха*». Эта сбивчивость: «от Бога» и «из греха» проникает все и всех людей сознание, простецов и мудрых. С кем я ни говорил, никто на этот вопрос не умеет ответить. Прим. Р-ва.

³ Таким образом, это еще *проблема*. В суждениях о браке мы должны строго разделять эти две линии мыслей: *проблематическую* — как тему наших усилий, и *изъяснительную*, как метафизику явления брака, т. е. что вот возникает желанис, исполняется — и тогда рождаются дети. Прим. В. Р-ва.

⁴ Здесь *проблема* переходит в *изъяснение* и *опирается* или *пытается опереться* на него. «Можно поклониться образу, если возникает столь святое как младенец», «там святость — потому что *оттуда* святое» (красота, сияние младенца). Прим. В. Р-ва.

со стороны, или, по несчастью и греховности человеческой природы, нарождается в ней же (семье)... Малейшая тень неуважения плоти сейчас же расстраивает ее. Наступает вид плотского друг к другу отвращения... Сущность чистого брака есть совершенная любовь, а без любви и при обмане — он разврат».

Поклонение полу выражается особенно ярко в целомудрии, которое автором удачно называется «сиянием пола». Это сияние имеет то особенное свойство, что оно усиливается в браке. Идеалы величайшего целомудрия суть *жены*, а не *девы*. При умелом браке девственно-венчальная фата как бы не снимается вовсе с чела, а, наоборот, уплотняется. «Целомудрие — есть уважение человека к своему полу, молчаливое и бережное отношение к нему, как к *ненарушимо-святому* в себе»... «Оно есть черта *деятельного*, а не молчаливого пола,— ибо мы не называем целомудренной преднамеренно упорную деву, а за то назовем «святой» — невесту в отношениях к своему жениху, жену — к мужу, мать — к детям». Вот почему целомудренная женщина возбуждает столь глубокое влечение к ней. Это влечение — есть поклонение деятельному, «святому» полу, истине его, познающейся в браке. Основа, «душа» полового притяжения — не разврат, а чистота, целомудрие; и высший луч этого притяжения, экстаз плоти — нечто религиозное, духовное. На этом порыве — религиозном и к религиозному — и завязывается брак: и он «не только не разрушает целомудрия, но еще удлиняет его таинственные ресницы, уплотняет фату девства... Акт плоти, в душе и правде своей, есть акт не разрушения, а приобретения целомудрия... Плод этого акта — младенец — есть отелесненное целомудрие, от коего он и заимствует все черты свои (невинность). Плод виновного акта был бы виновен же, скареден»¹...

Хотя брак и есть утвердительнейшее отношение к полу, доведенное до религии, до культа, до поклонения перед ним, церковь, тем не менее, не только не осуждает, но и поощряет это склонение. Начала пола не только не враждебны, или не сторонни для нее, но, напротив, существенно входят в нее. А если это так, если «брак» есть или может быть религиозен,— то не потому ли, что сама религия имеет² в себе что-либо «половое»?!

---

¹ Вот мой главный аргумент. Не забуду одного впечатления. Еще гимназистом я раз положил хризолиду (куколку) в коробку, но долго ничего не мог дожидаться и уже принял ее за мертвую. Раз подхожу утром и открываю коробку: меня не испугалась, *впервые увидев человека*, чудная белая ночная бабочка, огромная и нежная. Я с волнением смотрел на нее, на ее еще не потерявшие ни одной чешуйки крылышки. Что-то святое и чудное повеялось от нее на меня. Я почувствовал, что до нее *ужасный* грех было бы догронуться, погубить ее доверчивость и воспользоваться неопытностью, тут же наколов на булавку. И я ее выпустил. Прим. В. Р-ва.

² Зачем удивляется автор? Христос оставил нам евхаристию; но если бы Он был *бестелесен Сам*, была ли бы евхаристия и вкушали ли бы мы «*тела и крови Христовой*», хотя бы Он духовно и как Дух нас научил этому или нам внушил это? Телесность Спасителя есть *conditio sine qua non* (обязательное условие — *лат.*) евхаристии; до *во-человечения* Бога и не было, в Ветхом Завете, евхаристии. Но, аналогично этому, *matrimonium divinum* («таинство») требует как условия своего *sexualem divinationem*. Прим. В. Р-ва.

Фундаментальное очертание христианства не только не бес-«поло», не бес-«плотно»¹, как думают некоторые, но именно эта религия, с воплощением в центре, и есть истинное поклонение ставшей Божескою плоти. «Слово — плоть бысть и вселился в ны». «Вкусите тела — и живы будете!» «Испейте крови — в жизнь вечную!» Эти, на первый взгляд непонятные слова, установившие единственное и важнейшее таинство — свхаристии, не подтверждают ли устами Христа, что «тело» Его — плод земной матери — и важно и «спасительно», даже спасительнее слов Его?!

Таким образом, брак точно так же имеет для себя религию в христианстве, как и институт монашества. И если аскеты, как мы знаем, именуют себя «небесными человеками», «земными ангелами», то и многоплодный и заботливый отец, целомудренная, многочадная мать суть также образы небесных прообразов. Эти люди, познавшие экстаз поклонения плоти, не суть ослабевшие в грехе люди: они восходят в некоторую положительную святость и только по иной, «полярно-противоположной Голгофе — скале».

Христианство, читаемое правильно, от начала к концу, из рыдания над гробом и около гроба, переходит в неизъяснимую глубину Херувимской песни около брака. И «слово плоть бысть» Нового Завета сливается с «бысть два в плоть едину» Завета Ветхого. Только при этом постижении становятся доказуемо ясными слова Спасителя: «Я не разрушить пришел закон, а исполнить».

В заключение г. Розанов поясняет, что, на краю бездны, куда завела его опасная тема, им руководили не соблазн, а страх Божий. Образ Божий, страх Божий должны стоять на страже родника бытия человеческого. «Именно сюда, в этот узел, откуда без молитвы исходят чудовищные гарпии,— мы зовем молитву, благочестье, тихую радость».

Раскрывая значение пола, заглядывая в глубь его бездны, г. Розанов утверждает, что молитва здесь есть не только предохранение, но что она и «соответствует его мистически неясной глубине»...

* * *

Я старался привести в последовательный порядок существеннейшие мысли автора, разбросанные со свойственной только русскому таланту беспорядочностью. Этих мыслей, как видит читатель, хватило бы на целый томик убористой печати, если бы автор захотел развить их, подкрепить рядом доказательств и деталей, вовсе не излишних в вопросе, сотканном от фундамента и до верху из мельчайших штрихов. Француз, немец, англичанин так бы и поступили и подарили бы человечеству ценный труд, который многих примирил бы с самым больным местом совести человеческой. А вот наш брат, русский, с дерзкой

---

¹ Плоть (всякая eo ipso) есть пол. Собственно каждая *клеточка*, т. е. частица тела, имеет пока живет — оба пола в *конъюгации*. Умерев, эта частица есть уже *минерал*, и тогда только она становится *вне-полою*, *бес-полою*. Смерть есть феномен потери пола, кастрации мира или частицы мира. Впрочем, это касается остатков, *здесь* остающихся, а не того, что от живого переходит «туда». Прим. В. Р-ва.

отвагой устремляется в самую глубь бездны, хватает мощной рукой пригоршню драгоценностей, и беззаботно, не отсортировав их, не обделав, швыряет в лицо толпе: Нате, мол, братцы! Разбирайтесь сами! Это я для вас достал, но мне недосуг возиться над этим...

Но и толпе недосуг. Она ловит по камешкам драгоценности, минутую другую любит на них, а там спешно сует за пазуху и спешит дальше в погоне за дрязгами будней, за мишурой, за хламом, с теми же жгучими недоумениями в душе и на совести...

Два фельетона ежедневной газеты, очевидно, не установят и не изменят склада воззрения русского человека на брак ¹. Г. Розанов справедливо замечает, что он выбрал «опасный» путь к этой «заре» человеческого «я», в эту горную страну, где тропинки вьются над безднами, а многие из них таковы, что по ним «не возвращаются». Г. Розанов «возвратился» цел и невредим и, кажется, не ужален ни одной из гидр, стерегущих бездну. Но из этого не следует еще, чтобы и мы за ним могли пробраться туда же. Да и сам г. Розанов предостерегает нас от такой неосторожности. Значит, экскурсия г. Розанова остается лишь экскурсией, вроде полета на воздушном шаре г. Андрэ, доказавшей его талант, мужество, но людям не принесшей пользы. Вот, установи г. Розанов «безопасное», всем доступное сообщение с дивной страной, которую он посетил, — дело другое было бы. Тогда все Позднышевы устремились бы туда, предшествуемые сонмом целомудренных жен и дев, и брачный вопрос решился бы скоро и просто. Но г. Розанов, слетав туда на 5 минут, заявил, что путь узок и опасен — «не советую пробовать!».

Тем не менее, я попробую. Залететь так далеко, как г. Розанов, у меня и в мыслях нет. Остановлюсь, как только начнутся «пропасти» и покажутся «гидры»...

Нужно быть богословом, чтобы признать или опровергнуть те доводы церковного характера, которыми автор пользуется. Нужно быть глубоким философом и еще более совершенным христианином, чтобы принять или отвергнуть Евангельскую концепцию, приводящую г. Розанова к выводам, не вполне сходным с выводами многих светских и церковных мыслителей. Вот почему я оставляю в стороне и церковь, и Евангелие, и священную историю, на которые опирается г. Розанов. Мне очень симпатичны доводы г. Розанова. Мне хотелось бы, чтобы оно было именно так, как он пишет (за исключением, впрочем, признания чего-то «полового» за религией). Но я не знаю, так ли это, и умолкаю... И вот, оставив в стороне эту узкую, одну из самых опасных тропинок, у меня на душе легче; я собираюсь идти по тропинке хоть и более извилистой, но не столь крутой.

Мне кажется, что в своем полете г. Розанов достиг высшей точки не на первой тропинке, а на второй: не доказательствами своими церковно-

---

¹ Вообще — это культура; задача века и, может быть, веков, но *нужная*, но *возможная*. Что же более может сделать человек, как начать это? Прим. В. Р-ва.

богословского характера, а одной-единственной фразой, которую он вскользь обронил, но которая приблизила его к истине больше, чем все тексты Св. Писания и Евангелия. Вот она: «Искусство жить в семье заключается в вынесении, в выбрасывании каждой соринки, которая попадет в нас извне или изнутри».

Вот, под этой фразой, я думаю, подпишутся и все Позднышевы, и все аскеты, и все пастыри Церкви. Вот это — жизнь, вот это — верная, безопасная тропа. Но повел ли нас по ней г. Розанов? Нет! Он тут же отписался банальной фразой: «Сущность чистого брака есть совершенная любовь; а без любви и при обмане — разврат». Благодарим! Но мы это и без него знаем.

Как, чем, когда и кому выносить те соринки¹, которые попадают в брачное колесо и отклоняют его ежесекундно то в ту, то в другую сторону — к аскетизму или к разврату — этого г. Розанов не указывает; поэтому не учит ни Евангелие, ни Св. Писание, ни философы, ни поэты. Этому учит лишь жизнь и инстинкт². А значит, брак с его религией в поклонении полу — есть жизнь, есть инстинкт, есть темперамент брачующихся; и бездны, которые рисуются г. Розанову — в нас самих и в окружающей нас обстановке.

Может быть, этот вывод есть сущий вздор; может быть, я забрел на тропинку, кончающуюся «тупиком». Но мне здесь легче дышится и я постараюсь следовать ей, пока не упрусь в стенку, или пока голова не закружится над пропастями. В самом деле, если г. Розанов назвал брак — религией, отчего я не могу³ назвать брак — жизнью?! Если он называет поклонение полу — поклонением образу Божию, то отчего мне не назвать его — поклонением самому себе, своему инстинкту, своему духовному складу и физическому темпераменту?! Если плотский экстаз при известных условиях может стать религиозным культом и давать «святость», «подвижничество», то отчего не коснуться и тех условий, тех соринок, при которых экстаз этот дает совсем обратные результаты?!. Задача щекотливая и мне, как и г. Розанову, придется, пожалуй, уверять читателей, что «я не гибели ищущу, а спасения». Впрочем, читатели, а вернее читательница наших дней сами разберутся. Современная женщина так ревниво оберегает свое внутреннее «я» от вторжения чужого «хочу», так смело и бодро шагает по пути своего мирозерцания к целям, ей одной известным, что об опасности и речи быть не может. О браке с житейской (а не религиозной) точки зрения — любая, даже

¹ Это и есть институт развода, не богохульно мыслимый как поощрение легкомыслия, а богоугодно принятый как средство сберечь чистоту плотскую и любовь сердечную в браке. Прим. В. Р-ва.

² Брак может ежеминутно распасться: станем же его бережно хранить, лелеять в ладонях, обдувать; станем вежливы к этому дорогому гостю — вот логика и психология развода богомысленного. Поразительно, что нелегальные семьи никогда почти не распадаются, именно потому, что они вправе ежесекундно распасться. Гостя берегут, а со своим человеком поступают часто грубо, и так именно поступают в браке. Не отсюда ли всемирное наблюдение: «le mariage est le tombeau de l'amour» («брак — могила любви» — фр.). Прим. В. Р-ва.

³ Более, чем возможно. Они связываются. Брак есть религиозная жизнь, когда религия без-брачия есть вне-жизненный теизм, есть номинализм религиозный. Прим. В. Р-ва.

целомудренная дева наших дней, скажет, пожалуй, больше и лучше, чем я и г. Розанов вместе взятые. Тем не менее, раз дан толчок, я ему последую. И — à bon entendre — salut ¹.

* * *

Брак существовал еще тогда, когда не было никаких религий. Культ поклонения полу (духу и плоти ² его) едва ли не следовал непосредственно за культом поклонения Богу. Избранникам такого культа обетовалось многочисленное «аки песок в море» потомство. Сам Иегова привел на ложе Авраама его служанку. Возвышенная активная вера псалмопевца Давида не омрачалась, а, наоборот, как бы вдохновлялась плотской жизнью его среди гарема ³ жен.

Весь Ветхий Завет обвеян, испещрен этим культом, который какими-то таинственными нитями сплетен воедино с культом служения Богу. Точно люди чем ушиблись, тем и лечились. Точно прародительский грех, оскорбив божество, тем самым теснее связал человека с Богом, а муки и наслаждения его напоминали людям о наслаждении утраченном, о муках грядущего...

Воплощение Христа имело ли целью вселить Бога на дне бездны, в недрах «брачного завитка»? По-моему — нет. Бог там был всегда ⁴. Образ Божий туда поселился еще тогда, когда, взамен рая, людям даны были муки, а блаженство плоти скопилось в ослепительные искры на фоне раскаяния и грусти. На дне пенистого, игристого кубка, который мы нерасчетливо быстро осушаем в браке, кому не выглядывал с ласковой укоризной лик Божий?!. Все муки, вся проза жизни, которую мы охотно взваливаем на себя ради этого короткого, сравнительно с целой жизнью, блаженства пола (и духа, и плоти его), не указывает ли, что в центре яркой точки наслаждения — Бог ⁵), а не сатана?! Не говоря уже о детях, с их невинностью; не говоря о *благотворном* и огромном влиянии этих искр полового восторга на *творчество* человеческого гения.

Если бы было иначе, разве Рафаэль создал бы свою Мадонну — Форнарину?! Данте — свой ⁶ ад?! Байрон — Дон-Жуана?! И даже сам

¹ имеющий уши — да слышит (*фр.*).

² Вот не только богатое, но богатейшее выражение, *слово*, которое стоит *дела*. Действительно, нужно различать *тело* пола, но есть и следует различать еще *дух* пола. Соответственно этому есть *душевный брак* и есть *один физиологический*: он почти единственно и существует в Европе, отчего так и трудно поднять его к *matrimonium divinum*, не рекомому, но ощущаемому таинству. Плоть пола мы знаем, духа же не ведаем, а *он есть и его предлежит открыть*. Разделением этим г. Кольшко делает новый шаг в проблеме брака. *Прим. В. Р-ва.*

³ Никогда об этом и вопроса быть не может при *истине брака*; но когда брачное соединение уже с *одною* есть ложь — естественно возникает и у церкви забота: допустить как можно *меньше этой лжи*. Тема Нового Завета, не существовавшая в Ветхом. *Прим. В. Р-ва.*

⁴ Вот прекрасная мысль, прямо сказанная! *Прим. В. Р-ва.*

⁵ Все это место замечательно и *ново по тону*, как я не умел сказать. Конечно, гут «осколки разбитого Рая». *Прим. В. Р-ва.*

⁶ Скорей — *Чистилище* и *Рай*. Беатриче встречает его в дверях *Рая* и вводит туда; в *Аду* — политики и паны, «князья мира сего». Беатриче, «Мадонна», «розовая тень», которой, по рассказам, молился Вл. Соловьев (воспоминание г. Н. Энгельгардта) и суть *изредка и редкими людьми* усматриваемая суть «того света», который именно включает в себе половое начало. *Прим. В. Р-ва.*

Толстой — Анну Каренину?! Разве Иаков имел бы такое потомство? Разве Давид мог бы воспевать Бога среди *многих* жен?.. Каких еще доказательств нужно, что Бог *всегда* жил на дне блаженства пола, ибо оно — осколок разбитого блаженства рая. Ибо, даже в грязи, в помоях разврата, оно не может окончательно оторваться от чувства, которое наполняло рай и на котором до сих пор держится мир — от любви. Поклонение плоти пола немыслимо без поклонения духу ее, без любви — что бы ни говорили моралисты. И доказательство тому — взрывы злобы, наполняющей душу развратника, как противовес неудачной, неразвившейся, не нашедшей себе предмета, любви...

Мне кажется, что воплощение Христа можно рассматривать с иной точки зрения по отношению к браку. Мне кажется, что воплощение это переносит центр тяжести брака из «недр завитка» ввысь: от полого к бесполому¹. Совершенно верно, что «воплощение» подчеркивает силу и значение плоти. Но г. Розанов не упомянул, что чудесный источник этого воплощения «от Духа Святого»² подчеркивает предпочтительность духа над плотью и культ «святого» хотя бы поклонения полу подымает из мистической тьмы бездны — к свету, к солнцу, где нет гидр, нет раскаяния. Мне, лично, чудесное, полубожеское, получеловеческое «воплощение» всегда таинственно нашептывало: «Я пришел с неба, чтобы завязать навеки узел между земным и небесным. Живите, как люди, но чувствуйте, как Я!»...

Жить по-людски значит инстинктивно стремиться к поклонению то духу, то плоти пола, и это стремление может быть лучезарно, может быть и мрачно, в зависимости от обстановки, воспитания, темперамента, а то и просто случая. Но оно почти всегда на дне — эгоистично и, в большинстве случаев, мучительно. Чувствовать по-Божески значит стремиться в сферы, где нет личной любви, личного желания, где нет духа пола, а есть дух человека. Равнодействие между этими двумя силами — центробежной и центростремительной — есть счастье, но *не подвижничество*, как выражается г. Розанов. Не подвижничество потому, что оно не приносит жертв, что оно не приближает к небу, а держит человека на равном расстоянии от неба и земли.

* * *

Если брак и есть религия, то центр тяжести ее во всяком случае перенесен из Ветхого Завета в Новый, из «недр завитка» к широкому основанию его. «Святые» супругов подымается по спирали завитка к небу, а не бежит вниз³ *по линии их связи*, как говорит г. Розанов,

¹ Это опасный путь мысли. Тут мы приходим к нулю, в тупик, которого боялся автор. Прим. В. Р-ва.

² Это *оттуда*; но куда здесь (на земле) пал луч св. Духа? Прим. В. Р-ва.

³ «Небо» — «низ»... Да я и не хотел сказать, что центр супружества уничижителен и не есть «небо», но как *без точек пола и связи в них вовсе нет и не началось* супружество, то это и значит, что «небо» в смысле идеализации бежит *геометрически* «к низу». Прим. В. Р-ва.

ибо на конце этой линии гиря,— первый ¹ грех, вечно тянущий к земле, а не к небу.

Поклонение полу — есть черта Ветхого, а не Нового Завета. В этом поклонении — отблеск утраченного рая ². Но поклонение это и в Ветхом Завете сияло не постоянным, ровным светом, а мгновенными вспышками, вслед за которыми следовала более или менее длинная тень мук. На дне этих мук, как и тогда, так и теперь,— раскаяние, наследственное от первого человека до последнего, и жалость по чем-то утраченном. От раскаяния, от жалости к себе, к жене, к наложнице, в самые яркие моменты блаженства — и именно *в самые яркие* — не спасает ни любовь, ни молитва, ни понимание «духа пола». Оно органически связано с поклонением полу, как тень с предметом ³... Вот где начинается роль Нового Завета! Христос сделал все, чтобы тень эту укоротить. Он осветил ее ученьем о духе. Он дал мужу *одну* жену и жене *одного* мужа. Он сделал брак ⁴ таинством. Он, наконец, лично присутствуя на браке в Кане Галилейской, все же сказал своим ученикам, что следующий за ним должен оставить и *жену свою*... Словом, Он дал нам выход из этого раскаяния, Он облегчил его — но Он его не смел с лица земли, ибо оно — предвечный Рок. Христос дал взрасти нежному растению брака из корней, насаженных в ниву человечества Ветхим Заветом. Но Он поручил нам самим следить за этим нежным цветком, помня, что не один корень питает его, а есть еще — свет, тепло, влага...

* * *

Вот этот свет, вот это тепло и влага — есть жизнь с ее бездной. Никакая религия, никакие регламенты не укладывают жизнь в рамку, покорную воле, закону. Она мечется от «Голгофы» к «Вифлеему», от «Херувимской» к «вечной памяти», и от ветхозаветной «скинии» к современному кафешантану, повинуюсь не религии, а Божьему промыслу. Божки создаются и падают. Культы сгираются и нарастают. Страдания сменяются блаженством и наоборот. Порывы — пресмыканием. Любовь — ненавистью. Желанье — отвращением. На дне переполненной наслаждением чаши — скалит зубы голый череп; а в страшных впадинах этого черепа сияет златокрылый амур. В храме, куда люди стекаются молиться,— независимо от их религии, их веры,— с утра до вечера свадьбы сменяются похоронами, крестины — панихидами, и нет того человека, который

¹ *Еще в раю и до греха человек был создан четой и самая чета благословлена в супружество Богом но супружество не начиналось.* Пал человек — и началось тотчас супружество как *коррелятив* (поправка) падения. «Вот что дано вам в раю и что вы вынесете из самого рая и даже на земле не утратите» — как бы сказано Богом о супруестве. Таким образом, недра супручества и минута в них связи есть как бы яблоко райское, здесь вкушаемое и *напоминающее* людям их первое состояние. Отсюда необходимость некоторой абсолютной физической и душевной чистоты при вступлении в этот акт, к которому, мы думаем, нужно уметь приготовиться. Это тоже проблема. *Прим. В. Р-ва.*

² Вот прелестная мысль. *Прим. В. Р-ва.*

³ Во всем Ветхом Завете ни слова нет о раскаянии *после и вследствие* супружеского акта. *Прим. В. Р-ва.*

⁴ «Сделать брак тем или этим» — вообще нельзя, он «есть то или это». *Прим. В. Р-ва.*

бы пришел в этот храм два раза подряд с одним и тем же сердцем, с одними и теми же мыслями, как нет двух дней в природе совершенно одинаковых.

Вот эта жизнь, вот это море, по которому носится брачная ячейка и в котором религия, как и принципы, играют роль только руля, но не ладьи (ибо нельзя жить одной религией или одними принципами),— эта жизнь влияет ежедневно, ежечасно и ежесекундно на рост, на цвет, на свежесть растения, которое подымает свою нежную головку на другой день брака. Г. Розанов находит, что плотская сторона свадьбы — в самой глубине его, в недрах. Пусть! Это, пожалуй, верно. Значит, она — его корни. Но, скажите, может ли без света, без тепла из корней вырасти что-либо путное?.. Г. Розанов говорит: «Переверните все, поставьте икону в доме (подразумеваемая под домом — плоть), а не на крыше, и дом наречется домом Божиим!» Это было бы так, если бы культ поклонения плоти, даже в лучшем значении этого слова, мог наполнить жизнь современного человека, как то было в древние века, мог насытить его честолюбие, властолюбие, корысть, залечить ежедневные уколы судьбы, умиротворить зависть, злобу и эту неустанную, под грохот пара, электричества, новинок, открытий и соблазнов, возню нервов. Даже в Ветхом Завете с его несложной общественной жизнью, культ пола не наполнял жизни мужчины. А теперь — и подавно! Свет и тепло браку, покоящемуся на телесном общении (как ни окрыляй его), дает не «икона»,— слишком строгая, однообразная в своем немом величии,— а жизнь с ее изменчивыми контурами, с ее благородством и низостью, с ее подвигами и пресмыканием, глупостью и умом, удачей и неудачей, разными темпераментами, разным воспитанием, разными привычками и разными обстановками. Вот сюда-то, в эту жизнь, в эту — не «скинию» ветхозаветную, как мечтается г. Розанову,— а в модную, реальную, современную гостиную, где, на виду улицы, протекает большая часть жизни современной семьи, внесите и поставьте «икону»! Придайте образ Божий,— т. е. искренность, правду, приличие, целомудрие и многое другое — вот этим отношениям дневной ¹ жизни супругов, kloкочущей в стороне от мистической глубины их пола! Вот эту,— при свете солнца, в обществе детей, родных и знакомых, под звуки хотя бы Крейцеровой сонаты, или под шум философского, политического спора,— вот эту гласную *хотя бы* жизнь мужа и жены наполните правдой и образом Божиим, и, право же, не нужно будет образ сей спускать так глубоко, в «самые недра завитка».

Я не спорю — корням растения должно быть отдано исключительное внимание ². Их нужно беречь, нужно почву возле них рыхлить,

---

¹ Могу сказать только: «браво!» Да и конечно: какая же чистота акта супружеского без «искренности, правды, приличия, целомудрия и многого другого вот в этой дневной жизни супругов». Но автор, не чувствуя сам того, трактует великую тему *субъективного развода и празднований брачных*. Прим. В. Р-ва.

² Сифилис-то, ведь он съедает нашу бесплодную цивилизацию? Вот плод *невнимания* «к корням бытия». Прим. В. Р-ва.

поливать, не довольствуясь дождями. Но ведь корни — только средство, а цель — цветок, растение. В браке то же самое: цель брачующихся — из недр завитка извлечь цветок, семью. Значит, религия, как культ, должна быть скорее сверху, чем снизу: там, где кончается муж и жена как пол и где начинаются дети как *люди*; религия цели скорее, чем средств. Да и что такое религия вообще? Религия есть что-то неизменное, хотя и мистическое, выкованное в догматах, в вере, в уповании. А брак в действительности — неизменен ли он, мистичен ли, на догматах ли покоится, на вере ли, на уповании? Мне кажется, что брак наших дней, чтобы идти в ногу с жизнью, должен быть и покоиться на реальной любви или на реальном эластическом расчете. Своей неподвижностью, неэластичностью, религия в современном браке застряла бы, как палка в колесе, остановив его ход ¹. Но, как руль, как кормило — она бесценна, ибо только этим кормилом, да еще экономической дилеммой, брак как таинство и как институт держится до сих пор.

Итак, я хочу сказать, что брак — не совсем религия, а скорее — обет, крест, сдержанность и нести который помогает религия. И не в глубине его, не в скоропреходящем, пожалуй и религиозно-мистическом, но зато страшно, уродливо-изменчивом плотском чувстве, надо искать обновления его, опоры, «омовения» от позднышевской грязи, искать, словом, новозаветный образ Божий, — а в доступной свету, воздуху, влиянию живого слова и живого примера, семейной и общественной жизни. Не вглубь надо спуститься за утраченной святостью брака; за свежестью, животворностью того высшего и *единственного* наслаждения на земле, которое люди, слишком спеша жить, умудрились изгадить и обратить в высшее земное страдание, — не в «недрах» завитка наши дети, дети XX века, обретут искомое, а в широком основании его, в лучших социальных, экономических и этических отношениях между собой ². Что мне за дело, что за дело детям, как протекает альковная жизнь ³ моих знакомых, моих родителей, если они добры, справедливы, целомудренны и благородны в жизни видимой? Я предчувствую, мне могут возражать: не может быть благородства и справедливости наружу при отсутствии чистоты в «недрах». А мне хочется возразить, что чистота скорее низойдет в «недра» брака из чистоты и гармонии внешней жизни, из хороших, здоровых занятий и развлечений, хороших книг и хороших примеров, от добрых дел и добрых людей, словом — из сфер внебрачных, внеполовых, чем от молитвы, проникнутой культом пола, от духовного экстаза, который, кстати сказать, только усугубляет экстаз физический.

---

¹ Вот гениальная мысль, необыкновенно много объясняющая в истории европейской семьи, всегда имевшей «палку у себя в колесах». Но тайная мысль моя и состоит в том, чтобы через *бесконечно-цветочное* таинство сообщить радуугу цветов и *религии!* Прим. В. Р-ва.

² Все это очень важно. Прим. В. Р-ва.

³ А *каковы дети рождаются?* Родить духовно-прекрасных детей и есть проблема религиозного брака. «В детях (дурных) наказываются родители» (за грех неправильного, вялого или злобного, полового акта). Прим. В. Р-ва.

Г. Розанова манит образ ветхозаветной «скинии» с Иаковом и Ревеккой. Его умиляет то «трогательно-скрытное», что составляет крепость этой скинии, дает ей сияние целомудрия и потомство. Тайнственный шорох этой скинии слышится ему в шепоте Анны с Долли («Анна Каренина»), в криках рожавшей Кити, в восторге Наташи над желтым пятном пеленок ее ребенка («Война и мир»). Г. Розанов признает гений гр. Толстого именно в целомудрии описания семейной жизни, над которой обязательно должна быть «крышка». Гений Достоевского ему претит, ибо Достоевский поднял «крышку» и цинично показал миру, что там, в «недрах» — ничего нет. С этим взглядом г. Розанова можно согласиться, оговорившись, пожалуй, что Толстой писал свои романы с среды, где жили Наташа и Анна, а Достоевский с среды, где орудовали бр. Карамазовы, идиоты...

Но вот вопрос: могла ли бы Наташа восторгаться над желтым пятном, перебивая серьезный разговор мужа; могла ли бы Долли жить интересами одной детской, если бы у первой был мужем Болконский, а у второй — Вронский? Я думаю — нет! Болконский был бы несчастлив с Наташей, а Вронский — с Долли, хотя и тот и другой — честные и прекрасные люди; или Наташа и Долли перестали бы быть Ревекками. Вот и подите тут — где скиния? где Ревекка? Только переставьте «случай»¹ и на место Ревекки — княгиня Болконская, графиня Вронская, X, Z (имя им — легион), и вместо трогательной заплаты на ночной кофточке Долли, вместо желтого пятна на руках Наташи — изящный туалет от Дуссе и все нетрогательные, но озверяющие дрызги будень труженицы, в поте чела прилаживающейся к настроению мужа, к колориту жизни, а не к таинственному, мистическому «тембру» ветхозаветной «скинии»...

Еще менее понятна мне связь между «Анной Карениной» и «Крейцеровой сонатой» — связь, служащая, по мнению г. Розанова, ключом к разгадке «тайного» смысла «Сонаты». Не дождавсь якобы ответа на загадку смерти Анны, Толстой швырнул в нас зарезанной Позднышевой: «А! Вы не хотели понять! Так, нате же вам!»

Мне кажется, что это не так было. Анна Каренина, хотя и живет вне скинии, «вне крышки»², под голым небом, но она честная женщина и, умирая, возбуждает к себе симпатию и уважение. М-ме Позднышева, хотя и под «крышкой», в законном браке, творит мерзости, и смерть ее вселяет лишь омерзение. М-ме Позднышева не могла бы быть дочерью,

¹ Конечно! Конечно! Это необыкновенно важное замечание. Но это — все тема субъективного развода, ибо истина брака ищется и отыскивается! Европейский брак и погиб или гибнет от отсутствия искания и эластической сложности супругов, от упрямого: «как стоите — так и стойте», причем люди не живут в браке, а поедают друг друга в браке. «Попал Вронский на Долли» и где «скиния»?! Получается характерная, злобная и фальшивая, русская, французская, часто — немецкая (здесь свободнее разводы и семья поэтому гармоничнее) семья. Наши нравы у евреев даже не умели никогда начаться (с самого начала абсолютная свобода развода). Прим. В. Р-ва.

² «Скиния» брака соделывается его целомудрием, чистотою, любовью, — а не словами перед браком, очень поздно возникшими. Прим. В. Р-ва.

продолжением Анны, как и Позднышев не мог бы служить продолжением Вронского. Оба эти союза, Анны с Вронским и супругов Позднышевых, оканчивающиеся почти одинаковой драмой, далеки, очень далеки друг от друга по облику и по сути своей, хотя плотская сторона союза и выдвинута в них на первый план. Мне даже представляется, что драма Анны несравненно выше и поучительнее драмы Позднышевых, ибо она дает положительные ответы там, где вторая только отрицает. Анна виновата только телом, а не душой: Позднышева — скорее душой, чем телом. Но обе виновны скорее против *верхов* брака, чем *низов*. Анна тем, что жила хоть и любя вне закона, а Позднышева тем, что, по безалаберности своего воспитания, не умела наполнить свою «законную» жизнь ничем, кроме флирта.

Что же удивительного, что в первом случае смерть (Анны) примиряет нас с ней, изглаживает, искупает грех ее, а во втором — смерть Позднышевой лишь растравляет рану нашу и сгущает мрак вокруг тревожащих нас недоумений?!

Нет, мне не ясна та связь между Позднышевой и Анной, на которую указывает г. Розанов. Наоборот, судьба этих двух женщин меня лишь укрепляет в убеждении, что брак — не религия, а искус, крест¹, который надо нести, не оглядываясь по сторонам и не погружаясь слишком в глубь его, а стараясь лишь «сиять» им ради ближних, ради потомства. Если бы Анна была не праздная женщина и не оглядывалась по сторонам; если бы Позднышев не спускался в «недра», а трудом рук своих зарабатывал кусок хлеба насущного, — вероятно, первая не согрешила бы с Вронским, а раз согрешив, благополучно развелась бы с Карениным, вышла бы за Вронского и наплодила бы кучу хорошеньких детей на манер Долли; а второй — махнув рукой на «темперамент» жены, перетерпел бы и дождался бы семейного ладу. Но это «если бы» нимало не лишает того нравственного смысла примеры, которые дали нам судьбы Анны и Позднышевой.

* * *

Поклонению пола г. Розанов придает значение «культы», поощряемого церковью и преподанного Христом в таинстве евхаристии. Через такое «поклонение» супруги, по его мнению, «святятся» и совершают подвиг, достойный «схимников»... Я далек от фельетонного настроения, но я не могу не улыбнуться. Я понимаю, *что* именно хотел сказать г. Розанов, но мне кажется, — он не договорил. Вряд ли кто будет спорить, что «поклонение» полу, когда алтарь его — милое, целомудренное²

¹ Поразительно, что уже апостолы предугадывали весь «крестный» путь европейской семьи: «Равви! Если только по вине (а напр., не по злобе или физическому отвращению) прелюбодеяния можно дать жене разводное письмо — то лучше не жениться». В Европе и женятся не для радости, не как «жизнь для жизни нам дана», но почти скрипя зубами: «ведь нужен же приплод» или «нужна же женщина». Мистическое и нежное значение брака пало. *Прим. В. Р-ва.*

² Неизменно. И сам Бог, устроив брак, устроил его предварение и цветочное ложе любовь! *Прим. В. Р-ва.*

существо, сладко. А когда эта сладость, эта нега, окрыляющая мечту, эти слезы благодарные у ног кумира, сливаются с гордостью орла, с сознанием своей правоты перед Богом и людьми, тогда уж это захватывающее блаженство... Пять, шесть секунд такого блаженства еще выносимы — как говорит кто-то у Достоевского в «Бесах», но десять — невыносимы...

Но многим ли, скажите по совести, доступно это блаженство (это «подвижничество», по мнению г. Розанова).

Мне кажется, что Иаков и Ревекка, если бы их поставить в обстановку Позднышевых, Карамазовых¹ или даже Наташи и Пьера Безуховых, уже не «поклонялись» бы так чисто полу. Может быть и Позднышевы, живи они в Ветхом Завете, были бы счастливыми супругами. Другие времена; иные люди!.. Дело в том, что современная общественная и семейная жизнь все более становится... *бес-полой*², тогда как прежде она была исключительно *полой*. В семье и в обществе роли мужчин и женщин так странно спутались, что часто не различишь, где начинается мужчина и где кончается женщина. Целомудренного «сияния» — почти не видать. Не слышать и властного, энергичного мужского голоса, не видать его орлиного взгляда. Все, что вертится кругом, — не то мужчина в юбке, не то женщина в пиджакс. Девушку, даже прелестную, даже *совсем* целомудренную, не манит уже мужчина своей отвагой, силой, авторитетом, а лишь — положением. Мужчину, даже неиспорченного вконец, не манит облик целомудренной девственности, если она бесприданна. Страх, толкотня, укороченная жизнь и удлинённые нервы сгладили те резкие, те лучшие черты пола, которым поклонялись древние. Зато, эти же причины придали особую пряность, особую цену тем поверхностным чертам, которые рассчитаны на возбуждение инстинктов, на темперамент, на эгоизм, на чванство. Вся культура последнего времени направлена была именно сюда, на эту область человеческой жизни, как бы в отместку за успехи, достигнутые в других областях: чтобы сделать наслаждение доступнее, острее, продолжительнее, чтобы в нем отдохнуть от мук и уколов жизни. И искусства, и ремесла, и науки, и даже гражданские законы — все направлено было к *обнажению* пола, к популяризированию его, к возбуждению в людях не мистического уважения к нему, а реального желанья или реального отвращения.

Согласитесь, что на этой почве, и этим людям с зажженной кровью проповедывать «поклонение» полу и «святость телесного экстаза» — по меньшей мере рискованно: это похоже на то, как бы пьянице объяснять пользу и своевременность рюмки водки перед обедом.

---

¹ Вот! Вот! И Карамазовы, и Позднышевы суть плод не *крови* нашей, но условий нашего брака: и Иаков с Исааком, имея *жен, им отворотительных*, стали бы Позднышевыми; обратно, каждая наша *случайно-счастливая* семья ничуть не уступает Ревеккам и Иаковам. Прим. В. Р-ва.

² Тягостная истина; но более *жизнь*, чем сам человек, становится бесполой. Прим. В. Р-ва.

Повторяю, я глубоко проникнут прекрасной мыслью г. Розанова. Я бы и сам всем существом своим желал испытать то поклонение полу, которое возбуждали к себе библейские: Ревекка, Рахиль, Юдифь, Сарра и проч. Я понимаю, почему от наготы их, этой чудной наготы, веет целомудрием, и почему, глядя на них, в голову не лезут дурные мысли. На их челе написано «мать» и таким женщинам надлежит поклонение. Но много ли их на свете? В простонародии еще найдется. В среднем кругу — мало. А в высшем и вовсе нет. Если и встретится такая женщина где-нибудь в переулке старой Москвы или в обглоданной помещичьей усадьбе, вы не пройдете мимо ее скромного облика, не почувствовав, что коснулись редкой жемчужины. Ее светлые глаза скромно опущены; улыбка какой-то упоительной гордости бродит по алым губкам; хоть она и высока ростом, стройна, «могуча», но одета не по моде; она прекрасна не столько чертами лица, сколько атмосферой женственности, которая ей сопутствует, хрустальностью своей улыбки, взгляда и той поступью, теми движениями, которые обещают целомудреннейшее, но и сумасшедшее счастье. Познакомившись с такой женщиной, вы без всяких понуканий упадете ниц и поклонитесь ее плоти, ее духу. Женившись — помолодеете, исправитесь и приобретете к седине ту нравственную чистоту, которую утратили в юности.

Ну, а если она вас не захочет? если жизнь станет между ею и вами? Пройдут годы, десятки лет, вы изгадитесь, изверитесь, истреплетесь, пока другую такую встретите...

Поклонение полу должно быть таким, чтобы оно вверх подымало, а не вниз тянуло. С этим г. Розанов, несомненно, согласится. Чтобы у нас была смутная надежда, слившись с любимой женщиной, стать лучше, чем были до того, ближе к нему. Такая любовь, такое поклонение прежде всего исключают жажду личного блаженства. Свое «я» у подножия такого алтаря — расплывается в чужое «ты». А легко ли это в современном браке?!

Лучшее доказательство, что не легко, — медовый период всех браков. Уж это ли не период «религиозного поклонения» полу, «культы» его (еще до пресыщения). А между тем не это ли самое скверное, шероховатое время всех почти супружеств, такое скверное и такое шероховатое, что если бы оно продолжалось год, два, если бы жизнь не вытягивала молодых из «мистической глубины бездны» к безбрежной шире реального существования, ставящего ежедневно новые вопросы и требующего ответов на них, — я думаю, брака больше не существовало бы. А почему? Только потому, что ни он, ни она не намерены, *не могут* пожертвовать реализмом своего пола (привычками, воспитаньем, темпераментом и характером) ради поклонения идее его; что оба жаждут наслаждения для себя, успокоения себе, а главное — *ощущения себя*...

Проповедь поклонения полу, поверхностно усвоенная, очень опасная штука в наш бесполоый век: пол надо культивировать исподволь,

воспитанием. Надо создать полого мужчину и полу ю женщину. Надо воссоздать тот дух пола, который жизнь и культура сгладили в нас. Надо еще успокоить плоть: столько накопилось горючего материала в изнервничавшейся натуре современного человека — того и гляди, вспыхнет и сгорит от неосторожного прикосновения. Поклонение духу пола можно только *душой* и постигнуть. Но для этого нужно, из поколения в поколение, накапливать, а не растрачивать душу, успокаивать, а не растравлять плоть. Самое вдумчивое, самое святое поклонение полу бессильно сделать брак счастливым, если сверху его струится бессодержательная, отравляющая¹ душу муть. А ведь она — наша жизнь.

Кроме того, мне сдается, что в культе поклонения полу, мы, мужчины, всегда потеряем. Потеряем потому, что мы больше желаем женщину, чем она нас (и духа, и плоти ее); потому, что мы искреннее; цельнее; чувственнее; добросовестнее (в массе). Отдавшись этому культу, но не перекроив жизни на ветхозаветный лад, мы рискуем и вовсе потерять тот остаточек нашего престижа и влияния на дела мира, которым мы еще (незаслуженно) кичимся.

И, наконец, если бы даже всего этого не было, если бы все, как и я, согласились с мнением г. Розанова, — многие ли могли бы *искренно* поклониться своим женам, своим мужьям? Ведь большинство их «поют» по всякого рода побуждениям, кроме любви². «И в болезни и в старости сохрани», — рекомендует г. Розанов. Сохранить-то можно, но поклониться трудно³. Между ветхозаветным поклонением полу и этим новозаветным велением: «в болезни и в старости сохрани» — реальная (а не мистическая) жизнь вырыла целую бездну. То, что не договорил г. Розанов, представляется мне так.

Чтобы добиться положительного поклонения полу, надо начать с отрицательного: с воздержания и даже аскетизма, когда жизнь в своем неумолимом, на вид — бестолковом, но в сути — мудрейшем, ходе событий, врасплох или исподволь требует от нас этой жертвы. Тогда мне понятно: «и в болезни сохрани»! Тогда и только тогда, путем страданий, будучи верным больной, старой жене, больному и старому мужу, можно приблизиться в браке к «подвигу», к «схимникам»... А то слишком легко, слишком заманчиво рисуется «подвиг брака» под «крышкой» уютной скинии, у ног прекраенной Ревекки...

---

¹ Все это святые истины. Восстановить религию *пола* и нельзя, не восстановить религии *жизни*, как *обстановки* пола. Прим. В. Р-ва.

² Здесь центр падения европейской семьи, *без-любовной*; «песни песней» в супружестве нет. Есть лавочка, комфорт; позднее образуется привычка и... «терпение, терпение без конца». Прим. В. Р-ва.

³ Больная и старая жена *краше* всякой другой, если *смолоду* была мила; вообще брак отнюдь не есть только молодое таинство, но и старое (90-летняя Сара). Но вот если, как в тысяче наших семей, она и *смолоду* была *не мила*, то в *старости* становится *несносна*. Прим. В. Р-ва.

Что опасность браку грозит *сверху*, а не *снизу* — с широкой стороны его, сливающейся с общественной жизнью, с воспитанием, врожденным характером и нажитыми привычками, а не с узкой, теряющейся в мистическом мраке бездны пола,— этому предположению найдется немало доказательств. И прежде всего — разная устойчивость брака в разных слоях общества, в разных странах и в разные времена. Вряд ли нужно доказывать, что, чем большим количеством точек брак соприкасается с жизнью, тем устойчивость его подвергается большим опасностям¹. Семьи, обязанные по своему положению или побуждаемые богатством раскрыться, выползти, так сказать, на улицу, чаще расстраиваются, чем буржуазные ячейки, которые имеют и досуг и право скрываться во всякое мгновение под крышку домашнего очага. А эти буржуазные ячейки, эти семьи чиновников, рантье, помещиков, в свою очередь бесконечно чаще расстраиваются, чем семьи мещан, крестьян, которые уже почти вовсе не выглядывают из-под брачной «крышки». Та же причина делает брак более устойчивым в странах с меньшей культурой, с преобладанием добывающей промышленности над обрабатывающей, с преобладанием сурового климата над нежным,— словом там, где жизнь оборачивается медленнее и не взывает столь настойчиво к дружной, вне половой и вне семейной заботе².

Поэтому же брак в средние века был устойчивее³, чем в новые, а в древние — прочнее, чем в средние.

Еще доказательство моему предположению можно усмотреть в сложившемся убеждении, что брак в юные годы, когда брачующиеся еще «не знакомы» с жизнью,— рискован. Что надо девушке дать «вытанцоваться», а мужчине — «перебеситься». Этим убеждением общество не признает ли превосходство жизни над полом,— ибо, если бы было иначе, люди торопились бы соединиться в самое цветущее время, когда пол их сияет еще целомудрием и девственностью⁴. Ведь в то время (а оно бывает для всякой девушки и для всякого мужчины) поклонение полу в его целом (и духу и плоти) есть не заслуга, не подвиг, а свойство возраста, и какими блестящими штрихами это свойство намечено! Какие подвиги совершает в ту пору мужчина ради *взгляда* любимой женщины! Какую самоотверженность, настойчивость проявляет воздушное, 17-летнее создание ради пожатия крепкой мужской руки! Заметьте —

¹ Вот здесь и ниже важная мысль. *Прим. В. Р-ва.*

² Однако нельзя не заметить, что *счастливая* семья сама почти не ищет показаться, «выйти в люди», объективироваться. Такая семья сидит дома или имеет тенденцию сидеть дома. На несчастье европейской семьи основано богатое развитие объективной, *общественной* в Европе жизни. Умер (идейно) муж, жена: родился — член общества, рыцарь (странствователь) в средние века, клубист — в новые. *Прим. В. Р-ва.*

³ Тут очень много иллюзии. Теперь и представить себе нельзя принцессу à la «королева Марго». Вообще в XIX веке семья скорее имеет тенденцию воскреснуть, чем окончательно погибнуть. *Прим. В. Р-ва.*

⁴ Да, наш холодный брак основан более на устойчивости равнодушия, чем на крепости идеалу. «Все надоели и все уже надоело, и вот теперь переносимы и муж, и жена, и семья». *Прим. В. Р-ва.*

взгляда, пожатия! Ничего больше! Никаких дурных мыслей, только бы *быть* вместе, только бы *чувствовать* друг друга, и это напряжение пола со всеми его тончайшими нервами и завитками разряжается, разглаживается в пустой болтовне, невинным на лету поцелуем...

Так вот, если эту яркую полосу целомудренного поклонения полу переживает всякий, — отчего же люди не цепляются за эти моменты, чтобы соединиться ¹ и спастись? Отчего они так настойчиво не доверяют этому настроению, называют его: блажью, ребячеством, сентиментальностью и рекомендуют познать жизнь, прежде чем поклоняться полу? Отчего говорят: «он, она жизни не знает», когда хотят помешать союзу?.. Мне кажется, что огромное большинство, культурное большинство, поступающее так, не желает зла своим детям, а лишь *не доверяет* спасательной силе пола в борьбе с жизнью и предпочитает союзы, гармонирующие в верхних частях своих (свойства характеров, ума, положение, воспитание, годы) союзам, гармонирующим в основании (влечение пола). Это вполне понятно. Но нерациональны приемы, которые для этой цели практикуются.

От жизни в браке принято спастись застрахованьем себя, прививкой яда ее, как прививают оспу. Девушка выезжает, принимает ухаживанья, выслушивает двусмысленности и размышляет над ними; хорошо, если ее обнимают *только* в танцах. Мужчина прыгает через несколько ступенек к бездне всякого рода наслаждений: хорошо, если *только* не караемых законом. Через год, два оба готовы ², оба утратили лучшую часть своего пола — дух его. И их соединяют. Что же соединяют? Очевидно, плоть ³ одну, — и что же может произойти от этого соединения, кроме тех шероховатостей, которыми полон современный брак и которых не искоренит живая проповедь Толстого к аскетизму, как не искоренит и призыв г. Розанова возвратиться в недра пола.

Есть два сорта брачующихся: одни выносят прививки яда жизни молодцами и вступают в брак закаленными. Такие браки называют *счастливыми*. Супруги любят друг друга в размере, совершенно достаточном для поддержания равновесия в житейском море своей брачной ячейки. Они не философствуют, не оглядываются по сторонам — они живут. В таком браке все, более или менее, гладко, ибо все, более или менее, компромисс. Если одна сторона пошаливает, то другая, вздыхая, говорит: «что поделаешь! жизнь!..» И брак этот от грязи жизни и невзгод ее как будто крепнет. Они — союзники; жизнь со всем тем, что разрушает пол, дает им материал, чтобы оценить личность, чтобы привязаться друг к другу во имя общих интересов ⁴.

Другой сорт людей — это те, кого жизненные прививки только разбередили, а не успокоили. Они *вскакивают* в брак, как вскакивают

¹ И худо делают. Не умеют обращаться с небесным огнем, а только с дымным углем перегорелых остатков души. Прим. В. Р-ва.

² Все это место и ниже строки — глубоки. Но как это ужасно! Прим. В. Р-ва.

³ Вот, вот! Прим. В. Р-ва.

⁴ Да, это *социальный* брак, а не религиозный. Прим. В. Р-ва.

в хомут невыезжанные лошади, с целью успокоиться, пристроиться... Иногда, очень редко впрочем, они и успокаиваются. Если случай столкнет их с Ревеккой, они, после нескольких прыжков туда и сюда, поддаются ее обаянию. (Про таких жен говорят: «она глупа, но отлично держит в руках своего мужа»). Чаще, понятно, вместо Ревекки попадает барышня «из общества», умненькая, изящная, воздушная, и эта барышня, краснея, запинаясь, но с настойчивой ноткой в голосе, дает понять жениху, что она не особенно любит детей... После «херувимской», шампанского и поздравлений, *он* не успокаивается, а *она* недоумевает, — где сладость брака? Когда, наконец, она постигает эту сладость, он обыкновенно уже пресыщен ею и в мыслях любит уже кого-нибудь другого...

Начинаются муки «Крейцеровой сонаты», за исключением, может быть, ножа. Роль ножа в современном браке играет развод. А еще чаще — сделка ¹.

* * *

Вот эту сделку, вероятно, г. Розанов называет развратом. Сожитье без любви — есть разврат, говорит он. Ах, Боже, как часто это говорят и как дурно делают, что говорят! У нас есть разврат незаконный, терпимый. На тему его пишут романы. У нас завелся разврат законный и об нем тоже пишут. Зачем?.. Искоренить, образумить? Но если ужасные последствия уличного разврата не искореняют его, как же вы хотите искоренить то, что охраняется ² законом, церковью и что имеет вовсе не столь прямолинейные причины, как вам кажется. С брака срывают «крышку» и говорят: «Мы сорвали ее потому, что здесь не было любви; а там, где есть любовь, мы не тронем!» Но позвольте, гг. философы, — знаете ли вы еще толком, что такое любовь современного труженика? Вы все еще, по традициям, считаете ее «святой», каким-то дворянским (в нравственном смысле) чувством, с определенными контурами, ну, точно белый Георгиевский крест, целомудренно сияющий на груди героя. А она, голубушка, изменилась, как и все в мире: она демократизировалась, огрубела, потеряла стройность линий и свой ослепительный цвет, нонче мимо ее пройдешь 10 раз и не заметишь... Метаморфоза любви шла параллельно с метаморфозой пола ³. Исчезал в тисках культуры дух пола, исчезала и яркость, стройность ⁴ любви. Онегин любил Татьяну! Дубровский любил Марию! Так мы же понимаем, за что: за женственность, за кротость, за невинность, за милосердие — за дух пола. Понятно также, почему любим мужественный циник Онегин, дерзкий разбойник

¹ Верная и поразительная картина павшей семьи, рассмотрев которую воскликнешь с апостолами: «если так — лучше не жениться». Прим. В. Р-ва.

² Поразительное признание, но, конечно, верное: флиртирующая жена против домовитого мужа и муж, на глазах верной жены заводящий связь с бонной, гувернанткой и проч., находят оба полную себе защиту в законе! Этого поразительного обстоятельства не замечают. Верной жене и домовитому мужу отвечают: «потерпите, что же делать», «закройте глаза». Вот путь Голгофы, но не тернистой, а топкой, болотной в европейском браке. Прим. В. Р-ва.

³ Замечательно ценная мысль. Прим. В. Р-ва.

⁴ Именно — стройность. Прим. В. Р-ва.

Дубровский. Их отрицательные качества, те качества, которые делают их негодными для общественной деятельности, не стерли, однако, с них ореола мужской духовной красоты, той красоты, которая всегда, во все времена, покоряла женское сердце. Но, позвольте,— за что любить популярного советника Бородавкина, обрученного с генеральской дочерью¹ Бездонной? За что любить m-lle Бездонную? За его фрак, приятные манеры, прическу и французскую речь? За ее... крошечное приданое и еще более крошечную душонку? Обручаемые любят друг друга ровно постольку, поскольку заслуживают и умеют. Их чувство ничтожно сравнительно с чувствами Онегина и Татьяны, но кто же посягнет на него, кто разлучит их у аналая? Любовь разбилась нынче на столь мелкие струйки (всем ведь хочется ее), что без лупы иногда и не разберешь: есть она, или нет? «Дом Божий» называют чуть ли не домом... только потому, что не *видят* любви в нем. А может, она была? А может, она будет? А может, она и есть, только завалена хламом жизни, которого вам не понять: нуждой, ссорами, завистью, болезнью и проч?!

Если Христос запретил бросить камень в явную, уличную грешницу, то клеймить гнусным названьем отношения супругов, любящих друг друга чувством, изгаженным *жизнью и воспитанием*,— мне кажется, немножко рискованно, да и не гуманно. Ведь брак защищаться не может. Он и спорить не может. Вы его клеймите, а он молчит, потому что выйти на улицу, заспорить с вами, значит для него — распасться.

* * *

Наконец — «соринки». Мы добрались до главного. «Искусство жить в семье заключается в вынесении, в выбрасывании соринки, которые и т. д.» — как говорит г. Розанов. Мне бы хотелось перефразировать это так: «Брак, как институт гражданской жизни, как источник личного счастья и как ячейка, скапливающая в себе здоровую семью,— есть искусство *перемалывать* (а не выбрасывать, ибо выбросить их некуда) дурные и хорошие семена, сыплющиеся на него неустанно из решета жизни»...

Образно брак можно представить в виде мельничных жерновов, в которые мельник — жизнь — неустанно подсыпает зерна; причем сила,двигающая эти жернова, есть чувство, которое связывает брачующихся. Очевидно, результат работы находится в зависимости от трех причин: 1) от двигающей силы, 2) от поверхности жерновов и 3) от сорта и количества попадающих зерен. Когда движущая сила есть поклонение полу, и если поклонение это стройно, равномерно без вспышек, всякий поймет, что это хорошо. Но может выйти недурно и тогда, когда поклонение полу сменяется уважением к личности, заботой о детях и даже материальной заботой. Колесо не остановится в таком браке, лишь бы сила действовала равномерно и лишь бы она могла сдвинуть механизм. Поверхность жерновов — это субъект брачующихся. Жернова,

---

¹ Все это — печальная истина! Уже совершилось победное «нести более ни мужской пол, ни женский», но... все слилось в аморфную безвыразительность! Прим. В. Р-ва.

как известно, тщательно прилаживаются, нарезаются, для них ищут самого твердого камня. Если бы так же поступали в браке! Если бы поняли, что половой инстинкт в самом возвышенном значении — только сила, спаивающая брачную ячейку, но не предотвращающая ни визга, ни скрипа, ни излишнего стирания поверхностей жерновов, когда они плохо пригнаны и нарезаны, когда они высечены из мягкой породы.

Но и равномерная сила и твердые, хорошо пригнанные жернова — ни к чему, если мельник не засыплет в постав зерна. Брак как поклонение полу — красивый звук; замкнутая брачная ячейка никому и ничему не нужна. Брак ради жизни и посредством жизни — идея, и такой брак нужен для развития общества. Ветхозаветный брак имел единственной¹ целью — потомство. Новозаветный, мне кажется, имеет задачи шире: он призван очищать атмосферу жизни от скопившихся в ней тлетворных осадков культуры. Чтобы выполнить эту задачу, брак должен раскрыться и воспринять жизнь в дурных и хороших ее проявлениях. Нигде так не применима пословица: «перемелется — мука будет»², как в браке. И мука эта, по-моему — не только семья, вырастающая от данного брака, но и соседние семьи; горе и радости не только брачующихся, но и всех близких и далеких, кого может согреть сияние счастливого брака. Что толку, если я буду «свято» исповедывать культ поклонения *моим* детям, *моей* жене, а кругом моей скинии будет царить разврат, бедность, страдания? Если от замкнутости *моей* в культе *моего* счастья остановятся знания, задремлют искусства? Нужно раскрыться, нужно хлебнуть этой мути и очистить ее теми силами, которые вырабатываются из счастливого союза...

Мне кажется, не «соринки», а целые пригоршни грязи попадают из жизни в брак. При удачном подборе брачующихся они перемалываются в пыль и разлетаются по воздуху. При неудачном — соринки проскальзывают между жерновами и тяжестью своею опускаются «в недра брачного завитка».

Но позвольте! Могут ли они потревожить семейный покой, если он черпается из «мистической бездны поклонения полу»? Ведь бездна — это что-то очень большое, чего во всяком случае соринками не заполнишь. Пусть их падают — культ поклонения полу, раз он струится из «бездны», не может пострадать от них. Но г. Розанов сам поучает брачующихся: торопитесь вынести эти соринки, ибо в них — опасность!

В них, по-моему, не только опасность, в них — все! Соринки ничтожны. Это: настроение духа, светская болтовня, тур вальса, служебная неудача, друг, гость, рюмка вина, цвет платья, чад из кухни, неудавший-

---

¹ В высшей степени важно (в смысле психического воздействия на брачующихся), что *единичность* цели сообщает *ясность* и *твердость* браку. Наш брак запугался в множественности целей и стал неясен. И супруги бредут в нем «куда-нибудь и как-нибудь», а не идут. *Прим. В. Р-ва.*

² Вообще говоря, это *так* при взаимном согласии, но не по принуждению: если целомудренной жене о развратном муже законодатели говорят: «Э, перемелется — мука будет», то это бесчеловечность. *Прим. В. Р-ва.*

ся суп их и не перечесть. Вся жизнь из соринки. Но вот что происходит: соринки, не перемолотые брачушимися, падают в бездну, а ведь бездна-то эта — узкое, растравленное жизнью, плотское чувство. Чем глубже опускаются соринки, тем они *кажутся* больше. На дне бездны они уже — бревна. Такими бревнами, уродующими супружеский союз, является и лишняя рюмка вина, и лишний ровер винта, и слишком открытое платье, и слишком много, и слишком мало труда — словом, чем полнее жизнь, шире горизонт сношений с людьми, тем бревна больше,— только вытаскивай!

Где же тут мистическое? Где культ? Где святость? Где скиния?

Нет, мне кажется, тут, к несчастью, нет — ни того, ни другого, ни третьего.

Брак в его реализме — есть жизнь, а не религия, и приспособляться к нему нужно как к жизни, т. е. столько же (если не больше) умом, сколько и чувством.

Культ поклонения полу не может спасти современный брак от разрушения, ибо брак разрушается сверху, из сфер, где кончается пол и начинается личность.

Мотивы, приведшие Позднышева к преступлению,— есть *последствия*, а не причины болезни брака. Поэтому самому и лечить брак приходится не в том месте, где сказала боль, а выше и шире,— в условиях ¹ социальной жизни.

И, наконец, как вывод из всего этого, приходится думать, что святость брачующихся и крепость семьи зиждется на поклонении *личности* ², а не полу.

В заключение не мешает напомнить, что культ поклонения полу есть культ архидревний, как и все культы. В Индии, много тысяч лет тому назад, он назывался культом Лингамы, в Египте — культом Озириса (Phallus). Поклонение этому культу ³ занимало весь древний мир, и следы этого поклонения сохранились в музеях Неаполя, Рима (Ватикана) и у нас в Эрмитаже. Несколько прекрасных сочинений посвящены следам этого культа, не спасшего, увы, древний мир от крушения ⁴. Культ этот в те времена был открытым, видимым, не нарушая целомудрия, общественной скромности и не соблазняя никого сладо-

---

¹ Непременно с этого надо начать: с *постановки условий, обстоятельств* брака. Но что здесь делать, об этом можно догадаться только поняв брак как поклонение *образу Божию*. Ведь сказано же о *молитве*: «не иди на нее, не примирившись с братом твоим», и «если не примирен — *вовсе не иди!*» *Прим. В. Р-ва.*

² Это — лукавое обещание (фата-моргана), из которого нет выхода к свету, а только прежнее и вечное скитание в темноте. *Прим. В. Р-ва.*

³ Ну, что, кроме *слова*, мы знаем о «культе Phallus'а»? Это как надгробная надпись «под сим камнем лежит Иван Иванович». Но кто он был и что с ним было — уже *прохожий* (мы) не знает. *Прим. В. Р-ва.*

⁴ Однако страны названные *не умерли в гнилости*, как умираем мы (сифилис, проституция, богатое развитие общественности, постоянное войско и долгая школа) или римляне и греки. Вообще замечательно, что страны высокого ощущения брачного ритма — не вымирают! *Прим. В. Р-ва.*

стью запрета. Возвращение к нему даже в той одухотворенной христианством форме, которую рекомендует г. Розанов, и даже под покровом непроницаемой «крышки скинии» — вряд ли изменит инстинкты человечества, склоняющиеся, как показывает опыт истории, более в сторону животную, чем в сторону божественную.

Эти инстинкты надо щадить, не привлекая их к созерцанию бездны, а, наоборот, скорее — отклоняя. В этом, мне кажется, заблуждение автора «Крейцеровой сонаты» и всех исследователей мистической тайны пола.

«Тайна сия велика есть!»...

III.

Какими «рожцами» питается наша интеллигенция?

Из дневника Православного

Говорят: литература есть зеркало жизни. Что касается нашей русской литературы, то, пожалуй, это можно сказать относительно нашего светского общества: в литературе, особенно в периодической печати, как в зеркале, отражается весь тот духовный мир, в котором живет наше так называемое образованное, интеллигентное общество. Но если так, то к каким грустным выводам приходишь, когда вчитываешься в наши светские журналы и газеты! Право, иной раз спрашиваешь себя: да неужели в самом деле до этого дошло? Ужели духовное язычество так глубоко проникло в среду нашего образованного общества, что более талантливые его представители как будто вовсе не читали Евангелия, как будто знать не хотят — не говорим уже учения Церкви — нет, а хоть бы самых элементарных истин христианского вероучения, священной истории, — того, что должно быть знакомо каждому школьнику церковно-приходской школы?..

Скажут: «тяжкое обвинение!» Спешим оговориться: есть и светлые исключения, но современная печать их не жалует, и они ютятся большею частью по духовным журналам. Говорят: «в последнее время замечен поворот к лучшему: если в шестидесятых — семидесятых годах стыдились слов *Бог* и *душа*, то теперь в образованном обществе заметен интерес к вопросам веры, заметно оживление философствующей мысли»...

Не спорим, но вот тут-то и обнаруживается то невероятное невежество в вопросах веры и истинной философии, о котором мы говорим. Говорят, Екатерина Великая, незадолго пред своей кончиной сказала: «нам надобно начинать с катихизиса». Но наших интеллигентов за катихизис не посадишь. Недавно один из таких «мыслителей» принес нам тетрадь, озаглавленную: «в защиту веры с точки зрения философии» и просил сказать свое мнение. Мы прочитали и были поражены полнейшим невежеством этого господина в вопросах христианского вероучения.

Послушайте, сказали мы этому «философу»: да читали ли вы хотя наш пространный катихизис?

Как? говорит, не только читал, но и учился по этой книге в школе (ему по виду было за 60 лет); теперь, конечно, всего не припомню.

Ну, а кроме-то катихизиса, который, вероятно, полузабыт вами, читали ли что из Догматического Богословия, например преосв. Макария, Сильвестра или еще какого?

Помилуйте, говорит, я человек светский: на что мне эти мудрости академические читать?

— Да ведь вот вы пишете об основных догматах веры нашей христианской, вы все их отвергаете, вы пишете — точь-в-точь как какой-нибудь апологет язычества вроде Цельза...

— Сохрани Бог, говорит: я религию христианскую защищаю, я так убежден в истине того, что пишу, что напечатаю свое сочинение за границей...

А его сочинение есть не что иное, как бредни спиритов, объявивших себя в Америке открыто «антихристианами». И надо правду сказать: ведь человек много думал, большую книгу написал, все по-своему к единству привел, только об одном не позаботился: поближе познакомиться с учением христианским...

А сколько таких «мыслителей» развелось в нашей светской печати! Типичнейшим из них в наше время является именитый граф Л. Толстой, которого они иначе не называют, как «чудесным, ослепительным солнцем нашей современной литературы», которое для них «сияет в загроможденном фабриками узеньком переулке в Хамовниках» (см. «Новое Время», № 8511). Это — идол, если хотите — даже идеал всех подобных мыслителей, только с тою разницей, что каждому из них *свое* слово хочется сказать, *свою* мыслишку в ход пустить, словом — пооригинальничать, разыграть роль если уж не светила великого, то хотя маленькой звездочки. Была мода на материализм: они писали в духе Фогта и Дарвина; теперь ветер подул с другой стороны — они пишут на темы о Боге, о душе, о высших вопросах веры и нравственности. Что им за дело, что еще Апостол Христов Иаков назвал их ¹ суемудрие мудростью «земною, душевною, бесовскою» (3, 15). Им нет времени заглянуть в Библию: остались от времен школьного обучения какие-то обрывки религиозного знания — и довольно с них... До чего доходит это пренебрежительное отношение к Библии, показывает хотя бы вот этот пример: один из более талантливых сотрудников газеты, издаваемой родовитым князем Мещерским, нисколько не задумываясь, пишет, например: «Брак существовал еще тогда, когда не было никаких религий (даже истинной). Культ поклонения полу (духу и плоти его, поясняет в скобках автор) едва ли не следовал непосредственно за культом поклонения Богу. Избранникам такого культа обетовалось многочисленное «аки песок в море» (и лапки и орфография автора) потомство. Сам Иегова привел на ложе Авраама

¹ Почему их «сuemудрие», а не ваше? Прим. В. Р-ва.

его служанку. Возвышенная активная вера псалмопевца Давида не омрачалась, а, наоборот, как бы вдохновлялась плотской жизнью его среди гарема жен. Весь Ветхий Завет обвеян, испещрен этим культом, который какими-то таинственными нитями сплетен воедино с культом служения Богу». Упомянув далее «о благотворном и огромном влиянии искр полового восторга на творчество человеческого гения», указав в пример на Рафаэля, Данте и нашего Толстого, автор далее продолжает: «Разве Иаков имел бы такое потомство (к чему тут речь о потомстве? или и в потомстве видно «творчество гения»?). Разве Давид мог бы воспевать Бога среди многих жен? Каких еще доказательств нужно, что Бог всегда жил на дне блаженства пола, ибо оно — осколок блаженства рая»...

Но довольно. Для нас... благоговеющих к каждому слову¹ Библии, это кажется прямо кощунством, богохульством (достойно ли Бога такое «сводничество»?), а вот князь Мещерский печатает, ничто же сумняся, и никто, решительно никто из пишущих не счел нужным заметить где-либо в светских изданиях, что ведь это — и ложь бессовестная, и богохульство, и ничего подобного в Библии нет...²

---

¹ Из чего это видно? Куда девали обрезание? Прим. В. Р-ва.

² Как нет? Вот как сторонники безбрачия называют простое повторение писателем слов Библии: «и сотворим жену ему» (человеку). Им это представляется «богохульством» и потому именно, что их собственные обещания девства, отрицающие слово Апостола: «ничем разжизниться — то лучше посягати», суть похуление заповеди Божией: «раститесь и множитесь и наполните землю». Чтобы показать, как Бог относится к супружеству, не можем лучшего сделать, как привести трогательный и вразумительный рассказ Библии о Моисее (уже имевшем сына и жену) и ефиоплянке:

«И упрекали Марнам и Аарон Моисея за женщину, ефиоплянку, которую он взял; ибо он понял ефиоплянку;

И сказали: одному ли Моисею говорил Господь? Не говорил ли Он и нам? И услышал сие Господь.

Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле.

И сказал Господь внезапно Моисею и Аарону и Мариами: выйдите вы трое к скинии собрания; и вышли все трое.

И сошел Господь в облачном столбе, и стал у входа скинии, и позвал Аарона и Мариам, и вышли они оба.

И сказал: слушайте слова Мои: если бывает у вас пророк Господень, то Я открываюсь ему в видении, во сне говорю с ним;

Но не так с рабом Моим Моисеем; он верен во всем дому Моему.

Устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях; и образ Господа он видит: как же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея?

И воспламенился гнев Господа на них, и Он отошел.

И облако отошло от скинии, и вот, Мариам покрылась проказою, как снегом. Аарон взглянул на Мариам, и вот она в проказе.

И сказал Аарон Моисею: господин мой! не поставь нам в грех, что мы поступили глупо и согрешили;

Не попусти, чтоб она была, как мертворожденный младенец, у которого, когда он выходит из чрева матери своей, истлела уже половина тела.

И возопил Моисей к Господу, говоря: Боже, исцели ее!

И сказал Господь Моисею: если бы отец ее плюнул ей в лицо, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? Итак пусть будет она в заключении семь дней вне стана, а после опять возвратится.

И пребыла Мариам в заключении вне стана семь дней, и народ не отправлялся в путь, доколе не возвратилась Мариам» (Числ., гл. 7).

Вот страница, где гневный Бог наказывает за упреки чадородию (Моисей взял вторую жену при жизни первой, Сепфоры). Страницу эту забыл наш богослов в своей поспешной публицистике. Прим. В. Р-ва.

БРАК И ХРИСТИАНСТВО ¹

(Из переписки
с православным
священником)

I

В ряде статей в разных повременных изданиях мне пришлось, оспаривая некоторые ходячие мнения, высказаться утвердительно о краеугольном камне бытия человеческого — *семье*, и о таинственном роднике, из коего и вокруг коего она образуется. Я был так счастлив, что мысли мои нашли отзвук; и, как увидит читатель, они даже дали некоторый плод, вызвав такие формулы вопроса, какие мне не приходили на язык, и которые, именно как выражения, как формулы, я считаю высоко ценными. В сущности умственно, духовно, субъективно не может быть колебания в этом вопросе: и метафизические, и этические соображения твердо устанавливают священность семьи; требуют, взывают о религиозной санкции сюда; но есть великие затруднения выразить эти метафизические и этические соображения в слове: тут может быть случай, удача, когда вдруг нужное слово, как «огненный язык», разрешает тучу нависших и еще не прорвавшихся, не умеющих прорваться, мыслей.

Желание поделиться этими формулами, — пусть сказавшимися кратко, афористически, — но выражающими великие и отдаленные чаяния человеческого сердца, побуждает меня к нескромности: предать печати четыре частных письма русского священника, так и этак, но касающиеся великого идеала: как построить христианскую семью? Как ощутить семью не номинально, но реально — религиозною? не в том помен, которое ее предваряет, но в той *гес*, в которой она существует и течет?

Поводом к письмам моего почтенного корреспондента послужило следующее: едва была напечатана в № 7846 «Нов. Вр.», от 31 декабря 97 г., статья моя: «Смысл аскетизма», как в № 3 «Церковных Ведомостей», от 17 января 1898 г., явился обширный ее разбор: «Христианский аскетизм и ложные суждения о нем» г. Мих. Сменцовского. По научному содержанию, — всегда основательному у духовных писателей, — эта статья заслуживала бы разбора; но, к сожалению, дурной тон, допущенный ее автором

---

¹ Статья эта печаталась в «Русском труде» за 1898 г., и редактор журнала. С. Ф. Шарапов, сопроводил ее примечаниями, которые я считаю крайне ценными в смысле «полемиических материалов» и сохраняю их без перемены, все. Чтобы отделить эти редакционные примечания, без моего ведома и согласия сделанные, я отметил их буквами: С. Ш-в; все остальные примечания принадлежат мне и, при печатании статьи в «Русск. тр.», стояли без отметки. Здесь они отмечены, для различения от Шараповских, моим именем: В. Р-в.

в конце статьи, и явное непонимание им моей мысли понудили меня удержаться от ответа. Я заметил только, и считаю нужным отметить это, скопческую у автора тенденцию: именно, разбирая мое указание, на видения Иезекииля и ап. Иоанна четырех мистических животных, из коих у одного «лице было как бы девы» (такое именно лице я вижу, по крайней мере нередко, в храмовых изображениях), г. Сменцовский яростно отринул это утверждение: не «девы», но «человеческое». Однако «девы» или «юноши» было это лице — оно было которым-нибудь из них, если было «человеческое»; и яростное, дважды повторенное, в тексте и примечании, отрицание: «не девы» — есть именно та ярость «ложно толкуемого аскетизма», которая бросает наших скопцов к их печальной операции «над девами»¹. Этой точки зрения, отдаленно и косвенно скопческой: уничижения девства, уничижения пола в человеке — я не хотел, не мог принять; оспариванию этой точки зрения на аскетизм посвящена была моя, так дурно понятая и в дурном смысле перетолкованная, статья «Смысл аскетизма».

В начале февраля 98 г., зайдя в редакцию «Нового Времени», я получил от ее секретаря следующую записку-вопрос:

Покорнейше и усерднейше прошу Уважаемую Редакцию сообщить мне адрес сотрудника «Нового Времени» В. В. Розанова, автора фельетона «Смысл аскетизма», помещенного в «Новом Времени» от 31 декабря 1897 года.

На ответ прилагаю семикопеечную марку.

С полным уважением остаюсь С-ский Соборный Протоиерей Александр Ус-ский.
30 января 1898 г.

Признаюсь, не без тревожного ожидания, что мне предстоит приватно, выслушать обвинения, подобные тем, какие печатно сделал г. Сменцовский, я дал требуемый адрес; но не везде, где мы ожидаем ямы, мы находим ее: я имел утешение получить следующее письмо:

«11 февраля 1898 г. Досточтимейший Василий Васильевич! Пользуюсь настоящим случаем, чтобы прежде всего засвидетельствовать вам искреннюю и глубокую признательность за многие часы истинного удовольствия и наслаждения, испытанные мной при чтении ваших сочинений. Первою попала в мои руки ваша брошюра «Место христианства в истории», наполнившая мою душу неописанным восторгом. Затем я познакомился с вашей обширной книгой «О понимании», которая с тех пор стала моею настольною книгою. Читал я еще ряд ваших статей, в которых вы изложили исторические взгляды К. Леонтьева, и статьи в «Вопросах философии и психологии». Так что я уже давно принадлежу к числу ваших молчаливых поклонников и давно уж собирался отыскать ваш адрес, в намерении обратиться к вам с одним предложением, или правильнее, с просьбою. Но дело все откладывалось. Непосредственным побуждением написать вам в настоящий раз послужила критика «Церковных Ведомостей» на ваш фельетон «Смысл аскетизма». Меня порази-

---

¹ Скопцы, как известно, отрезают груди у женщин, приближая *деву* (или женщину) к *виду* обще-человеческому, как более богоугодному. В. Р-в.

ло извращение ваших мыслей статьею «Церковных Ведомостей», и вот я, не имея ни сил, ни возможности защищать вас в печати, решился хотя письмом высказать вам свое сочувствие и одобрение. Я имею в виду вашу основную мысль касательно основ аскетизма¹. Позвольте заявить похвалу вашей наблюдательности в рассматриваемой вами области, поблагодарить вас за отвагу и смелость высказать свой взгляд в печати и засвидетельствовать вам о моей полной солидарности с вами в вашей основной мысли. Вы высказали такую мысль, которой принадлежит развитие и будущность и которая должна будет осветить и уяснить некоторые, непонятные доселе, пункты и стороны аскетической и святой жизни (напр., спор варлаамитов и паламитов о фаворском свете, сияние на лице Моисея после получения им скрижалей Завета и т. под.). Что касается 4-х частных пунктов² критики, то, конечно, в этих пунктах вы

---

¹ Моя основная мысль заключалась в том, что аскетизм религиозный не имеет ничего общего, в тенденциях и существе, с скопческою надеждою «внити в Царствие Божие бесполом, и при условии бесполости, существом». Аскетизм есть род плотского молчания, налагаемого на себя человеком не иначе, т. е. не в иных надеждах и не с иным смыслом, как и *обет молчания*, столь обыкновенный в монастырях: углубляется внутреннее слово, когда умолкает внешнее; просветляется, озаряется сердечное глаголение, когда нет пустой базарной болтовни. Великие молчальники суть не только монастырские аскеты: ими были великие мудрецы, великие в подвиге именно слова, когда оно нужно и благовременно. Вообще все обеты молчания, плоти ли, уст ли, имеют значение великого сосредоточения, собирания человека внутрь себя. В частности, аскетизм плоти имеет то значение, что никому острота плоти и высота ее смысла не бывает так открыта, как именно аскетам: не белый священник, но аскет Никанор первый ополчился в защиту брака против идей, высказанных в «Крейцеровой сонате» Толстым; не без удивления, как радуящее подтверждение своих мыслей об аскетизме, я прочел, в № 13 «Русского труда», следующие слова знаменитого Порфирия Успенского, высказанные им в беседе с митрополитом Филаретом: «Достоинно внимания, что афонские отшельники, не пускающие женщин на св. Гору свою, любили изображать в своих церквах семейные добродетели и занятия. Представлю вам примеры: Иоаким и Анна угощают левитов и священников, пестуют Марию и любят ее. Пресвятая Дева слушает благовестие Архангела с веретеном в руках, прядущая червленицу для храма. Спаситель и мать его присутствуют на браке в Кане Галилейской. Апостолы Петр и Павел обнимаются и лобызаются после примирения. Весьма семейна икона Богоматери, питающей Младенца своего сосцом *обнаженным* (курс. автора). Умилителен образ ее, называемый *Сладкое целование* (курс. автора);— Γλυχοψυτῦδα: Мать и Сын лобызают друг друга. Эти картины и иконы внушили мне мысль дать новое направление церковной живописи, так чтобы она была семейная и общественная, а не монашеская только. Домашние добродетели и общественные доблести послужат превосходными и назидательными предметами для храмовой живописи» и пр. («Русский труд» № 13, за 98 г., стр. 12). Как «умное молчание» не есть «бессловесность», презрение или отрицание существа «слова»: так «молчание плоти» не есть ее «искоренение», ни даже простая к ней «вражда». В. Р-в.

² Ответ, коего не мог дать г. Сменцовскому, охотно даю св. Ус-му: 1) Соломон совершал в самом начале царствования курения *на высотах* (мое утверждение), но не по сиро-финикийскому ритуалу (возражение г. Сменцовского). В двух-трех строчках я мог бросить лишь намек, но его дальним развитием служат, так мало постигнутые историками, все страницы четырех *Книг царств*, с их неумолчною скорбью-негодованием: «Поклонялись (Евреи) Господу, но поклонялись и... сиро-финикийским божествам». Из этой скорби ясно открывается, что в классический и творческо-религиозный период своей истории (пророки) Евреи находились в каком-то явном недоумении о Лице Поклоняемом, и как-то в чем-то сбиваясь, то поклонялись по-еврейски, то по-Тирски, по-Сидонски: как бы мы, сбиваясь из рационализма в мистицизм, или из католицизма в протестантизм, там и здесь все-таки исповедовали одно (христианство). Факт этот бесспорен, и негодование пророков так же мало указывает отсутствие родства между юдаизмом, и сиро-финикийскими культами, как мало о «не-христианском», «анти-христианском» содержании штунды свидетельствуют миссионерские «христианские против штунды» съезды, или как полемика лютеран против католиков не есть документ *анти-христианства* Рима. Была разница в имени Лица Поклоняемого; в тембре и колорите

лишь только допустили недоговоры и маленькие недосмотры. Когда это мое письмо будет принято вами благосклонно, то в следующем обращении к вам с своею просьбою. Ваш давнишний почитатель, С-ий соборный протоиерей А. Ус-ский.

II

Читатель да не посетует, что ради немногих бесценного значения строк — я печатаю, как обстановку их, эти письма; кой-что не относящееся к теме, выраженной в заголовке статьи, интересно в других отношениях. Получив письмо, выше напечатанное, с выражением сочувствия

самого поклонения (большая и меньшая странность); но не в природе как теизма, так и Лица Поклоняемого, которое здесь и там оставалось «Сый» (откровение Моисею); «Огонь поедающий» (Бог о Себе — в *Исходе*), «Бог ревнующий» (там же). Иначе как близостью и, так сказать, двоюродностью всех исповедовавшихся в Сирии и Финикии культов нельзя объяснить как этой явной сбивчивости, так и построения храма Иегове (Соломонова храма) финикийскими мастерами, которые, не спрашивая Соломона, уже знали, Кому и как построить «дом молитвы»; ни, наконец, следующего поразительного восклицания Иезекииля, бросившего Тиру слова *Божии*: «Ты был помазанным Херувимом», «Ты — в саду Божием». «Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего» (глава 28). Поклонение Соломона «на высотах» есть только подробность в этом непрерывном почти слиянии юдаизма и финикийства; правдоподобность, что он совершил поклонение «по сиро-финикийскому ритуалу», свидетельствуется вызовом для построения храма финикийских мастеров, как бы мы вызывали, при Грозном, «флорептийских художников», и уже никак, для построения Василия Блаженного, не могли бы позвать художников из магометанского Константинополя или браминского Бенареса. Таким образом, г. Сменцовский явно не понял великой проблемы, которую ему предлежало бы объяснить и на которую я лишь намекнул.— 2) Св. Юстин-философ «хвалит Платона не за то, что он проповедует безумие в любви, а за то, что он согласно с ветхозаветными пророками, учит о Едином Боге, о воскресении и суде». Ссылка на согласие с пророками, о коих Платон ничего не знал, мы не находим в его диалогах; но это согласие есть факт, нами наблюдаемый и который наблюдается параллельно со ссылкой Платона в «Тимее», что «мы, эллины — дети в познании природы вещей, коего глубь и великая дежина находится в Египте» (куда Платон и совершил путешествие, где он научался). Таким образом, открывается идентичность: ветхозаветных пророков, Египетского научения и философских доктрин Платона — тема для размышления богослова как и философа. Но для моей темы особенно было важно указать, что самостоятельно возвысившийся до богооткровенных истин философ есть в то же время автор диалогов «Федр» и «Пир», и характерного требования, мною приведенного, относительно чувственной любви. Св. Юстин-философ не мог бы высказать одобрения «Федру» или «Пиру»: но не по какой иной причине, как что «закрылись уже очи его» на ту связь между религиозностью и чувственностью, какую и постиг умом, и вероятно непосредственно в себе ощутил греческий философ.— 3) «Не знаем, на каких основаниях г. Розанов устанавливает подобную мнимую связь апокалипсических животных с египетскими»... На тех зрительных основаниях, что если в Апокалипсисе написано «лев» и в египетских изображениях нарисован «лев» же, то я и читаю: «лев и лев»; равно «орел и орел», «бык и бык», лицо «как бы человеческое» и «как бы человеческое» (не всегда вовсе девы: есть сфинксы мужские). Г-ну Сменцовскому мучительно, а мне радостно видеть христианство в средоточии всемирного теизма, и моего Господа — чаемым в «языках и странах». Он не наблюдал в самом Евангелии, его тусклое воображение не поразило, не потрясло, что ведь таинственные «волхвы с Востока», руководимые «звездою», которые пришли и поклонились «рождшемуся Богу», поклонились, конечно, нашему, но немножко и *их* Богу, *ими* исповедуемому, у *них* чаявшемуся; «на Востоке», т. е. именно в Месопотамии, именно на Ниле, — куда, кстати, с Предвечным Младенцем бежала и Богоматерь.— 4) Иов не сказал приписанных ему мною слов: «Дыхание мое опротивело жене моей и должен умолять ее ради детей чрева моего», т. е. что и на гноище реальное супружество Иова не прекратилось, и это не помешало ему быть «праведным, благочестивым» и «лучшим всех людей перед очами Господними». Но слова эти текстуально см. стр. 638 (стих 17, гл. 19) синодального издания «Библии или книги ветхого и нового завета». Спб., 1892 г. В. Р-в.

моим утвердительным мыслям о поле, я почувствовал к автору его горячую признательность по одной особенной причине: по сознанию опасности темы, по сознанию огромного риска, который я делал, начиная говорить о ней, ставя самую тему, определяя ее, подчеркивая ее.

Оцеломудрить человечество... две тысячи лет это понимается как *отвергнуть* пол, *уничтожить* его; и никто не догадывается, что это именно и есть *cadence* пола, его загрязнение, его развращение. Вдумаемся в предмет. Вдумаемся в себя, в обстановку своих действий. Вот — «жена» («да будет имя ей не Сара, *госпожа*, но Сар-ра, *высокая жена*»; *Бытие*), и вот — «наложница». Какая между ними разница? Да разница в нашем к ним отношении: что беря обеих в поле — мы берем одну с тяжелодумной серьезностью, религиозно; и другую — играя, светски. Т. е. некоторый *плюс* нашего отношения к полу начинает семью, открывает в женщине жену; и некоторый *минус* этого же отношения начинает «светскую связь» — преобразует, низводит, сбрасывает женщину до «наложницы». Вот альфа постижения всего дела. Продолжим опыт. Вынем из отношения к полу поэзию, которая еще играет в светской связи: нет уже ничего здесь духовного; «полный разрыв плоти и духа» достигнут — и в оставшейся физиологии, теперь отвратительной, мы читаем все черты ужаса проституции. Вот ее родина; вот ее «камень», который «бысть во главу здания» современного Вавилона. Нет не только священного в отношении к полу, но нет и шутки, игры; дух вынут, — и умершее тело пола заражает зловонием своего разложения цивилизацию. Как отсюда подняться? Да по тем самым ступеням, по которым мы низошли сюда. Дохнем в лик смерти лучом духа; вот, мы играем, шутим:

Посмотри — в тени мелькает
Русая головка...

Ты не спишь, плутовка?..

и эта сравнительная теплота отношения оживляет хладную проститутку до относительной высоты любовницы. Теперь грубость, оскорбление, уличное сквернословие — недопустимы; дух, внесенный сюда, гонит вон все это. Но игра эта есть временное, и песнь о «русой головке» — оборвется. Мы ищем прочнейшего, мы ищем священнейшего: беря за руку «русую головку», мы идем к предстоятелю Божию и говорим: «благослови, соедини»; «дай нам Бога — возведи нас к Богу». Как только это сказано, т. е. как только, без перемены функции, почувствовалась в ней религия — роман исчез и началась семья. Песен нет уже — есть нечто более серьезное: «соблуди ее, сохрани ее»; «соблюдитесь друг другу в верности, и в болезнях, и в старости — даже до последнего ее дыхания», «прощайте друг другу вины — и горькое ли, сладкое ли — вкушайте все вместе, ничего не относя в сторону один от другого». Здесь взят пол же и для пола: но он насыщен атмосферой священства. Мы получаем брак в прочности и правильности священно-юридического

института. Все ли кончено здесь? Только начато! Дайте нам брак — *исполненный*, семью — *исполненную*; дайте *священное исполнение* великих заветов священника брачующимся, великих обетов брачующихся перед священником как бы перед Богом; т. е. дайте нам священство *gei*, а не священство *pominis*.

Ну, так всю эту полноту ощущения, эту вздымающуюся грудь, эту готовность, эти слезы, это сияние души перед алтарем — повторите и повторяйте во все дни живота вашего, даже до гроба! Никогда не имейте отношения к полу, как только к телу, но всегда — как и к духу, к духовному. Как это возможно? Да не поражало ли вас, что всякий духовный акт как вихрь вовлекает в себя и тело. Мы говорим, и глаза наши горят; мать Самуила молилась, скорбела о бесплодии своем, «и щеки ее пылали, губы шевелились, но слов не было слышно, так что первосвященник подумал: не пьяна ли она». Мы воздеваем руки, подымаем брови, нахмуриваем лоб: вот телесные движения вслед за движением души! Что за таинственная связь?! — Радостнейшая связь, показывающая, что тела наши не извержены из милости Божией, из круга спасения; что Он призрел и на телесное наше смирение (обетование телесного воскресения: «оживут кости», «облекутся плотью», хотя, бесспорно, они суть плод плотского соединения), потребовал к молитве не один «ум» наш, но и руки, уста, грудь, взор...

Какая глубина в этом слове: «взор». Ведь тут — глазное яблоко, одна казалось бы физиология; но в этой «физиологии» есть скорбь, есть безутешное — есть дух, высокое духовное, по которому мы и переименовываем анатомическое «глазное яблоко» в почти религиозное: «взор». — Но углубим же преданность Богу, и дадим в курение Ему всю суть нас: сожжем Богом в себе («Аз есмь огонь поедающий» — см. *Исход*) последний грех. Теперь мы в черте Бога; не воздетыми руками, не шевелящимися руками, но от века и до века, до десятого и сотого, и тысячного поколения, с детьми и внуками, с «святою землею» нашего священного «Аз есмь».

Вся мука, вся задача на земле религии — стать реальною, *осуществиться*; соединим же конец ее с самым центром реализма в себе, и уже на всю остальную жизнь она разольется сама собою и свободно. Кто внимательно следит за нашею мыслью, угадает, что в ней есть некоторое подобие таинственной и неисповедимой «лестницы», которая была показана в ночном видении первому во Израиле, от «чресл» коего «потекли 12 колен», Иакову. В самом деле — конец (в теме пола) бесспорно на земле: это — сама «мать-земля», «сырая земля»; и иной конец — как показывают великие образы великих жен, священных жен — ну, от понятной даже Шекспиру Дездемоны, от понятной всем Татьяны, до святой Рахили, и даже до таинства Вифлеема — бесспорно в небе. Это — бесконечная гамма; но, странно, тогда как никого не пугает нисхождение по ней, и мы уже снизошли до проституции: именно потому, что мы так низко низошли по ней, «стоим на земле и не видим

неба», нас пугает не это стояние, но обратный поворот к небу. «С такою-то землею», «с этою тяжестью до́лу — мы пойдём к Богу?» Но ведь разве Бог не преодолагает всякий грех? Да и самая «земля», что теперь обездушенным трупом лежит перед нами, она не всегда была такою и даже вовсе не такова в таинственной и скрытой своей природе. Ее ищите; ее разрывайте; и прощайте, конкретнее: от «потерянной женщины» — ну, хоть восходите к наложнице; но оставьте и ее — идите к жене; и, наконец, свято почувствуйте жену, полноту вашего перед нею долга. Как просто, какая азбука! Но азбука страшит младенцев, еще не приступивших к ней, и им кажется это погружение святыни, «священства» в зараженный уже источник, от коего все пьют и не могут не пить, — не его «очищением», но «погублением святыни». Да, в самом деле, вот параллель. В колодезь пала мышь; нечистое животное пало в источник в пустыне, вне которого и неоткуда почерпнуть воды жаждущему. Народ шархнулся в сторону:

— Не можем не пить. И не можем такую воду пить!

Подходит старенький священник. Он надевает эпитрахиль. Берет крест — и *опускает его в зараженную воду*; берет *святую воду* и выливает ее в источник:

— Теперь, православные, подходите и пейте безбоязненно!

Проезжающая мимо кавалькада кавалеров и дам, не понимая совершившейся драмы и тайной мысли священника, негодует на последнего:

— Он богохульствует!

Вот положение вопроса о поле. И нас упрекали (см. выше: «Какими рожцами питается наша интеллигенция»), и здесь примечания С. Ф. Шва) и еще более будут упрекать: «он смешал небо с землею», «он заразил всякую на земле святыню», «до сих пор в чистоте лежавшую и в стороне от нашей скорби и греха». Боже, как будто суть, таинственная суть самого христианства и не лежит именно в этом смешении, месиве! Как будто не Христос на верху «лестницы» простирает к человеку руки! Как будто не этою именно лестницею пола Он Сам, воплощаясь, сошел на землю! И мы, в самом деле, делаем маленькое толкование: это ведь Иаков видел во сне Спасителя, а лестница — это и есть Богоматерь, омега во Израиле, увиденная или показанная тому, кто был сам позван стать альфою в нем.

В письме к почтенному священнику я выразил полноту тревог и опасений моих; и полноту — мотивов, прося сохранить письмо. Вот его ответ:

«Многоуважаемый В. В.

Глубоко благодарю вас за письмо. Буду хранить его, как драгоценность. А теперь, простите, если я своей бесцеремонной навязчивостью несколько нарушу обычное течение ваших мыслей.

Поводом к моей просьбе послужило ваше собственное замечание, высказанное вами в предисловии к ряду статей по истолкованию мыслей К. Леонтьева. Там вы сказали, что ранее вы не слышали и имени этого

писателя, но, что когда вам попали в руки его сочинения, вы были приятно удивлены светлостью его взглядов и решились привести их в систему. Так вот, мне хочется предложить вам новую работу в том же роде, а именно: познакомить светское русское общество с сочинениями и взглядами другого малоизвестного русского писателя, Александра Матвеевича Бухарева, бывшего архимандрита Феодора. Не говоря уже о светском обществе, этот писатель даже и в среде духовенства не только не пользуется популярностью, но даже просто известностью. Вот я, например, прошел всю духовную школу, от нижнего края до высшего, и что же? Ни один учитель духовного училища, ни один наставник семинарии, ни один профессор духовной академии ни разу ни полсловом не обмолвился о Бухареве. При жизни его считали писателем неудобопонятным, а после смерти стали называть мистиком. Притом, монахи намеренно замалчивают его существование, в его оригинальной и замечательной судьбе находя как бы укор и посрамление монашеству. А между тем, что это за светлая личность! И какие чудные, неподражаемые идеи¹ проповедывал он! Это единственный у нас на Руси богословский писатель, который не скользит только по поверхности христианства, а опускается в самую глубь² и суть его. В настоящее время, при пробуждающемся в светском обществе интересе к религиозным вопросам, писания Бухарева незаменимы для последнего. Возьмите во внимание хотя одно заглавие некоторых из них, напр.: «О православии в отношении к современности», «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской». Ведь только тот, «кто мертв душой и спит умом», может равнодушно пройти мимо этих заглавий! Когда же вы возьмете в руки эти книги, то убедитесь, что заглавия эти не одна вывеска и не для красного словца только поставлены.

Я сам по окончании академического курса питал надежду изучить сочинения Бухарева и написать относительно их исследование. Но эта задача оказалась для меня слишком непосильною. И вот, с тех пор я ищу, кому бы передать мне мою заветную мечту. Обращаюсь к вам. Попробуйте познакомиться с сочинениями Бухарева. Может быть, вы заинтересуетесь ими и дадите о них ряд блестящих статей, подобно тому, как это вы сделали с сочинениями К. Леонтьева. Многие сочинения Бухарева можно найти в книжном магазине И. Л. Тузова. Прежде были они и в магазине Овсянникова, Гостиный двор, № 17. Нужно только иметь в виду, что одни из них надписаны именем архимандрита Феодора, а другие именем А. Бухарева.

---

¹ И я наблюдал в нашем добром священстве чрезвычайно много светлых духовных порывов, новых лучших мыслей: но все гложет в чувстве какого-то страха! В. Р-в.

² Глубин христианства никто еще не постиг, и эта задача, даже не брезжившаяся Западу, может быть, есть оригинальная задача русского гения. Западные критические умы тронули только букву Евангелия, западные положительные умы писали свои вариации на его звуки, картины и вообще на необъятную его красоту. Но что оно (τι 'εστιν) — этого никто не постиг. В. Р-в.

Для первоначального ознакомления с личностью и характеристикой Бухарева потрудитесь прочитать в апрельской книжке «Православного Собеседника» за 1896 год статью проф. Знаменского «Печальное двадцатипятилетие», затем в его же «Истории Казанской Дух. Академии», выпуск I, 1891 г., страницы 124—136, 176—180; выпуск II, 1892 г., стр. 205—221, 388 и 389, и еще в «Русской Старине» за март 1897 года статью: «Консисторский суд над Бухаревым».

Ласкаю себя надеждою, что рекомандую вам писателя, который придется вам по вкусу. Если же этого последнего не случится или если вы уже знакомы с ним, то великодушно простите меня; извинив меня тем, что мое предложение вам исходит от преискренного желания напомнить своим соотечественникам об имени так незаслуженно забытого писателя, к сочинениям которого сам я прибегаю всякий раз, как только почувствую оскудение духа или черствость и жесткость по отношению к своим ближним.

Ваш горячий поклонник С-ский соборный протоиерей

Александр У-ский.

4 марта 1898 г.»

* * *

Сведения о Бухареве пробудили во мне живейший порыв познакомиться с ним, но «в скорби наших дней» мы даем едва минуты духу, ибо все остальное время не то чтобы «работаем телу», но «прокормляем» грешную сию немощь, которую несем до могилы. Чувство обязанности литературной исполнить предложенное вызвало во мне сейчас же ответ, что этого исполнения я не могу дать ни сейчас, ни даже позднее, ибо дни свободных досугов, когда писались обширные статьи, как о Леонтьеве, по всему вероятно, навсегда для меня окончились. В замене я предложил самому ему исполнить эту тему, и он мне отвечал:

«Многоуважаемый В. В.

В последнем своем письме вы писали, что вам некогда заняться Бухаревым. Но, должно быть, в нынешние времена у всех достаточно дела. Вот и я все собирался написать вам подробнее о нем, но увы! не удосужился, и теперь пишу для того лишь, чтобы сказать, что мне надолго предстоит необходимость забыть о всяких Бухаревых. Прошу вас еще раз великодушно простить меня за доставленное вам моею просьбою беспокойство.

Если достану брошюру проф. Знаменского о Бухареве, пришлю Вам.

Продолжайте же заниматься вопросом о браке. Он стоит того. В этом вопросе я вполне вам сочувствую. Все, что вы выскажете в этом направлении, будет и интересно, и поучительно.

Если опять когда соблаговолите написать мне, то будьте любезны сообщить, какую должность теперь вы в Петербурге занимаете.

Ваш горячий почитатель, прот. А. У-ский».

III

Собственно, теитизация пола уже содержится в самом институте семьи; в инстинктах частных людей к семье; в признании церковью семьи. Мы только не понимаем этих своих тенденций. Семья — это и есть *светлая горница*, куда мы вносим половой акт, который, очевидно, раскалывал бы всякую семью, загрязнял ее, делал невозможным ни «брак», как «религиозное таинство», ни семью, как общепризнанный институт, если бы в себе самом и искони он был отрицательным. Совершенно очевидно, что некогда и именно *искони* — он был светлым и зиждительным; и эта светлая и зиждительная его природа может быть восстановлена, или — точнее — ей предстоит быть открытою, *genovata*. Невозможно постигнуть, откуда пробуждается в человеке половая ревность: кто же ревнует, что он обойден в *грехе* и не приобщен ему!? За это *благодарить* бы! Но люди, и именно чистейшие сердцем (Отелло, Пушкин) — убивают или убиваются; и только человек грязный, только на последней ступени полового загрязнения, становится индифферентен ко всякой верности ли, измене ли. Это — так поразительно! Есть что-то *личное* и, очевидно, *духовное* в содержании пола, и на этой его черте зиждется *верный брак, верность в браке, святая* — «до могилы» — *семья*. Но и наконец: действительно, если что совершает человек неисследимое для собственной его мысли, непроницаемое ни для какой мудрости, то опять — в таинстве зачатия, и около него — семьи. Казалось бы, новый человек, «лишний рот около каравая», должен тяготить: но тут, и только тут так охотно теснятся старые и усталые родители, чтобы припустить к хлебу юного едуна. Какое пробуждение любви! Какой родник ее — вечный, и, очевидно, *потусторонний*, ибо он несокрушим, ибо он владычествует над страхами, эгоизмом; он побеждает самую смерть и страх смерти, первую — в существе младенца, а второй — в том мужестве, с которым мать бросается на опасность, гибель, чтобы защищать свое дитя. Все это далеко от простой физиологии; все это — такое «богословие» наших костей и жил, такая их «мораль», от которой далеко позади остаются мораль и богословие катехизирующих систем. Наконец, — безгрешность младенца, его сияние, его — дерзнем сказать — положительная святость: откуда это, что за странность? Ведь он должен бы быть простым «куском мяса» и возрастать в красоте по мере того, как от букваря мы переводим его к арифметике. Но нет этого. Вопреки всем нашим умственным расчетам — нет! Младенец *темнеет* по мере того, как он отходит от рождения; и новый свет начинает набегать на человека лишь в старости. *Дед* — опять светел, «как младенец»; и не невероятно, не невозможно предположение, что самую *смерть* нам следует рассматривать, как вторично в «тот свет» рождение. Душа наша рождается «туда», оставляя здесь тело, подобно как ранее оставило утробу матери: только при этом мышлении возможен монизм наших, тогда до полноты радостных, представлений, без скорби и плача, без «надгробных рыданий». Да ведь и есть странное сплетение слов о «погружении в лоно Авраама... отцов

наших»: в *то* лоно, из *коего* мы и вышли! Что за дивное словосплетение, если бы в самом деле в смерти не было какой-то таинственной параллели — даже до слияния с рождением! Только обратно их направление, при тождестве существа: мы приходим *из* и уходим *в* две разные двери, однако ведущие в *одно* «место злачно, место прохладно, иде же несть болезнь, печаль и воздыхание». Но тогда как лежащее за гробом для нас беспросветно темно, и ничей глаз туда не заглядывал — предшествующее рождению нам несравненно яснее, ибо рождающие-то — это и есть мы. — Великим *инстинктом* мы входим для этого в «светлую горницу» — семью. Но дополним же мыслью этот инстинкт и скажем, что семья так же священна, как храм, куда отнесут нас в гробе; и даже она параллельна храму и сливается с ним, по неисследимой глубине своей. Разберем инстинкты. Позовете ли вы в семью, кажущийся «хлев бытия своего» — грязного, хоть пусть и «нужного» человека? «Обделывая дела», вы, хоть и дороже, но угостите его в ресторане; и умывшись, хоть только в душе умывшись, — войдете один под светлый кров дома и сядете за стол с семьей своей. Т. е. «хлев бытия» нашего, кажущаяся «физиология», грязь пеленок и неодетая жена — есть истина Вифлеема около вас; я хочу сказать — это есть деятельный и никогда не имеющий угаснуть свет, брошенный из вифлеемского смирения на смирение каждой хижины, каждой ремесленной семьи. Волхвы поклонились Вифлеему: какая еще неразгаданная мысль здесь содержится! Ведь они поклонились — своему *ожиданию*; и поклонялись раньше в каком-то предчувствии звездам, «звездочкам», как последняя поклоняемая звезда привела их к Спасителю и Богу. И исчезло, но не ранее этого времени, «звездопоклонничество», это какая-то неясная тревога о звездах; выглядывание звезд, выискивание чего-то в них; выискивание: которая же поведет их и остановится над «рожденным» Богом? Так с башен Вавилона и Мемфиса ожидали своего часа — «волхвы», чтобы этим неразгаданным поклонением сказать свое «ныне отпускаеши»... Я все повторяюсь в круге одних и тех же мыслей, открывающих христианство «с Востока», когда мы его рассматривали до сих пор «с Запада». Эти, напр., стада около Вифлеема; мы все видим здесь фабулу и подробности фабулы, почти отыскиваем географическую точку «Рождества Христова», когда перед нами знамения его мысли: что Спаситель «родившись» — освятил и всю «рождаемую тварь»; Он — «Спаситель *мира*», *κόσμου*, а не Спаситель только римской провинции Галилеи. Таким образом, еврейская семья, столь высокая в колорите и тембре своем, была семьей ожидания (старицы рождающие — первая Сарра, последняя — Елизавета евангельская, мать Предтечи): но, если постигнуть глубже, христианство имеет еще более глубокие основания для семьи и ее трансцендентного значения, чем этот утлый народец Азии, живущий теперь среди нас в недоумевающем рассеянии. Но основания эти как-то не раскрыты. Христианство, вся полнота его, весь мистицизм его — и есть мистицизм семьи; «кровное» начало, «родное», «родственное» — всегда предчувствуемое как религиозное — в христианстве прямо возведено к небу, низошло с неба: Бог сошел по таинственной лестнице на землю, он «родился», через это став

из прежней внешней, лишь через глаголение уст, через алкания сердца, близости к человеку — в *родство* и некоторое ему *подобие*. «Святая семья», история коей составляет предмет повествования четырех Евангелий, что это, как не «семья», одни части коей на небе, а другие — на земле? Что мы не ошибаемся, указуя центр тяжести христианства в просвещении и объяснении семьи, видно из одного, до сих пор продолжающегося знаменья: нет образов Спасителя *чудотворных* — без *Матери*, и иначе, как со *Спасителем* — *Младенцем*: «Иверская» чудотворная икона, «Владимирская», «Казанская», «Смоленская» — все это суть иконы, где христианство взято в младенческо-материнском сцеплении; но нет, кажется, вовсе нет чудотворных икон с содержанием: «Спаситель и грешница», «Спаситель и самарянка», «Иисус, искушаемый фарисеями», или — «в синагоге учащий», или «распятый», «преображенный», «молящийся в Гефсиманском саду». Почему бы? Здесь есть указание, поражающее небесное указание, выражающееся в исцелениях, в «явлениях» (большинство этих богородичных икон — «явленные»), что человек поклоняется и должен во Христе поклоняться младенчеству Его и материнству около него св. Девы. Этот ряд религиозных наблюдений, далее — твердые, философские соображения, и, наконец, лишь для тупого невидимый религиозный свет, ясно вспыхивающий всякий раз, когда, по выражению Спасителя, «новый человек приходит в мир» — побудил меня высказать мысль, что пол имеет содержание и положение трансцендентно-религиозного ноумена; что в нем выражено второе темное (с трудом видимое), *extra rerum terrestrium*¹, лицо в человеке²; и что к этому-то лицу неудержимое влечение и породило как ветхую заповедь: «того ради оставит человек отца и мать... и прилепится... и будут два — в одно», так и страшные, а главное — непонятные бури, здесь иногда вспыхивающие, и которые эмпирическая мысль назвала «аномалиями пола». Они *есть*, как факт; и этот факт возможен и *есть* потому, что пол выходит из границ «естества»; что он *вне-естественен* и *сверх-естествен*; что тут — прорвана природа, видимый физический (и физиологический) порядок вещей; что в этих таинственных и так волнующих нас топях есть бездна, есть пропасть, уходящая в антипод бытия, что это — образ *того света*, здесь и единственно здесь выглянувший в наш свет, и который мы страшимся называть именем и страшимся, убегаем взглянуть на него: кроме моментов, когда «взглядываем» — и тогда «новый человек приходит в мир», а «женщина забывает всю скорбь свою» (слова Спасителя) в ясно вспыхивающем около нее религиозном свете: приходит еще *душа* в этот мир, с памятью *иного*, *откуда* она, с чувством «искры Божией», в ней теплящейся и освещающей стихии этого света, куда она завивается в таинственном и через таинственный акт. Я сознавал, что

¹ внеземное (лат.).

² Втянувшаяся внутрь человека «главизна пустот». По плану человека (симметрия конечностей, где нижние так подобны верхним, и проч.) мы в точках пола должны бы ожидать *головы* же; и находим *противо-голову*, затаившуюся в тазовых, как голова в черепных, костях: но из уст которой исходят *глаголы бытия*. Ведь ребенок — вечная *мысль*, *мудрость*, «мудрая тварь»: и он «выговорен» в половом общении, психология которого, по всему вероятно, определяет качества его души. В. Р-в.

это — истинно; и что через этот оборот мысли мы поворачиваем из нисхождения по «лестнице» в восхождение и получаем семью как реально-религиозный, а не номинально-религиозный институт. Открывается возможность культуры семьи, ибо уже есть камень ее — культ, как проникновенное уважение, как трансцендентно религиозное благоговение к месту, из коего зиждется и течет она. Часто мне думалось и думается, что самый «ком земли», из которого образовано это место, вовсе иного происхождения, чем прочие части тела (отсюда, в *обыкновенное, феноменальное время и обыкновенным своим глазом мы и не можем на него смотреть*) и относится к ним, напр., как *метеоритное железо к обыкновенному*. Иначе непостижимы, не разъяснимы бывающие здесь явления.

IV

Едва была напечатана в «Бирж. Вед.» статья «Женщина перед великою задачею», где я указал на трансцендентный характер пола, как мой корреспондент отозвался следующим письмом:

«Многоуважаемый В. В.!

Глубоко благодарю вас за присланные фельетоны. Особенно важна, конечно, вторая половина. Ну, что за прелесть! Что за роскошь! Так и расцеловал бы вас за эту статью! Ведь вы открываете своего рода Америку. Ведь вопрос, вами поднятый, это совершенно непочатая почва; это — область, куда еще не ступала нога христианская; это первобытные, девственные леса Америки, которых еще не касалась секира человеческая. Да и посудите, кому же было до сих пор братья за решение брачного вопроса с точки зрения христианского мирозерцания? Ведь вся наша христианская догматика составлена монахами, или действительными, или фальсифицированными девственниками, т. е. такими людьми, которые считали стыдом и грехом для себя даже только открывать рот, чтобы говорить о брачных отношениях. Да, этот вопрос именно ждал для своего решения таких работников, которые бы были и людьми женатыми, и вместе с тем «во главу угла», в «начало веселия своего» полагали единственно, исключительно и неизменно мысль о небесном Иерусалиме¹; которые бы на приглашение их на вечерю Божию не отвечали диким

---

¹ Замечательна эта ссылка на Апокалипсис. В Апокалипсисе, и именно в указываемом образе, дано и указано *удвоение* христианства, и именно (как мы предполагаем) — разлитие его на вторую область, сверх той одной аскетической, в которой сейчас же, под впечатлением Голгофы, стало выражаться, фразироваться христианство. И в самом деле, никак иначе, как в смысле *удвоения*, нельзя понять апокалипсических видений о *втором* Иерусалиме, сходящем с неба, когда уже *один* есть и стоит на земле; о *втором* «вечном Евангелии», пролетающем над землею, когда уже написано и держится в руках человечеством — первое. Мысль *удвоения*, какого-то невероятного *расширения* христианской истины, очевидна из этих видений. Теперь вопрос: куда, в какую сферу возможно это расширение? Вчитаемся в этот дивный образ:

«И явилось на небе великое знамение: жена — облеченная в солнце; под ногами ее — луна, и на голове ее венец из двенадцати звезд.

Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» (Апокалипсис, гл. XII).

Какие бы комментарии к этому темному видению мы ни сделали — его прямой смысл не может быть оспорен, и он состоит в том, что «рождение», «рождающая» есть центр, очевидно

нелепым отказом: «жену пояс и потому не могу прийти», а, напротив, обращались к Зовущему: «Господи, позволь мне придти к Тебе уж и с женою и с детками»¹. У нас на Руси, в последнее время, я знал

мистический и религиозный, коему как бы поклоняются «солнце, луна и звезды»; здесь до известной степени повторено видение Иакова, но уже не в отношении к Иосифу и братьям его, углу зачатку Израиля, но в отношении к какой-то небесной Еве, откуда исшел, «родился» человеческий род. В то же самое время как *противоположное* рождению начало — указана смерть, и глава смерти — диавол: «И другое знамение явилось на небе: вот — большой красный дракон с семью головами и десятью рогами; и на головах его семь диадем (земные венцы, земная похвала «духу отрицания и небытия»; «венчик святости», который исхитил он для себя у человечества). Хвост его увлек с неба третью часть звезд (он подобится, уподобляется святости «жены») и поверг их на землю (загрязнение, произведенное на земле отрицанием «рождающей жены»). Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда он родит, *пожрать ее младенца*» (детоубийство, Иродов вариант «искания Христа» через «избиение» в себе — субъективное, — или объективно, когда уже он рожден — *младенческого существа*). — Суть христианства есть поклонение *Богу в младенце* (чудотворные иконы); суть антихристианства, «древний Дракон» — есть вражда, борьба против младенцев; запрещение им «играть во чреве перед Господом», как и выразила это старица-Елизавета перед Мариею: «Величит душа моя Господа и возрадовался дух мой о Боге Спасе моем; и откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» Замечательно это евангельское событие: из него открывается, что первым Апостолом, возвестившим Иисуса вселенной — и было «чрево матери», уже совершенно земной и без небесных отношений, но в которое был заключен «предтеча Господа». Однако вернемся к Апокалипсису. Четыре животных перед престолом Божиим, «не имеющие ни днем, ни ночью покоя, взывая: свят! свят! свят! — каковы бы опять ни были комментарии к ним, суть именно то, что о них написано: «животные», некоторое «животное» смирение в Космосе, позванное к Агнцу; как и животные стада встретили и окружили «родившегося» в Вифлееме Бога». Все эти многочисленные, нами указываемые черты, и которые мы не можем же признать поставленными «без разума» в Евангелиях и Апокалипсисе, открывают тенденцию туда именно, куда и на что мы указываем — разлитие христианства в кровь, в семью, в кровную «родственность» человеческих «стад». Дабы «святое» глаголов Иисусовых вошло не в книжную разработку («книжники и фарисеи»), но стало, пусть несвязным, но умиленным лепетом младенчествуящего человечества, младенчествуящего в пору старости («будьте мудры, как змий, и чисты, как дети»), и непосредственно сливающегося «с лилиями полевыми» и «птицами небесными». В. Р-в.

¹ Вот, вот слова — ради коих мы пишем эти комментарии и печатаем все письма: «Господи — возьми нас вкупе! возьми в той связи, которою мы затеплились во имя Твое на земле; возьми нас в родстве и смиренном несении тяготы друг друга, которое мы совершили здесь в веселии и в скорби. Я хочу Тебе поклониться не один, как увядающая и бесплодная смоковница, которую Ты проклял, но, принеся плод Тебе, — иду сам друг, уже старец и со старицею — женою, и с детьми, которых мы научали на земле имени Твоему Святому, молитве Тебе, и вот, теперь их за руки подводим к Престолу Твоему: дабы и на вечери Твоей сидеть рядом и согласными сердцами радоваться радостью, которую Ты уготовал верным Тебе!» Это — совершенно новая концепция христианства: поклонение Богу не в темных ризах аскетического отъединения, но в светлых ризах кровного соединения. Конечно, мысль христианства не только не искажается через это, но через это-то она и входит в полноту. Однако — не искажается ли? Но разве закон у Христа Небесного — иной, чем у Христа в земном его образе? Ведь Он брал людей в кровном соединении, и нигде, ни разу не разорвал кровей их: «не скорби, сестра: брат твой Лазарь не умер, он — спит». — «Где вы положили девицу?» спросил Он о дочери Иаира^{1*}.

^{1*} Позвольте! А это: «И сказали ему: вот Матерь Твоя»... и т. д. И отвечал им: «кто Матерь Моя? И кто братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот Матерь Моя и братья Мои» (Марка, III, 32—34).

Затем, как объяснить совершенно определенное положение Евангелия, что девство *выше, духовнее* супружества и, как высший подвиг, дается лишь тем, кто может вместить? Не возвращает ли нас В. В. Розанов назад к упраздненной христианством религии плоти. Прим. С. Ф. Шаранова^{1**}.

^{1**} К «религии плоти»... Не поклоняйся бедности своей (теперешняя наша плоть), но *внеси идеал* в бедное твое! Неужели против внесения идеала в плоть, погружения, как я привел параллель, креста и евангелия в зараженный источник, восстал бы Тот, Кто сказал: «Я пришел для грешного, а не для Святого»?! Потом это не разобранное девство, сильнейшее в плотских алканиях, чем всякое супружество: ну, тогда оно не противоречит заповеди о браке, как крепкая водка — ослабленной своей степени. Иначе нельзя объяснить, не познав *раскол* между заповедями и заповедями, между Ветхим Заветом и Новым. Наконец текст: «Кто Матерь Твоя» и т. д. Спаситель не *родство* этим хотел уничтожить, но поправить *случаи* родства.

только двух таких работников. Это Василий Андреевич Жуковский и Александр Матвеевич Бухарев. Но они дали только ничтожное зерно к решению этого вопроса с христианской точки зрения. Вы ударяете в самый центр, в самую суть дела. О, пожалуйста, продолжайте работать над этим вопросом: право, он стоит того. Два ваших фельетона, от 31 декабря («Смысл аскетизма») и настоящий — бессмертны и неумирающи: им предстоит будущность и развитие. Смущаться нечего, что для многих ваши мысли покажутся странными. Ведь всякая новая мысль

В этом и только в этом освещении понятны, законны и радостны становятся его беседы с пятимужнею Самарянкою, прощение грешницы, слова о Хананеянке, о Марии Магдалине: не осудив блудниц, неужели же, неужели не благословил Он жен? «Будьте всегда вместе», «близьтесь друг к другу», «не бойтесь греха — иного, чем грех отъединения, гордыни, мнимой чистоты». И опять только в этом освещении понятны и законны станут некоторые Его слова: «блудницы и мытари вперед вас внидут в царство небесное», «потерявший душу свою — сбережет ее, а сберегающий — потеряет». Т. е. не говори как скупец (и скопец) «дух, дух мой, тебя взыскую»: но «взыскуй ближнего» даже ценою потери этого «духа», и вот тут-то, когда ты думаешь, что «потерял» его — ты и «обретаешь» его, даже сторицею, как бы выколосившееся зерно. Таким образом, начало собственно плоти и плотского человека к человеку «прилепления» не только и не враждебно Христу, но, можно сказать, что в эту слепленность людскую Христос и вошел, как в сень свою, везде беря человека не в сиянии одежд его, не в украшениях гроба, но в радости семейного очага, у колыбели. Против этого общего колорита Евангелий и Лика Христова совершенно бессильны бегучие и, может быть, апокрифические привески, вроде «лучше не жениться», «даяй децу в брак — хорошо поступает, а не даяй — лучше поступает», где так явно человеческое колебание или человеческая (двоящаяся в незнании) ограбиченность. Добавим: только этот взгляд, вводящий семью ко Христу, спасает от колебаний и даже гибели само христианство; ибо если начало «кровности» не входит в христианство, то наряду и около христианства открывается возможность второй религии, развивающейся из света и теплоты «семейности», и из несокрушимости, а также из трансцендентности плотских уз. Или Христос есть брачный и брачующий Жених человечества (так Он и именовал Себя: «доколе жених с ними — пусть будут светлы»), или открывается возможность *еще* и притом *противоположного* Христа; и, может быть, тревога об «анти-Христе», сейчас же почувствовавшаяся в христианстве (собственно — в Писании ее нет), как только оно ступило на аскетическую почву, имеет здесь, в этом истинном предчувствии, для себя основание. Но этот предчувствуемый «еще Христос» — есть первый, сказавший таинственные слова: «вкусите *плоти* — и живы будете, испейте *крови* — в жизнь вечную», которые мы понимаем или как аллегория, или как напоминание, когда они исполнены реализма и раскрывают существо Христа как Бога-плоти, как Господа «кровей». Христос и есть Сама Небесная Евхаристия; тот таинственный «опреснок», который повелено было иудеям вкушать в Пасху; «хлеб животный» — как Он определил Себя, т. е. плод зрелый, ниспавший от Отеческого зерна, которое есть Семя и Отец мира.

Заметим, что всякая концепция христианства становится правдоподобною, насколько она принимает в недра свои кровную и слезную, скорбную человеческую правду. Тут проходят такие глубины любящего самоотречения, деликатного прощения, такую «Голгофу» несет порою на себе человек ради детей, мужа, жены, перед которою все аскетические «подвиги и упражнения» в «ядениях», «питиях» и «глаголаниях» представляются своего рода духовным жонглерством. И весь этот духовнейший подвиг — около семьи и крови человеческой, около младенца и колыбели его: отчего они и святы в себе, священны (не касаемы) должны быть для человека. В. Р-в.

Возьмем житейский пример, наш бытовой, исторический: и мы упрекнули бы тех «деточек своих родителей», или тех родителей своих детей, которые в 40-х годах не читали бы Белинского, в 60-х — Добролюбова, и вообще *не слушали бы* учителей своего времени, говоря: «нам что до этого, у нас есть дети и мы должны добывать им хлеб». Это — *бываемый* в семье эгоизм, явление отрицательное и нехорошее. Но ошибки мореплавания не говорят против мореплавания, и что *есть* болезни — не указывает на *ненужность* исла. *Принцип* семья все-таки выше Белинского, Добролюбова, всякого учения: между тем аскеты поняли приведенные слова Спасителя в смысле противоположения царства Мессии принципу крови, и исторически развили вражду к крови и подорвали доверие к спасительному «семени жены»; что одно мы критикуем и резко отвергаем, придвигая к «семени жены» Иисусову чистоту, и, обратно, семенем жены сообщая реализм, наливая кровью и плотью эту чистоту. В. Р-в.

казалась своим современникам странною. Между тем, нужно же, чтобы кто-либо впервые провозгласил ту или иную новую мысль. В данном вопросе счастливая доля глашатая истины выпала на вас.

Теперь несколько слов о Бухареве. Он кончил курс в Московской Д. Академии в начале 40-х годов. Был последовательно профессором в Моск. и Казанской Д. Академиях. Сряду, по окончании курса, принял монашество. Митроп. Филарет, смущавшийся своеобразием его воззрений, перевел его в Казань, а отсюда его вывели цензором в Петербург. Здесь он начал печатать толкование на Апокалипсис, но, по проискам Аскоченского¹, печатание это было остановлено, и самое толкование его запрещено. Это обстоятельство так его поразило, что он счел неудобным для себя продолжать далее нести на себе тяготу монашеского послушания и снял с себя и сан архимандрита и обеты монашества. После сего вступил в законный брак, жил около 8 лет и помер в 1871 году, на 47-м году жизни. Жена его, Анна Сергеевна, кажется, еще и доселе проживает в г. Переяславле Владимирской губернии.

Главною, основною идеей, которую он проводил во всех своих сочинениях, была мысль о необходимости благодать и истину Христовы распространять на все стороны, во все слои человеческой жизни, семейной, общественной, политической². В наши дни, когда мы имеем под руками массу сочинений Влад. Сер. Соловьева, Н. Н. Неплюева и подобных, эта мысль для нас не новость. Но первым ее провозгласил архимандрит Феодор, и это в начале 50-х годов, когда безраздельно царствовал у нас в духовной литературе жестокий, подавляющий режим митрополита Филарета. Да, поистине Бухарев послужил тем «упавшим на землю» и потому, конечно, всеми забытым зерном современного пророческого направления в русской публицистике, которое (зерно) приносит на наших глазах такой обильный, такой роскошный, заставляющий истинно радоваться, духовный плод. Правоту своих воззрений Бухарев хотел подтвердить своим собственным поведением, снятием с себя монашества и вступлением в законный брак — сбив с позиции монополю монашества на спасение.

---

¹ Самая низкая была клевета Аскоченского, и можно печалиться, что духовное ведомство, вообще не поставленное у нас достаточно независимо (смесь власти и робости) — не отстояло «своего». Митр. Филарет очень ценил Бухарева; и уступил, когда зашумели (Аск-ский). См. действительно прекрасную о нем статью высокоталантливого автора «Истории Казанской Духовной Академии», проф. Знаменского. Биография Бухарева, так набросанная, — вызывает и восхищение перед русским духом, и слезы сожаления о почившем праведнике, и умиление к истинному другу, согревшему и утешившему (вот — несение «Голгофы» в супружестве) его, к благочестивой его супруге. Это — пример супружеской четы у нас, страница в семейные *Чети-Минеи*, которым давно, давно пора начаться: так много в безвестности затеривается жемчужин семейной у нас праведности. В. Р-в.

² Собственно, это есть не столько даже нужда жизни, практики наших дел (религиозное ими освещение), сколько нужда для самого христианства, которое доселе поставлено углом к жизни, и стоит «в углу», а не в «сердечке» жизни; не *действует*, а *посему и недействительно* (не осуществлено). В. Р-в.

Но писал ли что-нибудь Бухарев о существовании брака, этого я вам не умею сказать, так как весьма многих сочинений Бухарева не только не читал, но и не видывал. В этом отношении нужно было бы просмотреть его книги: «О св. апостоле Павле» и «О миротворении»¹. Но первой книги в свое время я не нашел даже в фундаментальной библиотеке Пстерб. Дух. Акад. Нет ее и у Тузова. Что касается второй книги, то когда я мог бы ознакомиться с нею, ее у меня не было, а теперь мне решительно некогда. На основании других сочинений его могу сказать, что он говорил о браке с нравственной точки зрения, находя в нем отсвет² духовного союза Христа с Церковью.

¹ Очень глубокая книга, которую я достал по указанию отца прот. А. Уского. Бухарев здесь становится на верную точку: в тайне непостижимого сотворения мира Богом — искать, рыться, копать и, может быть, когда-нибудь найти раскрытие тайны сейчас сотворения человека («рождение»). Но, как у духовных бывает почти всегда: светлая мысль кладется флером на проблему, а в проблему он не врубается! Таким образом, у него есть чудесные движения к истине, но истины — нет; и, напр., ключ к ней — не единственное число выражения: «бара Елогим» (ед. ч. — Елоах) — «сотворил и Бог (и)» (мир), Быт. 1, 1 — он выпустил из рук, истолковывая его в том же неверном смысле, как у нас неверно толкуются и слова Бога змию о «семени жены». Заметим также, что гл. бара (= сотворил) означает внутреннее из Себя творение, а вовсе не гимназическое: «создал из ничего». В. Р-в.

² Нужно заметить — «роман» в браке все исказил и запачкал, так что к нему стало даже сграшно подступить с религиозным воззрением; но как только мы возьмем его грубо и в реализме — трансцендентная и мистическая его природа сейчас выступит. Брак есть чадо-зачатие, чадо-рождение, чадо-воспитание; из них последнее, уже явно высокое для нас, есть все же меньшее: оно — рационально. Какая-то Божия Тайна, неразрешимая для всех средств науки, лежит в чадо-вынашивании и чадо-рождении: но здесь человек есть сосуд тайны, а еще не «тайно-творец о чаде». Чадо-зачатие есть главный трансцендентно-мистический акт, где человек актом участия своего сводит душу с до-мирных высот и завивает ее в стихии. Нельзя не видеть в акте этом еще продолжающегося и по сейчас миротворения; ибо мир в точности *еще* творится, *вновь* создается в каждом вновь зачинаемом живом существе. Никогда и никем (наукою) не постигнутое существо жизни, «тайна жизни», «тайна живого бытия» оттого и не постигнуто, что стихии, «азот», «кислород», куда завита жизнь, — и зёмны, и рациональны, но «огонек», в них завитый «душою живою», точно ниспал «с неба», точно — не земной вовсе, и не стихийной природы. Мы выше упомянули об аномалиях в поле: противуестественных (и часто неодолимых) в нем влечениях, так мало и даже вовсе не разгаданных; однако вдумаясь же в самый термин, который один мы сумели прибрать к непонятному явлению: пол идет *против* естества и *рушит* нам сколько-нибудь понятные его законы; обнаруживает такое в природе своей, что не отвечает всем нашим понятиям о нем и раскрывает его именно с трансцендентной стороны. Можно сказать, дать удобопонятное объяснение этим аномалиям — значило бы ввести понятное в душу мира и, наконец, приблизиться к разгадке жизни на земле. Но остановимся же на термине: *противу*-естественное и значит *вне*-естественное, *без*-законное, т. е. *инуду*-привходящее в законы и в естество «сего мира», — притом их *отменяющее, одолевающее*. Что же это такое? Всегда почти это суть волнения, отменяющие закон чадо-рождения, и собственно его заменяющие собою, т. е. ему *эквивалентные*. Эти тайны так жгут язык, что о них нельзя собственно говорить: и язык «прильпе к гортани», и бумага под чернилами горит, тлеет, проваливается. Наступает — «ἀρρητοῦς» («Несказанное» — греч.). Но вот кой-что и хоть в форме намека: в аномалии, которую мы не смеем назвать по имени, человек усиливается и действительно ухитряется выйти из своего «species» («вида» — англ.) — закона чрева выносившей его матери и также Закона Божия, отделившего день его создания от прочих и более ранних дней. Но «Господь привел к человеку всех животных и повелел всем им наречь имя», т. е. постичь их существо и дать формулу. И вот как бы «нарекая имена», человек отходит от своего «я» и обращается к ждущим его внимания без-речным животным. Он сходит с «трона человечности» и погружается в мир под собою, в природу до себя, в «дыхание» более ранних дней творения, чем «шестой день»: единственная точка и единственная секунда, где это совершается, где это может совершиться. «Я» его — расплылось теперь, растворилось не иносказательно, но на самом деле в

...дольней лозы прозябаньи...
И гад морских подводный ход...

Особенных каких-либо сочинений о браке в духовной литературе я не знаю¹. Да, кажется, решительно никто еще не касался вопроса о браке

Страшная минута, где ведение и даже именно дыхание, биение пульса, содрогание переступает грани, вообще доступные человеку, и о чем вспомнив, он может и *вправе* будет повторить что —

С природой одною он жизнью дышал,
Листов разумел прозябанье.—
Была ему звездная книга ясна...

Это же поразительно; это — факт, он именно в том и состоит, на что мы указываем: именно в слиянности на секунду, в *отождествлении*, в *счленении* даже до *одного неразрываемого существа* с стихиями пятого и четвертого творческих дней. Нигде еще, ни в чем еще человек не может совершить акт этого могущества, и никогда от этого он не порывается иначе, как в поле, к этому «выходу из себя», «переступанию через себя». Вот маленькая попытка возможного объяснения; вот тайны очень мало «сбившиеся нашим мудрецам», но которых тайное ведение мы находим в мире скульптуры и живописи, в темных мифах человечества, во всех этих «минотаврах» и проч., где дни «творения» перемешаны и мы видим сумерки бытия, ни день, ни ночь, ни «человека», ни «лошадь», но «полу-лошадь и полу-человека». Как это далеко от архаизма и дикости, но включает в себе ноуменальную тайну — видно из того, что при множестве более благородных «сюжетов» упражняли над этим кисть свою (и след. воображение) творец «Тайной вечери» Леонардо да Винчи («Леда») и «Страшного суда» — Микель Анджело («Леда» же). Человек в поле раздвигается в «альфу и омегу» жизни и бытия, когда во всем остальном он есть альфа ли, омега ли, но непременно *одна и определенная* буква животного алфавита. «Не хорошо быть человеку одному»... Теперь, что же просвечивает нам в этой аномалии? Родство человека с природою, неизолированность его, и то, что он лежит на ней кротким и владычественным венцом: все то, что так трудно теоретически доказать. Это — аномалия в одну сторону, есть еще четыре или пять, расходящиеся по разным направлениям. Во всех их чрево мира как бы пробуравливается, и в узенькую воронку потрясающего случая мы разглядываем еще второе «над» или «под» миром чрево; в самом деле, «еще землю» и «опять небо» — звездное же, но уже не с нашими созвездиями, «лилейное» — но где цветы не наших садов.

Вернемся теперь к первому моменту бытия собственно человека, к тому «обыкновенному» полю, что все же так необыкновенно. Собственно, одна душа, и то не всегда, завивается в стихии мира; но факт поразительного сходства (обыкновенно — дочери) с отцом показывает, что полный его душевный и телесный образ перешел в такой частице, малость коей почти неисследима. Мы знаем мартовский и сентябрьский пролет аэролитов через земную атмосферу, в которой они светятся; собственно, всякое обоюдо-полое слияние есть пролет, не всегда со впадением в «сферу тяготения земли», целых созвездий человеческих душ; есть в точности «млечный небесный путь», «дыханий жизни», «бессмертных душ», который исходит из существа пола и не заходит сюда, не зацепляется за «кислород», «водород», «азот». Но, как небесный свод повернулся и мы днем не видим ночного неба, ночью — дневного; так на утре проснувшись — и не помним, и не думаем, и не видим виденного. Что, однако, мы видели? — наше сознание *померкло* и мы *содрогнулись*, т. е. индивидуальное «я» стерлось, сошло на «нет», уничтожилось до атома, «невидимого в малости, и безгласного в бессмыслии», до трупного «остолбенения», засыпанное светом и могуществом промелькнувших метеоритов. Как бы небо па на нас рассыпалось и подавило до падения и исчезновения, до крика и уничтожения. Что половое притяжение существует как факт и что оно ноуменально-неодолимо — ясно отсюда. В. Р-в.

¹ По поводу «Брака и христианства» и статей в «Русском труде», вызванных им (они все ниже будут перепечатаны) появилось в духовных журналах несколько размышлений. Отметим их все с благодарностью: «Вопрос о браке в светской печати» А. Полозова в «Вера и церковь», 1899, кн. X (обширное и честное изложение хода спора).— «Какими рожцами питается наша интеллигенция» — Православного (аноним одного из архимандритов наших лавр); автор совсем не понимает, о чем дело идет.— В «Страннике» — *Обзор журналов* за 1899 г.— Чрезвычайно умна и даже единственно проницательна, хоть и совершенно ошибочная статья К. Сильченкова: *Из современных газетных толков о христианском браке* (о разводе), в «Вере и Разуме» за 1899 г.— «О христианском браке; по поводу современных толков в печати о браке и безбрачии», г. Л. И., в «Богословском Вестнике» за 1900, февраль (к сожалению, почему-то прервалось на первой книжке). Это все-таки не «ничего», хотя к решению вопроса ничего не дает. Писатели наши духовные, эти крепкие умы, еще не раскочались. Они толкуются пока в словах. Их общая мысль — богоучрежденность таинства брака, но определяется он — как нравственная друг другу помощь. Брак *без...* и *вне...* пол: из этого круга мышления они не умеют и не хотят выйти: между тем, очевидно, тут есть дружба, пожалуй (скопческо-

именно с той стороны, с которой вы его рассматриваете. В свое время у меня была выписана из одной журнальной статьи небольшая тирадка, которая по своему значению имеет некоторое, хотя и отдаленное¹, соприкосновение с вашей мыслью. Переписываю ее для вас. Вот она: «Около половины XII в. Новгородский епископ Нифонт в своих ответах на вопросы местных приходских священников высказал следующие правила о супружеских отношениях. Один священник (Кирик) спрашивал своего владыку: «достоит ли дати тому причащение, иже в великий пост совокупился с женою своею». Разгневался Нифонт: «ци учите, рече, въздержатися в говение (т. е. в продолжение *всего* великого поста) от жен? *Грех вы в том!*». Другой (Савва) предлагал такие вопросы: «В клети иконы держачи, или честный крест, достоин ли быти с женою своею?» — «*Не в грехе, рече, положена своя жена... А крест на тебе чи съимаешь, с своею женою буда?*» Еще: «Аще случится плат женьской в порт вшити попу, достоин ли в том служити порте». — И рече: «достоит — *ци погана есть жена?*» Третий (Илья) недоумевал по тому случаю, что «жена бяше причащалася на обедни, а на вечер совокупилася с мужем». — И не повеле ей владыко дати епитемьи, но рече: «аже быша съблюди ту ночь, аже хотяще заутра причащатися, а по причащении съблюди другую, то добро. А ежели будут молоди, а не мочи начнут (совокупляться), то нетуть беды: *во своей бо жене нетуть греха*». — Для нас эти ответы Нифонта имеют тем большую важность, что они, как известно, приняты были в состав Кормчих русской редакции, и чрез то сделались у нас источником общего церковного права». (А. Павлов. «Христ. чт.». 1884 г., № 3—4, стр. 388). Для меня ответы Нифонта имеют важность еще в том отношении, что в них слышится голос древнего христианского русского сознания, еще не затемненного разными

хлыстовское), «духовное супружество», но вовсе не ущемляюся в суть брака слова Спасителя: «разве вы не читали у Моисея: в начале сотворивший *мужчину и женщину* сотворил их (Быт. 1). *Того ради* оставит человек отца и магерь и *прилепится* к жене и будут *два одною плотью* (Быт. 2); итак — они уже не два, но *одна плоть*. Итак — что *Бог сочетал*, человек да не разлучает». Имея такие поразительные слова — поразительна слепота спрашивающих (А. Полозов, Г. Л. И.): «в чем *состоит* существо брака — с достаточной точностью в духовной литературе не определено». Растворение мужчины в женщине и женщины в мужчине, так что первый есть уже *полу-мужчина, оканчиваясь* женщиною, и вторая есть *полу-женщина — оканчиваясь* мужчиною, и оба — *одно существо и общая* жизнь: эта неисповедимая гайна, сдва ли не миро-держущая (*сочетание* всего в мире) — вот брак! Поразительно, что везде кругом очерченный и сомкнутый в линиях мужчина (женщина), только в «аэролите» пола — *не окончен*; и в телеологический момент бытия этого «аэролита» («прилепленис») эта *не оконченная* часть слепляется, спаивается, *суть в одно*, с другою *не оконченною же* частью: так что теперь они — *окончены и целое*, и одновременно только генерь — *бытийствуют, живут*. Везде человек оканчивается точкой; в точках пола — многоточием, коему навстречу идет многоточие противоположного пола. Удивительно. В. Р-в.

¹ Ближайшее: о, как прекрасны вопросы Кирика, и благостны, мудры ответы Нифонта. Это — дело, с этого надо было начать литературу брака. Все остальное — пустословие. Да: *вынести из спальни образа, или — внести их?* В пост сближаться в Божию тайну, или — в *масляницу?* Между молитвами, или — *вне их?* В каких *одеждах*, мирских или *не мирских?* Но «тайна Божия» — вне мира сего, и мудрые вопросы Кирика подводят к колоссальному вопросу, как *на это время и в этом месте* избыть мир из мыслей и круга забот и круга ведения и созерцания своего? Иначе говоря: дай трансцендентный час или трансцендентный угол, круг, квадрат, площадь — сюда, на землю. В. Р-в.

византийскими измышлениями, выдающимися, под фирмой христианских, гностические и манихейские ¹ воззрения.

Хочу еще привести вам, так, для любопытства, маленькую параллель между девственниками и брачниками, составленную мною в дни юности моей, в то время, когда я еще был студентом и лично для себя решал вопрос о браке и безбрачии. Параллель эта явилась у меня под влиянием господствующего у нас воззрения о превосходстве девства. Я захотел проверить правильность этого воззрения путем примеров святой жизни из библейской истории, и у меня сам собою открылся только лишь параллелизм между девством и супружеством, а никак не превосходство первого пред последним. Вот эта параллель:

Девственники:

1. *Апостол Павел*. Сила любви: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти». Римл. 9,3.

2. *Иоанн Креститель*. О нем Господь сказал: «Не возста в рожденных женами болей Иоанна Крестителя». Мф. 11, 11.

3. *Пророк Илия* — видел явление Господа на горе Хориве. 3 Цар. 19, 11—13.

4. *Илия* — на Фаворе со Христом. Мф. 17,3.

5. *Илия* — живой взят на небо. 4 Цар. 2,11.

Брачные:

Пророк Моисей. Сила его любви. «Прости им грех их. А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал». Исх. 32,32.

Пророк Моисей. Ему Господь сказал: «Обрел еси благодать предо Мною, и вем тя паче всех». Исх. 33,17.

Царь Давид — называется «человеком по сердцу Божию». 1 Цар. 13,14; 16,12.

Праведный Иов. — «Несть, яко он, на земли человек непорочен, истинен, благочестив». Иов. 1,8.

Пророк Моисей — видел явление славы Божией на горе Синае. Исх. 33, 18—23.

Моисей — то же.

Енох — то же. Быт. 5,24.

Как видите, для сравнения взяты самые высокие вершины нравственного совершенства, до каких только когда-либо достигали отдельные индивидуумы человечества. Но на всех вершинах мы одинаково встречаем как девственников, так и брачников.

Так вот вы где? Чиновником состоите? А я полагал, что вы служите по учебному ведомству. Ну, что же? Дело доброе. Ныне чиновничий мир дал много писателей с пророческим направлением: Победоносцев, Филиппов,

¹ В сущности — проклятие плоти, и безрассудно-грешная (?!) С. Ш-в) мысль, что в половом пачале, роднике вообще жизни, лежит начало и сущность «первородного», «внутриродного» греха — есть до-христианская и вне-христианская мысль, именно манихейства: при этом манихейском воззрении сейчас же возникают «два Бога» — «духа» и «плоти». И еще может быть спор, который святее и могущественнее: ибо начало «семьи», «семейности» не только есть «дух», но и, бесспорно, — «святой», религиозно-светящийся дух. Гораздо его менее в «академическом» духе, в «лжеименном разуме», разражающемся в «Summ'e theologiae» псевдо-«ангельского философа» (Фомы Аквинского). В. Р-в.

граф Валуев, Тернер; не знаю, а, вероятно, и Властов из этого же мира. К этой плеяде пророков принадлежите и вы. Да, ныне век пророков. Не даром Владимир Сер. Соловьев так любит употреблять это слово. Вероятно, будущий историк наших дней начнет свое сказание о них такими словами: «В то время, когда пастыри душ человеческих превратились в пастырей одних только карманов человеческих, для руководства человеческими душами стал Господь Бог воздвигать пророков».

А что Филиппов? (Т. И.) Все по-прежнему носится со своей идеей Вселенского собора? Но ведь эта идея — чистая фикция. Следовало бы сказать ему, что о *Вселенском* соборе не может быть не только речи, но и помышления до тех пор, доколе не образуется и не получит права гражданства *триединое* христианство. А до тех пор можно говорить только о соборе *Православия*, а никак не о *Вселенском*.

Начал я это письмо 12 числа, немного продолжил 16 числа и кончаю 18 числа. И это только ради необходимости и невозможности откладывать еще далее. Вот, видите, какой плохой я писемописец.

Ваш усердный поклонник и почитатель

Протоиерей А. Ус-ский».

V

Вопрос о браке столь же мучителен, как и труден; столь же скользок и грозит бездной, как и открывает просвет в небесные видения, к небесным связям. Бесспорно — его суть чувственна: где нет полов — нет брака; нет брака между однополыми существами; и сама церковь без возражений расторгает брак, когда дано свидетельство его *неосуществленности* и *неосуществимости* (медицинская причина разводов). Как в Ветхом Завете в словах: «того ради оставит человек... и прилепится... и будет два в плоть едину», так и в новозаветном слове Апостола: «муж да не владеет своим *телом*, но — жена, и жена да не владеет своим *телом*, но — муж», текстуально определено существо брака, как телесного «прилепления». И одновременно — он есть «религиозное таинство», что также признано и есть догмат. Таким образом, в этой связности текстов и признания открывается *религиозная чувственность*, возможность и даже требование религиозного ощущения в чувственном акте; и сейчас же непременно через это допускается и даже указывается — *чувственная религиозность*¹. Это не может не испугать нас и не заставить задуматься. Но где страх, там и надежда: после тщательных разматываний вопроса умом, мы постигаем, что именно это пугающее нас слияние чувственности и отношения к Богу и есть камень непорочной и святой семьи, которую тогда «врата ада не одолеют»; что именно

¹ Совсем не то — см. примечание ниже. С. Ш-в.

завиток «религиозного» здесь — все сберегает в семье, от всего предохраняет семью: делает ее чистейшею колыбелью детей¹. Без этого «камня» связуемости и даже неразделимости пола и религии невозможен вовсе «брак», и осталась бы грубая физиология, которую никак не возведешь в таинство: грязно-холодная, безмысленно-«нужная» и непонятно-«неизбежная». Лютер, выбросивший брак из состава «религиозных таинств» — стал на эту точку зрения; но что ноуменальная сторона религии лежит именно в браке, обнаружилось из того, что лютеранство сейчас же после этого впало в поверхностную феноменальность рационального, земного явления. В сущности, на лютеранской точке зрения стоял и Григорий VII Гильденбрандт, введший целибат всего католического священства; но то, что Лютер допускал, как безразлично-физиологическое, Григорий VII отринул как *грязно-физиологическое*, отринул по крайней мере для клира. Замечательное последствие этого: католицизм сейчас же высветился темным, демоническим светом, истинным духом «уныния, печали и празднословия»... *Dies irae, dies illa veniet*². Зажглись костры инквизиции, и не ранее этого. Теплота материнства, святая «животность» не смягчала ригористических формул парижских и римских богословов; пламя «ада» — что в самом деле зальет его (мы испытываем религиозные концепции), как не молоко матерей, когда они ринутся в самый «ад» извлекать оттуда «деток» своих? Я хочу сказать, что как только мы возьмем религиозную ли концепцию семьи, или семейную концепцию религии, так идея «ада» упраздняется по совершенной невозможности *Святого Суда*: пусть в «аду дети», а «родители в раю» по абсолютному требованию здесь: «все-вместе», «каждый за всякого». Обратно, как только мы разрезали нить семейности, «рай» и «ад» для «право» и «не право» исповедующих становится возможен на небесах, возможен и здесь, на земле. Это — «подпись» или «не подпись» на присяжном листе католичества. Кто «не подписался» — в ад, и уже здесь, на земле — на костер. Резкость и острота формулы торчит сухой логической костью, «не одетой плотью». Но перейдем же к третьей из разделившихся Церквей. Православие осталось в эклектической нерешительности. От этого оно не вошло в мощность выражения исторического, не имеет ни страстного и твердого «нет» католицизма, ни, по крайней мере, учености протестантизма. Но зато оно все светится иным мистическим светом, оно имеет свет теплоты, *подлинной веры* — и это происходит именно от электичности в нем «ума» и тех частиц «да» в данном пункте, перед данною проблемою, которые затерялись в его

---

¹ Инстинкт сложения чина венчания — заключается в этом. И что мы в этих статьях делаем, так это — превращаем удар в течение, час — в жизнь; как бы говоря: «нет, не так, недостаточно только венчания: но в вечер, когда у вас придет желание — оденьтесь оба вновь, и помолитесь, и облекитесь в венцы, как теперь только бывает в венчании». Вот моя мысль в смысле красоты, обряда; а в глубине еще: вспомните творение мира, и память своих родителей, и благословение первой чете человеческой, и тогда сотворите соответственное сему. *В. Р-в.*

² День гнева, этот день приближается (*лат.*).

робком сердце и недоумевающим уме. «Старенький священник», «полияльные ризы»... да, это действеннее и авторитетнее в православии, чем вопрос, в академии или семинарии он кончил курс? Взят *возраст, седина, что-то дедовское, какая-то будничная простота*: опыта ли, *долгого ли* служения, но вообще продолжительного *около людей трения* — как ручательство *священства*. Так, ведь это так в общем чувстве русских! «*Потришь около людей — будешь свят*», «*побегай, посуетись для них или на них — и станешь праведен*». Вот суть православия в разделении его от католицизма и протестантизма: *человечность в Божестве!* Да, это *жизненное и теплое, это плоть около скелета логики*, и нам только трудно переложить ее на членораздельную речь. Но возвращаемся к *полу и браку*. Каким образом брак, *телесное явление*, может быть *религиозен*, т. е. *потусторонен*, когда «кости» наши и всякое «телесное тление» столь явно *посюсторонне*? Именно потому, что *пол* уже не есть вовсе тело, что тело клубится *около* него и *из* него, как временный фантом, в котором он скрыт, как неумирающий и потусветный ноуменон этого тела, как лицо порядка «Сый» в нас. «Сый — так будешь ты называть Меня»: что за непонятное и даже бессодержательное на первый взгляд определение! «Je pense — donc je suis», формулировал Декарт: между тем, совершенно обратно «je suis», и уже потом на фундаменте этого «suis»-«сый» — «мыслю, чувствую, желаю». В этот порядок «сый» западная философия никогда не заглянула: от этого атеистичность, как и бедная рациональность, — суть ее душа и тенденции. Порядок «сый» открыт был семитам, а где родник его и что этот родник существенно религиозен — выразилось в «обрезании». Его печать и приложена именно к нашему и всеобщему «сый». Мысль обрезания — в религиозном *устроении* пола: и в том, чтобы *воспитать* человека к религиозности здесь. Всякий раз, когда еврей (египтянин или финикийянин, у коих *всех* было обрезание) мыслил о Боге, начинал размышлять о своем к Нему отношении, он не мог не вспомнить об обрезании: так для него явно, что *тут* сказался и что-то, пусть совершенно непонятное, изрек ему Бог. Таким образом, в обрезании устанавливалось вечное (и невольное) созерцание Бога как бы через кольцо здесь срезанное, и это до такой степени связывало Бога с точкой обрезания, что теизм — сексуализировался, а *sexus* — теитизировался. И так — уже в тысячелетиях, так — уже невольно! Тут получалось вечное зеркало созерцаний, из коего не умел и никогда не мог выйти семит: всякая мысль о поле («сонные мечтания») пробуждала мысль о Боге, теряла жесткое выражение (нам известной) чувственности и растворялась в богообращенности, не отрицаясь («здесь взял меня Господь»); обратно, о Боге мысль — побуждала вспомнить свой пол и, может быть, даже наверное — будила «мечтания»... *Sexus* и *Deus* как бы двое малюток в одной люльке — ласкаются ручонками. Не сочинить этого, а *рiогi* не сотворить; *не из чего сотворить* — иначе как через «обрезание» Богу, через «ветхий завет». Я беру и *чиню* себе перо: вот подобие и аллегория «срезания», «чинения» Себе Израиля. И Бог знал,

где «зачинить» его «в союз вечный и нерасторжимый», и до *дна* проникающий. «А, теперь-то он будет крепок Мне». «И не *согрешит* здесь, и сам — *не умрет*». В самом деле, «шутка», роман и всякая «глупость» в поле этим навсегда отменялись, становились психически невозможной. Предупреждалась (наша) фабрика проституции; и, наконец, семья, столь кровно связанная с Богом, потекла религиозно, стала в точности «святою семьею» и, до известной степени, заменила собою религию («нет храмов» — кроме руин одного). Вот — Сион; и таковы же были Гелиополис, Фивы, Тир: мысль *одна* везде — поклонение «святому Сый»; страстно — *музыкальное* поклонение в юдаизме, *образное-страстное* в Египте и Финикии (Моисеевы: «не изображай», «не видел образов», «не твари поклонитесь, но Творцу» — «в буре», «в тихом ветре», «во мгле»). Все комментарии Библии, так сказать написанные *нашими* чернилами, а не иудейскою *кровью обрезания* — не уловляют существа дела и просто — ложны и детски... Сказанным объясняется множество подробностей в юдаизме: отвращение к браку с инородцами, «нечистыми» — именно, именно в браке! — «животными»; и то, что собственно внутренно, промеж себя еврейство есть половой союз, религиозно-половое товарищество, *кровное* племя не мнимых (мы), а истинных братьев, сестер, невест, женихов, отцов, матерей. Нет граждан — есть супруги! нет отечества — есть обрезание! нет орденов — есть чадородие! И нет войн, мирных договоров, а только суббота и перед ней «св. миква» (всеобщее очистительное погружение в воду). Входит дочь Израиля в реку и выходит; около, вдали — толпа юношей: «она — *наша*, *кого-нибудь* из нас, не обидь ее никто взором нескромным, или поступком дерзким. Она — *свята!*». Нет психологии и невозможна физика насилия. Юноша — пойдет ли он в дом разврата? он обидел бы *всего* Израиля, *которую-то* из чистейших девушек. У нас, насилуя — я *пустую* насилую, может быть старую деву, во всяком случае — *ничью*; и идя в дом терпимости — *себя* мараю, а не *племя русское*. У нас пол есть *моя частность*; через «ветхий завет» пол каждого и каждой есть *сокровище* *всего* Израиля, есть общая казна, из коей *мне* нельзя ничего украсть. И мне это *сладко*. Эта моя принадлежность к такому товариществу — сладка: ибо крепкою мышцею оно держит меня не за горькое и болящее, а держит сладостно и за сладкое. И чем оно меня здесь *крепче держит*, чем я *связаннее, подневольнее* — тем более во мне разливается теплая приятность. Вот союз и тайна Израиля!

Здесь узел понимания его; еврейство отчуждено, напр., от других племен, как верные жена и муж несколько отчуждены, отрезаны от мира. Мир содрогается от эгоизма евреев, но удержитесь и загляните *внутри* его: это эгоизм своего ложа, не разделенного с другим; эгоизм, в сущности, величайшего целомудрия — как бы разлившегося на все дела и отношения. «Нет *вас* для меня: — есть возлюбленный жених — мое племя; возлюбленная невеста — эта заплеванная миром Хайка», которой «*пребуду верен*», и с нею — «*в роды и роды*». У нас нет «*обрезания*»,

но для достижения его ноуменальных задач и неодолимо-могущественного на душу влияния предложит по крайней мере философски обрезать, т. е. повторить древний завет не в знамениях и видениях, не кровью и ножом, но в обратившейся сюда и обширно развитой философии. Альфа ее — разрыв с понятием пола как функции и органа, т. е. разрыв с физиологией, на почве коей невозможно таинство, ни религия. *Лицо*, как угол, к которому сбегается ноуменальный план человека — вот «β» постижения пола; *лицо*, как индивидуальнейшее, неисследимое, невыразимое — тут в самом деле возможен завиток брака и семьи в религиозном смысле! Знаменитый вопрос (недоумение) одного из героев романа «*Что делать?*» касательно верности в супружестве: «да почему не дать приятелю покурить из своей трубочки?» — в сущности так и остался без ответа. Да, в самом деле, почему «не дать покурить»? *Верность* в браке невозможно удержать, стоя на почве физиологического воззрения. Но верность, или к ней тенденция, ее требование, есть *факт*; ревность — это опять факт, раскрывающий поразительные зрелища. Отелло, заливаясь слезами, убивает Дездемону, а года три назад, где-то в переулке Петербургской стороны, Отелло-сапожник заколол «финским коротким ножом» изменявшую ему Дездемону, заколол и сознался, хотя «она» даже не была, кажется, ему женою. Чувство ревности потому и возможно, что половая связь есть интимность *лиц* половых, т. е. лиц пола. А что она священна и потусветна, это и отражается в том, что за измену в дружбе, любви, за неверность в коммерции и вообще во всяком земном деле — гневаются, буйствуют, но так быстро и не колеблясь не закалывают. Нет этого *чувства права*. И вдруг, «в этих-то пустяках» — вырастает такое ни царями, ни законами не пожалованное право, и в коем как-то люди не смеют отказать человеку, содрогаются «засудить» Отелло. С «функциональной» точки зрения такое мелкое и, наконец, «грязное» явление — «чего», казалось бы, «стоит»? Но факты не выдуманные, а *разражающиеся* показывают, что эти «пустяки» не только идентичны и равновесны жизни и крови, но и *выше* их, поглощая их себе в жертву, в подножие себя. Вот смысл потрясающих явлений. И обратная, светлая их сторона лежит в верной и непорочной семье, как святом союзе ноуменально-святых в человеке лиц: брак есть «кровь, выливаемая на землю», когда оскверняется; т. е. он есть «кровная, теплящаяся к Богу молитва» — когда блюдетя. Снова обращаясь к «циклам и эпициклам» пола, этим «неправильностям» его, отменяющим бедное Птоломеевское воззрение и требующим коперниковской поправки, мы наблюдаем, что он именно не «орган» и не «функция». Давид, уже хладея и не «будучи в силах согреться» — берет, по совету израильских старейшин, еще деву в брак (IV Книга Царств, гл. 1). И множество аналогичных случаев показывает, что существо пола не умирает и даже не стареет (не ослабляется), когда вся функциональная сторона пола ослабла и почти гаснет. Вечно живущее есть в поле, и он так же не связан с годами, как мышление; «не стареет во днях». Далее, формы волнения пола часто не имеют ничего

общего с функцией; и именно здесь они раздражаются бурно и страстно. Родник их, очевидно, не в функциональной стороне пола, но именно во владычественной и личной. Она пугает нас своим видом, своим «ἄρρητος»¹, но и затем открывает мир великих надежд. Мы все рождаемся из пола, т. е. человек в точности ноуменован и приходит из ноуменального мира; вот основание: «не убий». Мы становимся драгоценными, потусветными существами друг для друга: хочется лобзать руки друг другу, ибо «образ Божий» в нас есть не красивая аллегория, но точный факт. Как только мы признаем религиозный смысл точек «обрезания» в себе, то за великую на это решимость мы получаем богатства мышления, перед коими не кажутся большими обетования, полученные Израилем за каплю таинственной и из таинственной точки крови. «Мир — от Бога», «Мир — Божья тварь» — это до такой степени близко становится, это такая простая и родная истина, что, упоемые ею, мы впадаем в «скакание и играние» Давидово; мы хотим — Псалтири, мы ищем — псалмов. Как же иначе, когда Бог переполняет сердце и я почти осязаю Его:

И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду.

Является миро-моление, миро-лобзание, жизне-молитва: пусть будут прощены мои неуклюжие глаголы! Я ложусь на землю и целую ее: почему? — Божья! Я беру мотылька — и не сорву с него крылышек, но с неизъяснимой негой буду следить, как оно неумелыми ножками ползет по пальцу: брат мой, сын мой, одно с ним у меня дыхание жизни. Нет более могил — везде «воскресение истлевших костей». Самая смерть непостижима для меня иначе, как второе рождение; и муки болящего тела суть муки утробы, извергающей из себя «жизнь будущего века». Куколка умерла, мотылек выпорхнул: опять это не сказка, но точный и теперь понятный факт. Ибо мир есть утроба, которая умеет только рождать и не может умереть. Вот горизонты, открывающиеся из «грязных блужданий мысли», из «запачканности воображения», куда мы впадаем. Не сойдя в (кажущийся) ад — не победишь (кажущуюся) смерть. Но пока все эти светлые мысли раскроются, пока ступень за ступенью спускаешься вниз, в челюсть казалось бы «смерти» и «вечной гибели», — как сердце бьется и пугает сторонний крик: «что ты делаешь?» И в особенности пока-то, пока еще найдешь

...язык простой
И голос мысли благородной,

а до времени употребляешь первые попавшиеся, раскосо-стоящие слова, чтобы указать новое и неожиданное, что на ступенях видишь. Таким пугающим голосом для меня прозвучало письмо-строка, полученная мною на другой день по напечатании статьи «Из загадок человеческой природы»:

¹ «несказанным» (греч.).

Василий Васильевич!

«Под гнетом духа любодейния написаны Ваши последние статьи»¹
М. С-в. (Мих. Пет. Соловьев, ныне †).

¹ Верно, верно, истинная правда! Я очень досаую на себя, что решился печатать ваши статьи, почтеннейший Василий Васильевич! Каюсь, перед сдачей в набор не дочитал до конца, да ведь и почерк ваш отчаянный! Когда мы подали корректуру № 50—51 и я прочел, как сладко разглазольсгвуете вы о «противоестественном», я взял перо и начал вымарывать, смягчать и накладывать фиговые листья. И все-таки «духа любодейного» выкурить не мог.

Вы говорите, что ваша цель — *оцеломудрить человечество*, но что современное *церковное христианство* этого не понимает и, поклоняясь аскетизму, отрицает «плоть», считает «животным» состоянием тот момент, который вы, по-видимому, готовы считать наиболее *божественным*. Вы даже в эту ересь целого протоиерея соблазнили. Но пусть отец протоиерей поет вам какие угодно акафисты, ваша теория с начала до конца соблазнительна и несостоятельна. В прошлом году *Гатчинский Отшельник* напечатал у меня статейку «Брак и свягие отцы». Там, стоя тоже немножко на вашей почве (хотя действительно целомудренно), он задавал вопрос: «почему в Церкви есть такие чудные молитвы и так любовно разработан ритуал всех таинств, кроме брака, где все дышит Ветхим Заветом?» Вот тут-то и есть вам ответ. Да потому, что Новый Завет только *снисходит* к немощи^{1*} человеческой и благословляет *союз душ*^{2*}, а неизбежный при нем союз тел *прощает*^{3*}, как совершенно определенный грех. Идеал христианства несомненно *девство*, т. е. *отрицание пола* для тех, «кто может вместить», тогда как у Еврея девство — *позор*. Идя по вашей дороге, непременно, логически придешь к тому, что акт грехопадения человека будешь считать самым настоящим богослужением, откуда даже шага не надо делать к культу Астарты, — он уже готов. Я не могу строить здесь теории в опровержении вашей и только набросаю ему схему. Человечество в христианстве, несомненно, одухотворилось^{4*}. Животная сторона, *необходимость* отступила, *свобода* приблизилась. Сочетание мужчины и женщины о Христе^{5*} есть совсем нечто иное, чем еврейский брак. Там все идет по предписанию, все регламентировано^{6*}, здесь благословлен союз душ, союз духовной любви и оставлена свобода животной стороне, категорически названной *грехом*. Отчего читается молитва над родившей? Ангел-то — ангел, да из греха вышел! Этого никак не перетолкуете. Разве что в этом грехе не каются, ибо он предвиден заранее, как слабость «не могущих вместить». Но представьте, что муж с женой, оба *добровольно* условятся жить как брат с сестрой. Для еврея и это — беззаконие, для нас — подъем духовный, и наверно ни один священник не скажет: «ну, зачем это?» Далее Церковь не входит в супружеские отношения, но их *ограничивает*, запрещает их тогда-то и тогда-то. Медицина идет на помощь и договаривает, чего недосказала Церковь. Не прикасайся к беременной, не прикасайся к кормящей. Возьмите нормальную жизнь. Много ли места греху, если строго жить по закону Церкви да по гигиене? Да почти только и остается, сколько нужно для зачатия. Посмотрите с этой точки зрения и вы увидите, кое глубокое таинство — брак. Я не ошибусь, если скажу, что это есть именно таинство *воздержания*. Здесь это идеал, и Лев Толстой был бы совсем прав, если бы по своей всегдашней привычке не перепутал. У вас половой акт является каким-то гимном, почти богослужением, торжеством и т. д.; у идеального христианина, — вполне собой владеющего — только пе-

^{1*} Да кто же себя объявил, и, особенно, *смел* бы объявить «немощью человеческой»?! Это — сила! Как глаз не может «объявить немощью» свою часть — хрусталик, или свою способность — зрение, так никто, кроме сумасшедшего, бессменность живущего не назовет «силой» и «мощью». В. Р-в.

^{2*} Да это — духовная дружба или «духовное супружество» хлыстов. Христос, у Матф., 19, только и упоминает *союз тел*, ничего не говоря о «союзе душ». Таким образом, очевидно, брак *искажен*. В. Р-в.

^{3*} Фактически — это так. Но *откуда* это взялось, в этом и весь вопрос. О роженице говорится: «прости ей грех ее: яко Твоя (Божия) есть воля законное супружество и еже из него чадорождение». Вот это «прости» «исполнение Твоей воли», или, что то же: «грех» есть «исполнять Твою волю» — где кем-то и когда-то закон Божий *отменен* — и составляет истинный предмет наших исканий. В. Р-в.

^{4*} Только не в сфере половых отношений, в которых оно скорей минерализировалось, потеряло (именно в них) и образ и подобия Божье, и через это заразилось страшным и уже всеобщим (и душевным) грехом. В. Р-в.

^{5*} Это много спустя после Христа началось: Христос нигде не осудил еврейской семьи. См. его беседу с пяти-мужнею самарянкою. В. Р-в.

^{6*} Да непременно: иначе получится беспутство в семье; и падение христианской семьи в значительной мере объясняется тем, что мы имеем очень строгое регулирование «заключения браков» (когда, с кем, сколько раз венчаться): а *как жить* в браке — об этом начал в XII веке спрашивать Кирик, и затем все замолкло. И получилось через 7 веков картина «Крейцеровой сонаты», впрочем, впервые только *рассказанная* Толстым, а в самом деле всегда существовавшая. В. Р-в.

Голос был не авторитетен только (по учености), но и дорог по интимности личного ко мне отношения. Не заблуждаюсь ли я? Не гублю ли душу свою бессмертную и с нею вместе души своих читателей, за кои по существу дела автор всегда ответствен Богу? Что область блужданий на обыкновенное (феноменальное) суждение «грязновата» — это-то я видел; но ведь и вся цель поисков была — найти, не *загрязнена* ли только она, такова ли «an und für sich» в домирной истине своей? ¹ И если «нет» — *очистить*. Но это очищение невозможно было произвести одною только философиею, по существу холодною и лишь пролетающею *около* темы (может быть — *мимо* ее): нужно было, т. е. была задача — снизить и чуть-чуть унижиться *самому* перед темою... Как бы взяв священную бороду — начать отирать ею точку всеобщего тысячелетнего плеванья, столь важную вместе точку! «Погибни мое имя, но воскресни вещь». Нужно было, чтобы кто-нибудь первый решился своим я (достоинством, авторитетом) сойти сюда; и замешивая, сливая это я, не имеющее причин быть непочтенным, с точкою всеобщего à priori'ного отвращения, перенести на нее часть уважения, себе приличествующего. Это и было причиной, что я не только писал о теме, но и сливал свое лицо с нею ², как бы говоря всякому, желающему оскорбить ее: «я — тут, человек; до известной степени философ, мудрец». Задача пробуждения pietät'a, а не задача понимания. Но всякий ли мог различить механизм моего действия, и тонкое «не то», что

чальной *уступкой* святому и справедливому желанию иметь детей. Такой ценой приходится покупать детей, спускаясь до животного ^{7*} — да, да! Отчего ослабевает аскетизм? Оттого, что это протест против разврата, а разврата с эволюцией семьи *должно* становиться меньше. Не религия, так медицина поможет. Человек и дома, в семье, высоко настроенный, может быть *почти* аскетом. И сколько таких! Есть кружки целомудренной до брака молодежи. Полагаете ли вы, что *воспитавший* в себе среди наших соблазнов целомудрие мужчина, вступая в брак, станет «вознаграждать» себя? Да самая любовь, с такою силою охватывающая влюбленных, есть ли это *только* предисловие к греху? С самой пламенной любовью годы ждут, и в ней, в духовной любви, охватывающей душу, ничтожной точкой, а иногда и прямо концом, смертью является физическое соединение. Совершенно обратно животному миру. Так вот, эту-то любовь возводит в таинство брак, оставляя полную свободу *не греху, а воздержанию*. А грех останется грехом, и чуть вы его из этой области попытаетесь приподнять, сейчас же открываются перспективы высшей порнографии, хотя бы и философической, которою мы с вами вот уже три номера журнала подряд угощаем читателя. С. Ш-ов. Грустно это примечание, особенно в той части, где С. Ф. Ш-в позволил себе столь необдуманные выражения об отце А. У-ском; я оставляю это примечание как оно есть: будущность рассудит, кто прав. Со своей же стороны напому: «сказавший ближнему своему: *рака...*» В. Р-в.

¹ Не грязна, а животна, изменна, не свободна, и во всяком случае ниже *воздержания*, рассматриваемого как свободный подвиг. С. Ш-ов.

² Вот, вот, это-то и гадко! Прим. С. Ф. Шаранова.

---

^{7*} Да, но ведь животно-го мистично, вот чего не разобрал Сергей Федорович. Все богословы теперь в одну трубу трубят: «Бог — в каждой живой клеточке растения и животного», Бог — «жив», «даруяй живот», «животен» («Аз есмь хлеб животный, спешый с небес, чтобы грешные спасти» — Христос о Себе, Иоан., 41). Удивительно: наш частный спор о браке, *но точно и последовательно веденный*, приводит к разгадке еще никогда не понятых и *никак не объяснимых* с точки зрения «духовности», слов Писания «И увидел я *посреди Престола и вокруг Престола* (небесного, Божия) — четырех живогных, исполненных очей спереди и сзади...» (Апокалипсис, гл 4) Зачем животные *на небе??!* Да оттого, что небо — *в животных* (в животном), что все *живое* — загадка и тайна Божия. Очи Божии — мир. Мир — глаза, пучки смысл свой из каждой точки, везде — смысл Божий. И Бог этими мириадами глаз, «шеском» глаз, «ураганом» глаз смотрит в окружающую Его гемь небытия, глаголя: «тебя --- нет, ты -- ничто, во Мне — нет тебя (пустоты) и в тебе — Меня». В. Р-в.

я делал — отделить от кажущегося «любострастия», которое обычно делается. Здесь именно то же незаметное с виду и колоссальное по существу различие, которое лежит между «святым браком» и «преступным развратом». Ведь одни ласки здесь и там, даже в браке — страстнейшие (нет чувства отталкивания, отвращения), но сосредоточенно серьезные:

Открылись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы...

И от этого нового чувства — все ново в браке сравнительно с развратом! Все уже курится; все теперь есть дух, музыка, страдание и радость вместе, мелодия душ и жизни. Нисколько я не скрою (и не такова моя задача), что и тема, сходение к которой лишь в первом моменте горько, уничижительно, как бы в самом деле оправдывая веру сходящего — в последующие моменты реет на него сладкими видениями, глубокими обещаниями, легкостью душевной и тайным восторгом. Вошел в заколдованный лес, и пока с *этой* стороны к нему подходил — казалось, жабы и ведьмы повисли на его суках: а как вошел и *оттуда* посмотрел — увидел реющих эльфов. Как это и выразил, совершенно безотчетно, наш поэт, взявший темой эту самую мысль: пришествие души в мир, прилетание ее «сюда» «откуда-то»:

По небу Полу-Ночи ангел летел...
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел...
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

«Небо Полу-Ночи» — это и есть то, которое мы открываем; там новые звезды и созвездия, не видные в нашем полушарии. В самом деле, идея, напр., «ангела», «ангелоподобного существа» — не изобретаема для ума; просто это есть *не умственная идея, но — чувство, трепет и предчувствие пола*. «Ангел» — *существо, а не понятие; существо не «истинное», а — прекрасное; чистое, невинное: младенчески-образное: все — категории и постулаты пола!* и нисколько не постулаты и не категории ума!! Так вот что открывается, какая новая область! Дерзнул сюда опуститься; и в первый миг — страшно, горько, но потом уже влечешься новою силою, новым и не земным, а противо-земным притяжением. Горечь уменьшается; сладость возрастает; возрастают обетования. Да, и суть этого в том, что — ближе, ближе к Богу! Сильнее реют крылья, цель близка — слияние с ноуменами, с «тою стороной» непостижимых здесь вещей... Переплетенность *sexus'*а и Бога (мировая проблема брака, мировой феномен брака) дает плодом своим величайшее истончение и одухотворение плоти, которая в точности начинает подниматься дымом курильным в воздухе, струной в отдалении, и делает Бога сладостно алкаемым, насыщающим и не могущим насытить. «Святая

жизнь», «живой Бог» — вот две реки, в своем роде «Геон» и «Фисон» Эдема, которые вдруг начинают течь из-под ног ваших, когда вы думали, что тут только Кама и Ока, грубая материя. Распадение полов и самый инстинкт брака, вообще не осуществленного, потому, однако, и существует, что существует брак «an und für sich», который «вовсе, вовсе не то», что о нем думается и в нем видится: но есть изливание субъекта нашего, «я», в снесь Богу («все, разверзающее ложесна — Мне», — Бог о Себе и человеке, и даже о животных, в *Исходе* и *Второзаконии*); луч на землю спавший — в его повороте и обратном в небо устремлении, в «старую свою родину». Обратный порядок столь известному нам — «Богу, дающему Себя в снесь людям».

Смутившись духом, я послал письмо-строку единственному корреспонденту, в коем находил сочувствие, прося ответа: не ошибаюсь ли я? Не скоро я получил на него следующий ответ:

VI

«Многоуважаемый В. В.!

Вот как долго я не отвечал на ваше письмо. Великодушно простите меня и не считите моего долгого молчания за невежливость. Причина его та, что я человек больной, и уже в течение нескольких последних лет кое-как лавирую между жизнью и смертью.

Я чрезвычайно рад, если мог быть в чем-нибудь, хотя в ничтожной степени, для вас утешением. Письмо к вам *М.П. С-ва* не выдерживает даже и слабого прикосновения критики. Следовало бы сказать совершенно наоборот: «не под гнетом духа лободения, а под гнетом духа самого чистого, святого целомудрия». Но, увы! письмо это в тысячу сотый раз подтверждает лишь непреложность того духовного закона, который св. апостолом Павлом высказан в следующих словах: «душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 1,14, 15). Из письма виден человек ¹, который

---

¹ Весь нижеследующий взгляд на моего краткословного корреспондента неправилен, как основанный на незнании с его действительно возвышенной, но строгой и аскетической личностью. Суть «брака» и мучительность в том и состоит, что он, бесспорно, анти-аскетичен и вместе «свят». Но этот взгляд отца У-ского в том смысле верен, что аскет вообще и никогда не сможет проинкнут в святое существо брака, скользнет по нем фикцией («свято — венчание, а потом — не знаем»), внешним благословением («венчание» же), но вглубь «обрезания», т. е. точек и секунд брака, — просто откажется спуститься. Принося извинение моему корреспонденту за напечатание строк нелестного (и неверного) о нем отзыва, прибавлю только, что идентичный отзыв г. У-ский дал бы и о другом моем корреспонденте, знаменитом С. А. Рачинском, с коим в течение целой зимы я вел упорный на эту же тему спор и не мог ни победить его, ни в чем-либо уступить ему, и вынужден был прекратить бесплодную корреспонденцию, колебавшуюся у него между «святое» и «мерзость». Для меня было ясно, что «святым» собственно квалифицируется авторитет церковного постановления («брак — таинство»), но то, к чему оно относится, квалифицируется «мерзостью» ^{1*}; как бы сказано было: «Церковь повелела считать честным и даже святым то, что в себе самом бесчестно и даже проклято». Каким образом могла у Церкви возникнуть решимость на такое чудовищ-

^{1*} И совершенно правильно, ибо это дело чистой физиологии и биологии. С. III-в.

никогда не ставил для себя задачей осветить христианской идеей все области, все проявления и все уголки своей собственной жизни; который смотрит на христианство лишь как на внешний объект для своего сознания, наравне с магометанством, буддизмом, еврейством и т. под. Такие люди — плохие судьи в делах, касающихся практического, а не номинального христианства. Потому и немудрено, что ваш критик произнес о вашем фельетоне такой суд, как в басне петух о жемчужном, для него не съедобном, зерне. Но, ведь, при всем этом, есть и некоторые общие нормы для оценки предметов, не подлежащие прихоти частных вкусов.

Вместо того чтобы кручиниться от приговора *М. П. С.-ва*, лучше обратитесь к сочинениям Бухарева. Не поленитесь сходить к Тузову и не поспешите купить у него книгу архимандрита Феодора «О миротворении». Она стоит всего 75 коп. Прочтите в ней страницы 80—83. На них вы встретите многостороннее подтверждение ваших мыслей. Для вас тут выгода в том, что Бухарев может быть для вас основательной и авторитетной точкой опоры. Во-первых, он магистр богословия; во-вторых, он был профессором, последовательно в двух духовных академиях, и притом не по каким-либо второстепенным, а по самым главным, основным и существенным богословским предметам, каковы: «Изъяснения священного Писания» и «Догматическое и нравственное богословие». Таким образом, голос его является авторитетным и компетентным в богословской области. Но, может быть, вам посчастливится найти у букинистов и книгу его «О св. Апостоле Павле». Полагаю, что в ней он неизбежно должен был коснуться и учения о браке.

Теперь обращаюсь к вашей мысли о святости брака. Она стоит того, чтобы о ней говорить и писать. «Дайте мне только точку опоры, и я сдвину с места землю»,— восклицал некогда Архимед. «Дайте мне только материю, и я построю вам весь мир»,— восклицал Кант. Так было в области механики и в области космогонии. Но в области религии еще не появилось такого отважного пророка, который бы, на основании опыта собственной жизни¹, воскликнул: «Дайте только

ное признание, и как сложился в ней самый позыв к этому перед предлежавшим ее проклятию или благословию неизвестным, предположительно гнусным, фактом. Рачинский не объяснял и, очевидно, не мог объяснить. Я решительно становлюсь на точку зрения о. У-ского, открывающую «святое супружество», и против доктрин *М. П. С.-ва* и Рачинского, идейно и исторически открывших эру проституции (уничтожительного, гадливого отношения к полу). *В. Р.-в.*

¹ Вот второй великий глагол моего корреспондента, ради коего я печатаю и комментирую его непритязательные и между тем прекрасные и глубокие письма. Конечно, все в *практике жизни, и не ощутив «святого» в браке* — нельзя постигнуть его святости. Нужно годы трудиться, смиренно копать друг около друга жене и мужу: наблюдать эту уйму терпения, страдания друг за друга, чтобы, остановившись, воскликнуть, наконец, с изумлением: да откуда это? неужто же это не Божис? Неужели «кровность» союза, дающего такой полновесный плод, перед коим поистине суть «лепты вдовицы» все и всяческие дела остального человеческого подвига и милосердия, неужели эта кровность не есть *первое* Божие, «кровнейшее» Богу? и слова: «Я посреди вас» не первее ли всего относятся к светлому утру и сумеречному закату «благочестивых в юности», «благочестивых в старости». Товии ли

в руки христианской супружеской чете, как постоянный принцип жизни, обетование Христово: *истинно говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле,— то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего небесного; ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их*, и тогда совершенно преобразится, совершенно пересоздастся весь социальный строй общественной жизни». Это был бы такой могущественный духовный рычаг, о последствиях применения которого к жизни теперь трудно было бы и гадать. Ведь это было бы то оживление мертвых духовных костей человечества, которое так ясно предвидел св. пророк Иезекииль (гл. 37). Это было бы то первое воскресение духовных мертвецов, которое так определенно и так настойчиво предвозвестил новозаветный Тайнозритель (гл. 20). Приложение этого принципа к жизни можно было бы сравнить с открытием в физике электрического освещения. Позволю себе несколько остановиться на этом сравнении.

Христос Спаситель истинных Своих последователей называет *светом мира, светильниками* для освещения окружающей среды (Мф. 5, 14, 15). Теперь возьмите во внимание способы физического освещения. Почти до половины XIX столетия человечество знало только одиночные светильники. Этим я хочу высказать ту мысль, что для производства света употреблялась одинокая свечильня, будет ли это свечильня свечи, лампы, ночника или факела. Но вот появилось электрическое освещение, где для производства света непременно требуются два агента, два проводника электричества, анод и катод, оконечности которых поставлены почти в соприкосновение между собою.

Что сказали бы теперь о том скептике, который в XVIII столетии стал бы упорно отрицать всякую возможность *парного* освещения и настаивать на исключительности освещения *одиночного*? Ведь то, что считалось немыслимым в XVIII столетии, стало воочию совершающимся фактом в XIX столетии. Теперь продолжите Христово сравнение, подыскав и в духовной области подобие электрическому парному освещению. До половины текущего столетия у нас, в восточном православии, признавали (? С. Ш-в), что светильниками духовными могут быть только люди одинокие, монахи, люди, отрекшиеся от мира сего, от семейства, от супружества. Но, вот, одновременно с появлением парного

и Сары, Иоакима ли и Анны, и всякого из нас, кто их смиренно повторяет? «Милостивые Самаряне», красиво одевающие копейками из филантропических комитетов,— какой *подробностью* они проходят *по поверхности* жизни, коей фундамент, и стены, и крыша — все выткано из «союза кровей» и странной неугасимой любви, которая из него льется и не умеет остановиться, не знает усталости. Горда ли эта любовь? — смиреннейшая! Ищет ли награды? — да, в простой ласке. Простота кровного союза, его смиренные формы — поражают так же, как неистощимость льющегося из него подвига. Тогда мы останавливаемся перед узлом его: «тут завита Божия тайна!» Оттого все особенно и исключительно светло здесь, что именно «в кровях, в кровях рождения», как написал Иезекииль (гл. 15), Бог и берет человека, приближается к нему, его к Себе приближает. А новозаветное: «Я — посреди их» имеет первую себе Церковью не иной, но опять же кровный союз, откуда разными голосами и разные лики поют одну неисповедимую песнь Господу: и лепстом младенца из колыбели, и «первым учением» отрока, и целомудрием невесты — «вдаваемой в брак», и радующихся на нее, как на созрелый плод своей жизни, «старых Иоакима и Анны». В. Р-в.

электрического света, и как бы в параллель к нему, стали у нас и в духовной области раздаваться голоса о святости и спасительности ¹ супружеской жизни. Не есть ли это признание той истины, что и в духовной области *светом мира* могут быть не только одинокие светильники, иноки или монахи, но и всякая христианская супружеская чета или пара? Да и мало еще этого. Не следует ли, далее, признать, что если электрический *парный* свет и гораздо ярче, и гораздо сильнее *одиночного* простого лампового или свечного света, то и духовный свет супружеской четы или пары ² должен быть и ярче, и сильнее духовного света *одиночного* монаха? Не принимая на себя смелости на поставленный вопрос дать утвердительный ответ, нахожу, по крайней мере, позволительным признать, что тот и другой род духовного света должны пользоваться одинаковым признанием их права на существование.

Таким образом, тот, кто в наши дни стал бы отрицать чистоту, святую и спасительность супружеских отношений, в законном браке, у истинных и неподдельных исследователей Христовых, не уподобился ли бы предполагаемому мною скептику XVIII века, оспаривающему возможность физического света?

Крайне хотелось бы не пропускать ни одной вашей статейки, касающейся брачного вопроса. Но так как вы печатаете свои статьи в разных газетах и журналах, то следить за ними мне нет возможности. Не будете ли любезны о таких статейках уведомлять меня кратко, открытыми письмами?

Подвизайтесь во славу Божию, не отдавая в обиду и в поношение первую заповедь Божию, данную человеческой чете (Быт. 1, 28).

Ваш глубокий поклонник, магистрант богословия, протоиерей

А. У-ский.

14 августа 1898 г.»

Конец и Богу слава, а пособнику — глубокое спасибо, читателю же — прощальный привет и пожелание крепкой и осторожной мысли.

---

¹ Именно, именно! Пока мы признаем брак (и его зерно) *позволительным* — мы, собственно, еще не получаем брака, как «тайнства»; мы стоим на точке безразличия и, собственно, «допущенного разврата». Нужно еще дополнить: брак — *религиозно-спасителен, духовно-очищающ, мистически-зидителен* (дети). Это и открывает «религиозное тайнство», тогда неперемное для всякого, и во все дни живота его, как неперемное для всякого христианина решительно каждое из остальных (?! С. Ш-в) тайнств: крещение, причащение и др. Именно только последняя точка зрения и правильна, цельна, последовательна. В. Р-в.

² Нужно заметить, что, возведя «брак» в «религиозное тайнство», чего не сделано относительно монашеского пострига, Церковь действительно признала предпочтительную богоугодность «парного служения Богу». Но тут начинается изумительный эклектизм. Едва это сделав, Церковь на всех путях бросилась вон из брака, всюду выдвигая, как высший образ христианского жития, «черное отречение» от брака и семьи. Церковь «правительствующая», «передающая дары священства» и даже «канонизированно-святая» (см. перечень угодников в святцах) есть Церковь, «отрицающая» мир и «отрекшаяся» от мира (?! С. Ш-в). Этот эклектизм есть в сущности точка колебания. Не будем завидовать спасению чернецов, но, скорбя об отсутствии (?! С. Ш-в) «угодников» из мирян, не можем удержаться, чтобы не подумать, что родник этого есть именно непросвещенность отброшенной, пренебреженной в сущности вовсе *не постигнутой* в тайных *дарах* своих *семьи*. «Изгой» и «раб» не поведет себя как «господин», и нет у нас, да и невозможно пока, «господского поведения» в семье ли, в браке ли. Еще не научились «угождать Господу парно»; но это не по существу «пары», но по ее «непросвещенности», по неустроенности «светильников»... В. Р-в.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

IV.

Бессмертные вопросы.— Гатчинского Отшельника

(Письмо к редактору «Русского Труда»
С. Ф. Шарапову)

Хороший вкус фотографа и верность его глаза познаются в уменьи определить *центральный* пункт ландшафта. На этот именно пункт и нужно навести фокус. Тогда вы получите хороший снимок.
Centrez toujours le centre ¹, — вот правило.

(Из французского руководства
для фотографов-любителей)

В № 52 «Русского Труда» за прошлый (1898) год Вам угодно было, между прочим, напечатать:

«В прошлом году *Гатчинский Отшельник* напечатал у меня статейку «Брак и святые отцы...» Он задавал вопрос: «почему в Церкви есть такие чудные молитвы и так любовно разработан ритуал всех таинств, *кроме брака*, где все дышит Ветхим Заветом?»

На это мое позапрошлогоднее недоумение Вы даете *свой* ответ. Может быть, предложенное Вами объяснение вполне верно, но во всяком случае оно не единственно возможное. Я много размышлял в течение минувших двух лет на затронутую тему, и мне кажется, что тут допустимы и другие точки зрения...

Но я не знаю, будет ли мне вообще дозволено вернуться к названной теме? Вопросы, о коих идет речь, по-видимому, возбуждают в Вас отвращение. Вы сами на себя досадуете, что, по некоторому недосмотру, допустили на страницы Вашей газеты ряд статей, которые в сущности являются продуктом «высшей порнографии»... Нужно ли, возможно ли допустить вторично сделанную ошибку?

Чем недоступнее становится для меня типографский станок вообще, чем менее и менее оказывается для меня возможным высказывать печатно свои мысли о *чем бы то ни было*, тем основательнее мои страхи перед темою, которая *заведомо* находится под подозрением. Стоит ли браться за перо, чтобы почти *наврное* увидеть написанное в редакционной корзинке?

Решаюсь, однако, подбодрить себя вот каким воспоминанием.

---

¹ наводите всегда по центру (*фр.*).

С месяц тому назад я был в знаменитой «Gemäldegalerie»¹ в Дрездене. В Рембрандтовской зале я с восхищением остановился перед картиной, которая (сколько знаю) не пользуется в публике такой известностью, как некоторые другие chefs d'oeuvre'y Рембрандта, как, напр., рядом, в той же галерее находящееся и по репродукциям всем, вероятно, памятное изображение гениального мастера с женою своею *Саскией* на коленях и др. Картина, о которой я говорю, обозначена в немецком каталоге, который был тогда у меня в руках, следующим образом:

«№ 1563. Das Opfer Manoah's und sienes Weibs» — «*Жертвоприношение Маноя и его жены*».

Кто такой Маной? О каком жертвоприношении идет речь?

Каюсь, в ту минуту решительно выпало из головы. Вижу, что сюжет взят из Ветхого Завета, но далее этого ничего не могу припомнить...

Вблизи горящего жертвенного костра старик, Еврей конечно, преклонив одно колено и сложа руки, молится. Глаза *закрты*, и это придает какой-то особый характер молитвенному выражению лица и всей позе молящегося... Мне как-то невольно приходит на память покойный преосвященный одесский *Никанор*. Как сейчас вижу его выходящим из царских врат с трикирием в одной руке и дикирием в другой: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа» и т. д. При этом он полузакрывал глаза и получалось что-то *мистически-страшное*: человек *видит* «херувимов, тайно образующих...». Это мы — грубая, косная плоть — ничего не различаем в синеве кадыльного дыма, но он видит, он ослеплен; наконец, он сам приходит в ужас от этой близости к реально разверзшемуся над ним небу, и эти полузакрты глаза, это особое выражение в лице, когда глаза полузакрты, обнаруживают внутреннее состояние его души... Так приблизительно молится Маной. Кажется, видишь движение его губ, слышится характерный речитатив еврейской молитвы... Судя по положению тела, он должен был слегка раскачиваться... Рядом, тоже на коленях, женщина, немолодая, однако и не старая; нельзя сказать, чтобы прекрасная, — как и все вообще женщины у Рембрандта, но на нее приятно смотреть, приятно вглядываться, хочется даже, когда уже отошел от картины, вернуться и еще раз посмотреть. В глазах, в глазах-то у нее что? Она так низко, низко опустила их долу... Стыдно ли ей? Чего? Грех ли на душе? Какой? А там, в углу картины, где, по обыкновению, у Рембрандта темно, почти вовсе ничего не видать, поднимается, как бы вылетая из горящего костра, ангел... Нет, не ангел, не ребенок, как мы привыкли видеть, с крылышками, а довольно-таки солидный господин, в каком-то широком плаще... «Господи! *Что такое Маной?*» Только вернувшись из заграничного путешествия домой, я нашел ответ в «Книге Судей израилевых»: «В то время был человек из Цары, от племени Данова, именем Маной; жена его была неплодна и не рождала...»

¹ картинная галерея (нем.).

Вы догадываетесь, припоминаете, что сюжет картины *родственно близок* к тем вопросам, которые «к досаде Вашей», почти против воли вашей, дебатировались у Вас последнее время?.. Таким образом, и Рембрандт об этом думал, и он посвятил этому вдохновение гениальной кисти... Возможно ли после этого не согласиться с прот. А. У-ским, полагающим (см. № 51—51 «Русского Труда»), что вопросы указанной категории «бессмертны, неумирающи»?

Во всяком случае, не стыдно, мне кажется, очутиться в компании Рембрандта, думать, о чем и он думал, пытаться углубиться в предмет, который он не считал недостойным трактовать в величайших произведениях искусства...

Итак, в чем дело?

«Сближение полов *свято* или *мерзость*?» — Так, кажется, поставлен вопрос в ряде статей, которые в конце концов возбудили в Вас досаду.

Лично Вы, по-видимому, склоняетесь к определению — «*мерзость*». Вы идете даже, кажется, далее, признавая за несомненное, что само грехопадение Адама заключается не в ином чем, как именно в упомянутой *мерзости*. В данном случае Вы сходитесь с Пушкиным, который ту же мысль, хотя и в игривой форме, высказал весьма категорично:

Что скрыто на время
У всех милых дам,
За что из Эдема
Был выгнан Адам..

Вряд ли, однако, так. Пушкин мог выразить общераспространенное верование своего времени, или своего круга, но это еще ничего не доказывает. Обращаясь к источникам, более в данном случае авторитетным, мы вряд ли найдем что-нибудь похожее на Ваше утверждение, по крайней мере, в такой категорической форме¹. Крайне желательно было бы услышать по этому поводу голос вполне *компетентный*...

Впрочем, нам нет надобности связывать себя указанным сомнением и, оставаясь неподвижно на одной точке, ждать вразумительного разъяснения со стороны. Попробуем пойти далее, оставив до времени открытым вопрос о сущности грехопадения первозданного человека.

Во всяком случае Вы не отступитесь от мнения, что «*союз тел — совершенно определенный грех*». Это Ваши подлинные слова. Так как Вам угодно было сослаться на *одно место* моей статьи «Брак и святые

---

¹ Только что получен мною 1-й том «Истории христианской церкви в XIX веке», изданный под редакцией проф. Лопухина, журналом «Странник». Наскоро открыв, я жадно пробежал некоторые места и поражен был, по связи с родною мне темой, *подготовительной* историей к Ватиканскому провозглашению нового католического догмата: «О непорочном зачатии Св. Дсвы». Оказывается, догмат этот *назревал* с XIV—XVII века, и тогда уже францисканцы и доминиканцы делились по своему отношению к нему. Но вот что важно: догмат именно понимается в смысле *выхода* пресв. Девы Марии *из первородного греха, из Адамова падения*, и так как в то же время это есть догмат о *зачатии*, то очевидно — *зачатие* и *первородный грех* действительно сливаются в воззрении и Запада и Востока европейского. Непостижимо тогда, и едва ли искренно, все учение Запада и Востока о «тайне супружества». Какое же может быть тогда «святое таинство», состоящее из *суммы, итога* «греховных актов»?!! В сумме ничего нет, кроме *слагаемых*. В. Р-в.

Отцы», то, может быть, Вы соблаговолите припомнить и другие места. Именно, я выдвинул, подчеркнул крайнюю враждебность¹ некоторых св. Отцов (преимущественно западных) к «союзу тел», но, опираясь на не менее авторитетные свидетельства других Отцов (преимущественно восточных), смотрящих более благосклонно на брак и все, что в нем, я позволил себе *лишь слегка намекнуть* на возможность вопроса: нет ли какой *односторонности* в нашем понимании христианства? Победа *исключительного* аскетизма над более гармоническим, более широким мировоззрением не будет ли когда-нибудь признана *лишь временным* торжеством не истины, а партии, притом к очевидному ущербу именно для того дела, ради которого старались в свое время победить?

В настоящее время протоиерей А. У-ский (никогда, конечно, меня не читавший) прямо *отчеканивает* то, что у меня было высказано как эскизный намек: «христианская догматика создана *монахами*», т. е. выражает не полноту истины, а только часть ее... С другой стороны, мы слышим не менее резко отчеканенную мысль: «христианство не удалось». Но разве и могло оно удалиться, раз приведена в действие, воплощена в жизнь не *полнота* Истины, а какой-то обрывок, часть ее, притом даже, может быть, не главнейшая?..²

Весь этот ход мысли как будто прошел мимо Вас, хотя все это печаталось у Вас перед глазами... Вы как будто не догадываетесь, что русская мысль подступила к очень, очень крупной проблеме...

Вот почему я никак и не могу удовлетвориться Вашим ответом на позапрошлогоднее мое недоумение: «почему в Церкви есть такие чудные молитвы и так любовно разработан», как Вы передаете своими словами мою мысль, «ритуал всех таинств, *кроме брака*, где все дышит Ветхим Заветом». А Вы отвечаете: «да потому, что Новый Завет только *снисходит* к немощи человеческой и благословляет *союз душ*, а неизбежный при нем союз тел *прощает*, как совершенно определенный грех»³.

---

¹ Удивительно. Просто трудно поверить. Да почему же закрылись у всех глаза на непререкаемые слова Иисуса: «разве вы не читали у Моисея: Сотворивший — *мужчину и женщину* сотворил их... Того ради оставит... и *прилепится* к жене... и будут *два в плоть едину*» (Матф. 19), где *ничего нет о душе*, и только о — «союзе тел». Почему эти *повторительные слова* (из Ветхого Завета) — так глубоко, до забвения целыми школами, забыты?! Очевидно — они *разрушены!* Кем? Когда? — вот вопрос падения Ветхого Завета. В. Р-в.

² Тут — очень трудный вопрос. Приводите, пожалуй, в исполнение «*всю Истину*», все, положим, 300 страниц евангельского текста; но как только практически, при моем и вашем браке, разрешении мне или вам, или классам и положениям (офицеры, вдовы священники) жениться, — вы будете вынуждены обратиться к «полноте Истины», вы обратитесь, непременно и невольно, вовсе не к 300 страницам, а к одной, двум (в итоге) страницам их, на которых говорится о браке. Так что слова автора, так нравящиеся и так правдоподобные в первую минуту, об «односторонности *нашего* понимания» — недостаточно пронизывают глубину дела. В. Р-в.

³ В сущности, ответ С. Ф. Шарапова, с налету, с улицы схваченный, однако и понимает тему во всей ее бесконечности. Как С. Ф. Ш-в думает, думало *человечество* и уже *почти две тысячи лет*, и было же конечно солидное основание для *такой* мысли, все последствия которой мы только теперь суммируем. Ну, Гатчинский Отшельник хотел бы двинуться, рвануться к «более гармоничному развитию»... Пусть попробует, испытает силы: *ничего не выйдет!* Нет фундамента! Вырвана почва! И в этом — или непоправимая, или поправимая через очень глубокие перемены наших взглядов — сторона дела! В. Р-в.

Значит Вы не допускаете, даже как *вопрос*, вот эту, категорически в письме протоиерея А. У-ского высказанную мысль, что «христианская догматика создана монахами?»¹. Даже без критики, без разбора необходимо, по-Вашему, откинуть, как очевидную нелепость, все соображения относительно некоторой *односторонности* в понимании нами христианства?

Ну, а что, если бы христианская догматика была создана не исключительно представителями аскетического направления, но и «мирского», женатыми, семейными, явившимися, положим, на собор со знаменем в руках, на котором бы красовались слова Апостола: «домашняя Церковь» — что тогда? Все-таки «мерзость» так и осталась бы «мерзостью», грех — грехом?

Но позвольте! Самое это ходячее выражение, унаследованное от бл. Иеронима и его единомышленников: «мерзость», и усилия, которые мы сейчас наблюдаем, противопоставить этому определению: *святость* — могут ли они быть приложены к понятию, которое по существу не мерзко, и не свято, но исключительно *физиологично*?

Позвольте от брака обратиться к другому таинству.

Чтобы жить, нужно питаться элементами вещественных стихий. Чтобы жить *вечно*, нужно еще *питаться* Богом. «Царь-бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным...» Спрашивает ли, однако, кто: «как мы съедаем Бога? Как мы перевариваем Бога? Свята ли (или «мерзка») слюна, в которой растворяются кровь и тело Спасителя нашего и Бога? Свято ли (или «мерзко») круговращательное движение кишок и пр. и пр.? Бессмысленные вопросы! Слюна, желудок, кишки — необходимое физиологическое *орудие* принятия «пана Бога», как говорит наивная польская простота. Нужно питаться Богом, чтобы жить — вот *центр* дела, а все остальное: подробности, *момент*, пусть, физиологически говоря, *существенно* необходимый, но все-таки — момент, нечто побочное, а никак не главное.

Сообразите теперь: не сказал ли я более, чем сколько требуется, чтобы устранить забавное (хотя, как видим, века длящееся) недоразумение относительно «великой тайны брака»? Неужели, сразу поняв нелепость в одном случае, в другом мы будем упрямо настаивать на квалификации: «мерзко», «свято» по отношению к чисто *физиологическому*

---

¹ Тут есть второй и, может быть, более глубокий вопрос: *а что создало монахов?* Что за дух? откуда поэзия? что за философия? В Ветхом Завете ведь и краешка монашества не видно. Но вот мы приходим в Оптину, Соловки, куда-нибудь в Египет или Италию: «покажите нам святого человека». Ведут нас лесной тропинкою, ведут долго, вводят в пещеру: состроган грубый дощатый гроб, лавочка, столик, кружка воды, старец, истощенный вид, но сияние в глазах: — «Кто ты, человек?» — дрожа мы спрашиваем. «Я — пророк Нового Завета». Да, пророк! О монашестве ведь нет догматов, это — не таинство; оно — совершенно (в идее, и вначале практически) свободно и даже как будто находится *сбоку* христианства: но вобрало в себя всю силу его, и в точности стало тем, чем было в Ветхом Завете пророчество, кстати под корень срубленное, угасшее, замолкнувшее, как только мы переступаем в нашу эру. Только *Апокалипсис* есть последнее и как бы мстящее, грозящее (за весь исчезнувший дух Ветх. Завета) пророчество. В. Р-в.

орудию таинства? ¹ Без этого орудия таинство невозможно, невозможно чадородие, невозможна семья, невозможна «домашняя Церковь». И все-таки не оно, не это орудие, не его действие — *центр* дела. В чем же *центр*?

Мне кажется, что лучший способ избежать падения, это ухватиться руками за неподвижный предмет.

Вот твердыня, которая не поколеблется, это — слово Апостола:

«Женщина спасется чадородием» ².

Что это значит? Как понять? Неужели можно приблизить к этому глаголу игривую мысль, пусть она и высказана волшебником, чудом нашей истории:

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Сию приятную заботу etc, etc.

Итак «приятность», от которой не откажется ни m-lle Отеро, ни m-lle Ивет Гильбер, это и есть путь *спасения*? Или нужно так понять, что есть в чадородии и болезнь, и труд, и подвиг, может быть даже *великий подвиг*? ³ Какой? Зачем мне говорить, чего не видели *Ваши* глаза, к чему Вам говорить о том, чего не знают *мои*? У всякого *своя* радость, *своя* печаль, *свой* крест, *свое* терпение, *свой* подвиг, если есть подвиг, а то одна «приятность» и «с полным комфортом», как говаривал Достоевский, но опять-таки на *свой* образец...

---

¹ Этот софизм кажется чрезвычайно убедительным с первого взгляда. Не могу ответить на него лучше, чем следующим извлечением из одного частного письма, полученного мною в ответ на посылку этой статьи и с указанием именно на это место. Вот оно: «...Заметка Гатчинского Отшельника производит на меня двойственное и не скажу, чтобы приятное впечатление; есть *полуистины*, которые хуже очевидной лжи. Я думаю, что он не вполне знает, что говорит. Если на физиологию не смотреть, как на внешнее выражение души, и притом нераздельное с нею, то всегда будет путаница. И кроме того есть предметы, о которых нельзя говорить так запанибрата; меня оскорбляет его манера выражаться о Причастии. По отношению принятия Причастия действия рта и кишек тоже божественно... Ох, этот Гатчинский Отшельник: совсем не то он говорит»... Добавим к этой ценной и тонкой критике следующее: в исследуемой нами теме брака ведь ничего *не приходится третьего от инуду, но полный состав вещей и сил* течет из сочетающихся и *в чете остается*. Где же здесь аналогия с причастием, в котором, принимая хлеб и вино (тело и кровь) со лжицы — я ведь принимаю *третье, не мое, а внешнее*? Органы брака находятся в аналогии с *дарохранительницей*, которая конечно же *священна*. В. Р-в.

² Полный круг семьи. Да, приемлем эту мысль. Но кто же экваториальный пояс земли назовет ее центром? или, подняв неопределенно палец кверху, скажет: это — зенит? Потом, тут опасность: внимание отойдет от самого острого и важного пункта, и потому в нем вы допустите засорение. «Мы так были чадородны, что теперь и пошалить можно». Между тем *никогда* здесь пошалить нельзя: но, как мы держим в величайшей бережливости самую тонкую и внутреннюю и хрупкую часть механизма, так мы и сюда вечно будем проливать предохранительное масло, освящение, молитву. В сущности, до чего верен инстинкт венчания в церкви, и страшное осуждение любви без венчания: «все можно без молитвы, но *этого* — *нельзя!* Здесь — слишком хрупко, опасно, внутренне: как только вы соскользнули на светскость — вы все погубили». Инстинкт этот требует только того дополнения, что *всякая любовь* должна покрываться торопливо и радостно идущим навстречу венчанием (пассивность венчания, активность любви). В. Р-в.

³ Вот это все место прекрасно и истинно. И прекрасна молчаливая стыдливость, за этим следующая. Да, тут — *у каждого свое!* Вот чего во всем тоне своих замечаний не почувствовал С. Ф. Шарапов. В. Р-в.

Для меня до очевидности ясно, что в таинстве брака *центр* тяжести не в половом акте, как не в процессе пищеварения центральная суть таинства Евхаристии. Позволь только *моменту* занять место *центра*, и с неизбежностью в одном случае дойдешь и до трюфелей, и до культа «священных зубов» (хотя бы и вставных), а в другом до m-lle Отеро, при игривом настроении, или до культа Астарты при углубленно-философическом...¹

Но не менее для меня ясно, что и при отрицании начисто *момента* даже как момента, как подробности, но необходимой, мы вовсе *выпариваем*² таинство, остаемся при чистом «ничто», скажу сильнее: совершаем *кощунство*.

Именно таким кощунством представляется мне мысль о возможности и желательности сожития супругов, *как брат и сестра*... Хуже, по-моему, всякой Отеро! Как лучше бы я считал уже вовсе не говеть, чем

---

¹ Никогда... «День же *седьмой* суббота — Господу Богу твоему». Но вообще говоря, практическая и ритуальная разработка жизни в супружестве — это и есть вопрос и тема, к которой мы лишь подготовляем всеми этими статьями. Не могу я понять, что и как тут устроить между юными, неопытными супругами (ранние браки, о коих не может не мечтать всякий желающий воскресенья семьи), как делать с пожилыми циниками? Тут должно быть научение: но *кто* будет учить? *Как* учить? Тягостные, но непременно предлагающие к решению вопросы.— Однако вот кое-что приблизительно. В 1885 году, по случайному поводу, я приехал из Брянска в Орел на Страстной неделе и пробыл в нем (Орле) всю Страстную и Святую неделю. В первый день Пасхи, очень скучая в номере гостиницы, я после обеденного сна пошел гулять по улицам города. И вот иду по одной, не главной, однако и не захолустной; смеркалось, было часов восемь и тем паче я удивился, увидев у богатого деревянного дома съезд пролеток. По наивности я спросил извозчика: «что же, разве еще не кончились визиты?» Но он, замямвшись, ответил мне, что это — не визитеры и не визитный дом, а дом терпимости. Никогда я не забуду своего удивления, особенно по отношению к такому дню и часу, и много раз я возвращался к этому случаю мыслью. Но вот что наконец мне стало ясно: что съехавшиеся были вдовы и холостые купцы, вообще торговцы,— серые люди, которые потому так нетерпеливо сюда съехались, что *абсолютно воздерживались истекшие семь недель*. Тут есть просвет к утешению: вот что значит веками внедренное понятие и настойчивая священников угроза относительно поста! В конце концов она одолевает всякие страсти, становится привычною, законом внутренним и внешним. То, что не венчают в Великий пост — есть всеобщее и всему народу указание разрывать фактическое супружество на семь недель. Теперь, если взять шесть дней недели воздержания, то уже для самых пылких сил — оно возможно! Мне думается, что таинственный *седьмой день* (почему итог дней недели — не *восемь*? не *шесть*?) выбран в беспросветной дали веков через глубочайшее и непостижимое ведение, что *рост человека в шесть дней дает итогом преобразованным живую каплю брачного ритма*. Ибо ведь суть полосочетания в том, что человек *перестает расти* или *отчасти перестает расти* и рост в полном или частичном объеме преобразуется в семя и в половой акт. Дерево растет в ветви и ствол, если нет цветка; а есть цветок — оно в росте останавливается: значит рост есть цветок и, обратно, оплодотворение цветка есть поглощение роста. У человека, вероятно, шесть суток дают полный творческо-половой акт. В. Р-в.

² Вот очень удачный термин, который полезно запомнить: *ничего не началось* до ...«прилепления», *без него* — ничего нет: оно *conditio sine qua non*. Бесплезно говорить об артиллерии без пороха, о мирном состоянии — без чувства мира. Как женщины это понимают, как *они берегут себя!* Я — «*потеряла себя*», «потерянная женщина», говорит и *думает* несчастная «согрешившая». Как мало мы, мужчины, ценим это ихнее чувство, и не работав (социально и религиозно) брака активно — какое сокровище сдержанности мы опустили из рук! Но если брак воскреснет — то силою этого женского *неуничтожимого* чувства! Заметим, что в секунду перехода девушки в женщину, она — *обрезывается*, и таинственное «обрезание» семитов имеет ту сторону в себе, что и «ты, юноша, пострадай — как ведь страдает же твоя невеста — жена», и, далее: «сбереги себя, как она, до брака». «Обрезание» есть, таким образом, как бы усвоение и мужскому полу девичьего полового устройства: надевание на него таинственной завесы (*guten*) предбрачного молчания. В. Р-в.

взять, да и не проглотить тайнства из-за *чудовищной гордыни*, что я-де *чище* Бога ¹. Он не гнушается телесности моей, а меня шокирует! *Безумие гордыни!* Совершенно то же и в другом таинстве: есть аппетит — в добрый час, и благодари Бога. Нет — воздержись, и тоже благодари. Мне *кажется*, что это так; мне *кажется*, что это во всяком случае более *просто*, более поэтому *смиренно*, а посему и более *благочестиво*, чем, простите, какая-то *духоборческая* теория о «союзе душ», которую Вы проповедуете...

Впрочем, еще раз: извините. Может быть, я чего-нибудь не выразумел. Вы говорите очень сжато, почти полусловами. Может быть, Вам угодно будет развить свои мысли?

Но ранее — вот мысль! — не съездить ли Вам в Дрезден? Какая бездна гениальности отдана нашей теме, какая жизненность в трактовке вопроса, какая *правда* и сколько подчас святой наивности в выборе сюжетов, рискованность коих доходит до *пес plus ultra!* ²

Ну, хоть этот Рембрандт с женою своею на коленях: да разве это не идеальнейший союз душ и телес? Да остановитесь же в восторге перед этим Маноем! *Так* разве можно молиться без единения душ? А о чем молятся? Ну, а в других обстоятельствах жизни — хороня своего сына, если бы он умер, празднуя его воскресение, если бы он ожил — не то же ли святое пламя жертвенного костра зажжется в их сердцах?

Сколько слепоты, благодаря *односторонностям!* Христос победил мир, и победил его *всецело*. Будем же в *полноте* Его победы искать реальных плодов новой жизни и вечной радости, возвещенной нам Евангелием! ³

V.

О В. В. Розанове и его религии брака.— Протоиерея А. П. У-ского, Мирянина, С. Ф. Шарапова и Гатчинского Отшельника

Мы было решили вовсе прекратить несколько соблазнительную полемику, поднятую с легкой руки В. В. Розанова, о христианском воззрении на брак. Но печатаемые здесь два письма весьма любопытны. Одно из них принадлежит тому самому протоиерею У-скому, которого переписка с В. В. Розановым была у нас напечатана под заглавием «Брак и христианство». О. протоиерей пытается оправдаться «от Писания» и делает это очень ловко, хотя, увы, и не особенно

¹ Очень хорошо. Аскетизм вообще есть «чудовищная гордыня перед Богом»; и ответ на Его заповедь: «роститесь, множитесь, наполните землю» (Быт. 1) — чудовищным высокомерием: «не хочу, это — гнусность». В. Р-в.

² до предела (*лат.*).

³ В конце книги помещаем более обстоятельные размышления по поводу этой ценной заметки Гатчинского Отшельника. В. Р-в.

убедительно. Очень уж казенно-семинарским чем-то отдает его аргументация. Другое письмо принадлежит Мирянину, с мнениями которого мы гораздо более согласны. Но пусть читатель выслушает обе стороны. С. Шаранов.

1. *Открытое письмо
к редактору «Русского Труда».*

М. Г. Сергей Федорович!

Будьте любезны, во имя выяснения истины, дать место на страницах Вашего почтенного журнала нижеследующим несколькими моим строкам.

Вы говорите, в примечании к статье В. В. Розанова «Брак и христианство», помещенной в № 52 «Русского Труда» за минувший год, что я «пою акафисты в честь Розанова». Позвольте же теперь спеть акафист Вам, хотя этот последний будет несколько с иным содержанием и в ином тоне, чем мои акафисты Розанову.

Вы обвиняете и Розанова и меня в ереси. Напрасно вы так неосторожно употребляете такое опасное, такое тяжеловесное слово. Ведь, кто примет его за шутку, а кто может принять и в серьезном смысле. Согласитесь же, что обвинить своих ближних в ереси есть слишком жестокое и тяжелое обвинение. Но насколько оно основательно с вашей стороны? Вы, конечно, знаете, что ересью называется отступление от какого-либо, строго, определено и точно, на вселенских соборах формулированного, догмата христианского вероучения. Позвольте же вас спросить, взгляд Розанова на брачные отношения, как на одну из форм, средств или способов служения Богу, как на такое дело, которое, наравне со всеми прочими христианскими делами, должно совершаться в духе молитвы, во славу Божию и с чувствами непрестанной благодарности Вездесущему, Всезрящему Творцу и Вседержителю Богу, во исполнение и в безостаточное применение заповедей апостольских: «непрестанно молитесь, о всем благодарите» (1 Сол. 5, 17, 18) и «едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» (1 Кор. 10, 31) — есть отступление от какого, на котором Вселенском Соборе и в каких выражениях формулированного догмата? Если же догмата, диаметрально противоположного воззрению г. Розанова, на соборах формулировано не было, то с Вашей стороны провозглашать во всеуслышание «протопоп еретик!» было бы преждевременно¹.

Но все-таки это ваше заявление было бы и уместно, и терпимо, если бы в противовес взгляду г. Розанова сами Вы сказали совершенно правильное воззрение на занимающий г. Розанова вопрос. К сожалению, этого не случилось. Позвольте же несколько остановиться на разборе вашего взгляда. Правда, принимаясь за это дело, я чувствую себя крайне

---

¹ Мы говорили это в шутку и совсем не так! «Вы даже в эту ересь целого протоиерея соблазнили». Вот наши подлинные слова; здесь «ересь» употреблена отнюдь не в смысле церковном, а как просто лжеучение. Говорится, напр., «что вы за ересь проповедуете» и т. п. С. Шаранов.

в стесненном положении. Ведь, если светский человек выскажет какую-нибудь вольность по религиозным вопросам, то ему легко сходит с рук, но чуть только священник обнаружит некоторое свободомыслие в этой области, сейчас же это ему поставят в заблуждение, в преступление «по должности», «в ересь», как Вы уже и сделали. Но все-таки вопрос, поднятый г. Розановым, настолько важен и имеет такое жизненное значение, что молчать о неправых его решениях было бы нравственным преступлением. Итак, я решаюсь сделать несколько кратких замечаний.

Догадываетесь ли Вы, что все ваше длинное примечание к статье г. Розанова есть ни более, ни менее, как извращение христианства, неосновательная клевета на Церковь, отдаленные, но живучие отпрыски и отголоски гностицизма и манихейства? Но войдем в подробности. Вы приводите вопрос из статьи г. *Гатчинского Отшельника*: «почему в Церкви так любовно разработан ритуал всех таинств, кроме брака, где все дышит Ветхим Заветом?» Немало я на своем веку повенчал свадеб, немало крестил младенцев, и исповедовал кающихся, отпевал умерших, но признаюсь, никогда не замечал, чтобы церковное последование обручения и венчания было лишено «чудных молитв», чтобы оно, по своей продолжительности, по возвышенности и задушевности своего тона, по величавой торжественности и умилительной глубине своих чудных молитв, было беднее и скуднее последования прочих таинств и церковных обрядов. И если г-ну *Гатчинскому Отшельнику* так показалось, то это, вероятно, оттого, что сам он не венчался, а если и венчался, то не потрудился внимательно прослушать те дивные молитвы, которые при этом читаются. Посему принимаю на себя смелость порекомендовать и Вам и г-ну *Гатч. Отш.* записаться требником и у себя на дому, в досужий час, со вниманием прочесть последование обручения и венчания, чтобы чрез то избавить себя от печальной возможности хотя впредь публично, в печати, клеветать на церковных чин венчания.

«Где все дышит Ветхим Заветом»... Как много в этих словах слышится незаслуженного пренебрежения к Ветхому Завету! Как много горделивого и высокомерного превозношения своим Новым Заветом! Но имеем ли мы с Вами право и основание так презрительно относиться к Ветхому Завету? Неужели мы с Вами, по высоте и величию нравственного совершенства, превзошли боговидца Моисея, который во мраке и облаке беседовал с Самим Богом? Неужели мы с Вами, по силе и действительности своей веры и молитвы, стали выше Иисуса Навина, который словом своим остановил солнце в его течении? Неужели мы с Вами, по святости и праведности жизни, можем сравняться с праведным Енохом, который живым вознесен в преднебесные обители? Если же мы с Вами не только не превзошли, но даже и не сравнялись с представителями Ветхого Завета, то нам ли превозноситься пред ним? ¹

---

¹ Что за нечистоплотная аргументация! И где о. протоиерей нашел у нас «незаслуженное пренебрежение»? Мы говорили, что основа брака в Ветхом Завете совсем не та, что в Новом. Возьмите хотя бы слова Спасителя о разводе, где Он ясно указал разницу: что в Ветхом Завете допускалось «по жестокосердию», то Новым Заветом категорически отрицается. С. Шарпов.

«Новый Завет только *снисходит* к немощи человеческой и благословляет *союз душ*, а неизбежный при нем союз тел *прощает*, как совершенно определенный *грех*». Позвольте Вас спросить, на каком основании все это вы высказали? Очень жалко, что Вы не сделали ни одной ссылки на Слово Божие, а говорить, в вопросах религии, от своего чрева представляет мало убедительности для читателя. Союз ли только *душ* благословляется Новым Заветом, или и союз *тел*, это со всею очевидностью открывается из самого церковного чина венчания брачующихся. Вот, например, с каким молитвенным воззванием обращается священнодействующий к Богу во время венчания: «Иже за неизреченный Твой дар и многую благодать, пришедый в Кану Галилейскую, и тамошний брак благословивый, да явиши, яко *Твоя воля есть законное супружество, и еже из него чадотворение*». Или еще: «венчай их в плоть едину, даруй им плод чрева». Не привожу многих других подобных выражений. Потрудитесь сами прочесть их в требнике. И в таком-то смысле, от лет древних, понимаемый христианскою церковью союз мужа и жены, как союз для *чадотворения*, называется, далее, в последовании обручения «*святым соединением*». Как вы полагаете, благоприятствует ли все это Вашей теории?

Но я сделал эту маленькую экскурсию в область церковной практики вовсе не с целью опровергнуть Ваш взгляд, а только лишь мимоходом. Хотя голос и сознание древней Вселенской Церкви, поскольку они выразились в последовании обручения и венчания, служат уже неопровержимым доказательством против Вас, но главное возражение против своего взгляда Вы встретите в Слове Божиим. Вы, должно быть, упустили из внимания первобытный закон, высказанный первою человеческой чете, сряду же после ее сотворения, в следующих выражениях: «раститесь и множитесь и наполните землю» (Быт. 1, 28) ¹. Теперь одно из двух: если, по-Вашему, супружеское соединение есть *грех*, то, следовательно, этот грех узаконен и вменен в обязанность человеку Самим Богом; если же мыслить Бога родоначальником и законоположником греха нечестиво и богохульно, то, следовательно, супружеское сожитие быть грехом никоим образом не может.

Но Вы возразите, что так было в Ветхом Завете, в Новом же Завете совсем не то. На это я отвечу Вам некоторым сравнением. Вы, конечно, хорошо знаете, что у естествоведов существует учение о неизменности, постоянстве, единообразии и вечности физических законов мира. Эту неизменность мировых законов представители естественных наук простирают даже до того, что на основании ее отрицают возможность сверхъестественного — чудес, якобы нарушающих постоянство и единообразие действия физических сил природы. Хотя с последним выводом согласиться совершенно невозможно, ибо если я, ничтожная тварь, положивши для себя правилом жизни обедать в два часа дня, а в баню

---

¹ Т. е. опять же Ветхий Завет. С. Шаранов.

ходить по пятницам, имею полное право и возможность, по требованию нужды и обстоятельств, изменить этот, положенный для себя закон и пообедать в три или в двенадцать часов, а в баню сходить в четверг или в среду, то было бы смешно и бессмысленно утверждать, что Отец вселенной и Вседержитель всяческих, держащий в Своей деснице ключи от всех безусловно мировых законов, не имеет права, возможности и положительной мощи, применительно к Своим божественным планам и предначертаниям, видоизменять действие этих законов: тем не менее общее правило о неизменности и постоянстве физических мировых законов остается во всей своей силе. Но в чем же, и где же корень, основа, сущность и гарантия этой неизменности? Да, очевидно, в первоначальных Творческих: «да будет», «да прорастет», «да умножится». Но эта же идея неизменности и постоянства законов одинаково относится и к области мира нравственного, духовного или, правильнее сказать, психофизического. И здесь, в области нравственной, что было законом в Ветхом Завете, не может измениться по существу в Новом Завете. Идеал нравственного совершенства как в Ветхом, так и в Новом Завете, совершенно один и тот же. В Ветхом Завете сказано: «Будьте святые, ибо свят Я, Господь Бог ваш» (Лев. 19, 2). В Новом Завете предписано: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5, 48). Как изволите видеть, нравственный идеал стоит *вне* вопроса о браке или девстве ¹. А почему в христианстве особенно ценится девство, на это есть особые причины и об этом я поговорю когда-либо в другой раз ², а теперь в доказательство правильности своей мысли о неизменности и постоянстве действия нравственных законов как в Ветхом, так и в Новом Завете, до скончания века, приведу лишь следующее категорическое утверждение Основоположника Нового Завета, воплотившегося Сына Божия: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам, доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота, или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все» ³ (Мф. 5, 17, 18).

«Идя по Вашей дороге, непременно, логически придешь к тому, что акт грехопадения человека будешь считать самым настоящим богослужением»... Это могло бы быть лишь в том случае, если бы мы стали понимать факт грехопадения наших прародителей в смысле людей, полагающих, будто бы грех их в раю состоял в супружеском сожитии. Но христианская Церковь всегда понимала грехопадение прародителей не в иносказательном, а в буквальном смысле, так, как оно рассказано

---

¹ Хорошо. А как же о. протоиерей объяснит целый ряд речений Спасителя: «Древним сказано... а я говорю вам». Напр., «око за око» и диаметрально противоположное: «любите врагов ваших» и т. д. *С. Шаранов.*

² Очень жаль, что не теперь, ибо в этом весь центр вопроса. *С. Шаранов.* Обещание это выполнено отцом *А. У-ским* в статье: «Брак и девство», см. ниже. *В. Р-в.*

³ Разумеется. Пришествием Христа, его страданиями, смертью и воскресением Старый Закон и пророчества исполнились во всей точности, а затем наступило действие Нового Закона, упразднившего Старый. В чем же пропасть между иудейством и христианством, как не в том, что Евреи остались при упраздненном законе, а мы пошли за Христом? *С. Шаранов.*

в третьей главе книги Бытия. Таким образом, уже одно поползновение понимать грехопадение прародителей, по-Вашему, дает обладателю его несомненное право на получение аттестата зрелости по распространению лжеименных (? С. Ш-в) учений.

«...Откуда даже шага не надо делать к культу Астарты,— он уже готов». Для того чтобы железнодорожный поезд не потерпел крушения от неровностей дороги и вследствие слабости почвы, его ставят на пару параллельно идущих стальных рельс, которые служат для него и указателями пути, и перилами, не позволяющими ему уклониться ни направо, ни налево. Так и супружеский союз. Если хотите провести его правильно по пути жизни, без кораблекрушений, оградите его справа и слева нравственными перилами. Поставьте с левой стороны изречение, раздавшееся с вершины горы Синайской: «не прелюбы сотвори» (Исх. 20, 14), а с правой стороны изречение, раздавшееся с вершины горы Галилейской: «всякий, кто смотрит на (постороннюю) женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28), и тогда Вам и до конца дней своих не добраться будет до культа Астарты, так как вы направитесь в сторону совершенно противоположную той, где находится капище этой богини.

Обращаюсь ко второму Вашему примечанию. Вы говорите: «(область супружества) не грязна, а животна, изменна, не свободна, и во всяком случае ниже *воздержания*, рассматриваемого как свободный подвиг». Какой брезгливостью звучат эти слова: «*животна*, изменна!» Но неужели мы с Вами стали лучше и святее Богоотца, царя Давида? ¹ А он всю природу, все существа и весь *животный* мир приглашал, совокупно с собою, хвалить и славить Господа Бога Вседержителя. Прочтите его 148 псалом. Неужели мы с вами лучше и святее трех блаженных отроков Вавилонских, которые, даже в огненной печи, приглашали всех *животных*, совокупно с ангелами, священниками и преподобными, воспевать и славить Господа славы (Дан. 3, 51—90)? Неужели мы с вами лучше знаем и прозреваем истину, нежели Новозаветный Тайнозритель, единственный пророк Нового Завета, оставивший нам свое пророческое писание, который в своем пророческом ясновидении слышал, как «*всякое* создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и *все*, что в них, говорило: «Сидящему на престоле и Агнцу благословение, и честь, и слава, и держава во веки веков» (Апок. 5, 15). Как же нам, после этого, брезговать своими сотоварищами по оружию в деле прославления Живущего во веки веков?

Девство вы рассматриваете, как свободный подвиг, а супружество понимаете, как акт необходимости. Но правда ли это? Если девство есть

---

¹ Опять Ветхий Закон! Но Богоотец Давид овладел женою Урии, и имел от нее сына Соломона, у которого было несколько сот наложниц. В первом случае грехом был не столько конкубинат с Вирсавией, сколько предательство относительно ее мужа, во втором мы не видим греха даже в многоженстве. Но какое все это отношение имеет к Новому Завету, где девство поставлено категорически выше супружества? С. Шаранов.

свободный подвиг, то ведь и супружество подымается христианином, как бремя жизни ¹, тоже совершенно добровольно и свободно. Заставить насильно кого-либо вступить в брак не может никакая сила ² в мире. Следовательно, с этой стороны и девство, и брак суть совершенно одинаковы: *оба свободны*. Если же Вы скажете, что супружество принимается человеком в силу непреодолимых *физических* потребностей, и следовательно, оно не свободно, то на это я отвечу, что и истинные и подлинные девственники принимают на себя подвиг девства в силу непреодолимой внутренней *психической* потребности, и следовательно, и их подвиг не свободен ³. Припомните, что Христово изречение «могий вместити да вместит» в устах Канта получило следующую перефразировку: «ты можешь, следовательно, ты должен». Где же тут свобода? Итак, с этой стороны и состояние брака, и состояние девства суть одинаково *не свободны*.

В заключение, в назидание всем, гнушающимся брачным сожитием и называющим его мерзостью и скверной, приведу одно из немалочисленных правил древней Вселенской Церкви, старавшейся зараженных подобной тенденцией неразумных чад своих удерживать в должных границах. Вот что гласит 51-е апостольское правило: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака, не ради подвига воздержания, но по причине *гнушения*, забыв, что «вся добра зело» и что Бог, создавая человека, «мужа и жену сотворил их», и таким образом хуля клеветет на создание: или да исправится, или да будет извержен из священного чина, и отвержен от Церкви. Тако же и мирянин» ⁴.

29 января 1899 г.

Протоиерей А. У-ский.

2. О воззрениях г. Розанова на супружеское соединение

Мы поместили выше письмо протоиерея У-ского единственно ради того, чтобы нас не обвинили в нетерпимости к чужому мнению. Аргументация достопочтенного отца не только не убедительна, но до известной степени противна по своему тону. Так доказывать можно что угодно, но только для живого сердца, ищущего истины, а не семинарского подбора текстов, это останется металлом звенящим. Совсем другой характер имсет печатаемое далее письмо «Мирянина». Автор относится несколько строго к В. В. Розанову, но *по этому вопросу* так и следует.

¹ Где половой акт является смягчением, оплатою, наградою за это бремя, но сам как «бремя» еще никем рассматриваем не был. С. Шаранов.

² Ну, уж простите! Это софизм, это отрицание свободы воли, о. протоиерей! С. Шаранов. Нисколько. Очень тонкое наблюдение. В. Р-в.

³ Да это наше мнение подтверждает, а не ваше. К чему гнушаться тем, что естественно, что создано Богом? Это ересь. Но само же это правило не исключает «воздержание», о чем именно говорили и мы. Не гнушаюсь, но в силу моей внутренней свободы *воздерживаюсь*, пока могу, и никто меня за это не осудит. С. Шаранов.

⁴ Да не о такой необходимости мы говорим, о. протоиерей. О необходимости в философском смысле. С. Шаранов.

Здесь автор книги «О понимании» вместе со своим другом, протоиереем У-ским, могут вызвать не только горячую критику, но даже вполне законное негодование.

С. Шаранов.

Вопрос об интимных сторонах брака представляет большой интерес для каждого человека, желающего жить сознательно и разумно. Едва ли в какой-нибудь другой стороне жизни так переплетаются между собою и сталкиваются, по-видимому, в полном противоречии¹, духовные и телесные стремления личности. Поэтому стремящимся к внутренней гармонии личной жизни в высокой степени важно объединить все разнообразие мыслей, чувств, желаний, вообще всех душевных состояний, вызываемых вопросом о браке.

Читателям «Русского Труда» известно, что в последних прошлогодних номерах этой газеты вопросу о браке г. Розанов посвятил свою переписку с православным священником под заглавием «Брак и Христианство». Эта переписка по своему содержанию вызывает у читателя много недоразумений, особенно ввиду того, что г. Розанов желает дать излагаемой там его теории религиозный колорит, называя ее «новой концепцией христианства».

Г. Розанов считает акт физического общения полов «трансцендентальным», «мистическим», и даже видит в нем религиозное содержание. Вот с этим последним никак не мирится мысль, а главное — чувство. Кому не известно, что супруги обыкновенно стыдятся² этого акта, стыдятся в нем унижения собственной духовной личности³, как бы там ни толковал г. Розанов о «тайнственности», о «сведении души с домирных высот» и «завивании ее в стихии». Здесь физиологическая потреб-

¹ Конечно — это или кажущиеся противоречия, или противоречия наших текущих и истекающих дней. Брак есть *слиянность, синтез* духа и тела. В семени не имеем ли мы тела? И в то же время (см. наследственность характера и способностей) разве оно — не потоки духа? Можем ли мы сказать, что Наполеон и Дант сделали, а не родились? *Oratores tiunt poetae nascuntur* (Ораторами делаются, поэтами рождаются), т. е. nascuntur вообще естественные и лучшие, светлейшие и жизненнейшие дары. Т. е. рождается и зачинается дух. Это же все надо бы разобрать г. Мирянину, если он серьезно начинает спор. Даже есть текст: «Сеется тело душевное — воссгает тело духовное», 1 Коринф. 15, ст. 44. В. Р-в.

² Не стыдятся, а скрывают его, таятся в нем. Иначе они не брачились бы, и, притом, открыто, законно, церковно: ибо от кого же скрыто, что брачатся для поло-сочетания?! И что брачные назавтра уже не суть дева и отрок. Таким образом, тайна, завеса, покров, сокрытие — эти жесты и инстинкт этих жестов; а автор принимает их за стигматы позора, унижения, греха. Красть — стыдно и грех: но мы скрываем не единичный акт воровства, а то, что мы — воры (вообще), тогда как нет супругов, которые скрывали бы, что они (вообще) супруги, т. е. «живут», соединяются. Не есть ли, напротив, это сокрытие половых точек и полового акта доказательство, что это суть стыдливейшие, самые застенчивые, т. е., по аналогии с застенчивым, скромным человеком, не нахалом — самые скромные и нежные, и целомудреннейшие части нашего тела и акты наши. Не забуду впечатления личного. У меня есть дочь пяти лет. Когда ей было три года, надо было ее показать врачу. Понес я ее, на руках. Когда врач, среди другого осмотра, раскрыл и стал осматривать ее genitalia, на лице ее выразилось страшное мучение, она чрезвычайно покраснела и в то же время, сквозь слезы, старалась улыбнуться какой-то надломленно-фальшивой улыбкой. Я так поразился, что запомнил. «Не надо этого», говорило ее худое, измученное личико. Весь остальной осмотр не причинил ей никакого неудобства. Между тем о грехе ведь она (3 года) не имеет понятия. В. Р-в.

³ Ничего подобного! Тогда бы не выходили замуж, или выходили тайно, как поступают тайно в банду воров. В. Р-в.

ность¹ и доводы рассудка, основывающиеся на ней, встречают протест внутреннего существа человека и осуществляются только благодаря временному *подавлению* этого протеста². Здесь нет гармонии между духом и телом³, да едва ли ее и можно найти, если признавать за их стремлением одинаковую степень законности. Неудовлетворенность и разлад в других сторонах жизни разрешаются в жизненных идеалах, преимущественно религиозных, а для данной имеется ли идеал в сознании человека? Кто разрешил вопрос, *как* должно это происходить, чтобы не возмущался «внутренний человек»? Поэтому решительно непонятно желание г. Розанова придать чисто животному⁴ акту религиозный смысл⁵, тем более что религиозные действия, напр. молитвы, вызывают у нас совершенно иные душевные состояния.

---

¹ *Рост*. Поразительно, что мы можем все-таки до конца жизни воздерживаться от полового акта (старые девы), тогда как от других *функциональных* потребностей (еда, питье) воздерживаться *дольше определенного срока не можем*. Т. е. к половому сближению человек не понуждается (*lex, utilitas*), а манится (заповедь, волшебство, поэзия). В. Р-в.

² Во мне лично, в раннем возрасте и невинности, никогда вовсе не было *чувства греха* к половому акту, а всегда о нем радость, и, не могу же я ошибаться в оценке своей психологии — *радость именно с оттенком невинности*, как бы вошел на *высшую степень невинности*. С тем вместе я никогда его не совершал грубо, с грубым обращением к другому (другой). Это было, когда еще никаких определенных идей я о нем не имел, т. е. *естественно и наивно*. С другой стороны, я знаю, что многие *гнушаются* им, но это по преимуществу циники, грешники, и такие производят во мне брезгливое к ним самим отношение. Они суть *лакеи и прислуга* — в отношении к половому акту. До чего понятно непобедимое отвращение к мужьям многих жен, я думаю — к таким гнушающимся мужьям, которых как женихов они любили. Мне кажется, невозможно глубже оскорбить женщину, супругу и мать, как относясь к сближению с нею, как к нечистоте, загрязнению себя. «Ну, вот, я вымазался», «вымазались мы оба». В ответ на это можно только плюнуть и потребовать развода, *безапелляционно, без возражений*. «Ищи же себе скверны, а я — не скверна». В. Р-в.

³ Именно — полная, поразительная гармония! Какая поэзия:

Каждый я вечер к окну подхожу с затаенною думой;
Вверх погляжу я и вижу далекое, темное небо,
В темном том небе всегда я встречаюсь глазами с звездой,
С звездочкой милою, ясной, душе *как-то странно родною*.
Смотрит в окошко ко мне и лучами приветно мигает.
Точно скучает по мне и к душе моей трепетно рвется.
Тотчас же мысль о тебе озарит меня счастьем заветным;
Звезды очей твоих милых всплывут пред моими глазами;
Вспомню, что ты меня любишь, что ты ко мне трепетно рвешься,
И сказанная радость мне пламенем душу объемлет.
Слезы в груди закипят, но то счастья сладкие слезы.

Это стихотворение принадлежит, как я справился у редактора журнала, молодой женщине, которая никогда не думала и не собирается быть писательницей и скрыла самое имя свое. Просто — слова молодой жены об ожидаемом (в разъездах) муже. Можно ли представить себе, что, когда муж застучится в ворота, она *покраснеет, придет в смятение, хотела бы убежать*, п. ч. вот еще час — и «грех». Какие чудовищности в человеческой психологии предполагает добрый, но неопытный г. Мирянин. В. Р-в.

⁴ Опять «животному»!! *Живому!* Ну, исключите Бога из жизни: где же Он будет? *В минералах?* Неужели *они выше* твари и птиц? Автор минерализует религию, сам того не замечая; или сводит ее к *алгебре*. Ибо «воздыхает» только живое, да даже молитвенными воздыханиями — *воздыхает лишь живое*, т. е. непременно *муже-женское*. Ибо где *жизнь* — там *оба пола*. Нужно заметить, что самый пол мы не должны представлять абсолютно-*органично* и абсолютно-*функционально*: но как пропасть, углубление, тайну *нежности* (женское начало) и *силы* (мужск. начало), как *пропасть духовности*. В. Р-в.

⁵ Непосредственно — он у многих есть; а сознательно и *для всех* его построить — это задача религии, начало *церковного брака*. В. Р-в.

Новозаветное Откровение признает физическую сторону в человеке, но оно не придает ей положительной нравственной ценности. Оно говорит, что вступающий в брак только «не согрешит» (1 Кор. VII, 28, 36), а если в другом месте и говорится, что «выдающий замуж свою девицу поступает *хорошо*» (ibid., 38), то по общему смыслу главы эти слова нужно понимать так: хорошо, потому что избегается блуд (ст. 2), ибо «лучше жениться, нежели разжигаться» (ст. 9). Следовательно, по учению Нового Завета, брак является делом хорошим только как средство, предохраняющее человека от блуда. Тем не менее физическая сторона брака есть, все-таки, «похоть плоти», «похоть мужа» (Иоан. I, 13), нечто такое, чего лучше избегать: «не выдающий (замуж девицу) поступает лучше» (1 Кор. VII, 38), «кто может вместить, да вместит» (Мф. XIX, 12), «*хорошо* человеку не касаться женщины» (1 Кор. VII, 1). Мне кажется, что такое понимание Новозаветного учения не противоречит словам Апостола: «(жена) спасается чрез чадородие», на которые особенно упирает г. Гатчинский Отшельник в № 2 «Русского Труда» за текущий год. Спасется, если «пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» (1 Тим. II, 15). Ясно, что здесь имеется в виду не розановское «завивание в стихии», а *нравственный* подвиг воспитания детей, сопряженный для жены по преимуществу со всякими страданиями и лишениями.

В подтверждение этой мысли можно привести другое место из послания к Коринфянам, где Апостол совсем и не вменяет супругам чадородие в непременною обязанность: «не уклоняйтесь друг от друга... чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим. Впрочем, это сказано мною как *позволение*, а не как *повеление*. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я» (т. е. девственны) (1 Кор. VII, 5—7).

Поэтому напрасно г. Гатчинский Отшельник считает «кощунством» (ведь и сказал же!) отношение к жене как к сестре. Если муж любит свою жену в духе любви Христа к женщине (срав. Ефес. 5, 25), то едва ли у него появится «аппетит», как выражается Гатчинский Отшельник, ибо это психологически несовместимо с христиански любовной настроенностью¹. А между тем, эта настроенность есть единственная цель нравственной жизни (следовательно, вообще жизни) человека². Г. Гатчинс-

---

¹ Непременно: и сейчас уклон к страданию и лишению. «Посидим с узником в темнице», «не принимаю Искушения». В. Р-в.

² Поразительно: «настроенность души в половом сближении абсолютно несовместима с христианскою настроенностью». Во всяком случае — это определено, и уже тем хорошо. Ergo: надо «выйти, непременно и абсолютно, из христианской настроенности, дабы — сблизиться с женою». Ну, тогда и поднимать нечего вопроса, *содержится ли в христианстве органическою и непременною, или даже хотя бы чистосердечно допущенною частью, таинство брака?* Конечно — нет!! И тогда искусственный их узел — нужно развязать, равно к благу и христианства, дабы оно не пачкалось браком, семенем и кровью; и к благу брака, дабы он не окружался жестами гадливости, гнушения: и из себя попробовал извлечь себе нужные гимны. Это — точная мысль и точный поворот дела. Но, напр., с *апокалипсическою* настроенностью, с настроенностью этой книги, которая пока еще «за семью печатями» лежит закрытая, и «никто этой книги разогнуть не может», «психологическая настроенность» полового общения глубоко гармонируется; и переход христианства от «синоптик» к Апокалипсису — тогда «у дверей стоит». В. Р-в.

кий *Отшельник* сравнивает брачную связь полов с таинством Евхаристии, где также имеется сочетание высочайшего духовного акта с грубо физическим, каково пищеварение во всех его стадиях. С внешней стороны, пожалуй, сравнение подходяще. Но оно падает, как только мы обратимся к внутренней жизни человека, в которой, собственно, вся суть разбираемого вопроса. Когда мы «едем Бога», по выражению *Гатчинского Отшельника*, мы испытываем особенную душевную радость и мир, не передаваемые на словах. Эта тихая радость и мир не оставляют нас и потом, пока мы снова не загрязним своей совести. Во всяком случае, момент достойного причащения всегда переживается и воспоминается не иначе, как с благоговением. То же ли самое переживает каждый супруг при воспоминании о тайнах чадородия со стороны розановского «завивания в стихии»? Пусть каждый супруг ответит себе чистосердечно на вопрос: *в силах ли он приступить к этому «таинству» в то время, когда душа наполнена мыслию и ощущением святости первого?* Для того, чтобы резче различить два предмета, полезно поставить их рядом. А святое со святым вполне совмещаются в сознании, напр., Евхаристия и молитва, труд, благотворение ¹.

Церковные песнопения и уставы суть выражения духовного самосознания Церкви; как таковые, они служат в то же время проявлениями самосознания духа человеческого, наиболее соответствующими его природе. А между тем Церковь в разнообразнейших формах воспевает и ублажает «бессеменное зачатие матери безмужная» ², называет иночество «чином ангельским», предписывает новобрачным пребывать в девстве первую ночь ³ из уважения к благословению Церкви, не одобряет второго брака, почти не разрешает третий и безусловно запрещает

---

¹ Это — очень точный прием: начать сближать во времени и пространстве. Да, купец, помолясь, открывает железные двери лавки; помолясь — выступаем в поход; и крестясь — начинает что-либо делать. *Везде* крест, но *тут* — до сих пор не было. Но все эти дела: война, торговля, путешествия, труд — ведь уж очевидно феноменальны; и не значит ли это, что мы имеем только феноменальные молитвы, феноменальную молитвенность, феноменальную религиозность, а ноуменально... к ней даже еще ключа не нашли! Между тем Бог, конечно, в сем свете в каждой травке и былинке; и вместе в каждой былинке и травке он ноуменально присутствует, «потусветно». Таким образом, не имеем ли мы к Нему отношение через молитвы только явно феноменальной «настроенности»? — Тягостный вопрос. Это — одна половина сближающегося. Перейдем к другой: знаем ли мы истинный дух полового сближения? А если нет, то вопрос сближения его с молитвою не есть ли очевидно вопрос его углубления и очищения? В. Р-в.

² Пусть. Но где делать ударение: на «бессеменное» или «зачатие». Св. Дева Мария принесла двух птенцов голубиных по истечении срока женского очищения, а Спаситель мира — был обрезан. Полный очерк человека, без исключений, дан в Ней — безгрешной и в Нем — Сыне Божиим. Затем, слова Символа веры: «рожденна, не сотворенна» — вводят момент *родильный* в отношении Ипостасей: да и как же иначе, когда это есть глубочайший творческий в мире акт? Все, что лишится его — обеднеет, что его примет — разбогатеет. Г. Мирянин толкает христианство к бедности, не замечая этого, — к бедности и сухости, может быть даже только к узости политического существования (аскетическое папство). В. Р-в.

³ Все это место и вокруг него — указание странностей, как предмет расследования: откуда? что? почему? в какой связи? и в особенности в связи с «браком-таинством»? Но это вовсе не доказательства, как думает г. Мирянин, а то, что нуждается в доказательном оправдании. В. Р-в.

четвертый. Откуда в церкви выработалась и так ясно проявилась лишь только «терпимость» к физической стороне брака, снисхождение к ней, и почему она превозносит такие состояния жизни, которые брачному общению полов не причастны? Как могло возникнуть в *святой* Церкви такое отношение к предмету, если он тоже ¹ свят? Говорят: «догматику писали монахи, песнопения и уставы — тоже». Но ведь эти писания приняты всею Церковью, ибо совпадают по своему смыслу с ее духом. Поэтому личность авторов здесь стусевывается и уже не имеет того значения, как хотят придать ей. Да, наконец, почему же это не монахи не сделали того, что сделано монахами? За 19 веков существования христианства они могли бы выразить немало общецерковных идей. Вопрос в том, *могли ли* они? Ведь, женившийся ² во всяком случае много времени, если не большую часть, уделяет попечению о мирском, а такое дело, как быть выразителем церковного сознания, требует почти исключительного сосредоточения на «Господнем».

Едва ли резонны и ссылки на ветхозаветных супругов. Цель ветхозаветного брака — размножение избранного народа в ожидании ³ пришествия Искупителя. Ради *этого* каждому Израильянину вменялось в нравственный долг производить детей, и потому не было грехом, кроме нескольких жен, иметь еще и наложниц; наоборот, считалось позором отказываться от восстановления потомства своего брата (Второзак. XXV, 5—10). В Ветхом Завете супруги могли соединяться и «не для удовлетворения похоти» (Товит. VIII, 7), ибо самая психология ⁴

---

¹ Ну, а как же заповедь *Божия*: «плодитесь, размножайтесь»... Хочет ли сказать г. *Мирянин*, что, «уж скорее», *Заповедавший* это человеку — *не свят*? Но свят — *Он*, и свята Его *заповедь*, а след., и *дело, исполнения заповеди* — свято же. Очевидно, «психологическая настроенность», переставшая «совмещаться» с этим *делом исполнения Божией заповеди* — не правильна, есть *кажущаяся* святою настроенность; и оттого-то, может быть, она только и совмещается с форменными вещами, «посюсветными». *В. Р-в.*

² Ну, а в Ветхом Завете разве не Божие? Цитирую с радостью: «И пошел Хелкия, священник, и Ахикам, и Ахбор, и Шафон, и Асаия к Олдаме пророчице, жене Шалмуна», *IV Царств*, гл. 22, ст. 14. «И сказал Господь Исаии: выйди ты и сын твой, *Шеарясуф*», *Книга пророка Исаии*, гл. 7, ст. 3. И «я (Исаия) взял себе верных свидетелей: Урия — священника и Захарию, сына Варахиина, — и приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына», *ibid.*, гл. 8, ст. 3. Но ведь во всяком случае, пророки, пророчествовавшие в Израиле, не менее «пеклись о Господнем», чем аскеты, словослагатели новых веков. Тут действительно «разная настроенность», и значит — другой «родитель духа и духовного». Но это углубляет вопрос, а не разрешает недоумение... *В. Р-в.*

³ Спаситель должен был прийти из *одного* рода, *Давидова*, и непременно из колена Иудина: по какому же мотиву размножались, все равномерно, остальные одиннадцать колен израилевых? Обмолвка г. *Мирянина*, показывающая, до чего вообще торопливо были сделаны и без критики приняты крайне упорно держащиеся теперь взгляды. Ибо гипотеза, что плодородие Израиля имело фундаментом мессианские ожидания — распространена. *В. Р-в.*

⁴ Вот это — чрезвычайно важно. Церковные ограничения брака (сейчас) в сущности имеют глубокое основание и истину в себе, *но временную*: мы потеряли психологию полового акта и, имея только грешную его психологию — творим в сущности «мерзость», которой чем количественно меньше (если уж нельзя ее вовсе убить) — тем лучше. Однако, столь же очевидно, и для самой церкви станет убедительно, что как только и если только будет найдена истинная его психология, то расширение брака количественное станет прямо задачей, идеалом, добродетелью. Возьмем пример параллельный и мы не будем удивляться Израиллю: хорошо обучить одного ученика, и только оттого, что это обучение одного ученика есть бесспорное и абсолютное благо, — обучение толпы, целого класса — естественно выше. Вот откуда вышли Соломон и Давид, в толпах дев и женщин: и остались Бого-видцами,

брачных отношений была иная, нам теперь мало понятная. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтает 30-ю главу Книги бытия, а для примера приведу оттуда 3-й стих. Рахиль сказала мужу: «вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее». Явилось христианство и провозгласило, что «хорошо человеку не касаться женщины» (1 Кор. VII, 1), ибо «все, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже... мужского пола, ни женского: ибо все одно во Христе Иисусе» (Галат. III, 27—28) ¹. То, что одушевляло ветхозаветный брак, в Новом Завете упразднилось, и брак, служивший осуществлению мессианской идеи, здесь стал средством для удовлетворения слепого полового влечения и сознания удобств жизни ².

Бого-слушателями, Бого-певцами, Бого-мудрецами. Очевидно, все ограпичения брака у нас проистекают (и правильно) из того, что уже в *единоличном и на всю жизнь одном браке, даже священника* — половой ритм все равно грязен, — не по истине, но по потерянности истины. Теперь я скажу тайну, о которой догадываюсь: каким мы представляем половой акт — *таков он и будет!* И потерять уважение к половому акту — значит вместе разрушить его истинное совершение. Таким образом, тот, кто представляет его себе грешным, и действительно насытит его грехом, а кто представил бы праведным — и сделал бы его праведно. Вот глубокая тайна, что какво о нем представление — такова его сущность, и это в самом деле, в совершении, *in actu!* *Qualis sententia, talis existentia* (Каков образ мыслей, таково и существование — *лат.*). Посему в веках накинуть на него тень — и значило погубить его; потрясли субъект — и потрясся объект! Вся его психология должна быть новою, детски простой, исполненной благодарения, нежности к супругу (супруге) *в особенности после него* (чего не понято в «Крейцеровой сонате» и «Анне Карениной»): никакой психологии «сыт и отвалился», как подло принято у нас. Проходя мимо друг друга, в дневной суете, еще взглянешь в очи друг другу; при недосуге — все-таки пожмешь руку, поднесешь ее к губам. И так дня полтора после — нежишься в особенной радости, становишься гибок и особенно не утомляющимся в работе. Вероятно, всякий знает, что непосредственное его действие, в *ту секунду*, как происходит содрогание, и в *последующие дни*, не имея тесно территориальной ограниченности, расходится по спине, разливается каким-то молоком в груди, действует на голос, чуть-чуть касается шеи и проливает крепость в бедра. Половой акт укрепляет и одновременно это — психическое молоко (мягкость, нежность). Хочется петь, и ко всем хочется быть ласковым; я не расспрашивал, но пишу автобиографически и *при добром на него воззрении*. Может быть, кто-нибудь проверит и внесет поправки, или себе возьмет мое в поправку. Горечь, унижение, стыд в нем (идеи Л. Толстого), вероятно, гангренозно разъедают его; думаю, что гангренозно заражает, разрушает и душу рождаемых детей. В. Р-в.

¹ Ведь это позволительно читать и в обратном смысле: у евреев муж был единственный господин дома своего (имея в руках разводное письмо), жена и дочь — в повиновении ему. На эту почву павшие, или в ответ на запросы этой почвы, сказались слова Апостола Павла: «во Христе Иисусе нет (в разделении и неравенстве) ни мужеск пол, ни женск», т. е.: «*и женский и мужской пол уже уравнились во Христе Иисусе*». Тут нет тенденции разделить мужчину и женщину, но — *паче*, как слитно равных, *соединить*. В. Р-в.

² Ну, ну, договорились! — *развратился* брак, и именно вы-то и ваша тенденция и развратили его! Ибо неужели нужно доказывать, что брак «в видах удобства» не только исчезнет вовсе с появлением хороших *chambres garnies*, «с семейной обстановкой», но и ранее полного исчезновения, в течение промежуточных тысячелетий, будет иногда, при несходстве характеров мужа и жены, «жизнью на двух половинах», *его и ее*, без чего-либо между ними общего, будет браком «с любовниками», когда это «удобно», и непременно с хорошим «придачным» — ибо это всегда удобно. *Мирянин* проговорился: *развратился* брак вот сущность переменны *до и после Р. Х.!* Он еще, точно утешая, прибавляет: «не думайте: теперь брак стал только для удовлетворения слепого полового влечения» (его слова), т. е. он стал... какой-то жеребчатый! Вспомним слова Исаака о потомстве Исава, и вообще нередкие и странные упреки Библии: «у них семя — как у жеребцов!» Да, и это возможно, и в нашей эре *это-то и стало!* Как стали понятны впоследствии оскопляющие усилия церкви: «тише в клетках, звери, *ведь вы уже более не человеки*». Но поразительна настойчивость, и, следовательно, какая-то радость, какое-то *об этом утешение г. Мирянина*: «ну, полноте, теперь это только *экономика и зверство*». Великие глубины перемен мы исследуем, и в путях глубочайшего блуждания и заблуждений ловим человека. В. Р-в.

По крайней мере, обычная цель нашего брака такова. Если же внутренний смысл брачной жизни различен ¹ в Ветхом и Новом Заветах, то, конечно, параллель, проводимая протоиереем У-ским между Моисеем и Ап. Павлом и другими — недоказательна ².

Г. Розанов старается показать, что христианство не только не отвергает плотской стороны в жизни человека, выражением которой является семья, но наоборот: по Евангелию будто бы семья-то и есть истинное и притом единственное воплощение идеала христианской жизни, обуславливающее существование самого христианства: «только этот взгляд», говорит г. Розанов, «вводящий семью ко Христу, спасает от колебаний и даже гибели само христианство». Аскетизм же — «духовное жонглерство» и есть гибель для Христова учения, или, по крайней мере, извращение его.

Что христианство не отвергает семьи — это ясно всякому, читавшему Новый Завет ³, но остальные рассуждения г. Розанова решительно парадоксальны. В самом деле, как примирить с ними хотя бы следующие слова Евангелия: «...есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить — да вместит» (Мф. XIX, 12); «и всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь ⁴ вечную» (Мф. XIX, 29). Этих

---

¹ Нимало он не различен an und für sich, но мы смотрим на него различно и сделали его различным — именно в худшую сторону. Падение пола, decadence sexus'a — вот наименование нашей эры. В. Р-в.

² Вполне остается доказательною an und für sich, каковое мы и открываем. В. Р-в.

³ Да, но очень неясно для всякого, кто читает Ваши перетолкования: неужели *поставить идеал другой, чем семья, в том самом круге, где стоит семья* (пол, жизнь пола) — не значит *низвергнуть* семью? «Первый ряд кресел — для генералов, а вам — галерка». Конечно, и это — относительное «признание», ибо и «с галерки» видно все на сцене; но в первом ряду кресел надо «держаться себя», а в галерке можно никак себя не «вести», а только «пребывать», грызть подсолнухи, толкаться, ссориться: и вот это-то «можно вести себя как угодно» и создало психологию европейской семьи. Если в семье есть лучшие тенденции, — *то они все текут из ее существа, сопротивляющегося религиозной ее постановке, а не из этой религиозной постановки*. Увы, люди еще любят, а не только «ищут удобств» (слова и взгляд на семью г. *Мирянина*), не все смотрят на супружество «как на исход половой похоти» (взгляд его же), и проч. Словом, *еще* есть семья, израильская, эллинская — у нас: но это — тающее явление, и по понятным причинам. Свящ. И. Д. Руднев, письмо коего ниже приводится, раз мне рассказывал: «в четвертой степени родства мы не можем венчать без разрешения архиерея; всегда он разрешает, но нужно ему писать и изложить обстоятельства и особенные побудительные причины». Он улыбнулся: «Ну, конечно — в том побудительная причина, что молодые люди нравятся друг другу, но этого нельзя написать: брак не будет разрешен. И вот сочиняешь: что она бедна, или что — сирота, не имеет за собою присмотра, или что их имения в соседстве». Таким образом *любовь как творческое брака начало* — устранена, и «пусть будет брак, но не на этой почве». В. Р-в.

⁴ Если принять эти слова в толковании г. *Мирянина*, то это открывает только крайне опасный исход: *отделение семьи как уже факта, как реальности, и вечной, нужной, благой* — от христианства. Как не подумал об этом г. *Мирянин*?! Семья хочет быть идеальной, но *не может быть таковой в христианстве*: тогда логика ее — искать просветления вне хр-ва. Здесь она работает на других, трудится — не в собственном идеале: «давайте другое поприще, другое поле, где я не была бы рабыней и повела бы себя по-господски, царски, небесно. У вас я только на земле; нужно выйти из семьи, чтобы приобщиться ангельскому чину (аскеты о себе): я тогда поищу... новых стран, других небес, где я как таковая нашла бы ангельские чувства и состояния». Ее «ангельство» не в круге «скопчества» и прорывается в видения Апокалипсиса: «се творю все новое», «другая земля и новое небо — *а прежнее свилось*», «небесный Иерусалим» сходит на землю», «все — с вайями» (зелень, цветы, расте-

слов совершенно достаточно ¹, чтобы определить состоятельность «новой концепции христианства», поскольку она стремится опереться на Евангелие. Здесь *утверждается*, с одной стороны, духовное скопчество, т. е. добровольное *отречение от брачной жизни*, как *высший идеал*, доступный «могущим вместить»; а с другой, *отрицается необходимость брака и семьи* для спасения человека, следовательно, и вообще для его жизни. Семья, несмотря на высоту и чистоту связей, соединяющих ее членов, все-таки включает в себе элемент эгоистического отграничения («*мои*: жена, сын, брат, а то ²— *чужие*») и потому она не вмещает в себе идеала всеобщего родства в духе слов Спасителя: «кто будет исполнять волю Божию, тот мне брат, и сестра, и мать» (Марка III, 35). Поэтому стремление к осуществлению этого идеала в жизни неминуемо ведет к постепенному уничтожению границы, созданной семьей ³ между «мои» и «чужие». А так как эта граница ⁴ возникает именно в силу *кровности* семейного союза, то ясно, что кровность, возведенная в *принцип* жизни, согласно г. Розанову, будет только препятствовать духовному развитию человека.

Семейные узы важны не сами по себе, а потому, что на почве кровного соединения мы узнаем возвышеннейшее чувство любви,

---

ния), «в белых одеждах» (без страдания), «поют песню новую»; и в основе и центре всего: «и я увидел Престол Небесный... и на престоле и вокруг престола четыре животных, с лицом как бы человеческим, льва, орла и тельца, взывающие: *свят! свят! свят!*» Вообще при этом взгляде начинается поворот к *Апокалипсису* и... вдруг раскрывается смысл его видений, угроз, обещаний, намекаемой там борьбы «двух правд», двух порядков святости. Но этот, делаемый г. Мирянином — очень грозен... В. Р-в.

¹ Какая самоуверенность: да тут-то и *начинается для вас опасность, начало отвержения из идеальных принципов, из-за принципа идеализации* — вас, которые думали и всех уверяли, что принесли на землю полный идеал (закругленный, без разрывов и страшных промежуточных в себе, и умолчаний или сбивчивости вокруг этих промежуточных пустот, разрывов). Некогда воин римский сказал, захватив в руку конец плаща, карфагенским старейшинам: «слушайте, я устал спорить: но в этой руке *paх aut bellum* <мир или война — *лат.*>». Необдуманно те закричали: «война! война! война!» Воин распустил свой плащ, а через полтора века — Карфагена не существовало. В. Р-в.

² Разве же аскеты католические не говорят: «мы *не православные*» и, обратно, не говорим ли мы: «мы — *не католики*». А перекрещивание католиков в средние века у византийцев: «да, они католики, но — не христиане», и только из-за того, что Рим в эти века царствовал, а Византия уже разбилась под турками и раньше под константинопольскими императорами. «Мы — рабы, но зато вы *нехристи*». Да и вообще чувство разделения, «мое» я не «мое», не только существует у «вне семейного идеала», но даже и предсказано «*меч принес и разделение*». Так что этот аргумент против семьи в *смысле ее недостаточной идеальности* — падает. В. Р-в.

³ Да, и ставит другие, строжайшие границы! «Мы — в истине, а вы пойдете — в огонь неугасимый. И опять уже было это предречено: «там будет *огонь неугасимый и скрежет зубовный*», но это «там» очень похоже на «здесь», только через несколько веков наступившее. В. Р-в.

⁴ Зато г. Мирянин выпускает *всю любовь, всю силу сцепления*:

Бывало, в глубокой полуночный час,
Малютки, приду любоваться на вас,
Бывало — люблю вас *крестом* знаменать...

Г. Мирянин вдруг останавливает: «нет, не крестом, это — вовсе, вовсе из другой категории! из противоположной!!» Тогда я говорю: «новые звезды и новое небо». Вот ведь положение вещей. В. Р-в.

источник всякого добра¹. Но это святое чувство возникает и между людьми, не соединенными узами кровного родства². Нужно только стремление³ к этому, нужна внутренняя самодеятельность.

История христианства представляет немало примеров⁴ такой любви, да и что такое сама Церковь, как не союз этой же любви? Следовательно, кровность, даже как условие, не необходима для христианского

¹ И это-то хотите вы украсть? Но настало время схватить вечного татя! «Возвышеннейшее чувство любви, источник всякого добра, вырастает на почве кровного соединения», но его «нужно отречь» (см. его слова выше). Но тоже опять не получают ли тогда поразительно нового смысла слова: «и к концу времен *охладеет в мире любовь*», к тому концу, о коем также изглаговано: «и будет проповедано евангелие во всех странах земли». Т. е. 100% объема неожиданно дадут 0 веса. «Все им насытятся — и тогда-то будут все голодны». «*Вся земля наша, но уже вся — поледенела*». Страшны сии ожидания. В. Р-в.

² О, как мало, о, как редко, а в семье — каждой. Отец протоиерей А. П. У-ский, не друг ли он мне? Лучший. И вот я теряю службу, здоровье. Прихожу к нему: «вот вам комната и радостный стол со мной». Проходит неделя — он еще жив в любви; месяц — жив же. Но, вот проходят многие месяцы, я все ем, все занимаю комнату, и он, мой возлюбленный друг, ставший родным мне по идеям, становится скучен. Это — всемирно, это — так! В отчаянии вы закричите: «как жалок человек, как беден». Но я вас удержу от отчаяния и объясню: «человек был бы жалок и бесконечно слаб, если б не Божие в человеке, и вот это — сильно! Наши споры здесь о религии все-таки — наука, философия, богословствующие партии. Но есть у меня жена: она — небесна, ибо она не устает в трудах и не рвется от забот». Да, жена, и даже (видал я) не жена, а любовница, блудница — десятки лет бережет супруга, да как, да какого: пьяницу, уже старого, уже немощного, сама еще не старая и не безобразная. Да, «отечество» всегда продавалось ради любви, и это — хорошо: «хотят штурмовать их город, а там — мой возлюбленный; предупрежу их город, чтобы не удался штурм и не убили моего возлюбленного». И хорошо, что так. Все — осколками у ног любви; и без всего человек проживет, а без любовности он сейчас бы умер. В. Р-в.

³ Да, стремление, усилие, и вот тут-то и «рвется». А в супружестве (или даже в любовничестве)... никакого усилия! Чем больше — тем легче... «Нравится мне сапоги с тебя снять», «вымыть тебе ноги»; или как поется в смешной одной чиновнической песенке, какую слышал я лет восьми, в детстве, потом никогда не слышал, но запомнил:

Обложила его ватой
Напоила его мятой.

Это жена так отхаживает простудившегося своего мужа. Помню только конец:

На другой день у сердечного
Вон душа из тела грешного.

В городе Белом я гулял раз с женой на кладбище (единственное было место прогулок, заменявшее для горожан «сквэр»): посмотрим — могила свежая, и ревет над нею баба. — «Кто ты?» — «Акулина». — «Что ты реवेशь?» — «Да вот схоронили моего». — «Мужа?» — «Какой муж — я любовница была». Мы сконфузились, т. е. за ее положение. «Ну?» — «Завтра выгонят». — «Кого выгонят?» — «Меня выгонят. Я любовница была». — «Да подожди, не реви: откуда тебя выгонят?» — «А как же, он хороший был человек, с достатком, и дом. Из дома выгонят». В параллель я не могу не припомнить трогательного (и как-то картинного: она опиралась на стоящее близ могилы дерево и заплакала как-то ужасно горько, горько) плача тоже любовницы О. И. К-ца. Прекрасная эта женщина, из благородного иностранного семейства, согрела судьбу и жизнь брошенного своею женою русского чиновника. У них осталось трое детей; она — без средств и имени (т. е. фактического мужа). Мы, чиновники, так всеобщее его любили, что устроили по подписке маленькую ей пенсию. Чтобы вернуть имя отца (он был и писатель) детям, она через год вышла (фиктивно, только обвенчавшись) за брата покойного мужа (любовника), совершенного старика. Сама она была лет 32 и прекрасна. Старик занимал какое-то провизорское место. Вот пример глубокого, «до положения риз», самоотвержения. Лет 8 она грела около себя всеми брошенного человека; умер он — и она умерла (как человек и женщина) для его детей. Даже в истории, полной великого, я не знаю примеров высшего самоотречения. В. Р-в.

⁴ Да, только «примеров», т. е. «там и здесь», «точки», «иногда». А любовь семейная — сплошной лист, где вражда есть, но как «точки», «примеры». Большая разница в пространстве и склонности, в *обыкновенности*. Семейные любовь и самоотвержение — *легки и обыденны*, а любовь, которую вы взамен обещаете — трудна и исключительна, *п. ч. немножко не естественна*. В. Р-в.

развития человека. Поэтому не «семья спасает от гибели христианство», а христианство возвышает и облагораживает семейный союз¹. Лишите семью христианской основы, и она превратится в сожительство самца, самки и их детенышей². Не из семьи возникло христианство. Первые проповедники его «оставили все» (Мф. XIX, 27) и пошли за Христом. Некоторых Он Сам призывал ради Него оставить кровные узы. «А другому сказал: следуй за Мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить *отца* моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благоветствуй Царствие Божие» (Лук. IX, 59—60, см. еще Мф. IV, 22). Не семьей живо христианство и доселе. Сказавший «создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 18), сказал еще: «дана Мне всякая власть на небе и на земле: идите научите все народы... и се Я с вами во *все дни* до скончания века» (Мф. XXVIII, 18—20). С того времени Божественная Личность Его неотразимо влекла и влечет к себе³ каждого ищущего в жизни света и истины. Вот где лежит основание поразительной жизненности христианства. «Христос моя сила...» поет церковь, и напрасно г. Розанов думает видеть эту силу в плотском союзе людей.

Итак, если семейная жизнь сама по себе не имеет безусловного значения для христианина, то, конечно, нельзя оправдать несколько презрительного отношения г. Розанова к монашеству. Неосновательность принципиальной стороны такого отношения достаточно выяснилась уже из приведенных выше слов Евангелия о духовном скопчестве ради Царствия Божия (Мф. XIX, 13), учения Ап. Павла о девстве

---

¹ А у греков и римлян, а у евреев? Да вы совсем забыли историю, и вам нужно напомнить примеры Дамайянти, Пенелопы, Андромахи, Руфи. В. Р-в.

² Неожиданно! — да не вы ли сами выше утверждали, что в Новом Завете брак, прежде служивший осуществлению мессианского идеала, — стал «средством для удовлетворения слепого полового влечения и создания удобства жизни». В. Р-в.

³ Действительно, *единственный мотив жизни в христианстве* (при заглохших крови и семени) — *Лик Христов*. «Спаситель, Спаситель, чиста моя вера» (Кольцов) и вещее продолжение: «Но, Боже — и вере могила страшна!» Только Лик Христов, и — точка. Звезда — но на фоне беспросветной темноты. Ночь без звезд и одна звезда. Звезда эта — темный лик в углу комнаты. Мерцание лампы. Вращаю глаза туда: «Боже, буди милостив мне грешному» — и ничего больше, ни царств, ни богов, ни игр: все это стало по Р. Х. смешно, жалко, декадентно. Все померкло в темных лучах нового сияния. О, «Христов дух» — вовсе, вовсе новый, небывалый, неслыханный, неожиданный на земле; прямо «новое откровение»! Еще раскрылось небо, после Ветхого, после обрезания — и новый совсем голос послышался оттуда. И вдруг не стали мне нужны царство, боги, игры. Состроган гроб. «Куда ты смотришь, старче?» — «В гроб». — «И?...» Но нет «и» соединительного, другого: конец, пришло окончательное и оконченное. Еще ждать только «трубы» и «воскресения» и «Страшного Суда». Длющаяся история Европы — перерыв, временное отложение, непослушание Христу, беспорядок и анархия в планах; стадо человеческое взбунтовалось и поломало загородки, как бык, как сила, как нелепость: на самом деле между Христом и «воскресением костей» ничего нет и не предполагалось. Мы устроили прогресс, вывернувшись из-под «Суда» тем, что развернули «Христово» — в «христианскую историю», и тем не только увернулись из-под Христа, но и пошли против самой главной Его мысли. Тут-то, пожалуй, «монахи» и объяснимы: «вовсе нет! никакой истории!! вы ничего не поняли!!! Между Христом и Судом — никакого не лежит времени и пространства». Мальчишки спрятали розги, но может быть монахи правда не ошибаются, грозя из пещер: «все равно — будете выпороты», «через тысячу лет, через хилиазм». Мы немножко бредим, но это — материи, где только бредя — «наброедаешь» на истину. В. Р-в.

и супружестве (1 Кор. VII); о значении пола в христианстве (Галат. III, 27—28) и пр. Но г. Розанов не прав, так сказать, и *in concreto*. Он за «ядениями», «питиями» и «глаголениями» (!) упустил из виду самое главное: именно, внутреннюю жизнь монашества и внешние условия ее. Прекрасный очерк того и другого дал покойный Архиепископ Никанор Одесский в своей статье «Из истории ученого монашества шестидесятих годов» («Русское Обозрение», 1896 г. кн. 1—3). Беру для примера следующие выдержки. «Когда случится горе с мирским человеком, он разделит его с родителями, женой, детьми, близкими родными, друзьями, развеет горе по ветру разными развлечениями, переменит карьеру, род службы, род занятий; не переменит, так потешится надеждою, что может переменить. Кроме того, всякому в жизни приходится разделить данную ему долю способности страдать на близкие существа, на жену, детей, родных, друзей¹, — где тут иному думать о себе, о своем личном страдании? В миру, даже при существовании многих из упомянутых условий, например, возможности искать забвения горя в развлечениях, при существовании свободы в выборе службы и занятий и т. д., наибольшие страдальцы — это люди одинокие, бездомные холостяки, бобыли, грубейшие эгоисты. Они-то и дают наибольший контингент самоубийц. Возьмем же теперь монаха. У него все исключительно, все доведено до крайности. Кроме Бога, утешить его в беде некому. Вблизи его нет ни родителей, ни родных, ни, всего чаще — друзей, ни одной истинно близкой души. Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имеется, неудобно, не пристало; более пристало молча сжать зубы, лежа на диване, пусть лучше горе выльется в этой крови, которая течет горлом из здоровой по натуре груди². А мать, которой ни слова не говорят, пусть там молится, коли хочет, и в молитве ищет себе утешения, а изнывающему сыну — помощи³. Разделить свое горе ему позволительно разве со своею подушкой или с рукавом подрясника, в который уже никто и ничто не возбраняет вылить слез, сколько ему угодно; целую пучину. Это Давидово: *слезами моими постелю мою омочу*. Развлечений никаких, кроме дела, которое дали, его не спросясь⁴, а теперь

¹ Как это прекрасно; чуть не сказал: «как по-христиански вне христианства». Да, в суете земной позабыл «темный лик в углу», и вдруг — друзья, жена, дети. «Тебе тяжела ноша, давай понесем вместе». И всерьез смеются, весело. — «Тебе легко, а нам легко оттого, что тебе легко». — «Погодите», говорю я, «не то»... И вспомнил Лик в углу, и когда вспомнил, то стали мертветь «друзья», «дети», «жена», и как будто пар и туман вместо людей, и вот рассеялся вовсе. Теперь я один и ужасно кричу, ноша совсем меня придавила. *Мирянин* говорит: «это-то и хорошо, но еще недостаточно: надо вовсе умереть». И тут опять понятно: «Егда возпесусь (на крест) — всех увлеку за Собою»; «будете со Мною — на кресте и в распятии». Но из этих идей г. Мирянина выходит, незаметно для него, то же... совершенно, совершенно «новая концепция христианства»! Сколько же еще сокрыто в нем и какие бездны из глубины его мерцают... *В. Р-в.*

² Здесь архиеп. Никанор, в прекрасных и замечательных своих записках, намекает на Иоанна еп. Смоленского, знаменитого нашего канониста. *В. Р-в.*

³ Какой пессимизм, какой мировой пессимизм! Но где же тогда: «Иго Мое — легко, и бремя Мое — благо»? Очевидно, монашество все-таки не угадало *этого идеала Христового*, выхода — в легкость, воздушность, «лилии полевые и птицы небесные», которым уж, конечно, «легко», ибо они — без одежд, стыда и еще не согрешили! Сколько бездн, сколько бездн для размышления! для угадывания возможностей, для объяснения судеб! *В. Р-в.*

⁴ Какая пассивность. *Cadaver*. — «*Cadaver esto*» (Труп. «Трупом будешь» — *лат.*),

отнимают, опять же у него не спросясь ¹, — дела только по службе, которая ускользает из-под ног. Иную службу, иную карьеру избрать себе он не волен».

«Вот ударили монаха по нем самом ², — и вся сила страдания, какая только дана ему от природы, кидается на этот один его чувствилищный центр, на него самого, и приливом болезни к одному жизненному пункту поражает его жестоко, иногда прямо насмерть. Это и есть монашеское *самоболение*»...

...«И блажен тот из черной братии, кто силен, кто приобрел от юности навык, кого Бог не оставил благодетельным даром духовного искусства, а ангел-хранитель неотступностью своих внушений опереться в тяжелую минуту, в годину искушения, на веру и молитву, опереться на Бога и Церковь, опереться даже без веры и надежды ³ на стену церковную. Я употребляю слова выболенные, да!»

...«Я знаю монаха, который от боли души не спал четырнадцать дней и ночей ⁴. Это чудо, но верно... Я знал монаха, превосходнейшего человека, который, страдая собственно болями ума, выразился так: «право, подчас становится понятен Иван Иванович Лобовников» (самоубийца-профессор). Иначе сказать, понятна логика самоубийства. Да, понятна»...

«А многие ли между светскими, а кто из них мучится в душе прирожденными ей усилиями помирить злую необходимость, явно царящую везде и над всем, от беспредельности звездных миров и до ничтожной песчинки — человека, с царством благой свободы, которую человек, волей-неволей, силится перенести из центра своего духа за пределы бесконечной вселенной и посадить на Престол Вечности, для которой царствующий всюду злой рок служит только послушным орудием и покорным подножием? А христианский мыслитель, вроде ученого монаха,

---

кричали и иезуиты; «посох в руке несущего!» Да уж не угадали ли они (иезуиты) какой-то истины, когда о них думали, что они только анекдотами занимались?! В. Р-в.

¹ Опять «не спросясь»... А сколько тут жажды — власти! «Папа может разрешить и бывали факты, что разрешал брак сына и матери», сказал мне весьма ученый М.П. С-в. «Но если Он не разрешил брака Ромео и Юлии — и те все же *без спроса побрачились*, Он раздавит их громом. Страшен он и, пожалуй — Он... «Ты еси Петр — *паци овцы Мои*»... В. Р-в.

² Как это страшно в устах епископа: «И мы биенны», «со Христом». Да. Но когда «все к Нему будут вознесены», то вот в эту-то сладостнейшую секунду обратного вознесения и явимся мы, и «произведем с Ним Страшный Суд». Почему «Страшный», а не «Милостивый»? — «Насколько биены были; и даже собственно мы для того и биены были, чтобы потом вам было до чрезвычайности, до ужаса страшно, что вы били своих Последних Судей. Вы будете умирать еще подходя к Суду, просто — сердце будет останавливаться от страха, и станете падать мертвыми. Но Он вас воскресит вторым воскресением: так что и смерть не поможет». — Горы, падите на нас, холмы — покройте нас. В. Р-в.

³ Ужасно, ужасно. Как велик еп. Никанор в этих признаниях. Какой это исторический документ. В. Р-в.

⁴ Лют был монах. Автор везде говорит о *горечах, обидах аскету, служебных, должностных*, и привел и этот пример 14 ночей без сна, очевидно, на ту же тему. Но... кто из нас, мирян, как бы ни был обижен, останется без сна, в кипении мысли — 14 ночей! «Побей, побей: это даже сладко, ибо Последний Суд — мне». В четырнадцать ночей, бесспорно, у него в сердце и кипел «огонь неугасимый», где сгорали обидевшие его «грешники». В. Р-в.

пред неприступностью этих вопросов или падает в изнеможении и, разорвав ярмо веры, закусив удила¹, неистово бежит к гибели, как бы гонимый роком; или, переживая страшные, неведомые другим, томления духа, верный завету крещения и символу спасающей веры, верный иноческому обету и священнической присяге, с душой, иногда прискорбной даже до смерти, припадая лицом и духом долу, молится евангельскою символическою и общечеловеческою молитвою: *верую, Господи, помози моему неверию*² и, поддерживаемый Божиею благодатию, хотя и малу имат силу, соблюдает слово Христово и не отвергается имени Христова и пребывает верен возложенной на него борьбе даже до смерти. Вот что я называю мировой скорбью нашей эпохи, и вот почему называю ученых монахов первыми носителями этой мировой скорби».

Так говорит о монашестве человек, прошедший в этом чине большую половину своей жизни.

Мне кажется, приведенные слова его приложимы вообще к монашеству, а не только к монашеству 60-х годов, потому что, с одной стороны, едва ли в первые века его истории природа личности была иная, чем теперь, а с другой — христианство всегда, с самого появления было для мира «юродством», «соблазном» и «безумием» (1 Кор. 1, 18, 23) и слова Спасителя: «Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира» (Ин. 17, 14), относящиеся вообще к христианам, — к монахам, конечно, приложимы тем более. Следовательно, условия для возникновения тяжелой внутренней борьбы и страдания были всегда. Всегда жизнь истинного монаха была и есть подвиг высокий и трудный, подвиг «сораспятия Христу» (Галат. 2, 19), «Голгофа» в большей степени, чем для немонашествующего христианина.

Я согласен с г. Розановым, что «Голгофу» несет *порою* (курсив мой) на себе»³ и семейный человек. Но разница здесь та, что он вступает в брак совсем не ради подвига, а ради *своего* счастья и благополучия; монаху же заповедуеться прежде всего забыть о себе, а взять крест свой и идти на борьбу за Христово учение (см. Апостол и Евангелие на пострижение монахов: Ефес. 6, 10—17; Мф. 10, 37—42).

В заключение хотелось бы мне сказать несколько слов по поводу своеобразного отношения г. Розанова к священному тексту, как основанию для построения своей теории. Г. Розанов пишет:

«Везде Он (Христос) брал людей в кровном соединении и нигде ни разу не разорвал кровей их... В этом и только в этом освещении понятны, законны

---

¹ Какая психология! О, Вольтеры, Штраусы, *букво-еды* отрицания — мальчишки перед этими тайнами монашеских келий; где *все, все* наши сомнения *есть*, но в огненном пламени скованной мысли и сердца. «Скованный Прометей» — да, вот им наименование. Но кто этого Прометея раскует, тот выпустит огонь на мир. В. Р-в.

² Какие признания! По «краю бездны» бродим... В. Р-в.

³ Чуть ли автор не ошибается, воображая, что я хвалю Голгофу *невольной жертвы* (Лаврецкий — в отношении к жене, Каренин — то же) и вообще горечь и уныние *навязанную*, более всего консисторским уставом. Ни малой мысли о славе этих терновых венцов не имею. Но Голгофа — у супруги покойного Бухарева; вообще *Голгофа любви*, добровольная, с жаждой разделить позор и унижение, но *непременно любимого человека*. В. Р-в.

и радостны становятся его беседы с пятимужнею Самарянкой (см. Иоан. IV, 18), прощение грешницы... И опять только в этом освещении понятны и законны станут некоторые Его слова: «блудницы и мытари вперед вас внидут в царство небесное», «потерявший душу свою — сбережет ее», а «сберегающий — потеряет», *то есть* (курсив мой) не говори, как скупец (и скопец), «дух», «дух мой», «тебя разыскую»: но «вызыскай ближнего» даже ценою потери этого «духа», и вот тут-то, когда ты думаешь, что «потерял» его — ты и «обретаешь» его, даже сторицею, как бы выколосившееся зерно».

Таким образом, начало собственно плоти и плотского человека к человеку прилепления не только не враждебно Христу, но, можно сказать, что в эту слепленность людскую Христос и вошел, как в сень свою, везде беря человека не в сиянии одежд его, не в украшениях гроба, но в радости семейного очага, у колыбели».

Вот пример толкования св. текста г. Розановым. Но посмотрим, как приведенные выше слова стоят в Евангелии и в контексте... «Мытари и блудницы вперед вас (т. е. первосвященников и старейшин) идут в Царствие Божие, *ибо* пришел к вам Иоанн путем праведности, и *вы не поверили ему*, а мытари и блудницы *поверили ему...*» (Мф. XXI, 31—32). Второй из приведенных текстов в Евангелии стоит так: «сберегший душу свою — потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня — сбережет ее...» (Мф. 10, 39; Мр. 8, 35; Лук. 9, 24). «*Ибо* какая польза человеку, если он *приобретет* весь мир, а *душе* своей *повредит?*» (Мр. 8, 36; Лук. 9, 25).

Здесь противоплагаются два духовные состояния человека: с одной стороны, *прилепление к миру*, считаемое обыкновенно у людей за «сбережение души» (в смысле земного благополучия), а с другой — *самоотвержение ради Христа* и Евангелия. Первое — причина духовной гибели, второе — источник жизни. Спрашивается, при чем здесь «кровное соединение» и что оно «освещает» в обоих приведенных местах Евангелия? При чем здесь «плотское человека к человеку прилепление», когда здесь идет речь об общем характере, содержании, направлении внутренней жизни человека? По-видимому, г. Розанов взял эти слова Евангелия на авось, не справившись с контекстом. Поэтому и вышло у него, что не теория подтверждается текстами и вытекает из них, а тексты истолковываются согласно требованию теории, хотя и в ущерб их действительному смыслу; но хуже всего, что в тех случаях, когда учение Нового Завета противоречит его теории, г. Розанов не останавливается пред сомнением в подлинности и авторитетности священного текста. Так, он продолжает вышеприведенную тираду:

«Против этого общего колорита Евангелий и Лица Христова совершенно бессильны бегучие (?), и, может быть, апокрифические привески вроде «лучше не жениться», «дай деву в брак — хорошо поступает, а не дай — лучше поступает», где так ясно человеческое колебание или человеческая (двоящаяся в незнании) ограниченность».

Но, во-первых, подлинность первого послания к Коринфянам, откуда взяты цитируемые (неточно) г. Розановым слова, есть факт бесспорный; во-вторых, Апостол Павел совершенно определенно говорит, что девство *лучше* супружества, духовнее его; и в-третьих, такое учение,

хотя и косвенно, излагается и в других посланиях Апостола, напр. к Галатам 3, 27—28; к Тимофею в 1 посл. 3, 2 («епископ должен быть... одной жены муж», диакон — тоже (ст. 12); 5, 9, 11—15; к Титу 1, 7, 4); учение Ап. Павла по смыслу согласуется с Евангельским (Мф. XIX, 12, 29 и др.). Следовательно, не может быть речи ни об «апокрифических привесках», ни о колебании и незнании. Этим, думаю, устраняется и упрек в «эклектизме», выражаемый г. Розановым Церкви за ее отношение к браку.

Мирянин.

3) *Ad hominem*¹

В двух статьях, посвященных *прот. А. У-ским* и г. Мирянином в №№ 24 и 25 «Русского Труда» критике «религии брака» г. Розанова, речь идет также отчасти и обо мне. Долгом считаю оттолкнуть кое-какие недоразумения. Очень немного строк позволю себе посвятить прежде всего г. Мирянину; несколько более пространных соображений будут мною повергнуты на благоусмотрение достоуважаемого о. протоиерея.

Г. Мирянин удивляется и даже, может быть, негодует за выражение «*кощунство*», коим я определил модную, кажется, ныне проповедь об отношениях мужа к жене, как к *сестре*. Я охотно готов отказаться от названного термина, но, по совести, не могу отказаться от очень определенной мысли, с этим термином пусть и неудачно мною связанной. Есть что-то *гнуемое*, противоестественное в отношениях мужа к жене, как к сестре — вот что я думаю, и это я хотел сказать. «Если муж любит свою жену в духе любви Христа к женщине», говорит г. Мирянин, «то едва ли у него появится аппетит». Не понимаю. Но ведь в духе любви Христа к женщине мы любим, должны любить *всех* женщин, в чем же должно заключаться то особое отношение вот к этой *единой* между всеми женщине, которую я зову не женщиною вообще, не сестрою о Христе, но именно *женою*? Христос не был женат, поэтому выражение: «в духе любви Христа к женщине» вообще мало уясняет дело. Ссылка, сделанная там же на Апостола (Ефес. 5, 25) — и того менее. Это именно то место, которое положено читать во время чина венчания, каковое таинство, как известно, не исключает мысли о чадородии, и следовательно также об «аппетите», ибо кроме Единого, бессеменно родившегося, все ведь рождаются от «похотя мужския»... Почтенный автор показал в своей статье солидную, по-видимому, начитанность в Священном Писании; как не пришло ему в голову остановиться на следующем месте Апостола:

«Дух же ясно говорит, что в последнее время отступят некоторые от веры, *внимая духам обольстительным* и учениям бесовским, *чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак* и употреблять в пищу (это сопоставление *пищи* и брака не оставляет сомнения, о какой стороне супружеских отношений говорит

¹ К человеку, субъективно (*лат.*).

Апостол; это, конечно, сторона *животная*, «аппетит», против которого уже в то время восставали лицемерные лжесловесники, сожженные в совести своей) то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением; ибо всякое творение Божие хорошо, и *ничто не предосудительно*, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою» (1 Тим. IV, 1—5).

Позволительно думать, что, вспомнив об этих ясных словах св. Апостола Павла, г. *Мирянин* воздержался бы от аргументации, которою он полагает ниспровергнуть силу моего напоминания, что и святейшее таинство евхаристии неотделимо от грубого физического акта... Да, но «там-де особая духовная радость». Совершенно верно; но ведь все усилия г. *Розанова* направлены к тому, чтобы доказать — что *радость*, о Господе радость, не невозможна и в супружестве. Мы едим, и по слову Апостола — благодарим Господа. Муж, по теории г. *Розанова*, прилепляется к жене — и тоже благодарит Господа. Мне не нравятся *крайности* г. *Розанова*, увлечение его, в силу коего можно думать, что он придает какое-то *спасающее* значение половому акту, видит в нем чуть ли не подвиг, жертвоприношение; но, пока он стоит на почве только *радования о Господе* — я глубочайшим образом сомневаюсь, чтобы кто-нибудь решился на попытку опровергнуть его на основании Священного Писания и Предания. Задача слишком неблагодарная... Ты ешь — и благодаришь Господа; смешно, конечно, видеть в этом акте подвиг, но безумие — и греховное нечто, противное Христовым заповедям здесь искать. Так и в другом радовании, по преимуществу защищаемом г. *Розановым* от новоявленных бракоборов, опирающихся на общераспространенное чувство гадливости по отношению к половому акту... Скажу к слову, что в этом последнем отношении г. *Розанов*, по-моему, глубоко прав. Я готов признать за ним несомненную заслугу в том, что он из потемок фарисейских недосказанностей и мрака глубоко лицемерной конфузливости смело извлек наружу и открыто поставил на обсуждение каждого честного сознания вопрос: «да в чем же *мерзость* половых отношений? откуда это чувство *гадливости*? каковы для него основания психологические, исторические, религиозные? Не привито ли *искусственно* современному человечеству это брезгливое отношение к полу?» Пусть на дальнейшем он, может быть, сбивается, но вопрос поставлен так, что отвертеться от него при помощи старых фарисейских уловок вряд ли придется...

Возвращаясь к вопросу об отношении мужа к жене, как к *сестре*. Как же осуществить на практике этот новый вид сожития? Заранее, что ли, условиться с девушкой-невестой? Такой заблаговременный «контракт» не представлял бы ничего неудобного? Ни в ком не возбудил бы чувства отвращения? Чудесно! Но тогда непонятно, зачем жениться, к чему выходить замуж?! Не проще ли, не естественнее ли, не нравственнее ли и не вводить «сестру о Христе» в свой дом? Или новая форма сожития должна осуществиться *потом*, когда розы и шипы супружеских отношений будут достаточно изведаны тою и другою стороною? Притом, как?

С обоюдного согласия, конечно? Вопрос в таком виде не представлял бы никакого интереса; о чем только не могут сговориться муж и жена! Их дело. И ничего принципиального тут нет. Но вот случай: один супруг *хочет*, другая сторона говорит: — *нет*? Если на вулкане семейных несогласий указанного рода появится любовник или любовница — что скажем мы? Да в девяти десятых случаях адюльтеров не так ли действительно и бывает? Разумеется, в иной мотивировке; разность лет и истекающая немощь, разность темперамента, роковой физической закон, в силу коего женщина старится *скорее* мужчины, не говоря уже о тысяче женских болезней, очень, очень иногда рано оставляющих жену, так сказать, за флагом... Наконец, не невозможно покорное преклонение одного из супругов перед волею другого. «Нет, так и нет! на все Божья воля». Такой случай был описан в газетах. Какой-то мудрец начитался Толстого и решился превратиться из супруга в «брата». Лев Николаевич шлет поздравление, благодарит. Отвечает жена. В невыразимо трогательном по изложению письме она исповедует свою *старую* смиренную веру, что в браке, в супружеских отношениях скверны нет. Она хотела бы, чтобы муж любил ее и плотски... Она счастлива была бы иметь детей... Толстой, по свидетельству очевидца, *заплакал* над этим письмом. Как непонятны эти слезы! До чего бесконечна *гнушность* нового учения, так лицемерного и так жестокого! А гнушение вблизи и вокруг того, что во всяком случае проходит через таинство, освящается словом Божиим и молитвою, — как назвать? Я ничего не имею сказать более г. *Мирянину*.

* * *

Каприз пера подсказывает мне такую архитектурную схему: вывести *на лицо* флигелек, так пустячок, о двух-трех клетушках, а сзади, во дворе — пять-шесть этажей, «со всеми удобствами...». Почему нет? Шаблон говорит: «нельзя-с!»? — канцелярская рутинка упадет в обморок, глупо раскроет рот перед таким нарушением «образцов и форм...».

Но какое нам дело до шаблонов рутины, до канцелярской мертвечины? Вот если бы *здравый смысл*, эстетическая *совесть*, ну, скажем, гигиена, соображения экономии наконец, говорили: «нет!»! А, тогда другое дело! Но увидеть хорошо разбитую улицу с такими барскими коттэджами, а для менее состоятельных дать много воздуха, света, удлинить для их глаз перспективу — да провались несчастье нашей жизни, воплощаемое этою всемертвляющею рутиною!!

Итак, вы позволите? Вот тема, вот флигелек «на лицо»:

— Женат? — вопрошает досточтимый отец протоиерей *А. У-ский* (см. № 24 «Русского Труда»).

Отвечаю: — женат.

— Чину венчания внимал?

— Внимал, батюшка.

— Требник читал?

— Да.

Теперь забудем тьму вопросов. Перелистуем быстро несколько страниц «Книги бытия моего» и остановимся на той, где можно рассмотреть какую-то преждевременную морщинку, какую-то странную складочку на сердце, слишком молодом, чтобы быть ему так озабоченным... Чем? Каким-нибудь горем? Может быть, нежданно-негаданно разверзшеюся могилою на жизненном пути, очень, может быть, близкою, очень дорогою могилою? Это, конечно, не представляет никакого интереса, но в целях дальнейшего небесполезно легким абрисом наметить известное настроение... На почве именно подобных душевных кризисов нередко происходит перелом в нашем духовном мире; очень часто смутные задатки *чего-то*, заложенные с детства, получают толчок, пробуждаются, лихорадочно тянутся к какому-нибудь твердому устою отселе более или менее *сознательной* веры...

Так вот, на этой странице «Книги бытия моего» произошло не очень значительное событие в губернском городе К. В местный собор был назначен новый протодиакон. Об этом событии оповестила публику местная газета *инородческого* духа, для коей появление нового протодиакона в соборе бесконечно менее значило, чем появление, напр., какой-нибудь новой *акции* на бирже. Уже это одно для постоянного читателя газетки казалось несколько странным, но была и еще капелька яда в *entrefilet*¹ газетной хроники. Новый протодиакон обладал будто бы феноменальным голосом, он способен-де перекричать «красный звон» колоколов, заглушить пушечные выстрелы, сконфузить рев океана... В преувеличенности похвал *инородческого* листка чувствовалось какое-то предательство. Не было ли оно замышлено *местным* кандидатом на должность соборного протодиакона, должность, замещенную каким-то *приезжим*? Это очень возможно, это почти наверное так. На другой же день иудино лобзание *инородческого* листка было опровергнуто в другой газете «чисто русского, отечественного направления». Тон и языком *благостным* именно в такой мере, чтобы дать почувствовать участие в этой маленькой полемике если не митры самого его преосвященства, то во всяком случае внушительного посоха отца настоятеля собора, человека характера властного и крутого, да к тому же и председателя духовной консистории, давалось ясно понять, что приезжего в обиду не дадут. Иначе говоря, *ad hominem* категорически приглашали недовольного *местного* кандидата положить ручки на брюшко и сидеть смиренно... Известно, что в провинции (по крайней мере в прежнее время) *между строк* читали гораздо более, чем в столице, и таким образом, совершенно случайно в публике пробужден был интерес. Нужно пойти в собор...

Как сейчас помню: дело было в *неделю о блудном сыне*. Служение происходило в теплой, зимней церкви. Помещение очень большое, но потолок гладкий, как в комнате, и резонанс убийственный. К тому же служение шло *не* архиерейское, значит на протодиаконе лежала двойная

---

¹ заметка (*фр.*).

работа. Тотчас после евангелия — эктению и пр. Церковь битком набита, притом «чистою» публикою, очевидно, привлеченною в храм Божий, как на своего рода зрелище, газетною полемикою... Вот при каких условиях пришлось *дебютировать* отцу протодиакону ***.

Глухо, почти неслышно начал он: «Рече Господь притчу сию: человек некий име два сына...» Эге! Да *басов*-то у него совсем нет! Это хорошо знал *второй* соборный диакон и не преминул «подставить товарищу ножку»: он дал «*вонмем*» настолько низко, что протодиакон не мог его *покрыть* или только с большим трудом, явно не в диапазоне своего голоса, мог вытянуть первые девять слов в том же тоне. Но торжество диакона № 2 и «*иже с ним*» продолжалось ровно столько, сколько требовалось времени, чтобы протяжно прочесть эти девять слов. Далее текст дает чтецу естественный мостик на словах: «и рече юнейший его отцу», откуда можно перейти на более *высокий тон*, чем блистательно и воспользовался отец ***. От слов «Отче, даждь ми достойную часть имения» — каждый звук отчетливо слышался в самом отдаленном углу церкви. Но нужно хорошо вникнуть в технику дела. Чтение, о коем идет речь, одно из длиннейших в году. Поэтому диакон, *который уважает себя*, должен соразмерять средства своего голоса так, чтобы кульминационное *fortissimo* его предельных нот совпадало с концом евангельского чтения. Вот почему отец *** не мог тотчас показать красоту своего голоса. Некоторое время он должен был еще вращаться в *низах*, чуждых *basso cantante*¹ баритонального характера. Он читал *интересно*, т. е. с поразительною ясностью, отчетливостью, с удивительным умением делать переливы голосом именно так, как требовал смысл читаемого, но в этом чтении не было *блеска*. Впрочем, этот несколько *тусклый* характер чтения удивительно соответствовал состоянию блудного сына.

В глуши, во мраке заточенья,
Тянулись грустно дни мои,
Без Божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви...

Драматическое движение начинается после слов: «и восстав иде ко отцу своему». Именно отсюда, именно со слов: «еще же ему далече сущу», отец *** выходил на *свою дорогу*: это рыба, возвращенная в родную стихию, это птица, выпущенная из клетки в беспредельный простор небесной лазури. Он значительно ускорил темп, хотя ни на одну иоту ничего не упустил в смысле ясности, выразительности и *осмысленности* чтения. Восхитительно разливался по церкви дивный металл этого голоса, молодого, сильного, а главное — и это всеми тотчас почувствовалось — страшно уверенного в себе, *артистически* владеющего и собою, и слушателями. Неподражаемо было передано *психологическое allegro* следующего места: «Рече же отец к рабам своим: изнесите одежду первую и облечыте его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозе.

¹ певучий бас (*ит.*).

И приведше телец упитанный — заколите, и ядше — веселимся»... Вообще, я должен заметить, что, по моим убеждениям, во всей всемирной литературе не существует шедевра более совершенного, более гениального *по форме*, как притча о блудном сыне, т. е. стихи 11—32 главы 15 Евангелия от Луки. Я дерзаю для уяснения моей мысли применить *человеческую мерку* к странице, признаваемой мною за откровение *сверхчеловеческое*. Веруя и исповедуя *божественное* происхождение животворящего Духа, я лишь по отношению к *букве*, к материальной оболочке Духа, дерзаю применить несколько соображений чисто земной, человеческой критики, и с этой точки зрения осмеливаюсь находить, что указанный мною шедевр велик, недостижим потому, что он в дивном созвучии примиряет, синтетически слагает *два мира, две культуры, две, выражусь так, психологии*: Семит и Ариец должны, как мне кажется, с абсолютною одинаковостью чувствовать эту *единственную* страницу. Да, вот хотя бы приведенное место. Какой Еврей не узнает тут настроение Авраама, Исаака, Иакова с их тучными пастбищами, с их множеством скота, волов, козлят, овец, всей этой *полной чаши*, всего этого земного благополучия вокруг дома, на коем почил мир Божий, в атмосфере семьи, в благоухании жизни, расцвеченной сознанием, что она действительно — дар Божий, что она прекрасна, что праведно и хорошо *насыщаться* ею и, насытившись вдоволь, опочить в старости доброй, маститой, уйти из нее, как бы из пира, который нас чуть-чуть утомил, погрузил в сладостную дремоту, чуждую тревоги, озабоченности... Да что же далее? Что там? Хуже? Еще и этого лучше? Но сердце уже преисполнено какого-то умиренного восторга и благодарности: «Господи! до чего хорошо! Да будет имя Твое благословенно от века и до века!»

Теперь возьмем Арийца, Христианина. Не первое ли, что придет ему в голову при этом образе тельца упитанного, образе, обвеянном каким-то колоритом праздничной *душевной легкости*, — это наша святая, вечно милая, вечно дорогая православная Пасха? «Изнесите одежду первую...» Христос Воскресе! Ну и хотя бы умереть на этом слове. Не больно, не страшно. Христос Воскресе! «И ядше веселимся!..»

Но возвращаюсь к достопамятному в моей жизни дню, когда я впервые подошел к Церкви, позволяю себе выразить так, с ее *эстетической* стороны.

«Яко сын мой сей мертв бе — и оживе, и изгibl бе — и обретесе», прочел с особою значительностью отец ***. Это место повторяется дважды. Это центральный пункт чтения, альфа и омега притчи: «И начаша веселитися» — закончил он продолжительною, умеренно громкою ферматою, в которой как бы слышался раскат грома, но еще значительно удаленной от нас грозы...

Отсюда — еще повышение голоса и быстрота темпа доходит почти до *presto*. «Бе же сын его старей на селе»... Тяжкая сцена с сыном, эти жалобы, эти упреки быстро несутся, как ветром гонимая туча, одинокая, отчужденная, «печалаящая ликующий день»...

...«Егда же сын твой сей, изъядый твое имение с любодейцами, прииде — заклал еси ему тельца питомаго». На последнем слове сильный и продолжительный раскат грома. Гроза близко. Туча над нами. На слове: «и оживе» было сделано *колени*... Знаете, этот разбег голосом для устремления к последней заключительной точке вершины, и на словах «низшел бе» было достигнуто все, что только казалось в человеческих силах. Но отец *** понимал, что этот день — решающий в его жизни (как и в моей) и что необходимо превзойти самого себя. И он превзошел! Оставалось еще два слова: «и обретесь». Это не только последние два слова положенного на тот день чтения, но и заключительный аккорд изумительного музыкального построения. Тут торжество, победа, праздник, радость, и это чувство тем необходимее подчеркнуть, что радостное настроение было на минуту омрачено ранее свидетельством о недостатке любви у старшего сына. И вот, раздалась эта заключительная фермата... Господи! Я никогда ее не забуду. В *своем роде* это решительно ничем не ниже Рембрандта или Мазини. Это огонь, вот в чем дело, *святой огонь* совершенно одинаково *попалюющий* у Рембрандта и у Мазини, и у Пушкина и у отца ***. Да! и у него, у несравненного отца ***!! За десять лет, что я наслаждался этим великим артистом, я знал только *три* подобных момента, включая описанный один год: 14 сентября, при чтении Кресту, да раз на Благовещение, приходившееся на второй день Пасхи...

Я сейчас сказал: *великий артист*, и подчеркиваю. Смейтесь, если хотите, пожимайте плечами, но это так... И я еще вот что скажу: ничто в такой степени не отталкивало меня от веры, не возбуждало стольких сомнений, как *апологетические книжки* в защиту истин веры, и ничто, уверен, не способствовало в такой мере устремлению моему к спасению души — чего да сподобимся достигнуть все мы, знаемые и незнаемые — как восторги мои, пробуждаемые великою художественностью отца протодиакона ***.

Кстати. Очень недавно я имел великое утешение увидеть отца *** здесь, в Петербурге. Честь и слава церковному священноначалию, давшему упокоение заслуженной старости на почетном, хотя и ответственном посту... Конечно, есть бесконечная разница между Мазини *молодым* и Мазини *старым*, но

...не говори: их нет,
А с благодарностию: *были*.

На этом слове я и кончу. Кажется, что каприз пера, подсказавший мне причудливую архитектурную постройку ответа о. А. У-му, не так уже нелеп. Мне кажется, что мне удалось до некоторой степени обнаружить меру моего понимания в области вопросов известной категории. Мера эта, как изволит усмотреть достоуважаемый отец протоиерей А. У-ский, очень и очень невелика. Мне еще доступно молочко — применяясь к выражению св. Апостола Павла — но никак не твердая

пища. Вот почему голословное утверждение отца протоиерея не может ни в чем меня разубедить. И последование обручения и венчания я читал, и требник у меня на столе лежит, и молитвы, на которые мне указывают, небезызвестны мне; и, все-таки, в толк не могу взять: да что же *оригинально христианского* вложено в это последование и в эти молитвы? Да и не попали ли мы в круг какого-то досадного недоразумения? Не произошло ли с нами так, что, как говорится: *своя своих не познаша*? Не говорил ли сам о. протоиерей А. У-ский, что вся христианская догматика создана *монахами*? Не в этом ли все дело? Не естественно ли было им, скрепя сердце, ради непреодолимой нужды, кое-что *позаимствовать* из Ветхого Завета, вместо того, чтобы свободно и вдохновенно *творить* в области, которую они принципиально, *ex officio*, должны отрицать?

А когда так, то естественно спросить: *монашеская* концепция Христианства есть ли *абсолютная* и единственно возможная?

Ну, вот, на страницах этого самого «Русского Труда», тот же г. Розанов, пользуясь таким сочувствием *прот. А. У-ского*, сделал замечание, которому невозможно отказать в основательности: *беременность*, тревоги, страхи, окружающие эту полосу жизни в каждой семье — неужели так-таки ни словечка не сумела проронить Церковь по этому поводу? Неужели не естественно было бы благочестивому настроению ждать каких-нибудь молений, нарочитого чинопоследования *ad hoc*¹? Ничего! За величавым, *всеобъемлющим* образом Церкви вы видите монаха, с его уединенным, до крайности специализованным мирком... Он нервно перебирает четки, чтобы самую мысль о беременности, о всем, что может навести на эту тему, отогнать, как можно дальше... И это — «столп и утверждение истины»!! Полноте! К чему себя обманывать?

Гатчинский Отшельник

VI.

Разрозненные отзвуки спора

1) Из письма священника Иоанна Д. Руднева

Многоуважаемый В. В. От души благодарю за вашу книгу «Сумерки просвещения», которая прочитана мною с большим интересом, а затем извиняюсь за долгое молчание относительно статьи «Брак и христианство». Не недосуг и леность удерживали меня от немедленного ответа, а боязнь за легкомысленный ответ на ваше суждение о таком важном вопросе. Всякая мысль, несогласованная с обыденным нашим ходячим мнением, или же уже с сложившимся убеждением, весьма туго поддается нашему анализу. Нужно долгое время вдумываться в суть ее, чтобы

---

¹ к этому (*лат.*).

в надлежащей мере оценить ее. Особенно пастырю трудно отрешиться от усвоенных взглядов на известное учение. Я всегда считал девство выше брака и теперь остаюсь при своем убеждении. Простое умозаключение¹ приводит меня к этому убеждению, указанное св. Павлом в 32 и 33 ст. 7-й главы в послании Коринфянам². Но не подумайте, что я девство поставляю идеалом человечества. Из предыдущих стихов той же 7-й главы я убеждаюсь, что апостол Павел советует скорее брак, чем девство. Особенное внимание на себя обращает 25 ст. (там же), где говорит, что о девстве он не получил повеления от Господа, а советует как сам соблюдавший его по милости Господа. Все это заставляет меня девство считать высшим состоянием человека в служении Богу, но в то же время признавать только истинное девство, явленное в любви к Богу и самоотверженном служении людям. Все же девство в современном обществе, выразителями которого считаются наши официальные аскеты, есть фальсификация и есть унижение христианства и даже человеческого достоинства.

Перехожу теперь к другому вашему положению о браке, где вам желалось бы одухотворить его во всех (деталях) подробностях. Но вспомните слова Давида: «в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя

---

¹ Оно было бы *просто* и непрекаемо, если бы не имело параллельных себе и *встречных по направлению* текстов: напр., ведь *Книга Бытия* — богооткровенна, от этого ни один священник не отречется; но там стоит: «растите, множитесь, *наполните землю*». Если скажем, что тексты идут *в веках*, то ведь идут они развивая последующим предыдущее, а не *наперекор* друг другу, не для *зачеркивания* одним другого, и притом в основе. В. Р-в.

² Тут нужно иметь в виду слова апостола, в этом же самом послании: «Относительно девства я не имею повеления от Господа» (1 Коринф. 7, ст. 25). Далее, все это послание написано перед картиною Коринфа, его зрелищем и как ему увещание: а Коринф во времена Христа — это уже был остаток павшего мира, блюда грязные и сальные на утро после роскошной вечера! Плоть ослабевшая распустилась в последних пороках, слюна и гной точились у умирающего, и неужели им, несчастным, было говорить о супружестве?! Всяк глагол — во благовремени, и о всем глагол есть глагол своему часу и этому человеку. Но *Быт.* 1 или 4 («вражду положу между тобою и женою, и семенем твоим и семенем жены») — не месту и часу сказаны, но *человечеству*, от его, человечества, рождения и до всемирной могилы. Кроме честного обращения к коринфянам, есть другие и истинно тягостные пункты преткновения для супружества: 1) прямые слова о *скопчестве*; 2) *бессеменность* рождения И. Христа; 3) и самое главное: *бессеменный дух трех синоптических Евангелий*; хотя в Апокалипсисе уже нет этого духа бессеменности и соответственно в нем воскресает пророческий дух! *провидение!! предсказание!!* Тут — глубочайшее сокровение о тайне Ветхого и Нового Завета, о судьбах обрезания, о новой идее святости гроба и почтительности к смерти. Вообще тут все «новое и новое», новый поток «откровений» хлынул: но как же их спаять с Ветхим откровением, без фундамента коего все будет «на песце»... Тема огромных размышлений. Дело в том, что *бес-семенности* нет, а есть *одно-семенность*, семя одной св. Девы, которое, однако, имеет всю реальность семени, и сообщило *человечность* Бого-человеку. Слова же о *скопчестве* можно принять только в смысле тайного и обширнейшего раздвижения брака, а не в смысле его погашения. Заметим, что ведь Селивановского *погашающего* и *гнушающегося* полом *скопчества* в I веке *до* и *после* Христа — не было, хотя вообще *скопчество* было. Но, *обращая к ученикам слова о копчестве*, Спаситель мог сказать их только в *понятном для них смысле*, т. е. в *описательном по отношению к бываемым и зримым фактам того времени*. В скинии (и храме) лежали и были приносимы *хлебы предложения*; мы приносим, по осени, *первые плоды* в храм; у евреев (древних) был праздник *возношения снопа* (первого, сжатого по осени); и, вообще, Богу посвящалось все *перворожденное*, от человек, дерев и скота. А в соседних с Иудеею, родных ей страпах, как Тир и Сидон, некоторые приносили в жертву самый родник *перворождения* (религиозное оскотление): но это вовсе — не Селивановское: «вот, я вырвал из себя *жало сатаны*», т. е. вовсе не отрицание и не бракоумерщвляющее девство. В. Р-в.

мати моя»¹. Лишил Адам телесную природу невинного состояния, и мы его потомки получаем с рождением первородный грех, как наследство², и только при таинстве крещения вступаем снова в общение с Богом, но опять только духовно, а в теле остается действующим в нас первородный грех³. В таинстве брака благословляется полное общение двух лиц для рождения детей⁴, будущих чад церкви⁵, но не возводится физиологический процесс до духовного начала⁶. Этим не хочу сказать,

---

¹ Превосходный разбор этого стиха псалма, ссылки на который, при спорах о браке, мне приходилось и устно слышать, см. ниже в одном из писем отца протоиерея А. П. Уского. В. Р-в.

² Однако ведь, казалось бы, первородный грех снят с человечества Христом. Церковь поет: «смертию смерть *искупи*», и в Евангелии от Иоанна сказано: «Той (Иисус) язвен бысть за грехи наши и мучен бысть за беззакония наша: *наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом*». Так откуда же чувство греха после Христа? В. Р-в.

³ Это очень отчетливо, но едва ли это учение имеет церковь. И так, по свящ. И. Рудневу, мы имеем:

Невинный Адам.

Пал Адам душевно и особенно телесно,

Мы — павшие душевно и особенно телесно.

Рождая и рождаясь «течем как от зараженного источника» (термин «Катихизиса» Филарета).

Половая сфера есть или родитель, или участник греха.

Рожденный младенец — душевно и особенно телесно греховен, *не чист*

Крещение омывает грех, однако только душевный.

Телесно и в крещении и после крещения мы остаемся грешны и не чисты, как до крещения.

Тело вообще и постоянно грешно, тело есть грех.

Это — духоборчество; крещение здесь не проникает достаточно глубоко и самая смерть Спасителя «не искупила наших тел от греха, проклятия и смерти». Спаситель представляется только держащим перед нами новые скрижали еще завета: но ведь для этого Ему не нужно было страдать и умирать, а только — *живя учить!* Но особенно важно следующее: — ну, тогда нет таинства брака! Разве же возможно *благословить грех, благословлять в грехе*. В Варфоломеевскую ночь католики благословляли мечи, но это был экстаз и минута, и она не названа *таинством!* Таинство, очевидно, может быть о *велико-таинственном и велико-ценном и велико-желаемом* предмете или деле. В. Р-в.

⁴ Вот хорошее определение пишет священник, и как он далек от Шараповского тона и одно-«духовности». В. Р-в.

⁵ Это уже ограничение, очень тонкое, но любопытна неперемнная к нему тенденция: не рожденное важно, а что «родятся нам ученики и слушатели». Однако не выступает ли здесь эгоизм и немножко самомнение учителей? Увы, дитя вне учения так же дорого родителям, и умерший годовалый ребенок — как мы его помним! И ужели эта *связанность любви и воспоминаний* — ничего *an und für sich?* Тягостные вопросы. Наконец, *жизнь-творение?* Не переходим ли мы незаметно через эти тенденции на почву Бюхнера, Дарвина, Меллошотта? Но эта точка зрения совершенно объясняет религиозно-брезгливое отношение вообще клира к рождению, и «очистительную над роженицею молитву», и прочее. Потом, если дело в «чадах церкви», «учениках церкви», и семья и брак суть только мастерская для выделки этих чад, важная в отношении к теме, к рынку потребления, тогда деятель рынка, напр. учитель церковно-приходской школы, куда более священен, чем супруг? Но тогда должно было бы быть «таинство учительства». Очевидно, таинство брака есть в отношении к *вещи его* «таинства», т. е. священна и свята *вещь* брака. Или если обратно, то это есть таинство кажущееся, мнимое. В. Р-в.

⁶ Но ведь, однако, и *душа рождается* слиянно с телом в младенце? и, след., и зачатие есть *духовно-физический* акт, как и введение к нему, любовь, желание и страсть — суть акты никак не механические и не химические. Но и этого мало: как похож *по сложению тела и характеру души* (глубочайшие индивидуальные черточки) дитя и даже потом взрослый на родителей; и «каков он в колыбельке — таков и в могилку». Между тем в яйцо матери входит *одна биллионная* часть извержения отца, и, след., биллион этих душ изошло из него. Не мрачится ли наше удивление при этой мысли, и не признаем ли мы половое слияние гораздо, — о, гораздо более, — чем только духовным! Ибо «духовно» — и написать стихотворение, и выучить урок. Нет — тут *сотворение душ* или *исхождение душ*, во всяком случае — *вхождение их в этот мир*: из *какого?* вот вопрос. Конечно — из «того света», и свега,

подобно редактору С. Ф. Шарапову, что христианство только снисходит к роману брака. Христианство, наоборот, в браке благословляет и освещает и плотскую сторону, но все-таки не возводит ее до одухотворения, и если плотская сторона брака усиливается ¹ во вред нашего общения с Богом, то этим брак низводится до степени блуда. Что плотский брак в связи с духовным благословляется в христианстве, можно видеть в словах ап. Павла к Евр.: *честная женитьба во всех, и ложе не скверно* (Евр. XIII, 4), а что всякое излишество в потребностях плотских осуждается тем же апостолом — видно из послания к Коринфянам; «Все мне позволительно, но не все полезно, и ничто не должно обладать мною» (VI, 12) и далее: «Пища для чрева, и чрево для пищи: но Бог уничтожит то и другое; тело же не для блуда, но для Господа ², и Господь для тела» (VI, 13). Вообще от человека требуется духовной свободы в служении Богу, и плоть человеческая указывается как некоторое препятствие к достижению ³ этой свободы. Мне думается, я по возможности сообщил вам взгляд свой на брак и христианство как пастырь церкви, руководствуясь ее учением.

Теперь перехожу к личным соображениям, основанным на наблюдении и на умозаключении на законе достаточного основания. Девственник имеет меньше обязанностей, чем брачный, отсюда мы заключаем, что брачному более трудов на жизненном пути, чем девственному, а награду большую должен получить более потрудившийся, а потому по правосудию Божию в вечных обителях брачный должен удостоиться большего блаженства. На это умозаключение может привести положение ап. Павла о меньших затруднениях для девственника — как угодить Богу. Но это умозаключение было бы справедливо при том положении, если бы отрешение от брачных уз было бы для нас легко, но отрешение

я полагаю — высшего. Наконец, «помня будущих чад церкви», тонкий совопросник для чего не обратит внимание на светлость лика младенца, моего, цыганенка, татарчонка, каждой твари? Нет — это таинство самого мира, или глубочайшее из мировых таинств. В. Р-в.

¹ Об этом и речи нет. Невоздержанность в супружестве есть именно плод физиологичности воззрения. В. Р-в.

² Как вообще все это хорошо обнимает мысль брака. Мы готовимся к причащению, очищаясь на исповеди от греха: какое можно было бы и следовало бы ввести подготовку юных к браку, священное, религиозное! Сколько для этого телесно учительных слов в Библии, о семени, о женщине, о муже! о зачатии и разрешении от бремени! В. Р-в.

³ Да, тенденция на это указать — есть, но — как она печальна! Тут-то мы и удаляем от Бога пол свой, и где же мысль венчания (приблизь, *подведи под Бога — чадородие свое*). К тому же заметим, что *едва сотворил Бог человека, а не когда-нибудь потом*, в одной из последующих с ним беседе, сказал: «растите, множитесь»; как бы: «Аз сотворих тя, и ты — сотвори». Поразительно, по еврейскому тексту *Бытия*, что в словах о рождении Сифа: «И Адам пожил сто тридцать лет, и *прижил по образу своему, по своему оттенку*, и нарек ему имя Шеф» (гл. 5, ст. 3) есть совпадение в самом характере словооборота с изречением о сотворении человека: «И сотворил Бог человека в образе Своем, в образе Божием сотворил Он его; мужчиною и женщиною сотворил Он их. И Бог благословил их и сказал им Бог: *плодитесь и размножайтесь*» (гл. 1, ст. 27—28). Заметим еще, что глагол *бара* (сотворил из...) употреблено: Бытие, 1, 1 — в отношении к миру («бара Элогим» — в начале *сотворил Бог небо и землю*) и 1, 2 — в отношении «рыб больших и всякой души животных» и 1, 26 — в отношении к человеку. В прочих случаях и о других *неодушевленных* предметах употреблены глаголы: *аса и ацер* — *сделал и образовал*. В. Р-в.

от брака составляет для нас величайший подвиг, на который только может себя определить человек ¹. Подвиг, вопиющий против всего нашего существа ². Мне припоминается при этом юноша, ушедший опечаленным от Господа после предложения отказаться от своего богатства. Однако в нагорной проповеди о блаженствах умалчивается о девстве ³. Из этого умолчания Господа о подвиге девства я умозакключаю, что для общения с Ним не потребуется от Его последователей девство, но только подчинение своей воли воле Отца небесного, а воля Отца небесного: раститесь и множитесь и наполняйте землю ⁴. Откуда же взялся в христианском мире идеал девства? Мне думается, от бесконечной любви ⁵ к Богу. Первые христиане, преданные всей душой Богу, выбирали, что они могут пожертвовать Богу самое дорогое для них, и выбрали девство. И действительно выбрали величайший подвиг, указывающий на их великую любовь к Богу, и многие из них выполнили этот подвиг с честью, на что указывает присоединение их Церкви к лику святых. Но что возможно было выполнить людям почти одухотворенным, взялись выполнять и все обыкновенные люди. Всякий паршивый солдат захотел быть генералом. И что же вышло? А вышло то, что девственники стали притчей в языцах. Их разврат стал настолько красноречив, что всякий порядочный человек от заурядных девственников сторонится более, чем от последней распутной бабы. Но это распутство прикрывается мантией фарисейства и не так ярко бросается в глаза. Кончаю письмо, но не по желанию своему, а по нужде. Сейчас

---

¹ Не нужно избирать подвига не нужного, и особенно противоречащего столь основному закону Божию: тогда мы придем к подвигам самоискажения, самоистребления (скопцы, самосожигатели). Между тем, идея «труда», «подвига», «уродования себя» «Бога для» поразительно расползлась в христианском мире, и начинаясь крупинками, зернышками, разрослась в чудовищное древо «самострадальчества» христианского, и еще хуже: понуждения других к страданию. В. Р-в.

² Потому-то усиленно он не нужен и прямо греховен (восстание твари против путей своего творения). В. Р-в.

³ Вот чрезвычайно ценное указание! В самом деле, если бы Иисус Христос сколько-нибудь путь девства считал себе угодным, «блаженным», «спасительным», то при столь полном и подробном исчислении путей к Себе, «путей блаженства», почему он не сказал: «блаженны девственники, ибо их есть Царство Небесное». Каким же образом потом девство было выдвинуто как «царский (срединный, коренной) путь спасения». Девственники ухватились именно за «иоты», прибавки, оговорки, попутные и промежуточные слова, а не за срединное слово Евангелия, и через чрезвычайный упор в идеал девства (ведь по степеням девства даже церкви разделились: католическая — все духовенство безбрачно, православная — высшее духовенство в безбрачии, протестантство — духовенство брачно или безбрачно — безразлично) проскользнули мимо всего остального Евангелия! Вопросы о девстве и браке просто не должно бы быть. Между тем половина религии ушла на разграничения: кому и насколько непременно «вместить», и вся история — на поэзию и философию «вмещения». Рухнуло при этом и обрезание, и древние субботы, и поднял древний змий главу: «теперь-то я победил семя жены»... В. Р-в.

⁴ Как хорошо все это рассуждение. В. Р-в.

⁵ Правда, пересладили в любви, от себя и по-своему захотели нести плоды любви, и на этом-то и были в путях своих уловлены... Служа Творцу, восстали против твари и творения, и через это отделились и от Творца. Для этого-то и нужно поло-сочетание мыслить как соединение со всею тварью и Творцом, дабы не уклониться в опаснейшее и тончайшее отпадение. В. Р-в.

12 часов, а завтра мне вставать к утрени в 4 часа. Прощайте! Простите за помарки и небрежность. Письмо собственно и не окончено и за продолжение его не даю слова.

Сестру и всех ваших малюток целую.

Любящ. вас с. *И. Руднев.*

2) Из письма Влад. Карловича Петерсена

Многоуважаемый и дорогой В. В. Книжка г. NN, присланная вами мне для отзыва — вовсе пустая книжка... Совсем напротив ваши статьи в «Русском Труде» о браке и о христианстве. Поверьте мне, что тотчас по прочтении скверного замечания Шарапова к вашей статье, я уже сидел за машинкой и строчил ему строгий и резкий реприманд «По душе»¹. Но затем я остановился, принимая во внимание:

1) травлю, которой подвергается теперь Сергей Федорович во всех журналах, столько же консервативных, как и либеральных, так и уличных.

2) время предподписочное, когда ему, конечно, работы по горло, и когда он и без того находится в состоянии понятного раздражения.

И я на основании сего прекратил стукотню Ремингтона. Но вам я каждый день собирался писать подбодряющие письма, ибо вполне искренно и по совести говорю и верю, что ваши тезисы в этих статьях суть именно *коренные тезисы*, какие необходимы в настоящую минуту всеобщей и всесветной гибели христианского брака и семьи².

¹ Отдел в «Русском Труде» откровенных замечаний и писем в редакцию. В. Р-в.

² Уже благодатно, что наконец это сознается. Ничего нет *самообольщнее* европейских взглядов на свою европейскую семью. Европейские офицеры и инженеры, попадая в Среднюю Азию, в Китай, Индию, Африку, к женщинам тамошним, т. е. к чужим дочерям и женам, относятся как к животным, и почему? — «у них нет семьи, и что же значит, если я, христианин, попользуюсь магометанским или языческим мясом». — «У нас» семья — «строгая: 1) она не расторгается ни по каким поводам и никогда, 2) она есть духовный союз, духовное единение, 3) она спиритуалистична и идеальна, 4) она — таинство нашей св. церкви». Это — все повторяют, и я так еще объяснял ученикам в классе, напр. говоря, что «личная слабость Магомета отразилась и на его последователях тем, что у магометан собственно нет семьи». Мы представляем их семью какою-то «девичьей, где шалит помещик старого закала», — совсем выпустив из виду: 1) детей у них, 2) необыкновенно ранние у них браки, 3) покрывала на лицах их женщин. В Кисловодске две пожилые кабардинки прохаживались по главной аллее, и мне сказал с грустью Ахмет, продававший кумыс: — «Это мои невестки; десять лет назад поверил ли бы кто-нибудь такому... такой нескромности, чтобы магометанская женщина без покрывала выходила на общественное гулянье». Кабардинки же эти (очень пожилые) были образец солидности, важности, — и какое же было сравнение с ними треплющихся «наших» старушек — кормивших сластями кадетов, старичков — семенивших около барышень-подростков, и глубочайшего отвращения к «скверному полу» рослых гвардейцев, которые тут же, в стороне от аллеи, часов с 8 засаживались за зеленое сукно, не поворачивая головы к шумящему около них шелку. Женщина европейская — жадно и уже давно пошла на линию «приключений», а разобрав все и сначала — и осудить ее нельзя. Тысячу лет подневольной любви (не было развода) заставили ее... «выстрелить в свободную любовь», под чем разумеется не независимая, свободная преданность одному, а «свобода» всем отдаваться, никого не любя. Мне этот Ахмет говорил: «муж у нас жене не может сказать оскорбительного слова: она пожалуется мулле, мулла разберет и даст развод и прикажет ей

Но... не писал я этих писем ранее, потому что у меня в доме вполне отсутствует время. Я решительно ничего определенного к сроку сделать не могу. Кроме того, за последние недели у меня в семье, как со стороны жениной, так и моей родни, скопилось много смертельных неожиданностей и неприятностей. У жены утонула молодая племянница, мать двух малюток, а у меня умер старший племянник, чудный мальчик, христианского воспитания и образа мыслей, от горя по матери, у которой доктора московские и иные констатировали рак желудка ¹.

Все это обессиливает и без того достаточно слабого. Наконец, я все не умею поправиться от инфлуэнции, которая и поламывает и подергивает, и в кровать не кладет и из дому не пускает. Тут — вы согласитесь — не до таких важных, глубоких и всеобъемлющих вопросов, как те, которые задеты вашими статьями.

выдать калым» (денежное обеспечение, оговоренное, на случай развода, в брачном договоре). — «Но жен много: как же они не ссорятся?» — «А как же они будут ссориться, когда это с незапамятных времен и по закону пророка». Тут же пил, за столиком, кумыс наш священник и, перебив Ахмета, сказал мне: «по магометанскому закону женщина есть вроде как бы животное и так на нее смотрит муж». Ахмет даже не повернулся в его сторону, и я видел, что священник говорил по трафарету, как я ученикам гимназии. Со мной была жена и переспросила: «а что, если она ему изменит». — «Этого невозможно, это не бывает». — «Ну, а если случится?» — Ему не хотелось отвечать. «Как же случится? Если муж уезжает, напр., по торговле, на год-два: никто, сосед или его друг, не может войти и никогда не войдет в его дом. Это — ужасный стыд и непозволительно». Тут я понял идею «гарема», нашей древнего «терема», и слова Ахитовеля Авессаламу: «войди на половину (часть дома) жен твоего отца: тогда народ увидит, что ссора твоя с отцом непримирима и на смерть». Это — восточное чувство, совершенно неизвестное на западе: у нас «измена» до того в «крови» цивилизации, что с нею боролись, боролись — и наконец перестали; каждый сберегает кое-как «свое», а уж подумать, чтобы у всех «свое» соблюдалось, никому и в голову не приходит теперь. — «Но все-таки если случится», — настаивала моя жена. — «Если случится (измена) и об этом покажут перед обществом четыре почтенные человека, но уж такие почтенные, такие почтенные... одним словом — которые никогда не лгут, то такую жену по пояс закапывают в землю и закидывают камнями». — Но вот тайный инстинкт женщины. Мы оба были задумчивы с женой о слышанном, пришли домой, она и говорит: — «что мне более всего из рассказанного нравится, это — что изменницу закидывают камнями: как они ценят любовь женщин!» Я не сразу понял: но, размышляя, решил: да, как им нужна, психологически нужна верная жена! и во что оценить семейное чувство целой страны, целого Кавказа: «здесь у нас ни одной неверной мужу жены!» Нам просто непонятно это чувство, этот подъем на азростате в области супружества, этот горизонт, эта линия воздуха. «У меня жена не изменяет, и у соседа с правой стороны — тоже, а вот с левой — пошаливает, впрочем, не знаю, только говорят». Все наши романы, т. е. почти целая литература, вертятся около измены, и рисуют, «как она (измена) красива, психологична, углублена, живописна». Да это — так и есть, и должно было так стать: раз в браке, «вечном, не расторгимом ни по какой причине, духовном» и проч. нет любви, то любовь должна была прорыть себе канавки, она бросилась в подворотню, робка как собака и увертлива как собака. И собственно истина-то супружества, «верного, любящего, духовно телесного», и лежит в этой вывернувшейся из-под форм любви, отчего она и живописна стала, и углубленно-психологична, оставив в узаконенных формах один «хладный труп» супружества. — «Ну, растлевай меня по закону, это уже из тьмы веков, и хоть мне гадко, но я мирюсь, ибо это освящено: я вознагражу себя потом теплом и поэзией с другим». Ужасно, но истинно. В. Р-в.

¹ Да простит читатель, что я оставляю подробности вне темы, как это сделал и с письмами отца прот. А. П. У-ского. У меня — знойная привязанность не к одному делу, а и к поэзии вокруг дела, не к кафедре, а к дому; и неубранные завесы домашней жизни просто я не в силах отделить от строк, иногда немногих, важных для темы. Ибо ведь эти племянники и племянницы в несчастьи — они люди, и нам следует, хоть и не зная их, сказать: «со святыми упокой». В. Р-в.

Понимая всю важность этих вопросов и, совершенно согласно с вами же, видя их опасную сторону при неправильном и злом толковании¹, я не мог не видеть, с одной стороны, что они написаны вами слишком кудряво: с бездною цитат и полуцитат, неведомых большой публике, и потому, скажем прямо, в газете малоуместных. Конечно, ваши статьи — статьи чрезвычайно неудобные для газеты и вообще, ибо они ниспровергают ту установившуюся тысячелетнюю фальшь, за которую стоит владычествующий аскетизм. По этому вопросу вам, непременно служения человеческого ради, необходимо выступить отдельной книжкой и даже книжищей. В этом направлении надо работать страстно, ибо там спасение, иначе христианскому человечеству грозит неминуемая гибель в разврате, проституции и еще худших грехах Содома и Лесбоса, так сказать на самой паперти церковной. Вот именно ради мучительно рискованной стороны вопроса нельзя слишком сильно осуждать и Шарапова. Он все же напечатал самое сильное, самое существенное. Такие архикретины, ведающие русским мышлением и русской совестью и имеющие наглость собственного невежества, как этот ужасный М. С-в, могут каждого заставить задуматься. О земля невежественная, и земля владычествующих невежд! С этой точки зрения надо пожалеть, а подчас даже и подивиться Шарапову! И я, глубоко сочувствуя вам, удивляясь вашей эрудиции по вопросу и смелости мышления, все же думаю, что эти статьи не для газет, говоря вообще; что сначала надо потрясти умы кабинетные, умы философски обработанные, а уже затем, и то осторожно, можно идти с этими же выводами в грубую, страстно настроенную толпу — верующих страстно, и столь же страстно неверующих.

Была у меня также мысль написать по поводу ваших тезисов фельетон в одной распространенной газете: но, пощупав почву, я увидел, что это вышел бы напрасный труд. Можно бы попробовать у Ухтомского, так как там вы помещали статьи подобного же содержания. Но ведь там это вышло бы тех же щей, до пожиже влей. Однако, если бы вы сами пощупали почву в этом направлении, то я, конечно, с удовольствием остановился бы на такой задаче, желая быть искренним апостолом вашей прекрасной и верной идеи.

Вот в коротких словах обуревающие меня невзгоды и сомнения, мешавшие и мешающие мне сказать в этом направлении какое-либо публичное слово. Но зато платоническое мое сочувствие вам всегда настроено высоко и горит в душе пламенем искренней благодарности, рождающей и удивление к вам и благодарность за свет, просвещающий нас грешных.

---

¹ Т. е. в смысле: «э, религиозно — так все позволено». Но ведь именно *ничего не позволено иначе как в свете Божией правды*, как бы перед лицом Божиим! Просфора прекрасна и священна: но значит ли, что мы станем *когда-нибудь обедаться просфорами*? Мне кажется, мысль о присутствии Божиим уже исключает возможность, внутреннюю и душевную, злоупотреблений здесь. В. Р-в.

И в день, когда ваши мысли ¹ станут общими мыслями — христианство станет вполне учением человеческим и спасительным для всех. Страшна эта логическая неурядица с догматами о безбрачии, как о чем-то приказанном и высоком, рядом с необходимостью жить в браке честном, если желаешь не обезлюдить мир путем безбрачия, и сопровождающих его отвратительных грехов.

Пошли вам Боже сил и удачи поддержать ваши высокочеловеческие и столь же высокохристианские тезисы и в текущем году.

Шарапова пожурите, что и я сам, может быть, умудрюсь сделать, но с ним не ссорьтесь.

Всего вам хорошего и не падайте духом крепким и служащим правде.

Вам сердечно преданный Вл. Петерсен.

3) Из писем одного незнакомца

1

Уважаемый В. В. Я не стану искать слов и фраз, скажу лишь, что за этот последний год знакомство с вашими статьями было самым значительным моментом моей духовной жизни. В особенности близки мне все статьи ваши по религиозным вопросам и о браке. Читая вашу переписку с прот. А. У-ским в «Рус. Тр.», я несколько раз порывался писать вам, выразить — как горячо я сочувствую «религии брака». Действительно, все «святое» вычеркнули мы из жизни нашей ², отвели это в верхние

---

¹ Мне думается, целомудрие есть мать всяческого воскресенья, а распад половой — мать всяческой и всех видов смерти, особенно — душевной. Смерть души начинается с разврата. Но тут и осекся весь христианский мир, через ошибочный идеал девства приняв за разврат *рост* сил и организма, который с некоторого определенного года, 14-го — 17-го, преобразуется из геометрического увеличения тела во внутреннее ссачивание, течение (семя, яйцо). Тут бы внимание! Тут бы заботы! Но заботы не было, уже тысячу лет! «Не расти! крепись и не расти — в этом похвала, в этом слава!» Явился стыд роста, и жажда славы. И вот, с двух сторон поощряемый, и страхом и обольщением, прокрался *обман* в пол. И вот обманная и фальшивая половая жизнь, мечты без осуществления, порок в прикрытии; *идеал девства* соблюденного и *единобрачья* кажущегося поверх «все позволено в тайне» — и развратили христианское человечество. Ибо *душу* мою трогает не то, *чем я кажусь*, но то, *что я есть*: и душа христианская растлилась оттого, что *она знает о себе и что в самом деле есть*. Войдя в мусульманский дом, мы знаем: тут есть Бог и совесть; войдя в христианский дом, знаем, что тут забыт Бог и забыта совесть. Если при этом в храмах наших ярко горят свечи, несется кадильный дым, — что в этом! В. Р-в.

² Ведь только кажется, что об *одном* браке дело идет, а в самом деле — о гораздо большем. В религию врываются «чресла» — вот новое! Что такое «чресла»? — Реальность! Что же это значит? Религия *реализуется*: неужели это не ново для Европы? Но и еще: что такое «чресла»? — Теперь — грех! Всемирный, постоянный грех! Что же это значит, какая мысль, тайна в сближении пола и религии?! — Исцелить и исцелить в первом и коренном грехе! Все пока скользило по поверхности: религия и человек были как наружные ободья двух несовмещающихся колес. Теперь они подходят друг к другу внутреннюю сторону тех же ободьев: и — слепляются. Пол да будет религиозен, религия да будет реальна: вечное алкание церкви и человечества! Но и далее, конкретнее: в «сердечке» цивилизации и истории навсегда будет лежать семья. И вот если бы началось, что семья не когда она забывает о своем *специальном* — шла в церковь, а именно *когда она семья и поскольку семья*, — спешила в церковь! Уже теперь «пойти и взять молитву, себе и ребенку, на 6-й неделе после родов» есть какое-то религиозное, *памятное и реальное*, прикосновение к храму Божию. Что прекраснее

этажи, а для истинной, реальной жизни нашей оставили одни формы, голые рутинные «способы» жить. Так жить слишком тяжело, когда хочется найти, коснуться этой «святости» во всем, во всем... Мне кажется, что чувствующее и мыслящее человечество устало страшно от такой жизни и если идет еще по рутинному пути идеалов без святости, то как-то неуверенно, нетвердыми шагами, ища руками путь впотьмах,— так хочется найти Бога во всякой минуте жизни, во всяком способе жизни, так же хочется, как раньше хотелось уйти от Бога... «Разве я сторож брату моему?» — разве не это говорили люди много-много лет уже. Теперь надо ждать реакции. Дай Бог.

Не буду теперь писать вам, потому что боюсь злоупотребить вашим вниманием, но многим хотелось бы поделиться. Сообщу вам два слова о себе, чтобы вы знали внешние условия жизни пишущего к вам эти строки. В 1897 г. я окончил математический факультет Московского Унив. и был оставлен по кафедре физической космографии профессорским стипендиатом. Мне удалось близко и лично познакомиться с кругом профессоров, их жизнью и интересами. Все, мною узнанное, далеко не привлекало меня, особенно после того, когда я познакомился с жизнью и принципами Трудового Братства, учрежденного Н. Н. Неплюевым. Я горячо полюбил эту идею и носителей ее, и мне, естественно, захотелось послужить ей своими силами. Год назад я мечтал о такой средней школе, но время мне показало, что такие мечты преждевременны, особенно относительно меня лично, что прежде чем призывать к жизни на новых устоях, к жизни братства, нужно лично испытать, можешь ли сам так жить...

Ваш А. Лютецкий

1900 г., мая.

священника, берущего на руки ребенка и подъемлющего его перед царскими вратами, подносящего к Богу под благословение! Какое чувство матери! Ожидания отца! Но мы верим — и какое при этом таинственное действие (конечно, бессознательное) на душу ребенка! Но это — раз в один-два года! Если бы ежемесячно в обширные покои храма входила женщина, ну хоть для очистительных после менструации погружений в воду и обкуривания ее тела благовонным курением — какое чувство, какие новые душевные возбуждения! О, ничего подобного мы не испытали! Не поднимались в эти линии религиозной атмосферы. Далее, кормление грудью своих детей, это особенное сцепление, которое всем народам запомнилось, все народы это изобразили, и изобразили и мы на образах (не часто попадает, но есть образ «Божией Матери млечопитательницы», о котором упоминает еп. Порфирий Успенский, в путешествиях на Восток), — что если бы самою реальностью своею это слилось, сцепилось, заделось взаимными кручками, как неразрывная шестерня, с религиею: как сладко было бы кормить детей, как сладко было бы пойти и в храм! Да, сладкая вера, физиологически сладкая, на место горькой усталости душевной и усталости неразогнутой спины и заочневших ног: какой это рычаг, еще не подсунутый под землю! Какое поднятие человека к Богу! В Израиле и его вечном игрании перед Богом, этой жажде тимпанов, Псалтири, брезжется что-то подобное в смысле. О, «обрезанные» народы так и должны молиться, не уставая, «еще и еще!» Кажется, мы угадываем. Но и без угадок, — что должна почувствовать женщина, видя Вечное Око, зрящее внутрь ее беременности. Какой страх за себя, за свои мысли, трепет перед ложью к себе, «я не чиста — а Оно видит». И в вознаграждение теперешних удовольствий лжи, легкомыслия, злобы и гнева, — сладость истомы, особой органической, в религии. Молитва потечет по жилам — это совершенно новое! О, какая поздняя будет тогда старость, и как светлы и жизненны рождаемые дети. В. Р-в.

Ответ г. Лютецкому

Спасибо, дорогой, вам за ваше интимное письмо. Зная мои книжки — знаете и меня. Сверх них (мыслей) — усталость, детишки, но вечная веселость души, за которую благодарю Бога и которая во мне наступила после решения видеть Бога «во всяческом и во всем» или, пожалуй, видеть в мире паутину, исходящую из (неприятно невольное сравнение) Бога-паука. Добрый паук, ткущий из себя мир — вот и все. Мысли о браке — ужасно редкие понимают: Устьянский, Гатчинский Отшельник, А-т, вот — вы, еще немногие, но вообще — единицы. Между тем тут узел

природы и духа
Бога и вещества

глава *науки* акушерства и предмет *обряда церкви* — венчания! Где еще подобное вы найдете? Удивительно, что философы сюда не спускались и не видели *глубочайшего метафизического любопытства* в этой теме. Далее: это — *начало реализации, принцип реальности*. Все — думаем, думаем, думаем; тут — *творим вещь, вещь новую (в мире небывалую)*; вещь — *духовную (ребенок)*; вещь — прекрасную и святую. Ну, да вы сами станете разматывать эту бесконечную нить вопросов и ответов. Все мимо проходили этого *плевка*, думая: «тут — *бациллы слюны*». Мне несколько особых биографических мотивов внушило раздумье: «дай — покопаюсь; так ли это, *бациллы ли и плевки?*» И можно сказать не проходит дня, чтобы я не увидел в теме этой *новой* стороны, или новой связи примыкающей сюда логики, как ряда зависимостей. Жму руку.

Ваш В. Розанов.

12 июня

Спасибо вам, дорогой В. В., за ваше письмецо; мне было приятно слышать в нем ваш голос. Вы не поверите, до какой степени я вчитался в вас; мне кажется, что ваш язык, ваш слог я узнаю из тысячи других и всегда завидую достоинству его — сжатости, образности и силе. Не подумайте, что я хочу писать панегирик вам, я думаю, что это было бы очень скучно, да и не надо вовсе; мне кажется, что всякий, кто говорит громко, во всеуслышание свои заветные думы, хочет не того, чтобы его хвалили и восхищались, а ищет правды, ищет, чтобы согласились с ним или доказали, что он ошибается, что истина в другой стороне. В последнем я не могу помочь вам, потому что моя мысль и мое сердце вполне на вашей стороне, но если только больше света, мира и радости вливается в вашу душу от мысли, что одним человеком больше понимают вас, то я буду искренно рад. Простите меня, что я, быть может, со светской точки зрения бесцеремонно злоупотребляю вашим временем; я хотел бы еще раз напомнить, что письма мои не должны непременно вызывать

вас на ответы, я ведь вполне понимаю, что́ стоит вам полчаса времени. Для меня главное в жизни чувство, и чувство положительное, светлое — любовь.

Мысль дорога постольку, поскольку она выражает это чувство. Любви учил нас Бог, сам Он — Любовь; ею должны жить все мы, кто хочет быть Его истинным учеником. Для меня дороги ваши мысли, потому что в них я вижу великую любовь вашей души к Богу, к человеку, ко всему миру, потому что все «еже бысть» начало быть от Бога — Любви. Добро человеку, который дошел до этого великого сознания: здесь все христианство, вся вера, весь свет и теплота жизни, радость и спокойствие чистой смерти. Вот о любви хочется мне сказать одну мысль вам; я математик и часто мыслю математическими образами во всех областях мысли. Физика, т. е. наука наша, признала величайшим открытием нашего века *закон сохранения энергии*. Ничто из энергии, полученной вселенной при ее образовании, не теряется, но лишь превращается из одного вида, из одного состояния в другой. Закон этот, думается мне, должен быть шире формулирован: он касается не физической лишь стороны, но всей совокупности бытия мира. «И вдунул Бог *дыхание жизни*»: — вот это «дыхание жизни» и сохраняется на вечные времена, меняет лишь вид и состояние. Это «дыхание жизни» — добро, сотворенное Богом, а зла не было сотворено вовсе; но мы при своей свободной воле можем дышать «дыханием жизни», можем и не дышать им — жить добром, любовью, и не жить — тогда зло. Зло — отсутствие добра, пустое от добра место. Его нет как самодовлеющего субъекта, это лишь отрицательная любовь (с минусом). Поэтому нет в жизни чувства безразличного: или любовь, т. е. чувство положительное, или зло — чувство отрицательное. Или свет, или тьма; среднего состояния мы не выносим. Продолжу свою аналогию с законом сохранения энергии; Творец вдунул в людей, в мир столько любви, сколько нужно для жизни; именно в любви — божественный нерв жизни. В момент создания, в раю, вся любовь была свободна, зла не было, потому что все жило любовью; потом сами люди скрыли часть любви своей, в некоторых случаях жизни не жили ею; это пустое от любви место стало злом, грехом... Любовь же эта обратилась в состояние бездеятельное, связанное, *потенциальное*... Когда мы живем любовью каждую секунду бытия; она — *активна*, когда мы не живем ею — она пассивна или вернее потенциальна, потому что по положению своему она заключает в себе возможность воскресения своего в жизнь, в действия. Данный Богом запас любви постоянно колеблется во взаимных отношениях активной и потенциальной частей, но в сумме вечно неизменен — это закон постоянства «дыхания жизни» — любви. Если бы я лучше знал историю, то хотел бы заметить в мировой жизни эти моменты колебания, когда активная любовь брала перевес над потенциальной, и наоборот. Мне кажется, что изменился бы самый взгляд тогда на историю; она давала бы нам не только: *что, как,*

когда и почему было, но мы видели бы в ней картину постепенного приближения, с колебаниями и падениями, рода человеческого к осуществлению Царства Божия на земле — царства любви. Вся работа людей должна сводиться к тому, чтобы всю любовь перевести из потенциального, связанного состояния в свободное, активное, осветить любовью, дать место Богу во всех сторонах нашей жизни. И вот когда вся любовь, заложенная в мир Богом, станет активной, исчезнет зло, и будет Царство Божие на земле. А что такое потенциальная любовь, я поясню вам примером. Вижу я человека и знаю, что у него большое горе на душе; про горе его знаю, но человека не знаю; когда есть во мне любовь, то и чувствую порыв в душе — «пойди, приласкай его, поддержи того, кто страдает»; — с другой стороны голос: «ведь ты не знаешь его, нужно ли ему твое участие непрошенное; лучше человека одного оставить, какое тебе дело» и т. д. Если я послушаюсь первого голоса — я любовь мою проявлю в жизнь, сделаю активной; если уступлю второму — оставлю любовь связанною, потенциальною, она могла бы родиться в мире, но не родилась. Нельзя предугадать последствия фактические, но сказать можно, что в первом случае я создам больше добра в жизни, во втором больше станет зла; ну, может озлобиться человек на людей за их безучастие — вот уже и зло, в котором есть и твоя капля.

Боюсь, утомил я вас, да и сам устал.

Передал Н. Н. Неплюеву ваши добрые слова; он просил меня выразить вам свою сердечную благодарность и передать, что будет очень рад, если вы позволите заехать к вам познакомиться лично, при первом же посещении Петербурга. Простите мне мою откровенность, В. В., повторяю вам, я очень хорошо чувствую вас и этим чувством рисую себе ваш образ. Мне кажется, что всякое новое лицо, становящееся на вашем пути, прежде всего вызывает в вас некоторое отрицательное чувство, чувство усталого человека, которого мучает эта постоянная переменность лиц; ведь, на каждое это лицо нужно хоть капельку внимания, хоть чуточку силы положить, а сколько этой силы даром было растрачено таким образом... Если я угадал в вас это чувство, то потому лишь, что мне оно близко знакомо. В этих случаях всегда надо верить, что «мир твой к тебе возвратится» — по слову Спасителя. Если я ошибся в вашем настроении, тем лучше; во всяком случае, я позволю себе иногда, когда захочется, писать вам как пишу сейчас; будьте уверены, что это нисколько не будет зависеть, ответите вы мне или нет, будем свободно чувствовать себя в этом случае. Если захотите, в другой раз порасскажу вам кое-что о нашей жизни, хотя теперь у меня очень много занятий, думаю в сентябре сдавать магистерские экзамены и надо еще подготовиться к преподаванию в школе, в чем у меня нет опытности. Живите с Богом и детей своих этому научите. Ваш

А. Лютецкий.

М. Янполь, Черниговск. г. хут. Воздвиженск.

4) Из писем Пл. Ал. Кускова ¹

1

Марковка. 24 сент., 1899 г.

В. В.! На Ионических островах я не был; попал из Одессы в Ниццу, потом был в Париже. Вернулся в Марковку в конце апреля, на святой, часть которой, как и всю страстную, провел в Киеве. Все письма, какие ко мне приходили в мое отсутствие, садовник мой, остававшийся в доме хозяином, пересылал в Одессу, где я получил и ваше письмо, а также и №№ «Русского Труда» со статьею «Брак и христианство». Прочел ее; но не писал ничего вам для того, чтобы не смущать вашего упоения: обожествляйте, причащайтесь! Для меня это было, в свое время, тоже причащением жизненного огня: но мне никогда в голову не приходило, что можно так на это смотреть с *христианской* точки зрения. Ваша защита — семья. А это:

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, дочь с матерью ее, и невестку с свекровью ее.

И враги человеку *домашние* его. Матф. X. 34—36.

Господи! позволь мне прежде похоронить отца моего!» — «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царствие Божие!» Лука IV, 59—60.

Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери и жены, и детей, и братьев, и сестер, а при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Лука. XIV, 26.

«Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы *дом*, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия: и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной». Лука. XVIII, 29.

Так мудрено ли, что у христиан семья плохо держится? ²

Но через 8—9 дней я выезжаю из Марковки в Петербург и буду иметь удовольствие лично с вами побеседовать. Теперь пишу только для того, чтобы успокоить свою душу: мне ужасно больно, что ваше милое письмо, с вырезками из ваших статей, как долго оставалось без ответа. — Кто это вам так ясно, кратко и метко высказал впечатление,

---

¹ Если бы мы не любили литературных и философских тем, приблизительно как собака, делающая стойку над птицей — мы мало чего добились бы. Истина трудна и добывается прилежанием. Посему я собираю здесь с величайшей любовью взгляды *pro* и *contra*. А как брак есть сама жизнь, то и взгляды на него всегда надо оценивать, внося поправку или соображения о *личности* и *возрасте* и даже семейных обстоятельствах высказывающегося, о его темпераменте и проч.; отсюда — не выпускаемые мною подробности писем. В. Р-в.

² Вот точный, яркий взгляд, не допускающий «паданья на два колена». Христианство *вне* семьи, христианство — без семьи. При христианстве и от христианства семья пала, но это потому, что она и не нужна христианству; и это в том находит себе оправдание, что христианство выше семьи. С этой резко выразившейся точки зрения открывается совсем новое объяснение неприятия христианства евреями в свое время и до сих пор: «мы не можем отстать от нашей семейности (чистой и святой), а как она (даже в чистом и святом виде) непримирима со Христом, то мы Его и не приняли, а Он нас за это отверг». Эту точку зрения, но только не как исторический и древний факт, а как протест своего сердца сейчас, я ему и выразил в ответном письме, на которое получил новое (см. ниже) письмо В. Р-в.

произведенное на него вашими статьями о поле? Грешный человек, и подумал то же самое: «под гнетом духа любоддеяния!»

Сегодня, через несколько часов, уезжает в Петербург Дмитрий ¹, запоздавший здесь малую толику. Спешу кончить письмо, чтобы передать ему, для ускорения времени. Остающиеся часы придется посвятить ему.

Мой сердечный привет глубокоуважаемый В. Д.; ребятишек целую. Нужно поцеловать и вас? — Извольте, заочно; я и ребят своих только заочно целую. Ах, Боже мой! позабыл: М-а ² замуж выходит за одного из здешних помещиков. В январе свадьба.

Искренно преданный вам *Пл. Кусков.*

2

Харьков. 29 окт. 1899 г.

Дорогой В. В. Вы помните, что вы мне написали? — Что изречения Христа против *дома, семьи и близких* ставят вопрос: «принес ли Он *все* благо на землю? ибо в таком случае есть часть блага, *не* от Него идущего, и *столь* же драгоценного, как Его благо».

И вы думаете, что на это можно сказать только: «гм... гм...!»

Христос принес на землю благо Царствия Божия, которое начинается там, где кончаются блага, не Христом принесенные ³; и до тех пор, пока эти блага не изменят вам; до тех пор, пока вы не возненавидите их и вместе с ними самую жизнь свою, — вы не готовы для оценки благ царствия Божия ⁴. Но вы стоите на прекрасной дороге: «Увы, люблю женщину, люблю самую ее наготу, милое дыхание, милую теплоту ее тела. Да и не хочу я отречься от инстинкта, подарившего мне четырех херувимов!» — Так пишете вы. Превосходно! Так и следует все это любить, для того, чтобы потом, когда придется все это возненавидеть, не начать искать утешения в чем-нибудь подобном же, а прямо ринуться

---

¹ Третий сын пишущего. Автору более шестидесяти лет и он прожил долгую и прекрасную семейную жизнь, воспетую им, между другими темами, в стихах («Наша жизнь», сборник стихов Пл. А. Кускова). *В. Р-в.*

² Младшая из трех дочерей пишущего. *В. Р-в.*

³ Вот опять чрезвычайно ценная, потому что чрезвычайно определенная мысль. Аскеты, не имея — и не уважали семью: это *одна линия*; но наш автор не только сам семеен, но и высоко ценит и понимает семью, и, однако, находит таинственно-религиозные основания все-таки разделиться с нею, отделиться от нее ради Христа: это совсем *другая линия*. При этом он имеет в виду полное отвержение семьи, а не «паданье на два колена» аскетов: «для себя и лично мы семью отвергаем; но как вы слабее нас и без семьи не можете обойтись, то мы, все-таки мы, будем управлять (отрицательно и неглижорски) вашей семьей, и дабы это не казалось совсем чудовищно — признаем семью и даже будем настаивать, что мы ее вовсе не отвергаем». В последней точке зрения, аскетически-властительной, нет последовательности, чистосердечия и доброты. *В. Р-в.*

⁴ Как хорошо, п. ч. точно! Точность есть метод истины: ну, да, теперь понятно: *где кончился естественный мир* — начался мир Христов! «Не от сего мира — Царство». Но тогда *чей же «сей мир»?* в шесть дней сотворенный? и *неудержимо в себе творческий?* Вопросы, на которые не ответил бы Пл. А. Кусков, принимающий «мир» слишком светски, научно и рационально, и исключаящий из него «Божью тварь», от которой «первый есмь аз». Вообще решение Кускова только на первый взгляд отвечает на вопрос, а в сущности — само есть вопрос, и притом безмерно углубляющий тему... *В. Р-в.*

к тому, другому и новому свету, который открыл Христос ¹, и ворваться в двери Царствия Божия, да исполнятся слова Его: «Царствие Божие силою берется». А не придется возненавидеть, тогда вам в царствии Божием не будет и надобности: оно принадлежит нищим, несправедливо гонимым, голодным и плачущим. Дай вам Бог обойтись без него! если вам и без него хорошо.

У меня, недели две назад, нет, больше, это было 9 и 10 октября...— такие были два припадка удушья, что я дней десять от них не мог оправиться. Думал, что конец пришел.

В Харьков приехал с докторами советоваться, но понемножку оправился и так хорошо себя чувствую, как давно уже не чувствовал. Думаю побывать хоть ненадолго в Петербурге. Тогда побываю и у вас — покалякаем.

Я здесь М-е готовлю приданое.

Черкните и вы мне два-три слова в ответ на мой отзыв. Мне очень интересно знать, что вы скажете. И я вас в «духе любодееяния» не упрекал. Это выходит только так с той точки зрения, на которую сами вы хотели установить читателя для оценки ваших воззрений.

Мой поклон сердечноуважаемой В. Д.

Искренно преданный вам *Пл. Кусков.*

3

Одесса 19 ноября 1900 г.

Дорогой В. В.!

...Какие мои письма вы хотите печатать? Я помню весьма смутно, что я вам писал. Мне помнится, на ваши сетования о том, что у нас, христиан, семья не занимает в жизни такого почетного места, какое она имеет, напр., хоть у мусульманина, я сказал вам: «Еще бы!» и указал на то место Евангелия, где сказано: «Кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер,

¹ Так это и было исторически: ринулись ко Христу те, которым ничего не оставалось в жизни (см. «жития, иже во святых, отцов наших»...). Так. Мудро. Истишно. Но с *Кем же* нам в миру-то оставаться? Мы не хотим *без Бога*; а Христос, по Кускову, сюда *не* идет. Является дилемма,— в самом деле выраженная в Евангелии: *или* «отвергнуться мира» и идти за Христом, *или*: остаться в миру — но без Христа. Но тогда с *Кем же*, с *Кем же*, и как? А без Христа прожить трудно. Да вот и пример: муж больной, много уже лет больной, когда-то милый жене и бесценно милый. Теперь у них бедность: жена могла бы уйти, найти лучшую себе судьбу, но она *любила его, жила с ним*, в ее жилах уже течет его кровь, в его — ее кровь, о, конечно не сознаваемо это, но действительно: и она его не бросает,— о, ни за что! Чему припишете вы и к «какому богу» отнесете эту любовь? Вы скажете: «это — христианское милосердие», но уже я отвечаю, что ведь *ни для кого, кроме мужа*, она этой жертвы не понесет, и несет эту жертву, кроме христианского, *и в других мирах*. Нет, уж тогда отдайте эту любовь, крепкую, особенную, *мужу-женской тайне*: и тогда, за вычетом, посчитайте, много ли у вас останется любви. «И к концу мира охладает любовь»: да, без любви и жертвы он останется, похолодеет, обледенеет, если иссякнет, как выражается Пл. Ал., вот это «приращение жизненного огня». Вообще здесь незаметно *исследование* темы переходит в *спор, антагонизм*: и опять же чрезвычайно много дает исторических объяснений этот антагонизм, как и обещает много в будущем. Кровь и мистицизм крови сталкивается с духом и идеализмом «бессеменно Зачатого». *В. Р-в.*

а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». (Лука. X, 26). Но сказал ли я вам, при этом, как я, сам про себя, понимаю это место? Я думаю, что это — грубая передача чрезвычайно тонкой и понятной идеи. Учение Христа есть учение о Царствии Божиим. Люди, пользующиеся в жизни разными благами, могут не чувствовать и нужды в Царствии Божиим. «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лука IV, 62). Но как драгоценная жемчужина для купца, ищущего таких жемчужин, будет оно для человека, потерявшего все, что было у него в жизни самого лучшего: любовь и уважение к родителям, веру в жену, надежду на детей, все такое, без чего самая жизнь станет для него ненавистна. Только такой человек, — если при этом он сохранил в сердце своем достаточно свежести, подобно мудрым девам, уберегшим масло в сосудах своих, — прильнет ухом своим к учению Христа о Царствии Божиим.

Мой глубокий поклон всем вашим.

Ваш П. Кусков.

5) Отзыв Гатчинского Отшельника ¹

...Ну, как же не сказать после этого: *fatum*? Ну, как не поверить в «звезды».

Но и веря в них, вряд ли что́ имею я общего с *египетским теизмом*, о коем вы пишете. Орион умен, Орион знает — что мы ничего не знаем. Орион понял, что мы *балуемся* Востоком и язычеством, балуемся по совершенной невозможности проникнуть в психологию тех миров, тех начал. Вот, напр., я только что вычитал в газете: «в китайских городах каждый день кто-нибудь умирает на улице, — от голода умирает. — Собирается народ и смеется, глядя на томление умирающего». Вот это Бедкер. Вот это так. Ну, и благоволите *понять* это и почувствовать. Звезда — да, точно. Со звезды Евангелие начинается. Все приемлемое умом и сердцем ² в язычестве — покрывается христианством как часть целым. Биллионная доля истины — и она не пропадет, не затеряется в истории, когда-нибудь принесет дивный плод, но именно на почве

¹ Письма Кускова меня заставили очень задуматься, и я переслал их г. Гатчинскому Отшельнику (его другие литературные псевдонимы — *Рцы* и *Вл. Заточников*), прося отзыва, который здесь и помещаю. В. Р-в.

² Да это большая разница: очень легко «приемлемое умом и сердцем» усвоить себе, сказав: «это — мое». Но тут мы не начинаем ли играть *чужими козырями*, т. е. немножко нечестно? Легко сказать: «мое». Нет, ты *роди* и тогда о выношенном утробой можешь сказать: «это — *точно* мое». А то ведь «с чужого коня среди дороги долой», да и за чужими подписями векселя не всегда действуют. Вообще это — точка зрения риторически приятная. «Люблю весь мир и весь мир усваиваю себе: сам же ничего не делаю»; «я добр — а поэтому пожалуйста мне ваши капиталы». Но ведь мир, т. е. *не-европейский* и *до-европейский*, может оказаться менее снисходительным и более суровым: «нет, я уже лежу в могиле, в могилу вы меня уложили: и не трогайте меня, а главное — не трогайте моего. Сами наживите богатства, ну хоть вот наживите еще Рахиль и Лию, еще моавитянку Руфь, и терпеливого Иова; попробуйте составить сами псалмы, и наживите научным путем Соломонову мудрость, но меня оставьте: сами же объявили, что Ветхий Закон упразднен; не трогайте и рядом со мной уложенного элина, не трогайте хотя бы для ваших школ и детей. Оставьте нас лежать до страшной трубы — второго пришествия Христова, которое рассудит, отличит рожденное от подражающего, и подлинные богатства от заимствованных, и каждому вернет свое, и каждому воздаст за свое». В. Р-в.

христианства, тем и отличающегося от всех религий мира, что в нем *иоты нет семинаризма*. Все, все лучшими человеческими чувствами ¹

¹ Тут вот и начинается великая проблема пола, и даже, определеннее и точнее — одного полового акта *an und für sich*. Приемлем ли он «лучшими человеческими чувствами» тоже *an und für sich* их? Автор в другом письме резко писал мне, правда за два года до времени настоящей о письма, следующие слова, утверждающие «абсолютную неприемлемость христианством» полового акта: «...Или вы будете иметь бесстыдство опять морочить здравый смысл ссылками на таинственный процесс деторождения? Да разве он не *тот же* и в браке, и в блуде? Пес ничего не говорит (NB. безмолвен: но что же, ничего он и не *чувствует?* В. Р-в.) и *производит*; мой приятель NN поет *tru-la-la* и тоже *производит*. Один В. В. Р-в умудряется *философствовать* во время акта и потому — свят?! Тут приходится выбирать между явным безумием или явно нечестным отношением к спору, к заведомо добросовестным, простым и ясным возражениям оппонента.

Очевидно, что *не* в *coitus'e* центр брака; так в чем же?

А в том, что такая ужасная мерзость (NB — «*не* приемлется умом и сердцем», «лучшими человеческими чувствами не приемлется» В. Р-в), как *coitus*, т. е. с точки зрения христианства мерзость, — такое ужасное преступление, такой непрощенный грех — *прощается, разрешается, терпится, допускается*.

За убийство — в Сибирь, но война освещает преступление — убивай!

За совокупление — геена огненная, но брак разрешает, отпускает этот тягчайший, по христианскому взгляду, из грехов.

Брак в его *сакраментальной*, таинственной, религиозной сущности, есть подпись «Директор Ламанский» на бумажке, за какую подпись: а) в Сибирь, если вы *сами* ее, *от себя* выпустили, и б) *ничего*, если она отпечатана в Экспедиции заготовления государственных бумаг и носит название «кредитный билет».

Брак — это и *и н д у л ь г е н ц и я* от тягчайшего из грехов (при этом я всецело разделяю со многими другими недоумение: для чего же этот непростимый грех с такою силою внедрен в меня; но речь идет не о моем или наших недоумениях, а о *положительной догме* христианства), — брак не что иное, как *индальгенция*, покупаемая ценою жизни. Да, дорогою, кровною ценою покупается *п р а в о* творить сию *м е р з о с т ь*!! Я не люблю свою жену, *она* меня не любит, совместная жизнь невозможна — нужды нет! Для *гадости* тебе вторую лесенку не подставят (NB: эти страстно сказанные слова объясняют истинный мотив *не* расторгимости у христиан брака, каковая нерасторгимость драпируется в заботу о прочности и вечности семейной жизни. В. Р-в.). *Умерла* жена. Тем лучше (NB. какой ужасный пессимизм воззрения на брак! но он очень точно выражает *status quo* брака в Европе. В. Р-в.), ибо ты перестанешь творить мерзость, пусть она, эта мерзость, по немощи нашей и узаконена, индальгирована. Ведь *второбрачные* уже подпадают под *эпитимию*, ведь священнику и вовсе вторично нельзя жениться. Наконец, допустим, что я *от живой жены* схожусь с другой — какой ужас! Церковь тут уже делается прямо *лотою*, беспощадною! Не говоря уже о моем личном, всеконечном осуждении, она *детей* моих казнит. Ведь никогда, никогда усыновить их мне не удастся! Ведь навеки эти несчастные, абсолютно ни в чем неповинные, становятся «блядовыми сыновьями и дочерьми». Припомните Бецкого. Его отец князь Трубецкой был женат, разошелся с женой и, живя за границей, женился на девушке хорошего семейства и прижил сына. Как же поступила церковь? Смиловилась ли она над этой блядью? Сняла ли незаслуженную казнь с ее сына? Нет, Трубецкой-сын так и остался «Бецким», и если идеи этого возвышенного, благородного человека содействовали торжеству *анти-христианских*, — но глубоко человеческих, конечно, — начал в отношении блудного сожития вообще с его ужасным последствием для *несчастно-рожденных*, ибо в отношении *п р е л ю б о д е я н и я* (т. е. сожития от живой жены, все равно открыто-честно, или под фиговым листком антиканонического *двуженного* брака) закон ни в чем не изменит своей суровости: дети, рожденные от *пре-лю-бо-де-яния*, никогда, никогда не будут узаконены! Да иначе и быть не может. Уступи только в этом пункте церковь, ей неминуемо придется допустить обсуждение возможности развода, — даже, или может быть переее всего, по той единственной причине, что *он* или *она* не любят друг друга. Раз будет допущено это, — нелепою представится *эпитимья*, налагаемая на второбрачных, да и самое запрещение священникам жениться вторично вряд ли удержится. И, таким образом, все *черное, монашески* созданное здание аскетического христианства рухнет. Останется о с н о в а в углу здания от века и до века положенная... Тогда другой разговор!

Тогда...

Ну, если дело станет на эту почву, то станет возможным принять к обсуждению и недоумение: каким образом, если есть грех, то этот грех так внедрен в нашу природу, и мучительный вопрос касательно неприменимости монашеского идеала к *мирскому* житию...

приемлемое, приемлет и оно. Но глумиться над страданием, но подходить с зубоскальством к великому таинству смерти... извините! Сие — *Анти-Христово!* Но вот те же китайцы: благородный, прекрасный у них культ покойников? Это — «пожалуйста, ждем не дождемся»¹. Мы свиньи, а вы умники. Научите, покажите». Христианство ждет не дождется *восполнения полноты*²... Так и относительно Египта, которому вы начинаете отдавать свое внимание, так всюду... Если только где есть иота, приемлемая умом и сердцем — пожалуйста³.

Вот тогда и ваши соображения относительно чистоты того, что *яростно* (NB! В. Р-в) понимается нечистым, будут, может быть, приняты в соображение... Да мало ли что тогда произойдет! Может быть, торжественно придется закричать: «да ведь христианство до сих пор пустило только один росток, и этот бедный и бледный росток мы, дураки, приняли за все чудное древо жизни!!!»

Мало ли что тогда будет... А пока... Или мы стоим на почве протестантского субъективизма, или же мы всецело подчиняем себя положительному учению церкви. С этой последней точки зрения только и можно сказать в заключение: *dura lex, sed lex* (закон суров, но это — закон — лат.).

Письмо это написано в 1896 году. Теперь, как видно из статьи «Бессмертные вопросы» (см. выше, стр. 140—147), автор переменил свой взгляд. Но обратимся к анализу его мыслей в 1896 году. Если опустить смутные колеблющиеся чаяния в заключительных строках письма, то очевиден взгляд его, тысячелетнезастарелый взгляд на *coitus* как на «невообразимую мерзость», уж конечно «неприемлемую чистым сердцем и здравым умом». И так, в сущности, и было тысячу лет, отчего самый честный брак и самое чистое в браке житие считалось все-таки и всеми — грешным, слабостью, уступкой животной стороне своей природы. Но, как он догадался в 1899 году, без *coitus'a* — «таинство совсем выпаривается», «его вовсе нет». Таким образом, очевидно, что от библейско-эллинического бракосочетания в Европу перешла только *fata-morgana*, — некоторые жесты и символы, а не плоть и кровь; некое: «сие творите в мое воспоминание», а вовсе не сущность. Но, однако, брак, семья суть ли *malum*, — зло? Никто не скажет. Значит всякий должен отвергнуть и идою г. *Гатчинского Отшельника* в последнем, приводимом нами в тексте письме, относительно «полноты полнот»... В. Р-в.

¹ Да ведь *все в связи*, и может быть *оттого* мы и «не дождемся» этого *чужого* богатства, как и «еврейской семьи» (см. его письмо ниже), которая «не перешла к нам». Вообще замечательно, что мои корреспонденты гочно не замечают всего объема вопроса, больше играя на струнах своего сердца, чем озираясь извне и собирая черты «века сего» и минувших. У китайцев (вероятно) есть концепция линии рождений, как пульса *одной* жилы: и оттого далекие кончики жилы естественно чувствуют ее начала. «Бог *отцов наших* — Авраама, Исаака и Иакова»... Вот как далеко: еще Авраама помнят. Скажем ли мы, становясь на молитву перед сном: «Боже отцов наших, *Рюрика и Гостомысла*»... Совсем другая психология! Я дальше деда у себя никого не помню, и деда-то знаю лишь из отчества отца: Василий Федорович, значит — Федор. Больше ничего не знаю. Скольких *они помнят*, как отцов: каждую субботу зажигаются четыре свечи, в память 4-х бабок Израиля: Сарры, Ревекки, Рахили и Лии. Они помнят чадородие праматерей, характер каждого рода у этих бабок. С характером и судьбою и роком этих родов связаны благословение и завет Израиля... Теперь мы бы и готовы сказать: «а — это наше! а — нам!» Но то будут бессильные и напрасные слова. Мы, однако, отвлеклись: культ покойников у китайцев вероятно связан с особенным чувством рождения. И нельзя же стаскивать с них их одеяло и одеваться в него самим. *Suum cuique* (каждому — свое — лат.). Здесь наша тема (бесконечный хамелеон) из «благочестивых пожеланий», *pra desideria*, переходит в критику... В. Р-в.

² От чужих? соседей или древних? Если точка зрения Кускова верна, то в христианстве *вовсе нет семьи и вообще не достает некоторых кусков целины*, — и очевидно придется или 1) пришить чужие полотнища к нему: так наука и начала *вне христианства расти*, или 2) придется переткать всю ткань его, перемещивая нити христианства с языческими, иудейскими и эллиническими: но тогда пала бы проблема: «всех привести ко Христу», ибо, очевидно, пришлось бы *самим пойти к другим*, — да и прежде всего *начать воскрешать многое*. В. Р-в.

³ Автор, не замечая того, становится на индивидуалистическую точку зрения: мое «я» есть критерий благого и разумного. Но не только Римский папа, но и почивший Филарет скажет: «мы умерли лично — и таинственно воскресли во Христа; и не умерев в своем я, в своем суждении и различении доброго и лукавого, нельзя воскреснуть со Христом, чтобы Христом (а не собою) судить лукавое и доброе». Автор здесь ускользает от прямых и трудных вопросов в *бездоный субъективизм*. В. Р-в.

Приходит иногда в голову: после торжества христианства, т. е. как бы вселенского его распространения — вдруг *мусульманство*? Откуда сие? Да, очевидно, благодаря попытке монахов свернуть широчайшую Волгу в ручеек-ниточку аскетически-христианского *толка*¹. Идеальная еврейская семья в новый мир не перешла². Явилось фактическое многоженство. Лукавый факт³ мусульманство возводит в честно открытый догмат. Улавливая первооснову, понимаешь, почему *все* в мусульманстве должно было получить характер чего-то *честного* и *серьезного*. Зная все это, разжевавши все это в сознании, станешь ли говорить себе: «мусульмане *честны*⁴, а мы лукавы, ерго христианство»... Да вовсе ни при чем христианство в том, что дураки или негодяи портят дело. При многих несомненных положительных качествах, мусульманство все-таки не более, как семинар, а христианство — абсолютный **Пан** — полнота полнот.

Пл. Ал. Кускова очень ценю, но существенные аргументы его письма не убеждают меня.

---

¹ Слишком наивное объяснение. Очень интересно было Омару знать «Устав Феодора Студитского». «Море, уже море,— я не могу идти дальше!»,— воскликнул который-то арабский полководец, вогнав коня в Атлантический океан за Гибралтаром: «Земля кончилась — и я сажусь, не по усталости, но потому, что она кончилась!» Это — совсем *другой* дух, а вовсе не корректура неудачно напечатанных первых страниц «Истории Христианства». Вообще вечное рассмотрение всего с точки зрения «нас» и «мы», столь неудержимое в европейцах («хвастливый лях»), едва ли верно и иногда смешно. В. Р-в.

² Да *почему* не перешла? С этого *начинается* вопрос, а автор постановку вопроса считает снятием самой темы. До очевидности понятно, что под отрицательным взглядом на семью должны были произойти *суженные* и *неудобные* для нее нормы, в своем роде *путь* на «могущего бежать» (и в эллинизм, и в иудейство), и в них естественно семья «заковыляла» «куда-нибудь» и «как-нибудь». Брошен кусок семьи человеку, и как бы ни пришелся горек, по случаю или судьбе — «больше на проси». В. Р-в.

³ «Верные — ходите на ваши *нивы*», попалась мне в *Коране* одна строка, афористическая. У мусульман *конечно меньше*, чем у нас, фактического (тайного) многоженства; у нас *мало-брачие*, но *много-«знайство»* («и познал Адам Еву», Быт. 4) женщин. Совсем я не видал ни одного христианина, который бы *испытал* одну женщину. Валандаясь между 18—28 гг. с проституцией, он им *и счет потерял*. В мусульманстве (я расспрашивал татар-старьевщиков, и на Кавказе) *осуществленная моногамия* и *едино-«знайство»* женщины, добровольное: ибо ведь рождается девочек почти ровно столько, сколько мальчиков (немножко больше), и лишь очень богатым достанется этот кусочек лишка рожденных девочек, но так как никого «в девах» не останется, то средний, т. е. почти всякий мусульманин, едва раздобыв, похитив женщину или купив ее себе («калым», который дается женихом при вступлении в брак и хранится на случай развода), во всяком случае, нечто за нее пожертвовав,— только ее одну и знает, даже почти ее одну видит. Но перейду к строке Корана: эта чистейшая *одно-женная* мусульманская жизнь и образовалась на почве первоначального законодательного *много-женного завета*: «ходите на ваши *нивы*», при котором расхватывали девочек, и когда девочек не осталось — а их сейчас же не осталось — водворилась строжайшая с ними бережливость, как с дорогим товаром [у нас «лежалый товар», «засидевшиеся девы» и даже «безнадежные»,— так что уже сама, несчастная, хоть кому-нибудь и насколько-нибудь время отдается («падения»), только бы «восстановил семя вечного родительства»]. Редкого коня нужно беречь; дорогое ружье — в чехол. Так и с женой на Востоке — по простейшим причинам. Но никогда «Пророк» и мусульманство не стояли на точке зрения: «ах, что делать: *лукава* природа человеческая, но будем честны: возьмем *гнузность* во всей ее необоримости». Так рассуждают петербургские писатели, а не восточные пророки. В. Р-в.

⁴ Замечательна, действительно, честность мусульман: «кого казначеем? — говорят в южнорусских артелях на промыслах.— «Да кого же? — Абдулку». Всегда в русской артели, с примесью мусульман,— казначеем выбирается мусульманин, верный и непьющий. Первое растление человека — в семье, и когда семья фальшива у нас, дети из нее вырастут фальшивые. В. Р-в.

Приводимые им тексты (Матф. X и др.) суть *труднейшие* для понимания.— Приводить их, *ничтоже сумняся*, можно только в полемике с семинаром *в печати*, чтоб отбиться от него: «Ситного», дескать, «тебе пирога в рот!» и в лукавом ведении, что он не посмеет возражать (архиерей за уши выдерет). Но *честным образом*, между мудрыми — на них ссылаться нельзя. Ведь в Евангелии нам даны твердые, ясные величины, *A* всегда *равное A*, а затем множество *X* — величин неизвестных. Притча о блудном сыне = *A*. Милосердный самарянин = *A*. Все, касающееся любви, сострадания, милости и пр., все это ¹ твердейшее = *A*. И вдруг загадочный *X*, как бы исполненный суровости, жестокости, почти бесчеловечия... Нет! мудрый с легким сердцем не скажет: «Эврика! $x = \text{не } A$ », и в конечном анализе:

$$A = \text{не} — A$$

«Ergo, долой христианство», и да здравствует *Мир Искусств*, Апис, Ибис, кн. Ухтомский, черт в ступе etc. etc».

Лично для своего понимания названные *труднейшие* тексты я контекстирую с Матф. XIII, 33: «Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не закисло все», и еще выше, ст. 31, о зерне горчичном. Если не *все*, то очень, очень многое делается понятным под этим углом. В употреблении *зерну* раскрыты исторические *внешние* судьбы христианства. Бродило, дрожжи объясняют вечную *бегучесть* христианства со стороны психологической, *субъективной*. Указывается просто на *факт*, — и что же в самом деле так разделяло человечество, как *бродило* христианство?

Ваш *Гатчинский Отшельник*

Примеч. 1903 г. Все это писалось в 1899 г. В настоящем 1903 г. автор поместил в «Мире искусств» замечательную статью: «Нагота рая», где входит в психологию и оправдание язычества. Таким образом, тема *пола* вдруг воскрешает и объясняет смысл язычества. *В. Р-в.*

---

¹ Поразительно, однако, что «*A* — величины» все не получили себе реализации, ибо ведь странно было бы называть европейскую цивилизацию наиболее цивилизацией «не убий», «не обидь», «подними на дороге замерзающего». Это — *fata-morgana*, которая всегда манила пересохшее горло европейца; но *x* — величины, напр. о скопчестве и вообще около и вокруг семьи, все реализовались с ужасною силою, совершенно *неодолимою* мощью. Идеал девства даже не входит в «пути блаженства» нагорной проповеди, — между тем по степеням девства, по ступеням девственности разместились три церкви, весь христианский мир: и это *совершенно* *неодолимая* тенденция. Между тем, в Евангелии почти ничего и нет о девстве; но *кое-что* есть, однако, в «заключительном слове», как безмолвный жест. Но тайна, нега и легкость указаний, как будто прощающих непослушание (*не* девство), она-то и увлекает, впоследствии она-то и разражается громами. Так часто вся жизнь друга для вас незаметна, но помнится и истинен и поразителен какой-нибудь один его взгляд, шепот, предостережение; или жена любимая умерла и перед кончиной сказала: «если ты меня любишь — ты не женишься». И все померкло в вашей памяти, но это помнится. Так же случилось, и может быть и таково же было истинное отношение, в душе самого Христа, между «*A* — величинами» и «*x* — величинами». *В. Р-в.*

VII.

Религиозное освящение супружества

1) *Ветхий Завет о супружестве.*
50-й псалом царя Давида

Любезнейший В. В.!

Сейчас раскрыл я № 50 «Церковного Вестника»¹ и встретил в нем лишь новое подтверждение того, какую незаменимую услугу делаете вы русскому религиозному сознанию, поднявши в печати вопрос о браке по существу. Ведь по этому вопросу у нас действительно царит невообразимый сумбур и страшная путаница понятий. Вот вам образчик. В названном № «Церковного Вестника», в статье «Брак по учению Христа Спасителя», автор пренаивно заявляет: «Брак честен, ибо при помощи его человек преодолевает греховную похоть невоздержания... Брак безукоризнен...» (стр. 1730).

Во-первых, в браке человек не «преодолевает», а, напротив, *удовлетворяет* ту похоть, которую наш автор назвал «греховной похотью невоздержания». Во-вторых, кто же и когда эту похоть, по ее существу, богосозданности и целесообразности возвел в ранг — «греховной»? В-третьих, если эта похоть действительно «греховна» по самой природе своей, то каким же образом брак может быть честным и безукоризненным?²

Предоставив автору названной мною статьи решать поставленные мною вопросы, сам я поведу с вами речь о том, о чем уже давно собирался побеседовать, а именно: о браке по существу с христианской, библейской, евангелической точки зрения. Все сейчас названные мною эпитеты объединяются в одном термине — христианской догматики. Итак, как же смотрит на брак по существу христианская догматика? Здесь, под выражением «брак по существу», я, вслед за вами, разумею и понимаю акт или момент сокровенного супружеского соития, сопряжения «двух в плоть едину», тот акт, который в некоторой мере может быть обозначен словом «зачатие». Но термин «зачатие» не совсем точен³, так как им не всегда покрывается названный акт.

¹ Журнал С.-Петербургской Духовной Академии. В. Р-в.

² Следовало бы спросить: каким образом может *быть* брак? *Возвестись* в какой-либо положительный ранг? Тем паче — в ранг *святого таинства*? Как только мы допустим хотя бы минимально отрицательное воззрение на пол и его точки и секунды, мы ничего не получим, кроме *степеней* проституции, или совершенно беспорядочной, или высоко *упорядоченной* — в семье; но, однако, и в семье — только проституции. В. Р-в.

³ Собственно, это есть акт *открытия* в единослитном «я» — «отца и дитяти», «матери и дитяти»: ибо последнего без акта этого не бывает. Существо младенца, предвечное по существу, эмбрионально предустановленное в каждом «я» — есть причина прилепления, и по этой движущей и образующей причине мы должны определять самый акт. Он может не окончиться младенцем: но это уже внешний для девы и юноши процесс, которые в себе самих все равно уже отпрянули в древность «отчества» и «материнства», постарели сейчас же в миру выявившиеся из них второго «я». «Отец» — это «вчера я», «младенец» — «завтра я», на которое распалось теперь исчезнувшее «сегодня». *Соитие* есть разложение *есмы* в был и буду. В. Р-в.

Здесь я сделаю маленькое отступление. Пусть никто не называет неприличную поднятую тему. И это вот почему. В церковном богослужбном Евангелии, непрестанно возлежащем на Святом Престоле в алтаре, в каждом православном храме, в конце обыкновенно прилагается месяцеслов, и в этом месяцеслове каждый священник под 9 числом декабря прочитывает следующую пометку: «Зачатие св. Анны, егда зачат святую Богородицу», а под 23 числом сентября: «Зачатие Иоанна Предтечи».

Теперь, если слово «зачатие», по разуму и голосу церкви, удостоено того, чтобы быть помещенным в Церковном Евангелии и постоянно пребывать на Св. Престоле, пред Всезрящими Очами вездесущего Бога,— то не тем ли более не может быть постыдным или неприличным употребление этого, или подобозначающего ему, слова в обыденной нашей речи, или на страницах какой-либо книги? Но этого еще мало. Для божественного сознания между словом и делом нет промежутка, или паузы, нет расстояния. Если слово «зачатие» постоянно возлежит на св. престоле, пред очами Всезрящего, то точно так же предлежит сознанию Вездесущего и Всеведущего и соответствующее этому слову действие¹.

Что же такое этот супружеский акт: спасение или гибель, добродетель или грех, нормальность или беззаконие? Нужно заметить, что в православных догматиках этот вопрос не только не решается, но даже и не ставится². И, конечно, только этим обстоятельством может быть объяснено появление в печати различных до противоположности решений этого вопроса. Мне на своем веку довелось встретиться только с тремя писателями, которые высказались по данному вопросу вполне ясно, открыто и определенно. Писатели эти: швейцарский пастор Дю-Туа и наши Вл. Соловьев и Н. Н. Неплюев. Думаю, что в своих заметках по поводу их мнений я успею высказаться вполне. В настоящий раз остановлюсь на взглядах пастора Дю-Туа, тем более, что он основывает взгляд свой на догматической почве.

Взгляд свой на существо брачных отношений Дю-Туа высказал в своем обширном сочинении: «Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенной, человека и Священного Писания». Книга эта переведена на русский язык и издана в печати в Москве, в университетской типографии, в 1818 году. Она, несмотря на некоторые крайности в воззрениях автора, представляет собой превосходный материал для чтения и назидания для всех тех,

---

¹ Как глубоко и важно это точное, математическое соображение. В сущности, мы не научимся сопряжению, не войдем в истину сопряжений, пока как бы каленым железом не будет выжжено в крови и костях наших ощущений: что вот — очи Вышнего, и вот — нам предлежит перед Ними совершить правду. Шуточное тогда исчезнет. И некоторое краткое молитвословие *перед* и *после* станет неперменным требованием. В. Р-в.

² Нужно заметить, что как религиозное «учение о таинстве брака», так и каноническое право, около факта брака вращающееся, построено «на песце», если оно не исходит из определенной и решительной доктрины о фундаменте всего: соитии двух полов. Без такой доктрины учение о браке напоминает «золоченые рождественские скорлупки», в коих не содержится вовсе живого, да и никакого вовсе, зерна. В. Р-в.

в ком основательное образование соединилось с пламенным благочестием; кто в деле веры не ограничиваются одним праздным разглагольствованием, а ежедневно и жизнь свою, и душу свою приносят в жертву всеожжения Бессмертному Богу. И потому было бы в высшей степени желательным, чтобы кто-либо вновь перевел эту книгу с французского на современный русский язык и издал в печати для религиозного просвещения своих соотечественников. Но обратимся к взгляду Дю-Туа на наш вопрос. Рассуждая в 6 части своей книги о способе передачи первородного ¹ греха от предков к потомкам, Дю-Туа говорит, что «сей грех или пятно вкореняется посредством *похоти* в деле рождения» (стр. 106). Свою мысль Дю-Туа основывает на несколько выше приведенном им тексте из 50-го псалма царя Давида: «*се в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя*» (ст. 7). Мысль бесспорная. Действительно, каждый из нас получает первородный грех вместе со своим зачатием и рождением. Но Дю-Туа этим не ограничивается. Из означенного текста он выводит далее мысль, с которой уже никак нельзя согласиться, а именно: мысль о том, что самый акт супружеского соприжения есть грех и беззаконие. Состояние человека во время этого акта, по словам Дю-Туа, таково, что оно «прерывает чистое и внутреннее соединение твари с Богом и удаляет ее от Него на безмерное расстояние. Ибо надобно знать, что все долженствующее быть соединенным с Богом, непременно должно быть чисто». Так как мне и в разговорах неоднократно приходилось слышать, как от мирян, так и от священников, ссылку на указанный текст из псалма Давидова, как на доказательство той истины, что действительно половое соприжение, все равно и в законном супружестве, есть грех и беззаконие, и так как в Священном Писании это есть единственное место, из которого, при поверхностном взгляде на него, можно извлекать подобную мысль, то я нахожу нужным обстоятельнее остановиться на уяснении смысла этого текста, в той мысли, что с достоподобным уяснением этого смысла сама собою падает единственная подкладка для ошибочных и оскорбительных воззрений на существо брака. Итак, какую же мысль боговдохновенный царь и венценосный пророк высказывает в указанном тексте? *Се бо в беззакониях зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя*. Факт беззакония и греха кому здесь приписывается: зачинаемому и рождаемому или его производителям? акту зачатия и рождения или природе зачинаемого и рождаемого? Ясно, что зачинаемому и рождаемому, свойствам и существу его природы. Он и зачинается, и рождается в беззакониях и во грехе, как в некоей одежде, с определенной греховною закваскою, с определенным греховным

---

¹ Собственно — был *первый* грех Адама и Евы, *ослушавшихся* Бога и вкусивших заповедного плода от древа *познания* (логический порядок существования). Кто и когда стал соединять слово «родный» с словом «перво» — это следовало бы поискать в истории. Но во всяком случае, путем этого безосновательного слияния образовался совершенно ложный термин: «первородный». Эта филологическая ошибка породила сердечную, и поэтому-то именно без критики проходившую, тенденцию: принимать за первый и *фундаментальный* грех что-то *внутри-родное*, «зачатиевское». В. Р-в.

колоритом ¹. Вот мысль, какая заключается в названном тексте. Усматривать здесь еще другую мысль о том, что самый акт зачатия есть грех и беззаконие, нет ни малейших оснований. И это по следующим соображениям. Во-первых, остановимся на филологической стороне разбираемого текста. Весь 50-й псалом написан Давидом в форме так называемого синонимического параллелизма священной еврейской поэзии, состоящего из последовательного ряда двустиший, в которых тот и другой стих выражают подобнозначащие, синонимические мысли. Вот наглядный пример такой формы:

Во исходе Израилеве из Египта,
Дому Иаковля из людей варвар.

Бысть Иудея святыня Его,
Израиль область Его.

Море виде и побеже,
Иордан возвратися (Пс. 113, 1—3).

Сразу же замечаете, какое глубокое соответствие между первыми и вторыми членами каждого двустишия. Второй стих в двустишии является лишь повторением мысли первого стиха, только в иных выражениях. Теперь обратимся к рассматриваемому нами тексту.

В беззакониях зачат есмь,
И во гресех роди мя мати моя.

Если мысль первого стиха понять так, что самое зачатие, или акт супружеского сопряжения, есть беззаконие, то нужно будет, в силу параллелизма и соответствия мыслей в двустишии, и мысль второго стиха понять так, что самый факт или процесс рождения матерью младенца есть грех. Но, кажется, никто еще и никогда факта рождения не считал грехом? ² Если же рождение не есть грех, то, по силе параллелизма, и зачатие не есть беззаконие ³.

---

¹ Поразительно: на тысячах страницах Писания, и где непрестанно этот акт упоминается, только единственное и притом беглое, осуждение ему!.. да и то, как оказывается, не ему! Да это — такое *утверждение*, какое превосходит самую полную положительную доктрину. В. Р-в.

² Т. е. как бы мы сказали о негрятке или китаянке-матери: они рожают *черного* или *желтого* младенца; но не сказали бы: *акт* их сопряжения *желт* или *черен*. В. Р-в.

³ О рождении следует мыслить по Апостолу: приведем весь чудный текст, где обозначен им лик жены: «Жена в безмолвии да учится со всяким покорением. Жене же учити не повелеваю, ниже владеи мужем, но быти в безмолвии. *Спасетя же она чадородия ради*, аще пребудет в вере и любви, и во святыне с целомудрием» (1 к Тимофею, гл. 2, ст. 11—15). Итак, по Апостолу, жизнь, в *постоянных совокуплениях* супружества проходящая, нисколько не дисгармонизирует «святым и целомудрию ее» (жизни). Так она и проходила у Давида, у Авраама, Иакова: из слов Рахили, обращенных к сестре Лие, по поводу мадрагаровых яблоков ее сына: «пусть (за эти яблоки) муж войдет *эту* ночь к тебе», — видно, что ни одной ночи не проходило, в которую Иаков не имел бы совокупления с которою-нибудь из сестер, предоставив им избирать — с которой. И однако, богоизбранность его столь несомненна. Нужно заметить, что насколько недостаток или задержка сопряжения производит раздражение, тоску и неудовольствие в мужской природе (гневливость аскетов), настолько природа эта смягчается и становится нежна, ласкова, прощающа, если удовлетворена в этом постоянном своем желании («и *наполни* землю», слова Адама Богу). Вот почему мы почти не наблюдаем

Второе основание. Давид, согрешивши пред Богом, в указанном тексте ищет себе как бы извинения в своем грехе, как бы смягчающих обстоятельств, и, как на таковые, указывает на тот факт, что он и зачался, и родился со грехом, что склонность и поползновенность ко греху есть сущность его природы, полученной им от родителей вместе с зачатием и рождением. Такая ссылка действительно является смягчающим обстоятельством. Но могло ли быть каким-либо извинением для Давида указание на тот факт, что родители его сотворили беззаконие самым актом его зачатия?

Третье основание. Одно из главных правил толкования Священного Писания есть сопоставление данного места Писания с другими, соответственными и параллельными местами. Итак, сопоставим мысль царя Давида о зачатии и рождении с самою первою заповедью Творца, высказанною Им первозданной человеческой чете в повелительном наклонении, относительно того же самого зачатия и рождения. Вот, из глубины веков, с первой страницы книги Бытия, чрез целый ряд тысячелетий, доносится до нашего слуха повелительный, всемогущий и никогда не умирающий глагол Елогима: *раститесь и множитесь и наполните землю* (Быт. 1, 28). Какое содержание заключается в этом Творческом глаголе? Не узаконяется ли им тот самый способ зачатия и рождения в человеческом роде, каким и Давид зачался и родился от своих родителей? Без сомнения. А если так, то мог ли Дух Святой, говоривший устами Давида, обозвать грехом и беззаконием прямое, точное и буквальное выполнение положительной и определенной заповеди Божией? Нет, я не произнесу хулы на Духа Святого и не дам безумия Богу, допустивши возможность того, чтобы Дух Божий противоречил Сам Себе.

Итак, мы, женатые христиане, в акте супружеского сопряжения являемся не жалкими рабами греховной похоти, а изначально Самим Богом уполномоченными продолжателями Его божественного творчества.

Но бракофобы ухищряются подорвать значение первоначальной Творческой заповеди плодиться и размножаться, данной первосозданной чете. Так, Дю-Туа высказывается следующим образом: «Если бы праотец и представитель рода человеческого сохранил верность в течение срока испытания, тогда приобрел бы он дар непогрешимости как для

в Ветхом Завете, чтобы святые черты души, благодать характера, доброта поведения, достойные посещения Божия, образовались у едино-женных людей. Исключение — Исаак. Но Авраам (завет с Богом), Иаков (ночью боролся с Богом), Моисей, Давид, Соломон, все особенно избранные Богом, *видевшие* Бога, кого Бог *посещал*, — обычно соединялись без жадности, но и без упрека себе, с несколькими женщинами, частью самых разных возрастов (Сарра и Агарь) и близкого родства (Сарра — сестра по отцу Авраама, но лишь от другой матери). Если принять во внимание еще Хеттуру «и паложниц» (Бытие, XXV) у Авраама, и затем Давида и Соломона: то нельзя не видеть, что семья имела тип сложения как бы в *виноградную кисть*, в *много-плодность* и *много-цветность* на одной ветви (муж): и вот тогда-то получалась наибольшая нежность семейных отношений, совершенное незлобие, безгневность мужа и отца (Иаков), что и привлекало к нему, такого духа человеку, Бога. Малочисленная семья, за редкими исключениями, бывает или холодна и вяла, или раздражительна, колюча. В. Р-в.

себя, так и для всего потомства своего, которое бы рождалось не от похоти плотские, но от теплоты любви к Богу» (ч. 6, стр. 105). Конечно, для человеческой фантазии никаких границ не положено, и фантазировать можно сколько угодно. И в данном случае Дю-Туа может строить сколько угодно предположений, для которых нет ни малейших оснований в Слове Божиим, но другой вопрос, какова цена всем этим предположениям. Фантазирование Дю-Туа о том, что если бы первый человек не пал, то люди размножились бы не тем способом¹, каким они размножаются ныне, а каким-то иным, более чистым и благородным, напоминает собою известный философский вопрос о том, что существующий мир есть ли наилучший из всех возможных миров, или Бог мог создать мир, еще более совершеннейший. Мы имеем дело с фактом. Нам дан известный мир, и мы им довольствуемся. Нам дан известный способ размножения, и мы им пользуемся. Рассуждать о возможности лучшего мира и лучшего способа размножения есть вопрос совершенно праздный и совершенно беспочвенный.

В самом деле, наши прародители в раю имели ту же самую организацию, какую и мы имеем. После своего грехопадения они делают препоясания для пола своего. Но тут следовало бы обратиться к свидетельству физиологов и медиков относительно бесконечно дивной, глубокой и целесообразной приспособленности и приноровленности организма мужчины и женщины к процессам зачатия, чревоношения, рождения и питания. Ведь эта приспособленность совершенно завита в организме, вплетена в него, а не составляет в нем какого-то придатка. Для чего же такое, дивно целесообразное, в интересах существующего способа размножения, устройство² человеческого организма?

Но согласимся на минуту с Дю-Туа. Допустим, что, не будь грехопадения, род человеческий размножился бы совершенно иным, теперь неизвестным, способом, и что первоначальное Творческое повеление

---

¹ Прекрасен и полон этот разбор; добавим к нему немного: для каждого принципиального вопроса, решаемого Словом Божиим, следует выбирать то место в этом Слове, где данный вопрос был поставлен принципиально же, а не бегло, не «по поводу», не «по случаю». Ибо во всех подобных местах и решался собственно *частный случай, повод*, вызвавший ответный себе глагол Бога ли, Писания ли боговдохновенного. Но принципиально и полно рождающая сторона человека обсуждена только в *Бытии*, 1—2; там не *по поводу* она обсуждается, а *прямо* и следовательно *прямым суждением* и о *прямой вещи* самого рождения. Второй принцип экзегетики есть следующий: Писание — *едино* (отсюда — *един* Бог, *едина* вера, *едина* церковь) и, следовательно, найдя в упор высказанное мнение об упорно поставленном же вопросе, все остальные места Писания подлежат лишь согласованию с ним, к открытию какого-либо возможного или вероятного или даже невероятного смысла, но при коем они не расторгали бы *единства Писания*. В. Р-в.

² В самом деле, зачем же было создание второго пола? Довольно было быть единому мужскому. В создании Евы и выразилось, еще до греха и вне ведения его самим Богом (свободная воля) — предназначение человека к половому союзу; да подведя Еву к Адаму, *до грехопадения*, Бог и благословил их в *супружество*. Замечательнее гораздо, что ни одного момента созданные люди не находятся вне «благословенного супружества». Затем, если *исполняющий* благословение *акт* начинается *после грехопадения* (сейчас же) — это свидетельствует об эквивалентности его, как *утешения человеку, возмещения непосредственной близости к Богу*, — что выразилось и в глаголе Евы, при рождении Каина: «приобрела я от Господа». В. Р-в.

плодиться и размножаться имело в виду именно этот, неведомый и несуществующий теперь, способ. Такому предположению препятствует вторичное, и притом дважды повторенное, повеление Бога Творца плодиться и размножаться, данное, после истребления первого мира потопом, Ною и сыновьям его: «*И благослови Бог Ноя, и сыны его, и рече им: раститесь и множитесь, и наполните землю*» (Быт. 9, 1—7). Повеление, данное семейству Ноя, высказано буквально в тех же выражениях, как и повеление, данное Адаму и Еве. Но тождество заповеди предполагает тождество ее выполнения. Никто, в здравом уме находясь, не станет отрицать той истины, что Ной и сыновья его имели ту же самую организацию, какую и мы имеем, и размножились тем же самым способом, каким и мы размножаемся. Следовательно, творческое повеление, данное Ною, узаконяло именно существующий и ныне способ размножения. Если же и Ною и Адаму повеление Божие высказано в одних и тех же выражениях, то, следовательно, и для Адама Творец узаконял тот же самый способ ¹ размножения, какой и для Ноя!

Высказывая все изложенное, я полагаю, что я ни на пядь не удалился от догматической истины. Представитель наших символических книг, «пространный Катехизис» строжайшего ревнителя православия, митрополита Филарета, на вопрос: «что есть грех?» отвечает: «грех есть преступление закона» ². Так как половой супружеский акт не есть преступление никакого закона, а, напротив, прямое и буквальное выполнение Божественного закона о размножении, то, следовательно, он лежит вне области греха и беззакония. Как же, однако, и каким же образом в сознании нашего церковного общества распространилось гнушение этим актом? Но об этом, если судит Господь, в следующий раз.

Ваш искренний поклонник, протоиерей

А. У-ский.

19 декабря 1898 г.

2) *Евангелие и ап. Павел о супружестве*

Любезнейший В. В.!

Новый Завет, о коем в письме ко мне вы упомянули, что «не расходится ли он во взгляде своем на супружеский акт с Ветхим Заветом», — сам по себе, не дает даже и малых оснований к тому, чтобы гнушаться этим актом супружеских отношений или презрительно относиться к нему. Но этого мало. Прочтите все четыре Евангелия, с первой страницы до последней, и вы нигде не найдете даже мысли о превосходстве девства,

¹ Очень глубокое и совершенно решающее детали спора замечание. В. Р-в.

² Вне нашей темы, но нельзя не заметить: до чего внешне это определение; и даже уже, нежели ветхозаветное! Это просто юридическое понятие. До чего глубже и религиознее понятие о грехе («повреждение совести») у простого нашего народа. В. Р-в.

в нравственном отношении, пред супружеством. Самая мысль о возможности девственного состояния высказана Христом Спасителем лишь вскользь, по совершенно случайному поводу. Когда Он, в своей беседе с фарисеями о разводе, указал на высоту, священность, ненарушимость и нерасторжимость брачного союза, то это учение Его показалось Его ученикам неудобноносимым и неудобоисполнимым, и вот они говорят: «если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться» (Мф. 19, 10). Скажите, пожалуйста: какая нота звучит в возражении апостолов? Говоря, что «лучше не жениться», ту ли мысль они высказывают, что девство лучше, выше, святее, богоугоднее супружества, или, наоборот: они бегут от этого последнего, именно вследствие его нравственной высоты и строгости? Очевидно, последнее. Есть ли же, таким образом, в данном Евангельском месте хотя какое-либо основание для мысли о превосходстве девства пред супружеством? Решительно никакого. При этом же, никак не следует упускать из внимания того обстоятельства, что выражение «лучше не жениться» высказано не божественными устами Основателя Христианства, а лишь недоумевающим сознанием учеников Его. На недоумение учеников Своих Христос Спаситель ответил: «Не все вмещают слово сие, но кому дано. Кто может вместить, да вместит» (Мф. XIX, 11—12). Монахи, именно из этих слов Христовых выводят мысль о превосходстве девства¹. Они говорят, что девство есть высший Евангельский совет, существующий лишь для немногих избранных, могущих вместить. Но все ли поэты, все ли философы, все ли художники? Очевидно, не все, а только те, «кому это дано». Точно так же все ли девственники? Очевидно, только те, кому это дано. Но безусловно все, в меру сил своих, обязаны стремиться к высшему нравственному совершенству, во исполнение завета Божественной Премудрости: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48). На этом пути к высшему нравственному совершенству безусловно меркнут и безусловно бледнеют самые высокие духовные дарования (что «дано»), как меркнет свет луны при утреннем появлении света солнца. «Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли чудотворцы? Все ли говорят языками? Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший» (1 Кор. 12, 29—31). На этом превосходнейшем пути, «если я отдам тело

---

¹ Если бы Спаситель был против брака, то ведь он учил в эпоху многоженства (у евреев оно прекратилось около XIII века нашей эры) и какой бы гнев оно вызвало у Него, какие укоры, аналогичные укорам книжникам и фарисеям! Но Спаситель даже не упоминает о многоженстве, т. е. против «ужасного греха» не сказал и простого возражения. Кто смеет это перетолковать в смысле умолчания Иисуса: ведь Он — Бог, и разве не обличил *всякую*, при Нем жившую, *живую* неправду. А полигамия была живою. Этим и объясняются неизреченной мудрости глаголы, сказанные Им пятимужней самарянке. Слова Его о невоззрении на женщину опять перетолкованы: Его утомили лицемерные «старейшины», вечно болтавшие о седьмой заповеди, и Он обличил их почти в тех же словах, как тогда, когда они привели перед Него сблудившую от мужа жену (только таковые, а вовсе не вольные девушки, побивались у иудеев камнями; см. *Второзаконие*). Он им сказал: «блуд — блуд, седьмая заповедь — седьмая заповедь; да разве каждый из вас, кто смотрит на женщину (с вожделением) — уже не нарушил эту седьмую заповедь и не прелюбодействовал в сердце своем? Вот от чего старайтесь удержаться». В. Р-в.

мое» не только на аскетизм, но даже «на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 14, 3).

Новый Завет основан на фундаменте Ветхого Завета, и потому не могло быть, чтобы основные и существенные, нравственные и психо-физические законы Ветхого Завета были выброшены в Новом Завете. Никто никогда не встречал такого неразумного строителя, который, выстроивши стены здания, стал бы выламывать и выбрасывать вон фундамент, в том соображении, что ведь стены поставлены, и, следовательно, фундамент уже не нужен. И потому-то Божественный Основатель Нового Завета, на всем протяжении четырех Евангелий, нигде и никогда не отрицал и не порицал брака, и нигде и никогда прямо и положительно не восхвалял девства. Да иначе и быть не могло. Ибо Основатель Нового Завета есть то самое воплощенное Слово Божие, которое «в начале было у Бога» (Иоан. 1, 1), и которое, в продолжение шести дней творения мира, приводило все сущее из небытия в бытие, и всему сущему полагало всяческие законы, а в том числе — и закон размножения, и без которого «ничто же бысть, еже бысть» (Иоан. 1,3).

Вдохновенным воспевателем, приверженцем и пропагандистом девства был св. апостол Павел. Он первый высказал мысль о превосходстве девства пред супружеством. Чисто поэтическому, восторженному восхвалению девства им посвящена почти целая седьмая глава первого его Послания к коринфянам. Но во всем этом высказалась лишь особенность его личной природы, личного характера, личного понимания. Ибо после того, как Сам Основоположник Христианства изрек: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон (писания Моисея) или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17), какой пророк или который апостол осмелился бы отменять вечные законы Предвечного? И потому-то даже этот божественный Павел, этот восторженный поклонник девства, преклонявшийся пред ним до энтузиазма, до экстаза, откровенно признавался: «относительно девства я не имею повеления Господня» (1 Кор. 7, 25), и всегда, в принципе, оставлял за собою неоспоримое право и власть «иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа» (1 Кор. 9, 5), а лжесловесников, запрещающих вступать в брак, конечно, по чувству гнушения им, называл «сожженными в совести своей» (1 Тим. 4, 2,3).

Хотя, таким образом, ни Ветхий, ни Новый Завет не дают ни малейшего повода к тому, чтобы гнушаться супружескими отношениями или считать их за грех, тем не менее, это последнее воззрение, несомненно, существует в сознании русского церковного общества. По этому воззрению, акт супружеских отношений, по самому существу своему, по самой своей природе, есть грех, только грех прощаемый, так сказать официально допускаемый, в силу своей неизбежности. В последнее время красноречивым и подробным выразителем этой теории явился С. Ф. Ша-рапов в своем примечании к вашей статье: «Брак и христианство», в № 52 «Русского Труда» за 1898 год. «Ангел-то ангел, да из греха

вышел», говорит он про младенца. Прочитавши примечание г. Шарапова, я пришел в крайнее недоумение. Откуда автор почерпнул такую религиозную философию? Но при ближайшем внимании к делу, оказывается, что теория эта имеет глубокие корни и достаточно злобные последствия. По своему происхождению она является ничем иным, как только отдаленным отголоском гностических и манихейских бредней, а в своих последствиях она подкапывается под устои законной и правильной христианской семьи. Остановлюсь на последней мысли. Взгляд г. Шарапова есть хитрая выдумка, лукаво придуманная с тою коварною и вероломною целию, чтобы прикрыть и оправдать распущенную и развратную жизнь¹. В самом деле, какие неизбежные выводы необходимо вытекают из этого взгляда? Если сожительство и с законною женою в законном браке есть грех и преступление², то что же заставит меня вступать в законный брак, налагать на себя узы супружества и бремя семейной жизни? Не все ли равно, в таком случае, иметь дело с чужими, посторонними женщинами? Не все ли равно грешить, со своею ли законною женою, или с постороннею женщиною! Нет, идея христианского брака, в церковно-религиозном его понимании, в том именно и состоит, что брак есть святость вполне и до дна, без всякого остатка и без всякого исключения, так что в браке уже нет места ни для какой мерзости и ни для какой скверны. Место для этих понятий остается только в блудодеянии и прелюбодеянии, когда холостой человек имеет дело с свободною девицею или с чужою женою. Смешивать состояние законного супружества с практикою свободного любодеяния решительно нельзя; распространять понятия греха и беззакония, неоспоримо присущего незаконному любодеянию, на состояние законного супружества Слово Божие не дает ни малейшего основания.

Под какими же влияниями и воздействиями создано в русском религиозном сознании такое воззрение? Ответить на этот вопрос нам поможет теория национальных особенностей в религиозных воззрениях народов. В области этой теории вы сами работали («Место христианства в истории»). Трудились на этом поприще профессора Д. А. Хвольсон и А. Д. Беляев. Сделаны краткие указания в этом отношении и у И. В. Киреевского в одном из двух его последних трактатов. Может

---

¹ При всем своем христианском милосердии и любви, о. протоиерей У-ский, очевидно, или не потрудился прочесть нашего примечания, или умышленно его искажает. Кажется, последнее. Мы решились, однако, напечатать его письмо, оставляя за собою последнее слово. С. Ф. Шарапов.

² Тут есть удивительная вещь: Церковь, которая позволила бы грех, eo ipso и в ту же секунду слилась бы с ним и стала греховною церковью, что невозможно. Брак есть таинство; и как очень точно было формулировано г. Гатчинским Отшельником («Бессмертные вопросы»), это таинство «выпаривалось бы дочиста», «от него бы ничего не оставалось» без трактуемого нами акта; следовательно, пусть даже побочною, но все-таки непременною частью этот акт включен в таинство, лежит в чаше таинства. Но «таинство» во всем своем пространстве свято, не имеет переслоений с злым, священноотрицательным. Итак, трактуемая тема — безгрешна, свята. Это — алгебра, которую напрасно было бы пытаться поколебать. Начать оспаривать г. У-ского и меня можно, но как? — перестав брак считать таинством, оставив церковь при шести таинствах и устранив седьмое. Тогда мы умолкнем. В. Р-в.

быть и многие другие по означенному вопросу писали, но я более никого не знаю. Полагаю только, что и означенных писателей достаточно для установления той истины, что каждый народ, каждое племя имеет какие-либо свои национальные, своеобразные черты в религиозных воззрениях, что каждый народ поражается какими-либо особыми чертами божественной сущности, преклоняется пред какими-либо особыми пунктами религиозного ритуала. Мы, русские, приняли Христианство из Византии и вместе с ним заимствовали оттуда и все достоинства, и все недостатки греческого религиозного сознания. Итак, ключ к решению поставленного вопроса нам следует искать в религиозном сознании Греков. Чем же, какой стороною из всей обширной области Христианства наиболее было поражено сознание Грека? Идея *бессеменного* зачатия воплотившегося Сына Божия, факт *безмужнего* рождения Христа Спасителя от матери Девы — вот тот пункт, вот та сторона в христианском мирозерцании, которая всецело и без остатка поглотила собою, заполнила сознание Грека. Идея девственности для Грека-язычника, привыкшего давать полный простор своим физическим пожеланиям и потребностям, была так необычна, так нова, что он в изумлении пал пред нею ниц, и у него уже ни в сердце, ни в сознании не осталось места для какого-либо иного поклонения. Всякая другая сторона в Христианстве для него теперь, словно, не существовала. Его сознание застыло и закаменело на идее девственности, отождествилось с нею. Доказательство тому — вся наша церковная, богослужебная поэзия, все это множество молитв, канонов, акафистов, гимнов богородичных. Все они переполнены прославлением бессеменного зачатия и безмужнего рождения совершенного Бога и совершенного человека.

В уяснение указанного явления позволю себе привести два, быть может, очень грубых и очень вульгарных, но тем не менее для нашего вопроса весьма типичных сравнения. Припомните последнюю сцену из Гоголевского «Ревизора». Вся группа уездных чиновников, при известии о приезде действительного ревизора, словно застыла в своих позах, с лицами, с изумлением обращенными в сторону неприятного вестника. У всех их в данную минуту все прочее вылетело из сознания, и осталась в нем одна только мысль о новом ревизоре. Или возьмите фотографа, снимающего фотографическую карточку с какого-нибудь ландшафта. Все то, на что навел он трубу своей камер-обскуры, отразилось на карточке; все прочее осталось вне ее. Так случилось и с греческим религиозным сознанием. Оно не могло вместить в себе всей полноты Христианства, а остановилось лишь на том, что больше его поразило.

Итак, вот тот пункт, на котором греческое религиозное сознание с универсальной христианской дороги повернуло в боковую тропу аскетизма. Спасение было загнано в пустыни и заключено в монастыри. Преклоняясь пред бессеменным зачатием и благоговей пред девственной личностью Богочеловека, греки старались подражать Ему, отпечатлеть в себе Его образ, прежде всего путем девства. *Святыня девствен-*

ности — вот тот кумир, пред которым в продолжение 1900 лет с благоговейным изумлением падал ниц и восточный греческий, а вслед за ним и северный российский христианин. На *святую супружества* и некому, и некогда было обращать внимание.

Сколь поразительна разница в отношении грека к девству и супружеству, это всего нагляднее открывается из нижеследующего примера, который следовало бы признать безусловно невероятным, если бы он не был исторически действительным. Возьмем преподобную Марию Египетскую, эту пустыяницу и отшельницу, и тех двух святых замужних женщин, относительно которых был небесный голос преподобному Макарию Египетскому, и которые этим небесным голосом, по святости и праведности жизни, поставлены выше одного из величайших подвижников золотого века Христианства, девственника и пустыяника, многие десятки лет проведенного в подвигах поста и молитвы. Как отнеслось религиозное сознание Грека к той и другим? А вот как. Память преподобной Марии Египетской положено ежегодно праздновать 1 апреля. Кроме сего, воспоминанию ее посвящается пятое воскресенье Великого Поста. Сверх того, в честь ее поются запевы и читаются тропари в великом покаянном каноне Андрея Критского в первые четыре дня первой недели и в четверток пятой недели Великого Поста, причем, в последний из названных дней, положено читать и житие ее. А когда же по календарю празднуется у нас память двух святых замужних женщин? Увы! Религиозным сознанием греков и воспоминания этих святых жен в святцах не положено. Мало этого. Жестокосердные поклонники девственности не сочли нужным, не сочли своей нравственной обязанностью сохранить для памяти потомства хотя бы только имена этих святых женщин. К чему же? Ведь это так обычно, так заурядно, так буднично! Две простые замужние мирские женщины! Что ж тут особенного? Какие ж тут подвиги? Стоит ли передавать имена их памяти потомства? Так что, если бы христианские жены и матери пожелали, в лице названных древних праведниц, иметь своих небесных покровительниц, защитниц и руководительниц на пути семейной жизни, то они лишены были бы возможности удовлетворить свое святое и совершенно справедливое желание уже по одному только незнанию имен этих праведниц, ибо как же обращаться с незнанию имен этих праведниц, ибо как же обращаться с молитвой к безымянным святым? Судите теперь, насколько справедливы и насколько равномерны отношения Грека к девству и супружеству.

Из такого порядка вещей произошли два, громадных размеров, но весьма сомнительного достоинства, последствия. Первое — то, что и миряне, или супружники, привыкли смотреть на религию и на религиозные обязанности монашескими глазами; а второе — то, что семейная жизнь на Востоке и на Севере, в течение 1900 лет Христианства, не получила ни малейшего развития, ни малейшей культуры в направлении Христианства, с точки зрения спасения.

Остановимся на первом последствии. Тон церковной жизни на Востоке всегда задавали девственники. Из их рядов вышли церковные организаторы, церковные администраторы, церковные писатели, церковные песнописцы. Характер и тон своих воззрений, своего понимания Христианства, своего отношения к укладу христианской нравственности они наложили, безусловно, на весь строй церковной жизни. Из всего этого строя возьмем теперь одну частность, имеющую непосредственное отношение к нашему вопросу. Для девственника, наложившего на себя добровольный обет вечного ненарушимого девства, конечно, не только совокупление с женщиною, но и всякие помышления и пожелания в этом направлении суть грех и преступление. Но грех тут не в существе дела, а в нарушении данного обета. Греха этого не существует для состоящих в законном супружестве. Между тем, мало-помалу, понятие греха из области нарушения обета было перенесено на самое существо супружеских отношений. Так как девственники с своей монашеской точки зрения смотрели на совокупление с женщиной, как на грех, и это свое воззрение выразили в бесчисленном множестве церковных молитв и песнопений, то и миряне, или брачники, в течение многих и долгих веков, посещая церковное богослужение и постоянно слыша там оплакивание блудных монашеских падений, мало-помалу привыкли смотреть на половые отношения и вообще, безотносительно к монашеству, даже и в законном супружестве, как на грех и нравственное падение.

Этот вопрос можно было бы продолжить и распространить, но я думаю, что и того немногого, что я сказал, достаточно для вас, чтобы вы поняли мысль, которую я хотел высказать. Мимоходом я укажу на те, совершающиеся на наших глазах, симптомы русского религиозного сознания и русской религиозной жизни, которые свидетельствуют о том, что православным русским людям наскучило уже смотреть на Христианство монашескими глазами, и они начинают искать исхода из такого положения. Я разумею появление на нашей православной почве, за последние тридцать лет, пашковцев, штундистов и толстовцев, которых так усердно и так энергично укоряют в отпадении от истинного православия и в отделении от Церкви. Но ведь все они не от Церкви бегут и не от православия отрекаются, а бегут от монашеского гнета, от византийской 900-летней забастовки своего религиозного сознания, от монастырского режима в области семейной жизни, от позорной, обидной и оскорбительной для православного семьянина монашеской точки зрения на супружеские отношения. Они не желают, в виде бездушной кладки, нагруженной на баржах и барках, плыть по житейскому морю на монашеском буксире, а желают плыть на пароходах собственной постройки. Возьмите во внимание наш церковный типикон, которым в течение 9 веков определяется строй и порядок нашей церковной жизни. Где и для кого он написан? В монастырях и для монахов. Миряне своего собственного типикона доселе не имеют. Они жили и живут по монастырскому типикону. Но скажите, насколько пригоден режим кучки людей, до-

бровольно постановивших для себя задачей обуздать и умертвить плоть свою, для миллионов мирян, никогда для себя такой задачи не поставивших? ¹ Ну, и не удивительно, что появились протесты против подобного уклада церковной жизни.

Теперь несколько слов относительно второго последствия. В то время, когда монастырская жизнь на Востоке получила блестящее развитие, было написано множество уставов монашеской жизни, во всех мельчайших подробностях определявших и внешний, и внутренний порядок ее,— семейная жизнь была оставлена в совершенном забвении. В этом отношении достаточно указать на тот один красноречивый факт, что за период времени в 1900 лет ни греческий, ни русский православный мир не дали ни одного специального руководства к спасению в семейной, супружеской жизни, так что и ныне, как и полторы тысячи лет тому назад, если православный мирянин задумается о спасении, то ему придется самолично прорубать дорогу ко спасению, пользуясь для сего лишь отрывочными элементами из указаний, заключенных в аскетических писаниях, специально приуроченных к жизни девственников. Но ведь это в некотором отношении напоминает то, как если бы плотник пошел учиться плотничному ремеслу у кузнецов.

Греческое понимание Христианства есть понимание его под углом зрения св. апостола Павла, этого апостола языков ², с оставлением в стороне или с выбрасыванием за борт понимания его под углом зрения прочих двенадцати апостолов, апостолов обрезания, которые предоставляли верующим *равное* право и *равную* власть избирать для себя любое *спасительное* состояние жизни, состояние ли девства, или состояние супружества, ничуть не третируя последнего и нимало не возвышая первого. Но если грек и 900-летний подобострастный подражатель его Россиянин восклицают о себе: «аз убо Павлов» (1 Кор. 1, 12), то мы

---

¹ Замечу еще одно: Церковь *двоится* в идеале, если мы не сольем или монашества с браком («внутреннее глаголение пола перед запирающею его плотиною», как я объяснил в статье «Смысл аскетизма»), или — но это совершенно невозможно — не сольем брак с монашеством («таинство выпаривается», «таинства нет»). Церковь, говорю я, *двоится*, при этой точке зрения, и, под покровом одной, в темных и белых ризах духовенства, мы имели бы или имеем *два и притом противоположные упования, спайку двух Церквей: «белого поклонения» «Светлому Лику» и «темного поклонения»* такому «Темному Лику», суть коего, в противоположность Богу — Елогиму (*Бытие. 1*), есть заповедание: «не раститесь, не множитесь». В. Р-в.

² Позволительно поставить вопрос: к Спасителю обращалась и хананеянка, и Он не отшел ее и не обличил за веру. Вообще, Спаситель есть Спаситель мира, а не иудеев, и все взял под крыло Себе. От сего, как спасающий мир, Он обличает пороки совести, но не возражает против ошибок вероучения. Характерный не книжник, Он идет *мимо* догматов, систем, символов, как мимо стен Иерусалима, не обращая глагола к спорам их. Но *после Спасителя открылась пропаганда* его глаголов, и вот в этот миг произошло, как кажется, величайшее заблуждение: Христово (относящееся ко *всему миру, весь мир под себя* взявшее, как солнце имеет под собою океаны, леса и горы) — вдруг *заострилось против племен, языков и капищ:* и сейчас же, силою реакции, *против себя все это заострило.* Восстали эллины и иудеи, когда сам Спаситель не восставал ни против иудея, ни против эллина, но против греха. И вот почему до наших дней «весь Израиль» не «спасся». Вообще на почве пропаганды, борьбы с язычеством и иудейством, само христианство сузилось и исказилось, почти до секты, до толка: *антииудейского и антиэллинского*, когда оно может быть «и эллинским, и иудейским», «мировым». В. Р-в.

с вами, совершенно с одинаковым правом, можем каждый воскликнуть: «аз же Кифин» (там же), в той совершенно справедливой уверенности, что «и Павловы и Кифины одинаково суть Христовы» (1 Кор. 3, 23).

Глубоко Вам преданный протоиерей *Александр Ус-ский*.
1899 г. 8 апреля.

3) Супружество в первые века христианства

Глубокоуважаемый В. В.!

Следы апостольского отношения к вопросу о браке остались для нас в так называемых «Правилах апостольских», которых мы не должны пройти молчанием. Для нашего вопроса важны 5 и 51 правило. Приведем их сполна. Правило 5: «Епископ, или пресвитер, или диакон да не изгонит жены своея под видом благочестия. Аще же изгонит, да будет отлучен от общения церковного; и оставаясь непреклонным, да будет извержен от священного чина». Вслед за этим правилом приложено такое толкование: «Изгнание жены запрещается священным лицам потому, как изъясняет Зонар, что сие казалось бы охудением супружества». Правило 51: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина удаляется от брака не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что вся добро зело, и что Бог, созидавая человека, мужа и жену сотворил их, и таким образом, хуля клеветает на создание, или да исправится, или да будет извержен из священного чина и отвержен от церкви. Такожде и мирянин». Но ведь гнушаться в браке можно единственно только актом супружеских сношений. Если теперь апостольские правила запрещают гнушаться браком, то они, тем самым, запрещают гнушаться именно означенным актом; если же запрещается гнушаться им, то, конечно, потому, что в нем нет ничего достойного гнушения.

К чести широты и многосторонности греческого религиозного сознания нужно сказать, что официальная греческая Церковь, по крайней мере в теории, долго отстаивала святыню брака пред стихийным напором массового народного сознания, получившего наклон в сторону преклонения пред девством, пока, наконец, и сама не увлеклась, по-видимому, общим потоком. В данном случае с греческим религиозным сознанием относительно девства произошло то же, что в Западной Церкви относительно Filioque. Римские папы долго и энергично защищали неприкосновенность Никео-Цареградского символа, пока, наконец, вынуждены были уступить стихийной массе народного сознания, дальновидно и благоразумно предохранив тем Западный мир от великого раскола, чего так печально, по своей нерассудительности и упрямству, не сумел избежать наш патриарх Никон, неосторожным насилием над народным сознанием достигший лишь грустного разделения в российской церкви.

Памятником защиты со стороны греческой церкви достодожного отношения к браку остались правила Гангрского поместного собора,

бывшего в Пафлагонии около 340 года, и шестого вселенского собора. В утешение и в оправдание свое, и в доказательство того, что мы с вами не фантазируем, когда защищаем достопоклоняемую святыню брака, считаю нужным привести здесь и эти правила. Вот они. Гангрского собора правило 1: «Аще кто порицает брак, и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, *гнушается*, или порицает оную, яко не могущую внити в Царствие: да будет под клятвою». Правило 14: «Аще которая жена оставит мужа и отйти восхощет, гнушаяся браком: да будет под клятвою». Правило 4: «Аще кто о пресвитере, вступившем в брак, рассуждает, яко не достоин причащаться приношения, когда таковой совершил литургию: да будет под клятвою». Правило 9: «Аще кто девствует, или воздерживается, удаляясь от брака, яко *гнушающийся* им, а не ради самые доброты и святыни девства: да будет под клятвою». Правило 10: «Аще кто из девствующих ради Господа будет *превозноситься* над бракосочетавшимися, да будет под клятвою». Шестого вселенского собора правило 13: «Понеже мы уведали, что в Римской церкви, в виде правила, предано, чтобы те, которые имеют быти удостоены рукоположения во диакона, или пресвитера, обязывались не сообщатися более со своими женами, то мы, последуя древнему правилу Апостольского благоустройства и порядка, соизволяем, чтобы сожитие священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимым, отнюдь не расторгая союза их с женами, и не лишая их взаимного в приличное время соединения. И тако, аще кто явится достойным рукоположения в иподиакона, или во диакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будет препятствием к возведению на таковую степень сожитие с законною супругою, и от него во время поставления да не требуется обязательства в том, что он удержится от законного сообщения с женою своею, *дабы мы не были принуждены сим образом оскорбить Богом установленный и Им в Его пришествии благословенный брак*. Ибо глас Евангелия вопиет: яже Бог сочета, человек да не разлучает (Мф. 19, 6). И Апостол учит: брак честен, и ложе нескверно (Евр. 13, 4); такожде: привязался еси жене, не ищи разрешения (1 Кор., 7, 27). Аще же кто, *поступая вопреки Апостольским правилам*, дерзнет кого-либо из священных, то есть пресвитеров, или диаконов, или иподиаконов лишати союза и общения с законною женою, да будет извержен. Подобно аще кто, пресвитер, или диакон, *под видом благоговения*, изгонит жену свою, да будет отлучен от священнослужения, а пребывая непреклонным, да будет извержен».

Я не сопровождаю этих правил никакими примечаниями, толкованиями или выводами. Смысл их до прозрачности ясен из их буквального текста. Я только подчеркнул в них некоторые выражения, наиболее характерные для нашего вопроса.

Обращаюсь теперь к нашей России. В печальном положении христианства в русской семье, в том, поистине достойном горючих слез, обстоятельстве, что русская семья, в смысле применения к ней Евангелия

Христовы и идеалы Нового Завета, Завета вечного (Евр. 9, 12, 15, 24; 10, 12, 14), и доселе остается в том же беспорядочном состоянии, в каком она находилась в те далекие времена, когда наши предки из-за моря призывали к себе водворителей порядка, и в таком же темном, не освещенном светом Духовного Солнца, виде, в каком она была и в старые времена, блаженной памяти, Великого Князя Василия Темного,— всецело и безусловно виноваты русский священник и русская женщина.

В самом деле, русский монах, со своей монашеской точки зрения и на своей монашеской дороге, много и долго, и притом совершенно добросовестно и совершенно усердно трудился на ниве Божией и принес от своего лица обильный плод для Царствия Божия. Доказательство тому бесчисленные сонмы святых русских иноков, наполнивших костями своими и Киево-Печерскую лавру, и множество других русских монастырей. Русские святители выделили из своего состава многочисленных святых представителей для Царствия Божия, раками с священными останками которых уставлены Храмы Божии и в Новгороде, и в Москве, и в разных других городах российских. Русские князья своими многочисленными святыми именами достойно украсили и испещрили страницы Святцев, русские простолюдины дали из своей среды для Царствия Божия немало разных Христа ради юродивых, блаженных и праведных. Но посмотрите вы весь православный календарь, с 1 января по 31 декабря. Много ли вы найдете в нем святых русских женщин? Много ли записано в нем святых русских священников? Что касается первых, то каких-нибудь три, четыре имени, и обочтетесь. Как видите, процент слишком ничтожный. Что касается последних, то их вы вовсе не найдете в святцах. Что же это значит? А то, что русский священник и русская женщина, за 900 лет христианства на Руси, не позаботились и не потрудились, каждый в своей сфере и в своей области, на деле и на практике осуществить заветы христианства. Коснемся сперва русской женщины.

Что такое русская женщина? Это какая-то деревяшка, совершенно лишенная какого бы то ни было стремления к нравственному самоусовершенствованию. Ей совершенно чужды какие бы то ни было понятия о чувстве правды и о чувстве долга¹. В ней совершенно атрофированы

---

¹ В одном частном письме *А. П. У-ский* писал мне: «пишу об этом как варвар; но напечатайте, ибо сердце говорит». И все у него (в ощущениях) — правда. Никакого чувства долга и никакого сознания идеала — нет, т. е. вообще, в массе, в плате женщин. Глыба земли, над которой еще «Дух Божий не бе». Но гут встает во всей силе своей взгляд (см. выше) Кускова о том, что семья — вне «Царствия Божия», от какого взгляда, за 1000 лет, она и полетела в бездну. «Дух Божий» отлетел от глыбы — и она стала бездыханна, бессветна, безыдеальна. Отсюда и Матрены и Катерины уже стали что доски. Тут несчастие — во-первых, а порок -- во-вторых. Но есть (редчайшие) стратотерпицы! но не погасли и идеалы! И как видал я позор русской семьи и русской женщины, видал и славу первой и второй, и должен свидетельствовать. Да вот супруга покойного Бухарева — ведь она незаметная блестящая золотая на возможной почве русского семейного идеала. Тут еще, при обсуждении падения идеала женщины, нужно принять во внимание отсутствие развода, при коем вообще все в семье пошло по уклону вниз. «Э, все равно, доживем: ведь разлучаться нельзя». «Не прогонит» (жена о муже). И — «не убежит» (муж о жене). Перестала одна и другая сторона в чем-нибудь сдерживаться. В. Р-в.

способности постигать небесное и стремиться к нему. Это какая-то лейденская банка, только заряженная не электричеством, а диким, жестоким эгоизмом. Это какая-то глыба замерзшей, окаменелой глины, совершенно неспособная поднимать взор свой к небесному своду. Бесчисленное множество русских священников спились с кругу единственно только из-за жен своих. Недаром на счет жестоковейности и инертности русской женщины сложилось так много пословиц, вроде, например, следующих: «Баба, не трясись». — «Нет, потрясусь!» «Брито». — «Нет, стрижено!» «Спорить с женщиной все то же, что черпать воду решетом». Да, русская женщина, в продолжение 900 лет христианства на Руси, не смирилась пред словом Христовым. В продолжение 900 лет христианства она добровольно, свободно и сознательно не признала и не приняла апостольского учения, гласящего, что муж есть глава жены (Еф. 5, 23), и что жена должна бояться своего мужа (Еф. 5, 33), или, говоря иначе, согласовать свою личную волю с волей мужа. Оттого и выходит, что едва молодые успеют повенчаться, как сейчас же начинается между ними глухая, часто даже бессознательная борьба за гегемонию в семействе, за преобладание, за то, чьей руке быть на верху. Первые проявления этой борьбы начинаются еще во время самого венца и доходят до смешного, когда невеста торопливо устремляется прежде жениха ступить ногой на подножки, или старается выше его поднять свою венчальную свечу, отдавая этим дань той примете, что, поступая так, она и в жизни будет иметь перевес над своим мужем и управлять им. Между тем, если бы русская женщина усвоила себе дух Христов, Евангельские идеалы и апостольское учение, то для подобной борьбы не осталось бы и пяди места.

Но это только одна сторона дела. Есть другая, несравненно более важная и более существенная сторона в недочете женского мирозерцания. Указание на эту последнюю я нахожу в самом свежем литературном свидетельстве. В только что вышедшей и любезно присланной Вами мне книжке «В тихой пристани», героиня рассказа «В морозную ночь», Мери, получает письмо от тетки игуменьи, в котором последняя советует ей вести жизнь внимательную, чистым сердцем служить Богу. По прочтении письма «ей стало немного досадно от советов игуменьи».

«На что мне они, когда, может быть, даже сегодня я буду невестой Матищева?» подумала она.

Итак, что же, милая барышня? Значит или Христос, или замужество? Или спасение души, или венчальный убор? А в замужестве Христос уже не нужен? А в семейной жизни для спасения уже нет места? Что же вы, прекрасное создание, с такими взглядами и убеждениями, дадите в своем лице мне, юноше? Или только одушевленный обломок неорганической природы? Что же вы, венец творения, принесете в своем лице в дом своего мужа? Или только пучок соломы, обшитый человеческой кожей? Мешок с песком, для балласта в моей жизни, для того, чтобы я, юноша, не улетел за облака в своих возвышенных мечтах и в своих благородных порывах? Удивляюсь я, чему же вы, милая барышня, и в собственном лице,

и в лице своих бабушек и прабабушек, в продолжение 900 лет, научились у христианства? Да знаете ли вы, будущая подруга и помощница мужа (Быт. 2, 18), что человек, будет ли то мужчина или женщина, без Христа в душе своей не имеет в себе жизни (Иоан. 6, 53, 56, 57)? Что это только духовный мертвец, духовный камень, пессимист, Шопенгауэр, и решительно ничего более? Что же ты, милая дамочка, не приобретшая Христа в сердце свое (Филип. 3, 8), не расцветшая в живую душу (4 Цар. 2, 2), жалуешься на то, что муж через три, четыре месяца после свадьбы выбрасывает тебя за порог своего дома, как бездушную вещь, как ненужную поношенную перчатку? Или ты, почтенная русская женщина, в течение 900 лет, никак не поняла, не узнала, что только Святым Духом всякая человеческая душа живится (воскр. антиф. 4 гл.)? Ведь это не фраза, не проповедь, не сентенция, а дело. Это факт психической жизни, которого нельзя ни обойти, ни объехать, и раз люди стараются обходить его, в их жизни появляется мерзость запустения, истинное и подлинное нравственное разложение. Как же ты, еще в девушках не приобретшая Святого Духа в храм своего брэнного тела, жалуешься, что муж обращается с тобой, как с бездушной вещью? Да как же он может иначе обращаться с тобою, когда он не нашел, не встретил в тебе живой души? Когда ты сама не постаралась озарить, осветить и оживотворить храмину души своей ни всеоживляющей жизнью Христовой, ни всесогревающей благодатию Святого Духа? Нет, не такие нам жены нужны! Не бездушные куколки, которые бы только умели бредить балами, театрами да маскарадами, и, за отсутствием положительного духовного богатства и духовной значимости, обвешивать себя и тем восполнять свою душевную пустоту только птичьими перьями да звериными шкурками, а такие, которые бы могли осветить и согреть нашу душу немеркнущим и невечереющим светом. Мне нужна невеста, которая бы повела меня в след за собою к бессмертной трапезе, к Хлебу жизни (Иоан. 6, 48) и к Источнику бессмертия. Мне нужна жена, которая бы была для меня постоянным правилом, моей неизменной и неподкупной Евангельской совестью. Мне нужна мать детей моих, которая бы воспитала, вскормила и отпечатлела в сердцах их образ Христов (Гал. 4, 19). Вот какая русская женщина нужна мне! И доколе вы, милые русские дамочки, не сделаетесь такими, вы не имеете ни малейшего права претендовать на то, что ваши мужья обращаются с вами, как с бездушной вещью, или выбрасывают вас за порог своего дома. Ибо с существом, действительно не имеющим живой души, как же иначе обращаться? И если мужчина искал в лице своей невесты живую душу и не нашел ее, то что же ему остается с нею делать, как не выбросить вон как ненужную ¹ вещь?

---

¹ Да. Ужасно и истинно. И у меня в родстве был священник, который лил слезы с женой 15 лет *по абсолютной ее глухоте ко всему*. Торопливые, перед посвящением, браки священников дают еще меньший процент удачи, чем при тщательном и долгом выборе, выглядывании мирян.— Гнев А. П. У-ского, столь правый и столь жестокий, и бросил, однако, *при отсутствии развода* — к естественному этому последствию. Глухая глыба уже повисла, что жернов на шее; она ежедневно и еженочно около тебя и около детей; и вот начинаешь биться с этой глыбой как тонущий с камнем у него на шее, и бить

Так вот что, милая барышня, от вас нужно. Принесите с собою Христа не в монастырь, а в мою семью. Озарите светом Христовым, как Божий храм в пасхальную заутреню, дом мой. Да будет наша первая брачная ночь символом, отблеском и отражением той священной, всепразднственной, спасительной и светозарной ночи, которая была провозвестницей восстания Христова, преддверием светоносного дня нашего спасения, в которую безлетный Свет из гроба плотски всем воссиял (Пасх. кан., п. 7, ст. 3). При таких условиях¹, конечно, и мужья инстинктивно почуют в вас, русские женщины, живую душу, и будут ценить вас и дорожить вами, а не выбрасывать вас за борт бытия своего.

«Как сурово, как жестоко сказано о женщинах», подумаете вы, прочитавши эти мои строки. Но что же делать? В таком виде стелется эта картина пред моим сознанием². Вот, если судит Господь повести мне речь о Соловьеве и Неплюеве, тогда надеюсь говорить более нежным тоном, ибо тогда заговорят дискантовые струнки сердца, а теперь пока удовольствуйтесь контр-басом.

Но еще более, чем русская женщина, в захудалом состоянии русской семьи, в смысле осуществления в ее сфере лучезарных заветов Евангелия, виноват русский священник. В самом деле, кому же, как не ему, следует освятить супружескую жизнь светом Христовым всю, до конца, без всякого исключения³. Кому же, как не ему, следовало, — прежде всего, конечно, лично для себя, а затем и для своей паствы, — уяснить христианство с точки зрения брачников? Не ему ли следовало уяснить вопрос о браке в отношении к вопросу о христианском спасении? Постарался ли он воплотить в своей жизни⁴ брачное сожитие, как свой специфический, специальный, совершенно отличный от монашеского, путь ко спасению? Ведь кроме него сделать это было решительно некому. Не могли этого сделать ни русские монахи, ни русские святители, ибо, во-первых, для них уже только вращать мысль свою в сфере супружеских отношений есть грех и преступление, а во-вторых, они не могли по собственному опыту быть свидетелями и показателями тех психических настроений

ее — как повешенный бьет виселицу ногой. Так началась *грубость* в семье. Так началась *дикость* в семье. Так началась *жестокость* в семье! И потек «Эдем» бытия — «в преисподнюю». Отсюда-то и вытекает *воплъ*: «развод!», не как рычаг разрушения, а как *вожжа* (вместо бывшей плети) управления. Но это — новая необозримая тема. В. Р-в.

¹ Да — буди! буди! Но, я верю — все так и будет. В. Р-в.

² Да, правду, всю правду на стол — без этого мы ни в чем не успеем. И суровое письмо А. П. У-ского мне при вторичном чтении безусловно кажется соответствующим делу и положению вещей. Когда пожар, то надо кричать, а не разговаривать. В. Р-в.

³ Тут — более трудный вопрос: а как живет в своей семье священник? а как условия его семейной жизни поставлены? Вообще тут — «зубчатое колесо» несчастий и греха. В. Р-в.

⁴ Вот тут-то и выступает мучительнейший вопрос: а как их *собственная, священников, жизнь* устроена? Ее условия — еще *печальнее*, еще *небрежнее* организованы, чем условия жизни мирян. Тут только и можно, в отчаянии, ухватиться за Библию (Ветхий Завет): «дайте нам *вот что!* житие — *левитов и священников израильских!*» Когда затеплится *милое и тихое, любящее и ласковое*, а в основе всего — *счастливое* («мне, рабу Божию, иерею Иоанну») *личное житие* — о, тогда уже все само собою придет. Лозунг XX века будет: воскресите нам кости и кровь Завета Ветхого!! В. Р-в.

и состояний, которыми предваряется, сопутствуется и завершается супружеское совокупление. Они не могли быть опытными показателями того, какое воздействие производит половой акт на сумму и строй религиозных чувствований христианина, и, следовательно, не могли сказать, восполнение или убыль производит он в психическом строе человека со стороны религиозной его полноты. Это мог и должен был сделать только русский священник. Он, с одной стороны, есть служитель, носитель и представитель Евангелия, — с другой — человек всегда и обязательно женатый, семейный. Он есть личный и живой узел, связывающий Евангелие Христово с половым актом¹, и, следовательно, на нем лежала обязанность озарить этот акт светом Христовым.

Между тем, что же сделал русский священник в указанном направлении? В продолжение 900 лет христианства на Руси он преспокойно и пресерьезно махал кадилом, переводил пятаки да алтыны из карманов прихожан в свои собственные, собирал кутью по родительским субботам и пироги по праздникам, исправно служил молебны и пел панихиды, да велемудро ухищрялся в одно и то же время служить двум господам, Богу и маммоне (Мф. 6, 24), работать Христу и Велиару (2 Кор. 6, 15), воскурять фимиам и в церкви Божией, и перед идолами (ст. 26). Днем он сознательно и разумно служил Богу, а ночью столь же сознательно и разумно служил Велиару. И это с того дня, когда он выйдет из-под брачного венца, и до того времени, когда окончатся дни его половой состоятельности.

Говоря это, я имею в виду великий духовный закон индивидуальности в восприятии истин Евангелия и в ответственности за них, высказанный св. апостолом Павлом в следующем положении: «нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто» (Рим. 14, 14). В силу этого духовного закона, если священник совершал свой половой акт с мыслию, что он этим актом грешит пред Богом, то и на самом деле это его деяние вменялось ему в грех и в преступление и составляло для него, каждый раз, лишнее бремя совести, лишавшее его дерзновения пред Богом и парализовавшее собою обилие его духовного плодоприношения². Между тем как совершение того же самого акта с молитвою, в свете Лица Божия, и с мыслию, что я этим актом лишь исполняю прямую и точную заповедь Божию (Быт. 1, 28), окрыляло бы его необыкновенным притоком духовной силы, разверзало бы источники его сердца для непрестанной хвалы и славословия Богу и вводило бы его в дерзновенную, открыто играющую и радующуюся пред очами Божиими (Притч. 8, 30), свободу славы чад Божиих

---

¹ Прекрасно, глубокомысленно. И я всегда думал: да от кого же, как не от *иерея-супруга*, должен воссиять свет с Востока? В. Р-в.

² Глубина из глубин. Лично я (даже в юности) никогда не полагал половой акт не чистым, и никогда же не был развратен. Но я наблюдал, что чем отрицательнее смотрит человек на половой акт — тем этот человек становится развратнее, как-то грязнее, свинствует в половом общении и вообще в воззрении на женщин и в обращении с ними. И тут — Бог сменяется *Велиаром*, в той же точке. В. Р-в.

(Рим. 8, 21). Ибо по тому же великому духовному закону блажен, кто не осуждает себя в том, что ¹ избирает (Рим. 14, 22).

Да русский священник, в продолжение 900 лет, жил святотатственной жизнью, принося Богу не все свое духовное богатство, не всю полноту бытия своего и поведения своего, а только часть его, другую же значительную часть, именно половой супружеский акт, оставляя, утаивая, как Анания и Сапфира часть своего вещественного имущества (Деян. 5, 1-2), лично для себя, и тем отнимая ее у Бога. Но как Анания и Сапфира таким святотатством заслужили только отвержение от Бога, так и русское священство, за такое свое духовное святотатство, не обречено ли Провидением Божиим на уничтожение и отвержение (Малах. 2, 9)? Не мудрено после сего, что русского священника никак не отыскать в православных святцах.

Таким образом, за русским священником числится неоплатный долг пред человечеством и пред Царствием Божиим. Чтобы сколько-нибудь уплатить этот долг, он обязан разумно, осмысленно и сознательно ввести половой акт в сферу религиозного действия и совершать его во свете Лица Божия, пред всезрящими очами Господними, а не уходить мысленно каждый раз при совершении его словно за границу Царствия Божия, не погружаться в область, идеже не пресекает свет Лица Божия: и тем в своем сознании не отдаваться добровольно и напрасно на служение царству тьмы и мрака.

Как видите, очередь приносить плод для Царствия Божия стоит за русским священником и за русской женщиной.

Что касается русского священника, то XIX век дал уже в этом направлении блестящие начатки. Я разумею трех святых священников нашего века: о. Иоанна Елецкого, о. Матфея Ржевского и о. Иоанна Кронштадтского, которые в святцы еще не успели попасть, но без всякого сомнения займут в них почетное место. Первый из них обладал даром пророчества и чудотворения, второй — даром прозорливости и духовного озарения, а третий — чудотворец на наших глазах.

Наступают дни, когда мы «смерти празднуем умерщвление, а до разрушения, иного жития вечного — начало». Итак, «играюще да воспоем Виновного, Единого Благословенного, отцов Бога и Препрославленного» (Пасх. кан. п. 7, ст. 2). Ему же да будет слава и держава вечная, с безначальным Его Отцом и жизнеподательным Утешителем Духом.

Ваш душою и сердцем, протоиерей А. У-ский.

---

¹ Все это место — удивительно. Так и я всегда думал. Чем *положительнее* мы смотрим на половой акт, *исполнение единственной до грехопадения заповеди человеку*, тем душа становится светлее, живее, легче (крылья) и наполняется каким-то гимном ко всему миру и всем тварям.— Вообще *точка зрения* на этот акт, стоя ниже *нуля* — порождает мировой пессимизм и скептицизм, стоя выше *нуля* — порождает мировой оптимизм, не доказуемый, не рациональный, но сердечный и мистический. В. Р-в.

4) *Евреи.— Св. Макарий Великий
и две праведные женщины.—
Воспоминание об А. С. Бухаревой*

Любезнейший В. В.

Не хвалите меня. Куда мне до похвал? Я буду очень рад, если какая-нибудь моя фраза наведет вас на размышление и подаст повод к новым вашим статьям по вопросу о супружестве.

Счастливая мысль пришла вам в сфере понимания и приложения к жизни Ветхого Завета, обратиться к свидетельству современных евреев. Ведь действительно, все христианские народы новички в деле понимания Ветхого Завета, и потому совершенно естественно и вполне благопотребно за пониманием Ветхого Завета обратиться к его носителям и представителям. Между тем у нас, даже доселе, к еврейству относились только с ненавистью и враждебно, забывая ту непреложную истину, что сами мы, люди Нового Завета, основаны на фундаменте Ветхого Завета, что мы «наздани на основании Апостол и пророк, суцу краеугольну Самому Иисусу Христу» (Ефес. 2, 20), этому воплощенному Слову Божию, которым «создана была всяческая, яже на небеси и яже на земли» (Кол. 1, 16).

Привожу вам сказание о преподобном Макарие Египетском (но он не был епископом, как вы думаете, а имел только сан священника) в том виде, как оно передано в славянской Четъ-Минее св. Димитрия митрополита Ростовского (за январь, под 19 числом), с собственным дословным переводом с славянского на русский. Вот оно:

«Однажды, когда преподобный молился Богу, был к нему голос, говорящий: «Макарий, ты еще не пришел в меру двух жен, которые живут вместе, в ближайшем городе». Услышав это, старец взял жезл свой, пошел в названный город и, отыскав дом их, постучался в двери. Тотчас одна из них вышла и с великою радостью приняла его.

Старец, призвав их обеих, сказал им: «Из-за вас принял я такой труд, пришедши из дальней пустыни, чтобы узнать дела ваши, которые вы и откройте мне без утайки». Женщины отвечали старцу: «Поверь нам, святой отец, даже и в прошлую ночь мы не были свободны от ложа мужей своих, каких же добрых дел ты ждешь от нас?» Старец же настаивал, умоляя их, чтобы они открыли ему образ своей жизни. Будучи убеждены старцем, они сказали: «Мы не имеем между собою никакого родства, но случилось нам выйти замуж за двух братьев, и вот мы, пятнадцать лет живя вместе с ними в одном доме, не сказали одна другой ни одного обидного или дурного слова и никогда не ссорились, но даже донныне живем в мире. Единомысленно совещаались мы, оставив плотских мужей, пойти в лик святых дев, работающих Богу, но не могли упросить мужей своих отпустить нас, хотя и упрашивали их со многими слезами. Не получивши желаемого, мы положили завет между Богом и нами не сказать никакого мирского слова до смерти нашей». Выслу-

шавши это, святой Макарий сказал: «Воистину ни девственниц, ни замужних, ни иноков, ни мирян, но произволения ищет Бог, принимая его как самое дело, и по произволению каждого подает Святого Духа, совершающего и управляющего жизнь всякого, хотящего спастись».

Вот сказание. Не правда ли, ка́кая прелесть! Но оно в течение пятнадцати веков оставалось гласом вопиющего в пустыне. Между тем достоверность его несомненна. Св. Димитрий Ростовский, в качестве источников, из которых он заимствовал это сказание, указывает на пресвитера Руфина, церковного писателя конца IV и начала V века, и на Скитский Патерик (собрание сказаний о подвижничестве египетских отцов). У нас, в духовной сфере, сказание это общеизвестно. Первый раз я слышал его еще в раннем детстве из уст отца своего. Потом где-то сам читал. Гораздо позднее повествование это я встречал у таких выдающихся богословов, как ординарный профессор Казанской Духовной Академии, доктор богословия, Александр Федорович Гусев («Прав. Обозр.» 1875 г., статья: «Ответ проф. Гренкову») и преосвященные Порфирий Успенский (в которой-то из его книг: «Путешествие в Египет и Ливию», или «Путешествие на Синай»).

На днях, после продолжительного перерыва, получил я письмо из Переяславля-Залесского от Анны Сергеевны Бухаревой. Бедная, великодушная страдальца, решившаяся разделить судьбу свою с «растригой», вот уже скоро тридцать лет вдовствующая среди притеснений, обид и народного невежественного пренебрежения. А между тем она вполне достойна была бы такого же почета и внимания, каким пользуется вдова другого нашего писателя, Анна Григорьевна Достоевская. Она пишет, что пыталась напечатать неизданное сочинение своего мужа «Иисус Христос в Его слове» (об этом упоминает Знаменский в своей брошюре), но встретились «независящие обстоятельства...».

Итак, продолжают и по смерти преследовать этого бессмертного родоначальника российских пророков. Что же делать? Общая участь всех пророков!

Глубоко вам преданный протоиерей *А. У-ский*.

31 марта 1899 г.

*5) Сфера, обойденная религией,
и задача наших молитв*

Ваше Сиятельство,
Владимир Петрович! ¹

Ободряемый приемом о. И. Петропавловского (письмо его в № 19 *Гражданина*), решаюсь и я сказать несколько слов по поводу статьи г. Розанова, помещенной в № 17 «Гражданина». В статье этой высказаны бессмертные мысли, занесены на страницы литературы огромной

---

¹ Мещерский, редактор «Гражданина». Прим. В. Р-ва.

важности наблюдения. В самом деле; где у нас религиозное освещение самых основных и центральных пунктов и сторон христианской супружеской жизни? Смотрели ли мы на них религиозно, как на дело Божие, или лишь только снисходительно допускали их, как неизбежную немощь и слабость природы человеческой? Где молитвы, окружающие опочивальню православного семьянина и освящающие ¹ ее? Вот мы слышим волю Господню: «не добро быть человеку одному: сотворим ему помощника по нему» (Быт. 2, 18). Вот мы имеем благословение Господне: «раститесь, и множитесь, и наполните землю» (Быт. 1, 28). Что же? Выполняем ли мы эту волю Божию во свете Лица Божия, пред всезрящими очами Бога Вседержителя, в чувстве радования о Господе, в сознании всецелого благоволения Творца к половому акту и со словами беспредельной благодарности Вседержителю и на словах, и в сердце? ² Пересмотрите все наши требники, канонники, молитвословы. Найдете ли вы в них молитвы, напр., пред началом супружеского совокупления, или после оногo? ³ Есть ли хоть в числе вечерних и утренних молитв какая-либо молитва, специально приуроченная для православного семьянина? Есть ли молитва для жены, когда она в первый раз почувствует присутствие бремени во чреве своем? Есть ли молитвы, когда жена почувствует первые движения младенца в утробе, пред началом родов ⁴ и сразу после оных. Увы, везде тут дикая пустыня, и нет ни единого молитвенного оазиса. Но что же? Неужели все обстоятельства зачатия, чревоношения и рождения человека, твердо покоящиеся на ясно, определенно и неотразимо выраженной воле Божией, недостойны молитвенного окружения и освящения? Неужели, когда заповедано христианину всякое дело начинать и оканчивать молитвою и все совершать во славу

---

¹ Поразительно, что о *победах* — есть молитва; перед *обедом*, после *обеда* — есть; в *путь отправляющемуся* — есть же; на *посев ржи*, овса — есть. Но на *посев души человеческих* — нет; для *детской* — нет, вокруг *ложы супружеского* — нет! Но я замечаю, вот в эти наступающие годы, что преданнейшие церкви супруги, как миряне, так и *священники*, ставят над изголовьем кроватей, рядом сдвинутых, образ Божией Матери с неугасимо теплящейся перед ним лампадой. Я не спрашивал, но разумеется лампада не гасится, когда супруги и приступают к совокуплению. Через это все смешливое и легкомысленное («Велиар») из психологии их на это время устраняется. Уголок имеет тихий и религиозный свет. Тишина и пустота здесь днем выделяет его во всем доме во что-то священное. Обычно ширмами он отделяется от остального пространства комнаты: и имсет вид вполне домашней часовенки, моленной, церкви. Так все само собою устраивается: и насколько это святее, чище, выше *физиологических спален*, каких-то кухонных, у светских людей, — творящих половой акт в тьме ночи, без любования во время его прескрасно одушевленным лицом друг друга, прекрасным взаимным телом и его чудным устройением, что все сливалось бы и с св. ликом, сверху и близко взирающим на ласкающихся супругов. В. Р-в.

² Вот, вот великая проблема брака! В. Р-в.

³ Собственно, *утренняя и вечерняя* молитвы и должны бы быть составлены в *отношении к этому акту*, возможному в ночи, как важнейшему самому сна. В. Р-в.

⁴ Грешный, *нужду* в этом я знаю из опыта. Перед приступом родов, жена всегда бывает в испуге и смятении, и начинает молиться — но бессмысленно хватая слова из разных молитв, и «Отче наш», и «Богородицы», и «Царю Небесный», и, обыкновенно, мысленно обращается к помощи родной своей, если она отсутствует, матери. В г. Белом мне и сказала акушерка: «читайте (ей, рождавшей жене моей) псалом: *Живый в помощи Вышняго*». Так всегда с тех пор я и поступаю. Но ведь — это эмпиризм и искание ошупью, и хотя это найденное — хорошо, но может быть, но возможно более полное, богоугодное, утешительное и соответственное. В. Р-в.

Божию, только половой акт, этот центральный фактор отчества и материнства, должен он совершать *вне* молитвенного озарения, как бы во славу Велиара? ¹ Неужели прямую и определенную волю Божию я должен выполнять в богозабвении и в удалении от Бога? И неужели может быть такое место, или такое мгновение времени, где бы и когда бы я мог скрыться от вездесущего и всезрящего Бога? Нет, признаю и исповедую, что и в момент совокупления с женою своею я также должен мысленно, умом и сердцем, предстоять пред Богом, как предстою пред Ним, когда во время священнослужения нахожусь в храме, пред престолом алтаря Господня ². Да не назовет кто-либо этих слов моих кощунством. О Матери Божией в одной из своих песней Церковь поет: «ложесна Твоя — Престол сотвори, и чрево Твое пространнее небес содела». Так точно *ложесна* всякой христианской жены становятся престолом младенцев, сущих по образу Сына Божия. Говоря все это, я нимало не выхожу из пределов исповедания и из сферы сознания одного из древних, боговдохновенных и боговенчаных пророков, который говорил о себе непосредственно в уши Божии: «к Тебе привержен есмь от *ложесн*, от чрева матери моя Бог мой еси Ты» (Пс. 21, 11), и который открыто исповедовал, обращаясь к Богу: «*Зародыш* мой видели очи Твои. Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы.

---

¹ Не могу я не радоваться *всею полнотою души*, что в никогда не виденном мною священнике А. П. У-ском нашел такую проникновенную по мысли и мужественную по сердцу поддержку кругу своих мыслей. Без этой поддержки я был бы уныл и не знал бы, куда бреду. Но его огромный здравый смысл и пылающее благочестие, как и знание св. Писания, цитируемого ежеминутно и очевидно без справок, на память, наполняет энергией готовые парализоваться мои члены. В нем я узнал истинное идейное и литературное сотрудничество. И если мысли наши когда-нибудь принесут плод, я радуюсь ожиданию, что с моими костями в могиле порадуются и его кости «во славу Господню». В. Р-в.

² Возвышенная эта мысль покрывается текстом Ветхого Завета (часто встречается у пророков): «имейте *обрезанными сердца ваши*». Так как, в контексте, это всегда равнозначит: «имейте к Богу *обращенными* сердца ваши, и чистыми», то обратно изъясняется и обрезание Авраамово: как *обращенность к Богу* точек приложения печати Ветхого Завета. Представляет одну из великих глубин (и новую серию вопросов) тема: почему же *это* особенно и исключительно (см. в *Бытии* страницы о заключении Ветхого с Авраамом завета) так *угодно Богу*? Тут, по-видимому, выступает океан всемирного родительства: Отцу миров и Родителю всякого бытия — и человек, сей малый родитель и отец, в то же время сие дитя Божие, никогда и ни через что не бывает так мил, близок и радостен, как готовясь родить и рождая. *Мое* чувство моего дитяти, когда оно дорастает до отчества (вечная мечта всякой матери о сыне, отца — о дочери) слабым образом может объяснить эту религиозную тайну и ввести в метафизику вовсе не холодного и внешнего, но нежного и манящего: «растите, множитесь». — «И ты, Сарра, в старости прорастешь». — «И все, все — прорастайте: ибо Вечное Ухо мое слушает ваши прорастания». Подобно тому, как у матери женатого сына (в счастливом случае) пробуждается необыкновенно нежное чувство к невестке, всегда возрастающее во время ее беременности — также и у свекра; равным образом при замужестве дочери зять становится едва ли не дороже, интимнее родителям молодой женщины, нежели их холостой еще сын. Вникая в источники этого, невозможно не думать, что совокупление детей мистическими путями передается и родителям, становится им знакомо («телепатия»), и возбуждает в них самих половое движение, но уже не физиологическое, а духовное, сердечное. В таком отраженном виде оно нежнее, непрерывнее, связывается погоянным счастьем души. — Вот причина, что родители считают несчастьем для себя безбрачие детей, а брак их — завершением чаши своей жизни. Но не иначе и Бог смотрит на брак всего человечества: вот отчего, заповедью в раю, Он прямо сказал, что для Него ничего нет угоднее, как размножение сотворенных Им детей Его; вот отчего мы чувствуем Бога Отцом (не «хозяйном» Вселенной, по Толстому, и не Демиургом, по Платону). В. Р-в.

Ибо Ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей» (Псал. 138. 16, 15, 13) ¹.

Но отчего же древняя Церковь не оставила нам в наследство молитв, окружающих центральнейшие и интимнейшие факты семейной христианской жизни? Это объясняется очень легко и просто. Молитва есть свободное излияние человеческого сердца, но применительно к жизненным особенностям данного индивидуума, изрекающего молитву. И, следовательно, условия и обстоятельства жизни и положение в Церкви того или иного творца молитв неизбежно должны были наложить свою печать и на содержание молитв, на их тон и характер и на их жизненное приложение. Теперь, если с этой точки зрения мы посмотрим на авторов молитв, то не можем не признать, что все наши молитвы, существующие как для церковного, так и для домашнего употребления, составлены монахами, пустынниками и отшельниками, т. е. людьми, добровольно обрекшими себя на ненарушимое девство. Для них, как совершенно естественная и нормальная, задача состояла в том, чтобы умертвить (1 Кор. 9, 27) и распять (Гал. 5, 24) плоть свою с ее природными потребностями, с теми ее факторами, которые являются агентами воспроизведения рода. В этом своем духе и в этом своем настроении оставили они нам и свои молитвы. Совершенно понятно, что и не могли они окружить молитвами такие факты христианской жизни, которых сами они не пережили и не переиспытали. Если же случалось, что некоторые из них не выдерживали девственности и впадали в любодеяние, то молитвы их в данном случае состояли из воплей и оплакивания допущенного согрешения. Итак, характер всех монашеских молитв состоит или в стремлении подавить и упразднить половую потребность, или в раскаянии по поводу происшедшей неудачи в осуществлении данного стремления. Но скажите, пожалуйста, при чем же тут христианские супружники, которые и от мира не отрекались, и обета девства не давали, и умерщвлять плоть свою задачей жизни не ставили? В то время как для монаха падение с женщиной есть подлинно грех и преступление, для христианского мужа совокупление с женою своею есть вполне нормальное явление, всецело циркулирующее в круге воли Божией. Ясно, что настроения девственника и женатого в данном пункте совершенно расходятся и что для них по данному пункту не может быть общих молитв. Женатый христианин или вынужден монашеские молитвы, касающиеся полового акта, употреблять чисто попугайским способом, т. е. прочитывать их без всякого вникания в их смысл и значение, или для него предстоит необходимость иметь свои собственные специальные молитвы, которые бы выражали и отражали собою настроение

---

¹ По моему мнению, демон ни против чего так не ухищряется, как против полового акта: «Тут бы только не поберегся человек, а уж в остальном я погублю его!» Поэтому одно из направлений молитвы *перед* «сближением» должно быть *против* Велиара, к отогнанию его злых ковов. «Зову тебя, Вечный Боже, дабы Ты оградил меня и ее от лукавых ковов»... Но тут вообще нужен гений слова, и мы умолкаем по бессилию. В. Р-в.

и чувства женатого. Доселе у нас, и в церкви и на дому, употреблялись только монашеские молитвы. Посмотрим, какие отсюда произошли последствия для семейной христианской жизни.

А вышло то, что все центральнойшие и существеннейшие факты семейной жизни сознанием семьянина поставлены вне круга религиозных отношений, вне, так сказать, религиозного покрова, как нечто нечистое и грешное. На этой почве в практике семейной жизни целая масса нелепейших обычаев, которые хранятся по преимуществу в женском персонале и держатся в строгом секрете. Так, например, жена, имевшая в ночи сообщение с мужем своим, считает грехом для себя утром прикладываться к св. иконам, к святому кресту, или зажигать лампадку пред св. иконами. Тем менее считает себя вправе сходить в церковь к какой-либо церковной службе. Одна почтенная «матушка» пресерьезно уверяла, что новобрачные в первый год после свадьбы не должны приступать к таинствам исповеди и Св. Причащения. К этой же группе обычаев следует отнести и обыкновение многих мирян, а отчасти, кажется, и многих священников, по которому отцу крещаемого младенца воспрещается присутствовать при крещении его собственного детища. Тоже следует сказать об обычаях родителей не присутствовать в Церкви при венчании детей их. Можно только удивляться и недоумевать, откуда взялась такая дикая, антирелигиозная по отношению к христианской семье, философия. Невольно приходится согласиться с совершенно верным замечанием о. И. Петропавловского, что мы, священники, со своим однобоким требником и со странной третьей молитвой жене-родильнице развили и распространили такую философию. А что философия эта слишком широко распространена и что она захватывает не только женские умы, а умы интеллигентнейших и религиознейших мужчин, на это, из множеств возможных, я приведу два неотразимых доказательства. Кто усомнится в умственной развитости и в беззаветной религиозности воспитателя Императора Александра II, приснопамятного нашего поэта, Василия Андреевича Жуковского? Но прислушайтесь к сердечным воплям, к душевной тревоге этого, до мозга костей святого мирянина, по поводу центральных фактов его собственной семейной жизни. «К сожалению, пишет он, мир Божий еще не проник в мою душу. Причина моего земного счастья, а вместе и страха лишиться небесного блаженства — это моя жена, это чистое, любящее и верующее существо, и две колыбели, с дочерью и сыном». («Истор. Вестник», 1897 г., ноябрь, стр. 591). А вот какие недоумения высказывает другой, судя по его речам, тоже глубоко, и умственно и религиозно, развитый *Мирянин*: «Здесь (в акте физического общения полов) физиологическая потребность и доводы рассудка, основывающиеся на ней, встречают протест внутреннего существа человека и осуществляются, только благодаря временному подавлению этого протеста. Кто разрешит вопрос, как должно это происходить, чтобы не возмущался внутренний человек?» («Рус. Труд», 1899 г., № 25, стр. 14). Все эти и подобные им, искренние и тяжелые стоны —

а их, должно быть, очень много в русском обществе — поистине душу раздирают. Но откуда они взялись? На чем они основаны? Да, очевидно, на ошибочном воззрении на брачные супружеские сношения, как на нечто нечистое и грешное. Но откуда же взялось такое воззрение? Да, очевидно, оно воспитано в нас уединенно-аскетическими молитвами, практикующимися как в церковном богослужении, так и в домашних молитвенных упражнениях, и совершенным отсутствием молитв, выражающих чувства, состояния и настроения человека женатого. Но эти последние рано или поздно, но неизбежно должны явиться. И что это за чудные будут молитвы! Они будут не в *тоне*: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей» (Пс. 50, 3), каким исключительно звучат почти все монашеские молитвы, а в *тоне*: «Все языцы воспещите руками, воскликните Богу гласом ¹ радования» (Пс. 46, 2). Прототипом этих молитв будет то воззвание, с которым 24 старца, сидящих в Апокалипсическом видении, на 24 престолах, вокруг Престола Божия, по поводу каждого выдающегося события в истории человечества падая ниц пред Сидящим на престоле и повергая к подножию Его венцы свои, обращаются к Живущему во веки веков: «Достоин Ты, Господи, приять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует» (Апок. 4, 11), и к Агнцу Божию: «Ты был заклан, и кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени; и соделал нас царями и священниками Богу нашему, и мы будем царствовать на земле» (Апок. 2, 9—10). Это будет бесконечный, непрерывающийся, не имеющий силы прерваться, торжествующий гимн Богу Вседержителю. Это будет беспредельная, не имеющая никакой границы и никакого предела, песнь пресвятой Троице. Эта песнь обоймет своими объятиями всю Вселенную, перехватит за пределы ее и упрется непосредственно в подножие престола Бога Троицеобразного. Таков будет специальный и особенный характер молитв людей семейных ².

Протоиерей А. У-ский.

б) Путь спасения в браке

Вопрос о браке с христианской точки зрения, или, говоря еще точнее, с точки зрения личного спасения, в высшей степени жизненный, интересный и плодотворный вопрос. Он даже вопрос слишком запоздалый, и его давно бы пора уже вывести на свет Божий. Что он вопрос запоздалый, это подтверждается тем, находящимся у всех перед глаза-

¹ Еще есть молитва: «Начните Богу моему на тимпанах, пойте Господу моему на кимвалах, стройно воспевайте Ему новую песнь, возносите и призывайте имя Его» («Книга Иудифь», гл. 16, ст. 1). В. Р-в.

² Ибо тут (в семье, супружестве) *льется* бытие мира, ибо тут все *in actu*, а не *in statu*: и мысль и сердце под такими мотивами также обратятся *в полет*. Да уже и речь доброго священника разве не звучит здесь гимном? А какие хоры Богу будут составлены из благодарящих Бога за бытие свое *малюток*?! Новое чувство рождения и новый лепет к Богу! В. Р-в.

ми, не подлежащим ни опровержению, ни оспариванию, неотразимым и в высшей степени плачевным фактом, что за 1900 лет существования христианства на земле ни греческий, ни российский религиозный гений не дали ни единого «Руководства к спасению, специально в *семейной* жизни». И напрасно кто-либо стал бы перебирать сокровища книгохранилищ, или персрывать полки книжных магазинов, чтобы отыскать что-либо в этом роде. Греческий религиозный гений, кажется, совершенно атрофирован для того, чтобы что-нибудь произвести в указанном направлении. Что же касается русского религиозного творчества, то все его произведения в данном направлении или слишком общи и вовсе не приурочены к семейной жизни, или всецело пропитаны монашескими тенденциями. Возьмем лучших наших учителей спасения второй половины XIX столетия, епископов Феофана Говорова и Игнатия Брянчанинова. Что они дают специально для православного семьянина? А вот посмотрим. Книга преосвященного Феофана «Путь к спасению» бесспорно есть лучшее и совершеннейшее произведение русского религиозного творчества по вопросу о спасении. В ней русский религиозный гений достиг своего апогея, своей кульминационной точки. И как катихизис митрополита Филарета, в области катихизации, есть последнее слово русской религиозной науки, ибо лучше его другого катихизиса написано быть не может: всякий другой катихизис будет лишь более или менее умелой перефразировкой этого, более или менее жидким разбавлением его; так и «Путь к спасению» епископа Феофана не может быть превзойден. К этой книге можно писать дополнения, толкования, ограничения, но создать что-либо лучшее и большее ее невозможно. Но при таких несомненных и бесспорных достоинствах это не такая книга, которую бы всякий благочестивый мирянин мог совершенно безопасно, с открытым сердцем и с распростертыми объятиями, взять в свои руки. Молодой монах, украсивший свою голову черным клобуком еще на студенческой скамье, действительно, найдет в этой книге превосходное для себя руководство. Для таковых она и писана. Но благочестивому юноше, сердце которого пылает любовью к Богу ничуть не менее, чем и сердце этого молодого монаха, но, который, однако, не прельщается благами равноангельского жития и не смотрит на брак как на мерзость и скверну, а смотрит на него как на святыню и равноправный с монашеством, истинный и подлинный, путь ко спасению, пришлось бы слишком много и долго поломать и покоробить свою духовно-нравственную личность, свой индивидуальный облик, прежде чем ему удастся отбросить из этой книги монашеские наросты и выбрать для себя то, что подходит специально для семьянина.

Но и при такой удручающей работе, которую, очевидно, всякому семьянину приходится проделать над этой книгой лично для себя, у него от чтения ее не может невольно не остаться чувства некоторой горечи, неудовольствия и оскорбления от того пренебрежительного к супругам тона, каким дышит эта книга. Везде возвышается, выставляется

напоказ, превозносится девственность. Супружество в тени, в загоне. Ему уступаются некоторые крохи на долю во спасении словно из милости, сквозь зубы, будто нищему Христа ради. Но послушаем самого преосвященного автора: «Главнейшие телесные подвиги, стесняющие плоть: пощение, бдение, труд, чистота. Последнее действенное всех, нужнее и потребнее. Потому девство есть скорейший путь к христианскому совершенству... И супружники, до известной меры, могут приближаться к девственникам чрез чистоту душевную. Труднику, Богу преданному, благодать помогает. Посему-то и супружников видим обладающих совершенствами духа»¹. Что это, как не перефразировка евангельских слов: «и пси ядят от крупниц, падающих от трапезы господей своих» (Мф. 15, 27)?

Ведь то несомненная истина, что для успеха во всяком деле необходима уверенность в его осуществлении. Так и в деле спасения необходима вера в возможность достижения религиозного идеала. Без этой уверенности и руки опустятся в безнадежности, и колени совершенно расслабнут (Евр. 12, 12) пред недоуменным вопросом: «да уж начинать ли свое спасение? да уж возможно ли спасение в супружеской жизни?» Потому-то и св. ап. Павел заповедует христианину облечься «в шлем надежды спасения» (1 Сол. 5, 8; Еф. 6, 17), т. е. постоянно носить в своем сердце несомненную и твердую уверенность в возможности и осуществимости своего спасения. Для того чтобы супружники могли иметь такую уверенность, в них необходимо всячески поддерживать бодрость духа и энергию воли, а не погашать их принижением супружества в деле спасения.

Преосвященный Игнатий Брянчанинов оставил после себя шесть томов своих сочинений. И все они и написаны, и посвящены «современному монашеству». Но как вам покажется то обстоятельство, что автор, написавший по вопросу о спасении для монахов целых шесть объемистых томов², нашел возможным «Чин внимания к себе для живущего посреди мира» уместить всего только на трех страницах своего первого тома? Вот уж где поистине «крупница, падающая от трапезы господней!» Ровно двадцать лет прошло с тех пор, как я в первый раз знакомился с сочинениями Игнатия Брянчанинова, и вот с того времени и доселе не остыло еще и не забылось горькое чувство обиды и досады на такое монашеское высокомерие пред христианским семейством.

От этих двух корифеев православной аскетики обращусь к писателям, менее значительным. «Указание пути к спасению», епископа Петра, пропитано монашескими тенденциями не в меньшей мере, чем и писание двух вышеназванных авторов. «Правило христианской жизни», священника Петра Масловского, представляет из себя сборник благочестивых размышлений. Две другие маленькие книжки: «День святой жизни» петербургского митрополита Григория, и «Указание пути

¹ Путь ко спасению. 1869 г., выпуск 3-й, стр. 88.

² Сочинения его изданы в пяти томах. Шестым томом я называю особо изданный Отечник.

в царствие небесное» московского митрополита Иннокентия, могут дать немало назидания, но устойчивого и руководственного значения в семейной жизни иметь не могут.

Да, не посчастливилось православному Востоку и Северу в выработке воззрений на семейную жизнь и в формулировке правил для спасительной супружеской жизни. На всем литературном поле, на протяжении девятнадцати веков, православному семьянину негде преклонить свою голову. Ему приходится, подобно кукушке, искать себе приюта и успокоения по чужим, монашеским, гнездам, постоянно рискуя быть облитым там помоями монашеского высокомерия и пренебрежения к брачникам.

Все, что есть в этом роде в русской литературе, переведено с западноевропейских языков. Таковы книги: «Христианские начала семейной жизни» перевод с немецкого, и «Христианская семья», Пресансэ перевод с французского. В дни ранней юности своей мне пришлось читать еще какую-то толстую книгу, трактующую о святой семейной жизни, но заглавия ее теперь я не помню. Помнится только, что она была, кажется, перевод с шведского. Вот и все, что мне известно. Итак, переводы с немецкого, французского, шведского. А где же переводы с греческого? Увы, их нет.

После сего не мудрено, если при таком положении вещей у нас на Руси совсем парализовано стремление к спасению в семейной жизни и вовсе не развит вкус к чтению книг, толкующих о спасении в состоянии супружества. И ищущие спасения бегут в монастырь, а избирающие для себя семейную жизнь чувствуют себя в крайне неловком, неопределенном и двусмысленном положении: не то они чада Христовы, не то чада дьявола. Эта неопределенность погружает их в совершенное равнодушие и холодность к своему спасению, ибо, по слову св. ап. Иакова, «человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (гл. I, ст. 8), и порождает в них достойную сожаления безвкусицу к религиозному чтению. Эта последняя общераспространенный у нас факт. Она подтверждается и следующим обстоятельством. Книга «Христианские начала семейной жизни», Тирша, в первый раз на русском языке была напечатана в 1861 году, и, вероятно, в весьма ограниченном количестве экземпляров. И только в нынешнем году, т. е. почти ровно через сорок лет, явилась возможность и надобность сделать второе ее издание. Таким образом, выходит, что каких-нибудь две-три тысячи экземпляров, в продолжение сорока лет, едва-едва разошлись по рукам на шестьдесят миллионов православного населения России. Процент, очевидно, ничтожный.

Но такое пренебрежительное и неблагоприятное отношение греческого и русского религиозного сознания к идее спасения в супружеской жизни зависит ли от самого существа девства и супружества, или только есть случайное и временное явление на фоне церковной жизни, вполне понятное и объясняемое из того принципа, что ограниченному

человеческому сознанию даже и целых наций не под силу зараз и одновременно обнять и постигнуть собою всю полноту, глубину, широту и высоту (Еф. 3, 18) содержания христианства? Ведь если спасение в браке невозможно по самому существу его, то всем супружникам остается только печально признаться, что они намеренные и сознательные чада дьявола, столь же намеренно и сознательно поставить себя в ряды противников Христовых и утешаться в жизни единственным лозунгом: «Уж все равно в будущей жизни погибать, так по крайней мере здесь пожить в свое удовольствие». Да не такое ли, действительно, имеет происхождение и все наше современное интеллигентное неверие?

Г. Мирянин в письме своем к С. Ф. Шарапову держится именно того воззрения, что спасение в браке невозможно по самому существу брака. Позволительно в этом не согласиться с достопочтенным Мирянином. В самом деле, какая же может быть речь о спасении в браке, если мы станем отвергать религиозное содержание самого основного и центрального пункта в семейной жизни, именно акта физического общения полов. «Вот с этим последним никак не мирится мысль, — говорит Мирянин, — а главное нравственное чувство». Конечно, ни от кого не отнята возможность сочинять себе веру. Никто не лишен права ставить пред своим сознанием вопрос: «В чем моя вера?» и давать на него посильное решение. Попыты подобного рода у нас общеизвестны. Но ведь иная цена сочиненной вере и иная положительной, откровенной. Нам не приходится сочинять себе веру, а остается принимать веру готовую, свыше данную. И вся наша задача по отношению к вере состоит в том, чтобы изучить эту богоданную веру, уяснить ее для себя, понять ее и ввести ее, как постоянное правило и руководство, в жизнь свою. И в вопросе относительно значения полового акта следует, прежде всего, обращаться к показаниям и свидетельству слова Божия. Религиозный характер имеет все то, что основано на воле Божией и на слове Божиим. Акт полового общения в браке раз навсегда обоснован и от создания первой четы и до второго пришествия Христова будет неизменно утверждаться на непреклонном и повелительном глаголе Бога Отца: «Раститесь¹ и множитесь,

---

¹ Мы уже заметили, что *теперь* опочивальня супругов во многих благочестивых семьях преобразуется (как и указано Апостолом) в «домашнюю церковь». Она чиста, уединенна, с образом, горящей лампадой. Важная вещь в супружестве — *чистота тела*: вот отчего «путь спасения в браке» непременно требует обязательных вечерних омовений, или всего тела, или лица, кистей рук, ступней ног, и особенно персей и всей области *согрус'а* от колен до пояса (где проходит «жила, тронутая Богом у Иакова» во время борьбы с ним ночью). Дабы освободить их от пыли (физика) и всей суеты дня (психика). Припомнив *первую* строку «Песни песней»: «да лобзает он меня лобзанием *уст* своих» — все обмываемые части должны быть чисты, как мы обычно держим чисто уста. Но вот еще мысль. Образ, конечно, должен сопровождать нас всюду. У русских так это и есть. «Без Бога ни до порога». Но странно, и к большому нравственному вреду, что одно и притом излюбленное, древнейшее русское место, *баня*, всегда и только одно бывает лишено его. И, между тем, это единственное место, где человек бывает без оджд, как сотворил его, *еще до греха*, Бог. Между тем образ и особенно мерцающие лучи лампы, льющиеся кругом, наполняющие небольшое это помещение, обливая всю полноту тела, рождали бы таинственным своим действием религиозную невинность тела. Известно теперь целебное физическое действие солнечных и электрических лучей. Вообще кожа человека глубоко *духовна*;

и наполните землю» (Быт. 1, 28). Запомним с особенною внимательностью и с особенным тщанием то обстоятельство, что это ветхозаветное законоположение Бога Отца ни единою ипотою не было отменено Богом Сыном в Новом Завете. После сего утверждать, что в Ветхом Завете брак был добродетелью; а в Новом стал грехом и беззаконием, значит, неосторожно и неосмотрительно допускать, что во внутренней жизни Триипостасного Божества произошел раскол, и что Сын Божий, открытием Нового Завета, старается разрушить и упразднить дело Отца Своего Небесного. Между тем мы имеем не ложное свидетельство самого Сына Божия, что «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также» (Иоан. 5, 19), и что он пришел исполнить (Матф. 5, 17) ветхозаветный закон. Г. Шарапов в своем примечании к моему письму (№ 24 «Русск. Труда») говорит, что «старый закон и пророчества пришествием Христа исполнились во всей точности, а затем наступило действие Нового Закона, упразднившего Старый». Вот, именно, ветхозаветную-то заповедь о размножении Сын Божий лично и не исполнил, очевидно, предоставив продолжение ее исполнения своим последователям и действию Старого Закона. И это прежде всего, просто потому, что Христос на земле был в таком же положении, в каком был Адам до сотворения Евы. Когда Адам осмотрел всех животных и нарек им имена, то заметил, что для него самого «не обретется помощник, подобный ему» (Быт. 2, 20). Так и Христос. Он был Богочеловек. Но природа ко времени Его земной жизни не создала для него Бого-Невесты или Человеко-Богини. Во-вторых, потому, что для размножения Своего духовного потомства Он установил совершенно иной способ рождения «не от плоти и крови, не от похоти мужския, а от воды и духа» (Иоан. 3, 5). Но ведь для всякого совершенно очевидно, что для того, чтобы родиться «от воды и духа», неизбежно необходимо родиться предварительно «от похоти мужеския» и, следовательно, новозаветное рождение не упраздняет собою, да и не может упразднить рождения ветхозаветного. Последнее составляет собою неизбежную, естественную, совершенно нормальную и совершенно законную основу для первого.

Столь же неосновательно утверждение *Мирянина*, будто внутренний смысл брачной жизни различен в Ветхом и Новом заветах. Ведь

она эстетична,— а уже эстетика есть дух; и где возможна эстетика, непременно возможна и нравственность. Вот достижение *кожной нравственности*, а наконец и *кожной невинности*, *кожного целомудрия*, *кожной святости* — должно составить одну из великих проблем «пути спасения в браке». И мерцающий свет лампы, свет религиозный, смешиваясь физически с обливаемым им *согрус'ом*, отражающим этот падающий на него свет,— в десятилетиях, в веках мог бы повести к священному исцелению тела нашего «от греха, проклятия и смерти». Прибавлю соображение. Мне кажется, что кожа человека, которого *часто били*, не так *духовна*, как человека, которого часто ласкали; здесь смысл поцелуев, которыми покрываем не одни щеки любимого, но и перси и даже все его дорогое тело: метафизика тяготения к этому. Счастливое тело духовно прекраснее несчастного. Но счастье — еще светская и вовсе не нравственная вещь: начните тело смешивать, соединять, касаться им *нравственного и, наконец, священного* (свет лампы) — и вы *освятите* его. Не здесь ли источник глубоких таинств церкви — елосвящения и миропомазания? В. Р-в.

существо и природа полового акта немало не изменяется в своем характере, будет ли он совершаться в Ветхом или Новом Завете, будут ли агентами его евреи или эллины, европейцы или африканцы. Эта тождественность и одинаковость природы, существа и значения брачной жизни во все времена и для всех народов явствует из того обстоятельства, что закон и внутренний смысл ее как ветхозаветным Адамом, родоначальником плотского человечества, так и новозаветным Адамом, родоначальником нового духовного человечества, высказан буквально в одних и тех же выражениях. Послушаем, что говорит ветхий Адам. «Сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будут два в плоть едину» (Быт. 2, 24). Но то же самое повторяет и новый Адам, основатель Нового Завета (Матф. 19, 5).

По-видимому, г. Мирянина смущает славянское слово «похоть», которым обозначается половая потребность в Новом Завете. Действительно, это славянское слово, в его русском, разговорном употреблении, приобрело характер чего-то пренебрежительного, греховного, словно этим словом обозначается явление, греховное по самому своему существу и, следовательно, тем самым, подлежащее отвержению. Но во избежание такого ложного понимания слова *похоть* необходимо помнить, что этим словом обозначается явление, в котором надлежит строго различать его совершенно законную и нормальную сторону от ее злоупотреблений, причем слово *похоть*, употребляемое для обозначения нормальной стороны данного явления, будет совершенно чисто и безукоризненно, и останется с характером греховным только для означения злоупотреблений этого явления. Такое двойное понимание смысла слова «похоть» со всею очевидностью подтверждается тем фактом, что это слово в Новом Завете одинаково прилагается и к половой потребности, и к способности зрения. Вот относящееся сюда место из первого послания святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова: «Все еже в мире, похоть плотская и похоть очес, и гордость житейская, несть от *Отца*, но от мира сего есть» (гл. 2, ст. 16). Никто, конечно, в здравом уме находясь, не решится утверждать, что выражением «похоть очес» св. евангелист доказывает, что самая способность или чувство зрения в человеке произошла не от Бога, не от *Отца* Небесного, а от мира сего; что она не есть законное и нормальное явление в природе человека, а, напротив, что она греховна и презренна по самой своей сущности. Наоборот, всякий благоразумный человек признает, что в способности зрения, хотя она и названа апостолом «похотью», необходимо законную и нормальную сторону выделять и отличать от ее злоупотреблений, от «ока лукава» (Матф. 20, 15), от «очей исполненных блудодеяния и непрестаемого греха» (2 Пет. 2, 14) и т. п. Но ведь совершенно аналогично с чувством зрения следует рассуждать и о половой потребности.

При всем благородстве своего тона статья г. Мирянина страдает тем недостатком, что она написана не на тему. Трактата В. В. Розанова «Брак и христианство» нельзя брать и толковать в отдельности.

Его необходимо брать в связи со всеми предыдущими его фельетонами, касающимися вопроса о браке. В первом своем фельетоне этого рода — «Семя и жизнь» (см. его сборник «Религия и культура») он восстал против писателей, которые половой акт прямо называли грехом и мерзостью. Вот он и поставил вопрос: супружеское общение есть ли грех и беззаконие, или *не* есть грех и беззаконие? Есть ли мерзость и скверна, или *не* есть мерзость и скверна? Во всех своих статьях с названным содержанием он и старается именно этот вопрос разработать и осветить с разных сторон. Между тем г. Мирянин, лишь только мимоходом и вскользь задев данный вопрос, повел длинную речь на тему о величии девства и о превосходстве его пред супружеством. Но ведь если апельсины хороши, то следует ли отсюда, что виноград никуда не годен? Или, если апельсины лучше яблоков, то неужели на этом основании следует вырубить все яблони в садах? Так точно, если девство досточестно и доброхвально, то неужели отсюда следует, что брак есть мерзость и скверна? Или если девство выше и духовнее супружества, то неужели посему все супружники должны повесить нос и совершенно махнуть рукой на свое спасение?

В доказательство превосходства девства Мирянин приводит длинный ряд текстов, по преимуществу из апостола Павла. Конечно, Господь Бог мог создать человека одноглазым, возможность чего сказалась и в полете человеческой фантазии, создавшей одноглазых циклопов, но Он признал за лучшее, чтобы человек смотрел на предметы двумя глазами. Двумя глазами, говорят, предмет усматривается в перспективе гораздо полнее, определеннее и раздельнее, чем одним глазом. Но то же требуется и в умственном отношении. И здесь надобно смотреть на предмет двумя духовными глазами, чтобы не видеть его односторонне. Потому-то и св. апост. Павел молился Отцу Небесному, чтобы даровал Он верующим «просвещенна очеса сердца (Еф. 1, ст. 18) к уразумению таин Нового Завета». Чтобы не увлечься односторонностью в понимании длинной серии приведенных г. Мирянином текстов, для сего необходимо мыслить их не в отдельности, а всегда в сопоставлении с параллельными; но полярной противоположности, текстами. И так я приведу эту противоположную серию.

Совершенно верно указывает Мирянин на то, что Христос Спаситель неоднократно «оставившим ради Него дом и семью» обещал небесную награду, что, добавим мы от себя, совершенно аналогично с тем, когда родители, отправляясь в гости и оставляя дома детей одних, обещают им за скромное поведение во время своего отсутствия принести из гостей конфетку. Совершенно верно приводит Мирянин восторженные глаголы ап. Павла о превосходстве девства перед супружеством. Но при этом, для правильности и всесторонности воззрения на предмет, не следует забывать, не следует упускать из внимания противоположных текстов. Основоположным и фундаментальным изречением Христа-Спасителя в данном направлении будет следующий Его укор, обращенный Им

к ветхозаветным книжникам и фарисеям: «Хорошо ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы соблюсти свое предание? Ибо Моисей сказал: почитай отца своего и мать свою; и злословящий отца или мать смертию да умрет. А вы говорите: кто скажет отцу или матери *корван*, то есть — *дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался*, — тому вы уже попускаете ничего не делать для отца своего, или матери своей, устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили (Мр. 7, 9—13; Мф. 15, 3—6). В применении этого места к нашим новозаветным порядкам ему можно дать следующий перефраз: «Бог заповедал почитать отца и мать; вы же говорите: кто скажет родителям своим: я отрекся от мира и от семьи и самого себя посвятил в дар Богу, — тот может бросить родителей своих без всякой помощи, на произвол судьбы». А вот и учение св. ап. Павла, которое я приведу без всяких комментариев, предоставляя читателю самому поразмыслить над ним. «Если кто о своих, и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры, и хуже неверного» (1 Тим. 5, 8). «Епископ должен быть одной жены муж, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (—3, 2—5). «Желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом» (5—14). «Если же какая вдовица имеет детей, или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью, и воздавать должное родителям: ибо сие угодно Богу» (—5—4). Когда мы будем одновременно держать в сознании обе эти серии текстов, то это будет значить, что мы смотрим на брак и девство обоими глазами и видим свой предмет в перспективе, а не глядим на него только одним глазом, намеренно закрывши другой и чрез то видя предмет только односторонне.

Г. Мирянин ставит в вину брачникам то обстоятельство, что они ничего не принесли от себя в сокровищницу церковной жизни. «Почему же это *не*монахи не сделали того, что сделано монахами?» — спрашивает он. Вот поистине вопрос, который ничего не опровергает и ничего не доказывает. Этот вопрос совершенно походит на тот, как если бы кто спросил: почему это святые Василий Великий и Иоанн Златоуст не оставили нам своих фотографических карточек? Да просто потому, что фотографии тогда не существовало, что она была тогда *не в моде*. Если *не*монахи до сих пор ничего не сделали, то просто потому, что «еще не пришел час их» (Иоан. 2, 4). Но и относительно прошедшего нельзя сказать, чтобы не монахи ничего уже не сделали. Здесь прежде всего не следует упускать из виду того обстоятельства, что восточное православие не покрывает собою всего лица христианской земли, что рядом с ним стоят протестантство и англиканство, где все, что только сделано в церкви, сделано *не-монахами*. Да и у нас в православии, за последнее столетие, появилось не мало опытов религиозного делания *не-монахами*. Я разумею здесь множество стихотворений высокого религиозного одушевления, рассеянных в старых календарях и месяцесловах, а равно

и во многих других книгах, вышедших в первой половине нашего века, которые исполнены глубокого и неподдельного религиозного чувства. «Любимые стихи» у пашковцев, полные глубочайшей богопреданности, положенные на музыку, стихотворные приложения к Воскресной Беседе; поистине чудные стихотворные переложения церковных песнопений Страстной и Светлой недели и чина погребения священников¹ и переложение погребальных песней в стихотворении гр. А. Толстого «Иоанн Дамаскин». Я не упоминаю уже здесь о множестве переложений из псалмов Давида и о самостоятельных религиозных стихотворениях, написанных известными нашими поэтами. Но все это только опыты. Им еще не дано права гражданства в церкви и не указано надлежащего направления, вследствие чего пока нет еще никаких побуждений к тому, чтобы эта отрасль деятельности *не* монахов получила надлежащее развитие. Пока нет еще для нее соответственной почвы. А почва эта явится только тогда, когда на брак православные христиане будут смотреть, не как на беззаконие, мерзость и скверну, а как на святыню и на путь ко спасению.

Почему *не* монахи ничего не сделали? Вопрос слишком щекотлив и ответ на него крайне неудобен. Я только, в свою очередь, спрошу Мирянина. А почему это в константинопольской церкви в высшее богословское халкидское училище принимаются *только* монахи? А почему это у нас на Руси такие безобидные, беззаветно преданные вере *не* монахи, как А. С. Хомяков, В. С. Соловьев и Н. Н. Неплюев, вынуждены были печатать свои религиозные сочинения за границей? А почему это такое классическое произведение русского религиозного творчества, как сочинение А. М. Бухарева «Иисус Христос в Своем Слове», которым в свое время восхищался такой первоклассный русский ученый, как М. П. Погодин, доселе обречено на печальную необходимость пребывать в темной утробе литературного чревоношения, быв лишено возможности увидеть свет Божий путем типографского рождения? Имеющему уши слышати на поставленный Мирянином вопрос и этого малого ответа довольно.

О превосходстве девства пред супружеством писано и говорено чрезвычайно много. Но кто хочет поучаствовать в решении вопроса, поднятого В. В. Розановым, тому надлежит, оставив в стороне всякие споры и препирательства между девством и браком о первенстве, толковать только о *святыне* брака, *возможна* она или *не возможна*. И г. Мирянину, вместо того чтобы вести длинную речь кругом да около вопроса, достаточно было бы ограничиться разъяснением своего краткого утверждения, что «Новозаветное Откровение говорит, что вступающий в брак *не согрешит*» (1 Кор. 7, 28, 39). Что и требовалось доказать.

Протоиерей А. У-ский.

¹ Троицкий цветок, № 1, 4 и 7.

VIII.

Письмо в редакцию «Гражданина»¹

М. г.

Прочитав в № 17 вашей почтенной газеты, в статье г. *Розанова*, под пунктом 3, мысль о недостатке молитв по отношению к главным моментам христианской супружеской жизни — разрешению от бремени, беременности и соитию, я, как вероятно и многие пастыри церкви, а наконец и благочестивые миряне, подумал: как нужно просвещение всему этому и какая проистекает грубость нравов из недостатка церковного просвещения для главных моментов семейной жизни. Почтенный автор статьи выводит давно запущенный вопрос о браке на настоящую, истинную и подлинную дорогу. Но все, им сказанное, требовало бы еще обширнейшего и обстоятельнейшего разъяснения. О, какое страшное, какое жалкое отсутствие у нас хотя бы *самого* религиозного освещения и озарения полового акта в супружестве!! В требнике вовсе нет соответствующих молитв, сюда относящихся. Супруги, кончив соитие, или особенно готовясь начать его, не знают вовсе: перекреститься ли им, или плюнуть? считать себя грешными, или входящими в правду? благодарить ли за силы к этому, или просить прощения? И что они — грешат или не грешат? блудят или состоят в таинстве? Судя по всему, они должны после всякого акта супружеской жизни плюнуть, ибо ведь на этот акт, даже когда в нем зародился младенец, у нас только изрыгаются хулы. Нельзя нам, священникам, без страха читать, напр., третью молитву жене-родильнице, которая в течение веков омрачает и извращает сознание верующих. «Господи Боже наш, *прости* рабе Твоей, днесь родившей. Ты бо рекл еси, Господи: раститесь, и умножитесь, и наполните землю». Что это такое? Что за странное, совершенно невозможное сочетание понятий! Обыкновенно мы просим прощения за *нарушение* воли Божией. А в данной молитве испрашивается прощение за *точное* и *буквальное исполнение* воли Божией. Что за наивное, что за извращенное отношение к воле Божией! Небо и землю призываю в свидетели, что имеющему правильное воззрение на брак священнику нет сил прочитать эту молитву истово и внимательно в интеллигентной семье. Ее можно читать только в семье безграмотных лапотников, которые все равно ни из какой молитвы не поймут ни одного слова, кроме одного только воззвания: «Господи помилуй!»

Извергая только хулы на половой брачный акт, мы и мирян воспитываем по роду своему и по подобию своему. Увы, теперь, в деревне, в уездном и губернском городе, в особенности в торговый день, для совестливого человека решительно нет возможности выйти на улицу или на городскую площадь: в воздухе стон стоит. И все это, на всевозмож-

---

¹ За этим письмом свящ. И. Петропавловского последовало им вызванное письмо свящ. А. П. У-ского, напечатанное выше (см. стр. 219—224). В. Р-в.

ные лады, *сынами церковными*, без всякого зазрения совести, публично, изрыгаются хулы именно на половой акт, в виде всевозможной площадной брани. Вот истинный плод странных воззрений по данному пункту. Вот наши достойные духовные сыны. Вот успешные и талантливые ученики нашей науки. Право, от таких сынов — учителю церковному хоть уши затыкать.

Свящ. И. Петропавловский

IX. О браке и девстве ¹

Рассуждения г. Розанова и прот. Ус-кого о браке и девстве требовали бы документального, строго научного опровержения, в особенности после появления их в сравнительно осмысленной и стройной форме в письмах протоиерея А. Ус-кого. Опровергать набор фраз г. Розанова, отождествлявшего христианские и ветхозаветные воззрения на брак с культом Ваала и Астарты, и по неведению искажавшего безусловно все исторические факты, будто бы служившие ему опорой, возможно было бы только в форме остроумно-едкого фельетона. Но пишущий эти строки не смеет и помыслить о фельетоне на почве религиозной и нравственной истины и может только напомнить рассуждающим, что земля, на которой стоят они, или на которую покушаются они стать, — земля святая ². Одновременно с сознанием полной неуместности и преступности фельетонного изложения, пишущий эти строки, отрешенный в деревне от необходимых для документального обличения книг и источников, лишен возможности подтверждать слова свои цитатами и фактами иначе, как на память. А между тем обличение представляется для него совершенно необходимым, ибо необходимо же положить предел глумлению над истиной, искажению исторических фактов и положений. Документальному опровержению придет, если потребуется, свой черед, а пока к прояснению и отрезвлению смущенных умов да послужат нижеследующие краткие заметки.

Церковь нельзя сочинять и придумывать: она есть то, что она есть, в полноте пространства и времени. В Церкви нет и не поднимается вопросов ³, она есть готовый уже ответ на вопрошания человеческие, на вопросы *от внешних*. Ошибка, проступок гг. Розанова и У-ского заключается прежде всего в том, что они приписывают Церкви празднословные рассуждения пресыщенных эпикурейцев и ловеласов, или изображения

¹ Эта статья г. Н. Аксакова была напечатана в «Русск. труде» С. Ф. Шаранова, когда появились не все выше помещенные статьи свящ. А. У-ского, а только первые две: «Евангельский взгляд на брак» и «Семья в первые века христианства». И служит ответом только на них. В. Р-в.

² Ну, конечно — да! святая! За это-то и сами мы прежде всего стоим, что область наших исследований — «земля правды и обетований», на которой до сих пор человек умел только кощунствовать. Пытаясь опровергать, г. Аксаков, по-видимому, не видит самого предмета опровержения, не замечает подлежащей к штурму его крепости. В. Р-в.

³ Мудрый еп. Феофан, затворник Тамбовский, украсивший почти в наши дни страницы истории церкви русской, в одном месте замечает: «Создание науки христианской есть задача будущего: ее мы не имеем и начала». В. Р-в.

гр. Л. Толстого¹. Полемизируй они только с этими последними,— и отчасти, хотя опять только отчасти, они были бы, пожалуй, и правы; но они полемизируют не с ними, а полемизируют с Церковью; утверждая, *horribile dictu*², что догматика и весь строй ее не от нее исходит, а сочинены монахами! Но с догматикою Церкви они наивно отождествляют только письменную передачу ее в форме учебников и трактатов, исчезновение которых с лица земли отнюдь не устранило бы самого догмата, а исторического строя церковного они, как видно, совсем и не ведают³.

Не из уст Церкви, а из уст гностических и иных сект раздалось первое утверждение, что в браке есть нечто нечистое, предосудительное, греховное, именно в материальной его стороне⁴. Но, едва заслышав такое утверждение, Церковь раз навсегда⁵ устами Гангрского собора, получившего потом вселенское освящение, изрекла, что не только осуждение брака, как чего-то нечистого, но и уклонение от брака, как нечистого

---

¹ Намек на «Крейцеровую сонату», и особенно на *послесловие* к пей. Но уже Н. Н. Страхов, обороняя последнее произведение, далеко им не одобряемое, от нападок архиеп. Никанора Одесского, замечает с недоумением: «Каким образом идея *безбрачия*, проводимая в *Сонате*, нашла себе оппонента в *монахе*, который сам обязан *обетом безбрачия*». В. Р-в.

² страшно сказать (лат.).

³ Все это — полемические преувеличения, которые мы сохраняем как материал для суждений. В. Р-в.

⁴ Не можем ответить на это лучше, чем рассуждением настоятеля Петропавловского (в Спб.) собора, о. Ал. Дернова: «Церковь освящает тех, кто хотяг сделаться родителями, св. таинством брака, с тою именно целью, *чтобы в них, при самом зачатии детей*, порок, грех был ослаблен благодатию». Заметим: «ослаблен», а не уничтожен. Продолжим цитату: «Церковь Православная, последующая св. Писанию, не знает никакого непорочного зачатия: никто из рожденных женами, кроме Богочеловска Иисуса Христа, не зачинался без *беззакония* (Пс. 50, 7); *плотское рождение*, — говорит св. Григорий Богослов, — *есть дело ночи, рабское и страстное* (Творение, ч. 3, стр. 224). *Того не знает отец, родит ли он любезного сына или дочь, но только восстание плоти угашает на супружеском ложе*» (Твор., ч. 5, стр. 59). И далее тот же св. Григорий Богослов говорит: «Забавно уверять, что плоти вступают в союз для произведения на свет добрых. Добрыми или худыми — образует время. А кто сеет, тот не иное что делает, как уступает только наглým требованиям плоти. Но смешно думать о себе в страсти, что содействуешь Божией воле» (ч. 5, стр. 159). Так пишет и цигирует свящ. Дернов и на основании этих слов древних учителей церкви продолжает: «Религия, церковь, на основании ясных слов св. Писания (Псал. 50, 7) признает всякое рождение греховно-болезненным, недобротным: *сквернави вси есьмы перед Тобою* — говорится в молитве церковной *«в первый день, по внегда родите жене отроча»*. Церковь учит, что, происходя от Адама, согрешившего и осужденного, человек зачинается и рождается в состоянии греха и осуждения; отчего самое рождение сопровождается временным родившей матери отлучением от церкви» (см. стр. 57—58 и 38 брошюры: «Брак и разврат», протоисрся Ал. Дернова. С.-Петербург. 1901 г.). — Что же скажет на это Н. Аксаков? И не обнаруживает ли он сам, несмотря на хвастливый тон, совершенного неведения церковного учения, выраженного в молитвах и в чине служений, а не в «учебниках догматики»? И, ниже, говоря, что зачатие детей в законном браке *непорочно* — не расходится ли с отвержением Восточною Церковью предложенного к принятию Церковью католического догмата о том, что по крайней мере Единая св. Дева была зачата «не порочно». Но Восток отринул, как указывает и св. Дернов: «не всмы непорочного зачатия»!.. В. Р-в.

⁵ «Навсегда» ли? Вот от разрешения этого-то недоумения и уклоняется г. Аксаков. Он слишком мало вникает (а может быть и знает) в сей час текущие молитвы и ограничения. Ведь до VII Вселенского собора и епископы были женатыми. Однако, опираясь на взгляды *первых шести соборов*, было бы странно говорить, что церковь «не знает епископов *девяствующих*». Это то же, как если бы на основании *Стоглавого собора*, и при забвении собора 1666 г., учить о взглядах сейчас живущей и учащей русской церкви. Вообще рассуждения г. Аксакова не имеют *метода*, это суть ученические, неопытные суждения. В. Р-в.

и предосудительного, есть *ересь*¹. Вполне согласно с этим, многократно, ясно и подробно высказывались² и святые отцы, свидетельство которых в другое время мы не затруднились бы привести десятками. И в этом смысле высказывались именно и великие девственники, ибо девство предпочитали и хранили они отнюдь не в силу усмотрения в нем чего-либо греховного, предосудительного и нечистого, что возбраняется Церковью, в которой они пребывали и от которой не отрешались. Когда на соборе Никейском возникло от заблуждающихся предложение³ обязательного безбрачия для клириков, кто выступил с горячей, защитой святости и непостыдности брака? Кто? Не познавший женщины девственник, великий пустынножитель и основатель пустынножительства — Пахомий великий⁴. И его-то свидетельство явилось главным вызовом к свидетельству самого собора, познавшего и подтвердившего церковную правоту его слов. Свидетельствуй он иначе, и Церковь, ввиду присущего и выраженно-го ею взгляда на брак, осудила бы и его, и глаголы его, как исходящие не из Церкви, и не от Церкви, но откуда-то извне, из какой-либо секты.

Свято девство, честен брак и ложе нескверно — такова⁵ сущность воззрений Церкви на брак и на девство. Взгляд на девство, как на религиозно-нравственное требование, был бы так же противен Церкви, как и взгляд на брак, как на нечто обязательное, устраняющее святость и религиозную допустимость девства, как отчасти предполагает протестантская этика. Христианин не обязан вступать в брак⁶, как не обязан

---

¹ Однако, по мнению столь уверенных в себе С. Ф. Шарапова и г. Мирянина, «уклоняться от брака», девствовать — хорошо, даже лучше, чем семействовать. Почему же «лучше», если «брак честен и ложе не скверно»? Очевидно, этот текст повторяется, но уже не в силе, а «силыны» стали другие взгляды. Возшло «горчиное зерно» отвержения соития, и теперь шумит ветвистым деревом. Тайна истории. В. Р-в.

² Да. Но «высказываясь» — сами воздерживались от брака («тайна истории») и глаголы повисли в воздухе. В Израиле (в Библии) никто особенно не «высказывался» за брак: но как все, не колеблясь, «посыгали», пророки, законодатели, патриархи — то библейские времена и *суть* и притом *жизненно* брачные. В. Р-в.

³ Однако же «предложено» такое возникло («тайна истории»? Значит — есть *уклон*, неизреченный, мистический, незаметный, ибо малый как «горчиное зерно»? И раз такой вопрос «возник», был ли он бурно и стоувно отвергнут, как покушение «дракона» «пожрать рождаемого младенца» (*Апокал.*)? Увы, одинокий голос сказал «против», и самая тема так вообще была не интересна, не нужна никому (и это-го, это-то и важно!), что все вяло согласилось на этот один голос. «Нет? Ну — нет, нам все равно». Брак стал сводиться к нулю, еще не переходя (IV в. по Р. Х.) в *отрицательную величину*. В. Р-в.

⁴ Св. Пафнутий, а не Пахомий Великий. В. Р-в.

⁵ «*Вси ссымы сквернавы перед Тобою*», читается над родительницею в первый день, «повнегда родити ей отроча», пишет свящ. Дернов. См. выше. Н. П. Аксаков только ораторствует, не зная дела. В. Р-в.

⁶ Да. Но вступать-то в брак буквально ни один христианин не обязан; а высшие степени «духовности» требуют непременно девства. Брак — *ни для чего* необязателен, а безбрачие — *для многого* обязательно, *conditio sine qua non*. Дело в том, что мы имеем как бы один квадратный вершок, не расширяемый и не удвояемый: на него можно или ничего не положить; эта *tabula rasa* есть девство; но как только на *tabula rasa* вы напишете что-нибудь, именно разрушающее эту ее «*rasa*», «чистоту», «не исписанность», так вы ее относительно *испортите*, понизите ее цену, значимость. Следовательно, «письмена» в фоне пола *суть* всегда отрицательные, ниже нуля стоящее (ведь «ничего», «*rasa*» есть только *нуль*); под горизонтом, ночное, темное, «нечистое». Идея, что «одно и другое хорошо, признается, свято» — совершенно ложна и логически не мыслима ввиду этого *единства* места, единства «квадратного вершка», где *помещение* брака есть *отвержение*

и сохранять безбрачия, ибо дары различны, а Дух един. Но брак не есть «ложе», как и девство не есть только воздержание от ложа, все равно брачного или внебрачного. Ложе скверно в блуде и прелюбодеянии,— и не скверным, т. е. нравственно-безразличным, безгрешным¹, но и не составляющим добродетели, является оно только в освящении религиозно-нравственных основ и религиозно-нравственных задач брака, в подчинении основной цели и идее брака. Подобно тому и девство не есть одно только воздержание, и в этой форме оно отнюдь не представляет заслуги. Холостяк, хотя бы и победоносно побеждающий все соблазны и искушения, или почему-либо свободный от них², отнюдь не выше в религиозно-нравственном отношении живущего в браке мужчины; и старая дева, сохранившая свою чистоту, ничуть не выше замужней женщины, ибо девство достойно не само по себе, но только как средство к достижению намеченных целей. Взгляд Церкви на материальную сторону брака совершенно ясен и совершенно определен, и в этом отношении в ней нет и не может быть ни раздвоения, ни сомнения, ни вопроса. Физическое соединение является безусловно чистым³, оправдываемым в браке, как религиозно-нравственном институте, имеющем свои религиозно-нравственные же задачи и цели, и оно же является безусловно нечистым и скверным вне брака, составляя блуд или прелюбодеяние. Признавая брак, в состав которого входит и физическое соединение. Церковь остается верной самой себе и ни в чем себе же не противоречит. Брак осуждается ересью, но Церковью он не только не осуждается, а даже благословляется.

Протоиерей У-ский говорит, что взгляд на супружеские отношения, как на грех, «существует в сознании русского церковного общества». «По этому воззрению,— говорит он,— акт супружеских отношений по самому существу своему, по самой природе своей, есть грех, только грех прощаемый, так сказать, официально допускаемый в силу своей неизбежности». Какое неведение языка церковного, церковной терминологии, свидетельствующее о неясности, спутанности самого представления о Церкви! Если Церковь *официально* допускает, то, стало быть, для нее

девства, а *помещение* девства есть *отвержение* брака. Нельзя сказать: «Я люблю брак и девство, как люблю яблоки и виноград», но можно только или: «Я *не переносу* яблок»; или — «*люблю* яблоки». Ибо девство есть *non coitus*, *coitus* есть *non virginitas*, а *двух* вещей здесь нет. Есть *двоящееся* ваше *желание* или *нежелание*, *отвращение* или *сладость* — к *одному*. Вот это единство *предмета* в браке и девстве никогда и не было уловлено, а потому не были разобраны и *непрерывные плюс и минус совокупленные* в каждом порознь избрании. Брак есть непременно *отталкивание* вчерашнего девства, как несовершенного и не сладкого и не нужного; как девство есть непременно *отталкивание* завтрашнего замужества (женитьбы) как падения, несовершенства, греха. *И только в отталкивании-то и состоит каждое пожелание и избрание.* В. Р-в.

¹ Какое забвение учения церкви! А «первородный грех», а отвержение догмата католической церкви «о непорочном» хотя бы Единой «св. Девы зачатии»?! Н. П. Аксаков сочиняет религию. В. Р-в.

² Да что же такое, как не портрет этот рисуемый, с наброшенной на плечи мантией, т. е. формой, «чин ангельский», «равно-ангельское состояние»?!. Да, состояние «бесстрастия» есть «равно-ангельское», как состояние «страстное» есть «жало сатаны, данное нам в плоть». Аксаков или ничего не помнит, или ничему не учился. В. Р-в.

³ А очистительная молитва над роженицею? Ничего не помнит. В. Р-в.

возможно и другое, *неофициальное* отношение, в силу которого она осуждает ею же самую допускаемое. Другими словами, Церковь по служебному долгу (официально) допускает то, что само по себе, по нравственному долгу (неофициально), признает греховным и скверным. Да разве в Церкви может быть отделение служебного долга от нравственного, официального от неофициального? Ужасно слышать этот поклев на Церковь из уст ее служителя! Впрочем, этот поклев протоиерей У-ский приписывает не себе, а «русскому церковному обществу». Опять из уст служителя Церкви слышим мы совершенно неведомые Церкви слова. Церковь сама есть общество и рядом с ней другого общества, разве как не церковного, нет и не может быть. По крайней мере, Церковь такового признавать не может. Правда, великое множество людей числится в Церкви, а не живет в ней, одною ногою стоят в Церкви, а другою опираются на совершенно иную почву, верит в леших, русалок и ведьм, признает колдовство и заговоры, служит мамону, допускает блуд, осуждает брак и т. п. Но разве этою второю, противоположною Церкви стороною своего бытия, они образуют «церковное общество»? Разве Церковь имеет что-либо общее с этими их верованиями, заблуждениями, пороками и предположениями? Церковь никакого «церковного общества» не знает и знать не может просто потому, что вне Церкви нет и не может быть ничего церковного. Церковное общество — *contradictio in adjecto*, нечто ни реально, ни логически не существующее. Но предположим, что по забвению языка церковного, прот. У-ский под именем «церковного общества» подразумевает всю совокупность людей, числящихся в Церкви или примыкающих к ней одною стороною своей жизнедеятельности. Будет ли в этом случае справедливым заверение о. протоиерея? Разумеется, — нет. Многие миллионы русских людей брачатся, живут в браке, производят на свет детей, видят в них благословение Божие, и даже и не подозревают, что в браке, в супружеских отношениях, есть какая-либо нечистота, предосудительность, греховность в очах Церкви, благословляющей брак. Как-то в полемике указывалось на воздержание от супружеских отношений перед праздничным посещением храма, как на признак сознания греховности и нечистоты этих отношений. Но, ведь, и от пицци полагается или практикуется такое же воздержание, а отсюда вовсе еще не следует, чтобы есть почиталось грехом и скверною. Приходится заключить, что и в «церковном обществе», если уже и употребляют такое наименование, вовсе не существует сознания греховности брачных отношений, нечистоты их — и осуждения их Церковью, которая, противореча самой себе, только допускает их ¹.

---

¹ Все это пространное красноречие «зарапортовавшегося» Н. П. Аксакова падет при следующем соображении: возможно усталому и голодному страннику, взяв из котомки ломоть хлеба, осторожно отойдя к сторонке — *вкусить его в самом храме; антидор* — мы вкушаем же, не выходя для этого физиологического действия из полного богоприсутствия храма. И, однако, это действие только *нуль религиозный, действительное безразличие* в смысле святости. И нужна, очевидно, *греховность, отрицательная религиозность, звезда под горизонтом* для трактуемой Аксаковым вещи, если столь непререкаемо и непремисно она

Такой поклев на Церковь может принадлежать только какой-нибудь кучке людей, только каким-нибудь X, Y и Z, которых гг. Розанов и У-ский не называют и с которыми только и подобало бы вступать в полемику. Как же полемизировать с ними служителю Церкви или всякому ее ревнителю? Разумеется, не иначе, как противопоставляя заверениям их свидетельства самой Церкви, которая не только не хулит и не осуждает брак, но и всякую хулу на него и всякое его осуждение открыто и прямо объявляет ересью, извергая от себя, в качестве еретиков, всех осуждающих и хулителей. Поступать иначе Церковь и не могла бы, как благословляющая браки и тайнодейственно сообщающая им благодать. Но кто же эти порицатели и уничижители брачных отношений? Даже и ереси такой в настоящее время не существует. Подразумевать гг. Толстого и его поклонников тоже не имеется оснований, ибо они не только не говорят от лица церкви, но и прямо отрекаются от нее, а потому не могут входить даже и в состав «церковного общества, ибо обеими уже ногами стоят вне церковной ограды. Гг. Розанов и У-ский борются с измышленным ими же самими неприятелем¹. Они провозглашают несуществующий мрак, чтобы объявиться его выяснителями, но от того только содействуют распространению мрака. Гг. Розанов и прот. У-ский стреляют холостыми, по счастью, зарядами только в плоды собственного своего воображения. Другого, явного неприятеля² найти и наименовать они не могут.

Признаком уничижения и осуждения брачных отношений, как чего-то нечистого, предосудительного и греховного, представляется им открытое провозглашение превосходства девства. Но, если одно провозглашается превосходнейшим другого, то разве отсюда следует, чтобы это менее превосходное почиталось грехом или нечистью³. Пример, и притом яркий пример противного представляется теми самыми словами апостола, которые с другою совершенно целью приводит сам протоиерей У-ский. «Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли чудотворцы?

выводится за черту стен церковных! за черту святого места! «Если не минус в половом общении,— ну, тогда впусти его в храм, разумеется — преображенный, с приделами особыми, или хотя внеся в него для этого шатер, или закрыв ложе пологам, как это делается у наших крестьян!» — «Нельзя впустить в храм! никогда! ни за что!» — «Ну, тогда — минус, и все его необозримые последствия...» Затем, почему беспристрастный Н. П. Аксаков не порицает гг. Мирянина и Шарапова за их взгляды? Высказываясь о чистоте полового акта, ведь он становится на сторону мою, А. У-ского, Гатчинского Отшельника; между тем не поразительно ли, что он явно нами раздражен, а на Шарапова и Мирянина нисколько не нападает. Дело в том, что преемственная связь слов, имеющих исходом для себя, «плодитесь, множитесь», так и продолжает, и не может не продолжать, цепь этих и подобных слов; но — только слов. Чувство — оно диаметрально им противоположно; страстно, мучительно враждебно; и это чувство имеет исходом своим не какие-нибудь определенные слова, но общий грустно-пенельный тон и смысл Евангельский. В. Р-в.

¹ Да почему же «измышленными»? А С. Ф. Шарапов и г. Мирянин? А очистительная над роженицею молитва? В. Р-в.

² Что за легкомыслие! Точно «Иванушка», просидевший тридцать лет дома и ни о чем не слыхавший, что есть и делается на свете. В. Р-в.

³ Тут и выступает выясненное нами единство желаемой или отвергаемой вещи. Ante coitum — девство, post coitum — брак; суть an und für sich — coitus как «скверна» не алкаемая или «чистота» желаемая. Брак есть «истление» девства, девство — еще не «истленность» в браке. В. Р-в.

Все ли говорят языками? Ревнуйте о *дарах больших*, и я покажу вам путь еще *превосходнейший*» (I Кор. XII, 29—31). По логике наших мыслителей, следовало бы заключить, что апостол, признавая возможность больших даров и превосходнейшего пути, этим самым указывает на некоторую нечистоту или греховность апостольства, пророчества, чудотворства, говорения языками и вообще всякого меньшего дара ¹, а это было бы явною хулою на Духа святого, как источника даров. Но такого безумно кощунственного вывода не делал, разумеется, до сего времени не только церковный ум, но и здравый человеческий ум вообще. В чем именно и в каком отношении проявляется и состоит в данном случае превосходство? Апостол дает нам прямой ответ на этот вопрос, объявляя превосходство пророчества над говорением языками, ибо говорящий языками назидает самого себя, а пророчествующий назидает Церковь, т. е. служит к совершенствованию и созиданию Церкви. Превосходство заключается, таким образом, в пользе, приносимой Церкви, и проверяется этою пользою. Не в ином чем состоит и превосходство девства над браком, и на это опять-таки прямо указывает тот же апостол, говоря, что женатый заботится о жене, а неженатый заботится о Церкви. Сам протоиерей У-ский обращает внимание на то, что апостол Павел «первый высказал мысль о превосходстве девства перед супружеством», что восторженному ² восхвалению девства им посвящена почти целая седьмая глава первого послания к Коринфянам. Но протоиерей У-ский сам не обратил внимания на то, что апостол противопоставляет девство не физической стороне брака, в который только и мог бы заключаться какой-либо элемент греховности и нечистоты, а самому браку вообще, в виду того строя обязанностей и забот, и притом чисто-нравственных обязанностей и забот, которые из него возникают и необходимо стесняют ³ в сторону служения Церкви, отвлекая от этого служения, стесняя свободу личного

---

¹ Да нет: тут *различные* вещи, равно могущие быть «превосходными», а не *одна* вещь, с «целостью» гутен'а или без этой целостности — которые как же будут, *взаимно одно другому противолежа* — «равно превосходными». Это все равно как сказать: «что в платье, что нагишом — равно превосходно», или: «что в тепле, что в холоду, что трудясь, что ту-неядствуя — одинаково прекрасно». Нелепое суждение. В. Р-в.

² Если бы дело состояло в том, что девство даст *досуг для работы* на церковь, то откуда этот родник и светоч (новый светоч!) «восторженности» в словах о девственности?! Кто же хвалит циферблат часов, по коим считается работа, а не самую работу! Очевидно, ап. Павел и хвалил бы *работу, неустанность, непосидность, несонливость* «юного насаждения» (девства)... Но, увы, новый светоч, совсем «от другого мира» (чем ветхо-заветный) загорелся; «пала звезда на *источник вод* — и стали они горьки» (Апокал.) и от этой «горькой воды» и удерживает теперь ап. Павел. Две тысячи лет назад *сладкое* пола — превратилось в *горькое* пола, в «попынь»: и это и есть «тайна беззакония, начавшая действовать в мире», которую вдруг, не зная, откуда она вьется, почувствовал Апостол. «Не хорошо быть человеку одному — сотворим ему помощника»... Этот Божий о человеке совет, внутреннее о нем самого Божества помышление, выразившееся затем в сотворении Евы, — и было 2000 назад разрушено. «Ни Адам, ни — Ева, но — два камня без внутреннего между ними стяжения». В. Р-в.

³ Да как стесняют?! С женою-то я еще больше послужу, ибо и в служении Богу она мне «помощница». Моисей между Египтом и Ханааном мало ли работал, — и имел жену Сепфору и ребенка; даже, уже в пустыне, взял еще ефиопянку, и Бог наказал Мариам и Аарона, начавших за это тайно осуждать брата (Числ, гл. XII). Также ап. Петр разве мало радел Христу, — а был женат. Но, клянусь: с детьми и женами мы вознесем Богу хвалы, не завтра, то послезавтра, каких еще не слышал мир! В. Р-в.

самоопределения. «Мне жаль вас,— говорит апостол,— что вы будете иметь печали, заботы и попечения, с которыми нравственно соединена брачная жизнь, что вы не будете иметь той полноты духовной свободы, которая уполномочивает меня всецело отдаваться полноте служения Церкви, а потому я и хотел бы, чтобы вы все были безбрачными, девственниками, как я». Но, оговаривается апостол, «относительно девства я не имею повеление от Господа»¹.

Девство *не есть* «повеление Господне», нравственное *требование*, предъявляемое ко всем или хотя бы и к избранным, *но условие*, соответствующее, способствующее исполнению иного нравственного требования подвига, наложенного или избираемого тем, кто обеспечивает себе девством свободу его исполнения. Девство достойно и превосходно не само по себе, но по мере исполнения тех задач и тех подвигов, для которых оно освобождает. Мы говорили уже, что соблюдающий чистоту свою холостой человек выше ведущего блудную жизнь или впадавшего в блудодеяние, но сам по себе отнюдь не выше, не святее и не чище состоящего в браке. Но пользующийся девством для всецелого служения Церкви и ради того именно избравший свободу от брака и всех его последствий, конечно, является превосходнейшим, но именно только в той степени, в какой девство обеспечило ему свободу его служения и было средством, избранным им для сохранения этой свободы².

Все вышесказанное легко можно пояснить следующим примером. Предположим, что в настоящее время кто-либо ради любви к ближним отправился ухаживать за зачумленными. Конечно, он не взял бы с собою ни жены, ни детей, дабы боязнь за них и заботы о них не отвлекали его от дела, которому он временно себя посвятил. Живя согласно церковному идеалу, он не только пребывал бы во временном безбрачии, но и во временном девстве, ибо церковный идеал отклонял бы возможность всяких внебрачных отношений, как блудных. Свобода его была бы, тем не менее, не совершенно полна, ибо заботы и попечения об отдаленной семье отвлекали бы его и препятствовали бы ему отдаться избранному делу всею душою³. Предположим же, что кто-либо желает предаться сопряженному с самопожертвованием и самоотречением делу не на срок, а на всю жизнь, и притом беззаветно и всею душою. Может ли он при этом искать утешения в семейной жизни, принимать на себя семейные

---

¹ Вообще говоря, это так еще бегуче, до того еще «горчишное зерно», что совершенно непостижимы, но очевидно роковые были те судьбы, по коим слова эти, почти «оброненные», выросли от Пиреней до Урала в мощный, всемогущий лес аскезиса. В. Р-в.

² В таком случае и было бы общее и постоянное решение: «Други, как вам удобнее, женатыми или не женатыми,— но только послужим все св. Церкви; в этом году в венце церкви — смарагд девственности, а в будущем — два бриллианта супружеской четы». Но этого практически и законодательно нет, и тезис Аксакова не доказан. В. Р-в.

³ Вполне натянута и искусственна эта аналогия с посылкой доктора к «зачумленным». Уж не так мир «зачумлен», и нужно среди его жить и благовествовать, сиять яко крин правды и чистоты, а не лихорадить и не нервничать, не торопиться и не суетиться. А семья-то и есть условие ровной и спокойной жизни. В. Р-в.

обязанности, вступить в брак, если желает посвятить себя делу всецело? Разумеется,— нет, ибо женатый заботится о жене и т. д. Но раз он обрекает себя на безбрачие, он тем самым обрекает уже себя, как христианин, и на девство, ибо всякие внебрачные отношения, как блуд, с христианством несовместимы.

* * *

Как условие, как составная часть высшего самоотречения и самопожертвования на пользу всех, на пользу Церкви, но только как таковое, а не само по себе ¹, девство является, конечно, выше и совершеннее брака. Мысль эта принадлежит не нам; она сама собою вытекает из слов апостола и многократно выражена святоотеческими устами. Мы не затруднимся, когда будет нужно, подтвердить ее и подлинными свидетельствами Отцов Церкви. Подтверждением ее является и сама практика Церкви. Церковь не проповедует монашества, не предлагает безбрачия, а следовательно, и девства, мирянам; не ставит его и условием священства; но почитает целесообразным, чтобы епископ, как олицетворение всех попечений о Церкви, ему вверенной, как «средоточие любви церковной», по словам одного писателя,— сохранял безбрачием полную свободу на вверенное ему служение.

Протоиерей У-ский заверяет, что это указание на превосходство девства перед супружеством ведет свое начало только с апостола Павла, составляет только индивидуальное его воззрение, и не было отмечено и предусмотрено самим Иисусом Христом, т. е. зародилось в Церкви позднее. «Прочтите, говорит он, все четыре евангелия, с первой страницы до последней, и вы нигде не найдете даже мысли о превосходстве девства, *в нравственном отношении*, перед супружеством». Мы нарочно подчеркиваем слова «*в нравственном отношении*», ибо они-то и видоизменяют все дело. В нравственном отношении брак может быть точно так же свят, как может быть свято девство. Где найдете вы указание на то, что смирение лучше долготерпения ² или одна христианская добродетель лучше или хуже другой? Безбрачие и девство превосходны не сами по себе, не в отдельном их нравственном отношении, а только, как своего рода *гигиена духа*, потребная для высших подвигов и высшего служения. На такое превосходство, не в отношении к личной нравствен-

---

¹ Н. Аксаков забывает еще множество *оплакиваний* в аскетических писаниях (см. «Покаянный канон Андрея Критского») мысленных, т. е. *самых острых и неотвязчивых*, и никогда не побеждаемых, чувственных искушений. Вообще Аксаков полагает, что аскет «для службы церкви» лишь слагает с плеч лишнюю тяготу семьи, как бы посторонний и внешний делу мешок камней. Совершенно обратно: девственник возлагает на себя новую неизмеримую тяготу борьбы «с помыслами», на которую затрачивает бездну энергии, вместо того чтобы тратить ее «на службу церкви». Да и какие административные и проч. «обязанности» несли — «на пользу церкви» первые пустытники Фиваиды? Нет, очевидно, что тут есть *самостоятельный* идеал, противоположный браку. В. Р-в.

² Какое нелепое сравнение! — «Долготерпение или *нетерпеливость*», «смирение или *хвастовство*», вот аналогия предпочтения девства — *недевству*, или брака — *безбрачию*. В. Р-в.

ности, а в отношении к широте, полноте и силе служения Церкви, Христос, если и не указывает прямо и непосредственно ¹ словами, то зато прямо указывает всем примером самой жизни Своей. Полагаю, что никто, не исключая и протоиерея У-ского и г. Розанова, не может представить себе Христа иного, как безбрачным ², хотя Он всем, кроме греха, уподобился нам, а в браке ничего греховного Он не видел ³.

---

¹ Это-то и важно, что *тайный жест*, конечно, есть; но еще важнее — почему *не явный*, не прямой и не категоричный, не в «путях блаженства», не в громе негодования как против «лицемерия книжников». Рассмотрим степени силы.

Если бы я прямо сказал кому: «не ходи сюда, не ходи туда», то, возможно, что выслушавший *все-таки пошел бы*. И после всех бурь осуждения «лицемерию» или «книжничеству» они ни пяди не уступили слову Христову. Мир Его не послушался. А надо было, чтобы *в этой одной точке*, о коей мы рассуждаем, мир послушался.

Я говорю: «Иди туда — я не осуждаю; но лучше бы ты не шел».

Жена говорит, собираясь домой, мужу: «Я пойду, но ты посиди за картами — я одна дойду, хотя и ночь».

Мать — сыну-гимназисту: «Пожалуй, играй еще с товарищами: но может быть ты подготовил бы уроки».

И т. д. То самую эту нежностью указания и будет вовлечена воля сидящего за картами мужа, ленивого сына-ученика, и проч., слиться своим порывом, уже вольным, «пророческим», а не под-законно-вялым, с жестом поманения. Муж, сын, друг — даже и не послушает в первые мгновения, даже непременно не послушает зова. Так в первые времена христианства и безбрачия почти не было. Но *тоска* уже заточит сердце, и именно в меру того, насколько «грех» непослушания — предупредительно и заранее прощен. Все благородство души «грешника» ринется к исполнению... не закона, а именно «благодатного» — то указания, «свободного», особенно и изысканно не навязываемого. Весь идеал упрется сюда и вытечет лютейшая, но уже свободная несвобода... Психология «блудного сына»! — о, теперь он превзойдет верностью отцу исправного своего брата; муж, не послушавший легкого поманения... нет: выслушавший полное разрешение жены остаться всю ночь за картами, когда она одна побрела по темным улицам города домой, к нездоровому ребенку — теперь этот ленивый муж не только бросит карты, но скажет грубость партнерам, опрокинет стул и побежит за нею «рыдая и рвя волосы», или почти так. Совершенно обратен был бы результат, скажи она ему категорично:

«Вставай из-за карт. Я иду домой. Ночь, да и дети нездоровы».

То он вовсе не пойдет с нею, или пойдет — бранясь, неохотно. — Таким-то образом «лицемерие и книжничество» преспокойно осталось в мире, но почти безмолвно: «лучше не»... в отношении к данной теме разрушило ее до дна, до искоренения, с погу-свегнуо силою; и, собственно, через одно это поманение и перевернулась вся почва Ветхого Завета на совершенно другую «новью». Здесь тайна «свободы» и «благодати», и притч как о «Блудном сыне», как о «званных одиннадцатого часа», о «много званных и мало избранных», о «девах, не сохранивших огня в светильниках». Зажегся в *самом человеке*, как будто бы *его свободный идеал*, рыдательно, восгорженно, и чем далее в веках — тем сильнее, бежать и бсжать за оставленным, оскорбленным, замученным «нами» Женихом... в пустыню, пустынное житье. Тайна истории. В. Р-в.

² Вот это очень важное указание, что в духе и образе Христа точно нет ничего брачного, хотя брак не редко упоминается, и вообще не обходится; даже ранее всего Иисус идет на «брак в Кане Галилейской». Еще замечу тайну, кажется никем не замеченную: церковные песнопения, *все без исключения*, суть как бы гласы ликов из рак мощей, или как бы это поют лики из кюгов церковных: в них вообще, и притом до глубочайшей глубины, нет жизни, нет страстного, это суть вне-полюе, ни *нежно* — женственные, ни *сильно* — мужские, напевы. Просто — это поет не живой человек! Если бы концерт или концертное пение вдруг внести что-либо из церковных песней, то негр — и тот воскликнул бы: «Это — другое! это — не го! не прежнее!». В. Р-в.

³ Это — все правда и тут великая тайна. Брак не назван грехом, но он *показан* грехом — и это действительнее. Евреи оттого так и испугались. Явлен был образ, лик, пример святого, который не только не был совмещен, но и абсолютно несовместим с браком. Так что невозможно живо представить себе этот образ — и «захотеть» брачно; а «брачно» пожелав — невозможно, кажется, не забыть этот образ. Тайственно все это и страшно, и, кажется, разгинается тут та книга, о которой, в *Апокал.*, сказал ангел Тайнозрителю: «Прочитай и это — но не записывай». В. Р-в.

Но в браке не могла бы ¹ совершаться полнота Его подвижничества. Брак и девство сами по себе, материальной своей стороною, лежат вне области нравственных отношений и нравственного достоинства, иначе слова: «Будьте совершенны, как Отец ваш совершен» налагали бы на христиан обязательное безбрачие. Брак и девство сами по себе «ничто», как ничто, напр., идоложертвенное, но они святятся целью, через них достигаемой. Девственник Павел отнюдь не ставится Церковью выше женатого и водившего жену за собою ² Петра, и это безусловное приравнение знаменует воззрение Церкви.

Но нельзя утверждать, чтобы Иисус Христос и словами не указывал прямо или косвенно на превосходство девства в прикладном отношении, т. е. ввиду исполнения церковных задач. Научительное слово Его к 70, отпускаемым на благовествование, уже явно подразумевает безбрачие, т. е. девство для необретающих в браке, ибо, если нельзя останавливаться в виду предстоящего подвига даже и похоронами отца ³, то, уже конечно, нельзя связывать себя браком, которым налагались бы обязанности, препятствующие свободному исполнению подвига. Кроме того, и приводимые протоиереем У-ским слова Спасителя, служащие ответом на восклицание учеников, что ввиду указываемой им нерасторжимости брака лучше не жениться, именно и заключают в себе прямое указание на превосходство девства, хотя и не для всех, а для тех, кому по данной благодати предстоит высший подвиг. «Не все вмещают слово сие (т. е., что лучше не жениться), но кому дано. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19, ст. 11, 12). (Плоское толкование этих слов г. Розановым заслуживает улыбки, а не возражения.) «Монахи, говорит протоиерей У-ский, именно из этих слов выводят мысль о превосходстве девства». Так думают не одни только монахи, потому что другого смысла и не могут иметь эти слова. Вывод монахов безусловно правилен, хотя, разумеется, не все монахи имеют нравственную заслугу в своем, хотя бы и безукоризненном девстве, но те только, у которых не осталось оно неиспользованным для высших целей и высшего служения.

---

¹ Да, чувствуется, что «не могла бы», но ведь уж конечно не по недостатку времени!!! Исказился бы лик и суть, в точности «не от Адама, не от Евы» и «не по образу и подобию» их; как мы равно не можем без искажения («суть скопцы, иже исказиша себя»...) стать «образом и подобием» Иисуса, но с искажением — сейчас же выходим «из образа и подобия» Адамо-Евиного, Ветхо-Заветного, Элогимова. В. Р-в.

² Замечательно, что ап. Павел, девственник, первый и указал не принимать более печати Ветхого Завета: «Во Христе Иисусе ни обрезание что может, ни не обрезание». Ибо точно для девственного состояния мысль и глубина обрезания вовсе ни для чего не нужны. Но ведь обратно это значит, что обрезанием, данным Аврааму Богом «в завет вечный» (Быт. 15) запрещалось девство и притом «на веки». Пораженный этим-то, ап. Петр, как рассказано в «Деяниях Апостольских», и разошелся с ап. Павлом, затрепетав грядущих перемен. В. Р-в.

³ Замечательно, вообще, что в Ветхом Завете нигде нет пропаганды, «иди и благовествуй», и это есть тоже немаловажная черта ново-заветного перелома: здесь, обратно, все устремлено в *паломничество, миссию, апостолический* подвиг. «Иди и проповедуй язычникам» (ап. Павлу), «отрясите прах от ног ваших в городе, где вас не выслушают» (вообще апостолам), «отраднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели этому городу, который Меня не принял», «Они будут слышать — и не уразумеют, иметь очи — и не увидят». Поразительно, до чего много в Евангелии историками *не замечено*. В. Р-в.

«Божественный Основатель Нового Завета, говорит протоиерей У-ский... нигде и никогда прямо и положительно не восхвалял девства». Невозможность такого восхваления строит автор на следующих своих рассуждениях. «Новый Завет основан на фундаменте Ветхого Завета, и потому не могло быть, чтобы основные и существенные, нравственные и психо-физические законы Ветхого Завета были выброшены в Новом Завете. Никто никогда не встречал такого неразумного строителя, который, выстроивши стены здания, стал бы выламывать и выбрасывать весь фундамент, в том соображении, что ведь стены поставлены, и, следовательно, фундамент уже не нужен». Все это сравнение не выдерживает никакой критики и никоим же образом не уясняет отношения Нового Завета к Ветхому; совершенно наоборот, оно искажает понимание этого отношения. Никто, разумеется, никогда не выламывал старого фундамента из-под построенного на нем нового здания по той простой причине, что тогда рухнула бы и вся постройка, но мудрый зодчий никогда и не воздвигал нового обширного и совершенного здания на фундаменте старого, менее обширного и несовершенного, ибо тогда и новое здание обречено было бы на неполноту и несовершенство¹. Для сооружения нового, совершенного и превышающего величием и размерами здания, необходим прежде всего обширнейший, совершеннейший по глубине и незыблемости² фундамент. Пусть новое здание сохраняет и основные очертания, и идеальный смысл, и все достоинства старого; оно необходимо должно быть все построено вновь³, ибо иначе не может быть полным и совершенным. Никто не вливает вина нового в мехи старые. Новый Завет, отнюдь не являясь надстройкой над Ветхим, дополнением к Ветхому, заключает в своей полноте, объемлет своею полнотою и все неполное и несовершенное содержание Ветхого, но уже в новом и совершенном виде⁴. В Новом Завете нет уже ничего ветхого; все Христианство, вся Церковь, весь нравственный строй Нового Завета — новое здание, «новая тварь». Как мудрый зодчий, Христос именно и воздвиг новое здание на новом, а не на старом основании⁵,

¹ Это начало весьма точной постановки очень важного вопроса. Расширение может быть количественное, но *качественного изменения быть не может без отрицания*: иначе будет другая, совсем новая, не продолжающая, а разрушающая постройка. Свести лес и завести пашню значит перестать быть лесоводом и сделаться пахарем; но расширить лес — значило бы остаться верным промыслу своего отца. Вот параллели. В. Р-в.

² Вот о «глубине-то» и «незыблемости» и не имеет права говорить г. Аксаков, не впадая в кощунство против «Ветхого Завета», как будто бы «не глубокого и зыбучатого». «*Завет вечный даю тебе*», — сказал Бог Аврааму. В. Р-в.

³ Здесь нужна математическая точность рассуждения, каковой не сохраняет автор. Что значит «вновь» при сохранении «основных очертаний и идеального смысла старого»? Если план старый, то только *кирпичи новые? слова, речения?* Но неужели «кто может вместить девство — да вместит», и «плодитесь, размножайтесь, *наполните* землю» есть перемена слов с «сохранением основного смысла и содержания». Ясно, что изменен дух. Другой дух. Иной дух. Почему, пораженные отцы церкви и воскликнули: «*еще* Ипостась, другая, *не та*». В. Р-в.

⁴ Это — риторика, которую нельзя переложить на точные термины. В. Р-в.

⁵ «На новом основании, новое здание»... неужели это тоже «сохранены основные очертания и идеальный смысл старого»? И вот такая-то риторика, скользящая змея слов, составляла наше теологическое богатство за 2000 лет. В. Р-в.

и Сам указал на это условие своего зодчества. «Ты еси Петр (т. е. камень) и на сем камене созижду Церковь мою».

В чем же противоречило бы восхваление девства основным и существенным нравственным законам Ветхого Завета? Протоиерей У-ский усматривает это противоречие в том, что Основатель Нового Завета есть то самое Слово Божие, Которое положило закон размножения и повещало: «Плодитесь и множитесь и населяйте землю». Но ведь это «плодитесь и множитесь», обращенное к твари вообще, замыкающее, так сказать, собою акт творения, в равной степени относится к зверю, амфибии, червяку, растительной былинке и человеку, и до сих пор никем еще не было принимаемо за *нравственный закон*¹, из которого вытекла бы обязанность для человека плодиться и множиться. Если бы на человека возложена была нравственная обязанность плодиться и множиться, то в таком случае восхваление девства являлось бы противоречием, ибо тогда девство являлось бы нарушением нравственного закона, грехом и преступлением. Все, созданное Богом,— чисто, как и было сказано Петру в видении; но отсюда следует только то, что нельзя гнушаться в выборе пищи, различать в ней чистое и нечистое, а отнюдь не следует еще то, что человек нравственно обязан вкушать все. Так и благословение размножения воспрещает только гнушаться браком, что и воспрещает Церковь, а отнюдь еще не требует обязательного вступления в брак, когда иные, высшие цели являются тому препоной. Протоиерей У-ский, а равно и В. В. Розанов смешивают одобряемый наравне со всем творением и наравне со всеми положенными всему созданному естественными законами (как, напр., с законом тяготения, инерции и т. п.) физический закон (размножения) с законами нравственными, законами личной воли и самоопределения, всегда определяющими не то, что есть или может быть, а то, что должно быть, хотя и может не быть, и всегда выражающимися в форме категорического императива. Ни размножение, ни девство не являются такими категорическими императивами или нравственными законами, а потому и брак, и девство могут быть равно благословляемы и восхваляемы. Никакого противоречия в совместности благословения нет и не может быть².

Г. Розанов говорит, что «Церковь двоится в идеале, если мы не сольем монашества с браком или брак с монашеством». «Церковь,— говорит он,— двоится при этой точке зрения, и под покровом одной

---

¹ Да это есть *трансцендентный закон*, который уж никак не ниже (не уже и не беднее) нравственного закона. Обрезание было также трансцендентный закон. Что в нем собственно нравственного, морального?! Ничего. Но тогда Ветхий Завет есть трансцендентно-мировой, космический, а Новый Завет есть морально-исторический. Г. Аксаков подводит нас к новой и трудной теме. В. Р-в.

² Все это довольно толково и умно, и мы радуемся, что *пристальностью* рассмотрения одной темы привели даже антагонистов своих к необходимости рассуждать наконец точно и внимательно. Но все же полной точности рассуждения автора не достигает: нельзя давать такой закон гражданской службы, который останавливал бы кровообращение (пусть это было бы возможно), и нет свободного и нравственного закона, какой снимал бы и имел бы для себя нужду снять с человека «печать ветхого завета». В. Р-в.

(вероятно, Церкви же), в темных и белых ризах духовенства, мы имели бы или имеем два и притом противоположных упования, спайку двух Церквей: белого поклонения Светлому лику и темного поклонения такому Темному лику, суть коего, в противоположность Богу Елогиму (Бытие, I), есть заповедание: не раститесь, не множитесь». Но вместо всего этого, довольно кощунственного набора громких слов, лучше бы не упускать из вида того, что Церковь, благословляя девство, благословляет и брак ¹, воспрещая усматривать в физической стороне его что-либо греховное и нечистое. Никакого раздвоения идеалов не существует, ибо ни девство, ни брак не составляют сами по себе нравственного идеала и нравственного добра ², но являются только *условиями* к их осуществлению. Нравственный и религиозный идеал ³ безусловно тождествен, как для девственников, так и для состоящих в браке, но *условия* и *средства* к осуществлению этого идеала различествуют и могут являться неравномерными. Что более содействует осуществлению в жизни нравственного идеала? Для одного девство, а для другого брак, ибо «дары различны, а Дух един и служения различны, а Дух един». Сомневаться в том, что в браке сообщается «дар» и притом «дар Духа Святого» невозможно уже потому, что брак есть таинство, что таким делает его Церковь, воспрещающая смотреть и на физическую его сторону, как на что-либо греховное и нечистое. А где есть дар, там есть и служение, ибо всякий дар не всуе дается, а именно на служение. Но для всецелого, высшего служения Церкви девство бесспорно является предпочтитель-

¹ Опять приходится разлагать слитное суждение в его термины. Вполне допустимы суждения:

Трудиться хорошо,
Много трудиться — *лучше*.
Быть здоровым — *желательно*,
Никогда не хворать — *желательнее*.

Ибо это суть *умеренное* и *сильное* — в одной линии, суть степени одной лестницы, как бы членики одного и того же членистого существа. Но если мы скажем:

Трудиться — хорошо,
Однако не трудиться — *лучше*;
Учиться — *полезно*,
Однако *спасительнее* не учиться,

то очевидно, что здесь значущи и сильны собственно одни заповеди:

Не трудись
Не учись

без всякого утвердительного отношения к *науке* или *труду*. Таков и есть истинный смысл учения о браке, который подведши, через эту форму о нем речений, *звездой под горизонт*, тогда как *звездой над горизонтом* поднялась, конечно, с противоположной страны света («солнце с запада») — девство. А так как здесь все «заповеданное» или «нет», «религиозное» или «нет», «святое» или «грех»: то ясно, что с восходом новой звезды закатилась под горизонт, в страны ночные и отрицательные, в мир греховный и «дьявольский» — весь круг, все «360°» древней веры. В. Р-в.

² Да это — трансцендентности. Но и кроме того: благословить рождение — значит благословить и *рожденного человека*; и с какою силою мы благословляем первое — мы *любим и благословляем самого человека*. «Плодитесь и множитесь», будучи трансцендентно, имеем и нравственное переложение: «возлюбленный мой! на тебе благоволение мое!» Но значит — и обратно. В. Р-в.

³ Да «идеал религиозный» есть прежде всего некоторый трансцендентный план. Элогим — *Творец* мира, а не один нравственный его *учитель*; и даже «нравственное учение» заимствуют авторитет свой от того, *Кто* или *кто* учащий. В. Р-в.

ным, превосходнейшим, как отвлекающее от обязательных, становящихся обязательными «жигейских попечений», которыми стеснялась бы свобода личного самоопределения.

Зиждущееся на неведении личное свое измышление г. Розанов и протоиерей У-ский приписывают, хотя и не в равной степени, Церкви — и ставят в вину ей. Г. Розанов, как более свободный, свободный даже и в изложении библейских фактов, прямо говорит, что Церковь раздвоилась. Протоиерей У-ский, как менее свободный, указывает на неправоту только в сознании русского «церковного общества». Но он определяет и путь, которым исподволь проникла в сознание эта неправота. Одно-сторонний взгляд греческого мира, пораженного новизною идеи девства (как будто не поражились ею также иерусалимские Евреи, Сирийцы, Африканцы, Римляне, Армяне и пр. и пр.), византизм, преобладание иноческих элементов в выработке богослужения и во всем строе исповедующих Церковь песнопений, в сложении догматики только монахами и т. д. Таким образом, явствует, что, и по его мнению, неправота проникла в «сознание церковного общества» из Церкви же, в силу неполноты и несовершенства ее развития, в силу какого-то наслоения, якобы в ней происшедшего. Виноватою в конце концов оказывается опять та же Церковь, которая, очевидно, развилась не так, как ей подобало бы развиться и включила в себя элементы и представления, которые ей не следовало бы включать. Надо было бы написать много страниц, чтобы выставить полную несостоятельность всех этих доводов отца протоиерея.

На одном из таких доводов не можем, однако, не остановиться, преимущественно для того, чтобы показать, до чего, т. е. до каких Геркулесовых столбов неразумия, может довести надменно-критическое отношение к Церкви. Апофеозом неправоты «религиозного сознания Греков», апогеем ложного строительства «жестокосердных поклонников девства» выставляет протоиерей У-ский то обстоятельство, что Церковь усердно чтит преподобную Марию Египетскую и не ведает даже по именам тех двух святых замужних женщин, относительно которых свидетельствует Макарий Египетский. «Память преподобной Марии Египетской положено ежегодно праздновать 1 апреля. Кроме сего, воспоминанию ее посвящается пятое воскресенье Великого поста. сверх того, в честь ее поются *запевы* и *читаются тропари* (?) в великом покаянном каноне Андрея Критского в первые четыре дня первой недели и в четверток пятой недели Великого поста, причем в последний из названных дней положено читать и житие ее». Странно слышать все это из уст человека, которому православное богослужение по содержанию своему обязательно должно быть знакомым. Ведь чествуется во всех указанных случаях не безбрачие и не девство преподобной, а только великий подвиг ее покаяния или, точнее, пучина великого милосердия Божия, воздвигшая равноапостольную из блудницы. Пост, как «покаяния время», неразрывно связан с поминовением образцов и подвижников

покаяния. Наряду с блудным сыном, мытарем, разбойником ¹, вспоминается и возвеличенная покаянием блудница. Главный элемент великопостного богослужения и составляет именно повесть покаяния человеческого и всепрощающего милосердия Божия. Какое же отношение имеет все это к девству и безбрачию? Если нет в сонме исчисляемых святых тех двух замужних женщин, о которых говорит Макарий Египетский, то из этого тоже принципиально ничего не вытекает. Добродетели их, ярко сиявшие в недрах семьи, могли пребывать незримыми для Церкви, которой и самые имена их остались неведомы. Но разве Церковь не видит одинаково в лице святых, как безбрачных, так и пребывавших в браке? Каждую литургиею, обильно приносящей дань поклонения Пресвятой Деве, чувствуется и память брачной четы, виновников ее существования. В один и тот же день с полной одинаковостью чтит Церковь и великого девственника Павла, и столь же великого Петра, водившего за собою жену свою. В один и тот же день 17-го сентября празднует Церковь и память трех дев-мучениц — Веры, Надежды и Любви, и память замужней женщины — матери их, самое имя которой — Премудрость ². С каким благоговейным старанием описывает девственник Григорий Богослов великие добродетели отца своего и матери. Пребывавших в браке святых, признанных Церковью, вовсе не мало. Если же число монашествующих святых окажется большим, то это объясняется очень просто. Церковь никогда не почитала себя ни обязанною, ни даже способною исчислить легионы святых Божиих. Она отличала только тех, которые прославлялись, отличились в ней своей жизнью, стойкостью исповедания или мученическим венцом, словом так или иначе не укрывались от земных очей ее ³. Наименее укрываться, как светильники, стоящие на горе, могли, конечно, подвизавшиеся на высшем служении Церкви, предавшие служению Церкви всецело, т. е. в полной отрешенности от всех попечений житейских, а таковыми являлись именно девственники или безбрачные.

Последствием наслоения и неправоты церковной почитает протоиерей У-ский и то обстоятельство, что нет специальной этики для мирян. «Ни греческий, ни русский православный мир не дали ни одного специального руководства ко спасению в семейной, супружеской жизни, так

---

¹ Действительно, нельзя не поразиться отсутствием в христианстве *эпически-спокойных* течений... Оно — все в лирике, порыве, восторге, т. е. его-то *суть*, его *сердце*. Покаявшиеся блудницы, покаявшиеся мытари, покаявшиеся разбойники — и составляют «хоры» «Распятого за нас», «лики», поющие Ему «неисповедимую песнь». Все создание — осуждено, и вырвавшиеся из круга создания («творения», «рождения») — и образуют круг «нового спасения». Лаван и его стада стали не воскресимы; и вообще не воскресимы священные поля и нивы, святой быт, и поселяне с поселянками, сплетенные в священные хороводы. Пещера (уединение) и гроб — стали краеугольными камнями цивилизации. В. Р-в.

² Все это — добро и благо в строениях церковных. Осанна этому! В. Р-в.

³ Все это правильно и мудро говорит Аксаков. Но как горит сердце, дабы «ни иудей, ни эллин не были отвергнуты во Иисусе Христе»; услышать возлюбленные имена Исаака, Авраама, Ревекки, Лии, Рахили, Валлы, Зелфы, а также и многие эллинские, в кругу наших семей, как *живые и дышущие бытием*, имена! Вообще «нужно утратить всякую скорбь», и эллинскую и иудейскую — к этому зовет *Апокалипсис!* В. Р-в.

что и ныне, как и полторы тысячи лет тому назад, если православный мирянин задумается о спасении, то ему придется самолично прорубать дорогу к спасению, пользуясь для сего лишь отрывочными элементами из указаний, заключенных в аскетических писаниях, специально приноровленных к жизни девственников». В этих словах заключается опять весьма грубое заблуждение. Специальной этики для мирян нет и не может быть ¹, как нет и не может быть специальной этики для монахов, ибо есть один только указуемый Христом нравственный идеал и одно общее для всех нравственное совершенство, к которому одинаково всем подобает стремиться. «Будьте совершенны, как Отец Мой совершен». Аскетика — не этика, не нравственность, а только свод облегчающих нравственную задачу условий, своего рода *техника нравственности* и притом техника непременно односторонняя, так как она применима только под условием отрешения от многообразия требований мирской жизни; для жизни же в условиях мирского многообразия нет и не может быть однообразной техники при полном тождестве нравственной задачи и нравственного подвига. Путь ко спасению один, и не может быть разных путей, но можно различным образом совершать этот путь. Предположим, что целью пути, видом нравственного, жизненного подвига является достижение какой-либо горной вершины. Один направляется в этот путь в экипаже. Другой хочет следовать его примеру, но ему говорят: «Экипаж обременит вас; верхом вы вернее и легче достигнете цели; отрешитесь от экипажа». И внимая благоразумному совету, этот другой верхом начинает пробираться на горную кручу. «Нет, говорят третьему, лошадь может сорваться и увлечь вас с собою в пропасть; верхом вам трудно будет приноровляться к изгибам и неровностям горной тропы. Бросьте лошадь и идите пешком, не обременяйте себя никакой тяжестью, никакой ношей, так всего вернее взберетесь вы на вершину». И вот, все трое направились в путь. Конечно, может случиться, что поскользнется и пешеход, или ослабнет и остановится на половине дороги, или даже вернется назад и останется, как и был, под горою. То же может случиться и с едущим в экипаже и с едущим верхом. Кто из них достигнет вершины или поднимется выше, решить и предсказать невозможно, ибо исход странствия зависит не только от условий, которыми они странствие свое заранее обставят, но еще более и от личного их напряжения и стойкости. Но предположим, что все трое взобрались

---

¹ Да вот первая *особенная проблема* мирского жития: в какие времена и с каким духом можно приблизиться брачному к жене своей? Едва я задаю себе этот вопрос, как отвечаю: не в опьянении, не в объядении, также — не в усталости, не в раздражении и лукавстве. Нужен трансцендентный круг высоких настроений, куда бы капала живая капля. Раз, еще гимназистом, я вышел с ружьем за куликами: на вспаханном поле стоял крестьянин, на шею у него, перекинутою веревкою, держалось лукошко (с зернами); он благословился на Восток, где была заря — и стал затем широким размахом разбрасывать рожь. В первый раз виденное мною зрелище меня поразило красотой и благостностью. Но сколь выше человеческое семя — ржаного, и ребенок — колоса?! Как же мы их сажаем? После оперетки, в пьянстве и еде — не редко, и всегда — без молитвы. Да и *какой* молитвы, где ее взять? Вопрос от А. У-ского слишком серьезен. В. Р-в.

на вершину или достигли одинаковой высоты. Кто из них совершеннее? Кто имеет большую заслугу? Разумеется — никто, ибо все трое совершили одинаковый подвиг, достигли той же высоты, хотя и при различии заранее избранных условий и обстановки. Соблюдение той или иной обстановки для совершения по существу вполне независимого от них нравственного подвига само по себе не составляет еще ни заслуги, ни добродетели. Изнурение плоти, отрешение от собственной воли, послушание, нестяжание, безбрачие или девство, и все остальные аскетические приемы, составляют только обстановку, совокупность условий, обеспечивающих свободу совершения подвига любви, но не самый еще подвиг, не проявление «веры, действующей любовью», но только подспорье к ее проявлению. И если я твердо исполняю все условия означенной выше обстановки нравственного подвига, неуклонно соблюдая верность означенным выше подспорьям, но не совершаю самого нравственного подвига, для которого все это является только обстановкою и подспорьем, т. е. *любви не имею*, любовью не действую к проявлению моей веры: то «я есмь», по слову апостола, только «медь звенящая и кимвал бряцающий», т. е. нравственное ничто. Точно так же и пребывая в браке, но не совершая именно при помощи брака того же подвига любви в широком значении слова, не пользуясь нравственными элементами брака для осуществления нравственной задачи, я пребываю тем же кимвалом бряцающим и тою же медью звенящей, т. е. таким же точно нравственным ничтожеством.

«Свято девство, честен брак и ложе не скверно»¹. Таково истинное исповедание Церкви. В этом отношении тщетно измышлять какие бы то ни было противоречия, в действительности не существующие; ибо брак и девство честны и святы не сами по себе, а как средство для достижения тех же нравственных целей. Избирающий девство — не для себя избирает, но для Церкви, ради свободного и беспреградного служения ей. И вступающий в брак — не для себя только вступает в брак, но для Церкви, для служения ей. Как и каким образом? Да очень ясно — каким. Прежде всего брак есть союз взаимосвящения, ибо если муж неверующий освящается женою верующего и наоборот, то и действующая любовью вера каждого из супругов крепится, освящается и растет во взаимодействии, взаимосовершенствовании брачного союза.

А плодом, последствием брачного союза является еще возникновение одной или нескольких новых душ, которые из семьи и духом семьи должны освящены быть для Церкви и которым Церковь, вся Церковь через крещение, дарует свою благодать. Но плодоносен ли или бесплоден брак христианский, все же соединяются им двое или трое во имя

---

¹ Тут *plusquamperfectum* (давнопрошедшее — лат.) веры автор смешивает с *imperfectum* (прошлое — лат.) и *praesens* (настоящее — лат.). Если бы так и сейчас было, зачем бы в молодости овдовевшим священникам, раз их деятельности не мешает вообще семья, не допустить избрать вторую жену? Уничтожьте «вдовых попов» — и я вам поверю. В. Р-в.

Христа, а Христос посреди них. А где Христос, там и Церковь. Оттого-то семья и является первою ячейкою Церкви, «домашнею Церковью», говоря языком Нового Завета, т. е. таким церковным союзом, ближайшею областью которого является «дом» (*familia*), как то или другое территориальное деление является областью местной Церкви»¹.

Свято девство, свят и брак. Брачная повинность, о которой мечтает г. Розанов, обязательность брака² в лоне Церкви, являлась бы таким же точно абсурдом, как и обязательность девства. Церковь не налагает обязательных форм.

Вот все, что почли мы долгом сказать по поводу праздногофельетонных рассуждений о браке и девстве. Подкрепить все сказанное нами оправдательными документами, цитатами, которых так боится и к которым проявляет такую вражду В. В. Розанов³, мы еще успеем. Книжки мы, пожалуй, будем брать и с полок библиотек, которые осуждает г. Розанов, как осуждал и Омар, но книжки эти будут святоотеческие, и взгляд, ими проводимый, — взглядом Церкви, а не библиотеки. Впрочем, если неприличная оргия «на месте святе» прекратится, то лучше и пристойнее нам будет и не возвращаться к ним и не напоминать о них, предоставляя им *beneficium perpetui silentii*.

Н. Аксаков

Х.

Ответ г. Николаю Аксакову

Я пред г. Николаем Аксаковым в большом долгу. Давно бы следовало ответить ему. И это не в целях полемики, а в интересах истинного освещения положения рассматриваемого им вопроса. Но лучше поздно, чем никогда.

Начиная свою статью «О браке и девстве» в № 43 «Русского Труда» за 1899 год, г. Аксаков заявляет, что он не будет говорить фельетонным

---

¹ О, если бы так, как было бы благостно. Если бы не было *особенного в стороне от семьи* идеала девства, другого «стана воинов», иной «палатки», и «знамени», и «предводителя»! Тогда было бы: «Совершенно не рассуждаю о том, девственны вы или брачны, и в который раз брачны: ваше это вполне дело; а только вкупе, все, двинемся против лукавства, гневливости, фарисейства, холодности сердечной!» — но этого нет. И аскеты Испании — зажгли костры для мирян: где же тут Аксаковское: «Все есть средство, а цель — любовь». Нет, девство стало целью, а любовь — так себе, «имя прилагательное»; Аксаков — иллюзионист. В. Р-в.

² Никогда о ней не мечтал: но к таинству *помянуть* следовало бы. «Покайтесь»! Это не значит, что вы *должны* каяться. Равно о браке возможно было бы мечтательно-нежно проговорить: «Голубицы возлюбленные, для чего я вижу вас в одиночестве? Огроки чистые — почему вы не ищите огроковиц себе». Введите-ка это в музыкальную и певческую поэзию наших ритуалов! Конечно, церковно сказанный, глагол этот изъят бы от беспечности отцов и матерей о судьбе детей, да и самих детей — властительно, авторитетно соединил бы. Теперь же все делается крадучись, потихоньку, и от этого момента не признания, стыда, греха — переходит в испуг и позор «шашней» и «незаконного рождения» вплоть до дстоубийства! Ужасно. В. Р-в.

³ Намекается на слова одной моей статьи, напечатанной в «Русском Труде» и не вошедшей в этот сборник, где я говорил о *библиотечном* характере христианства (богословия). В. Р-в.

тоном. Каким же тоном изволите вы говорить, г. Аксаков? — Профессорским? Или тоном святого отца? Но первого из вашей статьи не усматривается, потому что у вас слишком много промахов против логики, что для профессора не простительно; а второго вовсе нет, ибо вы наговорили слишком много лжи и клеветы, чего святые отцы не делали.

Г. Аксаков обвиняет В. В. Розанова и меня в полемике против Церкви. Обвинение ужасное, если только оно справедливо. Итак, настоящею необходимостью разобратся. Но тут приходится лишь удивляться или совершенной недобросовестности г. Аксакова, или очевидному отсутствию в нем способности логически мыслить. С кем мы имеем дело, против кого мы полемизируем, это совершенно определенно обозначено как у В. В. Розанова, так и у меня. В. В. Розанов, начиная ряд блестящих, неподражаемо-глубоких и незаменимо-нужных статей по брачному вопросу, прямо и точно указал имена тех писателей, против которых, в защиту идеи святыни брака, он выступает. Именно, в начале статьи его «Семя и жизнь», вошедшей в книгу «Религия и культура» (1899 г., стр. 167 и 178), им названы Вл. С. Соловьев, г. Меньшиков и гр. Л. Толстой. Я в письме своем, которое разбирает г. Аксаков, прямо и определенно назвал С. Ф. Шарапова. После столь ясных и точных указаний, будьте любезны, г. Аксаков, ответить, как у вас хватило совести начертать в своей статье следующие, с начала до конца лживые слова: «Такой поклеп на Церковь может принадлежать только какой-нибудь кучке людей, только каким-нибудь X, Y и Z, *которых гг. Розанов и У-ский не называют* и с которыми только и подобало бы вступать в полемику. Гг. Розанов и У-ский борются с измышленным ими же самими неприятелем. Они провозглашают несуществующий мрак, чтобы объявиться его выяснителями, но от того только содействуют распространению мрака. Гг. Розанов и прот. У-ский *стреляют холостыми, по счастью, зарядами только в плоды собственного своего воображения. Другого, явного неприятеля найти и наименовать они не могут*» (курсивы мои). Нет, бессовестную говорите неправду, г. Аксаков. Нами, в качестве литературных неприятелей, ясно и точно указаны имена Вл. Соловьева, г. Меньшикова, гр. Л. Толстого и С. Ф. Шарапова. Ведь все это такие почтенные писатели, мимо мнения которых проходить с молчанием не приходится. И все это сыны и питомцы Церкви, вспоенные и вскормленные ее молоком и ее материнской грудью. Все это члены православного церковного общества. Ведь Церковь отпереться от них не может. Следовательно, поневоле приходится с ними считаться. А все они несомненно смотрят на половое супружеское общение в браке, как на преступление и скверну. К чему же, спрашивается, г. Аксаков повел длинную речь, выясняя взгляд Церкви на брак, когда нужно было выяснить взгляды только лишь поименованных писателей? И если Церковь не смотрит на брак, как на нечистоту, грех и скверну, то остается непонятным, по какой же логике г. Аксаков обрушился со своими громогласными

упрсками не на указанных писателей, очевидно идущих вразрез с пониманием Церкви, а против меня и В. В. Розанова, который первый в печати, отважно и могуче, поднял знамя святости брака и тем стал,— если, по словам г. Аксакова, и Церковь проповедует ту же святость,— твердым и авторитетным исповедником учения церковного? Очевидно, г. Аксаков, в пылу своей борзости, не сумел отличить своих от чужих и мечет свои громы на своих же собственных единомышленников. Вот так логика у г. Аксакова! Впрочем, с красотами его логики мы познакомимся еще впереди, а теперь продолжим начатую речь. Компания поименованных писателей, брезгливо и отрицательно относящихся к половому общению в браке, все более и более увеличивается. Вот перед нами г. *Мирянин* со своим письмом к С. Ф. Шарапову. Слезы готовы брызнуть из глаз от глубоко задушевного, но и глубоко недоуменного тона в этом письме. Сейчас видно, что это не какой-нибудь лапотник или кулак. Нет, тут виден просвещенный и глубоко религиозный мыслитель, но глубоко запутавшийся в недоумениях относительно религиозного значения полового супружеского акта. Откуда бы взяться всем этим недоумениям, если бы взгляд Церкви по данному вопросу был до прозрачности ясен и для всех общеизвестен? «Ревет ли дикий осел на траве? мычит ли бык у месива своего (Иов. 6, 5)»? А вот Василий Андреевич Жуковский, воспитатель Императора и всем известный поэт. Кто из россиян-мирян нежнее и сердечнее его в религии? Полагаю, что и г. Аксаков не откажет ему в умственной развитости и неподдельной религиозности. А между тем послушаем, какие тяжелые сомнения гложут его сердце мучительным недоумением относительно возможности спасения в семейном состоянии. Вот выдержка из его письма: «К сожалению, мир Божий еще не проник в мою душу. Причина моего земного счастья, *а вместе и страха лишиться небесного блаженства* — это моя жена, это чистое любящее и верующее существо, и две колыбели с дочерью и сыном» (Истор. Вестн., 1897 г., ноябрь, стр. 591). Итак, убедитесь, г. Аксаков, что мы стреляем не в воображаемого, а в действительного неприятеля. Г. Аксаков, очевидно, излагает учение Церкви в том виде, в каком оно существует в книгах; а В. В. Розанов и я указываем на усвоение верующими учения Церкви, как оно существует в религиозном сознании церковного общества. Но г. Аксаков может возразить, что все это писатели светские, мало знакомые с учением Церкви. Тогда я приведу ему две картинки с натуры из быта духовенства.

Вот семья бедного сельского, уже престарелого, но многодетного церковнослужителя. Предки его в течение долгого времени были все священниками. Следовательно, он и с молоком матери, и по законам воспитания, должен был вобрать и всосать в себя правильный и подлинный взгляд Церкви. Больше учиться ему было не у кого. Но вот послушаем. Темный зимний вечер. В хатке горит лучина. Заходит речь о спасении. «Да, чтобы спастись, надо идти в монастырь. А вас-то куда же я брошу?» — взглянувши на детей своих, унылым подавленным

тоном произнес благолепный старец. И это был примерный семьянин, безукоризненный во всем поведении своем. Он проводил святую, трудовую жизнь, но, очевидно, смотрел на нее, как на путь грешной и богопротивной жизни. Жизнь спасительная и богоугодная представлялась его сознанию обитающею только в монастыре. А ведь кроме Церкви он решительно ни откуда и ничему не учился. А вот другая картинка. Около стола академической аудитории собирается группа студентов 4-го курса, чтобы совместно готовиться к выпускному экзамену. Один из товарищей этой группы, по обыкновению начинать всякое дело молитвою, украдкой перекрестился. Другой, говорун и остряк, заметив движение своего соседа и указывая на него пальцем, со смехом, иронически заметил: «Он и когда с женкой спать ляжет, закрестится!» Возражение это было брошено в качестве чего-то совершенно невероятного, недопустимого и немислимого. «А как же иначе?» — мгновенно мелькнуло тогда в голове моей. Но я своей мысли вслух тогда не высказал. Итак, остановимся на этой второй картинке. Вот студент духовной академии, прошедший весь курс богословской науки. Через три-четыре дня он будет выпущен в мир Божий, как кандидат богословия, как «путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в Законе образец ведения и истины» (Римл. 2, 19, 20).

Скажите же, пожалуйста, каким светом этот кандидат будет озарять половой супружеский акт как в своей собственной семейной жизни, так и в жизни своих пасомых, ибо он вскоре же стал и семьянином, и священником? Таким образом, пред нами, с одной стороны, необразованный сельский причетник, который, кроме церковных богослужебных книг и Четьих-Миней, нигде и ничему не был учим, и, с другой стороны, кандидат богословия, обогащенный всеми благами современной богословской науки. Но взгляды их на половой супружеский акт тождественны. Где же, при чем же тут ваше церковное учение о святости брака, г. Аксаков?!

Ведь вся суть, весь центр вопроса, трактуемого В. В. Розановым, заключается именно в том: в каком духе, в каком настроении и с какими чувствами и помыслами должен православный семьянин приступать к половому акту? — Оградивши ли себя крестным знаменем, в духе молитвы, как к делу Божию и во славу Божию, как требует того В. В. Розанов? Или же, как пишет г. Мирянин, «только благодаря временному *подавлению* протеста со стороны внутреннего существа человека» («Рус. Тр.», 1899 г., № 25, стр. 14), и с чувством «страха лишиться небесного блаженства», как недоумевает В. А. Жуковский? И по окончании акта дать ли волю неиссякаемому потоку благодарения и славословия Богу — Творцу и Вседержителю, или же отдаться чувству подавляющего уныния и удручающего раскаяния? — Вот в чем вопрос. Постарайтесь же, г. Аксаков, ответить прямо и решительно на этот вопрос. А ходить кругом да около вопроса и таким образом разводить абиссинские священные танцы, только не ногами, а пером, и не в храме,

а на бумаге, совершенно напрасно и совершенно бесполезно. Вы изволите указывать, что брак есть не только физический, но и душевный союз двух лиц разного пола. Очень благодарен вам за это любезное указание. А ведь мы с В. В. Розановым этого доселе и не предполагали. Не знал этого и я, поставленный быть пастырем и учителем всяких мирян, и необразованных, и образованных. Не знал этого и В. В. Розанов, который, именно в целях сохранения союза душевного в браке, которого без мира и согласия между супругами быть не может, наиболее и энергичнее других настаивает в печати на необходимости развода. Но ведь о святости душевного союза в браке никем не было выражено сомнения в печати. А святость физического союза в браке многими отрицалась. И потому, совершенно естественно и совершенно логично В. В. Розанов, оставляя в стороне мысль о святости душевного союза в супружестве, повел речь лишь о святости физического союза. Г. Аксаков указывает, что акт физического общения супругов, сам по себе, безразличен, не есть ни грех, ни добродетель. Совершенно верно. Но всякое наше дело, безразличное само по себе, становится или грехом, или добродетелью от нашего отношения к нему, смотря по тому, с какими чувствами и расположением мы его совершаем. На этот счет св. апостол Павел дает следующий общий духовный закон: «Ничтоже скверно само собою, точию помышляющему, что скверно быти — оному скверно есть» (Римл. 14, 14). Так и физическое общение супругов может быть или святым, или грешным: соответственно тому, с какими мыслями и в каком настроении мы его совершаем.

Но г. Аксаков, с такою неподражаемою борзостью высказывающий взгляд Церкви на брак, как на святое учреждение, сам себя присоединяет, невольно просказываясь, к числу сторонников В. С. Соловьева и С. Ф. Шарапова. «Брак не есть ложе», — говорит г. Аксаков («Рус. Тр.», 1899 г., № 43, стр. 8). Что, какие внутренние причины заставили г. Аксакова произнести такую рискованную фразу? Да, очевидно, и он гнушается внутренно¹ физическую стороною брака, стыдится ее,

¹ Тут-то и корень всего... Внутренно все, все, самые твердые в слове защитники брака, гнушались им все 2000 лет. Иначе, без этого внутреннего гнушения, все вступили бы сами в брак, других поощряли бы, прямо становились бы сватами, свахами юношей и дев, а не вовлкали бы в девство, прогиво-добродетельную вещь!! Но отчего же девственники явно, вслух им не гнушались? Да оттого, что это есть преступное чувство, раздирающее слово Божие, столь явное о браке (Быт. 1—2), в клоки. Таким образом, мы все 2000 лет живем преступным против Бога чувством: но — скрываем его; однако — поступаем по нему (законы о браке, правила и администрация, все запретительные, ограничительные, вообще враждебные браку). При сердечной любви к половому общению, оно — не таилось бы (после грехопадения Адам и Ева закрывают пол свой): а с тем вместе и совершалось бы наивно-чисто, как происходят детские игры, как наше всякое серьезное дело. Я говорю — преступный дух развился, анти-«сватовской», анти-«сближающий», соединяющий, сводящий двух в плоть единую: но этот дух скрывается. Я и употреблял в полемике рискованные выражения, сильные мысли («В. В., под гнетом духа любоддеяния паписаны ваши последние статьи», письмо мне после напечатания: «Семья как религия» М. П. Соловьева; см. выше): дабы вызвать этот скрытый дух наружу, чтобы болезнь «беззакония» (против «плодитесь, множитесь») высыпала по «коже» богословия, запечатлевшись в определенных словах (Шарапов, Аксаков, Мирянин). Все это так и совершилось. Путем своей полемики я добыл нужные документы: и в этой книге их собрал и перепечатаваю. В. Р-в.

признает ее недостаточною и недостойною святыни брака, и находит ее оправдание не в ней самой, не в ее физической природе и сущности, а единственно лишь в дополнении ее духовною стороною брака, душевным союзом в нем. И только теперь отчасти становится понятным, почему г. Аксаков направил свои филиппики не против гнушающихся браком, а против защитников святыни его. Да это просто потому, что сам он, несмотря на видимую, словесную приверженность к учению Церкви, внутренно, в сердце своем, разделяет взгляд людей, смотрящих на физическое общение полов в браке, как на что-то нечистое и недостойное. Иначе нет решительно никакой возможности объяснить вылетевшую из уст его, вышеприведенную фразу.

«Брак не есть ложе». Очевидно, в порыве полемического жара г. Аксаков дошел до такого неистовства, что своею дерзновенною рукою, одним почерком пера, отважился кассировать вечное определение Бога Творца о сущности брака, повторенное и подтвержденное Единородным Сыном Божиим и засвидетельствованное первоверховным Апостолом. Да не посетует читатель, если я, для наибольшего утверждения высказываемой истины, трижды приведу Божие определение, хотя оно до буквальности тождественно. Вот что высказал Адам, когда Господь подвел к нему новосозданную для него жену: «Оставит человек отца своего и мать свою, и *прилепится*¹ к жене своей; и будут два одна плоть» (Быт. 2, 25). Но в приведенных словах, как и в наречении имен животным, Адам явился лишь выразителем мысли и воли Божией. А что это так, это подтверждается тем, что и Сын Божий в Новом Завете закон и сущность брака обозначил, повторяя слова Адама: «Оставит человек отца и мать, и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть» (Мф. 19, 5—6). Ту же вечную и непрложную истину повторяет и св. апостол Павел в послании к Ефессянам: «Оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (гл. 5, ст. 31). Между тем г. Аксаков, *вопреки* ясно и определенно выраженному глаголу Божию и апостольскому, отважно и самоуверенно утверждает, что «брак не есть ложе», или, говоря иначе, не есть союз плоти. Как изволит видеть благосклонный читатель, *согласно* Божественному глаголу, брак именно и прежде всего есть союз плоти, или, выражаясь терминологией г. Аксакова, ложе. Мысль о душевном союзе в браке есть уж только выводная. Итак, да устыдится г. Аксаков своего дерзновения.

---

¹ При виде впервые в мире, женщины,— что могло это слово значить, как не пробудившееся желание слиться с нею в одно? Слова эти лишь описательная форма того прилива крови к сердцу, к уму, всей пластике воображения, к genital' иям, каковая разливаясь истомой в *concupiscentia*, уже соделывают его сильным и готовым к соединению, бессильным удерживаться от него. Это — слова всликого умиления и возбуждения; и Ева дана была Адаму: 1) как милое, 2) как возбудительница половых сил его. С тем вместе ее бытие (сотворение) предупреждало склонение *в сторону* этих сил, «пороки», прелюбодеяние. Брак — всегда во избежание прелюбодеяния; откуда: воздержание от брака eo ipso впадение в прелюбодеяние; и таков-то именно аскетизм, явление не только жестокое, но и развратное. В. Р-в.

Но каким же образом случилось, что в то время, как я определенно назвал С. Ф. Шарапова в качестве своего литературного противника, г. Аксаков обвиняет меня в поклепе на Церковь? Тут приходится лицом к лицу встретиться с невероятными и чудовищными приемами Аксаковской логики. Очевидно, в воображении г. Аксакова создано следующее логическое уравнение:

$$\text{Г. Шарапов} + \text{К}^0 = \text{Церковь.}$$

И вот он все то, что мною было сказано относительно г. Шарапова, целиком относит к Церкви. Насколько правилен и уместен подобного рода логический прием, пусть судит читатель.

Я указал поразительную ложь, на которой основана статья г. Аксакова, и на невозможные логические подтасовки в ней. Разбирать подробно всю длинную статью его для меня было бы чрезвычайно скучно, а для читателя утомительно и бесплодно, и потому я остановлюсь еще несколько на некоторых частных возражениях, сделанных мне г. Аксаковым.

В своем письме к В. В. Розанову я высказал, что Новый Завет основан на фундаменте Ветхого Завета. Это я говорил в применении к вопросу о браке. Опровергая меня, г. Аксаков пишет, что никакой мудрый зодчий никогда не воздвигал нового обширного здания на фундаменте старого, менее обширного. «В Новом Завете,— говорит он,— нет уже ничего ветхого. Христос воздвиг новое здание на *новом*, а не на старом основании». Все это сказано очень звонко и грозно, но звонко, как звон пустой бочки, везомой по бревенчатой мостовой, и грозно, как грозен размалеванный актер на сцене, махающий мечом картонным. Нельзя же, в самом деле, бить воздух фразами, не заключающими в себе никакого человеческого смысла. Значит, по утверждению г. Аксакова, в Новом Завете род человеческий размножается уже не тем ветхим способом, каким размножались потомки Авраама, Исаака и Иакова, а каким-то новым? Но ведь если бы ветхозаветный фундамент закона размножения в Новом Завете был упразднен, то Новый Завет изобразил бы из себя область Торричеллиевой пустоты, абсолютно свободной от какой бы то ни было человеческой личности. Нет, г. Аксаков, ветхозаветный фундамент, в приложении его к закону размножения, заменен будет *новым* только лишь тогда, когда мы окажемся на «*новой* земле и под *новым* небом» (Апок. 21, ст. 1). Только там, по слову Христову, «ни женятся, ни замуж не выходят» (Лук. 20, ст. 35). И только относительно тамошних времен и порядков Сидящий на престоле возвестил новозаветному тайнозрителю: «Се, творю все *новое*» (Апок. 21, ст. 5).

Против моей мысли, что уклон церковного сознания в сторону поклонения девству зависел от склада греческого религиозного сознания, г. Аксаков возражает указанием на то, что и прочие национальности древней Церкви одинаково поражались тою же идеей девства. Но у нас вопрос в том, что эти национальности внесли от себя в сокровищницу христианской догматики и в строй и уклад церковной жизни. Что

касается римлян, то они, по отсутствию способности к спекулятивному мышлению, в период вселенских соборов шли на помочах у греков. Национальная особенность римского религиозного сознания сказалась гораздо позднее периода вселенских соборов, в создании всемирной папской монархии. В египетской Африке церковная гегемония находилась в руках греков, а в карфагенской — в руках латинян. Следовательно, об африканцах не может быть и речи, как об особой национальности. От сирийцев и армян, в качестве вечного памятника неспособности их углубляться в решение догматических вопросов, доселе остались, как недоношенный церковный плод, несторианская община и армяно-григорианская церковь. Полагаю, что все эти национальности едва ли оказали хотя какое-либо самое отдаленное влияние на развитие русского религиозного сознания.

Г. Аксаков ставит мне в величайший укор то обстоятельство, что я указываю на разницу в отношении греческого религиозного сознания к Марии Египетской и к двум замужним праведницам, относительно которых был голос небесный преподобному Макарию Египетскому. Совершенно поздно и, следовательно, совершенно напрасно г. Аксаков поучает меня той истине, что преподобная Мария Египетская вспоминается Церковью в Великом посту как образец покаяния, и что упоминание здесь о праведницах, не имевших нужды в покаянии, было бы не уместно. Но ведь я и не предполагал праздновать память их в Великом посту. Кроме семи недель Великого поста, есть в году еще сорок пять недель, и кроме первого апреля есть еще 364 дня, из которых в какой-либо день и могло бы быть назначено воспоминание означенных праведниц. Но меня на эту аналогию наталкивало и чисто внешнее механическое сопоставление. Мария *Египетская* и Макарий *Египетский*. Жизнь Марии сделалась известною одному только старцу Зосиме. И жизнь двух праведниц египетских была известна одному только старцу Макарию. И Зосима и Макарий рассказали о виденном ими своим современникам. Но рассказ Зосимы был подхвачен Церковью и предан ею вечной памяти, а рассказ Макария канул в бездне забвения.

Когда я читал статью г. Аксакова, передо мною невольно представилась картина, как Андрий Бульба, во главе лучшего польского полка, с развевающимся за плечом шарфом, шитым руками первой красавицы, во весь опор неся на коне против отрядов отца своего. Но вдруг «Стой!» — раздался могучий голос Тараса. И сын остановился как вкопанный. С такою же борзостью и отвагой вылетел г. Аксаков со своей статьей. Кажется, было бы уместно и ему крикнуть подобное же: «Стой!»

После всего сказанного было бы, конечно, несравненно правильнее, если бы рецепт свой «о месте святе», брошенный по нашему адресу, г. Аксаков приберег лично для себя.

Протоиерей А. У-ский.

ХОРОШО ЛИ ЗНАЕТЕ, «КАКОГО ВЫ ДУХА»?

(С. Ф. Шаранову — на его «примечания»
к статье «Брак и христианство»)

Когда автор доводит до «точки» (конца) рассуждение, он бывает так удовлетворен, что упреки, начинающие сыпаться на его голову — уже не раздражают:

Миг вожделенный настал: окончен труд многолетний...

— этот стих Пушкина приложим к *orega parva*¹, как и *orega magna*².

Вы читали мою книгу «*О понимании*» — «с карандашом в руке»³: как же вы не заметили, что она вся построена на принципе *потенциальности*, и что с самого же начала ее мелькающий пример «семени» и «растения» есть не пример только, но и руководившая меня в изысканиях Ариаднина нить, коей ни на минуту я не выпускал из виду, дабы не затеряться в пустыне бесплодных рассуждений. Ведь в чем идея этого огромного, пусть не совершенного, но вас удивившего (теперь дело идет именно о вас и вашем *понимании*) труда: я посмотрел на *первоначальный* в человеке *разум*, как на *определенную* — во-первых (кристалловидную, не аморфную) и как на *живую* — во-вторых, *потенцию*; и углубление в *грани* ее дало мне возможность увидеть все, вывести все, что некогда из нее разовьется как наука ли, как философия ли, но вообще как *понимание человеком мира*. Когда в июле 1885 г. я также поставил «точку» на конце огромной рукописи, я спросил себя: «ну, а *что же потенции?*» (т. е. что они такое? что такое «семя растения», внутри себя, в своей *субъективной*, а не во внешней и наблюдаемой стороне?): и не только ничего не ответил на заданный себе вопрос, но он показался мне столь трудно-неясным, столь исчезающе-малым в материи своей, куда-то свивающимся в неразрешимую глубину, что мне показалось, что и никогда человек не сможет проникнуть внутрь его и может только руководиться им как внешним методологическим принципом. «Да, оно *прорастает*»; «да, оно *живет*»; «да оно *умирает*». Но субъективная сторона этих феноменов и образует *жизнь* как вечную и темную *загадку* живущих тварей.

Вы видите, что я в точности сейчас могу сказать о помещенной у вас статье:

Миг вожделенный настал...

¹ маленькое сочинение (*лат.*).

² большое сочинение (*лат.*).

³ Слова Ш-ва в одной его обо мне статье в «Русск. труде», сюда не вошедшей.

— ибо она, этот торопливый, вам посланный черняк, с несколькими аналогичными ей статьями, в самом деле входит уже «в существо зерна»; и то «дыхание жизни», о коем я думал, что оно никогда не одушевит, пожалуй, красивое с виду, но в сущности мертвое («сложенная глина») построение книги «О понимании» — оно зареяло в нем «душою живою»:

Окончен труд...

— по крайней мере *половины* жизни, *половины* деятельной, цветущей. Впереди, вы знаете — «болезни, могила, смерть»: общий удел человека, но который меня теперь уже не страшит.

Не то, чтобы я не мог, но я не хочу вам возражать; и не по горделивости, но на этот раз по братскому уничижению: но не *больному* мне, а *радостному*. Вот уж, поистине, «снял бы каждому сапог». Вы заговорили о «гимне»: душа моя в самом деле полна «гимнов», и, не развивая возражений, я вам лучше дам полосы поэзии; а вы слушайте и внимайте, и находите в них разрешение ваших сомнений, или, пожалуй, повод к трудным для вас вопросам на тему: «*когого вы духа?*» На первый раз — из *Пролога* к одной драме, и не высокодумного мудреца, а простейшего из смертных, *непосредственное* чувство которого для нас особенно важно, авторитетно.

Из иной страны чудесной
Людям в горести помочь,
Нас на землю Царь Небесный
Посылает в эту ночь.
Принести живое слово,
Жатвы все благословить,
Человека к жизни новой
Ободрить и укрепить!

Один дух

Жаль мне рода, что для хлеба
Маять век свой осужден;
Мысль его стремится в небо,
Сам над плугом он согбен;
Всем страданьям без изъятья
Должен дань он заплатить,
И не лучше ль было б, братья,
Вовсе смертному не жить?

Другой дух

Все явления вселенной.
Все движенья вещества —
Все лишь отблеск Божества.
Отраженьем раздробленный!
Врозь лучи его скользя,
Разделились беспредельно,
Мир земной есть луч отдельный
Не светить ему нельзя!

Т р е т и й д у х

Бог один есть свет без тени
Нераздельно в нем слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота;
Но струящаясь от Бога
Сила борется со тьмой;
В Нем могущества покой —
Вкруг Него времен тревога!

Ч е т в е р т ы й д у х

Мирозданием раздвинут,
Хаос мстительный не спит:
Искажен и опрокинут,
Божий образ в нем дрожит:
И всегда, обманов полный,
На Господню благодать
Мутно плещущие волны
Он старается поднять!

П я т ы й д у х

И усильям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается все снова
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья
Мирозданья продолженье,
Вечной жизни торжество!

Ш е с т о й д у х

Вечно вкруг текут созвездья,
Вечно светом мрак сменен:
Нарушеньс и возмездье
Есть движения закон.
Чрезвсемирное явленье
Бог проводит мысль одну
И как символ возрожденья
За зимой ведет весну!

С е д ь м о й д у х

Вот она, весна молодая,
Свежим трепетом полна,
Благодатная, святая,
Животворная весна!
В неба синие объятья
Поднялась земли краса —
Тише! Слышите ли, братья,
Все ликуют без изъятья,
Все природы голоса!

В с е

На изложинах росистых,
На поверхности озер,
Вдоль ручьев и речек чистых,
И куда ни кинешь взор:
Всюду звонкая тревога,
Всюду в зелень убрана,
Торжествуя, хвалит Бога
Жизни полная весна!

Это поют «духи», конечно выдуманые, но выдуманые именно как олицетворение и как синтез религиозной о природе мысли. *Простодушный* поэт выражает всемирное человеческое чувство. И гг. «теологи» в сущности со всем миром расходятся, проводя свою одинокую и исключительную мысль.

П р о х о д я т о б л а к а

Миновало холодное царство зимы,
И на встречу движенью живому,
В юных солнца лучах позлатились мы
И по небу плывем голубому.
Миновало холодное царство снегов,
Не гонимы погодою бурной,
В парчевой мы одетые снова покров,
Хвалим Господа в тверди лазурной!

Р а с ц в е т а ю т ц в е т ы

Снова небо с высот улыбается нам.
И головки подняв понемногу¹
Воссылаем из наших мы чаш фимиам
Как моление Господу Богу!

П р о л е т а ю т ж у р а в л и

По небесным пространствам спеша голубым,
Где нас видеть едва может око,
Ко знакомым местам мы летим и кричим,
Длинной цепью вьясь издалека.
Видим всюду мы праздник веселый земли,
Здесь кончается наша дорога,
И мы кружимся вокруг; журавли, журавли,
Хвалим криками Господа Бога!

О з е р а и р е к и

Зашумели ручьи и расторгнулся лед.
И сквозят темно-синие бездны,
И на глади зеркальной таинственных вод
Возрожденных небес отражается свод
В красоте лучезарной и звездной.
И вверху и внизу — все миры без конца,
И двояко является вечность:
Высота с глубиной хвалят вместе Творца,
Славят вместе Его бесконечность!

---

¹ Ну, ну, как же тут «не снять сапога ближнему»?!

С о л н ц е з а ш л о,
в р о щ е з а п е в а е т с о л о в е й

*Нисходит ночь на мир прекрасный,
Кругом все дышит тишиной;
Любви и грусти полон страстной,
Пою один про край иной!
Весенних листьев трепетанье,
Во мраке веющие сны,
Журчанье вод, цветов дыханье —
Все мне звучит как обещанье
Другой неведомой весны!*

Д у х и

*Блажен, кто прост и чист душою,
Чей дух молитве не закрыт,
Кто вместе с юною землею
Творца миров благодарит...*

С о л о в е й

*Весны томительная сладость
Тоска по дальней стороне,
Любовь и грусть, печаль и радость,
Всегда межуются во мне;
Но в их неровном колыханьи
Полны надежд мои мечты:
Журчанье вод, цветов дыханье,
Все мне звучит как обещанье
Другой, далекой красоты!*

Д у х и

*Чем тени сумрачной ночные,
Тем звезды ярче и ясней;
Блажен в беде не гнувший выи,
Блажен певец грядущих дней,
Кто среди тьмы денницы новой
Провидит радостный восход
И утешительное слово
Средь общих слез произнесет!
И тьму пусть терпит Божья воля,
Явлений двойственность храня —
Блаженны мы, что наша доля
Быть представителями дня!
Блажен, кто всех сомнений мимо
Дорогой светлою идет!*

Сейчас тон переменится и вы будьте теперь особенно внимательны. Ибо если все предыдущие гимны стихотворения только многообразно выражают мою мысль, в «Браке и христианстве» выраженную, то «голос» сейчас вторит вашей критике, или, точнее; вы без всякого понимания дела выступили «апостолом» этого «голоса»:

Г о л о с

Прекрасно все. Я радуюсь сердечно,
Что на земле теперь весна.
Жаль только, что ее краса не долговечна¹,
И декорация уж слишком не прочна!

Тоны будут перебиваться, святые и грешные: и вы им внимайте
духовным ухом:

Д у х и

Кем здесь нарушена святая тишина?
Чей голос разбудил уснувшие долины?

Г о л о с

Я живописи — *тень*. Я *темный фон* картины;
Необходимости — *логическая дань*.
Я нечто вроде общей оболочки.
Я черная та ткань,
По коей шьете вы нарядные цветочки.

Д у х и

Зарницы блещут. Из болот
Седой туман клубится и встает;
Земля под нами задрожала —
О, братья: *близко здесь не доброе начало?*

Вы видите, Сергей Федорович, мы в самом центре нашего с вами спора; наше страстное «да» и «нет» относительно корня бытия, мое: «свято» о нем ваше: «грех», — одеваются в ризы целого мироздания. И мы с вами, в обширных контурах этой одежды, можем

¹ Какая параллель поэтому в стихотворном переложении тропаря Иоанна Дамаскина, в поэме того же гр. А. Толстого: «Иоанн Дамаскин»:

Какая сладость в жизни сей
Земной печали не причастна?
Чье ожиданье не напрасно.
И где счастливый меж людей?
Все то превратно, все ничтожно,
Что мы с трудом приобрели —
Какая слава на земли
Стоит тверда и непреложна?
Все пепел, призрак, тень и дым,
Исчезнет все как вихорь пыльный,
И перед смертью мы стоим
И безоружны, и бессильны!
Как ярый витязь смерть нашла,
Меня как хищник изложила,
Свой зев разинула могила
И все житейское взяла.

Мы увядаем как цветы
Почто же мы мятемся все?
Престолы наши суть гробы,
Чертоги наши разрушенье

Все пепел, дым, и пыль и прах,
Все призрак, тень и привиденье.

Не правда ли, какое поразительное сходство этого «тропаря», почти буквально переложенного, с «голосом»? «Не прочна декорация» — сказывают оба!

лучше рассмотреть, «греха» ли и «нет!» нам держаться (ваша точка зрения), или «святого» и «да!» (моя точка зрения). Прислушаемся еще дальше, немного:

Г о л о с

Хотя не Слово я, за то я — все слова!
Все двигаю собой, куда лишь сам не движусь
По математике — я минус,
По философии — *изнанка Божества*;
Короче — я ничто, я — *жизни отрицанье*.

Так определяет себя «дух небытия и отрицания», «умный дух пустыни». Духи просят его принять какой-нибудь определенный вид:

Явился нам
Как змий, как ворон иль иначе!

Сатана — является в виде черного ангела.

Вот так известен я певцам
И живописцам...

Первый дух

*Замолкнул соловей, поблекнули цветы,
Подернулись звезды облаками...*
Скажи, *погибший брат*, чего здесь хочешь ты,
И что есть общего меж нами?

Второй дух

*Дух отрицания, безверия и тьмы
Дух возмущенья и гордыни!*
Тебя ли снова видим мы,
Врага и правды и святыни.

(Гр. Ал. Толстой — пролог к «Дон Жуану»)

О, дорогой брат мой С. Ф.: научились ли вы в природе и в духе, в жизни и истории различать «недоброе начало»; не предостерегали ли вас с детства в учебниках, как умеет оно «подобиться» Божеству и обольщать его высотой подвига, к которому зовет: «*все дам тебе, аще падши поклонишися мне*». Мы возвращаемся в недрах теизма: и вопрос о «белом» или «темном» поклонении в «белых» или «темных» ризах есть собственно вопрос о Светлом или Темном Лике, перед коим нам «падши — поклониться». Я кланяюсь — Светлому, Радостному, Младенческому Лику, «Богу — в Младенце», «Младенцу — в Боге» (чудотворные образа). Какому вы поклоняетесь, так категорически в ваших примечаниях очертив

*...изнанку Божества —
...ничто, жизни отрицанье*

— об этом брат мой да подумает. Но мне хочется непосредственный лепет простеца-Толстого подкрепить глаголом многодумного Тютчева. В 60-е годы, возмущенный *атеизмом*, он написал:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик!

. . . . .

Вы зрите *лист и цвет на древе:*
Иль их садовник *приклеил?*
Иль зреет *плод в родимом чреве*
Игрою внешних, чуждых сил?
Они не видят, и не слышат,
Живут в сем мире как *впотьмах...*

Вы видите, опять это теизм — *мой*. Многодумный поэт, в ответ на комки грязи, полетевшие в образа, сказал: *взгляните на лист!* его не садовник *приклеил!* он *вырос*, и в точке *откуда* растет и как растет — вы узрите *Божью тайну*.— Неужели думаете вы, что и я не гадал и не перегадывал, раньше чем взяться за перо для «этих тем»? что мне не больно было бы разойтись со своим народом? Но я беру мужика-Кольцова, воронежского прасола, и нахожу у него то же, что у прожившего всю жизнь за книгою мудреца-Тютчева:

Ну, тащися сивка...

· · · · ·
Выбелим железо
О сырую землю!
Красавица-зорька
В небе загорелась,
Из большого леса
Солнышко выходит!
Весело на пашне...

· · · · ·
Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.
Его вспоит, вскормит
Мать Земля-Сырая!
Выйдет в поле травка.
Ну, тащися, сивка!
Выйдет в поле травка
Вырастет и колос
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани
Ну, тащися, сивка!

· · · · ·
С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, Боже —
Хлеб мое богатство.

Удивительно: ведь такую песнь

С тихою молитвой

никак нельзя запеть, *не придет на ум и не падет на сердце* запеть, начиная, напр., «сенаторскую ревизию в губерниях недорода», или — открывая даже Государственный Совет. Но вот — «колос», «рост», «святая колыбелька» пусть только зерна, но с таинственным в нем «дыханием жизни»: и при виде *этого*, при мысли *об этом* у прасола,

как и Тютчева — *сама собой* молитва льется. Это и есть неразобранный вами и с угрозой названный, с упреком мне брошенный «культ Астарты»: молитва, льющаяся *из жизни и около жизни*, поклонение «Господу сил» в ризе «цветов и звезд», которое совершенно неуничтожимо и перевивалось всегда, перевивается сейчас с более краткими и нам современными формулами:

Не то, что мните вы, природа —
Не слепок, не бездушный лик

и только, и ничего еще, ничего больше *в основании!* Все остальное в этом «культе» — только форма и подробность, неудачная в одних веках, удачная — в других! Вам хочется «каменных» риз, «пустынного» поклонения: но задумайтесь, *кому же вы в таком случае кланяетесь!* Простое и честное сердце, Н. Я. Данилевский, автор «России и Европы» и «Дарвинизма» был на берегу Белого моря, изучал там по правительственному распоряжению рыболовство, когда впервые из сообщения газет он узнал о новых взглядах «на природу» Дарвина. Его целомудренное сердце возмутилось: и сколько лет сей легкомысленный английский ученый трудился над воздвижением «здания на песке», столько же благородный славянофил проработал, чтобы обнаружить «пустынный» и бессодержательный «песок» в этом здании. Природа «целесообразно устроена», она «целесообразно росла в тысячелетиях» — доказывает он на протяжении двух томов и тысяч страниц. Т. е., как написал Тютчев в том же стихотворении:

В ней есть душа, в ней есть — свобода!
В ней есть любовь, в ней есть язык!

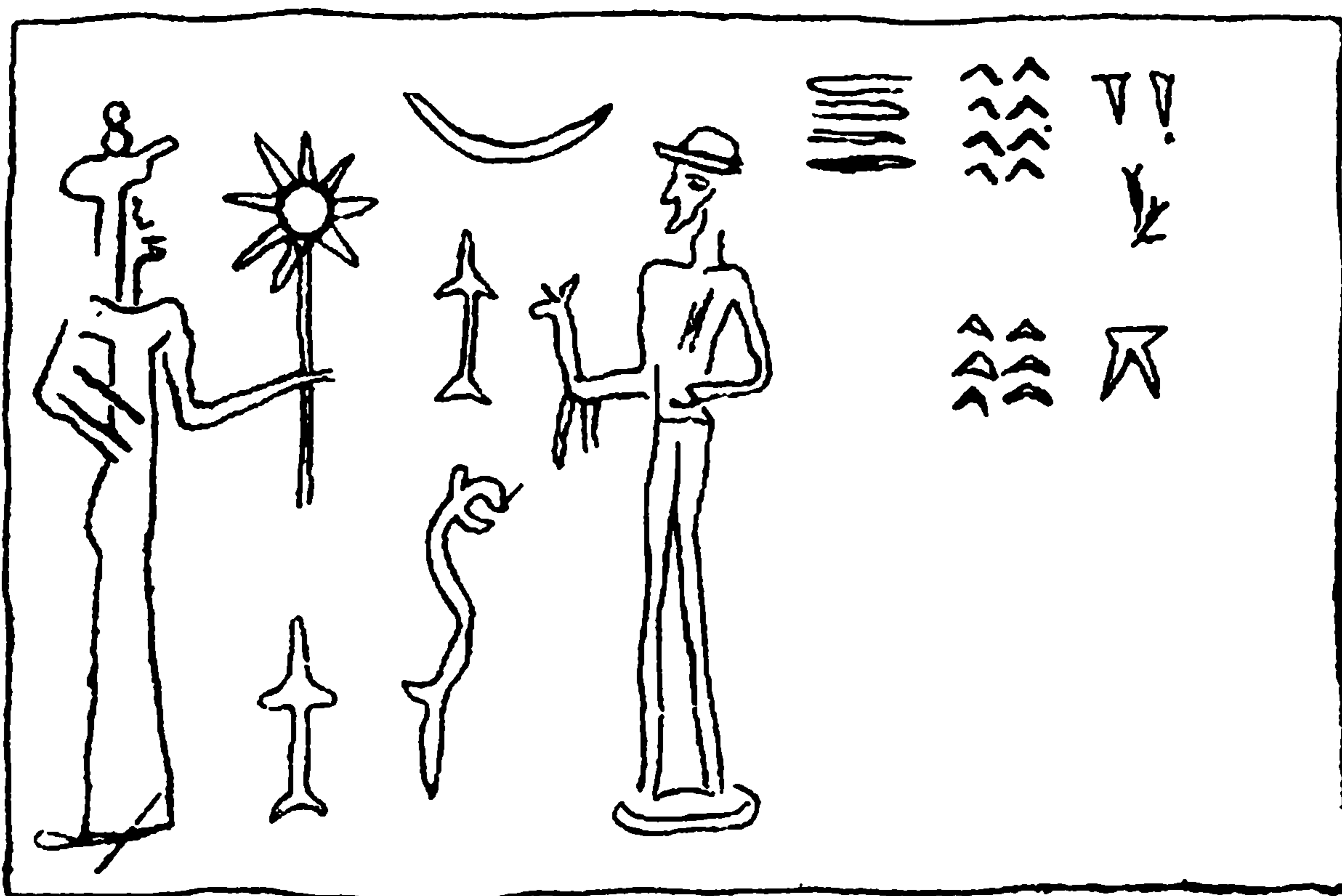

Рис. 2.
Истар (= Астарта), держащая свою звезду, перед богом Син (которому поклонились на горе Синае) — по древнейшему халдейскому изображению.

Это, т. е. философская тема «Дарвинизма», она же и поэтическая тема Кольцова и Тютчева — она была религиозною темою Финикия и на берегах Нила. В наивных скульптурах, неумелым языком, эти народы-младенцы рисовали что-то «божеское» — с «цветами» в одной руке, и «звездою», иногда «звездою» на палочке, как и теперь носят дети в Рождество — в другой руке (древнейшие изображения Истар на Ниневийских цилиндрах); но о «звездах» (какой инстинкт!) упомянул и Тютчев:

Они (*т. е. нигилисты*) не видят и не слышат,
Живут в сем мире как впотьмах:
Для них и *солнцы* знать не дышат
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в *душу* не сходили,
Весна в груди их не цвела...
При них леса — не говорили,
И *ночь* в звездах *нема* была.

Вот религия — *вечная*, моя, Кольцова, Тютчева, Данилевского, и, которой не разобрав, вы называете ее «культом Астарты». И, в один тон с вами западноевропейские «мудрецы» назвали ее «солярною теориею» мифов, «культом солнца», не уловляя, что это — *совсем другое солнце*, лежащее в *сочленениях природы*, в *зерне*, в моей «О понимании» *потенции*: отчего *халдейская Истар* и *держит его* в руках, а не *смотрит на него* вверх. Это совсем иное — «дышущее» солнце, лучи коего «сходят в душу», и о коем воскликнул Алеша Карамазов, после сна-видения «Брака в Кане Галилейской»:

«Но что́ это? что́ это? Почему раздвигается комната... Ах, да... ведь это *брак, свадьба*... да, конечно! Вот и гости, вот и *молодые* сидят, и веселая толпа, и... где же премудрый Архитриклин».

К нему подходит его возлюбленный учитель, старец Зосима, над прахом коего читается Евангелие; он удивлен, видя его участником в первом чуде Господнем; старичок отвечает на недоумение:

«— Тоже, милый, тоже зван; зван и призван... *Веселимся, пьем вино новое, вино радости новой, великой*».

Алеша пробуждается: и вы сейчас увидите, как и у Кольцова с Тютчевым, символы халдейского божества, а с тем вместе и «солярную теорию» и «дыхание» испугавшего вас, но в тайне и вами исповедуемого «культа Астарты».

«Осенние роскошные *цветы* в клумбах около дома заснули до утра. *Тишина земная* как бы сливалась с *небесною*, *тайна земная* соприкасалась с *звездною*. Алеша стоял, смотрел, и вдруг как подкошенный повергся на землю. Он не знал, для чего *обнимал* ее, он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось *целовать* ее (мое «сняманье сапога»), целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и исступленно клялся любить ее, любить во веки веков («Деметра»-то греческая, Γῆ Μετῆρ = черная земля, по древнему написанию).

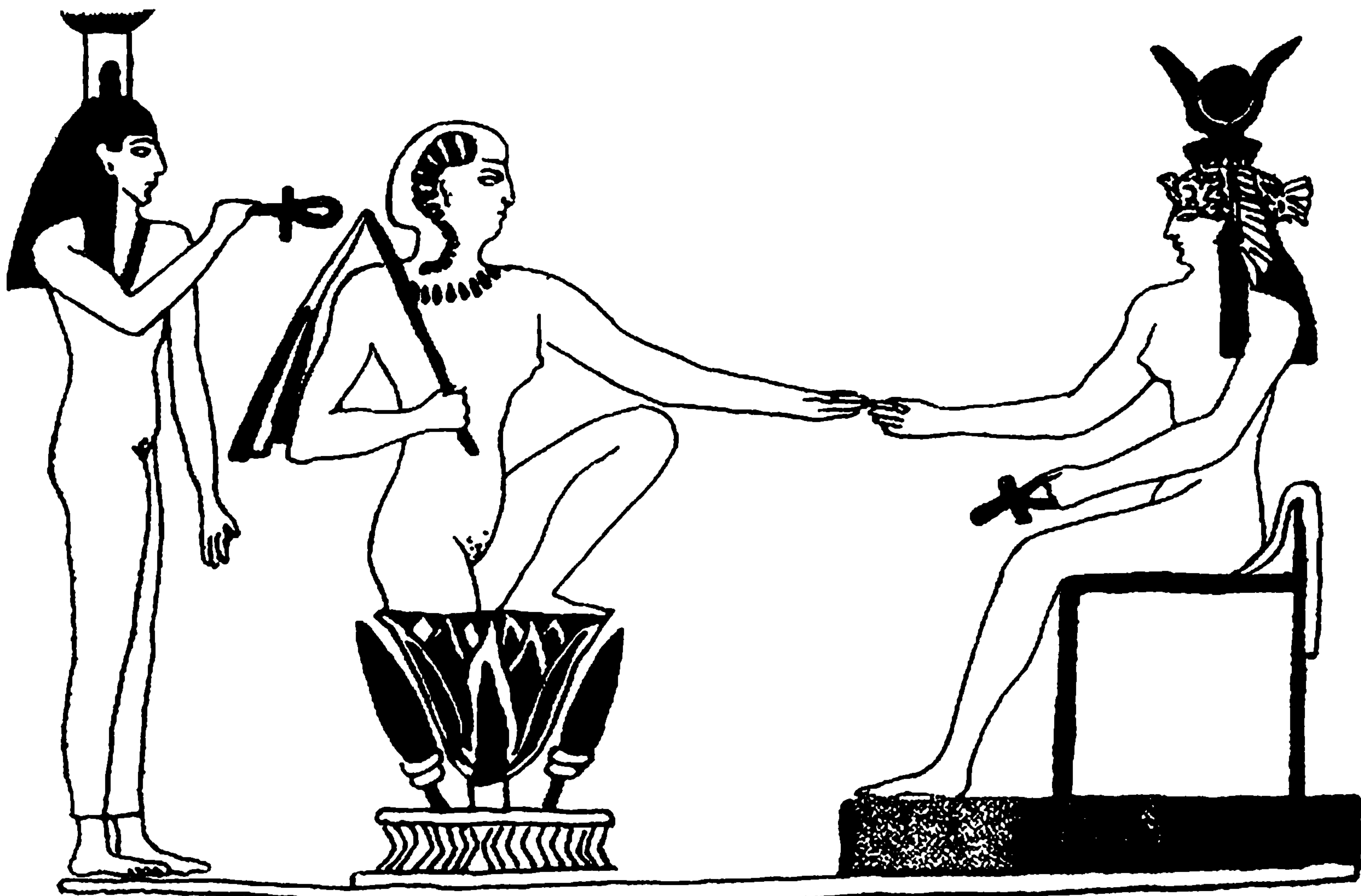

Рис. 3.

Займствован из 12-томного описания «Экспедиции в Египет», совершенной французами под предводительством Бонапарта, и снята со стены в Erment'e. Под рисунком нет объяснения, и ненужного египтянам. Но что можем о нем мыслить мы, французы, русские? Из *цветка* рождается человек, это-то очевидно. Цветок — *раскрыт*, а около него два еще не распустившихся бутона: *будущая жизнь!* Все — в *Werden* (становлении), не в *Sein* (бытии — нем.). Человек протягивает руку к сидящему божеству, как у А. Толстого раскрытые чашечки цветов тянутся к Небу жс. Пальцы их только касаются, Земля рожденная касается с Родившим Небом. У Неба — *крест* в руках, всегдашний египетский символ «дыхания жизни». А что и цветку, и человеку жизнь подается Небом же, показывает этот же символ биологических сил, невидимо для человека протягиваемый к нему сзади ангелом: ибо чашечка на голове (всегда с зерном) есть постоянный знак *isis* и *Isis*, и это есть земное туманное повторение, «ангел», «херувим» (как теперь мы сказали бы) небесной *Isis* (сидит на престоле). Но во всяком случае, вот картинное отрицание Дарвинова «происхождения человека» и хорошая иллюстрация к стихам и прозе Тютчева, Данилевского, Толстого, Кольцова, «*Все рожденное — к Богу*» или, как утверждает «Второзаконие»: «*Все разверзающее ложесна (=цветом египтян) — Мне, говорит Господь*». Поразительно объяснение к этому закону заповеди Мишны: «первородок от скота, вынутый посредством *чревосечения* (=через «ложесна» *не прошедший*), и не приносится в жертву («в приятное благоухание») Богу». Всякий поймет, как много содержится здесь для вывода. Но что Мишна права, видно в самом деле из точной и почти не нужной оговорки: «*разверзающее ложесна*», и вместо простого: «*рожденное*». Указан путь как источник «приятного благоухания».

«Облей землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои», прозвеноло в душе его. О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об *этих звездах*, которые сияли ему из бездны, и не стыдился исступления сего. Как будто *нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его и она вся трепетала соприкасаясь с миром иным. Простить* ему хотелось всех и за все, и просить прощения, о, не себе! а за всех, за все и за вся! а «за меня и другие простят», прозвеноло опять в душе его. Но с каждым мгновением он чувствовал явно, как что-то твердое и незыблемое, как этот *свод небесный, сходило в душу его* («Бр. Карамазовы», изд. 82 г., т. II, стр. 46).

Вот те «звезды, льющие лучи свои в душу», «входящий» в душу же «небесный свод», который не имеет ничего общего с астрономическим, и который, аналогично Тютчеву, припомнил «карамазовец»-Достоевский в первом номере «Дневника Писателя», когда он выступил против течения 70-х годов, и грозно, а вместе и умиленно, указал «на Большую Медведицу»; «хотя бы посмотрели! хотя бы умилились!» — обратился он к самоубийцам-юношам того времени. Для вас, Серг. Фед., все еще недоуменно, где же здесь специально *моя* тема, и каким образом эти звезды и цветы у Достоевского я привожу в связь с скульптурами Ниневии и Тира. Вам нужно что-нибудь *общее, соединяющее*; вам ничего не говорит лобзание «земли», видение «брака», и этот странный «*плачущее-смеющийся*» тон, *слезы и радость*, сливающиеся в одну точку?! К счастью (для моей темы) у Достоевского, при самом начале литературной деятельности, встречается еще сон — и тоже о *цветах и солнце*:

...«Как будто он впадал в полудремоту. Холод ли, мрак ли, сырость ли, ветер ли, завывавший под окном и качавший деревья, вызвали в Свидригайлове какую-то упорную и фантастическую склонность и желание,— но ему *все стали представляться цветы*. Ему вообразился прелестный пейзаж: светлый, теплый, почти жаркий день, праздничный день («лобзание»-то земли!), Троицын («и я зван на вечерю!») день. Богатый, роскошный деревенский коттедж, в английском вкусе, весь обросший *душистыми клумбами цветов*, обсаженный *грядами*, идущими кругом всего дома; крыльцо, *увитое вьющимися растениями*, заставленное *грядами роз*; *светлая* прохладная лестница, устланная роскошным ковром, обставленная *редкими цветами в китайских банках*. Он особенно заметил, в банках с водой, на окнах, *букеты белых и нежных нарциссов*, склоняющихся на своих *ярко-зеленых тучных и длинных стеблях с сильным ароматным запахом*. Ему даже отойти от них не хотелось, но он поднялся по лестнице и вошел в большую, высокую залу, и *опять и тут везде, у окон около растворенных дверей на террасу, на самой террасе — везде были цветы*. Полы были усыпаны свежеею накошенной душистой травой, окна были отворены, свежий, легкий, прохладный воздух проникал в комнату, *птички чирикали* под окнами, а посреди залы, на покрытых белыми атласными пеленами столах, стоял гроб. Этот гроб был обит белым граденаплем и обит белым густым рюшем. *Гирлянды цветов*

обвивали его со всех сторон. *Вся в цветах* лежала в нем *девочка* («астарта», *astarot* халдеев, «*isis*» египтян, «туман» всемирных гаданий, чаяний, порывов), в *белом* тюлевом платье, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными из мрамора, руками. Но распущенные волосы ее, волосы светлой блондинки, были мокры; *венки из роз* обвивали ее голову. Строгий и уже окостенелый профиль ее лица был тоже как бы выточен из мрамора, но улыбка на бледных губах ее была полна какой-то не детской, беспредельной скорби и великой жалобы. Свидригайлов знал эту девочку; *ни образа, ни зажженных свечей не было у этого гроба*, и не слышно было молитвы. Эта девочка была самоубийца-утопленница. Ей было только 14 лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшейся и удивившейся это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски-чистую душу и вырвавшей последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер» («Преступление и наказание», изд. 82 г., стр. 464—465).

Вот сон-видение, о котором, наверное, можно сказать, что *Достоевский не знал, почему он так его написал*. «Написалось»... Какая-то древность, бесконечная древность, но живущая и по сей час, «вечно дышащая», как «солнце», как «свод небесный» выдавилась сложной, мистической каплей из его души: и *повелела* написать такое, чему мы не удивились бы, увидя изображенным на барельефе какого-нибудь египетского храма, и крайне удивляемся, видя это у современного нам романиста. Но ведь Достоевский и стоит «клином» в нашей литературе, неразгаданным сфинксом. «Цветы», «цветы»: — это «цвет» четырнадцати лет, который полез на эстраду, на лестницы, вылез в сад и заиграл в небе «праздничным днем», «Троицыным днем». Но будем наблюдать дальше. Почему странный герой романа, перед смертью, видит 14-летнюю утопленницу?! Да это — символ его жизни, мысль, с которой он прошел, вызывая в нас содрогание, по земле. *Как прошел? чем прошел?* «Сый — отныне будет имя мое». Что же такое эта утопленница? — *Непорочность*, в ограду коей высмотрены и твердо оговорены ее «14 лет». «Цветы», «цветы»... «брак в Кане Галилейской» — о, конечно «непорочный брак»! — и там — «клумбы больших цветов», при виде коих Алеша «лобзает землю». Вы видите, ниточки чуть-чуть сплетаются в узел; от тонкого паутинового узла, который, однако, вы не порвете своею силой, можно протянуть связи и к «звездочкам» Тютчева, и к «зреющему колосу» Кольцова; а картина «доброго поклонения земли Небу», которую нарисовал Ал. Толстой — она встает как одна общая панорама над всеми этими видениями. Но Достоевский — от того он и «мистик» — не зная сам, почему и как, назвал *центр* всех этих всемирных дыханий, окружив его подробностями, «цветами» и «Троицыным днем», отчего мы в самом деле и узнаем, *чего он центр*, т. е. *каких всемирных лучей*. Его видение «цветов» почти повторяет Лермонтов:

Когда волнуется *желтеющая лива*,
 И свежий *лес* шумит при звуке ветерка,
 И прячется в *саду* малиновая слива
 Под тенью сладостной *зеленого листка*;
 Когда росой обрызганный душистой,
 Румяным вечером иль утра в час златой,
 Из-под куста мне *ландыш* серебристый
 Приветливо кивает головой;
 Когда студеный ключ играет по оврагу
 И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
 Лепечет мне таинственную сагу
 Про мирный край, откуда мчится он —
 Тогда смиряется души моей тревога,
 Тогда расходятся морщины на челе.

«Лобзанье»-то, «лобзанье»-то «земли» Карамазовым!

И счастье я могу постигнуть на земле
 И в небесах я вижу *Бога!*

Вот сомкнувшийся круг концепции: ведь это, у Лермонтова, — «до сумасшествия» *тот же сон Свидригайлова*, но *центр* его назван — уже *Богом*. «Сый будешь называть Меня». Без сомнения, оба рисунка совершенно независимого происхождения, свободные; но видя, до чего они *сливаются* и как, колеблясь, *расседаются* в *два имени* и *образа* их *общий* и *влекущий центр* — догадываемся о *подлинном источнике* мысли, которую пронесли по земле оба эти человека. И здесь вдруг нам особенно ясна становится оговорка: «14 лет». «*Покрывала* моего *никто* не поднимал — но *солнце* (= дитя) есть мое рождение», говорит надпись на статуе египетской Нейт (= isis), найденной в Саисе, и о которой в «Тимее» упоминает еще старец Платон. Эти «непременно четырнадцать лет», *сливаются* с «несорванным покрывалом» Нейт, к *нерожденному* «солнцу» (= дитяти) которой и рванулся безумец-Свидригайлов; а рванувшись и «сорвав покров» — отошел в вечность (самоубийца), — как и «юноша из Саиса» (Шиллер). Но ведь и мы все немножко ищем «Нейт»; оговариваем, высматриваем — «покров», *непорочность*. Да что за тайны?! Конечно — мы не увидим там много «цветов», как Свидригайлов; не «облобызаем землю» с Алешею, и не заговорим так страстно о «Большой Медведице»; но, взглядывая на юную невесту, тоже весело спросим:

«— А где же мудрый Архитриклин?»

— и чуть-чуть, но приобщимся Кане Галилейской, т. е. не только ее видению, но в самом деле *изопьем вина*, уготованного там Спасителем; и чуть-чуть, в меру своих умеренных сил, приобщимся и «цветочков», и «звездочки» Истар-халдейской. Все — очень просто; все — совершенно вечно; *имена* забываются, но «душа» имен остается, и мы о ней «естьмы и существуем». Это и есть поклонение Духу-Телу; Природе-Деве — непременно, непременно «14 лет», «непорочной», «святой» — пусть ей

и 6000 лет создания, как Istar. Мы бы плюнули на нее, если бы она умела «стареть»; или могла бы принять какую-нибудь «вину». Это ей поклонился Руссо, заговорив о «nature», и, едва грамотный мальчик, ведь потряс всю Европу и даже на несколько дней отвлек Канта от писания «Критики чистого разума», сам ею, этою критикой, нисколько не смутившись: предмет поклонения его и в самом деле неизмеримо мощнее, чем легонький и маленький идол, которому молился кенигсбергский мудрец. Таким образом имена не необходимы, и формы мы выбираем сообразно своему характеру; но что есть «что-то в этом роде», на это самое ясное и совершенно уже научное указание мы находим в воспоминаниях многодумного Гилярова-Платонова. Вот — еще параллель Тютчеву, и запись лишь прозой того, что тот написал в стихах:

«Мужественный и женский элемент!.. От одного замечательного русского ученого слышал я замечание, что сочетания полов, под разными видами и именованиями, проходят по всему мирозданию. Не только в животном и растительном царстве, но и в химических процессах, и механическом движении — формула все та же везде, говорил он, поясняя этот закон опытами и математическими выкладками. Глубоко мне врезалось это замечание, полное развитие коего в научном отношении должно бы составить эпоху и поставить нашего ученого в ряд с Секки, если не выше. Но не в том дело. С кем я ни соприкасался в жизни, везде за мною оставалась женственная, пассивная роль. Я занимал кафедру» (и т. д., т. 2 «Воспоминаний», гл. «Товарищи»).

Вы видите, что «есть что-то», что не напрасно снилось в Финикии, на Эфрате, на Ниле, чему «обрезались» иудеи или, пожалуй, кто Себе «обрезал» иудеев; и о чем или о ком я заговорил в эти поздние дни. Вы догадываетесь, что ваше «грех! грех!» так и остается «редакционным» грехом «Русского Труда»; что оно не течет далее вашего кабинета, встречая тотчас по выходе из него такие Гималаи твердынь, такие океаны бытия, Гольфштремы течений, и ревущие водовороты, среди коих глохнет как

Шепот, робкое дыханье

не производя никакого решительного впечатления. Но мне «жаль брата моего», и я вам замечу: отмечая этим «грехом» брызг (источник) бытия — вы с ним и в нем отмечаете и самое бытие, т. е. становитесь против «солнц», против «звезд», «лесов», «колокольчиков полевых», и против рыданий и мудрости теистической Достоевского, Тютчева, Данилевского, Лермонтова, Кольцова! Но вы скажете, что у вас зато в руках «Катехизис» издания 72 года, который вам был подарен за «благонравие и успешность» в Елатомской прогимназии, и что вам хочется оправдать тогдашнюю похвалу: «благонравный и успешный»? Это тот «катехизис», по которому и я учился, мы все учились. Знаете, после долгих лет размышления я убедился, что *душа* писателя и писателей этого и иных катехизисов *двоилась*. Истинный *мотив* их написания, т. е. *теизм*, бьющий фонтаном

в груди — был тот же в них, как и у нас: эти таинственные «математические формулы» «мужеского и женского сложения», о коих упомянул Гиляров (и ничего, чудак, не разъяснил, даже не дал ни одного примера): а *способ написания* — это определилось такими подробностями, которые ей-же-ей, не заключают в себе ничего религиозного! В самом деле, Дарвин возмутил не только *естественника* Данилевского, но и все богословье целой Европы ополчилось на него. Т. е. что же такое было? Все в Европе почувствовали, что он *религиозно оскорбил* их. Почему? Да потому, что независимо от своих «катехизисов», и как *мотив* их, все богословы были полны безмолвного чувства, что есть что-то *святое* в том *животном* и *растущем*, виды чего, «species», Дарвин вздумал толковать как глупую и *бездушную* мозаику; т. е. они все ополчились за веру в Istar той бедной вдовы Сидонской, которая когда-то угощала Илью-Весфитянина лепешками: «немного есть у меня муки в кадке и масла: вот я наберу дров, и испеку лепешку: съедим сын мой («цветочки»-то) и я и умрем». Вот кротость, вот лепет «служительницы Астарты», который

Пройдя веков завистливую даль,

смущает и волнует наше сердце таинственным зовущим идеалом. Умеют ли так, т. е. *так религиозно*, сплестать слова составители «катехизисов»? Увы, в мире вовсе не было бы никаких катехизисов, если бы не было этого и аналогичных смиренных лепетов; вовсе не было бы «богословия», если бы не было стихов (т. е. чувств, идей, умиления), аналогичных Тютчевскому, Достоевского, Ал. Толстого, т. е. — как надеюсь ясно я доказал — если бы не было «культы Астарты» и в основе его «математических выкладок», поразивших Гилярова. «Сын мой и я — съедим и умрем»... Все думают, и вы тоже, что дети *мешают* нам в чем-то; мешают стоять «в формочках» монастырских и шептать «аллилуйя»; что, «оженившись», мы начинаем излишне «печься о мирском» и становимся дальше от Бога. О, полноте: разве «Опыт катехизического учения о церкви» Хомякова волнует вас так религиозно, как эта жалобная песенка осиротевшего *отца*:

Бывало в глубокий полуночный час
Малютки — приду любоваться на вас,
Бывало, люблю вас крестом знаменать,
Молиться, да будет на вас благодать
Любовь Вседержителя-Бога.
Стеречь умиленно ваш детский покой,
Подумать о том, как вы чисты душой,
Надеяться долгих и счастливых дней
Для вас, беззаботных и милых детей,
Как сладко, как радостно было!
Теперь прихожу я: везде темнота,
Нет в комнате жизни, кроватка пуста,
В лампаде погас пред иконою свет...
Мне грустно: малюток моих уже нет
И сердце так больно сожмется!

И «аз смиренный раб Божий» знал эти «подхождения к пустой кроватке» погибшего младенца; а по многом размышлении заключил, что и все-то наше религиозное просвещение, *оригинально и вновь* зачинающееся, зачинается около этих «кроваток», и, в последнем анализе, течет из «кровей, кровей рождения». Вы не читали об этих «кровях» у Иезекииля? Тогда я для вас процитирую.

«Так говорит Господь Бог дочери Иерусалима: твой *корень и родина в земле Ханаанской*; отец твой — Аморрей, и мать твоя — Хеттеянка.

При рождении твоём, в день, когда ты родилась, пула твоего не отрезали, и водою ты не была омыта для очищения, и солью не была осолена, и пеленами не повита.

Ничей глаз не сжалился над тобою, чтоб из милости к тебе сделать тебе что-нибудь из этого; но ты выброшена была на поле, по презрению к жизни твоей, в день рождения твоего.

И проходил я мимо тебя,— говорит Господь,— и увидел тебя, брошенную на попрание *в кровях твоих*, и сказал тебе: «*в кровях твоих живи!*» Так, Я сказал тебе: «*в кровях твоих живи!*»

Умножил тебя как полевые *растения*; ты *выросла* и стала *большая*, и достигла *превосходной красоты*: поднялись *груды*, и *волосы лона* показались; но ты была *нага и непокрыта*.

И проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было *время твое, время любви*; и простер Я *воскрилия риз Моих на тебя*, и *покрыл наготу твою*; и *покаялся тебе*, и *вступил в союз с тобою*, говорит Господь Бог; и ты стала *Моею*.

Омыл Я тебя водою, и *смыл с тебя кровь твою*, и *помазал тебя елеем*.

И *надел на тебя узорчатое платье*, и *обул тебя в сафьяновые сандалии*, и *опоясал тебя виссоном*, и *покрыл тебя шелковым покрывалом*.

И *нарядил тебя в наряды*, и *положил на руки твои запястья* и на *шею твою ожерелье*.

И *дал тебе кольцо на твой нос* и *серьги к ушам твоим*, и на *голову твою прекрасный венец*.

Так *украшалась ты золотом и серебром*, и *одежда твоя была виссон и шелк и узорчатые ткани*; *питалась ты хлебом из лучшей пшеничной муки, медом и елеем*, и была *чрезвычайно красива*, и достигла *царственного величия*.

И *пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей*, потому — что она была *вполне совершенна при том великолепном наряде*, который я возложил на тебя, говорит Господь Бог.

Но ты *понадеялась на красоту твою* и, *пользуясь славою твоею*, стала *блудить*, и *расточала блудодействие твое на всякого мимоходящего*, отдаваясь ему.

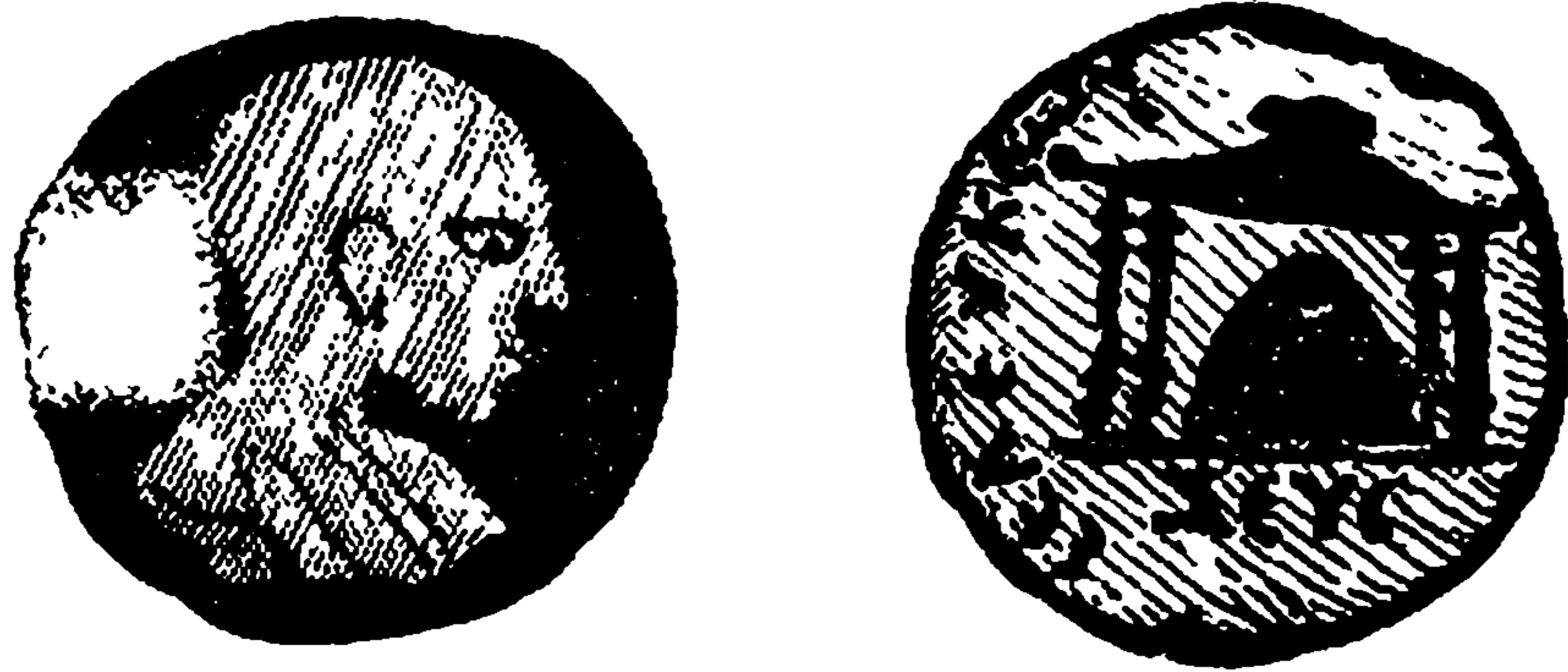
И *взяла из одежд твоих*, и *сделала себе разноцветные высоты*, и *блудодействовала на них*, как *никогда не случится и не будет*.

И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала изображения мужских органов — и блудодействовала с ними.

И взяла узорчатые твои платья, и убрала их в ткани их: и ставила перед ними елей Мой и фимиам Мой.

И хлеб Мой, который Я давал тебе, пшеничную муку, и елей, и мед — ты поставляла перед этими изображениями в приятное благовоение; и это — было говорит Господь Бог» (Иезекииль, XVI, 1—19).

Слова эти разительны как в отдельных речениях своих, так и в общих картинах, первой и второй. «Кровь» наша — вот что важно, драгоценно Богу; где Он нас берет «в угождение Ему»: как от цветов Солнце берет себе благоухание, пьет лучами их нектар. Кровь наша угоднее Богу, нежели дух; сперва — кровь, а уже за нею повлечется и дух к Богу. И вот, где разгадка «обрезания», в этих словах Бога через Иезекииля: «удали наружную, закрывающую («крайнюю» едва ли точный перевод) плоть: и за это дам я тебе кольцо в ноздри, и драгоценные серьги, и узорчатые одежды». Нежный Израиль мыслится как дева: хотя обращены слова, судя по наложению печати обрезания, именно к мужскому полу племени, к нему особенно. И он одевается как дева. Но дева — выросла, возгордилась, забыла, кому обручена. Что же она делает?! Все, Богу принадлежащее, Богу вечно приносимое Израилем — «пшеничные хлебы, и мед душистых сотов, и горящие лампы» («елей») она устанавливает перед изделиями рук своих, ничтожными медными идолами, не дышащими, глухими: и соделывает им кумирню, очевидно — с молитвами, богослужением!! Какая руина древности! Но и какой закон воображения, по которому *от Бога* оно перебросилось (*pars pro toto*) к частностям, подробностям описанных изображений! Мыслимо ли для нас это? Где — *мости*! где — *связи*?! Но с Богом, взявшим Израиля «в кровях, кровях рождения», эта связь до очевидности *есть*, и даже она *родственна, близка, «вот тут»*. Супруг Израиля-Девы и имеет, конечно, в себе все супружеское. Вот отчего *pars corporis pro toto corpore* — и стало как предмет особого культа, молитвы, кумирни! Все это стало возможным, мыслимо, изобразимо, — и даже со внесением в кумирню *всех составных частей почитания Иеговы*. Только нарушено было вечное Моисеево предостережение: «не изображай», «не откровенничай». Но уже когда проступок изображения сделан — нечего было и изобразить больше, как это. «Кто назвал себя супругом — пусть не уклоняется от ласк своей супруги». Тут разве та ошибка, что все же в качестве невесты и девы взят был мужской пол в Израиле: между тем он начал изображать себя и свое, впад в поразительное двусмыслие и затемнение, как сын Иуды, Онан. Ему, как деве-невесте, предлежало быть пассивным; он получил же наряды, «кольцо в нос»: это *он сам*, но уже для Жениха и Супруга своего, должен был стать предметом восхищения, великим живозданным кумиром (ему и сказано было, почти в этих целях: «обрежься»). Но он небесное изображение («кристалл посреди престола» — в Апокалипсисе) перенес

Рис. 4.

Монета города Селевкии (Сирия). На лицевой стороне портрет Траяна, на оборотной — под священным балдахином так называемый «бетил», конусообразный камень («бетил» — Вефиль, Вифлеем), на который возливался елей и который служил предметом поклонения. Один из таких камней Иаков положил себе под голову в ночь, когда был разбужен Богом, проборовшимся с ним всю ночь. Греки подписали под камнем Ζευς = Зевс, выразив этим, что верховное божество их было только *totum corpus sui partis* (целое в своих частях — *лат.*), полная и человекообразная форма, восстановленная около поклоняемого предмета. — Монета из моего собрания.

сам и для себя, для своего поклонения, на землю, можно сказать извратив все наоборот в Завете Ветхом. Отсюда — гнев, ярость, переданная через Иезекииля; и мирное заключительное слово в конце той же самой главы:

«Но Я вспомню союз Мой с тобою во дни юности твоей, и восстановлю с тобой вечный союз.

И ты вспомнишь о путях твоих, и будет стыдно тебе...

Я восстановлю союз Мой с тобою, и узнаешь, что Я — Господь.

Для того, чтобы ты помнила и стыдилась, и чтобы вперед нельзя было тебе и рта открыть от стыда, когда Я прощу тебе все, что ты делала, говорит Господь» (ст. 60—63).

И снова — «кольцо в нос», и «узорчатые одежды» — все «Возлюбленному Отроку», на коем «благоволение»...

С. Ф. ШАРАПОВУ,
НАПОМНИВШЕМУ СЛОВА:
«МОГИЙ ВМЕСТИТИ —
ДА ВМЕСТИТ»¹.

«Могий вместити — да вместит», — напоминаете вы...

— Что тебе и мне, сестра? тыместила высший закон — ответил я в холодную петербургскую ночь девушке, безмолвно и робко глядевшей на меня с тротуара. Она дрожала, в легком бурнусике, среди завывавшего ветра.

— Где же *братья* твои и *сестры*? Где *матерь* твоя? и весь *круг родства*, которого по закону природы не лишены и звери полевые?

— «Слушающие слово Божие суть сестры мои и братья мои и матерь моя». Я вошла в лучший закон, нежели естественный.

— Где *муж* твой, опора юных дней? Где *чада*, которые помолились бы о грешной душе твоей, когда тебя свезут на Смоленское?

— Я имею много мужей, и постоянно: но, как пятимужняя самарянка, могу сказать о них только то, что она сказала о последнем: все они — не мужа мне.

— Но, войдя в закон высшей любви, нежели естественный: что именно ты от «*слушающих*» «*братьев твоих*» и «*сестер твоих*» и «*матери твоей*»?

— Они и суть постоянные мужа мои, и кормильцы: хоть и не удостоивают рабыню свою имени жены.

— Иди, сестра. Но лучше было бы тебе не грешить; и особенно не грешить ропотом сердца своего.

* * *

Кто будет скрывать от себя, что *практически* и *исторически* именно это вышло из слов, на которые вы необдуманно и жестокосердно (потому что без внимания к подробностям) сослались? Очевидно, заповедь, вами приведенная, дана как *индивидуальный* совет, как предмет не лицемерно свободного, а *действительно* свободного алкания. «Возжажди *ты*: и если вмещаешь —мести», но именно и только *ты*, свободно возжаждавший. Но закон свободы переменив в закон повиновения (о, во скольких, во скольких случаях!), мы понудили человечество к «вмещению», — и вот его плоды, эта девочка в бурнусике, холодная, дрожащая!

¹ См. статью «Брак и христианство».

— Я потерял любимую жену; но уже три года прошло: и трехлеток мой развращается без матери,— говорит вдовый священник.— Не дозволили ли бы вы мне опять семью?

— Лучше вместить высшую заповедь, нежели впасть в недостойнство низшего естества!

Офицер, при небольшом жалованьи, и полюбив скромную девушку без средств, обращается по начальству,— но получает в ответ:

— Ну, братец... «Лучше — не жениться»!

И, наконец, когда вы, останавливая ровер винта, говорите партнеру «с весом и не без средств» о достоинствах скромной девушки, ему и вам знакомой, как о его возможной невесте, то он говорит, лукаво улыбаясь:

— «Лучше не жениться». Бью ваших бубен.

«Лучше не жениться...» Сперва это было только закон, теперь — нравы. Точнее: это был непререкаемо свободный, глубоко личный и глубоко частный совет для алкания, который, превратив в закон пассивного повиновения — мы развратили нравы: и уже теперь нельзя их исправить никаким законом! Лаврецкий брошен женою, и полюбив Лизу Калитину, обращается в «Управу аскетизма» с требованием восстановить его в праве семьи:

— Ну, вот! «Лучше — не жениться».

«Лучше не жениться: поедemте в Аркадию!» «Я, братец мой, не женат: у меня — горничная», «у меня — жены ближних моих». «Жениться: ха! ха! вот — наивность!» И, может быть, через век заговорят: «Это же — неприличие: он женится, когда интересы нашей партии требуют его ораторских талантов»; «это — какой-то fall'ист, живущий не головой, а тем, что и назвать в обществе порядочных людей нельзя».

* * *

Кто будет скрывать, что «к этому грядет». И что тайное и возвышенное алкание, давшее от корня своего такой низменный плод, вызывает мысль о совершенно обратном — пожалуй с виду низменном алкании, но которое даст обратный плод: 100% брака, атмосферу не только насыщенную, но и пресыщенную семьею. Кант и Соломон, мудрецы Кенигсберга и Сиона, автор «Критики чистого разума» и автор «Песни песней»: первый автор — *совершивший* «песню песней», как другой *совершил* «критику чистого разума», прогуливаясь, с циферблатом в руках, по стогнам немецкого городка и медленно переползая с улицы на улицу, и с страницы на страницу печальной своей книги.

Две идеи, два миропорядка. Какое блистание одежд — у Соломона! Разве Царица Савская захотела бы посетить Канта: довольно с него синих чулков. Две красоты: одна — смертная, какое-то шамканье беззубым ртом, и другая — молодой привет, возрождающий... вчерашней проститутке, *нашей проститутке, нами «культивированной»*...

«Голубица моя, сестра моя»...

Я не научу тебя, но я люблю тебя. И не дам тебе книги, но дам тебе чадо. Я взрощу родство около тебя, которое бы не молилось о грехе твоём, но при котором не было бы греха твоего.

— Где мать твоя и сестры твои?

— Вот мать моя, и сестры мои, и чада мои, и муж мой: и всех много, даже до пресыщения; и я купаюсь в волнах разнообразной любви — как лебедка в утренних волнах озера.

«Но Господь хотел, страдания?..»

Да, но не — греха! не — оставления человеком человека! и не этого притворного:

— Что тебе и мне: я не вместил высшей заповеди и иду в теплую семью: ты жеместила ее и ожидай здесь на тротуаре.

* * *

Вы видите, что «фривольность» моих писаний из большой скорби идет; и что на всякое ваше слово возражения — я имею страницы ответов. Что в точности не «похоть» мною руководит (поразительно: да кто же запрещает ее себе сейчас?), но это совершающееся и чуть ли не оканчивающееся пересыхание человечества, параллельное с ужасным болотным загниванием самого родника его! Я был этот год в Пятигорске: какое ужасное зрелище искалеченных членов! дергающихся рук и ног! — и я повторяю себе: «вот — плод культа духа, и отрицания — тела». И при виде этих ужасных страданий, часть коих (наследственные) — не заслуженны, абсолютно безвинны, не раз я повторял мысленно:

— Не довольно ли мы послужили безумию? и какой «дух» у этих искалеченных? и какое дело им, в неодолимых страданиях, что их «отцы» и «сестры» поклонялись «в истине и духе», а не в «теле»...

Мысль пролить непорочность, начать непорочность «в теле» — мелькнула тогда у меня, капнула каплею, впрочем уже в полный стакан. Дайте мне непорочные тела — и я уже справлюсь «с духом». Я припомнил ужасные педагогические мучения свои (в бывшей практике) с духом «так себе» при явной «порочности тел» множества мальчуганов. Увы! Такая «плоть» действительно «превозмогла» и всякое слово учения, падая в душу «так себе» через зараженный канал уха — давало тусклый, тупой звук. Тогда я подумал: — «да они не так зачаты!» да они зачаты «во грехе», «объядении», «пьянстве»! И мысль светлого нимба сияния около первой и важнейшей педагогической секунды бытия человеческого — мелькнула у меня, мелькала у учителя. Дайте мне другой, совершенно обратный отрицательному и грязному, способ зачинания: и новый человек попытается начать новую историю! Таким образом очищение человека должно начаться именно не от духа (при обессиленном-то духе, уже «от зараженного источника!»), а — от тела; однако с внутреннейшей точки этого тела. И вот мысль о религиозной к нему подготовленности повела за собою длинную нить мыслей: мы

«спускаемся» всегда в этот миг; нужно — «восходить», т. е. нужно в «трудах и днях» не избирать для этого промежуточную, «проходную», «ни для чего еще другого не нужную» минуту, но лучшую — самую светлую, а главное — строго выметенную минуту, с отложением в нее всякой скорби, мрака и попечения. Все, что от «сего мира» — должно быть отложено в секунду существенно «не сего мира». Труд ли есть — он должен быть отложен! скорбь — она должна быть забыта¹. Злоба должна быть умиротворена. Ничего горького и отрицательного — ничего в эту положительнейшую секунду бытия! Я бы насаждал в утро этого дня дерева (при без-лессии-то как бы хорошо!) и совершал хотя бы небольшую милостыню; счастливый и в семье, напр., звал бы *по моей вине страдающую* («все за каждого») девушку с тротуара — и давал ей разделить с семьей моею стол! Чтобы не было никакого страдания — пусть только в этот Божий день! «Ничего проклятого» — как говорит Апокалипсис.

---

¹ Поразительна в *целой* природе тенденция к этому: искание покоя, уединения, и так сказать отрицание всякой *внешней касаемости*, как *смущающего* обстоятельства, как *расстраивающего* обстоятельства. И человек в *страхе* и в *заботе* — теряет способность брачного ритма; как только он обращается вниманием «к этому свету», то этого достаточно, чтобы изорвать акт, очевидно отсюда — обращенный *не* к «сему свету», акт *выхода* из условий «этого света».

ДВА РЯДА ВЫВОДОВ

(Моим оппонентам,
гг. Мирянину, Шарапову
и Аксакову)

Мне кажется, в спорах о браке выпускаются из виду выводы, которые становятся обязательны с принятием одной или другой точки зрения.

1. *В вещи брака («прилепление») не содержится ни святости, ни греха; она an und für sich есть безразличное.*

Выводы отсюда:

1. Брак номинален; это есть номиналистическая признаваемая только и от признания зависящая даже в признании единственно и заключающаяся, связь (religio) между производителями (родители) и возможным произведенным (ребенок); religio legis, а не religia divina.

2. *Признание брака, санкция, церемония о нем и есть его суть; она (эта суть) должна сосредоточиться в моменте, предшествующем браку, и нисколько и ничто из этой сути не простирается в его течение.*

3. Слово о браке есть таинство.

4. Брак ни в каком случае и ни по каким причинам не расторгим. Церемония *была*, слово — *сказано*; и как сто процентов силы и веса в них, то ради какого процента они могли бы стать — слово как бы не *сказанным*, церемония как бы не *совершенною*?

5. Вне церемонии и слова рожденные дети как бы *не рождены* и *не имеют родителей*, и вне церемонии и слова текущее супружество как бы *не есть* (учение о незаконнорожденном ребенке и незаконном сожитии).

6. В браке не содержится как *непременное*:

а) ни дети,

б) ни супружество,

в) ни семья.

7. Неспособность одного из супругов или обоих супругов к «прилепению» не есть причина к расторжению брака, ни препятствие — к заключению его.

8. Брак может быть заключен во всяком возрасте, столетней дряхлости или пятилетнего младенчества, ибо не содержит как *непременного* — супружества, он может, конечно, и заключаться в годах характерно *вне-супружеских*, ради причин экономических, политических, социальных, всяких.

9. Сумасшествие одного из брачующихся, не свобода (принуждение) одного или обоих — не может же служить препятствием к заключению брака, и по тому же мотиву: с безумным или безумною и не будет супружества, равно его может не быть и при вражде.

10. Родственность, кровная или духовная, не может же служить препятствием к браку, как опять же не имеющему в виду неперменного супружества.

11. Супруги могут жить с кем угодно и вне супружеского союза (всякое прелюбодеяние допустимо).

12. Аналогичная церемония могла бы быть приставлена и к всякому физиологическому событию, столь же безразличному как «прилепление»: к вкушению пищи, сну, движению, работе, болезни и умиранию. Все это могло бы быть возведено в ранг «таинств».

II. *Вещь брака свята*, и по ее святой вещи образована церемония, неприложимая к другим физиологическим функциям.

Выводы отсюда:

1. Брак — реален и определяется рождающимся младенцем, который и есть показатель присутствия совершения или действительности его, связующий родителей и детей в *religio divina*.

2. Брак *есть*, и — ни признается, ни не признается.

3. Брак *есть*, когда в нем *есть* супружество, супружеская связь и отношения, и пока и поскольку они *есть*; и прекращается, не расторгается — когда раздробляется ложе.

4. Все рожденные дети суть законные, суть «в живых», не «в мертвых».

5. Возраст способности и желанья к супружеству, и притом свободного к нему желанья, *есть conditio sine qua non* начала брака.

6. Брак может быть моно-и-поли-гамен, вечен и временен, в зависимости от индивидуального устройства.

7. Его течение должно быть безгрешно.

8. Это течение должно быть ритуально и молитвенно. «Церемония» — разливается по браку, изменяясь в его главных фазах: зачатия, беременности, разрешения от бремени, кормления младенца, воспитания и учения его. Ритуал повседневной жизни девушки, жены, вдовы; отрока, мужа, вдовца.

9. Его течение должно быть целомудренно, согласно, в любви: вещь свята, а грех *есть* ржавчина на колосе, *съедающая* колос, *отравляющая* и *уничтожающая*.

10. Расторжимость брака свободна и субъективна, с инициативою к этому как для одной, так и другой стороны.

11. Брак *основывается* только на любви и целомудрии («предикаты» брака, «святые» черты его, определители его, «флаг над ним») и *состоит* только в супружестве и родительстве.

12. Это *есть* таинство о семени и крови; связь кровно-семенного родства, — а не положения социального.

13. Кроме брака, других физиологических «таинств» не может быть, по особенной, святой и исключительной природе семени и крови, которые, если и не одни и исключительно, то преимущественно, и несравненно, «бе к Богу».

14. «Не убий» — ибо кровь «бе к Богу» (Божья область, Божий удел в человеке); «не прелюбы сотвори», ибо и семя «бе к Богу».

15. Кротость к животным, ибо — «братья нам»; любовь к растениям — «сестры нам»; к миру — «шатер наш», к звездам — «лампады в ночи», к солнцу — «родило землю, земля — Адама, Адам — меня».

16. Засыпана пропасть между юдаизмом и христианством, между «эллином» и «иудеем». Все припадаем к Одному.

17. Падение всех споров; лобзания человеков; возвращение к детству и невинности.

Теперь — избрание той или другой из этих точек зрения разрешается простым и собственно научным способом:

1) «Прилепление» есть ли ноумен (religio).

2) Или «прилепление» есть феномен (scientia)?

Если прилепление есть феномен и scientia, то брак есть форма социального отношения; и хотя религия об этом может промолвить некоторые слова — отчего нет? о чем она не может промолвить слова? — но *не непременно*. И брак должен войти в сеть собственно социальных отношений, только как одно из них, т. е. он должен стать *государственным, государством санкционируемым*. Церковь может тут вмешиваться, приглашенная, позванная, но не может тут управлять: ибо церковь «бе к Богу» и «от Бога», а брак, в цепи других феноменов, «бе к земле и от земли».

Но если «прилепление» ноумен, то все церковные отношения к нему существенно неправильно были начаты (не по второй линии выводов); и главная неправильность состоит в том, что самая церковь определяется этим бесспорным и вместе «в ее руках лежащим» ноуменом, выправляется им. Брак начинает управлять церковью, как жилец — жилищем. Сам же располагаясь самостоятельно по своей ноуменальной природе.

Во всяком случае, *пока* мы — ни в одной истине, ни — в другой; и это то ощущение «положения между двумя стульями» и порождает споры, смуту, недоумение: хочется подняться на *которое-нибудь* сиденье.

НЕЧТО ИЗ ТУМАНА «ОБРАЗОВ» И «ПОДОБИЙ»

(По поводу «Бессмертных вопросов»
Гатчинского Отшельника)

Глагол: «где два или три соберутся во имя *Бога-Любви* — Аз посреди их», не напрасен: кроме универсального и огромного тела Церкви, вспыхивают и гаснут «языки» церкви, искры церкви. Всякая теплота человеческая имеет Бога своею душою, и мимолетный спор, с памятью Бога, в лучах согласия начатый, — уже есть секундная Божия церковка, в которую радостно входят «двое», спешит к ним «третий»: и все выходят из нее со светлыми ликами, славя Бога.

Вмешательство г. *Гатчинского Отшельника* в вопрос о браке сразу же продвинуло его вперед: разумею его пример-аргумент о таинстве евхаристии, к которому «какое же отношение имеет движение круглой кишки». Пример так близок к нашей теме, так *параллелен* ей, и так ярок в убеждающей простоте, что достаточно прочесть его, чтобы согласиться с заключенной в нем мыслью. Она разнообразно и многосторонне ценна. Прежде всего поправка эта устраняет *механизм* и *формы* физиологии из «таинства» и тем спасает нас от фетишизма, в который (по-видимому, вращаясь приблизительно в наших же темах) впали «эле-взинские таинства». Хотя, заметим, соблазн для «посвященных» в них — был велик; ведь *кишка* прямо лежит *около* принятого в евхаристии существа Бога, несет *в себе Бога*, она заместила собою чашу, в которой лежали до принятия св. Дары, и есть сама теперь *чаша Бога*. Т. е. отнюдь не составляя «центра дела» — и до сих пор *Гатчинский Отшельник прав*, — она составляет бого-дарованный и, следовательно, благодатный «сосуд»: оболочку некоторой «души» и «центра» дела. Это устраняет опасную половину поправки Гатчинского Отшельника: ведь если мы признаем «кишку» за «ничто», за абсолютно «не священное», то мы не соблюдем бережливого внимания к чистоте ее, каковое внимание естественно принадлежит «чаше». — В области конкретного движения и линий, которые мы держим в уме во всех наших дебатах, это выражается в двух русских глаголах, которые употребил *Гатчинский Отшельник*. «Чтобы жить — нужно *есть*; чтобы жить вечно — нужно *есть Бога*». Я бы поправил: «нужно *вкушать* хлеб и Бога». Мысль, которую я все время развиваю, заключается в том, что мы должны именно «вкушать»

от брака, бросая его «еду» и еще хуже «обжорство» в нем. Думаю, этим простым различием двух глаголов навсегда устраняется возможность смешения таинства брака с осязательно-кожным от него удовольствием.

* * *

Но все-таки «душа» и «центр», которого мы ищем: где они? Прежде всего, для внешнего подтверждения указания *Гатчинского Отшельника*, я приведу пример, и в той обстановке подробностей, в какой много лет назад поразил меня. Читая однажды какую-то зоологию, а может быть «Записки об ужении рыбы» С. Т. Аксакова, я дошел до кратких строк о весеннем метании икры у осетров. Тайна Божия — одна везде. Все знают, и я знал, что здесь нет вовсе «посредствующих орудий», и нет, пожалуй, самого акта *слития в одно*; процесс происходит *вне живых существ*, в посторонней и инертной для них среде *воды*. Поразило меня при чтении сообщение зоолога ли, Аксакова ли, что в данное место (небольшой объем воды), где уже плывет туман выпущенной икры, осетры самцы бросаются (чтобы выпустить молоки) с такою яростью, что *разбивают иногда голову друг другу*. И все формы ужасной ревности, с кровавым исходом, разыгрываются тут *вне механизма и орудий полового общения*, и, казалось бы, поэтому, вне всякого *удовольствия* от тех *кожно-геометрических* ощущений, с которыми так легко смешать все дело. Дело — не там, «дело — в центре», как бы поддерживают осетры *Гатчинского Отшельника*, и как ужасно, с какой ужасной стремительностью вечного в целой природе «Сый»!.. «Да не будут тебе иные... разве Мене». Но это — внешнее и далекое от человека и нашей строгой темы явление, на которое мы указываем, чтобы не согласиться только, но и настоять на поправке *Гатч. Отш.* Вторая ценная в ней сторона заключается в предупреждении той ошибки, в какую впал Аарон. «Завтра праздник *Господу*», сказал он под Синаем народу, воздвигнув Аписа («телец из золота»); Моисей — *разбил*, увидя это, *скрижали*. Разве оба брата не *Единому* поклонялись? и неужели в долгих беседах отнюдь не хитроумный Моисей, эта Мать Израиля («долго ли я буду носить их», т. е. народ, «в утробе моей»), не сообщил брату, Кто ведет их из Египта? Откуда же и к чему гнев? «Не изображай», не смешивай «физиологии» с тем, что «не имеет ничего с нею общего», и арфы — с мелодией, которая из нее льется. Образы Египта, не изменяя их мысли, Моисей переложил на звуки; разбив «арфу» как фетиш поклонения, показал *ноты*, как сущность самой арфы, причину ее происхождения, ее *causam efficientem*¹ и *causam finalem*². Но из цикла мысли Египетской он не вышел, как она остается за спиною и каждого из нас, храня нас, научая нас, просветляя нас, утешая нас:

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред Твоим образом, чистым сиянием...
Не за свою молю душу пустынную

.....

¹ побудительная причина (лат.).

² конечная причина (лат.).

Но я вручить хочу душу невинную
Теплой *Заступницы* мира холодного.
Окружи счастьем счастья достойную,
Дай ей *сопутников* полных внимания.
Молодость светлую, старость спокойную.
Сердцу незлобному мир упования.
Час ли приблизится сроку печальному,
В ночь ли безмолвную, в утро ль ненастное:
Ты воспрять пошли душу прекрасную
Лучшего Ангела...

Это — полный очерк Египта; надежды его пирамид, его «мумий», которых «тленные кости оживут» — и в том же самом тембре спокойного радующегося ожидания «жизни вечной»; тоже *удовлетворение* и *полное желание* взять от земли полный посев радостей, какой она может дать, без порыва к ним, «во всяком благочестии и чистоте».

* * *

Мы отвлеклись; и да простит читатель, что, отвлекаясь, мы увлекаемся. И на будущее от этого не даем «зароков». — Есть и еще неправильность в его богатом сравнении: «чтобы жить — нужно есть», «чтобы жить вечно — нужно есть Бога» (слова *Гатч. Отш.*). Но ведь как «хлеб» в одном случае, так в другом «тело Божие» привходят *извне*, и «кишки» — только приемлющее вместилище для даров, равно им безразличное. Не наблюдаем ли мы совершенно иного, когда сближаются два пола: ведь к ним ничто не привходит, но все — выходит из них: сфера *вмещающая* («чаша», органы) есть сфера *зиздущая* «дары», каковы бы впрочем они ни были в достоинстве и мере своей. Можно ли сравнивать отношение кишок к пище с отношением цветка к выделяемому нектару?! А *Гатч. Отш.* это делает. Конечно, при половом общении, геометрия и механика общения ни при чем, кроме *непосредственного касания*. Очевидно, сверх механики и геометрии есть что-то *в самой физиологии* «еще третье», не зная чего бедные физиологи и не добрались до глубины своей науки, но как вечно поправлял их покойный Страхов, — «даже и не касаются своей новой темы, занимаясь чем-то совершенно для нее посторонним (динамика и физика жизни).

«Феруэр» (мидийско-персидская терминология), «дух», что-то такое, что «вьется около носа», чего я не могу «схватить руками»... И другой ряд наших ученых, психологи, «проловив» века «растопыренными руками» «вьющееся около носа», бешено и капризно решили, что они «чихают без причины», что воздух «кристально чист», а главное руки их совершенно пусты от знания. *Гатч. Отш.* брезгливо заметил: «кишки», «физиология»; заметил так, как будто вообще для него вся *сплошь физиология, цельное полотно ее* — есть каменная стена, безразличная в отношении к содержанию ее. «Тело» и «дух» — это как бы мешок и золото: отделимые, разграничимые; «совершенная смерть» в одну сторону и «совершенная жизнь» — в другую. Как будто не возглаговано: «оживут кости»...

Возьмем — не «кишку», которой я не видал и не представляю с живостью, но «руку» и части ее, которые с вниманием рассматривал. Я делаю вырезок (мысленно) вершка на 1¹/₂ выше локтя на 1¹/₂ ниже плеча: какое *безразличие!* Тут — нечего рассматривать, ничего не содержится. Посмотрев так, посмотрев этак — я бросаю кусок: «эта кость не оживет!» *Скука* — вот впечатление о ней; я с нею не могу беседовать; ничего к ней не могу отнести (мысленного) и даже не могу ничего мыслить о ее обладателе. Теперь, закрыв рукавом сорочки и предплечье и лучевую часть, я обнажаю *локоть*: Обломов — *женился* в сущности на «локте»; по крайней мере Гончаров записал, что он ничего не видел и ничего не заметил в своей будущей жене, кроме «локтей». Какие долгие «беседы» должны были предшествовать такому решению! с чем «беседы»? Да с этою «костью», которая уже «оживет».

В конце концов Обломов женился на «феруэре», который вился около «быстро движущихся локтей» Марфы Ивановны (память мне, может быть, изменила в имени). *Гатчинский Отшельн.* никак не может сказать, что это как будто тоже только «кишка» — физиология безразлична, «как и вся прочая физиология»; она не «сплошь» в ней и около нее, а чуть-чуть, но выделяется в *преимущественное* место, в начало какой-то мысли, «чего-то», что «вьется», «играет», и сперва заставило Обломова «чихнуть», а потом и повело его к чрезвычайно сложному и энергичному для него движению. Обнажим всю руку: ее фигура, очерк, существо сбегается к бугорку локтя, этой прелестной закругленности, но с остротой в себе; собственно «лучевой» и прочим «костям» не для чего «воскресать», потому что в «воскресении будущего века» они будут с нею и в ней, или, пожалуй: они «не умрут» вовсе в этой *преимущественной* точке (локоть) по крайней мере как «феруэр» ее — по «образу и подобию» коего сотворена рука на всем ее протяжении между плечом и костью. Не «уловимый для рук» для скальпеля анатомов и физиологов, этот «феруэр» сам уловил «душу» Обломова: не явно ли, что он не только духовен, но и властительно-духовен?

Но этот «феруэр» еще очень элементарен; «локти играли» — записал Гончаров, и не нашел ничего больше прибавить. Слишком *монотонно* его «выражение», и быть может потому («сочувствие»-то «душ») оно и увлекло в сущности монотонного и несложного Обломова. *Кисть* руки — как разнообразны ее *движения*, ее *индивидуальные формы!* Это — тоже начало человека. В самом деле, длиною *предплечья* и *лучевой* кости «кисть» так удалена от массы туловища и общего типа творенья *corpus'a*, что смогла выразиться, сфразироваться «сама» в «свою головку»: у ней — свои привычки, не связанные с остальным телом; свои способности, море способностей!! Заметьте: кроме как у совершенных дураков и людей ни к чему не годных — кисть руки никогда не бывает бездушно раздвинута (растопырена, вытянута); она имеет «скромное препоясанье» в постоянной полу-свернутости своей; «ее покрывала никто не подымал»... ну, *этого-то* она не смеет изглаголать, но все-таки к *этому* манится, этим кокетничает.

Обращенная к предметам сторона ее, особенно, казалось бы, нуждаясь в предохранении от трения, не имеет, однако, вовсе *волос*. Хватаем все «голыми руками» — в смысле голизны, превосходящей все остальные части тела, кроме *некоторых* и тоже «преимущественных». В самом деле, замечательно, что все *выразительные* части тела обнажены вовсе от волос, но зато окружены, отмечены, подчеркнуты *купою* их вокруг себя. Голова так и делится на волосатый череп и на смотрящий из-под шевелюры *лик*; «око» нашего существа. Но замечательно большее в лице: и в нем преимущественные точки окаймлены же волосами: глаза, рот. Таким образом это огромное человеческое «око», обращенное к миру (лицо), содержит в себе еще многообразие иных «очей»; есть «многоочитость» в оке; и, как уже догадывается читатель, *весь человек* составлен, собран из выпученных очей:

Открылись вещие зеницы
Как у испуганной орлицы.

Это Пушкин в тумане неопознанных видений написал комментарий к «орлу», у Иезекииля ли, Иоанна ли, который, как и другие три «животные» пророка, исполнен был «очей спереди и сзади», «снаружи и внутри». Гипотеза *Гатчинского Отшельника* о «кишке» устарела перед более свежою мыслью древних тайновидцев, которые поправляют: «все — *очи*, все — *зрят*». Но мы пока остановимся на объяснении «зениц».

Брови и особенно ресницы, нижняя и верхняя, указывают, что на полотне «безразличных» лба и щек, глаза занимают положение такое же, как лицо на (общей) голове; это — «лицо» новое и более углубленное, более возвышенное в общем «лике». Оно все, в большой и (сравнительно) тусклой своей массе отступает перед «взором» на положение «красной глины», «материи»; скатерти, на которую поставлен образ. «Лики» выступают из фона «общего лица»: да ведь у Иезекииля и сказано: «два крыла туда-то, два — сюда-то», и все «закрывали лица». «Как будет сие, когда я мужа *не знаю*». Всемирная стыдливость; затенение себя; ухождение в *тайну* по мере восхождения в *достоинство* и *значительность*! Ну, неужели глупая «предплечная кость» будет закрывать «стыдливо» лицо свое, как закрывает уже ладонь, как «опускает веки» око; «скромно» закрыт и серьезен рот. Заметьте опять: только у дурака рот раскрыт; у очень умного — губы крепко *сжаты*.

Речь, слово есть «феруэр» уг: они так бывают глубоки, многозначительны, духовны, что в *бороде* и *усах* выросла вторая и длиннейшая *шевелюра* для этого характерно и совершенно по-новому сфразированного «ока» бытия человеческого; при полной *оголенности* же губ. Покорная и безглагольная женщина, которой не быть ни оратором, ни поэтом, которая вся в смиренном: «буди *мне* по *твоему* глаголу» — так и не имеет ничего около рта; даже завешивает его на Востоке. Но нам нужно рассмотреть внимательнее которую-нибудь *одну* из множества «преимущественных точек», чтобы через это понятнее сделать остальные все. Вернемся — к кисти руки.

У нее есть *память* — и независимая от памяти головы. Этим объясняется игра виртуозов, эти брызги звуков, как последствие брызжущих и совершенно точных движений пальцев по клавишам, причем память мозга и рассматривание (клавиш) глазом совершенно устранено: движения абсолютно не рефлексивны — и совершаются кистью руки именно в силу ее способности не к *зависимой*, а *автономной* памяти. «В руках есть талант» — вот объяснение происхождения множества ремесел и искусств, или по крайней мере объяснение их высочайшего развития. Без «таланта» руки, при всяком «глазе», всяком «уме», астроном или философ не делаются резчиками на камне. Но вот факт поразительнее: известно, что некоторые и притом особенно знаменитые произведения живописи были окончены замечательным бессознательным способом: «художник, подскочив к картине, сделал несколько совершенно безотчетных мазков (или: «несколько раз ткнул») кистью — и в картине зажглась жизнь и появилось дотоле небывалое выражение». Так записано в историях живописи о некоторых живописцах. Кисть руки имеет *почерк*; и нет двух людей на земле, а может быть и в целой всемирной истории не было — с безусловно одинаковым, *сливающимся* почерком (если только это не писарский, т. е. *перенятый у одного общего учителя*, почерк, с «погублением» своего оригинального, *врожденного*). Но будем далее наблюдать *жизнь* руки, *историю* руки — и мы будем восходить в удивлении. Кисть руки имеет затылочную часть — это верхняя ее поверхность, покрытая легким пушком волос, и лицевую: это — голая ладонь, с какими-то странными в ней линиями. Эмбриональное лицо: эмбриональная зачаточная головка. Во всяком случае, мы понимаем, почему у херувимов, и закрывающих крыльями лица свои, и взывающих: «свят! свят! свят!» не четыре, ни тем менее два — но *шесть* крыл. Вы хотите внешне и почтительно поцеловать руку старика, дамы: вы целуете у них руку — так же точно, как они отдают вам поцелуй в голову: они ответно целуют волосистое *темя* и вы целуете верхнюю, *теменную* же, волосистую часть руки. Но вот с девушкой, при луне: что за странный жест вы делаете! вы *перевортываете* кисть руки и целуете ее в таинственные зачаточные линии — быть может в *чело* ее, быть может в *очи*, *щеки*, *уста*. Пока нельзя сказать, что именно: это, может быть, договорено где-нибудь на Сатурне или на спутниках Сириуса.

* * *

Но мы опять отвлеклись, и эти деления тела нам не нужны. Мы на земле, где и без того много удивительного. Священник (каким инстинктом?) в торжествующую и нежнейшую минуту молитвы подымает руки и поворачивает их опять же этими эмбриональными чертами неисследимого, но уже «талантливового» и «памятливового» лица — к Богу! Т. е. и эти архи-младенческие в нас лица тоже взывают: «свят-свят-свят», «Господь Вседержитель», «исполнь небо и землю Славы своея». Все исполнено Богом, т. е. в преимущественных точках, которые «молятся» (поднятый

«взор», шевелящиеся «губы»), когда, напр., глупое ребро или тупое предплечье не столько даже спят, сколько «не ожили»; «мертвы» Богу и человеку. Почему, однако, не *восемь*, а только *шесть* крыл у серафимов? Потому что еще *два лица* закрыты вечным предметом своей молитвы — «Матерью Землею». Вы догадались, что я говорю о подошве ног, этом «архее» танцев. «Танец» есть «музыка» ног: брызги движений, как у руки — по клавишам. Есть виртуозы-плясуны, и даже есть нации — виртуозы в пляске, как поляки, как испанцы. Русские, к сожалению, глубоко бездарны в танцах: их трепак и «вприсядку» возмутительно медвежьи движения, или, еще хуже — мало приличный и в общем тупой, какой-то пьяный танец, без выражения, без пластики, без мысли. Одно из разочарований в том, что мы «займем первое место» (в истории). В *ногах* есть память же, как и в кисти рук: они нас доносят куда нужно: по крайней мере, пройдя одно и то же расстояние и направление раз 5—10, вы в 11-й, а иногда в 6-й раз доходите (пусть — с должности домой) машинально, вовсе не думая о дороге и *не смотря на нее*. Вы надеетесь на *память подошв* ног, и в этом не обманываетесь.

* * *

Но ведь «голова» царь телу? Можем ли мы хоть на минуту поколебаться, что у человека вовсе не одна, а *две* головы, когда и «крыл» шесть у «многоочитых», а главное — когда все тело человеческое расположено столь очевидно симметрично, в законе *концов* и *удвоения*? *Две* «кисти», *две* «ступни»; конечности — *сверху*, конечности — *снизу*. Что же соответствует голове, как не то, что *Гатчинский Отшельник* назвал довольно поверхностно «кипкою» и что мы поправили в «чашу даров». Выражение «чаша» в самом деле применимо сюда: это есть втянувшаяся внутрь голова, причем ее покровы (кожа) как бы вывернулись и стали не выпуклостями, но обволакивающими, выстилающими покровами таинственных пустот. Центр пола действительно, как догадался *Гатчинский Отшельник* — не в коже и не геометрия: я дополню: — не в осязаемом. *Центр* этот в *пустоте* между покровами, в полом месте или местах, каналах ли, мешках ли, то грушевидных (uter), то сферических (ovum), то вытянутых (канал, трубка).

Удивлялись, почему «элемент» организма есть «клеточка»; почему, напр., не кусочек, не палочка, не плотный шарик? Да потому, что этот «элемент» есть пол (муже-женский) и каждая клеточка есть «образ и подобие» забеременевшей матки — т. е. пустого мешка с привившимся к стенке его «ядрышком». Клетки размножаются, просто разделяясь на «два дитяти»: вот доказательство, что в каждой из них есть оба пола, что это есть «матерне-отчая» клетка. В сочетании, будучи «одною плотью», что представляют они собою, как не совершающееся и длящееся «прилепление», в каковом состоянии половой слепленности они уже рождаются и остаются всю жизнь свою. Вот отчего Свидригайлов у Достоевского (т. е., собственно, Д-кий устами Свидригайлова)

жалуется, что чувственность «вечным разжигающим угольком» пылает у него в *крови*, да и вообще мы знаем, что половое влечение ли, волнения ли, не имеют отнюдь своим исключительным средоточием и возбудителем тех определенно очерченных «кишок», значение которых, впрочем неосновательно, отверг *Гатчинский Отшельник*. «Пол» есть «весь человек»: но центр пола и вместе биологическое сосредоточение человека — в том *пространстве абсолютно не замещенном*, которое собственно облегается и телом человека, как своим футляром ли, одеждою ли, храмом ли. Но что это за пустота и что в ней содержится, это хоть сколько-нибудь можно разгадать по «образу и подобию» ее, второй соответствующей голове. Об «Авра-аме» можно угадать по «Авраму».

Там — мышление, здесь — созидание; там как бы мир проектов, здесь — вещь выполненная или, точнее, — мир непрерывного выполнения. Тело мозга создает мысли, пустоты пола создают мыслящие тела. Замечательна эта обратность: мозг весь в плотностях, уплотненных массах, и даже понятие «клетки» там отменено, кажется: тяжелые глыбы, выстилающие волокна, веревочки — суть его состав. Но это обилие материи, ее преизбыточество отражается совершенною бестелесностью мозговых созданий (идеи, воображение); обратно в поле — пустота внутреннего содержания клетки, но в ней, в этом «грушевидном мешке матки» зарождается, растет, до конца сформировывается человек, и, очевидно, сформировывается *чем-то* или *кем-то*, именно присутствующим в пустоте; причем организм матери собственно дает (в крови) лишь строительный материал. Кто же создает? кто — третий?

«Кто здесь? кто третий? о ком ты говоришь?»

Это — Иван Карамазов спрашивал растерянно Смердякова, на «последнем с ним свидании», когда «идиот» этот сказал, что есть «Третий», некто, кто слышит их таинственную беседу.

— «Третий это Бог-с, самое это Провидение-с, тут Оно теперь, подле нас. Но только вы не ищите его, не найдете».

Мысль, что рождается человек «от Бога» или как-то «в Божьем присутствии», при «Божьем соучастии» имеет не только текстуальное подтверждение в восклицании *первой* человеческой матери о *первом* рожденном человеке: «приобрела я от Господа» (восклицание Евы. Бытие, 5), но и в инстинкте без исключения всех людей.

Момент, слишком краткий; и необходимо вдуматься в то, о чем субъективно мы никогда не думаем. «Крови *никакого* животного не вкушай: ибо кровь — она *душа* животного», «выпустив кровь (при убое скота для пищи) — зарой ее в землю: ибо она душа убитого»: два эти предписания мелькают всюду в *Исходе*, во *Второзаконии*, как откровение Моисею с Синая. И вот в момент, рассмотреть который мы готовимся, *кровь* и одного животного и другого (ибо в сочетании и муж и жена становятся животными, не в порицательном смысле, а в космогоническом) отливает от всего тела, от головы, плеч, туловища: и бурным

потоком приливает к genital'иям, наполняя все их полости. Т. е., по откровению Бога Моисею (кровь = душа), genitalia как физиологическая сфера на этот момент, 5—8—10 минут, становятся *бесконечно духовным существом*, сохраняя животный очерк. Genitalia вне сочетания и в сочетании так же между собою различны, как голова Ньютона, когда он разговаривал, напр., о найме квартиры и эта же самая голова в секунды догадывания о законе всемирного тяготения. О Ньютоне даже и догадаться нельзя, *кто* он и *что* в дивной тайне своей, — только выслушав, как он торгуется. Также и взглянув, или долго видя genital'ии в обыкновенном (пассивном, равнодушном) состоянии, мы ничего не можем понять и увидеть в их природе. «Шестой палец» (= лишнее), смеется простонародье. «Сочетание» есть *озарение* пола; минута его *гениальности*; когда он не только насыщен, но пересыщен духовностью. Но это еще *кровь* человека; *душою* (= кровью) только окружены genitalia: т. е. духовность человеческая есть только *подножие, окружение, обстановка, одежда*, которою окружен и в которую одет акт. Уже по этому *окружению* мы можем заключить, что *самый* акт выше, трансцендентнее, мистичнее, нежели человеческая духовность. В макроскопических (больших) чертах он есть то, что в микроскопическом (малом, неисследимом) виде есть каждая органическая (дву-полая же) клеточка во внутренней ее, недоступной биологам, жизни. Можно сказать, «прилепление» есть подведенное, наконец-то подведенное под соответствующий микроскоп ядрышко жизни, где все нам видимо, что никогда от века не было видимо. Что же это такое?! Что, по крайней мере, испытывается человеком? а, наконец, и объективно: что же такое тут происходит?! *Ощущение coitus'a* разно-категорично со всеми решительно ощущениями человека: *приятность* зрения, *вкус* пищи, *удовольствие* встречи с человеком, *интересного* чтения, все это... даже начала, «подобия и образа» не составляет волнений пола. «Совсем, совсем *другое!* ничему не подобное»: вот ответ, который только и можно дать о нем, если б пришлось изъяснять несведущему. В то же время это есть сильнейшее волнение, которого ни для какого другого удовольствия человек *не перервет*. И, наконец, подступами к нему, *тенями* его полна психологическая жизнь человека: влюбление, встреча, первое рукопожатие, первый поцелуй, доверие, ласка, нежность — как много все это занимает в жизни человека, какие это *решающие* минуты в биографии человека! «Первая встреча», с девушкою, которая станет впоследствии женою: можно ли сравнить это с «первым поступлением» в департамент?! *Совсем* другое... ангельское, чистое, небесное, хотя в сущности — *биологическое*:

И лобзание... и слезы...

И *заря!* *заря!*

В любви есть нечто *космогоническое*. В любовь смотрятся звезды, как в свое зеркало. И вот она созрела... до слияния, до полноты обладания. Что же, что в нем происходит?! Удалим субъективную аберрацию

и станем все рассматривать как бы происходящим у цветов. Оба цветка, в перекрестном опылении, сильнее благоухают,— вне всякой нужды друг для друга этого. Ибо, благоухая, они *сами* не обоняют. Для чего же они благоухают?! Кому, чему? Что такое благоухание, и неужели можно представить в (целесообразной) природе существование акта без *цели*, сладкого без *вкуса* и *вкушающего*? Цветок ничего не знает об обоняющем его *человеке* («кто тут? кто третий?»); а *сам* человек может испускать цветочную ароматистость для того, кто так же стоит над ним и ему невидим, как он стоит над растением и растение не видит его (человека). Тут, как и в учении о крови, мы встречаем столь же неожиданно поддержку в Библии: отношение Бога к *жертве*, по столь же частым указаниям *Второзакония* и *Исхода*, есть именно *ароматистое* и *обонятельное*: «приносите жертвы в приятное благоухание Господу», «Бог любит обонять *тук* жертв» (*тук* = толстая бедренная и тазовая часть жертвенных животных). Это — азбука Библии, ее вечное причитание; «не упустите этого», «дайте это в обоняние»: и вы будете награждены на земле, между прочим вечным земным награждением — обилием потомства. Как художник любит свою *картину*: *любуется* ею, картина — почти *владеет* им, волнует его, *приковывает к себе*, не дает *отойти* от себя. Возьмем же не творца фантомов, воображаемого; а творца подлинных тварей, телесных, таинственных, живых. И они могут иметь к сотворившему отношение картины к художнику: влечь его; но уже не очерком карандаша, угля, краски — а утучненностью своею, «*туком*» своим. И тогда отношение получится именно ароматистое и обонятельное! Художник может разорвать картину, скульптор — разбить статую: да, но пока творения целы, все же они владеют и даже владеют до *господства* сотворившим его человеком. В одном из сборников нашего Палестинского общества, описывающем нравы теперешних туземных жителей Иерусалима, мне пришлось прочесть наблюдение: «нет ничего обыкновеннее, как встретить спешащего по делу иерусалимлянина (еврея?), который держит в руке розу и на ходу непрерывно нюхает ее»; и еще: «в синагоге часто евреи передают из рук в руки апельсин или лимон — и друг за другом, до последнего, обоняют душистый плод». На Востоке чувство, тонкость, нежность, глубина обонятельных отношений несравненнее, чем у нас. Но возвратимся к «обонянию *тука* жертв»: конечно, в акте, который мы рассматриваем, ароматистость в ее животной специализованности не только превосходит, но *неизмеримо* превосходит всякие, какие можно представить, «*туки*»; запах разрезанного мяса, с точащеюся из него кровью — как это мало, *слабо* в животной мощи и специфичности перед дрожащими в напряжении, утучненными кровью, в то же время влажными и пахучими... уже не «*туками*», но тем, что есть сотворитель всяческих *туков*!! И вот если «*туки тельцов*» в «приятное благоухание» сотворившему человека: что скажем мы об этой минуте, точке, территории?! Картина, владеющая художником; нет — более: мировое притяжение, от которого Ньютон *не мог ото-*

рвать мысли — вот аналогии. «Кто тут? кто третий?» — объясняется, невольно входит в концепцию, становится как главное изображение на сложной картине. Но обонятельное отношение всегда состоит из вдыханий в себя и выдыханий из себя: и, напр., «вдохнуть» ну хоть в меня «душу бессмертную» решительно невозможно не *выдохнув* эту «душу» ли, «искру» ли, «пламя» ли жизни, но именно разумное, творческое, планомерное и движущее — *из себя*. Кто в меня вдохнул — выдохнул *из себя*: это аксиома. Теперь, если дышащий в себя и из себя, для человека невидимый, над ним стоящий, по отношению его верховный (над человеком стоящий, как человек над растением) акт (вдыхания и выдыхания) мы внесем в рассматриваемый момент: мы постигнем, что (метафизическое) обонятельное отношение к этому моменту уже невольно и непременно содержит в себе физику *одушевления* человека, внедрения «души» в него, как «частицы божества», именно и буквально как «дыхания Божия». «И вдохнул в него душу живую, душу бессмертную». Высокое, особенное, со всем *разно-категоричное* само-ощущение человека в этот миг происходит от того, что он в нем (внутренно, в сплетении тел) есть «обоняемый тук», «жертва»: и в осязательной, непосредственной близости именно к «лицу сотворившего» (какие буквальные совпадения с текстами!). «Тук жертвы» обоняется: но каждый раз обратно этот тук обвеивается пламенным выдыханием. Что такое «душа» человеческая? Уже мы имеем слово, что она есть «дыхание». Но это — в биологическом смысле. А в идеальном? Она, столь связанная в один узел с живым телом, и пока именно оно живо, — есть ароматистость, глубочайше проникающая это тело и вместе далеко от него несущаяся, как бы наполняющая вселенную. Цветок, внесенный в комнату, насыщает весь ее объем своим невидимым, неосязаемым запахом. Идеализм души человеческой простирается до границ видимого мира, весь его объемля идеалом, любованием, мыслью; восторгом и молитвой, а частью, и могуществом. Но откуда этот «аромат» организма, как не благоухание небесного цветка, на земной почве принявшегося, но (в семени) на землю сброшенного. *Дохните* на меня — и я услышу запах, горький, грешный. Но в этом вашем *выдыхании* непременно содержатся пахучие, в сущности материальные частицы вас самих. «Душою бессмертною» входящее в «красную глину» дыхание (выдыхание) Божества несет именно *частицы* же Его, как и всякое наше выдыхание: но уже не горькие и слабые, но всеильные и прекрасные, прелестные и ароматистые (идеализм). Так входит, с душою, «провидение» в человека; провидение жизни его, судьбы, биографии; входит ароматистая частица Того, Кто есть Мировое Провидение — как аромат, идеализм неумирающего, вечного Цветка Вселенной. — Он вечно душист и не старится, везде его запах — и он не истрачивается через него. Вернемся к самому моменту, который рассматриваем. Так вот отчего *одного* Авраама избрал Бог, и у него *одного* потребовал за *всяческие* земные обещания, за мировую роль, за обладание почти миром: «обрешься». Что за чудовищность?!

Ни — добродетелей! ни — подвигов! Да, но ведь «тук жертв» обоняет Бог, об этом сказал Он через Моисея народу. И к Аврааму, как «жертве» Своей,— о нем, как жертве, почти не говорит Библия (см. жертвоприношение Исаака) — он стал не в иное, как это же отношение. Обрезание и было условием как бы снятия кожи с жертвенного животного, причем «тук его» становится душистее, физиологичнее, животнее: отбрасываемая, ненужная часть кожи не становилась более «в Аврааме и семени» его препятствием, как бы забором, как бы мешком, футляром, через который и нельзя было, или труднее, обонятельное к нему отношение. Вспомним опять картину и художника. Полотно закрывает картину — и художник сдергивает его, при сопротивлении — раздирает. Так «разодрал» внешнюю плоть у Авраама, а позднее и у всего его потомства: чтобы непрерывно любить и осыпать благодеяниями, чудесами, знаменами помощью «картину и картины», но уже не в очерке карандаша, воображаемого создания, а в толще подлинного животного сотворения. Земной цветок открылся и удлинил свои пестики к Солнцу: Солнце заиграло в нем лучами, трогая ниточками их как щупальцами (вибрация лучей) его благодатную пыльцу, и унося частицы ее к себе, в себя, «в приятное благоухание». «В приятное благоухание Господу»... Небесный цветок, «лицо» небесное, теперь без препятствий, после завета, втягивая в себя душистость лучшего своего создания, обратно выдыхает в него «жизнь вечную», и веру, и молитву, и закон. И «не надышутся» оба во взаимной любви, и «ревновании» (непрестанные об этом глаголы пророков): «да не будут тебе *инии* — кроме меня»; «ты — мой (наш) владыка *Единый* (=исключительный): иного не имамы»; «*верен* ли ты мне? не *уклонился* ли к иным?» — «нет, Господи: вот я, а вот и печать завета моего с Тобою». И успокоенный владыка утешал громы ревнования; и переходил в негу любви и обещаний несчетных, необозримых, неиссякаемых, увидев «несломанною» печать завета своего, и услышав «приятное благоухание»... От этого-то и заметно во всей еврейской истории, что как будто израильтяне, через «ветхий завет», не только «соединились» с Богом: но и обратно, будучи им обладаемы, обладают им. «К нам он всегда будет милостив, и *не может* не быть милостив: ибо мы обрезаны». «Мы умеем приносить *жертвы* ему», «одни обладаем *тайною* этих жертв»...

* * *

Еще несколько мыслей, наблюдений по поводу отождествления г. *Гатчинским Отшельником* органов зачатия с «круговым движением кишок». Важно уловлять *инстинктивные, судорожные* движения не столько самого человека, сколько *одного тела человеческого*, когда мозг, «душа», «цивилизация в нас» не успели еще сообразить и «высказаться», а тело уже действует, показывая ум свой и иногда вскрывая глубочайшие свои тайны. Такого слова в жесте и именно на данную тему «возможной кишки», я искал однажды, и, так и этак решая вопрос, стал мысленно

варьировать случай, который до утомительности однообразно мелькал у меня перед глазами. Передо мною, в летней паровой конке («к Лесному») сидела милостивая девушка, так же как и я поминутно отшатываясь к спинке сиденья, дабы постоянно входившие и выходившие пассажиры не «задели по носу». Лето; духота; бесконечное утомление; дремота, сквозь которую у меня и промелькнул ряд вариантов, едва ли не разрешающих окончательно вопрос: подобны ли genitalia кишке? Представим, что невежа-пассажир, выходя из вагона, в самом деле задевает девушку «по носу»; ну — чиханье, откашлянулась, высморкала нос и незаметно отерла лицо платком. Но затем и сейчас же все забыто. Возможна даже новая задумчивость. Но вот другой невежа-пассажир идет «с багажом», и пусть это — чернорабочий, мужик, который «с инструментом» и какой-то посудиною продирается сквозь тесноту колен. Неосторожно он мазнул, краской или дегтем, по лицу этой же самой девушки. Окрик; большое неудовольствие; ну — толчок в спину, но решительно ничего еще! Наконец, представим, что ядовитый (впрочем, предполагаемый только) пассажир несет не краску, а кислоту и, неосторожно нагнувшись, плеснул чуть-чуть, всего две капли, где-то около носа того же хорошенького лица. Нестерпимая боль, мучительный вскрик, сильный удар в спину; жалобы, слезы, потоки брани, возможный суд на завтра — но ничего более! Теперь, та же девушка пусть едет в вагоне настоящей дороги, и, облокотясь на подоконник, рассматривает «горы, доли и леса», несущиеся мимо поезда, и вовсе не замечая приличного господина, который один с нею едет в вагоне, и имеет в физиономии, костюме, а также и вкусах много родственного с известными героями Достоевского, от Свидригайлова до Карамазовых. Рассчитывая на одиночество и неуличимость, пассажир осторожно нагибается к полу и подводит кисть руки, впрочем вымытую лучшим мылом от Брокара, под края одежд к предполагаемой *Гатчинским Отшельником* «только кишке» и, ничего третьего не задевая, проводит нежно и тонко, без боли и страдания, пальцем «по губкам» (поразительное, в самом деле, сходство со сложением губ головы, поведшее к повторению имени). Ни — боли, ни — муки. Мучительный, страшный крик вырывается у «несчастной» (да, ведь и называем же «несчастьем» такую «пустяковину»); конвульсии, какое-то прыганье раненого зверя; удары каблуком в лицо, удар — если он есть — ножом; а если нет — то в криках и плаче упадет «несчастливая» девушка, точно пораженная громом. Разве она такая *недотрога*? Разве не брала тысячи раз *руку другого* в свою руку, здороваясь, прощаясь? не *целовалась*, т. е. не касалась другого *брезгливыми губами*? и, наконец, разве этими брезгливыми губами не *целовала руку* у священника, у отца, у друга или благодетеля? Между тем теперь до *руки другого*, которую хоть изредка, но она целовала, она дотронулась, казалось бы, столь *низшими и грязными частями*, тела своего, сравнительно с ее рукою, лицом и ртом?! И наконец ведь она постоянно ест за *общим* столом, так сказать не отделяя своей «слюны» и «пищевода»

(предметы сравнения *Гатчинского Отшельника*) от мирского «пищевода» и «слюны». В конце концов, она даже делится и делилась «душою» с другими, не скрывая своих *мыслей и чувств*! Полное *общение* везде, всеми частями *согrogis at animae*! ¹ И только здесь — полное *разобщение*! Вы понимаете, и всякий поймет, что здесь, в таинственных точках, не только кончилось сродное, сходное с физиологией (тезис *Гатчинского Отшельника*); но кончилась и «социология» и «психология»: и началось что-то совсем, совсем другое!! Ни психологически, ни социально, ни физиологически, ни даже родственно мы не касаемся, не допускаем коснуться *genital'ий*. Дочь убьет *отца*, если он это сделает, проклянет *друга* (если он это позволит себе), отречется от *отечества*, которое позволило бы себе распорядиться «такою низкою и грязною в ней областью!!». Очевидно, мы подошли к чему-то непостижимому в человеке, непостижимому и грозному. «Оттуда молнии, и громы, и ласка, и смерть»: как этого не подумать?!

Заговорив о «глотке», «слюне», как аналогиях браку, *Гатчинский Отшельник* высказал мало наблюдательности, был прежде всего «дурным фотографом» действительности. Не поражало ли его, что проблематические точки и действия не имеют вовсе никаких аналогий себе среди всех остальных функций и органов человека: что мы имеем здесь какую-то инкрустацию в наше тело столь особой и отличительной от него природы, что, между прочим, *не в силах смотреть на них иначе как зажмурясь* (содрогания гипотетического *стыда?!).*

Чтобы выпукло объяснить этот «инкрустационный» характер данных точек и функций, я остановлюсь и напишу апологию того конвульсивного, не дожидаясь рефлексии, отметания наших тем, какое сделал, окончив печатанием «Брак и христианство», почтенный редактор почтенного издания. Вот — жест, какой нам нужен, который все обнаружит! До чего не прав *Гатчинский Отшельник*! Что же есть еще в человеке, среди его «аналогичных» органов и «функций», что вызывало бы такое характерное и специальное чувство не просто *отвращения*, но *гнузности*, омерзения! Содрогание омерзения! Что за чудо: мы стоим прямо перед чудом природы! Младенец — безгрешен и *мил*; семья — свята и *художественна* (Маной и его жена, Рембрандт с женой на коленях); церковь приходит и *освящает*, т. е. как бы (иносказательно) помазует елеем в какое-то «царство», во что-то царственное ли, пророческое ли. Но в центре, без коего это рушится, сходит на «*нет*», без коего «ничто же бысть, еже бысть» в семье и браке, в родителях и детях, лежит внушающее *всем всемирно-непобедимое отвращение*. Ибо если Свидригайлов и поразил бы, как громом, девушку, коснувшись ее *genital'ий*? — то ведь даже он, будь ему официально *предложено и приказано* коснуться их — сделал бы это не с тем безразличием, как если бы пришлось по повелению коснуться руки, а — с *отвращением* же. Станем, для объясне-

---

¹ тела и души (*лат.*).

ния всех этих тайн, подсматривать, искать сходств, различий! Мы три: от. А. У-ский, *Гатчинский Отшельник*, я — уже не испытываем этого специального отвращения к имени, звуку, напоминанию, которое так живо и страстно в редакторе «Русского Труда». *Гатчинский Отшельник* признается, что он «два года» продумал над этим. Два года мысли, которая «быстрее света», чтобы пролететь... от «упоминания с отвращением» до «упоминания без отвращения»! Но хотя все три мы пролетели — один «два года», другой может быть «пять», «десять» — но мы все только долетели до имени, но еще не до вещи: соответствующий имени жест все равно во всех нас трех вызвал бы редакционное же Шараповское отвращение. Чтобы «долететь» до «вида» — нужно человеку испытать странное превращение: нужно ...полюбить. «Любовь» еще быстрее мысли: если «мысль», перегоняя свет, пролетает от солнца до земли не в 6 минут, а в 6 секунд, то любовь то же пространство пролетает в одну секунду; чувство сладости, «реющих крыл», головокружительного «ветра» и «захваченного дыханья», — кто же не наблюдал этого у влюбленной четы. Навстречу друг другу, и в тех самых темах, о которых говорим мы здесь, они пролетают в три месяца, в месяц — так много, как мы, уже далекие от юности, не проплетемся мыслью в годы. Но замечательно, что результат нашего размышления совпадает с живым плодом влюбления. Мы трое, я, от. А. У-ский, *Гатчинский Отшельник* сливаемся в равном отсутствии в нас чувства отвращения по крайней мере к имени трактуемой вещи. Напротив, любовь приводит Дездемону, Офелию, Джульетту, Гретхен к любви, любованию, ласканию этого же предмета наших суждений. Любовь, влюбление даже можно определить почти графически, почти астрономически, как перелет души нашей точно с земли на Сириус (также далеко): от ощущения «мерзко! гнусно!» в отношении данных точек — к «прекрасно! привлекательно! свято!» в отношении их же.

«Мерзость» — слово, вырвавшееся у Шарапова, да и у всех рвущееся, — есть только показатель чудовищного (метафизического) удаления нашего мозга (на другом конце Вселенной, антипод бытия) от точек пола, кои к нему пространственно так близки. — Не прав ли я был, поправляя «орган» в «инкрустацию». Но хотелось бы знать хоть имя инкрустированного. Вот — Дездемона, и около нее Свидригайлов в вагоне, совершающий тайное к этому далекому «Сириусу» прикосновение: нестерпимая боль! мука! как поражена громом! Да что такое? что за тайны? Приходит Отелло — и совершает то же: «какая сладость». В месяц любви, в два месяца, три месяца, «мавр» этот — черный и грубый, храбрый и светлый, — «прошел» меж-звездные расстояния, и вестерком души своей сел, с усталыми... нет, впрочем, не усталыми и никогда не устающими, крылышками около той самой точки, на которую зарится Свидригайлов. Так вот что: душою он сидит, и для него открыта теперь душа же. Свидригайлов руками физическими коснулся прямо обнаженной души человека — и вызвал нестерпимую

боль! Девушка упала: ее протащили разом, в секунду через меж-звездные пространства, пролетаемые духом в месяцы любви, а мыслью, размышлениями проходимое — в *годы!!*

Проблематические точки, в телесном своем очерке, и суть *душа* в человеке, вечный потусторонний ноумен его тела (организма); откуда и вытекает зиждительная сила их по отношению к целому человеку, который в них ткется, соделывается. Душа ткет человека; душа предваряет человека: душа — вообще ранняя, древняя. Отсюда таинственный религиозный страх детей к родителям: «не за стол и квартиру», но по ужасу детской души, так сказать, к душе *своей*, душе *себя*, к *высшему* и *вчерашнему* (древнейшему) ноумену их собственного ноумена; как и любовь родителей к детям — также ноуменальна. Вспомянем одну родительницу, — дабы непраздны были наши рассуждения. Это — три года назад сгоревшая, т. е. полу-обгоревшая, где-то на волжском пароходе, жена художника, ехавшая с детьми: она спряталась, выскочив на берег, за поленицу дров, *чтобы видом своим не испугать детей*. Вот — правда! вот — Божие! вот — религия, перед которой все остальные суть меньшие! Говорят все критики о чувственном моменте в браке: «что же, это — как у животных, физиологическое»: да, но дайте мне плоды любви от вашего «духа», которые были бы вески и сочны и душисты, как эти плоды «животной любви».

* * *

Мы говорили до сих пор о *точках*; договорим о *функциях*. Замечательно и здесь чувство наступающего *разобщения*, *разобщенности* с остальными вещами мира. Избирается, почти всею природою, *ночь* для этого: время, когда каждое существо глубоко *уходит* в себя, несколько *забывает* о мире, остается с *собою наедине*. Ночь, для каждого единичного существа, играет роль *полога*, закрывающего его от всех очей, и от него самого закрывающего все предметы, кроме самых ближайших. Сочетание полов оживленнейшая, одушевленнейшая минута: и так, минуты и часы ночи отнюдь не есть спускающийся на землю *паралич бытия*, *сонливость*, *недвижность*. Ночь имеет в себе *душу*, но другую, чем день; имеет жизнь в себе, пульс, но не тот, каким бьется день. Ночь — иное *существо*, чем день; и в ночь в нас пробуждается иное же существо, чем какое трудится, покупает, продает, хитрит днем. Ночь благоуханнее дня; торжественнее, тише. Цветы, очень многие (напр., красивые белые цветы табака) только ночью раскрывают свои чашечки; жасмины ночью испускают сильнейший запах. Словом, вечером, к началу ночи, вся земля точно переменяет одежды: как англичанин, кончивший на бирже дела, и вернувшийся домой, в семью. Конечно, возможно, что ночная психология всех тварей приспособляется или проистекла из самого факта ночи; хотя можно думать и так, что сама ночь есть иной факт в психологии самой земли: зачем бы земле перевертываться на своей оси, а не летать вокруг солнца, обращенною к нему постоянно одной стороной, как луна обращена

вечно одной стороной к земле (показатель, что на луне *никогда* не было живых существ, жизни: ибо от жизни не делимы *сон* и *бодрствование*)? *Сон* и *бодрствование*, две души в земле, *сновидящая* и рациональная, «образом» и «подобием» отражающиеся и на всех тварях — есть не механическая, но метафизическая причина переворачиваний земли «то на один бок», то «на другой». С ночью, для *сновидящей* души земли, открывается *глубь* небес, *глубины* звездных недр, вовсе не видные, не ощущаемые, не заметные днем. Ночью внутреннее «я» нашего существа выходит наружу, и оно встречается с *внутренним* мира, которое в эти только часы открывается человеку. Полог *вокруг* меня (тьма); но *надо* мною — свет, звезды, глубина небес, более различимая, чем днем. Только ночью видно *лицо* неба, выразительность, *черты его*, — сокрытые вовсе за время дня. Я — *один* в ночи (сокрытость окружающего): но этому одному говорит Бесконечное Единое Небо: «я» конечное и «Я» бесконечное смотрятся одно в другое, может быть постигаются, может быть даже любят. И вот это же время, часы поэтических грез, горячих молитв (*все-нощная*, *за-утреня*), суть вместе и часы, когда одновременно с раскрытыми чашечками цветов, теплокровные животные также начинают сильнее благоухать; и, не рассеиваемые звуками слышания или образами видения — управляются этим почти осязательным, матерьяльным чувством. Ибо иногда кажется, что *запах* есть *душа* материи; как *аромат*, наверное, — *душа* цветка! Матерьяльные души существ начинают осязать друг друга, и сливаются — раньше, чем их тела слились! Кровь приводится в волнение, как она не привелась бы образом, звуком: и зажигает тело, как фосфор — предмет, покрытый им. Входит в права свои «разум» тела, $\lambda\omicron\upsilon\omicron\zeta$ и $\Lambda\omicron\upsilon\omicron\zeta$ организма: невидимая мысль, бегущая по нему, соткавшая узор жил и нерв его, извека ткущая всякую вообще организацию! Семя, *овит*... почему это не есть также своего рода «слово» и *Слово*: но не разлетающееся миражем по воздуху, как слово, уст наших, но слово и Слово творческие, зиждущие, велящие; и *веления* которых уже суть *исполнения*. Миг сочетания Авраама и Сарры, от какого произошел Исаак, — определил всемирную историю, насколько последняя вообще связана с еврейством, Библией. Какого могущества был *глагол* это зачатия (Исаака)!! Почему вообще сочетания полов не суть именно *глаголы*, *речь*: но только на непонятном для нас языке, и нам не слышная. *Осмысленность рожденного* слишком твердо говорит о *мысли в зачатии*: но не *нашей* мысли, а такой, для которой тела наши суть орудия, как мясистый язык есть орудие нашего слова. И как язык подневолен слову, «раб слова»: так человек есть «раб страсти», огненных словес которой никогда ему не разобрать, да этого и не нужно: но «грамота», написанная этим пламенем — она пошлетя в века, не истлеет в тысячелетиях, будет говорить человеку, народам. «Грамота» эта — дитя. Кто изъяснит его смысл, еще с колыбели?! Может быть, он краток, а может быть, бесконечен. Но невозможно оспорить,

что каждое *зачатое дитя* также полновеснее и содержательнее всякого написанного или сказанного человеком *слова*, как положительно важнее «человек» суммы своих «феноменов». Итак, *дитя* есть ноуменальный *глагол*: а отсюда и минуты слиянности полов не только не «бессмысленны», «животны» (в порицательном смысле), но в эти минуты через нас, как через намагниченное железо проволоки, пламенем облаков же, молний грозы проходит на землю небесное слово: непостижимое, неразгадываемое; и столь же непонятное слиянным существам, как телеграфной проволоке непонятна несущаяся по ней телеграмма. «Да будет» — *что́* будет? Родители не знают, будет ли Рене Декарт? Богослов? Лютер? или юный преступник, который сожжет дом. Богу — все нужно; Богу — *весь мир* нужен. У Бога *лишнего* — нет! «Пламя похоти» (обычный порицательный термин) — оно в родстве с ночным благоуханием жасминов, раскрытыми чашечками цветов, ночными *всемирными* молитвами, поэтическими грезами, с самым поворачиванием земли на оси; особенно — в связи с разверзающимися глубинами звездных небес. Все фосфористое в человеке вдруг зажигается; светится; его существо именно «намагничивается» страшным земным магнетизмом только что повернувшейся земли. Как он бессилен теперь совладать с собою! Как он вообще бессилен! Но есть «кто-то», «Третий» в нем — и он уже силен, Силен:

«— Самуил! Самуил!

— Вот я, Господи!

Была уже глубокая ночь: и лампада Храма едва мерцала. Тогда Самуил понял, что это — не в сновидении, но что Бог хочет говорить с ним».

* * *

Обратимся к разбору исторической части заметки г. *Гатчинского Отшельника*.

«Маной и его жена», «Жертвоприношение Маноя и его жены»... Картина Рембрандта поразила его целым: правдою и силою целостной красоты, в коей нами трактуемая тема не названа (с чем я глубоко согласен — «нет имени», «нет образов» в порядке «сый»), но присутствует ничего не шокируя, не царапая, не противореча изумительной и *религиозной* красоте целого, как с ним сливающаяся гармоническая часть. *Гатчинского Отшельника* не поразило, однако, другое: оглянулся бы он в «Gemäldgalerie» и припомнил странный век,— эпоху, которая в истории Европейской цивилизации и особенно литературы получила специальное общеизвестное название, которое мы переведем «выродок» (т. е. *в отношении к Европейской цивилизации*), «уродец», «ни в мать, ни в отца»... Чтение его прекрасной и *серьезно* настроенной страницы вдруг пробудило во мне *снопы лучей* во взгляде именно на эту эпоху, коей до сих пор придавалось огромное *эстетическое* значение, но отрицалось в ней всякое *религиозное* значение. «Там трактуется ваша тема», заклю-

чает он; и вот, субъективно ощущая страшную сосредоточенность, религиозную сосредоточенность в теме, мне вдруг пришло на ум, что умершая и не воскресимая эпоха имела более, нежели эстетическое, что она имела — религиозное значение, быть может и даже наверное вне индивидуальных преднамерений отдельных художников. Чтобы проверить себя, я прошелся, *только* прошелся по залам Эрмитажа: да ведь это — настоящая религия семьи, упование семьи, наше мучительное «буди! буди!» прошедшее не как доктрина, но положительно как ряд небесных видений перед очами художников, которых почему бы и не назвать «пророками кисти». Ведь это — видения, лишь пока ¹ не канонизированные! И какая мощь! Я хочу сказать: от *правды виденного* какой изливался свет! Как вздымалась грудь художников! Изобретало воображение и находила краски кисть! Епископ Порфирий Успенский восхищался на Афоне образом Богородицы, питающей Младенца Своего «*сосцом обнаженным*» (его курсив). И он, аскет, пожелал: «вот бы куда, в семью и быт, устремиться церковной живописи». Но в Эрмитаже его мечта, его в своем роде небесное предвидение — осуществлено: здесь тысячи сосцов питающих, и все тот же Младенец в лучах, и что за благородство рисунка, гонящее вон, далее вон всякую попытку принижения, как и всякое поползновение легкомысленной улыбки. Вот то самое «углубленно-философическое» трактование темы, которое он назвал, последствий которого опасался и, между тем, восхищался, может быть, плакал, перед этими «углубленными последствиями» в Дрездене. О, как скудны наши глаголы для выражения мысли, и, может быть, от сердечного невнимания; какое непонимание друг друга. «Пролейте сюда религию», «доведите до высшего изящества, и именно религиозного изящества, течение семьи», «ее будни, и среды и пятки, а не одни праздники!» «Как-нибудь — но дайте сюда Бога», как «дайте» — я не умею сказать, но чтобы «я видел Его; и чтобы заплакал, и умилился», — ну, как вы Его увидели в очерке движений Маноя, в «низко, низко опущенной голове его жены», с вопросом: «в глазах-то у нее что? Оставим, однако, плакать о неумении, будем лучше медленно выучиваться говорить; будем терпеливы, будем неистощимы в терпении научаться, ибо жатва стоит труда. Как краток текст для Рембрандта: «В то время был человек из Цары, от племени Данова, именем Маной: жена его была неплодна и не рождала». Стереотип Библии — до того часто там повторяется эта фраза: кого же из нас в XIX веке и XX веке, не говорим «поразит», но хоть *остановит* эта фраза! Тем паче — взять кисть да и рисовать три-четыре месяца какого-то «имя рек» «Маноя». Очевидно, Рембрандт, «с женою Саскией на коленях», в истинном «союзе душ и тел» сам был

---

¹ Особенно — «Святая ночь» Корреджио и «Madonna San-Albani» — Рафаэля, да и решительно *бездна* картин, вариантов все той же темы: «сосцов питающих» и «черва носящего». Моральный недостаток есть, однако: нет *стариц* Елизаветы Евангельской, посещенной Мариною, и Сарры Ветхозаветной, смеющейся Богу при обещании Сына: бессмертные сюжеты, бессмертная красота.

уже немножко «Маной», и в одной, как и в другой картине, рисовал собственно *себя* и объективировал разные моменты и *настроения* ему известного «союза душ и тел». Рембрандт — «Маной? Вы постигаете, однако, почему Renaissance — «уродец»: он высунул голову из родного гнездышка спиритуалистической цивилизации в существенно «новые миры», к «еще небу» и «опять земле», при несколько «свившемся» «прежнем небе». Вы постигаете, что художество Рембрандта имеет очень серьезный религиозный смысл и может прибавить новую страницу к Апокалипсису, или истолковать которую-нибудь из них, пока остающуюся «за семью печатями». Но снопы света решительно засыпали меня в Эрмитаже: введите в его залы еврея, «праведного израильянина», как Нафанаил, и также, как его соименник, знавшего свои тайны «под смоковницей». «Никто не увидит», думал бедный еврей, а Христос-то его и увидел! Дивная страница, прочтя которую как не воскликнуть против Штрауса, против Ренана именно с этим и грешным, и праведным Нафанаилом: «Ты — Сын Божий! Ты — царь Израилев!» И каждый из нас знал свою «смоковницу», и все человечество «таилось под смоковницею». И вот, я представляю, этот «Нафанаил» — в Эрмитаже; «брат-Рембрандт» подводит его к Маной; «это — брат мой!» восклицает Нафанаил. Рембрандт ведет его дальше и показывает себя «с женою Саскией», как вариант «Маноя же». «Это — я под смоковицею», опять вскрикивает Нафанаил. Господи, да уж не «света» ли «преставление», что «плоть от плоти» Иафета лобызается с «костью от кости» Сима; что чудовищный синтез найден, на почве коего такие несродные и казалось бы вековечно враждующие единицы, как «Иуда лев сильный» (*Бытие* — благословение Иакова сыновьям) и хрупкий «ἄριος» (= ариец) ложатся друг около друга, как волк и агнец. Я почему же плачу над темой, «рискуя всем» — как не потому, что вижу в ней всемирный синтез: ни другого глагола, ни иной квалификации не хочу. С. Ф. Ш-в в примечаниях к «Браку и христианству» накладывал «фиговые листья» или, пожалуй, одевал «кожаное препоясание» на строки мои: между тем опять в Эрмитаже я видел серии *красочных* иллюстраций именно к смутившим вас строкам. Что же значит глагол: «Лев ляжет подле ягненка», и еще, в самом конце Апокалипсиса: «*ничего уже проклятого не будет*». В самом деле, посмотрите размеры синтеза, его охват: Рембрандт = «Маной», и с ним лобызается «Нафанаил»; но он же есть и эллин, положим в этом Дие, увлекающем на волосистой спине своей Европу (легенда, записанная у Геродота, сюжет коей есть в Эрмитаже), и принимает в XVII в., для продолжения работы, резец от Праксителя. «Ничего отвергнутого не будет». Эллин, голландец и иудей — это ли не «собор»? Без отречения каждый! и все лобызаются: это ли не «вселенскость»? И мы, поздние потомки XIX века, лобзая их в самом этом лобзании, и говоря: «*правда!*» — при взгляде на Дия, «*правда!*» — перед скрижалями Иеговы, «*правда!*» — перед мастерской художника-«нигилиста» (каковыми казались для историков и особенно

для богословов художники «Возрождения»): неужели мы не можем заглянуть в XX век с несколько больше утешенным сердцем, чем какое несли в XIX-м?

* * *

Но не будем синтезировать, а будем комментировать. «Грех первозданного человека; нужно бы *авторитетное* заключение по вопросу, в чем он состоял и, в частности, состоял ли во впадении... в *нашу тему*». Странный вопрос, когда Библия перед нами, и ее текст, *не поправимый* для комментаторов, рассказывает *историю* грехопадения.

Бытие, гл. I: «Да произрастит земля зелень, траву сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле¹. И стало так»(стих 11).

«И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по *роду* их, и всякую птицу пернатую по *роду* ее: и увидел Бог, что это хорошо.

И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь»... (стихи 21—22).

«И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его²; мужчину и женщину сотворил их.

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь» (стихи 27 и 28).

Это — в *первой* главе *Бытия*; дальше расчленяется и оподробливается картина сотворения человека:

Глава II. «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо ему дыхание жизни, и стал человек душою живою.

И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал.

---

¹ Поразителен этот *план* и *мысль* и *центр тяжести* сотворения: живое взято не с *лица* своего, не с *облика*, но в *тайне*, *глубине*; в той глубине, которую через пять тысяч лет едва догадался взять Линней, как основу расчленения «шатуры». Сравни *Иова*, гл. 39: «Знаешь ли ты», обращается Господь к страдальцу, «время, когда рождают дикие козы на скалах, и замечал ли роды ланей? Можешь ли расчислить месяцы беременности их? И знаешь ли время родов их? Они изгибаются, рождая детей своих, выбрасывая свои ноши; дети их приходят в силу, растут в поле, уходят и не возвращаются к ним (стихи 1—4)... Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу? Он оставляет яйца свои на земле, и на песке согревает их; и забывает, что нога может раздавить их, и полевой зверь может растоптать их. Он жесток к детям своим как бы не своим, и не опасается, что труд его будет напрасен; потому что Бог не дал ему мудрости и не уделил ему смысла» (стихи 13—17). В обоих случаях — слова Божии, и *план главного* и *второстепенного* — тот же, как в *Бытии*. И какая, именно от этого плана, проистекает глубина и простота (не «красивость» бедных арийцев). Иногда представляется, что *Библия* есть универсальная педагогика (= «дето-вождение») и даже, пожалуй, универсально-«родильный» дом: до того *все это* облито в ней умилением, от «травки», от «павлина» — до человека, до Марии.

² Еврейский текст имеет любопытные оттенки: «И сотворил Бог человека *в образе* своем, в образе Божиим сотворил Он его; мужчиною и женщиною сотворил он их. И благословил, и сказал: плодитесь, множитесь» (гл. 1, ст. 27—28). Параллельное место (по-еврейски): «И Адам пожил сто тридцать лет, и *прижил по образу своему, по своему оттенку*, и нарек ему имя: Шеф (= Сиф; гл. 5, ст. 3). Первая строка *Бытия* (ст. 1): «В начале сотворил (= «бара») Бог» (= Елогим): «*сотворил*» — единственное число глагола, указующее нерасчлененность или счлененность творческого акта; но «Елогим» — *не единственное число* («Елоах») и указывает раздвижение, расторжение единства в *творящем* или «творящих». Комментарии, какие делаются к этому, не имеют другого, кроме словесного, значения и никаких данных для себя в *самом тексте*.

И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (стихи 7 — 9).

«И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть.

А от древа познания добра и зла — не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него — смертью умрешь.

И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (стих 15—18).

Далее будем проводить по еврейскому тексту, имеющему не заметный, но важный вариант от русского:

«И навел Господь Бог на человека усыпление, и уснул он; и, взяв одну из его сторон, и сомкнув плотию место ее,

Господь Бог устроил сторону, которую вынул из человека, в женщину, и привел ее к человеку.

И человек сказал: «Вот эта — так кость из костей моих и плоть от плоти моей! Это — пусть называют женою, потому что от мужа взята она!»

Поэтому муж оставляет отца своего и мать свою и прилепляется к жене своей, так что становятся одним существом.

И оба они были наги, человек и жена его, и не стыдились» (стихи 21—25).

Глава III. Змей же был хитрее всех полевых животных... и сказал жене: «правда ли...», «не умрете вы смертью...», «и жена... ела... и дала мужу своему».

Итак, как видно из текста и его *последовательности*, грехопадение (3-я глава) открывается после, и заповедь размножения, характерное ощущение Адамом в Еве жены себе и, наконец, полная мысль брака (стих 25) не только *ранее, до падения* даны человеку, но и *вне предвидения этого падения*, совершившегося, как мы знаем и как учит Церковь, по свободной воле человека.

Но с грехопадением, как ясно сказано в Библии, совершилась тотчас какая-то перемена в поле: «И взяла она — и ела; и дала мужу (NB: он уже не назван просто: «человеком», «Адамом», но «мужем» — очевидно по существу ранее происшедшего соединения их «в мужа и жену») своему — и он также ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья и сделали себе опоясания» (гл. 3, ст. 6—7). Наблюдая детей, безгрешных до 6—7 лет, мы наблюдаем в них эту же поразительную перемену в поле; начало и пробуждение полового чувства и вместе стыда к наготы своей на разделительной линии между грехом и не грехом. Что́ это значит?! как это постигнуть?! Но, очевидно, история грехопадения и его *сущность* повторяется в каждом ребенке, и мы, каждый из нас, *лично повторяем* эту историю в себе, и в законе-то этой повторяемости, т. е. что не рождается от нас человек, который имел бы силу уклониться от этого различия «доброе» и «лукавое» *именно в поле* — и состоит *наследственность* греха. «Стыд своего пола» есть какой-то *надлом* в нем, перелом в нашем к нему отношении; что-то *затенилось* в его истине, что-то *показалось*, померещилось в нем как

фантом. Может быть — мы удалились, отделились от него, и стали вместе жадны, сладострастны к нему. Кажется — вот наилучшее название для *перелома* в поле: если бы опять *кротость* сюда? чистоту? *детскость*? Мы пытаемся уловить, и, может быть, ошибаемся: но великие *ведатели* пола, как Авраам, как Иаков, в душу коих был вставлен как бы микроскоп для различения «доброго» от «лукавого» в супружестве и семье, тщательно себе избирали жен, и вообще закон их поло-сочетания был полярно противоположен тому, каким, оцупью и кажется ошибаясь, руководствуемся мы. Действительно, в Библии, где вечно рождают — рождают *кротко*, в фамиаме «благословений» и какой-то компактной целого народа радости. Пророки пророчествуют о рождениях и почти над роженицами, иногда даже над поло-сочетанием и о поло-сочетаниях (Иезекииль, да и все решительно), летописцы о них записывают, законодатель — законодательствует («Второзаконие»); как бы в самом деле это есть священный родильный дом, как бы в самом деле, по точному обетованию Еве — через «младенцев рождающихся стиралась глава Змия». Кротость: фамиам благословений; компактная радость; но и вот еще для нас *новая черта*: «сестра моя, голубица моя» (*Песнь песней*) — какое-то *сестринское* ощущение супруги, и, обратно, *братское* — мужа. Они знали тайну этого уклонения от «лукавого» в браке: от разврата и чувства жестокого и дикого в нем, которое очень возможно, они «зачурались», взявши *родство* в него; и брак возникал у них как *вариант* и *филиальное отделение*, как вновь поднимающийся цветок, на *почве старого, уже существующего и окреплого родства* (до сих пор у евреев отвращение от брака с «гоями»; древнейший закон левирата; и, может быть, в этих целях — точнейшая запись генеалогий). Брак не создавал нового чувства (не «открывались очи»), но продолжал старое (чувство родства) и был как бы только укреплением его, освежением его, не выходил из дома или не отходил от него очень далеко. Во всяком случае детская и предшествующая связанность, как хорошо выверенная и внимательно предохраненная почва — была избираема фундаментом, на котором наилучшим образом могла бы течь не загрязненная река возникающей будущей семьи. «Сестра моя! голубица моя!» — как это кротко; до чего здесь исключено бесстыдство; как далеко даже и подозрение разврата; *об этом, о таком чувстве, половом и слиянно родном* — можно было религиозно запеть «Песнь песней», или, пожалуй, нарисовать «Маноя и его жену», рассказать в летописях об Аврааме и Саре. Бесспорно, в общем, что евреи и до сих пор еще хранят тайну некоторого приблизительного *детства* и *невинности* в супружестве, тайну непорочного супружества, так глубоко противоположную нашим «тайнам»!.. Оставим это. Дети не имеют «открывшихся очей» на пол; их не имеют в отношении к полу животные; я *никогда не видал* (очень присматриваясь), чтобы животное повредило ребенку, хотя кошек, как и собак, дети порой ужасно мучат. «Лань лежит около льва и лев ее не кусает». Египтяне чуть ли и не поклонялись в животных этой их «детскости»

и еще «не раскрывшимся очам»: «эдему» их «живота» (жизни) или, пожалуй, еще не сбежавшему с них отсвету когда-то одного и общего у человека с животными Эдема. Теперь переходим к человеку и занимающей нас теме: «великая тайна брака» и лежит в том, что «надлом» пола, совершившийся в ссунду грехопадения, и в чем бы сущность этого надлома ни состояла, *в браке исправляется*: «мужчиною и женщиною (не политиками, не космополитами, не «общечеловеками») сотворил их Бог» — это именно берется в брак; но и кроме того: в направлении именно к мужу у жены и у мужа к жене «одежда из листьев» спадает: *но стыда не появляется!* Главный симптом падения (в Библии — *единственный!*) — исчез! Это так бесспорно: читайте Библию, всматривайтесь в супружество; читайте и взглядывайте, проверяя по супруеству текст: и вы догадаетесь о главной *тайне* супруества — что она есть *восстание человека из грехопадения!* Но я хочу взять текст:

«Змий сказал жене: «Не умрете вы смертию, но ведает Бог, что в то время, как станете вы кушать от него, откроются глаза ваши и вы станете похожими на Бога, знающими хорошее и дурное».

И жена увидела, что дерево удобно для снеди, как оно было прелестно и для глаз,— а дерево было вожделенно для созерцания,— и взяла она от плода его, и ела, а также дала и мужу своему, возле себя, и покушал он.

И открылись очи их обоих, и они узнали, что *наги*. И сшили они листья смоковницы, и сделали себе поясы.

И услышали они голос Господа Бога, раздавшийся в саду, к исходу дня; и человек, с женою своею, *спрятался* от Господа Бога посреди деревьев сада.

И Господь позвал человека, сказав ему: «Где ты?»

И он сказал: «Я услышал Твой голос в саду, и *убоялся, что наг я, и спрятался*».

И сказал Он: «*Кто ж сказал тебе, что ты наг? Разве ты ел от того дерева, от которого Я повелел не есть тебе?*»

И человек сказал: «Жена, которую ты дал мне...» и проч. (глава 3, ст. 4—12; еврейск. текст).

И так — *стыд* и *грех* — идентичны; первый есть кожа второго, «стыдливый» румянец на «яблоке» греха. Вот почему радость семьи! вот откуда *неутомляемость* от нее; *предпочтение своей* старухи — всем инородным; то, что через нее и именно через утрату перед нею стыда, важнейшею и тайною стороною своего бытия я снова отпадаю от «греха», и не поразительно ли: одновременно и отпадаю от смерти, проклятие коей так таинственно связано с грехом: я *рождаю*. Вот откуда, а вовсе не в виде моральной сентенции, глагол Апостола: «чадородием женщина (и мужчина) спасается». И это вовсе не от одного «труда болезни» (слова комментируемой статьи), ибо трудятся и бурлаки на барже, и болеют в больницах — но эта болезнь и труд не спасительны! В чадородии я ускользаю от «Змия» — *в жизнь*; я сокрушаю его соблазн и плод соблазна: *стыд*. Отсюда — *правда* между не стыдящимися супругами, и первый канон брака: не лги (полная *раскрытость* души, отсутствие «смоковых листьев» для *всяческого недостатка* своего — перед и в отношении только к жене, равно и обратно, у жены к мужу). Здесь, в тайне разрешения, по крайней

мере между двумя человеками и по линии их связанности, «греха перво-зданного человека» — и лежит трансцендентное основание супружества; основание — *света* семьи; и, пожалуй, того, что еще в раю, т. е. когда грехопадения не было и, следовательно, не было жажды разрешить узы греха, не было и «спасительного чадородия».

«И Господь Бог сказал Змию: «Так как ты сделал это, то проклят ты... И положу я вражду между тобою и женщиною, между детенышем твоим и дитятею ее: оно (= дитя) уязвит тебе голову¹, а ты уязвишь ему пята» (гл. 3, ст. 15).

Гл. 4., ст. 1. И человек познал Еву, жену свою, и она, зачавши, родила Каина; ибо сказала --- «приобрела я мужа от Господа».

Таким образом в последовательности Библии брак сейчас же реализуется по грехопадению и изгнании из рая, как *начало искупительного устройства* (через «детеньша жены, стирающего главу Змию») человека. Но «Бог сделал человеку кожаные одежды», как и сам он уже схватился за «смоковые листья»; тут я вспоминаю Гатчинского Отшельника, его блуждания в Дрездене, свои блуждания в Эрмитаже: ведь в чем тайна живописи, религиозно заволновавшей нас обоих, как не в том, что тайнозрители кисти дали нам как-то почувствовать вновь возможность святого обнажения, и, до некоторой степени, по частям, по «листочку» — они дали нам вкусить от «древа жизни», о коем и в *Бытии* и в *Апокалипсисе* сказано, что с «вкушением от него» как-то связан возврат утраченного человеком невинного состояния. Мы видим обнажения и на современных нам выставках: но они все — бесстыдны; тела возмутительно грешны (скорее — пакостны); это просто галереи раздевшихся кухарок, которые смеются над «господами» своими и одновременно живописцами. Оставим это, будем следить тайны; «Рембрандта с женою Саскией на коленях» я не видел и не знаю даже по «репродукциям», но в Эрмитаже очень многие фигуры имеют полногрудое обнажение — без упрека, без греха, без малейшей мысли соблазна, который бы вы испытали или приписали художнику. *И очевидно художник дорос до полной безгрешности взгляда на эти, им столь целомудренно нарисованные, формы: так что никакого испуга, ни гнева, ни вообще скорбного чувства вы не испытали бы, если бы и он, но именно только он, случайно увидел жену, сестру или дочь вашу в таком же виде, как может быть нарисовал свою жену.* Вот — примирение! Вот — мистика Дрездена и Эрмитажа! «Лев, лежащий около лани и не съедающий ее!» То, в чем мучительнее всего расходится человек с человеком, где «мое» и «твое» так кроваво резко разделено: в видениях кисти вдруг стало *общим!*

---

¹ В Апокалипсисе «змей древний», «дракон» — снова появляется, и с какою отметиною: «рана, которая была на его главе — как бы исцелела»; т. е. к концу «времен и времени и пол-времени» жена *перестанет рождать* и через это «умножится беззаконие в мире», а «Змий» почувствует бодрость. До смешного не понят комментаторами «союз жены со Змием», который (союз) и переводится просто «бесплодность женщины»; а «чаша в руке се» — «с мерзостями» суть омерзительные грехи, развивающиеся на почве удерживаемого чадородия (разные противоестественные извращения).

Появился *святой взгляд!* Святое *воззрение!* Умерла «похоть», погибло сладострастье — и этому опять младенцу, каковым сумел стать (может — на минуту) Рембрандт, этому еще не павшему Адаму, «возродившемуся от греха» Адаму... да почему перед ним я не обнажу жену свою? — Сколько угодно, как перед «тельцом, орлом и львом», как перед ребенком, как перед собою при абсолютной утрате греха в моем на нее воззрении. Я не знаю, говорю ли достаточно ясно; но, наблюдая в Эрмитажных картинах точки и линии, от которых начиная идут Божии «кожаные одежды», я думал: вот проказа греха *досюда* сбежала у художника, вот у того — *далее*, вот у этого — *менее*. И очевидно есть, существует мистический момент, когда разлом первородного греха, указанный в Библии, вдруг станет опять *живой* и *целой святостью*. И указанная в Апокалипсисе гармония, «белые одежды» и «вайи» — и заключаются в том, что некогда и все человечество станет Рембрандтом, безгрешным Рембрандтом, в воззрении на полноту человеческого тела. Бесспорно — грех пал в тело; *оно* — умирает; в нем — *стыд*. Вся наша путаница о «злой воле» и чепухе в «воле», то «свободной», то «подверженной греху» — есть изобретение очень новых времен и не опирается ни на какие тексты собственно *Бытия*. Грехопадение, как и судьбы спасения по точнейшим текстам святых книг (а пожалуй, и по менее компетентному свидетельству галерей картинных) — заключены в круг таинственных то завес, то озарений — *в теле*. В Библии — ни слова о «совести» и «злой воле»; в Апокалипсисе, в видении Небесного Иерусалима — опять телесные образы, без всякого вмешательства академических наших чаяний. Но все это, т. е. круг падения и исцеления — тянет к браку: только *два* мы спасаемся, *я* и *жена*, и лишь в любви и открытости *друг перед другом*; это — супружество. Но и *моя* и *ее* сторона, обращенная к рынку, на улицу, вне дома — темна, в грехе; «смертна». Тайна «древа жизни», тайна и *тенденция* видений Рембрандта и лежит в постепенном раздвижении *светлой* «домашней» стороны и на ту темную и смертную, которая пока в каждом из нас есть $\frac{9}{10}$. О, если бы все мы стали один для другого, как для Рембрандта — Саския, для Маноя — его жена? Как это может стать? Не знаем; но станет. Вот тогда-то любовью восполнится мир; любовью и красотой. И не будет старых, и не будет молодых: но все станут как дети о Господе. «Стара и некрасива жена Маноя, как, впрочем, все лица у Рембрандта; но на нее хочется еще посмотреть; хочется даже вернуться — и еще в третий раз взглянуть». В «жизни будущего века» будем по три раза вертаться и взглядывать в очи старушек наших, прислужниц наших; самых некрасивых — курносых, оспенных. Но непременно *телесно* будем взглядывать и на тело же, в этом обетовании — *Бытия, Иоанна, Рафаэлей и Корреджио*.

«Тайна супружества» — велика... Вообще разрешение мировых судеб «апокалипсическое», произойдет на *этой* почве и в области именно *здесь* трансформаций. Ни образа их, ни смысла мы не можем угадывать; но почву кажется нащупываем...

«Приведен в действие обрывок истины, притом, может быть, не главный», т. е. Евангельская полнота, Христова полнота не *использована* нами. Как Иисус сказал, глаголы Его суть «воды живые», «пияй от которых — не возжаждет». Поразительно, однако, что еще со времен альбигойцев и даже решительно сейчас же после Голгофы («мы — Павловы», «мы Петровы») не просто «жажда», но палящий зной жажды мучит человека, казалось бы испившего «живой воды»... Очевидно, что «с живою водою» попала в верующее нутро человека какая-то горькая трава, и попала сейчас же после Голгофы и, как мы выразились («Брак и христианство»), *под впечатлением* Голгофы. Самые легкие победы суть филологические; и иногда кажется, что ад вымощен филологией и разными фигурами неправильных, но очень запутанно неправильных силлогизмов. «Человек остался с Узником в темнице» — вот суть использования Евангелий и Христа человеком. — Иисус входит в темницу, пусть первородного греха: «Я за тебя — здесь», «в оковах», «биен и язвен»; ты же, исцеленный — «беги отсюда, беги от дьявола». Человек усаживается на скамейке суда с Иисусом: и вот сидят оба, сидят два тысячелетия рядом, «язвенный» Бог и рыдающий со страхом человек, на Него *вззрящий*: «буди милостив мне грешному». Ошибка, ошибка всего круга исцеления, порча механизма искупления — очевидна! Но может быть это наша фантазия, не оправдывающаяся действительностью: но помилуйте, едва человек рождается, казалось бы, еще некогда потерпеть от греха: «первородный» — тот «искуплен» «кровью», *сам* — не сделал ничего, не помыслил, не пожелал: и в каком-то истинно мистическом ужасе хватают и *шесть* раз спрашивают, «дует ли» он и «плюет ли» на какой-то страшный и от него почти не отмываемый грех? Очевидно («по умоначертанию» в таинстве) — «Христос не умирал за грех» — иначе не откуда быть самому вопросу. Так мы и чувствуем себя, и по маловерью ужасному, в веках, в тысячелетиях маловерию, прямо отвергаем, чтобы «семя жены» *уже* «стерло главу змия»! Это — именно чувство оставшегося в темнице, коего никто «не извел от греха». Т. е. в самом умоначертании нашем христианство (= «искупление») прямо *не начато*, его *нет вовсе*: и мы поклоняемся ему точно как легенде, как очерку событий поразительной жизни, поражающего Лица, поражающих красотой глаголов, но *не более* и в особенности *без всякого реального последствия*. Любованье на глаголы есть собственно единственное *использование*, какое из евангелистов мы сделали; т. е. мы сделали высшее, недостижимое, но именно только эстетическое использование! Мы построили храм необыкновенной красоты, перед которым куда «Диане Эфесской», раздражавшей Герострата, но, однако, тоже «с колоннами», из «молочного мрамора» и... без теплоты. Везде «продувает», хоть и очень «красиво»... Чувство греха, — да мы *удушаемся* им; у Лекки, в «Истории рационализма», приведен пример судьи — богослова, который специально судил, «рассуживал» и приговаривал к костру, больных истеричных женщин (в XVII веке): но он был столь чистосердечен, что,

заметив, как и у него самого в «магических точках» укол иглою не чувствуется (бедные *tabet'ички*) — донес на себя и сам был сожжен. Это «запах дьявола», который решительно можно ощутить только в «аду»: ибо нигде еще нет такого всеприсутствия дьявола, как в этом странном его, у нас получившемся, Элизии. «Мир полон Богов»: это светлое эллинское видение заменилось для Европы видением «мир полон дьяволов». Да это есть альфа сплетения «глаголиц» и «кириллиц» и немецкой готики и папских булл: т. е. Христос не прогнал, согласно этому чувству, ни одного дьявола. Это — так изумительно: но и так — бесспорно. Бесспорно, что глубочайшая суть всего построения христианства, от фундамента и до утонченнейших вершин, есть чувство «греха, греха, греха», вовсе следовательно «не взятого» («вземляй грехи мира — прими молитву нашу»): а следовательно, и «молитва наша», в этом словосочетании, есть чисто риторический оборот мысли, есть только «колонка храма»... Как это совершилось? Христос страдал, и, «подражая Ему» — будем и мы страдать. Что он *молился об избавлении* от страдания; что не человек только в Нем, в слабости плоти, но и Бог в Своем ведении завтрашнего дня молился: «да *мимо Меня* идет сия чаша» — это не удержало, две тысячи лет не удержало иудействующих криков, наступающих на человечество: «распни его». Человек *само-распинается*: вот *самая* суть христианства. Опять не принимается во внимание, что распятие Христа имело смысл *не примера* для человечества, но совершенно конкретную и лишь в отношении Христа существующую, для Его Божества исполнимую, задачу: упразднить грех, сойти в ад, победить дьявола. И вот человечество, со слабыми силами своими, а главное — вовсе ни для чего (ибо все *для него* сделано, в этом *суть* христианства) потащилось если не в «ад» за невозможностью, то на крест «за Христом»: и взывает, *уже избавленное* взывает: «буди милостив мне грешному». Явная и полная кассация искупления, всего *дела* Христова, очевидна из этих воплей, однако непрерывных на протяжении двух тысяч лет! Боже: до чего все идет против глаголов Иисусовых! «Не здесь и не в сем храме, но во всяком месте»... «в духе и истине» «будут поклоняться»: мы именно в «сих» и «здешних» местах, именно территориально и почти с характером «местничества» поклоняемся; унизились «часовеньками» и, вися на кресте, взывая: «буди милостив *мне*»... помаваем главою на всякого, кто чуть-чуть не подражает нам, с криками: «распни *его*!» И пусть бы каждый из нас сам за себя лез на крест: мы тащим на крест друг друга, истинно инквизиторствуем, и вечно инквизиторствовали, когда Господь проповедовал «лето прохладное». Историческая абберация — бесспорна; дальтонизм в самом центре зрения — непрекаем. Пока измученное и изнервничавшееся человечество, потеряв все концы собственных суждений, решило положить «все компактно» «насмарку» и в сущности сейчас живет ни «полное богов», ни «полное дьяволов» — инертно, тупо, без какого-либо подозрения и даже с упорным отрицанием вообще всякого «всерьез»

греха или святости. Диалектика, излом, подставка; или, пожалуй, вечный глагол Иисуса о «плевелах», ночью «всеянных» «врагом рода человеческого» в «пшеницу Господню»...

* * *

Переходим к собственному недоразумению *Гатчинского Отшельника*; «почему церковью так любовно разработан ритуал всех таинств, кроме брака», etc. Вопрос существенно апокалипсический, т. е. в отношении к простирающимся от сего вопроса дальнейшим «запросам», ночным мучениям, рыданиям бедной «мирской души», и, наконец... до света, до звезд, посыпавшихся с неба и открывающих за собою «новое небо».

Не будем отвечать на вопрос, а только походим около него. Как же он не заметил, что в церкви *все* таинства оригинальны и собственно *ей* принадлежат, существенно *новы* («новозаветны»): крещение, елеосвящение, покаяние, причащение, священство; «кроме одного брака», которое уже *не* ей принадлежит. В круге всех и всяких молитв, не говоря уже о таинствах, христианство — девственно, перворожденно, имеет *до себя* «нуль»: но «это одно» таинство — древняя старушка, хотя и совершенная юница, которую церковь, не решившись перед нею затворить дверь, *пропустила в себя*. Были *целые религии брака*, т. е. и не содержавшие в себе ничего, кроме этой одной «тайны великой». Тут мы должны сделать гигантское усилие мысли, чтобы что-нибудь понять: около брака и его существа, как великой «Евы» мира и его «бабушки», вспыхнули могущественнейшие религиозные системы. Да что мы будем объяснять, когда имеем в своей истории, даже в истории наших кровных славянофилов, удивительнейшую молитву, вспыхнувшую *около детей*, и о которой никак не можем сказать, чтобы она была *списана с* которой-нибудь страницы катехизиса, *взята из* требника, и вообще *принадлежала* *какой-нибудь богословской системе*, кроме той, которая «бысть от сложения мира»:

Бывало, в глубокий полуночный час,
Малютки, приду *любоваться* на вас;
Бывало — *люблю вас крестом знаменать*,
Молиться — да будет на вас благодать
Любовь Вседержителя — Бога.

Стеречь *умиленно* ваш детский покой,
Подумать о том, как вы *чисты* душой,
Надеяться долгих и счастливых дней
Для вас, *беззаботных* и *милых* детей,
Как сладко, как радостно было...

Теперь прихожу я — *езде темнота*,
Нет в комнате *жизни*, *кроватька пуста*;
В *лампаде* погас перед *иконою свет*...
Мне *грустно* — *малюток* моих уже нет —
*И сердце так больно сожмет*ся ---
О, дети...

Полный очерк религии! Но ведь *так* еще чувствовали в живой Ниневии, Вавилоне, Тире, Сидоне, Сионе, Гелиополисе, Фивах, Мемфисе; и, так чувствуя — *это же слагали*, сперва без имен и символов, позднее с именами и символами. Пальмер, колебавшийся в своей вере англичанин, был поражен этою «Вавилонскою молитвою», в своем роде «Вавилонскою башнею», которая осиротевшего отца привела к Богу; прочтя ее в переводе на английский язык, и не разглядев в ней клинообразных письмен, он адресовал удивление и восторг и умиление в Петербург: но сколько Петербургский богослов, забывший клинья Востока, ни изошрял над ним характерного европейского богословствования, «без ритуала брака» — все было уже не действительно; и Пальмер, оставив родную церковь, перешел не в православие, а в католицизм. Характерный факт, эмбрион всемирной истории, прозрение в Апокалипсисе: ведь это — безуспешность в религиозной пропаганде «без-брачной», «без-отечественной», «без-матерней» Европы, когда так могуча и *заразительна* была «чрево»-Сирия, «пуп»-Сион, с их простым:

Бывало, в глубокий полуночный час...

Воздетые руки; молитва и только. Теперь — прозрение в Апокалипсисе: ведь некогда *все богословие* польется в таких именно и даже *именно в этих самых* молитвах, с равным же очарованием, с волной влияния от Петербурга до Па-де-Кале простого частного случая в *моей* семье, моей утраты.

Мне больно, малюток моих уже *нет*.

Или с лучом надежды... И «Иерихонская стена» невежества и атеизма рухнет перед этими трубами «отцов», трубами «матерей»... Т. е. «небесный Иерусалим» прямо спустится на Исаакиевскую площадь, а торговцы «Щукина двора» возьмут «пальмовые ветви» и «оденут белую одежду», не дожидаясь ни смерти, ни суда, и восклицая — «*ни смерти! ни суда!*»

Но мы все отвлекаемся: так много «вертикальных прозрений» возбуждает легкое реяние крыл разбираемого писателя. Некогда христианство все телесно (Апокалипсические «животные») собьется «в кучку»; в тесную «семейку», во внутреннейший притвор «детской» ли, «спаленки ли», покинув «парады» парламентов, «королевств». И потушив не нужные люстры в сломанных «парадных комнатах», зажжет во внутренних покоях естественно уже лампочки.

Пропустив брак в себя, церковь впустила к себе иудея и эллина. Не отвергнув, не решаясь отвергнуть, что брак — «таинство», она приняла корни как всего юдаизма, так даже и «исповедания языков», но тотчас прикрыв их глубочайшим покровом неведения ли, невнимания ли. Она завязала в крепкий узел «платочек таинственного содержания», соединив крепко все четыре его угла, и не позволяя никому внутрь его заглядывать, и не заглядывая сама в эту таинственную внутрь. Там молчащий

иудей, молчащий эллин, но *живые* — насколько «брак» жив и еще не умерщвлен. «Нет богатой и любовной разработки ритуала»: т. е. именно нет «поющих, взывающих и глаголющих — свят! свят!» иудея-эллина, о чем *Гатчинский Отшельник* как будто не догадывается. Но есть в этом же пункте другая сторона, о которой он тоже не догадывается, хотя почти ее формулирует: «почему в церкви так богато и чудно разработан ритуал всех таинств, кроме брака, где все дышит Ветхим заветом»? Кто же в нем *действователи?* кто *совершители* «великой тайны брака»? Да — брачники, брачующиеся «мирские человеки» и это есть единственное и исключительное «мирское таинство», с тем вместе вполне «религиозное таинство»: но которое по этому самому открывает таинственное и божеское существо самого «мира». «Тайна» мира, «религиозная тайна», канонически признанная церковью: «священство» мира, «предстояние» Богу: свеча небесная, курящаяся на земле. В самом деле, богатый ли, бедный ли, ритуал венчания, как и канонические постановления о браке, могли бы тысячу лет лежать и они не *произвели бы, не сотворили, не явили бы* миру ни одного «брако-сочетания», если бы в костях и плоти не стоял перед священником «ветхий» Адам и «ветхая» Ева, эти два раба Божия, «венчающиеся» «по каноническим правилам». Совершенно очевидно, что и каноны, и ритуал — *обстановка* брака, а *самый брак* или *самое таинство* — плоть и кости *Адамо-Евы*. Но «плоть и кость» — это уже не Новый Завет, но Ветхий; это — «обрезанный» иудей, вечно-прекрасный эллин. Они — в узелке; еще дышат, хотя никому не показываются. Заколите их — вы мир заколите; выпустите как из сокровенного — и вы обнажите эллино-иудейский мир, во всем блистании красок и горячности пророчества. И эллин и иудей — *прирезаны*, но не *зарезаны*; в согнутом положении, под лавкою, в презрении; но опасная сторона в том, что едва эллино-иудейский момент будет сведен к *нулю* — погаснут вдруг все светочи и христианства. Ни *масла* для лампад, ни — *воска* для свеч; одна попытка — что-то зажечь, *идея* света без — *в самом деле* света...

ИЗ ПИСЕМ О МАТЕРИНСТВЕ И СУПРУЖЕСТВЕ

1

М. г. Вы проводите настойчиво, в целом ряде статей, что состояние, переживаемое женщиной в периодах зачатия и беременности, есть нечто особенное, что это *«целый круг и мир забот и мыслей о будущем ребенке»*. Но ведь жизнь и всякого человека должна бы являть собою постоянный круговорот *мыслей и забот* как о себе, о своей душе и ее миссии в мире, так и о своих отношениях к ближнему. Разумеется, это *«должны бы»* я говорю с точки зрения христианской, а не какой иной нравственности. Но мы, современные средние люди, далеки вообще от этих забот; как далеки и многие из матерей от постоянной напряженной тревоги за будущего младенца. И с этой точки зрения, таким образом, беременность — *естественное* состояние, не более; и я не вижу, почему же такого особенного внимания заслуживает беременная женщина. Ведь и всякий, живя — страдает; и страдая — живет; а в иных случаях бывают муки горшие сих.

Ничто не дается даром — и муки женщины представляют своего рода реванш за получаемые ею радости от брачной жизни и семьи ¹.

Анна В-ская.

2

М. Г.! Может быть, вы не посетуете на меня за сообщение, вызванное вашим вчерашним фельетоном в «Нов. Времени», — а именно словами: «не знаю, есть ли молитва на посев зерна; жалею, если нет».

В Тверской губернии, где мне приходилось проводить лето, есть у помещиков такой обычай: перед посевом озими приглашается местный батюшка, весь дом отправляется в поле, куда выносятся стол с поставленным на нем лукошком ржи нового умолога, в которую втыкается горячая свеча и ставится икона. Священник молится об урожае (к сожалению, не могу привести текст молитвы) и бросает первую горсть

---

¹ Очень рационально, вполне по-европейски, но... скучно, тоскливо, светско, без Бога! Тогда и вообще зачем молитва? о чем молиться? Все — одно из другого, следствие — после причины. Вынем из ящиков машины и спрячем в ящик крест: таково *resumé* идей автора письма. В. Р-в.

зерна в борозду, за ним делают это все присутствующие и с этого поля и начинается посев. Крестьяне же носят свою рожь для освещения в церковь в день Преображения Господня 6-го августа.

Простите за беспокойство, но я подумала, что вам может быть будет интересно и даже приятно узнать о таком трогательном христианском обычае ¹. 1901, 30/XI. С искренним уважением.

Дарья К-кова.

3

Многоуважаемый В. В.! Мне хочется сообщить вам, лично для вас и по поводу ваших настойчивых писаний, что если нет у нас, православных, особой молитвы для рожениц на время разрешения их от бремени, и для облегчения их (хотя я в этом не уверена), то есть,— и в этом я уверена потому, что все 8-м раз, что родила, прибегала к этому,— есть обычай просить священника отворять царские врата ², когда женщина мучится в родах, и это благочестивые батюшки охотно исполняют. Потом, и опять же есть чудотворный образ Божией Матери «Поможения в родах». Этот образ теперь у моей замужней дочери, в нашей семейной киоте. Эта святыня ³ объездила всю Россию, была и здесь в Петербурге, и на Волыни, и в Тифлисе, и в Самаре. Потому что ее вызывают наши друзья к себе, перед родами ⁴. И когда икона гостит у кого-нибудь,

¹ Вот культура и религия! Как дух этого письма, точнее — свет этого обычая, отличен от духа предыдущего письма! Бог, реющий над нивами — как это сладко... и даже не знаешь, отчего сладко, а только говоришь: «это — хорошо, так — надо!» Мы только не привыкли к обширнейшему кругу молитвословия около тягот беремености, сладости зачатия: а будь-ко наличен круг этих молитв, уже привычен нам, то и сказать нельзя, как был бы красив и глубок он, как была бы мила нам вся жизнь в нем. Теперь, когда дело идет об изобретении, о вступлении на новую тропу — она кажется жестка, излишня, чуть не враждебна. Ибо и вообще религия должна быть «издревле». Однако уже во 2-м поколении молитвы эти показались бы «как издревле». В. Р-в.

² О трогательном и прекраснейшем этом обычае, в соответственной беседе на данную тему, сообщил мне, и еще нескольким беседующим литераторам, высокопреосвященный митрополит Антоний, вообще знающий народные обычаи и любящий их,— к тому же и сам бывший семьянин. Но ведь мы называем обычай «прекраснейшим», называем его так сразу, без размышления: отчего же не утучнить его, не раздвинуть? Все прекрасное — пусть растет! К письму этому я прилагаю снимок с упоминаемой ниже иконы: «Поможения в родах». Отчего она не повсеместна? Трудно даже отыскать ее? Между тем вот образ, соответствующий детской спальне и опочивальне матерей, супругов. Вот образ, которым преимущественно или исключительно надлежало бы родителям благословлять вступающих в брак чад своих. Сколько возможного нами не сделано, сколько нужного забыто! По «независящим обстоятельствам», приложить снимок этого образа оказалось нельзя: он не внесен в официальный «Сборник изображений Божией Матери». В. Р-в.

³ Смотрите, как трогательно говорит женщина! Отчего это трогательное — не утучнить; и не повторить о нем с Кольцовым: «уроди мне, Боже! хлеб — мое богатство!» Ибо пожелания женщин, такие их тоны — это богатство национальное, это — хлеб церкви! В. Р-в.

⁴ Слушайте, слушайте — ведь это удивительно, этого и вообразить себе нельзя было: чтобы икону выпрашивали в шные города (по почте? хотя не надлежало бы по почте высылать иконы: их можно, думается, только с нарочным посылать, в руках, но, впрочем, за надобностью все простительно). Но, значит, как редка и неизвестна эта икона! А что, если бы таковая икона из рода в род передавалась? стала бы фамильной, вековой, тысячелетней?! Вот начало аристократии, дворянства. «Мы уже тысячу лет рождаемся под эту икону». Таковое буди! буди! В. Р-в.

то женский бедный люд, без различия исповеданий ¹ — конечно кроме жидов,— выражает свое неудовольствие, что святыня не у них в доме и они не могут к ней прибегнуть.

Теперь совсем сердечный вопрос. Зачем нужна деланная, придуманная и общая молитва на эктении, как вы указываете? Разве мы хуже молимся, молясь своими словами? Я никогда не чувствую необходимости молиться по заученной молитве. Когда же дочь была в родах при смерти — и слов-то у меня не было! я просто лбом колотилась и наколотила шишки, а слов, право, не помню. Простите, что думаю, что молиться может каждый.

А первенства Рима я тоже не понимаю. Господь везде суц! Мне не нужен ни Рим, ни Византия. А папа и простой наш сельский батюшка мне одинаково правоспособны дать благословение по благодати, данной им от Бога ². 1902.

Барвара М-ина.

4

Дорогой В. В.! О супружеских отношениях вы пишете хорошо в отношении к мужу, но так ли у вас хорошо в отношении жены?!? Вот вопрос! Евреи есть пока единственный народ, кого можно назвать богохранимым, ибо он вот около 2000 лет уже живет без меча своей власти ³, а сохраняется благодаря Богу-Любви; вера евреев действительно их спасает! Наша же вера никого уже не спасает ⁴, а только ее всячески спасают, как хромые свой костыль. Вникайте в земные дела, не залезая в секреты небесной канцелярии, а то погибнете до чертиков, как Вл. Соловей. Да хранит вас Бог-Любовь!

Очень больно сознавать, что вы, милый В. В., выше всего в православном словесном богослужении ставите акафисты, эти *византийские* тоны, в целях получения «великие и богатые милости» ⁵ придуманные.

---

¹ Это — удивительно, это — вполне удивительно! «Без различия исповеданий»... Значит, прикоснулись к религии человечества. В. Р-в.

² И это — хорошо! Но — не разделяйся ни с кем, а соединяйся со всяким. Нас больно кольнуло слово о «жидах»: а ведь и они люди! и они рожают! и они мучатся. «Да будет едино стадо и один Пастырь», Отец наш Небесный над нами. Мы прилагаем ниже поправляющее письмо о «жидах»: дабы последние не думали, что все русские так гадливо к ним относятся. «Да будет едино стадо у Отца Небесного». В. Р-в.

³ Как хорошо; как центрально! «Без меча своей власти». Да, на вопрос о «не убий» — им есть *что* ответить, не за себя, не лично каждому, а народно и исторически. В. Р-в.

⁴ Предыдущее письмо слишком опровергает это. Но сохраняем индивидуальную ошибку, как и в предыдущем письме сохранили индивидуальную же ошибку, об евреях. «Братия! прощайте друг другу», хочется сказать, сталкивая вместе этих корреспондентов. Автор, конечно, говорит здесь о миссионерах и миссионерстве. В. Р-в.

⁵ Пишет — интеллигент (мне не знакомый, и написавший мне несколько трогательных, и значительных местами, писем), — который не страдал сам и за себя — не просил. И от этого не постигает вообще смысла и глубины церковного круга богослужений, в тысячелетиях выросших из тяготы народной, из личных скорбей (см. предыдущие письма). Простим ему грех его (ошибка суждения), простим за любовь к «Народу-Лазарю» (как хорошо у него это сказалось). Тут уже начинается правда и сила интеллигенции. На ней и помиримся с автором. В. Р-в.

А в херувимской, которую вы так любите, что же есть из Евангелия Великого Благовестия? Бедная наша Русь и Лазарь твой народ наш! До сих пор путает тебя дохлая и блудная Византия! Читали ли вы, В. В., книжицу Неплюева: «Христианская гармония духа»? Она также важна для уразумения единой на потребу истины религии, как и книжица Л. Толстого «О жизни». Любовь Бога и Отца, Благодать Господа нашего И. Хр. и причастие Св. Духа да будет со всеми нами!

- 1) Возлюбим друг друга,
- 2) да *единомыслим* исповемы!

Ваш И. П. ¹

5

Многоуважаемый В. В.! Читая вашу полемику с Шарановым и Мирянином, в «Русском Труде», я переживала все мои мучительные думы, за все 16 л. моей брачной жизни. Вы говорите то, что всегда было *моей* мечтой, и никто, никто не хотел понять того, что я считала величайшей, святой тайной бытия человека! Возможно ли считать «грехом», «мерзостью» (как они думают) то, что дает начало жизни, в чем повторяется слово Творца при сотворении Адама, где — *начало жизни*?! Какое великое в этом чудо природы, а люди, по своей испорченности, стали его считать непристойным, неприличным? Это *начало-то* жизни ² своей! Смешали с грязью, с развратом то, что чисто и свято, как закон природы, данный Творцом Неба и Земли! Муж мой не мог понять чистого чувства в совокуплении, он всю жизнь считал его только плотским наслаждением, не вникая в величайшую тайну, которая для меня была именно тайна, великое предназначение брака, как орудие воли Творца. Мои мысли о браке не встречали сочувствия моего близкого, дорогого для меня человека, и я мучилась, страдала душой; и, не умея высказать и убедить в том, что я считала страшной тайной, сама, однако, не могла относиться легкомысленно к этому акту, как к чему-то *неприличному*. Это придумали люди, как кощунство над святостью рождения человека. Меня, при совокуплении, никогда не покидала мысль, что *эта* минута может стать началом жизни моего ребенка ³, что в *эту* минуту создается

---

¹ Чудное по тонам письмо, и какое доброе и открытое у автора сердце. В. Р-в.

² Как глубоко! Это не атеизм, не нигилизм даже: это — хуже, это — сатанизм смотреть так на заложение зерна жизни в будущую мать. В. Р-в.

³ Вообще *что-то* думать нужно во время зачатия, или, общее, совокупления, нельзя же только *мускульно, костно, нервно* ощущать соединениис. Но *что* думать, но *как*? Великая и трудная проблема. Вот, окружающее опочивальню, окружающее ложе — и должно навевать мысли; как *стрелка* переводит поезд на *нужные* рельсы с *опасных*, так возможные изображения в опочивальне и предварительное к ночи приготовление — должны переводить мысль, куда нужно. Акт может длиться долго, и лучше, когда долго: это даст *собраться* с мыслями. Тут в мыслях может пройти воспоминание *трогательных* минут истекшего супружества; представление *милого* будущего ребенка (если он *уже* зачат, то это тем паче; а если *нет* — то мечта может быть полна *ожиданием* зачатия: в обоих случаях мысль о ребенке возможна). Но, во всяком случае, в душе должна стоять ветвь *правды*. лоза *красоты* (древо жизни). В. Р-в.

его тело и дух, а во мне зарождается жизнь. и все это меня поражало своей великой силой, и я внутренно содрогалась от страха перед непонятной и величайшей силой моего Бога, Творца, и мысленно повторяла молитву Мытаря; благословляя минуту, если она есть *первая* в жизни моего ребенка, первая создающая его тело при моей душе. Я помню страдания при родах; при мне в это время никогда никого родного не было; доктор и акушерка,— более никого. Жутко, больно бывало, невыразимо больно это отсутствие близкого человека¹: все это увеличивало и без того грустную мою жизнь. Разве любимую жену, если она дорога, оставил бы муж одну, в такую минуту, когда страдает жена за общее дело, и когда доброе, ласковое слово может облегчить физические муки? Я всегда во время родов молилась, читая молитвы Богородице. При всем циничном отношении моего мужа к акту супружеских отношений, он не мог повлиять на мои принципы, не знаю, как сложившиеся, что акт супружества есть величайшее событие в жизни человека. В минуту увлечения я не могла бы никогда решиться на *все*; еще не зная *ничего* — я инстинктивно считала брак тайной великой. Какое было бы счастье, если б все ваши чудные мысли и принципы были приняты людьми: тогда только и могла бы быть настоящая христианская семья и нравственный брак. Все эти принципы надо внушать с детства; именно в детские годы надо дать понять всю святость брака, как орудия для сотворения человека; и не допускать даже мысли, что из этого можно сделать развлечение, забаву. Акт этот нужно считать самым величайшим действием нашего организма; воспитать уважение и страх к минуте зарождения человека. Все это духовные наши не поймут, и не пожелают даже понять; пример — ваши полемисты, Аксаков, Шарапов. Это закоренелые циники, у них рутина все победила. Вся надежда на детей наших. Только чистое сердце и может понять ваши чистые, святые взгляды на брак и на акт супружеских отношений — зачатие человека.

С. Ч-ва.

6

...Это лишь было следствием, проявлением той духовной внутренней связи, которая составляла сущность наших многолетних отношений, завершившихся счастьем, увы, так скоро кончившимся². Сходясь, мы не раз вспоминали ваши слова, что этот акт надо сопровождать молитвой: так глубоко было наше чувство.

Z.

---

¹ Никогда я не мог постигнуть ужасного равнодушия и эгоизма мужей, уходящих из дома в ночь разрешения жены от бремени (знавал таких, и чуть ли у русских их не большинство). Это — страшный грех. Это не может не наказываться в жизни, между прочим — холодностью в семье, распаданием семьи: ибо ведь это самая трогательная и значительная минута в жизни жены. В. Р-в.

² Смерть мужа, о которой рассказывает автор в выпущенных частях письма. В. Р-в.

...Письма о. *Александра У-ского* «в Русск. Тр.», и к Мещерскому — я прочитала только сию минуту, как всегда со слезами: если бы все думали как он — золотой век наступил бы, невинность, радость. Высочайшее наслаждение ждет его *там*. Но, спускаясь на землю, скажу вам, что он неосторожен в своем мужестве и доверяется опасным людям; я боюсь за него, потому что дорожу им несказанно.

Надежда К-ва.

...Все, что отец Александр *У-ский* писал о браке, я считаю замечательным, как считала и прежде, за исключением только одного: во избежание профанации необходима сокровенность, тайна и даже темнота окружающего. Из тысяч людей как немногие поймут его правильно! И начнутся кривотолки, обвинения; подыметя гам непонимания и злобы.

Надежда К-ва.

...Письмо священника *И. Петропавловского*¹ меня восхищает своей страстной точностью, но только вряд ли напечатают его: в этом письме он слишком явно бьет «душистыми цветами по обугленным столбам». То, что вы сами написали о завесе, должно быть правда, и хорошо сказано: но я более убеждаюсь чувством, что это правда, нежели логическим рассуждением. Знаете ли, что я еще хотела вам сказать? *Там* чувство стыда не может остаться, потому что брак будет сама истина; но «тайна» и там должна остаться в смысле сокровенности важного и святого. Я говорю, разумеется, о высшей ступени той жизни. Мне иногда ужасно жаль, что мы так мало готовимся к будущему и привязываемся к здешним игрушкам.

Надежда К-ва.

...Письма *Мирянина*, в «Русском Труде», ужасно ждал один знакомый мне священник; но мне лично оно совсем не понравилось. Это не талантливого человека мысли, и производит впечатление, точно тексты он притягивал насильно. Шарапов же положительно невыносим со своими «примечаниями»! Неужели он думает, что, назвав письмо

¹ См. выше стр. 234—235. В. Р-в.

о. А. У-ского «противным по тону», он себя не компрометирует? Дружественный мне архимандрит Н., знающий У-ского, сказал мне: «не напрасно ли редактор так конфузит о. Александра? О. Александр по-пустому звонить не будет». Увидав это письмо о. Александра напечатанным, я обрадовалась ужасно; и рядом с ним письмо *Мирянина* мне показалось бледным и вялым, да я и не ожидала веского оппонента. Мне кажется, я угадываю, кто его писал. Мне давно хотелось вам подробно рассказать, как однажды я была случайной зрительницей пострижения в монашество. Как это трогательно! Чем были для постригаемой те пять суток, которые она безвыходно проводила в церкви¹. Постригаемых было четыре; по ночам всю церковь освещали, игуменья приходила часов в одиннадцать и оставалась до часу, все это время; да и целый день, когда не было службы, читали каноны и акафисты. А когда пять суток прошли, новопостриженных повели под руки со свечой и пением: «познаем таинства силу», в «отчий дом»², т. е. в келью... Нет, это очень все трогательно!

Надежда К-ва.

11

...Заметка *Гатчинского Отшельника*: «Бессмертные вопросы» производит на меня двойственное, и не скажу, чтобы приятное, впечатление; есть *полу-истины*, которые хуже очевидной лжи. Я думаю, что он не вполне знает, что говорит. Если на физиологию не смотреть, как на внешнее выражение души, и притом нераздельное с нею, то всегда будет путаница. И кроме того есть предметы, о которых нельзя говорить так запанибрата; меня оскорбляет его манера выражаться о Причастии. По отношению принятия Причастия действие кишок, конечно, тоже божественно.

Надежда К-ва.

---

¹ Вот если бы для вступающих в брак было сделано то же, в смысле красоты, длительности и делаемого впечатления, что сделано для вступающих в монашество, которое ведь, однако, даже не таинство! Какие бы впечатления рождались в душе супругов! Обращаясь к вопросу: да отчего же постриг в монашество, которое поставлено выше брака, не именуется «таинством»? — мы только можем на это ответить: да, ведь, что же в монашестве, в безбрачии заключается такого *непостижимого*, равного моментам зачатия и рождения? Ничего! Все -- рационально, обыкновенно, буднично. Обыкновенный труд и обыкновенное воздержание. Но тогда значит, очевидно, не в словах о браке, не в предшествующем браку обряде, а в самом *созитии и рождении* содержится гайна, таинство?! Тогда каким же образом столько детей и женщин были принуждены к гибели?! Очевидно, мы имеем *кровь и обман*; и обман-то именно и лечит основанием крови. О демоне и сказано: «*Лжец он и человеконенавидец*». В. Р-в.

² Как трогательно! Между тем ведь в «Отчий дом» вхождение есть именно вхождение в круг *всемирного родительства*?! Все -- перепутано, все у нас (семейных) -- отнято! В. Р-в.

Дорогой В. В.— не печатайте ваш «Ответ Гатчинскому Отшельнику»; не печатайте, хотя правда и на вашей стороне. И в том вы правы, что *обо всем* серьезно можно говорить, все называя своими именами. Да, это так. Но вот какое соображение скажу я вам. Раз вы на почве физиологии, конечно не о чем и говорить: все можно обсуждать и все ставить на свое место¹. Но раз вы говорите о таинстве, которое даже Апостол называет *великой тайной*, есть границы, за которые не должно переходить слово, выносимое на торжище газеты. Словом вы можете профанировать, не желая этого, святая святых и свою и чужую. В дружеской беседе с глазу на глаз, с духовником, в обществе людей, взаимно друг друга понимающих — все говорите, и чем искреннее, тем это будет прекраснее и разумнее. А то кому же², кому вы теперь говорите? Я уверена, что позднее вы согласитесь со мною. Вы можете соблазнить людей даже понимающих и серьезных, потому что все, что вы говорите в этой статье, уже не отвлеченно... и не должно быть обсуждаемо по отношению к таинству. Это душевные причины. А материальная, практичная та, что этой статьей вы можете затемнить для читателя все предыдущие, хотя она их и довершает. Зачем соблазнять своими словами без всякой пользы?

К тому же, разве вы не знаете, что есть вещи, с которых никогда не должно быть снято покрывало, особенно перед толпой? Боже сохрани обнажать истины, которые не все поймут; чем они святее, тем должны быть сокровеннее, особенно, если заключают в себе символы. Ради Бога не печатайте эту статью; уверяю вас, что и о. Александр сказал бы то же. Ведь вы отлично знаете, что не pruderie говорит во мне, а страх; и я считаю своим долгом сказать вам всю правду. Все прежние статьи в «Р. Т.» были прекрасны, интересны, новы, волнующи; они говорили об идее. Раз вы приближаетесь к *тайнам*, можно говорить на основании науки и средствами науки. Но так как *тайны жизни*, участие Провидения вы объяснить не можете, как человек: то тут надо умолкнуть, чтобы не согрешить и не унизить.

Надежда К-ва.

¹ Поразительно следующее наблюдение. Все манипуляции врача, напр., около постели роженицы, а то и просто больной женщины, не вызывают в ней стыда, кроме разве в первые непривычные минуты. Девушки, женщины, *стыдливейшие* — все к врачу идут. Ибо все тут утилитарно, физиологично, тут органы есть, а пола как будто еще нет. Стыд и затаивание, однако, вспыхнули бы сейчас пламенем и стали стеной, как только врач вдруг почувствовал бы влечение к им исследуемой женщине, заволновался бы, потянулся. Орган вдруг бы исчез, и на его месте стала душа трепещущая, стыдливая, хоронящаяся! Великая это тайна: in genitalis est animus: просто нельзя этого отвергнуть; и animus есть именно -- стыд, зардевшиеся щеки. В. Р-в.

² Поразительно, что с вопросом о браке мы сами собою, невольно, все подходим к тому, что затаивается, ищет покров, завес, хотя сами застаивающие и считают это «святыней», «божественным». Подходим к целомудрию мира, живому и стыдливому его (ибо не целомудренное не затаивается). Почти нельзя сомневаться, что на заре истории именно это и получило характерное название «таинств», «сокровенностей» (элевзинские и др.). В. Р-в.

...Что касается чувственности, то должна вам сказать следующее, пришедшее мне на мысль определение. Чувственность грязна и грешна до известной степени, пока она *беспредметна*, когда она не относится ни к какому *лицу*; она делается чище, когда обращается к исключительной женщине; но свята тогда, когда на веки определено влечение временно к одной женщине, *на веки*, при неперемennom условии иметь от нее детей. Союз без детей не может быть вполне чист.

Скажу вам еще следующее,— на основании опыта жизни и размышлений, как матери взрослых сыновей.

Я не признаю так называемой чистой или платонической любви юношей и вообще этих платонических юношей — потому что чувственность молодости похожа на золотуху, которая высыпает у детей, чтобы очистилась кровь, полученная зараженной от родителей; когда выйдет из тела эта дребедень, оно получает способность обновиться, освежиться и расти при полном удовлетворении его потребностей.

София Ер-ва.

...Тогда я не хотела говорить об очистительной над роженицею молитве, потому что вообще боюсь разговоров на такие сокровенные темы в обществе нескольких людей. Но вот что я вам скажу! Эта очистительная молитва установлена не нашей церковью, она относится до глубины Ветхого Завета. Ведь и Присно-дева Мария принесла двух птенцов голубиных за очищение Свое, а между тем рождение детей у евреев, как вам известно, всегда считалось благословением Божиим. «В болезни¹ будешь рождать детей» (Бытие IV, 16) это сказано в виде наказания за первородный грех, т. е. именно *болезненность* рождения детей (без греха оно было бы безболезненно, я убеждена в этом!). Болезненность эта и была нечистотою, а не акт рождения (Второзаконие). Для этой нечистоты, сопровождающей рождение, и нужна очистительная молитва, как искупление все за тот же первый грех, который, как мы исповедуем, заключался не в соединении Адама и Евы, а в профанации, загрязнении этого соединения.

София Ер-ва.

— Что такое, если вы мне скажете: «я христианин», а *таинств* христианской церкви не признаете или по крайней мере произвольно к ним

¹ Вот от *болезни* после-родового очищения, шестинедельного, еврейки и очищались через принсснис в жертву голубей. Но у нас очищается в молитве *самое рождение* младенца, сейчас же, как оно совершилось. В. Р-в.

относиться? То, что не обязательно для язычника, должно быть для вас святыней. Магометанин, если любит свою жену, хорошо живет с нею, рождает детей,— прав перед Богом и его семейная жизнь есть настоящий брак. Он может не причащаться — и спастись; у него нет крещения, нет рукоположения: следовательно, нет и обязанностей по отношению к этим тайнам.

Вы уже согласились со мною, что при всем желании, при чистоте душевной, ревностной молитве, вы не можете *претворить* сами у себя в комнате ни хлеба, ни вина, а дурной какой-нибудь человек, недостойный, даже, может быть, не верующий, *но священник* — может.

Знаете ли, что то, что совершается в церкви во время приношения Даров — величайшая тайна, каков бы ни был священник, участвующий в этом. Одному человеку было за обедней видение; обедню служил пьяный священник и вот этот человек видал его связанным и положенным под престолом, а вместо него служили и совершали литургию ангелы. «Ныне Силы Небесные с нами невидимо служат; се бо входит Царь Славы...» это и поется даже за Преждеосвященной обедней.

Неужели и вы будете смешивать церковь и ее тайны с грешными церковнослужителями? Они только материальное орудие для земного мира. Помимо всего, что они могут сказать так или иначе *от себя*, помимо заблуждений (напр., 1667 год) есть внутренний глубочайший закон, одухотворяющий нашу церковь и ее таинства, и через рукоположение передающий непостижимым способом дар проявлять их пастве.

Вот почему, дорогой мой В. В., в христианстве внебрачное сожительство может быть целомудреннее всякого брака, но оно не будет *таинством*, не будет *браком*.

Сегодня мне в глаза бросился текст ап. Павла, о котором кажется никто не упоминал; впрочем может быть я ошибаюсь — не цитировал ли его отец Александр?

«Впрочем спасется женщина через чадородие, если пребудет в вере и любви, и в святости с целомудрием» (Тимоф. 1 пос. II, 15).

Если бы спросить ту честную компанию, которая вас оспаривает на страницах «Русского Труда»: *чадородие* здесь поставлено рядом с *целомудрием* — где же ими провозглашаемая «мерзость» полового общения?!

София Ер-ва.

Меня восхищают ваши слова насчет *разорванного бытия*, двух полов до брака; но в том-то и беда, что эти разрозненные половинки друг друга ищут в темноте, и не узнают, потому что уже не верят в одно и то же, а это великая профанация брака! Ну, конечно, тут вопрос о единении душ, тело ведь мы оставим здесь, и оно не может иметь никакого

значения. Слов нет, сомнения нет, что брак без любви — беззаконие ¹, как всякое осквернение таинства.

Но законы и даны нам оттого, что мы грешны. Ап. Павел говорит, что где нет греха, не надо там и закона, что самое понятие закона возникло из греха. Для Адама и Евы венчание было не нужно; в их сердцах не надо было возобновлять и подкреплять глубочайшего и божественного *соединения*, потому что они не умели бы уклониться от него, пока они были в раю; там они дышали непосредственным общением с Богом и исполняли свое назначение невинно: — что́ бы для них значил обряд, когда самая жизнь их была таинством! Всякий размышляющий должен согласиться, что грехопадение не могло быть в том, что они соединились (*двое* — они были *одно* существо с самого начала), а в том, что они, — как вы понимаете это сами, — перестали быть целомудренны в браке; неужели я скажу ересь, если скажу так, как думаю: — что они, напротив, после грехопадения разъединились ². Они стали более внешними, чем когда были созданы, и для внешних людей понадобились законы: в глубоком значении — таинство, во внешнем — обряд. Ну, теперь посмотрите — природа *мстит* за нарушение ее законов, это непреложно; церковь же если символ тела по отношению к Христу и человек должен быть наказан, если нарушает ее законы — эту узду, необходимую, когда утрачена совесть. Вы смотрите на этих внешних, темных, грешных людей с высоты идеала и указываете им на него; но самое понятие об идеале утрачено; глубины и понимания у людей нет — они «погубили ума чистоту», как говорит св. Андрей Критский; и для них обряд заслонил таинство. Они уже отвергнуты от непонятого и недостижимого идеала, и путь к нему остался один — страдание! Вот почему для всех нас жизнь, по словам Тургенева — *тяжелый труд; и отречение*, как он прекрасно сказал — *ее тайный смысл*. Но погодите, мы придем когда-нибудь туда и разлада такого больше не будет ³.

София Ер-ва.

---

¹ Все это — милые фразы, которые даже *угнетают* душу скрытым в них (не замечаемым) *обманом*. «Ну, беззаконие — тогда расторгните же брак, в котором умерла или даже и не начиналась любовь». «Не можем, запрещено» (следует текст). — «Ну, тогда признайте же, что вы *навязываете* миру беззаконие, что вы *ввели* мир в беззаконие, и именно в беззаконие брачное, т. е. универсальное и глубочайшее». «Как можно! Нет! Мы проповедуем брак, как проявление христианской любви, *милосердия* и *прощения*: если которая сторона *не любит* и страдает, то она зато и страдает, что не любит, а если которой больно и трудно в браке, напр., от суровости мужа, то она должна великодушно перетерпеть и простить. Без терпения и прощения нет христианства». В этой риторике *беззаконие безлюбного брака* уже как-то исчезло; и хотя рисуется уже *тюрьма*, она вся называется хроническим «эдемом». В. Р-в.

² Очень глубоко. Самая суть грехопадения и заключалась в *факте* и *вечной*, с тех пор, *возможности распада* людей. Замечательно, что с клеветы на Еву («она дала мне яблоко и я ел»), и начинается грех. В. Р-в.

³ Рассуждение это софистично: *после* греха для павших потребовались и необходимые обряды? Хорошо. Но зачем тогда нет обряда вступления в государственную службу, где мы будем «грешны, слабы, немощны, злы?!». Почему и что это за несчастная область брака, что ее одну и специально все стараются очищать?! «Оставьте ваши старания, это — не навоз», — говорю я «радетелям». Да и еще прибавлю: «восстановите в себе ума чистоту: и уже тогда очищайте супружество». В. Р-в.

Решаюсь писать вам, многоуважаемый В. В., взволнованная вашим отношением к *обрезанию*. Если бы оно имело такое всеобъемлющее значение, как вы ему приписываете, т. е. что-нибудь не временное, а вечное, как, например, сочетание мужа и жены, то оно дано было бы Адаму¹, а не Аврааму. Оно было для времен Авраама Новым Заветом с Богом, чтобы возобновить, а не утвердить; мир уже пал тогда и понадобился закон. Адам до грехопадения разумел все таинства и присутствие в каждом Бога; его никто не учил, он сам исповедовал Истину, т. е., разумеется, Бог открыл ему ее; и уклоняясь от святости этой Истины, он согрешил. Если бы обрезание могло быть значительнее или важнее крещения, то еврейский народ не допускал бы «курений на высотах»².

Господи Боже мой! Как вы «с вашим сердцем и умом» можете так заблуждаться! Ради Бога извините меня, но ваше понятие об обрезании по отношению к браку слишком материально; что вы! что вы! как можно *так* объяснять себе обрезание. Из этого и выйдет, что Адам не ощущал таинства брака, которое должно было быть так же ему свойственно как дыхание, слово, взгляд. Ведь самое совершенное отношение к браку будет тогда, когда о нем не надо будет говорить, чтобы его утвердить.

Ваши мысли о браке, о настоящем браке, исполнены глубины и свежести; больше всего мне понравилось то, что вы говорите о предопределении одного существа другому; у вас это высказывалось нечаянно как будто, а в этом-то вся и сила. Как вы иногда бываете неопровержимо правы мгновенно; неправда ли, у вас точно наворачивается мысль извне необыкновенно веская и ясная, как внезапное открытие, и вот что по этому поводу мне вздумалось: что есть непрерывная преемственность мысли от одного человека к другому, поколениями; она живет иногда затаеннее, иногда более или менее выраженная хорошо, смотря по человеку, который ее выносил.

Но всякая истинная, цельная мысль — вещь очень хрупкая; ее легко разбить, неумело к ней прикасаясь; это я говорю по отношению к уклонениям и к уродливостям, о которых говорите вы. А надежный якорь против них — *в церкви*. Как нельзя более, я понимаю ваше увлечение

¹ Замечательно верование евреев, внесенное (еще до Р. Х.) в Талмуд, что Адам был сотворен *без наружной плоти*, т. е. естественно *обрезанным* (евреями и теперь рождающиеся без наружной плоти, с *открытою* головкою, не обрезаются). В. Р-в.

² Ну, что автор знает основательного о «курениях на *высотах*»? «Когда построение храма было окончено, тотчас было сделано распоряжение о закрытии всех *высот*», объяснено в Талмуде, этом Thesaurus'e еврейско-ханаанских древностей. Т. е. «как только был построен *настоящий* Храм, все *подспорья* его, временные *заместители*, были упразднены». Это — манифестация своеобразного (на наш не похожего) монотеизма евреев: «*Един* Бог, *Един* храм, *Един* народ (у Него) — мы». Но нисколько это не было разрушением «*высот*». Храм Соломонов был как бы «*Высотою Высот*», — Монбланом среди Альп (других *высот*). В. Р-в.

идеей, которою держится мир; вы должны писать об этом, не приходить в уныние, что негде печатать, и не унижать себя такими журналами, которые изменяют свою физиономию, лишь только напечатают вас. Нечего и сомневаться, что Лухманова — в пределах цензуры — с восторгом напечатает все, что хотите вашего, но во-первых — кто будет читать?!?! А во-вторых, она еще более финансист, чем Шарапов. Талант у нее есть бесспорный, но для понимания его мало.

Ах, уважаемый В. В.! Ведь и гениальнейший из гениальных не может посадить апельсинное дерево на камне, или так воодушевить людей, чтобы они переменились вдруг, уничтожили в себе пороки и болезни. Вы горите огнем душевных открытий (относительно «открытий», конечно) и огонь этот сообщится другим. Довольно этого! Неужели вы одни томитесь бесплодностью людских сердец и падением их? Нет, вы не одни. Только как вы ошибаетесь, говоря, что глупы попытки восстановить дедовскую древность, и что этого не нужно: — вспомните о том времени у нас в России, когда не было ни одного *веселого дома*, не было ужаснейшей болезни, заражающей на наших глазах целые поколения; вспомните, что те браки тогда устраивались не как «партия», а как неизбежный закон, и что муж был так же невинен, как и жена, по крайней мере в большинстве случаев. Но, вы сами это прекрасно знаете!

Не совсем кстати, однако, не слышали ли вы про *караимов* и что́ они, в самом деле, такое? Говорят, что у них еврейство сохранилось в чистоте и они знают много истин, которые ревниво берегут?

Екатерина Г-ч.

18

Многоуважаемый В. В.! Мне хочется поговорить с вами о книге, которую вы теперь читаете. Старинная и неискusstная, но замечательная книга. Обращу ваше внимание на следующее, что важно для занимающих вас вопросов и может относиться к вашим последним писаниям. Автор, по-видимому, проникнувший глубины семейственности, набрасывает на свои изображения легкий изящный вуаль. Чем важнее предмет, тем большей сдержанности он сам требует от исследователя. Вот причина тому, что большая часть самых важных, сокровенных законов представляется нашему жадному уму в виде туманностей едва-едва лишь с внешней стороны очерченных. Разбирая их, мы очень склонны оцарапать истину. Никогда мне не удастся поговорить с вами о таинствах нашей Церкви. По учению Церкви они все равно святы. Возьмем, например, таинство священства. Какому уму доступно его анализировать? Исследовать, чем именно действует благодать Божия, какие пути она избирает и в чем она проявляется? Мы можем только знать, что это — святыня, проникнуть значительность этой тайны и указать на нее...

молча. Слово, даже мысль иногда, грубы для душевных откровений — и не о всем возможно говорить. Знаете ли вы, что с самым лучшим намерением, самый лучший человек захочет рассмотреть крылья бабочки, поймает ее и нежно проведет пальцем по ее ярким крылышкам — она умрет, потому что пыль, окрашивающая ее крылья, останется на его коже... так бывает с высшими истинами, которые хочется определить словами. Что такое поэзия? знаете ли вы? Нет, вы знаете только ее признаки, ее влияние, ее значение. Попробуйте не ограничиться чувством ее, а исследуйте, думайте, говорите. Вы придете к чему-нибудь такому *внешнему*, в котором, раз оно выражено, испаряется *внутреннее*. Как относится к Богу, т. е. кем относится, передается молитва? Попробуйте рассуждать об этом — и *молитва* пропадет. Автор книги, вами читанной, понимал это отлично, — вот почему нас влечет к себе таинственно и неотразимо ее философия, хотя она вся в неуловимых поисках. Монастырская жизнь изображена там не полно, т. е. автор больше с внешней стороны говорит о монастырях и их искушениях. Не раз я думала, что такое искушение и грех ли оно? Фаррар говорит, что искушение становится грехом, когда оно делает впечатление на сердце, т. е. когда доставляет удовольствие. Не надо придавать значение мимолетным кривизнам сердца, так же внезапно исправляющегося, как оно и уклонилось. Не надо никогда придавать им значения, подтверждать, укреплять их словами, раскаянием и грустью; надо верить в себя, кротко молиться и просто жить. Ах, как жаль, что этого не знают все в монастыре! Освободившись от этих летучих «падений», человек становится только крепче духом. О многом мне бы надо было поговорить с вами, но многого с другой стороны я даже в разговоре не должна касаться, как женщина. Я ценю очень вашу искренность, ваше доверие, но по праву дружбы всегда скажу, что не о всем позволено нам говорить; вы скажете с чистым намерением и душой о духовном; а читатель с мутной душой увидит одни слова и предметы... и способен соблазниться.

Екатерина Г-ч.

19

...Мне пришла в голову какая мысль. Отчего Господь попускает не только страдания и томления, но и грехи? Часто как будто наворачивается на ум, почему это Бог попускает так много грехов? И вот блеснула предо мною разгадка. Род людской упал так низко, что его может поднять не сознание Истины, которая достучаться не может в его душу, не блаженство истинного милосердия — а одно раскаяние. Вот отчего Бог попускает грехи и безобразное следствие их — народные бедствия, болезни и тоску. Ах, если бы мы могли быть просты душою! Если бы мы могли *видеть дальше своего*, как советует Фома Кемнийский, если бы мы могли, как пыль, стряхнуть с себя все, что нас притягивает к земле. Будь

у нас *истинная* вера в Бога, мы бы никогда не печалились и даже не беспокоились бы, мы бы как Иов, знали, что все по воле Божией и что Он все может дать как может взять. И кто положится всей душой на это святое изволение, никогда постыжен не будет. Ну, погодите, я только скажу два слова — пришло это в голову, когда чудно пели вчера за обедней: «подай, Господи». Отчего вы мало ходите в церковь и лишаете себя такого тонкого наслаждения? Если вы не можете долго стоять, садитесь или приходите на минуточку, но не лишайте же свой утонченный дух пищи, ему свойственной. Сколько бы вы ни читали св. св. книг, душа не раскроется к такому непосредственному вниманию, как среди молений и упований! «Смиритесь под крепкую руку Божию — и вознесет вас в свое время». Вы не рассердитесь, если я скажу — впрочем, вряд ли это к вам применимо! — ничего не может выйти, если человек, как бы он умен, глубок и чуток ни был, все думает разрешить одним умом и полагается во всем на свое рассуждение, завертываемое в такую гордость, сквозь которую не проникнет до его души ласковая теплота надежды и смирения.— Это, конечно, вам известно, но я так хочу как-нибудь развеселить вас, утешить, ободрить, обрадовать, если бы могла чем-нибудь!

Екатерина Г-ч

20

...Признаюсь, я затрудняюсь подогнуть ваши слова под то, что составляет, по-видимому, своего рода *idée fixe* для вас в последнем периоде вашей литературной деятельности. С усердием, может быть, и не «достойным лучшего дела», вы постоянно возвращаетесь в последние годы к тому, что я назвал бы *неоюдаизмом* в христианстве. Но, подумайте: заставить *на костылях рефлексии* держаться то, что покоилось в Ветхом завете и поднесь держится нерушимо у Евреев на материковой твердыне *бессознательного* — истории, быта, своеобразной психики, даже неповторяемой физиологии — вот мираж, которому отдаете вы дань, конечно, временного увлечения. *Оцеломудрить*, так сказать, *К. А. Скальковского* — берем это имя, как представителя яркого мировоззрения, исповедуемого по крайней мере девятью десятками интеллигентного человечества — убедить Константина Аполлоновича бросить парижские бульвары и... что же *начать*? что *реформировать*. Какой *новый метод* применить на *практике*? Ведь проповедник должен же отдавать себе отчет, что на *деле* должны уметь и хотеть сделать его последователи? Ну, вот, скажем, уважаемый Константин Аполлонович согласился из старого «дьябля» превратиться в благонамеренного отшельника, «но что же должна я делать после»? пропоеет он на мотив Жирофле-Жирофля? И в затруднительности ответа на вопрос — зияющая дыра симпатичных, может быть, но совершенно мечтательных ваших теорий. Вы решительно не хотите вникнуть в тот простой факт, что вместо пун-

шевых огней под такт канкана, очень возможно возжечь жертвенный огонь Маноя, но невозможно создать *настроение* Маноя, невозможно разглядеть многовековую складку истории... «Бросить роман и начать *религиозно*»... что? как? спросит не один Скальковский. Все это «слова ¹, слова, слова», как говорил Гамлет.— 1901 г.

Гатчинский Отшельник

21

Многоуважаемый В. В.! Прежде всего простите, что посылаю вам письмо без подписи: не решаюсь же подписываться, зная вашу почти болезненную склонность печатать даже интимные письма, в которых автор прямо указывает, что пишет не для печати. Несколько таких писем напечатано вами в книге «В мире неясного и нерешенного». Удерживает меня от подписи также и ложный, может быть, стыд: я хочу вам сказать о вещах, о которых не то что писать, но и говорить серьезно не принято: *profanum vulgus* ² видит в этом одну «клубничку». Вы много занимаетесь обрезанием. Это вопрос неразрешимый, и можно исписать десятки пудов бумаги, даже не подойдя к выяснению сути обрезания, ибо, как вы сами заметили в «Юдаизме», «ключ бездны» этой потерян. Меня поразило примечание на стр. 264 т. I вашей книги ³, и я решаюсь сообщить вам свои наблюдения (не соображения) по этому поводу, тем более что имею в этом отношении некоторый опыт.

Представьте только что поженившихся супругов. Когда началась брачная жизнь, первое время проходит в каком-то чаду; во всех поступках оба руководствуются внезапно пробудившимися инстинктами и едва ли хоть одно действие совершается вполне сознательно. Но вот порывы улегаются и оба, особенно жена, начинают с величайшим вниманием, порою даже изумлением, изучать совершенно неведомый и так дивно устроенный организм супруга. Здесь, конечно, не у места ложный стыд,

¹ Ответ на недоумение г. *Гатчинск. Отшельника* — есть, но очень сложный, длинный. Во-1-х, давайте начинать культуру пола; класть *камень за камень*: и это — хороший ответ на вопрос: «где же вами строяемый воздушный замок?» Во-2-х, великая тайна нежности и серьезности брака заключается в допущении и желательности его в несколько более близких, чем сейчас, степенях родства. *Все* страны, где брак не гнушается родством, имеют сложение семьи более нежное: у немцев и у англичан они нежнее, чем у нас, а у евреев (еще ближайшие степени родства, нежели у протестантов), еще нежнее, чем у англичан и немцев. Кажется — это только эмпирический факт без всякой связуемости причин и последствий; но если вы глубочайше, неделями станете о нем размышлять — вы постигнете глубокую основательность и необходимость этого. Наконец, в-3-х, обрезание. Через два года после письма — недоумения *Гатч. Отшельника* я получил замечательное, ниже печатаемое письмо, которое вводит нас в психологию брака при обрезании. В. Р-в.

² непросвещенная чернь (*лат.*).

³ «Семейный вопрос в России»: «Каждый понимает, что над *membra virilis* обрезанного, в противоположность мертвым греко-римским скульптурам, — есть вид *живого* пола, вид возбуждающий для другого пола». — Замечу еще, что без наружной плоти, в *точном виде своем*, головка *membra virilis* являет *прототип* или *общий тип* устройства головы (значит — не органа, а целого почти организма, седалища всех органов ощущений и мозга) всего животного царства, без исключений; и в то же время в себе повторяет форму *сердца*. Достаточно в соответственном месте наметить глаз, еще смеженный: и истина этого станет очевидна.

В. Р-в.

хотя нет даже намеков на циничность — но вам об этом не надо напоминать. Вполне естественно, очень интересуют половые органы и вот замечательно: супруга положительно не переносит вида *membrî virilis* с закрытой головкой и в таких случаях всегда оттягивает крайнюю плоть назад, совершенно обнажая головку. Случайно заходит речь об обрезании, — и он объясняет сущность операции. Она изумляется.

— Вот так?

— Да.

— И когда нет эрекции, — тоже так?

— Так.

— И совсем гладко, без складок?

— Да.

— А очень больно?

— Не знаю; надо полагать.

Задумывается. Потом сначала робко и сильно стесняясь, а затем настойчивее, просит супруга совершить обрезание. Тот старается обратить это в шутку, но дело не выходит. Она стоит на своем.

— Пойми, милый, что *это* не твое, а мое, и ты должен сделать это для меня. Я хочу видеть мужчину, а ты стоишь предо мной мальчиком. (Это замечательная фраза, которую он только потом вспомнил и уяснил себе.)

В конце концов супруга отказалась от совокупления. Не сердится, а печальна. Пришлось уступить. Не описываю страшной неловкости при объяснении с доктором и всего прочего. Дело сделано.

Прежде всего оказалось, что операция почти безболезненна; обрезание, наложение швов и бинтование совершено буквально в пять минут. Первые три дня ощущается боль, не мешающая впрочем, ни ходить, ни заниматься; потом боль чувствуется при неосторожных толчках, а на десятый или одиннадцатый день струп спал и орган был готов к совокуплению. Красный шрам исчез в 1—2 месяца.

Конечно, вид *membrî virilis* резко изменился. До операции, при спокойном состоянии, головка совершенно прикрыта крайней¹ плотью; при эрекции она обнажается, но все-таки кожа может довольно свободно двигаться взад и вперед и если натянуть ее, то она до половины закрывает головку. Цвет ярко-красный и притом блестящий. После операции, приблизительно через месяц, кожа на головке и остальной части постепенно огрубела и приняла обыкновенный телесный цвет и стала матовой; даже при спокойном состоянии головка совершенно

---

¹ Нужно бы называть: «наружной». Почему она «крайняя»? Суть ее, отвергнутая через обрезание, заключается не в том, что она *с краю*, а что она *снаружи* и *закрывает и делает невидимую головку*. Между тем от синонимичности «крайний» с понятиями как «наружного», так и «чрезмерного» (крайняя плоть = *чрезмерная* плоть = *сильная* похоть) мало-помалу образовалось чудовищное мнение, что через обрезание у Авраама и еврейства «отсекался избыток, полнота страсти». Невозможно разубедить наших богословов в этом ни ссылкой на то, что именно *после* обрезания возбудились у Авраама заглушенные было («90 лет и лоно высохло») половые силы (рождение Исаака); и что, сверх Исаака, он от Хеттуры имел еще несколько сынов, а наряду с Хеттурой, уже по смерти Сарры, еще имел наложниц (Бытие, XVII). Т. е. что обрезание возродило у него половую мощь. В. Р-в.

обнажена, крайняя плоть образует уже не складку, а только неровности по всей длине члена; головка и вообще весь орган остаются сухими, а не влажными, как раньше; при эрекции кожа довольно туго натягивается и не только не может закрыть головки, но даже совершенно не движется назад и вперед по члену. Всей кожи было удалено около 4 сантиметров. Теперь при эрекции, вследствие недостатка кожи, она несколько поднимается у основания члена и потому длина члена стала заметно меньше.

Жена рада, как ребенок. К совокуплению готовится, как к священнодействию. Началась спокойная и нормальная жизнь.

Раскаяться в совершении операции не пришлось. Потом оказалось, что операция произвела некоторые изменения и в самом половом акте. Прежде всего надо заметить, что у женщины наиболее чувствительные части полового аппарата — не внутренняя часть влагалища, а, вероятно, малые губы и затем клитор; трением их-то и вызывается сладострастное ощущение. До операции *membrum virilis* двигался в коже, как в собственном чехле, и клитор раздражался слабо; поэтому муж иногда оканчивал акт раньше жены и это выходило для нее очень неприятно, почти мучительно. Теперь, при туго натянутой коже члена, ни одно движение его не проходило незамеченным ею. Кроме того, вероятно, вследствие большей грубости кожи члена, самый акт стал заметно продолжительнее и иногда совершался даже с небольшими роздыхами; в этих последних случаях он выходил особенно интенсивным и оставлял чувство необычайного удовлетворения, какого до этого, до операции, *никогда* (курс автора письма) не чувствовалось; и еще одно — ни разу он не окончил акта раньше ее.

Простите меня за эти, может быть, утомительные подробности, но я считаю не лишним сообщить их вам потому, что обыкновенно не приходится или редко приходится узнать разницу в совершении акта обрезанным органом и необрезанным, и вообще не говорят о том влиянии, которое оказывает обрезание на половой акт — и особенно у женщины, а не у мужчины.

Мне кажется, и эту физиологическую сторону нельзя оставить без внимания. Не помню где, кажется у Плосса, уже потом я читал, что у каких-то островитян (а у дикарей обрезание очень распространено) обрезание не представляет религиозного обычая, но совершается по требованию женщин, которые не желают совокупляться с необрезанными.

Кстати: обрезание постепенно распространяется у христиан, и есть немало докторов, настоятельно рекомендующих его в подходящих случаях. Я знаю одну семью, где первый ребенок — мальчик был обрезан потому, что у него было сращение крайней плоти с головкой, доставлявшее ему страшные мучения; у следующих детей обрезание тоже было произведено, но уже по желанию родителей, хотя не было

необходимости в этом. Они говорят, что при обрезании совершенно исключается возможность рукоблудия ¹ — а сколько детей подвержено этому пороку!

P.S. На всякий случай, если вы вздумаете писать мне. Я читаю «Новый Путь» и «Новое Время» и немедленно откликнусь на ваш зов.

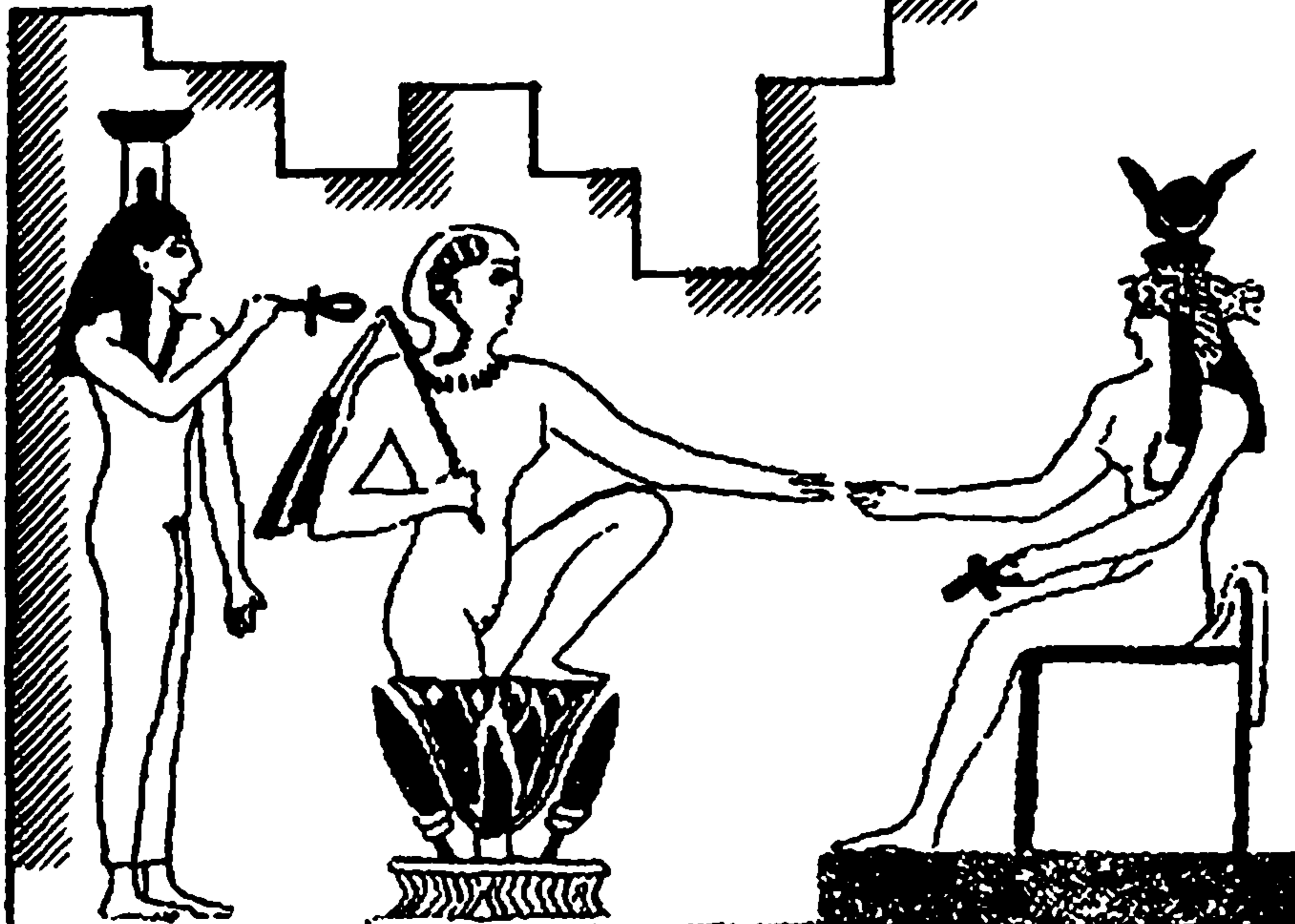
Примите уверение в глубоком уважении.

Ваш читатель

---

¹ Необыкновенно важно! Ведь начинается рукоблудие как? *Случайное* ночью, или в шалости, дотрогивание до *membr. virilis* вызывает, *от легкой его раздражимости, от чуткой впечатлительности* головки, — удовольствие. Найдена дешевая конфетка, даже задаром, и неистощимая, — несчастным малюткой (иногда 7, 8 лет)! Как же он ее не съест? и порок с страшной быстротой и крепостью укореняется, едва ли когда излечиваясь. При обрезании именно *легкая-то восприимчивость* и исчезает (кожа груба, толста, матова, шероховата), и случайное дотрагивание *не возбуждает*. Возбуждение, желание наступает, когда семя созрело; от внутренних биологических причин наступает, от созревания самого организма человека, его *сoprus'a*, а не от прихотей *membr. virilis*. Таким образом, мелкая и беспорядочная похотливость отсекается, и процесс совокупления улегається в настоящие свои нормы, входит в подлинное русло. Переходим к нему. Как можно догадываться, — время минут совокупления также образует, развивает и одухотворяет, вообще *воспитывает* мужское семя, как месяцы беременности воспитывают, духовно формируют плод. От этого семя выйдет тем совершеннее, чем долее продолжается акт: в него в это время нагнетается весь ноуменальный мир, «предчувствия», «томления», алкания, «врожденные идеи» (не все: остальная часть получается в беременности) и пр. Это — до-мирные, до-земные страствования души. Минуты (единичного) совокупления суть (пропорционально) века, пожалуй, тысячелетия для неисследимой микроскопичности каждого семяного тельца (для мотылька-подсики ее жизнь — век). Вот почему минуты, когда семя, волнуясь, то подходит (возбуждение), то отходит (успокоение) от семяного протока в стволе, — в зависимости от состояний, от жизни и волнений *membr. virilis in actu*, — необыкновенно важны. Ноуменальный мир (сверхчувственные идеи) тем глубже укоренится и шире заложится в будущем младенце, в человеке, чем большие «пространства и века» проживет семя в эти минуты, т. е. чем эти минуты будут длительнее. Автор письма пишет, что после обрезания акт стал так длителен, что совершается иногда «даже с передышками». Есть в литературе нашей интересная книжка д-ра Мес. Погорельского «Что такое библейская проказа, *zarat*?» Автор ее — доктор, но раньше он был, как я слышал, раввином. Он пишет: «Замедление акта *coitus* у обрезанных не подлежит сомнению. По моим наблюдениям над евреями, из расспросов женщин оказывается, что нередко продолжительность доходит до 10 и более минут» (в «Приложениях», стр. 23). Желая, так сказать, духовно измерить эту величину, — я однажды, заметив время по часам, прошел в 10 мин. от угла Знаменской улицы и Гродненского переулка — до Кирочной и почти всю Кирочную ул., от угла со Знаменской — до Литейного проспекта. Шел не торопясь, почти гуляя. Чего-чего в это время, гуляя, не надумаешь! Раз столько же длится половой акт, слишком понятно, как пишет автор письма, что «жена — счастлива как ребенок; к совокуплению готовится, как к священнодействию». Ибо тут может пройти, *есть когда пройти*, целый мир мысли и у мужа, и у жены. Тут открывается простор, пространство, чтобы собрался весь наш «внутренний человек» и стал палицо: «вог --- я!» в такую важную и образовательную для будущего ребенка минуту. Громадная жизнеспособность евреев, неутомимость в борьбе за существование, исторически испытанная религиозность (ноуменальность) почти уже не нуждается в других, помимо этого, объяснениях. В. Р-в.

В.В. Розанов

Из восточных мотивов

ПРЕДИСЛОВИЕ

20-го апреля 1916-го года мне исполнилось 60 лет. И треть века, приблизительно с 1881-го года, я достаточно потрудился пером. «День рождения» я решил перевести в «юбилейный год» и провести его с моими дорогими, с моими милыми читателями, поделившись с ними тем, что всего я более люблю...

А более всего я люблю египтян. Не буду отвергать и не буду порицать: в день и год юбилея надлежит быть мирным. Но никогда греки и римляне меня не притягивали, а евреи притягивали лишь временно,— и, как я потом догадался, они притягивали меня отсветом, какой на них упал от Египта. Корень всего — Египет. Он дал человечеству первую естественную Религию Отчества, религию Отца миров и Матери миров... научил человечество молитве,— сообщил всем людям тайну «молитвы», тайну псалма...

Тоже — и чувство Провидения, Судьбы. Тоже — что человек может впадать в «грех» и тогда будет «наказан»... Основные и первые религиозные представления,— фундамент религии, столбы религии,— сложены были в Египте. О, это гораздо выше пирамид, крепче пирамид, вечнее пирамид. Это не «вечные» — сравнений с этим не может быть — это просто вечно.

Нужно мне и всем людям будет всегда нужно.

Начала цивилизации на самом деле были положены не греками и не евреями. Авраам, первенец от иудеев, пришел в Египет, когда он уже сиял всеми огнями. Авраам лепетал, когда Египет говорил полным голосом взрослого мужчины.

Все народы — дети перед египтянами, а следовательно и вся история — египетское дитя. Но неблагодарные дети забыли об Отце своем. Вот о Нем-то мне и захотелось в день и год 60-летия поговорить с добрыми читателями.

ВЕЛИЧАЙШАЯ МИНУТА ИСТОРИИ

«Римская империя», Сборник статей в переводе А. С. Милюковой. Спб. 1900.— Юлиан Кулаковский. «Смерть и бессмертие в представлении древних греков». Киев. 1899.— Густав Флобер. «Саламбо», роман.— Ф. В. Фаррар. «Соломон, его жизнь и время». Спб. 1900.— «Ветхозаветный храм в Иерусалиме». Исследование проф. Олесницкого. Издание Православного Палестинского Общества.

Передо мною ряд книг, частью только что прочитанных, частью давно составляющих любимое занятие. Сборник г-жи Милюковой (667 стр.) составлен в меньшей части из русских оригинальных исследований и в большей части из переводов новых западноевропейских трудов (в отрывках) и древних памятников. Тут возле статьи проф. Герье «Август и установление Римской империи» помещен перевод открытого и изданного Момзеном анкирского памятника «Res gestae divi Augusti»,— автобиография Августа. Риторический труд Фаррара не смеет отрешиться от установившегося тона при изложении библейских предметов; он вздымает крылья, но не летит, не хочет остаться на месте и остается на месте. Знаменитый роман Флобера дает кое-что, но в общем преисполнен олеграфической мазни кровью и бесчеловечной грубостью. Несравненно глубже всех превосходная работа профессора Киевской духовной академии Олесницкого, реставрирующая в мельчайших деталях скинию Ветхого Завета и Соломонов храм. Но что эти труды перед темою?! Она — бесконечна. Величайшая минута истории — вот имя тех двух-трех веков, на которых совершился перелом от — до-христианской к христианской эре. Историки пишут об этом переломе исследования, романисты — романы; и даже публицисты берут из той эпохи краски на свою палитру. Знаем ли мы ее? Да, по памятникам. Понимаем ли? Едва ли.

Многие ли, например, знают, что день 25 декабря, «праздник Рождества Христова», когда мы так радостно спешим в христианские храмы и зажигаем восковые свечи перед темными ликами в них, установлен и принят был новою религиею как *компромисс с митрианством* и принадлежит собственно циклу верований этого звездного мидийского божества? У В. В. Болотова, недавно умершего высоко талантливого профессора С.-Петербургской духовной академии, есть исследование: «День и год мученической кончины св. евангелиста Марка». Попутно он входит в величайшие детали календарного расположения праздников, и вот здесь, опять попутно же, входит в сообщение фактов совершенной неодолимости для раннего христианства митрианского культа,— о том, что спор «pro» и «contra» решительно колебался, и притом не в сторону христианства; и когда, наконец, победа была вырвана у язычества, то

чтобы что-то затушевать, скрыть,— чтобы принять в себя и *приписать себе главный митрианский праздник возрождающегося Солнца, совершившийся у язычников-римлян 25-го декабря* — это число декабря месяца было принято христианскими епископами, вождями борьбы, за «день Рождества Христова». Признаюсь, прочитав это, я затрепетал. Точно я увидел кусок мяса или крови, еще живой и дымящийся, вырванный из столь давно минувшей борьбы. «Так вот как горячо было дело!»... Кто же не знает и еще факта, что Константин Великий, уже давший торжество христианству, провозгласивший его государственною религиею, получивший чудесное знамение Креста Господня на небе, крестился всего за несколько дней до смерти, как бы говоря всем этим: «Оно восторжествовало в империи, но не в моем сердце!» Ибо когда легионы, население, чиновничество были христианскими, когда уже собрался Никейский собор и установил главное очертание церкви, что могло одинокую душу императора удержать от шага, политически столь нужного? «Антонин Пий воздвигает храм Митры в устье Тибра, в Остии; при Марке Аврелии статуя Митры появляется на Ватиканском холме, в Риме,— на том самом месте, где теперь возвышается храм св. Петра»,— пишет Жан Ревилль в книге «Римская религия во времена династии Северов». Да что такое «Митра»?!! Никто порядочно не знает, не знает внутренно и по существу. Когда читаешь исследования, поражаешься каким-то хламом суеверий, ни на одну минуту не останавливающим внимания. Внимание останавливается историей постепенного введения культа: его узнали впервые *от морских пиратов, разбитых Помпеем*; но отзывы «об этом суеверии» так презрительны и пренебрежительны долгое время, в течение приблизительно двухсот лет, как только это могли бы делать мы по тем лоскуткам известий, какие дошли до нас. Но потом *что-то узнали о нем*. Что? — Неведомо.— Марк Аврелий — не чета разбойникам, его читаем мы, на него немного лет назад указал Толстой, как на величайшего моралиста: и вот он воздвигает Митре алтари. Очевидно, мы чего-то такого не знаем, что знал Аврелий, что составляет в культе Митры,— да и вообще в язычестве,— главное, и, не зная о чем, мы, в сущности, вовсе не понимаем кровь, жилы и нерв величайшей исторической минуты. Что такое *было*? В чем заключалось *дело*? Откуда борьба не только в жизни, но, очевидно, *и в сердцах*?

Ведь мы как себе представляем эту эпоху и самый перелом? — «Мир утопал в разврате; цезари пьянствовали, женщины распутничали. Мессалины, Мессалины и Мессалины; Нерон; бессильный Тацит, жгучий Ювенал. Приходит ап. Павел и проповедует Распятого. Свет победил тьму»,— и Семирадский, как и Сенкевич, получили сюжеты для своих талантов. *Так ли было дело? Так ли оно просто? Не было ли тоски и действительного недоумения? И тогда — в чем оно?*

Нет ли языческого сейчас во мне, в вас, читатель, но чего мы не замечаем? Вот нить исследования, путь разгадок. И, проще всего, не произносим ли мы иногда слово «бог» или «Бог» с такими оттенками

и в такие минуты собственного положения или окружающей нас обстановки, когда решительно нет повода вспомнить ту особенную проповедь, те частные указания и конкретные имена, которые принес ап. Павел в Рим? Да, есть!

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка

.....
Тогда смиряется души моей тревога...
И в небесах я вижу Бога.

Вот очень странное стихотворение! Если бы цензор, просматривая его, предложил автору прежде одобрения исправить последнюю строчку в том смысле, как проповедовал это ап. Павел, т. е. что «и в небесах я вижу Иисуса Христа», то Лермонтов ужасно смутился бы, взял бы стихотворение домой, долго бы над ним думал и, наконец, решился бы лучше вовсе его не печатать, чем сделать поправку совершенно неверную относительно *состояния его души и предмета стихотворения*. Вот точное изображение приснопамятной борьбы. Богословия еще тогда не создано и не было религиозной системы; было одно Евангелие: и сущность борьбы заключалась в том, чтобы *езде*, где языческий мир чувствовал душевную нужду назвать *имя Божие без точнейших определений*, христиане стали требовать, чтобы вставлялось *конкретное и определенное имя*, называемое *езде* в Евангелии. Мы за тысячу лет к этому привыкли. Но ведь этой тысячи лет тогда не было. До сих пор я помню обрывки песни, производившей на меня впечатление в детстве; в ней поется об узнике, несправедливо ввергнутом в темницу, и тут — картина ночи и часового под решетчатым окном:

И на штыке у часового
Горит полночная луна.

Стихотворение, конечно, плохо, потому что как же кроткая и бледная луна «горит»? Но вот последние две строчки, в которых автор-певец успокаивает узника:

Но *есть на свете Провиденье*
И на святой Руси — отец.

Т. е. на земле есть «царь», а «в мире есть Провидение», которые не оставят до конца несправедливости. Теперь, если бы в заключительных строчках мы на место «Провидения» вставили или предложили поэту вставить: «потому что был, и умер, и воскрес Иисус, сын Марии, обрученной Иосифу», то опять вышло бы недоразумение, нежелание поправить и прямо невозможность поправки, раскрывающие странным расхождением своим смысл древней борьбы. Была ли в древности вера в Провидение? Несомненно! В бессмертие души? Конечно, — была сильнейшая вера, о которой говорят элевзинские таинства и диалоги Платона. Знали ли древние Творца мира? О нем постоянно говорят Платон

и Аристотель. Вера в Бога была до такой степени сильна, что, например, обращением к Богу начинается знаменитая речь «О венке» Демосфена, а Платон кончает молитвами многие из своих диалогов, напр. «Федр». Можем ли мы представить Спенсера, который заключал бы молитвою «Социальную статику» или «Книгу о воспитании»? Смешно об этом спрашивать. Но если бы что-нибудь подобное случилось, то его бы называли «святошей». Между тем никаким насмешливым именем не обзывали древние Демосфена и Платона, и, следовательно, напряжение веры как у светил своего времени, так и у общественной массы,— прямо было в конце язычества ярче, серьезнее, так сказать — трагичнее, нежели у нас сейчас, т. е., во всяком случае еще не при конце христианства. Таким образом формула: «Мир погибал, цезари пьянствовали, женщины развратничали, пока и т. д.» — не имеет никакого под собою фундамента, и мы просто не знаем: *да что же такое совершилось тогда?*

Собственные имена богов древности, как и весь Олимп и Капитолий, не имеют никакого значения, что видно из легкости, с которою они заменяли Юпитера Митрою, а греки-Птоломеи, т. е. поклонники Зевса и Геры, придя в Египет, усердно реставрировали древние храмы Озириса и Изиды. Можно сказать, что теизм человечества разделяется на христианский и вне-христианский, причем последний везде был один, состоя из веры в Провидение, Творца мира, загробную жизнь и будущий Суд над злыми и добрыми. Но это все входит и *в нашу веру*, бесспорно,— однако, возникнув *ранее ее*. Борьба между христианством и внехристианским теизмом и заключалась в долгом недоумении древнего мира, в долгом его страхе: входят ли,— и как входят загробный Суд, бессмертные души, Всевидящее мировое Око,— в краткий и тесный рассказ, принесенный из Галилеи, который они знали не *под углом нам известного богословия, куда вошли все эти древнейшие и обширнейшие верования*, но именно как рассказ о 33-х годах жизни, о распятии и воскресении, об определенном Лице и определенной стране.— «*А мир? — спрашивали они. — Разве он без Творца? Разве мы, несчастные люди, без Провидения?*» Сейчас и тогда на все эти вопросы не могли отвечать христиане; на них ответили века христианского мышления, ответили *потом*, ответили *позднее*. И вот, как кажется, главная причина *упорства* древнего мира перед историей из Галилеи.

Теперь оглянемся на себя. Известно, как принимали новичков в Запорожскую Сечь. Новичка приводили к кошевому и тот спрашивал:

— В Иисуса Христа веришь?

— Верю.

— И в Пресвятую Богородицу веришь же?

— Верю.

Удостоверившись, что пришедший не бусурман, а христианин, кошевой повелевал его зачислить в войско. Человек становился «казаком»,

т. е. до известной степени «рыцарем креста и христианства». И мы все на вопрос: «Кто вы?» отвечаем: «Христианин», а на дальнейший об этом вопрос разъясняем:

— Мы называемся христианами, *потому что верим в Иисуса Христа, Бога нашего.*

— *Бога?...*

— *Сына Божия.*

Но ведь это колоссальная разница, ибо «Иисус, сын Марии, обрученной Иосифу», не покрывает, значит, и не исчерпывает *теизма*; он составляет только второй и средний момент его. И кто же знает, в остальные $\frac{2}{3}$ теизма неуместимо ли неопределенное чувство Бога у Демосфена и Платона, их очень ясные и до сих пор доказуемые идеи, да и вообще не лежат ли там, говоря историческим языком, и «эллин и иудей»? Вдруг, сразу, в первом, втором и третьем веках нашей эры, цивилизованному, старому и очень еще пламенно веровавшему миру, был предложен христо-теизм. Он отказался. Мы теперь, через девятнадцать веков, знаем, что это есть $\frac{1}{3}$ полного теизма, но древнему миру он был предложен как весь и полный теизм. Он имел право отказаться. Вот чего не разобрали историки, все не разобрали. Что же такое эти $\frac{2}{3}$ теизма?

Мы очень мало вдумываемся в глубочайшую философию, скрытую в нашем Символе веры, которую необычайно сжато сформулировали отцы Никейского собора, — так сжато, а для нас и так привычно, что мы ее повторяем как дьячки, которые вместо «Господи, помилуй», сорок раз повторяемого, уже сливают это в какое-то гудение: «би-ли-би-ли-Господи». Велико действие привычки и — забвение, беспомысленность, ею порождаемая. «Веруем в Бога-Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого и невидимого». Что́ здесь не уместается? Что́ сказал бы древний мир, если бы формула эта, изреченная церковью в четвертом веке, была предложена апостольскими учениками в первом и втором веке тому же Марку Аврелию, Антонину Пию, Александру Северу? «В это *всегда* мы веровали! О нем — наши гимны, об Отце светов, и даже в тех словах, как вы говорите: «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна»! Ведь нужно же что-нибудь понимать в древностях. «Мир видимый и невидимый, феноменальный и трансцендентный, и в центре его как зиждитель — Бог», это есть альфа древней веры, которая без всякой перемены вошла в первый член нашего Символа. Можно сказать, в борьбе внехристианства с христианством только и делалось, что первый член Символа отстаивался от второго, пока на Никейском соборе они согласовались и не найдена была мировая «эврика». Но все мы, до сих пор мы все, совершенно вопреки богомудрости отцов четвертого века, незаметно для себя впадаем в отрезанный и обрубленный евангелизм, в Христо-теизм; — и, ничего конкретного не соединяя с Богом-Отцом, ничего в мире и в себе не отыскивая, что́ относилось бы — по Символу «не слиянно» — к Нему, опять выходим из полноты собственной веры.

— Вы кто такой?

— Христианин, т. е. признаю Богом Иисуса Христа.

Это, конечно, истинно, но не полно,— против Никейского Символа всерьез не полно,— представляя только второй член его. До чего забвение всеобщее, можно видеть из примеров Гете и Вольтера, которые решительно отказывались понять «Троичность Единого», прямо смеялись над этим, как над арифметической невозможностью. И у нас многие смеются, просто и чистосердечно не понимая. Между тем это не только понятно, но *только это-то и понятно*, т. е. когда около Научителя высочайшего нравственного закона поставлено Предвечное Око, блюдущее мир, Свет светов, Провидение и Судия, угаданное, да и, наконец, определенно почувствованное, хотя и различно наименованное, между Тибром и Ефратом, Нилом и Пропилеями,— между древним Авраамом и до Константина Великого.

До какой степени это так, можно видеть из следующего. Кто из православных, войдя в католическую или протестантскую церковь, взял бы частицу св. даров и причастился? — Никто! — Перекрестился бы по-ихнему? — Никто же! — Они в нашей церкви? — Тоже ничего бы не сделали. Между тем вера в Иисуса Христа, в Бога-Отца, полное признание галилейского события, принесенного на Запад апостолами, у них и у нас одна. Решительно — мы одной веры, мы «христиане» все. Читатель не знает и высокой степени удивится, если я скажу ему, что в Иерусалимский храм Соломона,— да, в тот храм, где поучал наш Спаситель, в который входили пророки... в храм этот входили и эллины, не как зрители, а *для совершения некоторых низшего разряда жертв и служений*. «Язычники допускались к участию в иерусалимском культе,— от них принимали все жертвы по обетам и жертвы добротные, так называемые *недаво́т и недарим*, т. е. всесожжения, хлебные приношения и возлияния. Не принимались от язычников только специальные еврейские жертвы — как жертва за грех, жертва от гноеточивых и родильниц» (смотри все истории Талмуда). Ученые вяло и сонно приводят эти факты, не падая со стула от страха: хотя вся причина упасть — есть. Ибо ведь это в переводе на факты теперешней религиозной жизни говорит о такой близости язычества и иудейства, какой еще нет между католиками и православными, между лютеранами и католиками. Ибо факт таков, как бы у нас был обычай и слово: «Причаститься католику у нас нельзя, а вынуть просфору и поставить свечку — можно»; или: «Нельзя пастора позвать служить нашу литургию, но позволить ему отпеть панихиду по умершим — можно, справить молебен у него — можно же». Между тем как вся сумма нашей психики и вся сумма совершившегося — и почувствованного, и действительного — разделения между протестантизмом и православием не допускает этого! Таким образом, мы от лютеранина религиозно стоим дальше, чем афинянин стоял религиозно от кого-нибудь из колена Вениаминова. Между тем

«Вениаминова вера» есть немножко и *наша* («Ветхий Завет»), и этого мы не скрываем от детей, учеников гимназий. Между тем не только от гимназистов, но и от ученых скрыто, что через это посредство «жертв греков в иудейском храме» мы имеем что-то *свое* и в Эллинском Символе исповедания!! Как же не упасть со стула, если есть живой ум и воображение? С другой стороны, *четвертый год* месяца издревле и сейчас называется у евреев «Таммуз», а это — имя самого любимого божества сиро-финикийских городов. И пророк Иезекииль в одном месте жалуется: «О, еврейские женщины! Вы сидите *в храме* и сплетаете *одежды Таммузу*». Это смешение волн теизма вовсе было бы невозможно, если бы суть его, от коего до нас дошли щебень и камень, обломки обесмысленных надписей, не была подобна как бы четырем полостям нашего сердца, которые в разное время сжимаются; но через все их бежит одна кровь, хоть в разные моменты и разного цвета. Но мы показали, что и посейчас мы воздыхаем иногда языческими воздыханиями, и говорим в стихах то, что могло бы без противоречия поместиться в сборнике древнейших восточных гимнов. «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна»... Этот момент *рождения, рождаемости в Божестве* — опять это альфа теизма в Гелиополисе и Вавилоне.

Я люблю на Литейном, близ Окружного суда, церковь, которой темно-синий купол усеян золотыми звездами. *О звездном небе* ничего нет в Евангелии, и это не есть *евангелическая* часть нашего теизма. Между тем я читаю у пророка Амоса (гл. 5) слова с очень точным наименованием одного созвездия: «Кто сотворил *семизвездие* и *Орион* и претворяет смертную тень в ясное утро? Господь — имя Ему», и в следующей главе какое-то странное упоминание, по-видимому — о Скинии Моисеевой, но с удивительным осложнением: «Приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет, дом Израилев? Вы носили скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображение которого вы сделали для себя». — «Вот я вам, за ваши *звездочки и луночки*, и опахала, и цепочки на ногах...» — грозит Исаия еврейским женщинам (гл. 4). Странно. В костюме одежды переходит нечто священное или бывшее священным, по крайней мере — у народа, столь ритуального и в одежде, как библейские евреи. Да упоминание о «звезде», изображение которой будто бы носилось евреями в пустыне, не оставляет никакого сомнения о священном трепете евреев при воззрении на звезды, «и на семизвездие, и Орион». Между тем трепет *к звездам* есть часть, есть неременная часть религий Фив и Вавилона. Я не знаю, почему, но я трепещу при воззрении на звезды, «умные очи», очи «из неба на меня», и все мне хочется прочесть там мою судьбу, рок о мне, — заботу Провидения. Верю, верю с поэтом:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Т. е. верю *жизни* небес, что они — живут, что они — не холодны и что они суть именно «многоочитая» одежда божества, «очи спереди и сзади и внутри и снаружи божества», как их описывал в тайносказании Иезекииль. Но эти звезды, и именно в куполе храма,— я их видел и срисовывал из атласов различных экспедиций в Египет. Ничего в Евангелии о созвездиях; в Египте — они всюду; и они же на дорогах наших церквах, но уже без памяти — *откуда? как?..* Я говорю, древность не умерла; но, потеряв имена,— вечною в ней сутью она вошла в суть нашего теизма... Ни эллины, ни иудеи ни умерли, и не могут умереть.

«Я поклоняюсь *святому чуду мира*» — кто меня остановит, если я так скажу? Между тем на Акрополе и в Капитолии, и в Фивах, и в Вавилоне и поклонялись, и умилялись, и лили слезы перед «святым чудом мира», и о нем же задумался в колебаниях Константин, о нем размышлял Марк Аврелий; его мы чувствуем все сейчас. Чудо мира — в смысле недоступности для разумения; но и еще далее и глубже — *святость мира*: ибо где же в нем не Бог? Я поклоняюсь памяти святого; но еще я хочу поклониться изображению его, хотя в нем нет его, а только связь моей памяти и точной с него копии. Но также и никто меня не остановит, если я поклоняюсь звезде, как иконе Вечной Премудрости, как точке касания перстов Божиих? Если *снимок* есть «образ», то «образ» есть и *звезда*, и «семизвездие, и Орион». Вот как далеко все идет и вместе как просто! На одно, недоумение Пушкина Филарет ответил прямо египетским стихом, т. е. вечною и везде истиною, которая, однако, ранее всего почувствовалась и была прямо названа, формулирована в Египте. Пушкин затосковал, смутился,— петербургский дэнди спросил в унынии:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?

Филарет ответил, из души, из глубины своей души, не размышляя и сейчас же ответил:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана...

Какой краткий ответ! С какой радостью мы его все слушаем! Но очнемся, откуда это? «*Жизнь нам*», увы, дается так же, как и каждой твари, и как в цветке дается жизнь растению, и огромному баобабу, и едва видной травке. Можем ли мы сказать о *всех* этих моментах дарования жизни, что тут — «Бог» и «от Бога»? Мы вспоминаем лотосы в египетских храмах. Так неужели им верить?! Филарет верил. Не — «Бог», конечно, но — «*жилище Божие*»; и как *звезда* есть *образ*, так *образ* же есть и *цветок* — как *еще другая точка касания Божиих перстов*.

Не везде одинаково это касание, «печать» Божия не всюду одинакова: — есть точки *избранные*, есть точки *особенные*. В лице нашем насколько «глаз» *особеннее* «остального»! Он — точно в лице еще *особенное* лицо, новое, глубочайшее, изнутри проглядывающее! «Сколько души» в глазе! «Сколько Бога» — в цветке! В стебле — его меньше; в коре — совсем

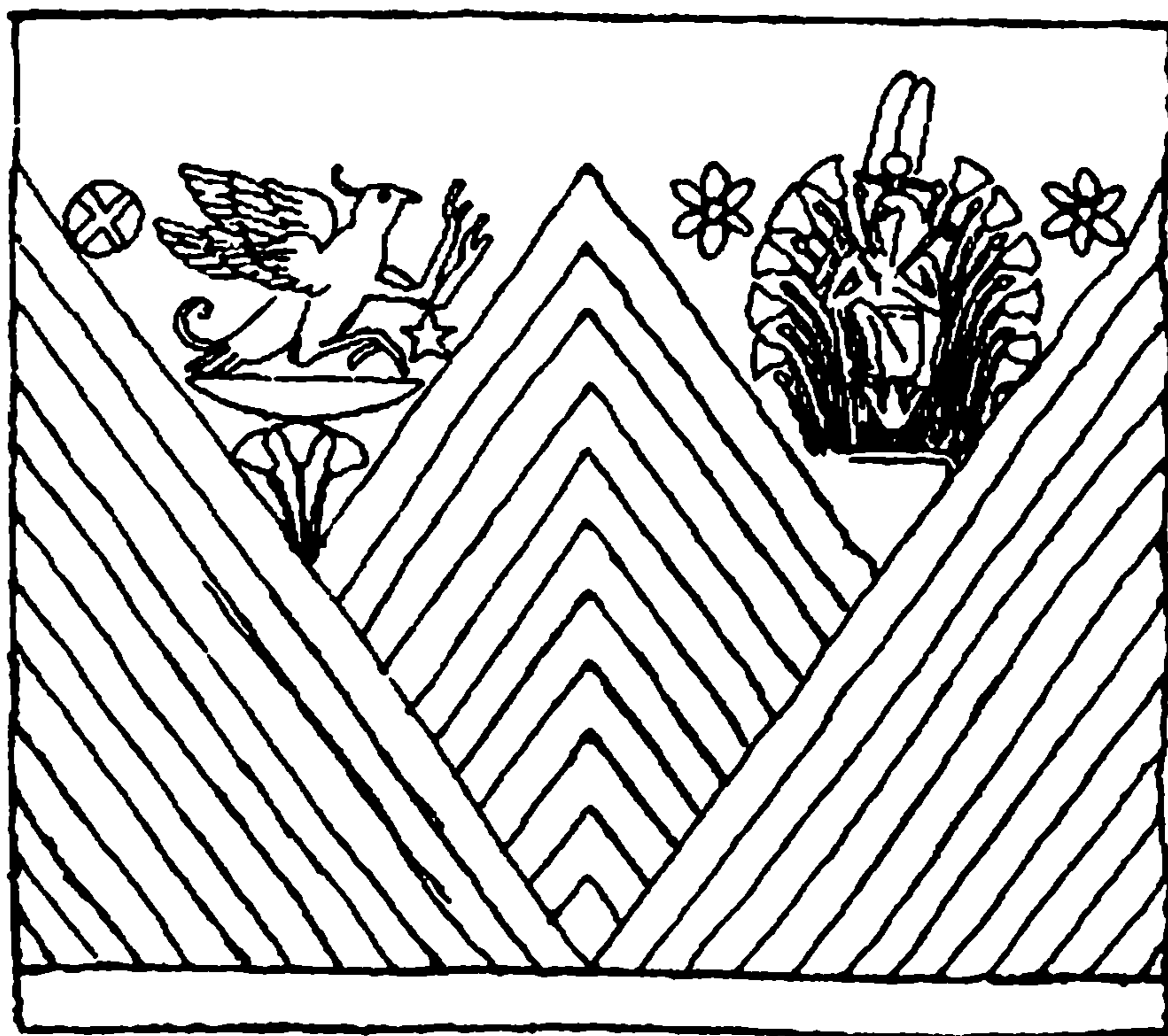

Рис. 5.

Изображение на основании колонны храма в Исне (Ichnopolis). Взято из 1-го тома, табл. 80, «Description de l'Égypte ou recueil des observations et des recherches qui ont été faits en Égypte pendant l'expédition de l'armée française, rublié par les ordres de S. M. l'Empereur Napoleon le Grand». Paris, MDCCCXII.

Египтяне вечно брали природу в синтезе, а не в анализе, чувствовали ее синтетические токи и направления, а не разлагающие. Можно, однако, это принимать и так, что они «разнообразие природы сводили к единству». Мысль остается одна и та же в обоих выражениях. Только эти люди природу *не умерщвляли*, как бы «химии они не предполагали и не предвидели самой ее возможности». Без этого *синтеза* и влечения к нему, тайной *радости о нем*, — не встречается почти ни одного египетского изображения.

Здесь мы имеем: *птичка подняла человеческие у себя руки* кверху, — в восторге и вместе в умилении, — как мы привычным теперь для нас жестом (но в Египте-то это было *впервые и вновь*) «всплескиваем руки» или «подымаем молитвенно кверху» (и что «молитвенно» — об этом говорит звезда перед нею), — обратясь личиком к человеческой фигуре, сидящей на лотосе и окруженной лотосами, *расцветшими* вперемежку с *уготавливающимися к расцвету* (бутоны). «Роды» ли это человека из цветка, нет ли, — но к этому близко, тени этого носились перед египетским умом. Однако по присутствию *бутонов* мы заключаем, что птичка «так сложила ручки» при зрелище человека в его *рождающемся моменте*.

мало; в камне — ничего. Камню я и не молюсь, тоже — коре; но о цветке... все-таки могу сложить мистико-религиозную песенку; и тоже — о звезде... «и семизвездии, и Орионе». Звезда и цветок имеют много *богоприсутствия* в себе. Древние так и говорили: — «Вы нам проповедуете высшую мораль; но ведь еще есть трансцендентность, есть мир-загадка, есть мир-чудо: как это у вас, в каком положении?» — Три века и шел спор.— «Вы должны любить и врагов, а не одних ближних: Он сказал».— «Но что Он сказал о звездах и цветке?» — «и о Промысле над звездой и цветком»? — «и о том, откуда в цветке и во мне жизнь?» Это совсем разные вопросы. Разную категоричность этих вопросов не уловил и Гете, не говоря уж о Вольтере. «Правила поведения» нисколько не есть то же, что загадка о силе «роста растения». «Такой *нравственности* мог научить только Бог», говорю я, читая Евангелие, и не слушаю Ренана, отмечаю Штрауса.— «Но и такую *прелесть* мог сотворить только Бог»,— говорил древний, указывая на кувшинку в пруде, образ которой от перенес в храм. Да, Бог везде... «в видимом и невидимом»; он «видимо» жил между нами 33 года; но гораздо ранее Ему же пять тысяч лет молились как «Невидимому» в храмах, главная и всеобщая черта которых была полное отсутствие изображений, иначе как в аллегорическом смысле.

Нам хочется кончить мысль свою почти иллюстрацией. Известно, что Соломонов храм был только развитием, расширением Скинии Завета, план которой, при сокрытой мысли, дан был Моисею на Синае Богом. В то же время этот храм воздвигали архитекторы и мастера Тирского царя Хирама. Вот мост между Синаем и Тиром, устои которого стоят еще сейчас, а настилка и перила снесены памятными событиями. В храме был жертвенник — святейшее место; в Скинии был он же. План жертвенника и опять же его тайная, нерассказанная мысль, была дана Богом. Между подробностями устройства жертвенника замечательна одна: под верхней его доской находилась земля и камни — не тесанные. Мысль *целости* проходит во всем израильском священнослужении: «священник должен быть без болезни и не урод», «пасхальный агнец — без порока и однолетний», а Агнцу мира, жертве за грех мира, «не были

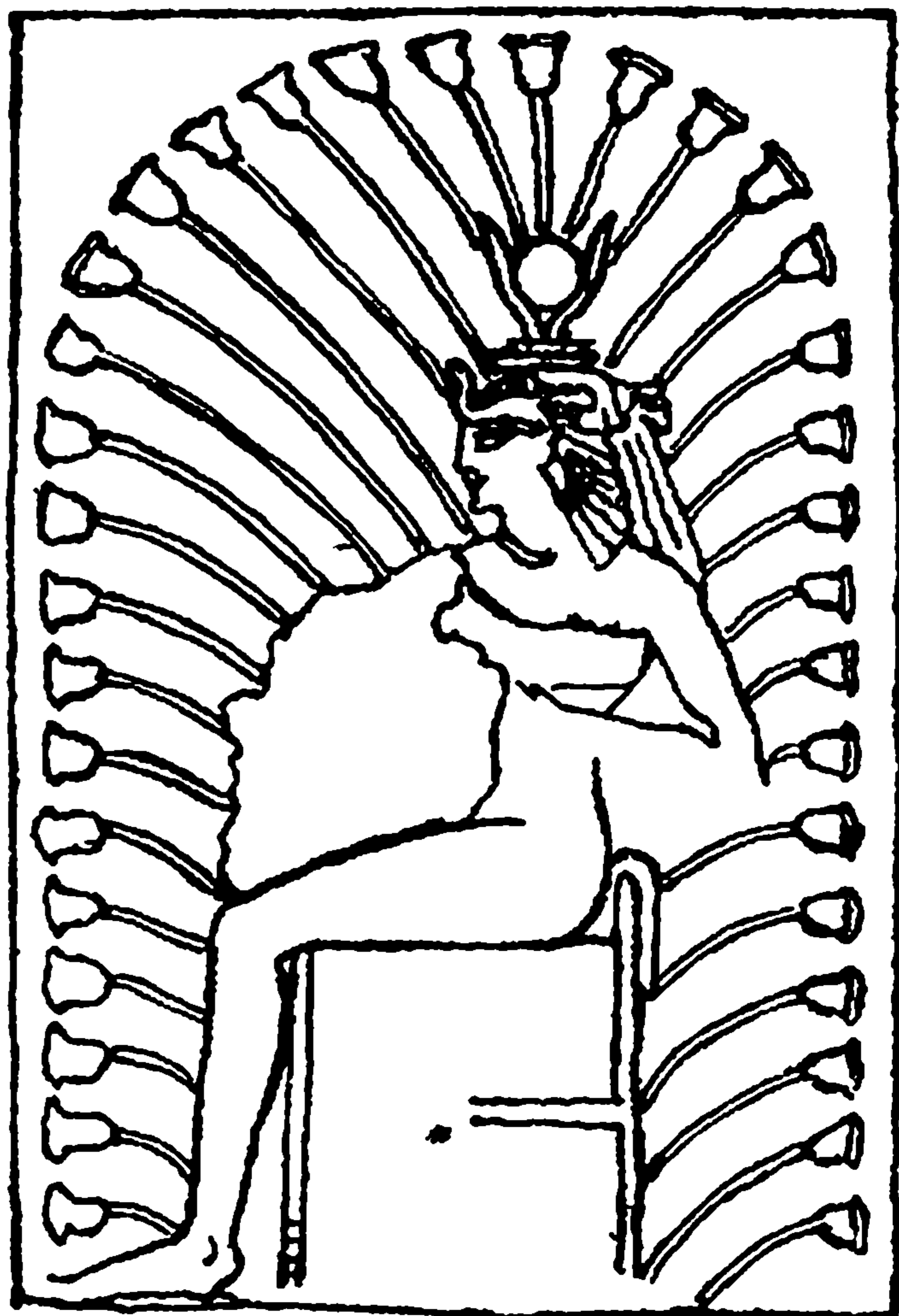

Рис. 6.

Рисунок взят с табл. 67-й того же издания. Часть рисунка обломана, — и линия та, где «ребенок сосет грудь матери». Синтез здесь выражен в рогах коровы, объемлющих диск солнечный на голове матери. Все — как *adoratio* (обожание — лат.) материнства.

перебиты голени». Везде проходит мысль *органической целостности*. Еще одно упоминание Библии: в огонь жертвенный нельзя было бросать *дров с загнившим или червивым сучком*, ибо это — «грех», такое дерево было противно священному пламени. Везде — одна мысль: мысль о «жизни», как противоположении «смерти». Но в жертвеннике, который весь свят, были точки исключительной и страшной святости: это — *рога* по четырем углам его. Это за них ухватился Иоав, преследуемый воинами Соломона, перед смертью. «И ухватился Иоав за ро́ги жертвенника», сказано в четвертой книге Царств: это — убежище и прибежище, храм в храме, «сердце» жертвенника. Удивительно, что историки не обратили на это внимания. Если есть *рога* — есть и *тот*, у кого *бывают рога*; если они были столь священны, очевидно, они не были «архитектурным украшением». Но где же *он*? Где же Тот, кому они принадлежат?! Все мы читаем в Апокалипсисе о Предвечном Агнце и не удивляемся, не поражаемся, привыкли. Знаем и Пасхального Агнца Библии, что-то знаменующего. Агнец — ягненок: вот у *кого* могут быть «рога». Но где он? — Уходит в жертвенник, сокрыт в нем, невидим — по общему закону *невидимости*, но не *отсутствия*, которая проведена в Скинии и повторена была в храме. «Невидим», но «есть»; и что он «есть» — свидетельствуют рога, которые одни выставлены из жертвенника. Жертвенник похож на агнца ли, тельца ли с наброшенной на него рогожею. Видна рогожа, видна попона: т. е. доска и стены жертвенника, но они суть — *дом и жилище* только не изваянного, но в самом деле и живым присутствующего здесь... тельца ли, агнца ли. Моисей разбил изображение. Но разве это отрицает изображаемое? Иконоборцы отрицали образа. Но разве это свидетельствует, что они «не почитали святых»? «Завтра праздник Господу!» — сказал Аарон к народу, слив *тельца*. А неужели он ничего не знал о том, кому поклоняется его брат?! Нет изображения, — и его не нужно, это — грех; но «рога» есть и есть, значит, изображаемый, но он есть — *живой*, он есть не как медь и золото, а как — *жизнь*. Ровоам в Вефиле и обнажил животное жертвенника. Он снял рогожу, убрал попону; получилось *то́, что сделал народу Аарон*. Историки поняли это, как борьбу теизмов и так объяснили своим читателям. Между тем это был *один теизм*, и спор исчерпывался вопросом — *обнажить* ли *все*, или оставить видимым лишь самый незначащий, внешний, в сущности безжизненный, ибо бескровный, придаток — *рога*. Рога — без крови и их можно, позволительно передать медью. Но если я поклоняюсь «крови» и даже в ней ее тайному и бесспорному мистицизму, движущему ее, содействующему ее священной, не проливаемой («не убий»), то как, в самом деле, ее выразить??? Аарон ошибся, и вот в чем его ошибка: что *жизнь вообще не изобразима в камне, в металле, геометрически, статически*. И как ошиблись историки в данном пункте, принимая за разные религии варианты одной, так ошибались люди, народы, творцы истории — на границах нашей эры. До нее, как и начинающая с нее, был Бог — «Единый в трех лицах», как и исповедовали, как

нашли формулу потом. Нам принесен был на землю нравственный закон одним Лицом; но кроме этого есть еще *факт* мира, жилы и кровь мира, и в них есть также свой мистицизм и другой родник этого мистицизма. Рождение есть факт, рождение есть кровь; его принципу и поклонялся весь древний мир, нисколько не ошибавшийся. Ибо даже для того, чтобы мыслить, надо сперва родиться. Это — изначальнейшее; и, вместе, что это святое и божественное — не отрицает и Филарет:

Жизнь от Бога нам дана.

«— Да! да!» — мог бы в ответ Филарету воскликнуть весь древний мир в Афинах, Мемфисе, Карфагене, Тире, Вавилоне: — «Мы именно всегда так думали, но мы не умели выразить; мы были бессильны, как художники и словесники, но как молитвенники — мы не ошибались. Не умея говорить, мы показывали на лотосы; не умея выразить трепет сердца — поднимали руки к звездам. Но мы не звездам молились и не лотосу, но, как говоришь ты, тому, что вот «жизнь — от Бога», в жизни — Бог, и он Сам — жизнен, имея в себе ключи вечного живота: отчего, изображая, мы вечно и придавали ему, конечно по-детски еще, то эту, то иную, но непременно животную форму»... «Филарет нашел слово, ибо он и живет в словесную, тоже истинную и божественную, но другую эпоху. У него — истина слова, у нас была истина факта, но без расхождения и противоречия».

В одном таинстве, глубоко фактическом, — браке, — и скрыт до сих пор весь этот будто бы умерший, но не имеющий никогда умереть, теизм крови, «выставляющий рога из жертвенника». Брак есть младенец, о младенце и через младенца таинство, а младенец — «образ и подобие» Агнца. Кстати, «агнец», как самое слово знаменует, есть юное, есть детское или отроческое, скорее всего — младенческое, по возрасту существо. О зрелом или старом не было бы употреблено такое слово, взято было бы другое близкое слово. Агнец — вечный младенец. Но, повторяем, в признанном церковью таинстве брака и содержится, но лишь не раскрытый, весь древний мистицизм, который и нельзя иначе разрушить, как разрушив это таинство. А как только мы станем в него глубже вдумываться, мы вдруг почуем, что ничего в древности не умирало и не может умереть. О Логосе — мы *учимся*; но мы — еще *существуем* и *живем*, и вот это — уже о Ветхом деньми, первом *Родительском Лице* мистического Божественного Существа. И всякий раз, рождая или присутствуя при рождении, мы можем поправить греческое уныние: «Великий Пан не умер, он — в нас и во всем, как выражает и самое его имя, о котором мы у апостола читаем, но лишь в других терминах, но с величайшим и лучшим углублением: «Бог есть *всякое и во всем*». Греков следовало выдрать за уши за легкость их молитв, их светскость, допустившую перейти в поэзию, но — не за *То, Кому* они молились.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС

Пол в человеке подобен зачарованному лесу, т. е. лесу, который обставлен чарами и который сторожат чары. Приближающегося сюда эти чары усыпляют, или обманывают, или увлекают и иногда губят. В одном и другом случае они «*проводят*» его и достигают главной своей цели — не допускают человека войти в лес и осмотреть его. Еще других эти чары отталкивают, пугают. Показываются «страшилища», которых человек даже не смеет назвать; ни кисть, ни слово *не смеют* даже передать показавшегося. Человек бежит в ужасе, и снова цель достигнута: зачарованный лес остался тайною.

Да, пол — это таинственный лес. Но вот Эдип входит в него. Главное здесь — не потерять голову, иметь «уши на макушке», насторожить ум и глаз. Не нужно вовсе фотографировать «чудищ», достаточно самому и субъективно всмотреться в них: тут начинается удивительное преобразование и первый же шаг смельчака является обильно награжденным. То, что *извне*, со стороны города, дороги, пыли казалось рогатыми и суковатыми чудищами, преобразуется при взгляде с той стороны, — со стороны леса, в который уже вступил, — чудесными видениями, истинными «эльфами», добрыми существами, с небесно-блаженной улыбкой и райскими крылами. Пол — «страшилище порока», «чудище мерзостей», «Пандорин ящик», откуда излетают чумные ветры, веющие на мир — вдруг оказывается совсем, совсем не то: обителью непорочных, родником именно и специально непорочнейшего в мире, — и, наконец, прямо ковчегом, где сокровенно сохраняется какая-то вечная и неистощимая, льющаяся в мире святость. Кто уже вошел в зачарованный лес и «не потерял ум» при этом, находит на каждом шагу здесь величайшие сокровища: он набирает их в корзину, сует за пазуху, кладет в подол рубахи. Да это — «целое состояние», а мы-то, мы-то там, в запыленном городе, и не знаем, около какой неистощимой свежести живем.

Выводы «не потерявшегося ума» почти еще важнее здесь, чем непосредственно собираемые с земли ценности. Все то, что казалось и обычно кажется «падением», «с той стороны» (дороги, пыли, города) — вдруг

Рис. 7.

оказывается совершенно естественным склонением, в сущности — благоговейным сгибанием колен, и — таким, о коем ничего человек не знает, что он это делает невольно и так сказать не видя, но повинуюсь склоняющей его вью руке. Это — изумительно. Далее, оказывается, что «прéйдет небо и земля», но это склонение, — не прéйдет. Теперь вопрос — перед чем склонение? «Афины повинуются мне, я — матери моего ребенка, а она сама — этому ребенку, и, таким образом, этот ребенок повелевает мною и Афинами», — сказал шутя Фемистокль. Вот верное отношение пола к «городу», и, даже, вот суть пола. Это — младенец.

«Зачарованный лес» и есть лес, окружающий младенца, откуда растет младенец и даже где он зарождается, «зачинается». «Мир чудищ» есть просто Царство Младенца, где скипетр — в руках младенца, корона — на голове младенца, армии водит — младенец; где все и вся — младенческое, т. е. прежде всего — непорочнейшее, чистейшее. Таким образом, склонение всего мира перед полом есть поклонение мира младенцу; и отчего не дополнить: есть поклонение порочного мира собственному этому миру младенчеству, — «видениям».

Первоначальных чистых дней.

Вот что такое «пугающие чудища», «погубляющие чудища»: «порок» бежит именно к непорочнейшему, когда мы думали, что он устремился к «последней гибели»; он буравится в землю, казалось бы, «роет себе могилу»: будьте терпеливы, наблюдайте: он прорыл все 12000 верст земного поперечника и не только «не умрет», но «воскрес» к тому же небу и тем же звездам, которым мы здесь поклоняемся. И в Америке, где-нибудь в Канаде, в Техасе — зажег лампаду в сущности перед тою же звездочкою, но только на 12 часов раньше или 12 часов позднее, перед коею и мы зажигаем в свой час лампаду. Пифагор сказал: «есть — земля, и еще есть — *противоземие* (ὑρτίχδοῦ); есть солнце и еще *противосолнце*». Не это ли он подразумевал?

Мир эльфов, мир младенцев, мир сказок... Родник мифологии — здесь; родник юдаизма — здесь же («обрезание»). Сказочка и молитва вдруг лобзаются; младенческое целование — о, как далеко оно от лукавства! Да, это — потрясающий «зачарованный лес», до того странны здесь встречи, дико-волшебны находки. Моисей со скрижалями — и около него, как толкователь-«брат», не — Аарон, но — Шекспир; Шекспир — в священническом «эфоде», с еврейскими кисточками! «Они из голубых и белых нитей, и утреннюю молитву, которую нужно читать, смотря на эти кисти, — нужно читать в тот час утра, когда глаз получает способность различать белое от голубого» (Талмуд). Да это — совсем царица Маб, о которой рассказывает какой-то Меркуцио в «Ромео и Юлии». Я говорю — зачарованный «лес», лес странных встреч. И вот, при вечерней звезде каждая счастливая чета, каждая смиренная весь, «последний мещанин» — погружается прямо грубою пятою своею в мир этих сказок и этого священничества. О, как нужно омыть для этого «пяту». Как становятся понятны вечерние «священные омовения» на Востоке. Да, священный, святой Восток: родина *всех* сказок, колыбель *всех* религий, истинный «зачарованный лес» истории. Люблю его, безумно люблю этот Восток, находя там Шекспира и Моисея. Запад — полон смущений о Востоке. Как тосковал Шекспир («Буря», «Гамлет»); тосковал и Гете («Фауст»); всякий из нас *на Западе* — тоскует, и мы только не умеем догадаться, что это — тоска по общей великой нашей родине — священному, святому Востоку:

Загорит, заблестит луч денницы,—
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню
Понесем в Старый Дом...

Я не понимаю этих стихов Достоевского, верно не только приведенных, но и *сочиненных* им: но почему-то я не могу их читать и вспоминать без слез. Тут Достоевский сказал что-то мое; «вчера» он вырвал мою «завтрашнюю» правду. Странная телепатия. Я хочу сказать, что я люблю эти стихи как свою родину. Как любит человек могилу матери, могилу своего ребенка. Достоевский договорил:

Понесем в Старый Дом, в Палестину.

Главное,— мне отрадно, что мы понесем туда останки Шекспира; «мощи» Шекспира. Шекспир — «во святых»? неужели возможно? «Разве для Бога есть что невозможное»,— сказал Он засмеявшейся Сарре. «Женщина — вера твоя спасла тебя»,— сказал Сын. О, как мне отрадно, и как текут слезы о «Боге моем, Спасе моем». И пойдём, и пойдём, с «останками» наших святых, *западных* святых, всех этих грустных великих людей, смотревших в недоумении на «зачарованный лес»: и уж, конечно,— бубны и кольца в руки:

И кимвал, и тимпан, и цевницы...

Это будет *музыкальнейшее* шествие, *хореографическое* шествие. Мы будем *так прекрасны*, как еще никогда не был человек от дня создания своего, ибо мы будем *наконец-то счастливы*, а в счастье-то и скрыт недостижимый секрет и так сказать «Пандорин ящик» всяческой красоты и всех красот. Наши движения станут прекрасны; старухи — грациозны как дети, ибо старухи вновь станут дети; мужчины потеряют свою грубость, ибо они станут нежны как девушки; и жены воспоют священные песни, как Мариам — сестра Моисея, или как пророчица Деворра:

Я — Господу спою,
Что высоко вознесся.

Он — Бог мой, я Его — прославлю;
Бог Отчий — превознесу его...

ИЗ СЕДОЙ ДРЕВНОСТИ

...И вселит Бог Иафета в шатры Симовы.

Бытие

Существует предвечное «отчество»; есть вечное «материнство». Что такое Библия? Книга «отчеств». «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова» — вот формула Израиля, пронесенная без перемен в блужданиях между Мемфисом, Ханааном, Сионом, Вавилоном, Парижем, Вильною: т. е. Бог Авраама «родившего» Исаака, Исаака «рожденного» от Авраама и «родившего» Иакова, Иакова «родившегося» от них. Но и помимо этого: с самых же первых глав и до очень поздних, Библия местами переходит прямо в исчисление рождений, в необозримую генеалогию, ветвление и ветвление человека. Это какой-то словесный «дуб Мамврийский», — так и хочется поправить «дуброва Мамврийская», — и шумящий в ней священный ветер. Индивидуум всегда в ней взят в точке счленения с «суком», на котором сидит; и вся полнота внимания остановлена на точке тех новых возможных «счленений», где от него выбежал или мог бы выбежать свежий лист. Мы говорим о том, как Библия высвечивает не в том или ином речении, но в колорите и мелодии необозримых святых страниц. Но вот и из среды «речений» одно-два ярких:

Иеффай возвращается победителем; в радости он дает обет посвятить Богу «во всесожжение» то, что выйдет первое ему из дома. Он предполагал — корову, барана; но выходит — дочь! — единственная!!! Какой ужас. Но обещание перед Богом есть уже дело, и вот как странно для нас дочь утешает отца: «Отец мой, ты отверз уста перед Господом и делай то, что произнесли уста твои. Но только сперва отпусти меня на два месяца; я пойду, взойду на горы и оплачу девство мое с подружками моими». Все далее происходит соответственно обету. Казалось бы, какая тема для размышлений, скорби, недоумения летописца! — но он выписывает только одну строку: «так она и не познала мужа» (Книга Судей, глава 11, ст. 39).

Это — вечная забота Израиля, и Библию также можно назвать книгою «познаний» в этом особенном смысле, как и книгою «отчеств». Вот еще одна запись: война с филистимлянами; войска еврейские разбиты; взят в плен и увезен ковчег завета; убиты Офни и Финеес, дурные сыновья первосвященника Илия; и, наконец, сам первосвященник, полу-

чив известие, упал навзничь и умер. Казалось, весь Израиль разорен,— как племя, как государство, как «святилище»...— Что же записывает летописец? «Невестка же первосвященника была беременна и уже перед родами. И когда дошло до нее известие, то упала она на колени и родила, ибо приступили к ней боли ее. И когда умирала она, стоявшие при ней женщины говорили ей: *«не бойся, ты родила сына»*. Но она не отвечала и не обращала внимания». (Т. е. она была мертва.) (Первая книга Царств, глава 4, ст. 20).

Вот окружение «ковчега завета». Его нет давно; от храма Иерусалимского осталась одна «стена плача»; но «плоть» израильская не

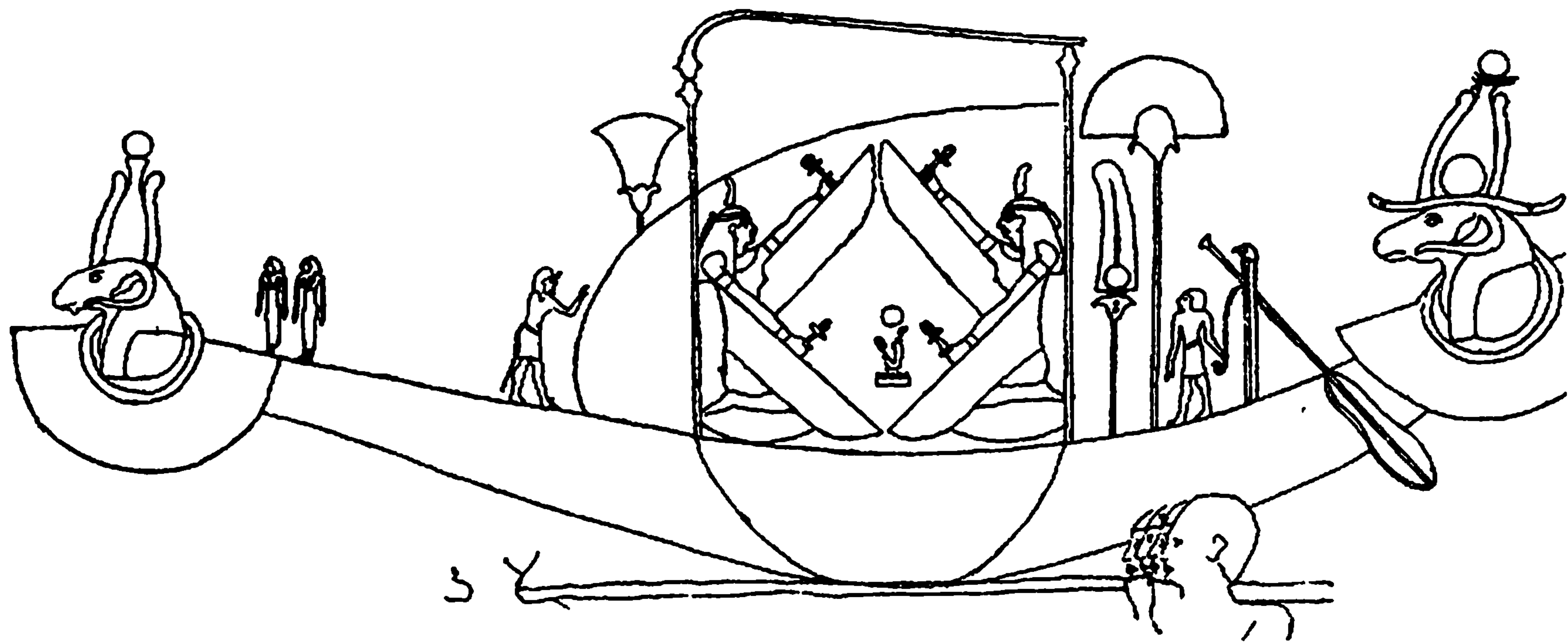

Рис. 8.

только живет, но и решительно не угасает, не тускнеет,— и именно в плотском своем свете!.. 4000 лет — и никакой жизненной усталости; ни тени пессимизма... И до сих пор какой-нибудь «Хаим из Вильны», бредя домой с удачной или неудачной покупкой и увидев свет в окне хотя бы «язычника», останавливается и произносит: *«Благословен Бог сотворивший свет»*. Этого обычая нельзя навязать: он так подробен, за исполнением его так трудно проследить, что, без сомнения, он давно бы уже исчезнул, если бы не было в каждом израильянине внутреннего порыва *каждый раз повторить его*.

Для историков европейских Израиль и до сих пор составляет загадку. До чего далека эта загадка от разрешения, можно судить по одному замечанию, содержащемуся в «Объяснениях на книгу Бытия» покойного митрополита Филарета московского. Дело идет об обрезании, этой странной детской операции, которая и до сих пор сохранена не поколебленною у евреев. Присматриваясь к «высвечиванию» Библии, без труда можно заметить, что забота о нем и страх остаться необрезанным господствуют в ней над вниманием к пророкам и послушанием Моисею, над Сионом и самой целостью «12 колен» (из них одно, Вениаминово,

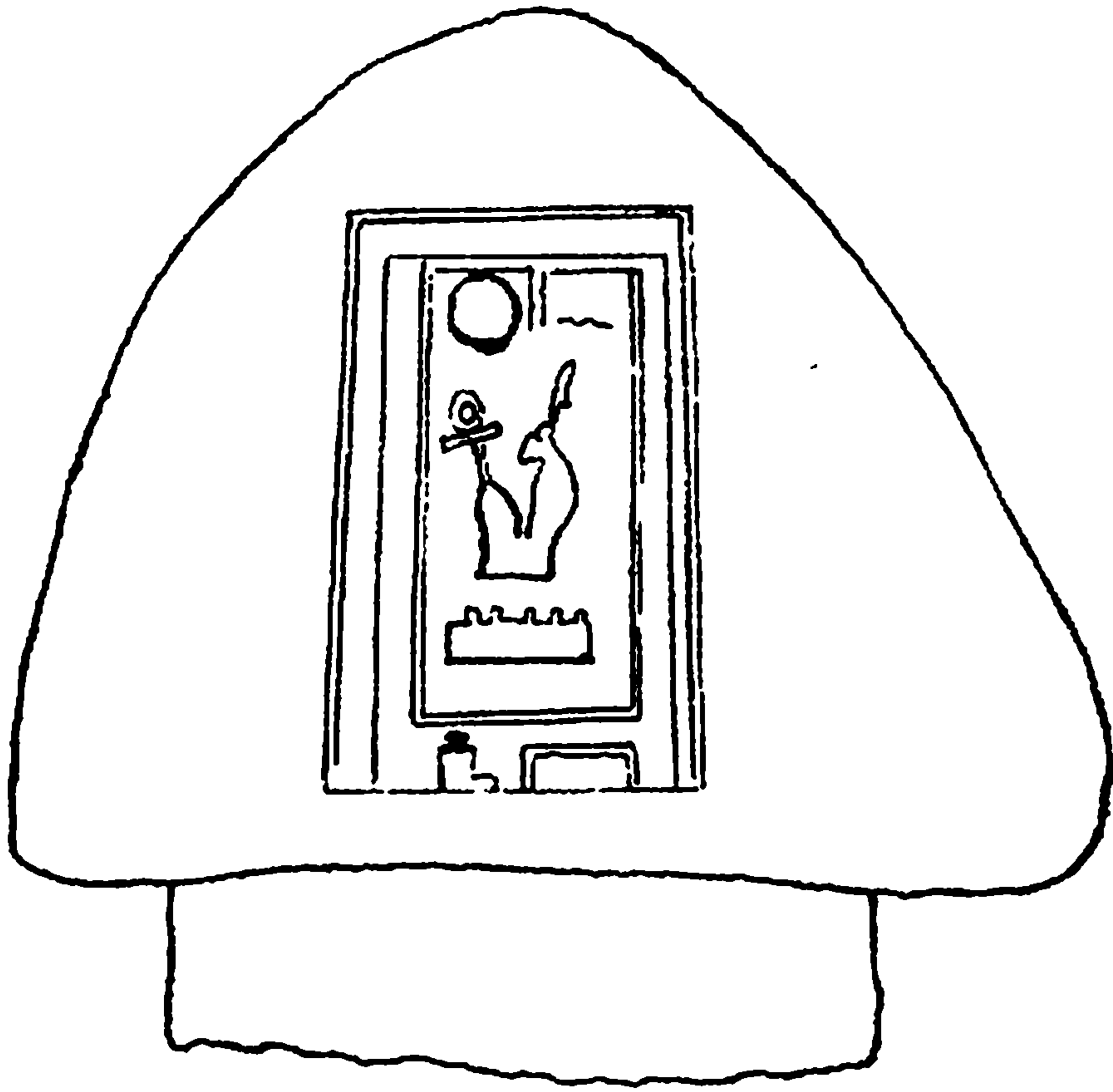

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

однажды едва не было истреблено: остался только *один человек из него*); что все это, — вся 4000-летняя «река Израиля» и вытекла из маленького родничка этой странной операции. Но замечательно, что митрополиту Филарету она уже представлялась с чисто анатомической только стороны, как гигиеническая профилактика: «К учреждению обрезания следует полагать две причины: одна — образовательная, и другая — прообразовательная или пророческая. Первою причиною можно считать: предупреждение некоторых болезней, чистота тела, приличная священному народу, приготовление к обильному чадорождению; в сем последнем смысле изъяснял обрезание Филон (еврей из Александрии и вместе философ платонических тенденций, один из великих, если не самый великий, авторитет юдаизма). Пророческое же или прообразовательное значение его выступает лишь по воплощении Бога-Слова». — Какой догматический, самоуверенный тон. Между тем это больше, чем непонимание; это — отрицание. «Ветхого Завета не было», или — «он не содержал в себе ничего»: вот смысл приведенных слов. Судя, впрочем, по ссылке на Филона, уже к началу нашей эры смысл обрезания был совершенно темен самим евреям, и оно держалось и удерживается лишь косным упорством раввината. Между тем в Библии есть одно указание на смысл операции: это — восклицание Сепфоры, жены Моисея. Важно здесь все окружение обстоятельств, и мы

приведем 5—6 строк. Моисей, только что выслушав Божие наставление около Хорива, возвращается в Египет, откуда бежал было, — для изведения из рабства своего народа. Значит, совершилось великое решение, не — в нем, но — о нем и об Израиле; в хлопотах пути, Сепфора *на время отложила совершение «профилактической операции»*, нисколько не думая не производить ее вовсе. И вот, прислушаемся к тонам как бы далекого и зловещего переката грома: «И случилось дорогою на ночлеге, что встретил его (Моисея) Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, схватив каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросивши к ногам его, сказала: — Ты — жених крови у меня. И отошел от него Господь. Тогда сказала она: — Жених крови по обрезанию» (Исход, глава 4, ст. 24—26). Итак, *один не обрезанный малютка едва не произвел поворота в решенной уже через посредство Моисея судьбе целого племени*. Не поторопилась бы испуганная Сепфора совершить «гигиеническую для ребенка операцию», и был бы умерщвлен Моисей и извода бы евреев из Египта не совершилось. Как явно, что Филарет (и неужели Филон?) совершенно ничего не понимал в обрезании!!! Будем следить о нем другие строки. «Если же кто не обрежет крайнюю плоть свою — истребится душа того из народа», — сказал Бог Аврааму при заключении самого завета. Итак, «завет» — *был*; его мысль — именно в «*обрезании*». Собственно, все «обетования» о «наследии земли ханаанской», о «размножении как песок морской» — лишь прилагаются к иному и главному, сокровенному содержанию обрезания. Все эти обетования — земная сторона, нужная и понятная Аврааму, *склоняющая его к заключению «завета»*, и, собственно, лишь повторяющая его же тягучие мечты. Это *только награда*. Но... за что? за что? Темно, не сказано, нигде не сказано. Острый нож скользит по странной части тела малютки и обагрется кровью, из этой части льющейся... Зачем? Кому? Вопросы, ведущие в ноуменальную часть обрезания, о которой, как *не касающейся до человека*, ему никогда не было ни одного слова сказано.

Из слов Сепфоры ¹, однако, заметно, что скользящий по этой части

¹ К изречениям Сепфоры, проливающим свет на тайну обрезания, и к потрясающим словам Библии, где изложены говоры Божии, склоняющие Авраама к нему, я нашел в изданиях французской экспедиции Бонапарта в Египет два изображения, не оставляющие сомнения в том, что у египтян обрезание было не «этнографическим обыкновением», а религиозным фактом значения приблизительно еврейского. Прежде всего обратите внимание на торжественную религиозную процессию, изображенную на одном из пилонов (башня в виде усеченной пирамиды) при входе в Карнакский (близ Фив) храм. Нижняя несущественная часть изображения испорчена, но вполне сохранена верхняя. Это у египтян подобие наших «крестных ходов», — перенесение из одного места в другое «святынь» их. Жрецы несут на плечах так называемую священную барку. Нос и корма ее имеют изображения головы главного божества Египта — Аммона. В середине барки помещение, под балдахином и со стенками, — как бы «комнатка» или (для барки) «каютка». Перед нею человеческая фигурка с поднятыми руками — всегдашний жест у египтян молитвы. Заглядываем внутрь «комнатки-каютки». Два друг против друга сидящие ангелообразные существа с крыльями, простертыми вперед, охраняют в квадрате, почти замкнутом этими крыльями, существо, находящееся между ними. Каково бы это существо ни было, как бы ни называлось и что бы ни выражало собою, но что это *какое-то высочайшее для египтян существо*, — центр их религии, или, вернее, один из центров их религии и поклонения, — в этом никакого нет сомнения. Над головою его — диск солнца, всегда у египтян знак божества или божественного. Вот это-то божество, или что-то египетски-божественное,

нож есть жест, обряд, процесс полового обручения, после коего «жених крови» обязан в верности... Кому?! Какой?! Пророки разъяснили единственным и непрерывным смыслом своих слов: «не уклоняться к богам *иным*» в точке и через точку обрезания. «Обрезанный» есть «обещанный», — «связанный в завете»; и по точке наложения печати мы не можем сомневаться, что раскрытие завета, исполнение обещания наступает в браке: от этого в Египте, где также было обрезание, оно *совершалось сейчас перед браком*, на 17-м году. Замечательны подробности обрезания: в нем собственно продольно разрезается кольцо (т. е. перерубается), раздваивается, распаивается — одно в два более тонкие кольца; из них одно, «край обрезания», носится человеком, носится почти от рождения до могилы, как «память» и «залог верности»; а другое кольцо отбрасывается куда-то в сторону, — *испуганно* кому-то выбрасывается. «И отошел Господь» — как бы насыщенный, удовлетворенный. «Завет» — конечно с Богом; но «заветоисполнение», судя по точке печати, — конечно только в браке. Т. е. в браке из «обещания» завет переходит в *исполнение*, «слово» обручения — переходит в *дело мужа*, без перемены собственно связанных полукольцами. Отсюда — подробность: *кто не может быть мужем, тот вовсе не может быть израильтянином*; «скопец или полускопец в сонм Господен да не входит» (закон Моисея). Таким образом все «12 колен» суть «сонм Господен», но — слитый кольцом обрезания, и, следовательно — «сонм брачный», «брачующийся». И именно в точке обрезания, в месте приложения таинственной печати, — он становится, если позволительно так выразиться, «сонмствующим Господу». Сейчас тогда объяснятся странные переименования, и именно в миг завета или при его подтверждении: «отныне ты будешь называться не Аврам (= «господин»), но Авра-ам (= «отец множества»), и жена твоя не Сара (= «госпожа»), но Сарра (= «высокая жена»); «ты — не Иаков, но Израиль» (= «боровшийся с Богом»). Мысль этих переименований в необозримых повторениях разъясняется в символике обрезанцев-египтян. «Не Аврам ты более, и ты — не Сара; для меня — ты только Авраам и она Сарра; мое *видение* лежит на этом втором в вас, но собственно — для меня — *главном лице*»¹. Отрицание и утверждение, здесь

мы находим на рисунке 9, который, принимая во внимание его форму, трудно не связать с обрезанием. Это собственно *печать обрезания*, как его понимали египтяне. Изображение это совершенно опрокидывает чуждую и, однако, всеобщее распространенную теперь мысль, что это была только «гигиеническая операция», полезная для здоровья. Ибо в пунктах гигиены «образов не кладется» (по нашей бы терминологии). У евреев же есть канон и вера всего еврейства, что «как только обрезание совершено над младенцем — на него (младенца) *сходит Ангел Иеговы и не оставляет его до самой смерти*». Поразительный рисунок египтян есть только *перевод этой формулы*. Тут именно что-то вроде «Ангела Иеговы» или с ним однозначное, — по величию и святости, по важности для египтян, — положено на ту самую часть, которая и *открывается, обнажается обрезанием*. При этом нужно держать в уме тот ответ, какой египетские жрецы дали Геродоту, когда он просил их показать ему «тайнства» их религии («тайнства Озириса и Изиды»): — «Это, сказали они, может быть сделано только для того, кто принял обрезание; прими его — и ты их увидишь». Т. е., что с обрезанием связан и из обрезания истекает весь их религиозный культ. Точно так, как это было, по словам апостола Павла, и у евреев («в обрезании уже заключены все другие правила еврейского религиозного закона»).

¹ Фигура человеческая вообще распадается на несколько «сосредоточений-лиц». Она как бы выпускает из себя несколько *рек*, и каждая река имеет свой «выход в море»,

слитые, выражены в вечном отрицании в египетских изображениях собственно «лица» в человеке, его «головы», на место которой приставляется что-нибудь, какая-нибудь чужая голова, взятая с которого-нибудь животного; «животная» голова, — при сохранении и даже богатой разработке собственного человеческого тела, при удержании и даже богатом выявлении Авра-ама, Сар-ры. Все читаемые в Библии переименования, раздвоения человека, с отвержением в нем одного лица и укреплением второго, — лица плодоношения, — безмолвно все это сказано до сих пор неразгаданною особенностью художеств в дельте Нила, «священных» художеств. Там и здесь, у евреев и в Египте, раскрыто *лицо завета*: — то, которое поглотило обетования, и ответно за них поклялось в верности, приняв кровавую печать, связав свободу.

Что такое ритм брака? Каждое биение его пульса так кратко, стеснено во времени, что мы можем что-нибудь рассмотреть здесь лишь через фотосферу *окружающих явлений*. Это — семья; и там — ее родник; секунда, где она выникает из небытия. Семья — ближайшее и самое *дорогое для нас отечество*; пространственно — это место самых горячих связей, духовно — это место совершенного идеализма, живого, лучащегося. Но в узле

т. е. выход в мир, выход в Космос. И вот эти-то «устья в мир» и суть в фигуре человека — лица. Именно, человек имеет: 1) голову и ее *лицо* — источник умственного, духовного света; 2) половую сферу — откуда он *повторяет себя*, откуда он уходит в будущее, в вечность; 3) *ступни ног* — движение, странствование, перемещение; кисти рук — работа, труд, созидание. «Талант» лица — «нравиться», «выражать душу», говорить, убеждать, проповедовать; «талант» половой сферы — обильное и главное прочное, живучее, жизнедеятельное потомство; «талант» ног — путешествие, странствование, танец; «талант» кисти руки — техника, искусства, мастерства. Обращаясь к «половому лицу», мы должны заметить, что главная часть нашей фигуры («корпус») имеет явно «переднее» — «заднее», «правое» — «левое», «верхнее» — «нижнее». Причем эти «двойники», «удвоенные части» явно сходны, близки, аналогичны друг другу. И так как «половая сфера» есть «низ *относительно головы*», то мы должны, всматриваясь, угадывать в ней аналогию головы. В разительном рисунке «Французской экспедиции Бонапарта в Египет» (фолиант V, табл. 69) я нашел прилож. на стр. 31-й изображение (рис. 10), и не могу не сказать, что мысль моя о «лицах в человеке» не могла бы получить никакого лучшего графического изображения, чем как сделано на этом рисунке: женщина держит *повторение своего лица, головы своей*, — вместе с тем преображенное чуть-чуть в лицо и голову Изиды (коровьи уши на человеческой голове, — всегда принадлежность Изиды), *опустив ее до уровня половой своей сферы*, как бы *заслонив ею половую сферу*, как бы *представляя вместо своей половой сферы — эту голову Изиды, и лицо ее*. Вместе с тем несомненно, что в то время как опущенное к низу лицо есть именно Изидино, по атрибутам и особенностям, — опустила его простая египтянка, и голова ее не имеет никаких даже самых обычных украшений и убора. Следующий рисунок 11 говорит это еще отчетливее: изображенное на нем можно принять, *по округленному чертежу, по овальной форме*, как бы *за рождение лица из себя, за роды из себя головы*.

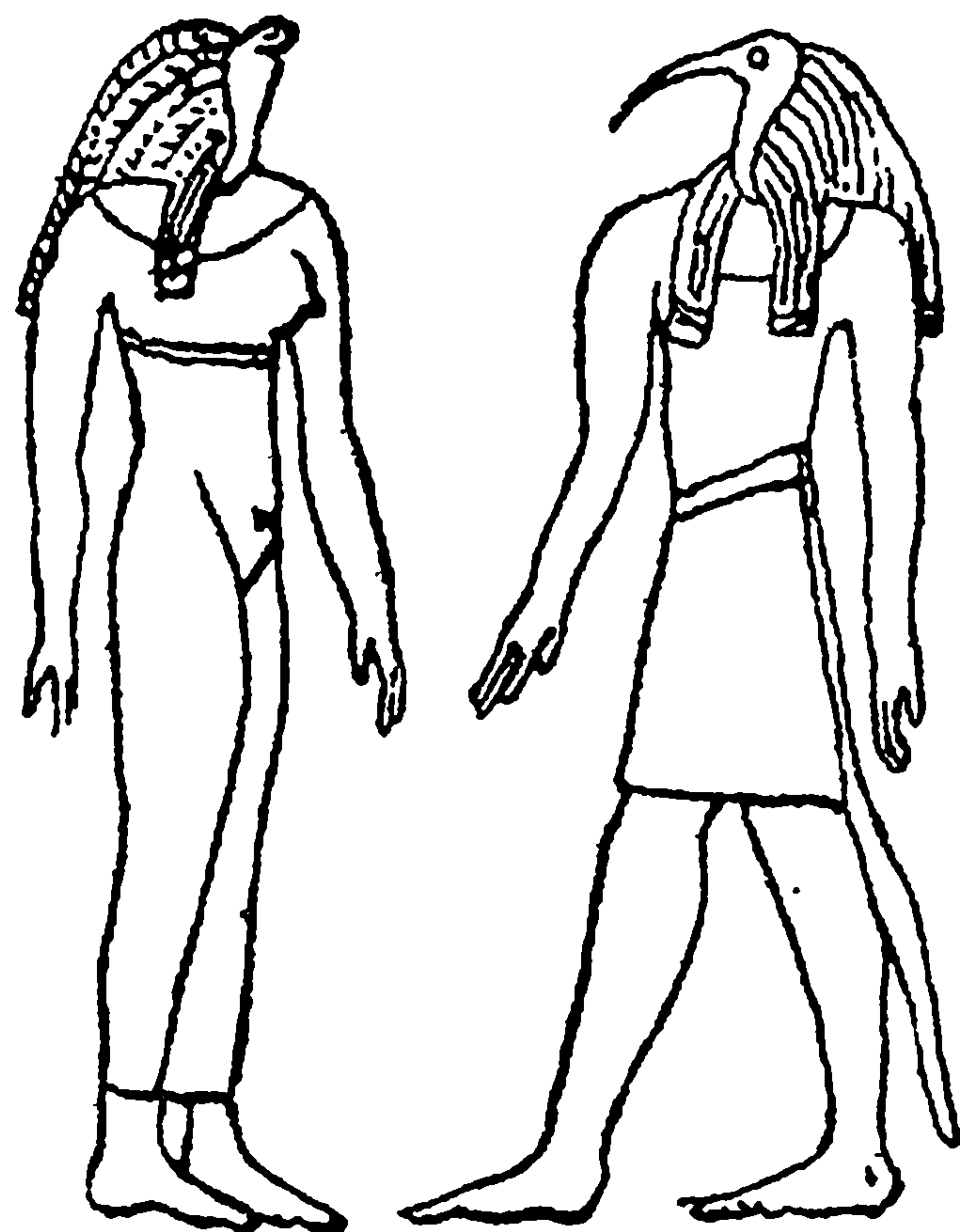

Рис. 12. Обыкновенные у египтян преобразования фигуры человека (лицо змеи, лицо птицы).

этих лучей — неразглядываемое, темное пятно таинственных «прилепленний». В них еще вчера «Авраам», «гражданин», «философ» — разлагается в «отца» и «дитя», вырастает в «отца множества» (Авраам); вчера девушка — сегодня разлагается в «дитя» и «мать». Построение земного человека, — начнется оно после этого или нет, — уже составит другую, более внешнюю и, очевидно, менее важную, зависимую и обусловленную сторону. Замечательно, что значительность как и сладость секунды лежит в чисто внутренней, субъективной стороне саморазложения, а вовсе не в осязательной его стороне. Но обратим внимание на фотосферу. Семья есть, конечно, «животный» союз, точка «животных» счленений мужа и жены, и — расчленения двух в «животное» же множество (дети). Поразительно, что, при бесспорно «животном» существе, семья имеет бесспорно мистическое, религиозное существо. Именно, счленяясь и расчленяясь, она померкает в лице, «Аврааме», но в это же время мистическое «дыхание» пронизывает ее и она является каким-то многоглавым Авраамом, «многоочитым», «исполненным внутренних очей» животным. Сплетение «животного» и «религиозного» в ней поразительно, очевидно. Какая скорбь матери о болящем ребенке! ревнивое охранение мужем незагрязненности дома! невольное требование от детей особой, религиозной почтительности! Это — начинающаяся религия, это — очевидно религиозный союз, т. е. уже религиозная связь: и все — из неразглядываемого, темного пятнышка «счленений». Малейшее загрязнение этого пятнышка раскалывает до глубины семью; дети более не нужны и брошены; кинута жена, или оставлен муж. Здесь полегла такая сила утверждений, которая не выносит внесения в себя никакого отрицания, ни соринки. Как часто жена, узнав об измене мужа, ищет могилы; как часто, с кровавыми слезами, муж губит даже предполагаемо изменившую (Дездемона). В «чем» изменившую? — какой, казалось бы, «вздор». Вспомним глубокую тоску Пушкина при попытках загрязнить его домашнюю жизнь; обратим еще внимание, что у нашего духовенства, которое очень мало занято романтической стороною брака и имеет серьезный и положительный взгляд на плотское соединение, семейный и вообще родственный уклад отличается часто поразительною, трогательною нежностью и теплотой. В любопытном возражении архиеп. Никанора на «Крейцерову сонату» приведено наблюдение, бесспорно не сочиненное: что в очень счастливых случаях супруги и внешним обликом сближаются друг с другом, начинают ходить лицом один на другого. Тяжесть брака вся лежит в его «животном» ритме: тут он таинствен, мистичен; отсюда — его теплота, свет. Но если мы сравним добрачные пушкинские

Игры Вакха и Киприды...

с его же послебрачною серьезностью, когда он запел:

Отцы пустынники и жены непорочны...

то мы будем поражены разностью психического воздействия одних и тех

же физиологических пульсаций. Мы здесь не должны ничего преувеличивать и ничего уменьшать; должны быть безмерно внимательны, ибо кружимся около глубочайшей тайны бытия человеческого. Пушкин еще легкомысленно становится мужем, не предугадывая духовных последствий; он — совершенно не религиозен; вся перемена, какую мы вправе против прежнего предполагать у него, заключается в иной точке зрения, в ином и более сосредоточенном ощущении в «прилеплениях». И невольно, еще легкомысленный вчера, он сегодня становится задумчивее, завтра начинает искать новых книг и совершенно противоположных прежним впечатлений. Пушкин — «возрождается» — как и отметил это он сам в чудном стихотворении; и возрождающая сила лежит в сосредоточенно-тяжелом, внимательно-заботливом отношении, однако, к совершенно и, бесспорно, плотской пульсации. Угол зрения у него меняется; и гораздо раньше, чем рождается у него ребенок и начинается полная семья, мы видим его уже другим. Лермонтов, который постоянно сосредоточен на этих таинственных «мгновениях» и вся его поэзия есть только преобразование их почти до размеров целой вселенной,— постоянно и неразрушаемо, не отвлекаемо серьезен:

Дам тебе я на дорогу
    Образок святой;
Ты его, моляся Богу,
    Ставь перед собой,
Да кидайся в бой опасный —
    Помни мать свою...

Это — открытие в нем «отчества»; конечно, это — «отец» поет,— «отец множества», по Божьему переименованию Аврама, распустившийся до неги матери, до слияния «с ее лицом» по определению Архиеп. Никанора. Мы хотим сказать, что в «секундах» брачных, которые всегда дают или имеют силу дать дитя,— есть, кроме этого, еще другой мистически-духовный свет, который при сосредоточенности на них ума или воображения подчиняет себе эти способности и преобразует их глубоко, до неузнаваемости, до противоположности с прежним. Именно, эти «секунды» разливают какое-то «ветхое деньми» отчество, какое-то «древнее» материнство — на теоретическую часть духа. Это как с матерями физиологически случается, что у них при кормлении «молоко» бросается «в голову»: так свет «отчества» в миги таинственных разложений «ударяет в голову», и человек, вчера певший об

Играх Вакха и Киприды,
завтра начинает петь —

Отцы пустынники...

Девушка, вчера исполненная романтизма, завтра, став «высокою женою» — серьезнеет. Это так для наблюдателя заметно, что лишь от самого поверхностного ума скроется. В «Крейцеровой сонате» есть прекрасное замечание, что через неделю после венчания Позднышев

увидел жену задумавшеюся и, подойдя,— хотел опять начать «играть с нею», но, отведя его руку, она горько зарыдала. Смысл «Крейцеровой сонаты» все-таки и до сих пор не раскутан; вполне удивительно и ошибочно, что его не захотел раскрыть сам автор, по-видимому «skonфузившись дела». Тайна в том, что половые «миги» при целомудренном и религиозном их ощущении, открывая и в нас, «подобии и образе», предвечное отчество и предвечное материнство, единственно и впервые и вполне ставят нас на высоту человека. И нет книг, бесед, нет вообще способов познания и чувства, которые так реально и могущественно, обливая этими предвечными чертами второе «логическое» в нас лицо, просветляли бы его и углубляли. Позднышева зарыдала, ибо она обманулась в целомудренных девичьих предчувствиях; в ней зарыдала «высокая жена» (Сар-ра), которая вдруг почувствовала, что ее мужу — ничего не понятно в браке, что для него в нем все —

Игры Вакха и Киприды...

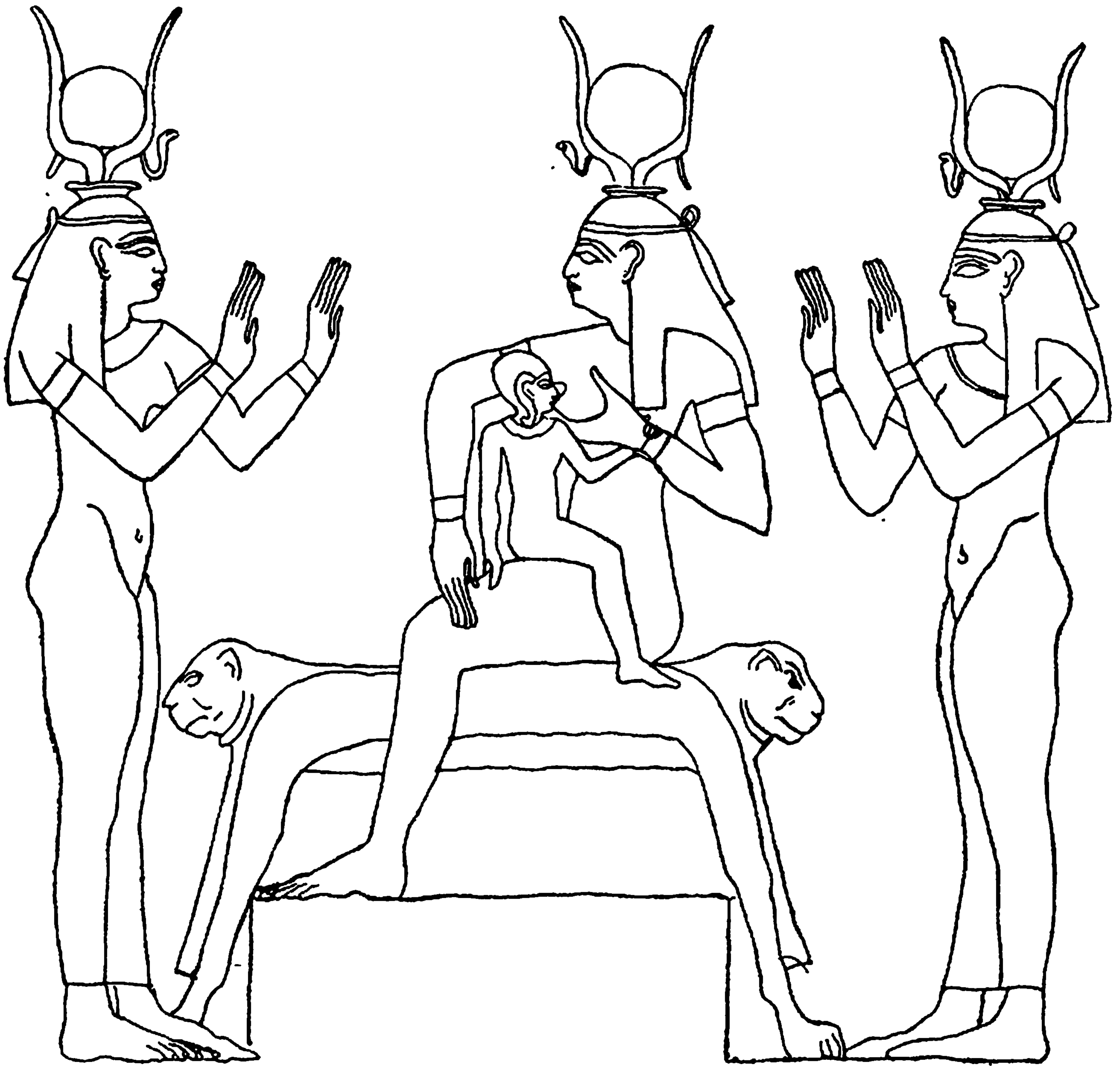
что никогда, никогда он ее не сделает «праведною израильтянкою». Но нам пора перейти от этой минутной иллюстрации к Израилю.

Густая и светящаяся мгла его, это «облако днем и как бы огонь ночью», есть свет и мгла вечных сочленений под религиозным углом зрения, пролитом на них в «обрезании». «Тайнство брака», которое для нас есть раз в жизни, и память его все хладеет,— для израильтян есть тайнство ритмических биений в браке, из коих *каждое* имеет всю силу *первого*,— и имеет ту специфически-религиозную высоту, которую мы перенесли на слово о браке. Т. е. для них *тайнство* есть *ткань жизни*, самое *снование* ткущего челнока, через который —

По вечным, великим
Железным законам
Круг нашей жизни
Все мы свершаем (Гете).

Позднышева, и всякая целомудренная девушка, всякий в целомудрии блюдуший себя муж (у Толстого — Левин; см. его волнения и чувство покаяния перед браком) смутно это предчувствуют. У наших «купцов», где все-таки есть много серьезного, на свадебном вечере невеста не танцует; она приуготовлена к тайнству и не должна рассеяться. Вообще инстинкты целомудрия все тянут сюда, на «высоту», и здесь... Здесь мы вдруг начинаем постигать весь семито-хамитический Восток.

«Географическая территория передней Азии есть родина всех трех монотеистических религий» — заучиваем мы в детстве, по учебникам географии. И это так любопытно, что и в зрелом возрасте мы не устаем размышлять об этом, а наука пытается проникнуть в это в своем роде историческое тайнство. Сейчас еще один пример — это Рафаэль: он жил в атеистическом Renaissance, когда религиозный скептицизм заплески-

Рис. 13.

Рафаэль за 3000 лет до Рафаэля. Как Рафаэль «молился» на свой сюжет, так две египтянки будто говорят кормящей матери: «Благословенна ты, питающая! И да согреет тебя солнышко, как ты сама греешь мир». Руки их явно благословляюще подняты над нею. Изображение это повсеместно в египетских храмах; египетские храмы пропитаны и, так сказать, «засахарены» им, как чай опущенным в него сахаром.

вал даже папский престол. Когда умер папа Николай V, в его комнатах не нашли даже Евангелия: он все собирал античные рукописи и умер окруженный ими. Едва ли есть причины думать, и по крайней мере нет никаких биографических данных, чтобы Рафаэль имел иные точки зрения. Что же, однако, он рисовал? — Да все это:

Дам тебе я на дорогу
Образок святой...

— вечные дитя и мать; почти отсутствие взрослых мужских фигур, или по крайней мере — не замечательные; дитя и около него иногда еще другое, товарищески играющее; иногда — «завеса» ликов, целый «воздух» ликов, но непременно — детских, т. е. с материнской влагой на глазах, едва проснувшихся к зрению мира... Истинно «многоочитая» плоть... Если всмотреться в тайну его живописи, то без труда можно заметить, что она и сводится к этой собственно почти *влаге чрева* — еще не высохшей на веках, на щечках, на губках детских ликов: и вот она-то им и сообщила ту святость, которую ясно и бесспорно мы читаем у своего 3—6—7-месячного дитяти, если внимательно, часы не отрываясь, станем смотреть на него. И материнские лица также имеют у него то невыразимое перед иною живописью преимущество, что, устремленные на дитя, — еще как будто продолжают чувствовать его биение под сердцем. Вот его тема. Причем он брал сюжеты и пользовался ими с такою же свободой, как Шекспир — средневековыми хрониками. Во всяком случае бесспорно, что одинаковые сюжеты, и посейчас остающиеся перед всеми художниками, не вызвали ни у одного из них рисунка и колорита, одинакового с рафаэлевским, который почти не хотел и не умел рисовать еще чего-нибудь, кроме матери и дитяти. Итак, то, специфическое, что, есть в его созданиях, течет, очевидно, не из определенных и конкретных сюжетов, «с именем и отчеством», не из тем *вычитанных*, но — из *существа художника*, струившегося единственной темой *материнства*... «Небесного» материнства, теперь-то уже мы можем сказать, ссылаясь на колорит его картин. Нам все хочется сказать, что «отчество» — «материнство» в точности — не стихийной природы; родник этого — не в «красной глине», образующей состав наших костей и мускулов. Что здесь, а следовательно, и в субъективных разложениях в «отца» — «дитя» или в «дитя» — «мать», т. е. в самом ритме брака, человек выходит из уз «красной глины», из подневольности «стихиам», — и возвращается к *древним* основам бытия своего, *небесной* своей родины... И что-то «отческое» и вместе «ветхое деньми», касаясь «состава бедра его», — производит в нем и содрогание, и сладкое ощущение, и пук духовных и мистических преобразований, который мы отметили выше. Вот даже для нас, для размышляющего созерцания — внутреннее и лишь приблизительное содержание мига. Но вернемся же к Востоку.

И, для начала, войдем в Скинию ковчега, в святилище, и рассмотрим устройство в нем *светильника*. Вот как «раб Божий» Моисей передает в 25-й главе «Исхода» повеление устроить его: «И сделай светильник из золота чистого; чеканный должен быть он; стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него; шесть ветвей должны выходить из него: три ветви из одного бока и три ветви из другого бока его; три чашечки наподобие миндального цветка с яблоком и цветами, должны быть на одной ветви, и три чашечки наподобие миндального цветка на другой ветви, с яблоками и цветами. Так на всех шести ветвях, выходящих из светильника. А на стебле светильника

должны быть четыре чашечки наподобие миндального цветка с яблоками и цветами; у шести ветвей, выходящих из стебля светильника, яблоко под двумя ветвями, и яблоко под третьими двумя ветвями его; яблоки и ветви их из него должны выходить... Смотри,— сделай все, как Я показал тебе» (т. е. как «показал» не словом, а — жестом, или, даже, вероятно самым начертанием,— на горе Синае).

Это — что-то напоминающее сестер Рахиль и Лию, соперничающих одна с другою в чадородии, и еще дающих мужу своему, Иакову, для того же забеременения, служанок Валлу и Зелфу («Бытие», гл. 30). Мы говорим о множестве символов в устройении светильника, причем все эти символы суть символы плодоношения, родов. Но взглянем же еще раз на него: «И сделай к нему семь *лампад*, и поставь на него лампы его — чтобы светили на переднюю его сторону» (стих 37). Вот, в миниатюре, весь Израиль: несущий, как светильник перед собою, свое чадородие; «дуб мамврийский», вечно сочленяющийся, весь состоящий из «стеблей», «ветвей», «миндальных цветов» и «яблоков» (Гранатовые яблоки — возбудитель плодородия у женщин); но, в противоположность нам,— с *лампадою* в точке каждого сочленения. Аарон входит в святилище; на нем ефод, священная одежда: «И сделай по подолу ее яблоки из нитей голубого, яхонтового и пурпурового цвета; такого вида яблоки и позвонки (колокольчики для звона) золотые между ними кругом: золотой позвонок и яблоко, по подолу верхней ризы кругом» (Исход, гл. 28, ст. 33). В святилище входят только потомки Аарона, не все, но *достойные*: «У кого на теле есть недостаток — тот не должен приступать к святилищу: ни хромой, ни — уродливый, ни — такой, у которого переломлена рука или переломлена нога, ни — горбатый, ни — с сухим членом, ни — с бельмом на глазу; недостаток на нем, поэтому не должен он приступать, чтобы приносить хлебы Богу своему» (Левит, гл. 21). Это так поразительно: священнослужитель должен представлять *целое и чистое тело*, и это сливается или, точнее, это замещает наше требование веры — «чистоты и неповрежденности в ее исповедании». Но требование целостности и чистоты тела стоит на втором месте: «Первое условие, которому должен был удовлетворять священник, есть *чистая кровь* — священник не мог быть женат на вдове, на бывшей в плену, на прозелитке или отпущенной¹. Еще строже были правила для первосвященника. Он мог жениться только на *девице*, предварительно исследовавши ее родословную» (Н. Переферкович: «Талмуд, его история и содержание». Спб. 1897 г., стр. 111). Вот странное «богословие», в котором они испытываются; и мы ожидаем встретить великие странности в религии.

¹ Г-н Переферкович здесь не точен в языке: он упоминает о «чистой крови», т. е. о «породе», о «предках», о «происхождении». Между тем сам же дальше говорит о «невесте» и «жене»: но это не «чистота крови» вовсе, а — «чистота совокупления», т. е. строгая и особенная выверенность, куда и в кого будет поступать семя священника или первосвященника. Блюдется «чистота сосуда», и лишь потом и независимо это переходит и в чистоту крови.

Она не имеет храмов; «стена плача» есть остаток от единственного, после которого евреи не воздвигают других; синагоги суть училищные дома и дома общественного собрания, без всякого богослужбного в себе значения. Но и в единственном храме в чем же состояло «богослужение»? Это — вечные «очистительные» жертвы, поутру или ввечеру, по требованию частных проходящих лиц; или, в некоторые сроки, жертвы за целый народ. Храм есть точка всеобщего для «12 колен» очищения. Как бы сказано молча и таинственно: «чистись и чистись, Израиль», — «будь здоров и здоров», — «ни единой болячки на себя не допускай». Точно будто в телесной его непривлекательности есть что-то отталкивающее для Заветодателя: и как это *продолжает* мысль обрезания! «Нездорового — Я не хочу». Явно ¹. При мысли о религии у нас возникает непременно мысль об исповедании: религия есть круг ведения, словесно выраженного; напротив, у евреев религия есть сложное делание, почти молчаливое, почти без объяснений, но — с молитвами. Причем, однако, выполнение первенствует над молитвою. Эти-то «делания», совершения, и образуют повседневный и годичный их ритуал, т. е. образ жизни, «субботы», «новомесечия», «очищения», и, в центре и начале всего — «обрезание». Религия у них есть пульс жизни — это очевидно; у нас это есть образ мышления — это также очевидно. Мы видим великое расхождение арийских и семито-хамитических племен. Арийцы суть племя логического выражения; скажем полнее: они выражают в истории второе лицо в человеке, — отраженной, лунной природы, — родник «наук» и «искусств», «государств» и «гражданства»; везде — порядок слова, или если и вещей — то через слово выражаемых, в слове связываемых, через слово преобразуемых, и «о слове и в слове живущих». Если позволительна шутка при обсуждении важной темы, мы выразились бы, что арийцы несут свою идею и миссию «на кончике носа, горделиво его подымая», — и всегда на протяжении целой истории всего более страшась, чтобы,

---

¹ Замечательно, — и, собственно, вскрывает все провиденциальное значение Израиля, — что источником и первообразом «нечистоты» у евреев, еще от Моисея и по сей час, считается «труп», «мертвое тело». По Талмуду это — «отец отцов нечистоты», т. е. «источник источников всего нечистого». Если бы не вялое воображение ученых: сколько бы мыслей родил у них один этот факт, этот закон и принцип «от подошвы Синая»!! — Вспомним еще раз устройство светильника в скинии, и снова перебросимся мыслью к этому принципу о «трупце»: что же лежит в противоположной точке, в обратном полюсе с «трупом», с «мертвым телом»? Да — *созидание* тела, т. е. его *зачатие*, которое есть вместе миг величайшего одушевления отца и матери. Хотя нигде в Библии не сказано, но из «отблеска», из «высвечивания» ее, из вечной радости о зачатии и молитвословия при этом, можно безошибочно заключить, что вот это-то *зачатие* и есть «отец отцов чистоты» для Израиля. И в ритуале, до сих пор хранимом, есть следы такого понимания. Напр., еврейка, не погрузившись в воду «святой миквы» (нечто вроде общей ванны), т. е. именно *в теле не освятившись*, — не может брачно приблизиться к мужу; равно невеста, т. е., казалось бы, совершенно чистая девушка, без такового же предварительного погружения в микву — не может соединиться с женихом и мужем. См. об этом любопытнейшем требовании прекрасный этнографический очерк г. Литвина: «Замужество Ревекки». Еще любопытнее, что перед браком у еврейки обстригаются все роговые части на теле, напр. ногти до тела, часто с поранением: «В них *не течет крови*», т. е. они «не живы», и, следов., похожи на «труп». На этом основании шерстяная одежда, т. е. из роговых *мертвых частей*, была запрещена *при входе в скинию священникам*. «Бог» не может обонять трупа, ибо Он есть «Отец-податель жизни».

проходя мимо, кто-нибудь «не задел другого по носу». Это — начало и признак личной и духовной гордости. Революция и реформация, эти типичнейшие феномены европейской истории, были битвою «символов» исповедуемых, слов исповедуемых, борьбою и кровоизлиянием «из высоко несомых носов». Мы шутим, но тут есть чуть-чуть вековой правды, и читатель легко переведет краткие строки в обширные размышления и на совершенно серьезные тоны. Хамито-семиты понесли идею свою и миссию в точке обрезания (финикийцы, см. у Геродота во 2-й книге, так же обрезаются), — т. е. в точке *реального выявления* человека; и, если позволительно сравнение, в «лике же человеческого», но уже — «отческом» и «материнском», т. е. в первом и главном, но сокровенном в нас, «не от сего мира», лице. Они не имеют наших; «наук», не захотели «искусств», явно отвращаются от «государственности». Они суть *ткачи самой жизни*, — суть таинственные *жизнетворцы*. Но *это* ими постигнуто в глубинах, которые совершенно скрыты от арийцев; и, мы можем довериться, — постигнуто семито-хамитами истинно. Эти глубины «обрезания» не суть открывшаяся арийцам глубь; нам открыты глубины философии, наук, права, широкой общественной деятельности. Но мы без труда догадываемся, что все наши глубины лишь плавают на поверхности трех семито-хамитических глубин. И если, конечно, велик и удивителен «Discours de la méthode»¹ Декарта, то удивительнее и *больше* его — сам Декарт, «рожденный» и «рождавший».

Религия ритуала и «очищений» есть именно религия жизненной ткани, снований станка —

По вечным, великим,
Железным законам...

Мы одеваемся в эту ткань, мы ею пользуемся; кой-как и сами ткём, но, поверхностно здесь все видя, вовсе не понимаем «высоты» ткани, ее «доброты», и вообще все здесь путаем, сажаем узлы, рвем. И тут...

Тут вдруг освещаются для нас все сиро-финикийские «высоты», и становится понятен Соломон, совершающий «курения на высотах»; понятна и оплакивание «девства своего» дочерью Исффая, для чего она пошла именно в «горы», т. е. как бы врожденные, от начала мира сущие, «высоты». — «И не познала мужа», — замечает летописец: как бы она проронила и разлила какое-то священное таинство...

Когда волнуется *желтеющая нива*...
И серебристый *ландыш* мне кивает...
...тогда я вижу Бога —

это сейчас, в наши дни — реакция к Израилю; как и Рафаэль есть реакция в сторону «высот»; и ожидания Позднышевой, зарыдавшей, что она никогда «не взойдет на высоту» брака. Вся Передняя Азия, Сирия и, дальше, дельта Нила, — эта не разгаданная историками территория, — и есть территория «высокого» понимания ритмических биений пола.

¹ «Рассуждение о методе» (лат.).

Рис. 14.

Египетские херувимообразные существа. Очень редкое изображение. Взято из 12-го фолианта экспедиции прусского правительства в Египет и Ефиопию, 1842—1845 гг., под руководством Рихарда Лепсиуса.

Рис. 16.

Халдейские крылатые изображения (с Вавилонской цилиндрической печати).

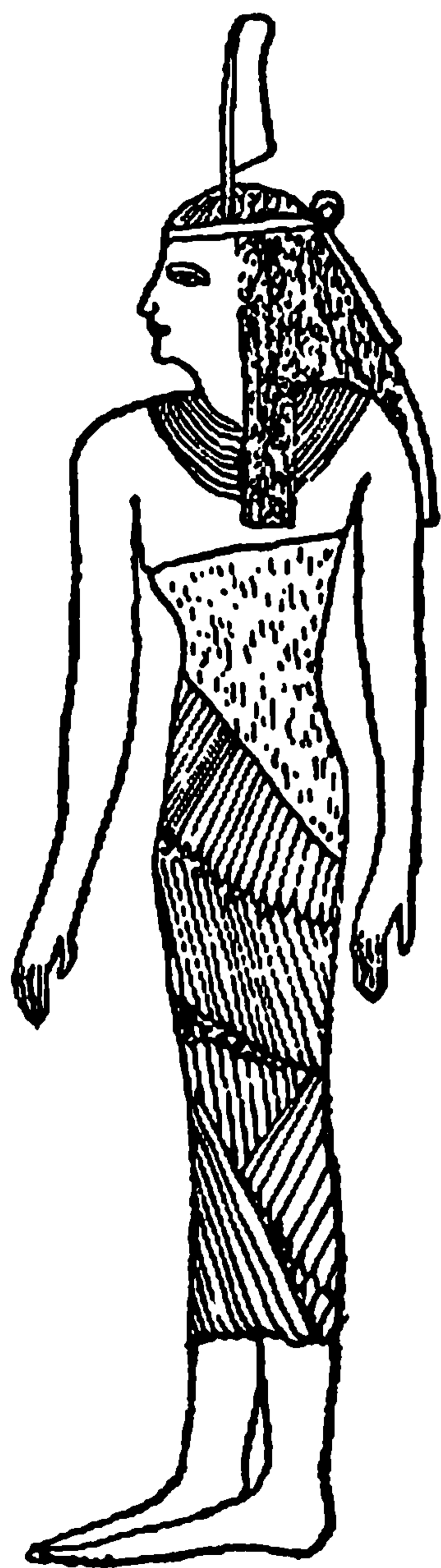

Рис. 17.

Финикийское крылатое изображение (с монеты города Библоса, на берегу моря).

Рис. 15.

Египетское крылатое изображение (повсюду в храмах).

И, одновременно, это суть страны, где вспыхнули еще в ветхой древности первые «лампады», и от этих лампад зажегся религиозный свет и для всего мира. Но, первоначально: почему именно в геодезическом смысле «высоты» избирались «для курений»? Кто когда-нибудь смотрел в долину с возвышенного места, испытывал, без сомнения, чувство странной, но именно психической, *легкости*

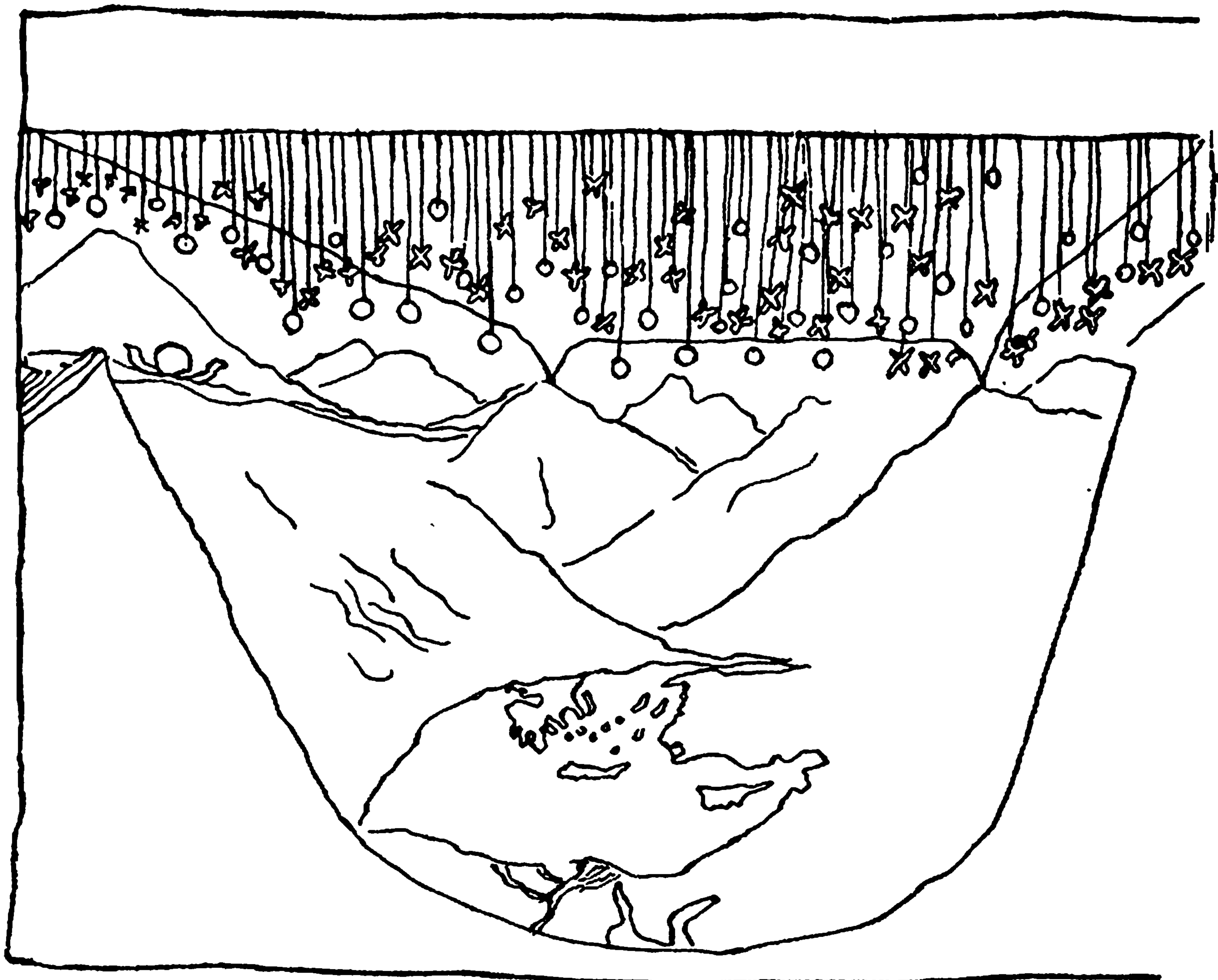

Рис. 18

изображает собою небо, как его представляли египтяне. В самом низу рисунка помещена дельта Нила, т. е. Египет, Синайский полуостров и, дальше, Сирия. Выше — Средиземное море, омывающее Малую Азию, Грецию и острова Кипр и Крит. Это — ведомый египтянам мир. Над этою «древнейшей географией и историей» поднимается тоже древнейшее Небо, — именно как «твердь», именно как «свод». Вот по этой тверди течет Небесный Нил, и по нему совершает в священной барке дневной свой путь разумное и мироправящее Солнце — «Ра». Но «там где-то» эта солнечная твердь имеет над собою другой Свод, звездный; и вот что мы видим там: — среди звезд помещены кружечки, которые мы только и можем принять за лампы. Самая идея лампы в богослужении и в храме возникла, по крайней мере отчасти, из желания повторить в святом месте на земле то, что наиболее прекрасно в мироздании (звезды). А с другой стороны, внесение лампад (кружечки) в небо говорит без слов о том, что когда мы молимся — всегда почему-то «поднимаем глаза кверху», точно там есть какой-то «незримый храм», вспомоществующий нам в земных делах. Вспомним еврейское — «Благословен Бог, сотворивший Свет».

и как бы *воздушности* себя, почти «крылатости» своего существа¹. В Библии мы почти не встречаем идей о загробной жизни, ни о воздаянии там, ни — о наказании; и смерть — как она легка! «Разрешены ее узы»!! «Приложился к отцам», «пошел в путь всей земли» (о кончине Авраама). Не менее странно почти отсутствие идеи «греха», по крайней мере, как чего-то томительно тянущего долу, «смертного». Самые проступки, порой ужасные по люто-сти, имеют, однако, что-то воздушное и легко рассеивающееся в себе. Собственно, только *одно* осуждается, и *всегда* осуждается: *сокращение жизни*, т. е. убийство. Но оно так ужасно разрушает и идею обрезания-чадородия!!! Остальное же все решительно отпускается человеку, и, напр., чадорождение ширится всюду, всячески и невозбранно. То чадорождение, которое у нас приняло почти всю «полноту греха» и за него всю «полноту мести». И около этого как-то странно облегченного существования — лампы, необозримые мириады их: точно *небо опустилось к земле*, и это его звездочки повисли над скинией, в скинии, вокруг скинии!!! Но поразительно: они зажглись вовсе не в одном Израиле, но *на всем широком пространстве «обрезания»*, — и, например, мы с великим удивлением читаем у Геродота: «На празднике в Саисе (город в дельте Нила), в одну из ночей, во время жертвоприношения — все собравшиеся сюда *зажигают множество лампад, под открытым небом*, вокруг дома, причем вместилищем для масла служит *чашика*, куда положено несколько соли, и сверху плавают светильня. Эти лампы горят целую ночь, и самый праздник называется — *Возжением Лампад*. Те из далеко живущих египтян, которые не попадают на празднество, все-таки соблюдают эту праздничную ночь, и сами вокруг домов своих *возжигают лампы*. Бла-

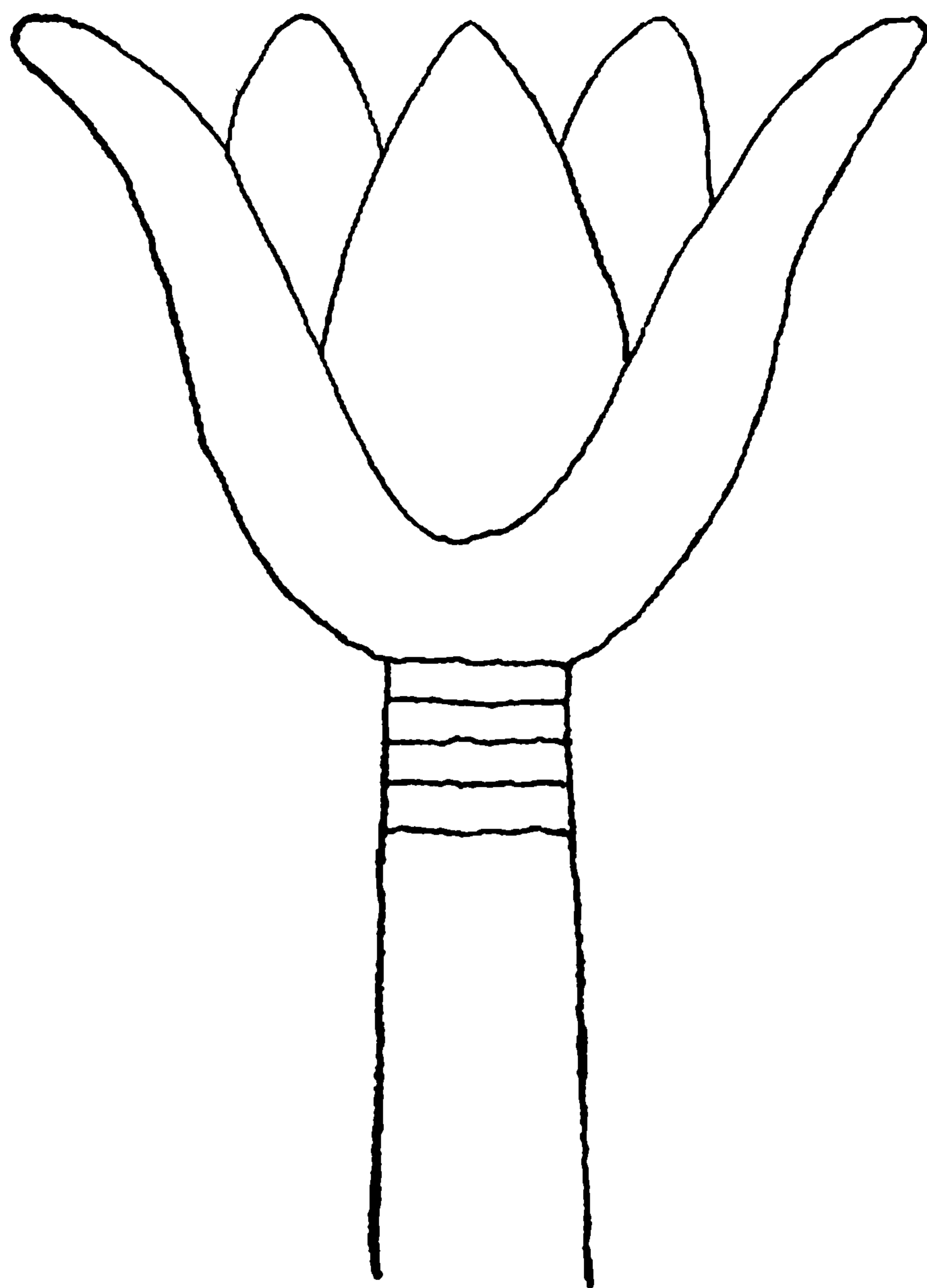

Рис. 19.
Лотосообразный капитель египетской колонны.

¹ Отсюда, т. е. опять в связи с «высотами» и «высоким» пониманием брака, — идея «крылатых» существ, «окрыленных» изображений, ранее всего появившаяся — в Египте и Вавилоне.

годаря этому, *огни горят не в одном только Саисе, но по целому Египту*. Ради чего эта ночь освещается и почитается, объясняется в одном священном «сказании» (книга 2, глава 62). В чем бы «сказание» ни заключалось, религия распускающегося лотоса была вместе с тем религией «распускающегося миндального цветка»¹: и «благословен Бог, сотворивший свет» — звучит в Вильне, как могло звучать и в Саисе. Но вот Товия, с родиной в Ниневии: его научает, в пути, ангел «истине» брака, и собственно мы опять читаем об этих же лампадах: «И возьми часть печени рыбы, и положи ее на *огонь курильницы*, и покури. И демон ощутит запах и удалится. Когда же тебе надо будет приблизиться (к невесте) — встаньте оба, воззовите к милосердному Богу, и он спасет и помилует вас» (книга Товита, гл. VI, ст. 17—18). Это — молитва и почти начало ритуала; его заключение мы снова находим в странной записи Геродота (книга первая, глава 198): «...Погребальные песни вавилонян похожи на египетские. Всякий раз *после сообщения с женщиною* вавилонянин *воскуряет фимиам*; в другом месте дома своего *тоже самое делает* и женщина, с которою он общился». Понятие и чувство, диаметрально противоположное «низинам» наших ощущений². Но на что мы здесь хотим обратить внимание читателя, это — что обрывок страницы из Геродота и обрывок страницы из Библии сливаются оторванными краями в один цельный лист: один — ритуал, один — дух, одна — «высота» ощущения около одного и того же мига. Сейчас мы пойдем идею устройства Вавилонского храма: светлое, «окрысленное», уже в частной жизни у Товии и вавилонян окружившееся «курениями» и «фимиамом» ощущение, поднимаясь еще «выше», «выше», наконец и создало... Но пусть говорит Геродот: «Это — четырехугольник, и уцелел он до моего времени. Посредине храма стоит массивная башня, имеющая по одной стадии в длину и в ширину, над этой башней поставлена другая, над второй — третья, и так дальше — до восьмой. Подъем на них сделан снаружи; он идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины подъема — находишь место для отдыха со скамейками. На самой последней башне есть большой храм, а в храме *стоит большое, прекрасно убрaнное ложе и перед ним золотой стол*. Никакого кумира в храме, однако, нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, за исключением одной только туземки... Так рассказывали

¹ У Диодора Сицилийского — III, 58—59, у Павзания — VII, 17, у Страбона — X, 3 — при передаче характерных восточных легенд, оговорено, что «плод миндального дерева и гранатового яблока суть символы *плодородия и его органов, мужского и женского*».

² См. «Разбойники» Шиллера и там характерное, не для одних, «разбойников» рассуждение Франца Моора: «Что́ такое отец? что́ такое — я? Для него это был *скотский момент*, после пьянства»... Не буквально, но мысль — именно эта, и, слышав пьесу, слушая именно эти слова, я был чрезвычайно поражен, как-то дико поражен, еще юношею-гимназистом: и, признаюсь, — тогда же ужаснулся и отверг такое представление. Замечательно, что Франц Моор *и запирает отца в башню голода*, т. е. великое *сыновнее неуважение к родителям* не отделимо от «низин» представления пола, как израильское «чти отца и мать» есть только приложение и дальнейшее развитие «курений», «фимиама» и «лампад» около половых выявлений».

мне халдеи, и они же прибавляли, чему я не верю, что *божество само посещает храм и поживает на ложе* (книга I, главы 181--182). Мы ничего здесь не поймем, пока не обратимся к Товии, не припомним в «Пире» Платона бессильные и торопливые, взволнованные слова об «Афродите Небесной», т. е. о сопричастии чему-то небесному в нити

По вечным, великим
Железным законам
Круг нашей жизни
Все мы свершаем...

и, наконец, не примем во всем его объеме сделанное нами здесь разделение порядка *логического выражения* и порядка *жизненной ткани*: т. е. миги эти — в сущности те же «*idées innées*», как «врожденная идея Бога» у Декарта, но — в переложении на семито-хамитическую гамму — не «*идея innée*», но... «*ткань бытия innée*», лежащая в основе самих идей. Вот «храм Бела», «древнего» Бела. Этот храм — тоже, что творение Декарта «*De substantia*», ни — большее, ни — меньшее, ни — менее истинное, ни — более оскорбительное... — *То же* самое, без всякого разграничения. Мы «умственно» развились до великих теологических систем, до «видения всего в Боге» (у Беркли, у Малекбранша); Восток развился «семенно» до *ощущения святости*, и, наконец — до *ощущения* прямо небесности, теистичности в акте созидания самого «лика человеческого», который ведь позднее, через тысячелетия, и заговорил — действительно заговорил — «теологиями». Нам хочется ввести эти явления в грубую, обыденную действительность, — в свет фактов, непосредственно нами ощущаемых, через призму которых станет яснее тот древний свет. Итак, вот Левин — «не чистый» — как он волнуется, испуган и несет непорочной своей невесте тетрадку исповеданий; т. е. он тянется к какой-то «чистоте» в ритме жизни. Но что он делал раньше? в чем теперь исповедуется? от чего с ужасом бежит «в брак» как в «гаинство»? *Дом терпимости* — вот обратный полюс, вот противоположная точка *храму*. Левин до брака в этот *дом терпимости* относил свой половой ритм, как в Вавилоне этот половой ритм относился в храм. Два полюса, — Восток и Запад, в их соответственном расположении. *Что же делает Левин, каясь, смятенный, робкий?* — Он вступает на *первую* — *третью* — *пятую* ступень «ветхого деньми» Вавилонского храма!!! Пол может быть выявляем «не иначе, как *только в браке*», т. е. сравнительно с домом терпимости — на «*высоте*» же, именно — на сиропиникийской высоте. Он может быть выявляем *только с невинной любимой и любящей, глубоко нравственно связанной девушкой*: т. е. пол ищет *чистого, не загрязненного себе помещения* (см. евреи, особенно — священники); наконец, пол жаждет и действительно образует *семью*: это уже что-то «святое» по помещению сравнительно с толпою грязных женщин в доме терпимости. Мы видим неоспоримо, что «семья» и «брак» именно и образуют собою «уступы», «скамеечки для отдыха», но — *по тому же точь-в-точь* самому плану и мысли, как был устроен Вавилонский храм. Небесный брак, т. е. чувство *небесного* в ощущении

брачного ритма, непорочность его и, наконец, святость — вот куда всплескивается и *сейчас у всех*, по крайней мере у всех *не развращенных*, половое влечение. Как оно *серьезно* и *сейчас еще* для девушек, т. е. для *блудущей еще* свою чистоту половины человеческого рода!! Половое выявление вне семьи, без любви и без уважения — это пугает и потрясает девушку. Т. е. в *меру невинности* — человек и теперь стоит на высшей сравнительно ступени этого древнейшего плана храма. И, следовательно, план этот абсолютно непостижим только для одного развращенного и погибшего в разврате своем человека.

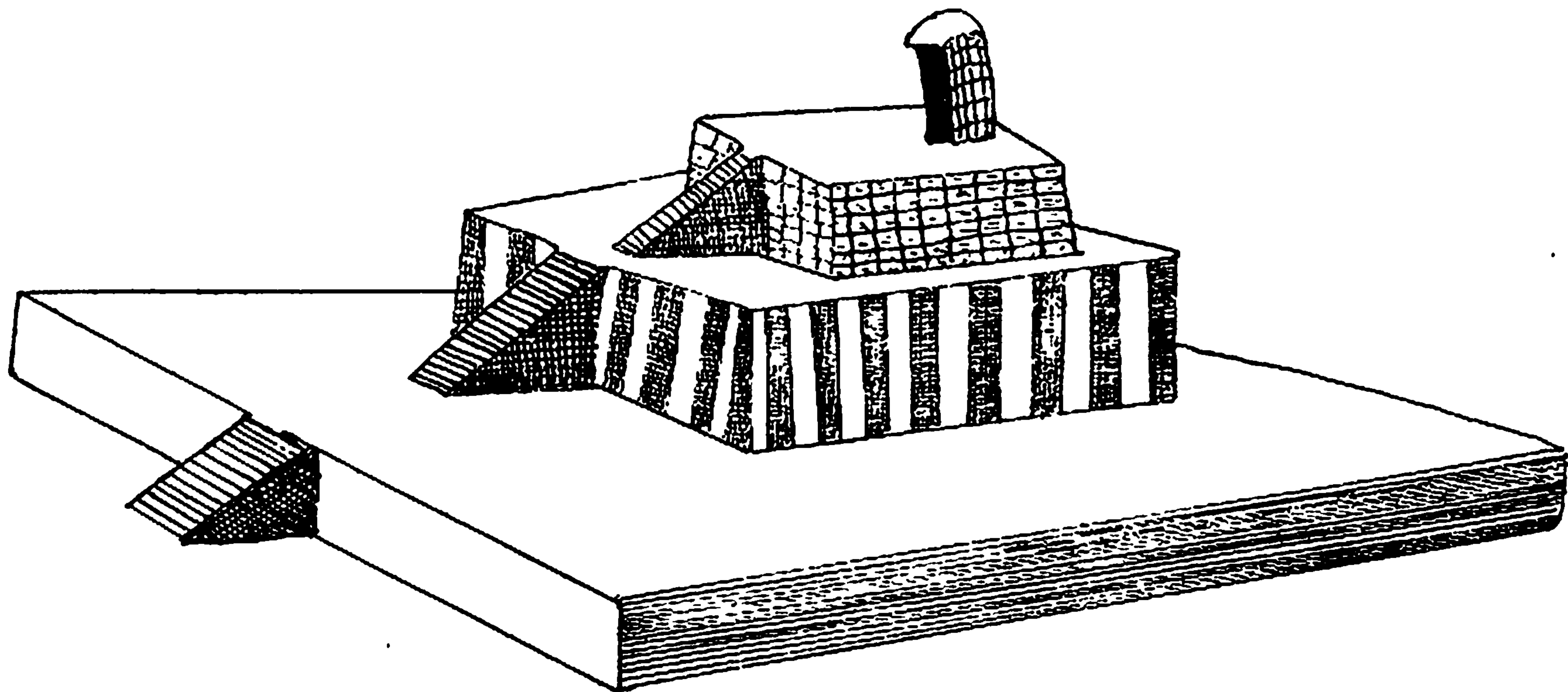
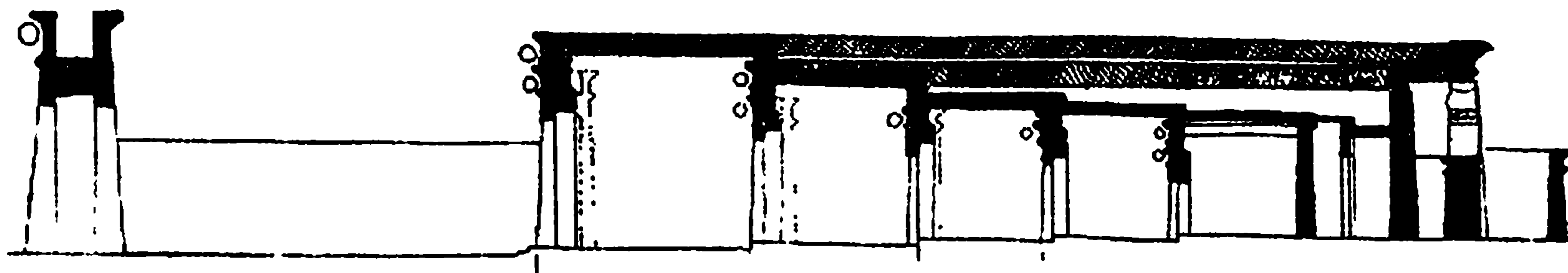

Рис. 20.

Образец Халдейского Святилища. Святилище из городка Ур, откуда вышел Авраам. Наверху его комнатка, «где стоит большое, прекрасно убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого изображения в Святилище не находится. Провести ночь в Святилище никому не дозволяется, за исключением одной только туземки. Так рассказывали мне халдеи. И они же прибавляли, — чему не верю, — будто некоторый бог посещает эту комнату и поживает на ложе» (рассказ Геродота, 1, 181—182). (Против оригинала увеличено мною в 16 раз.)

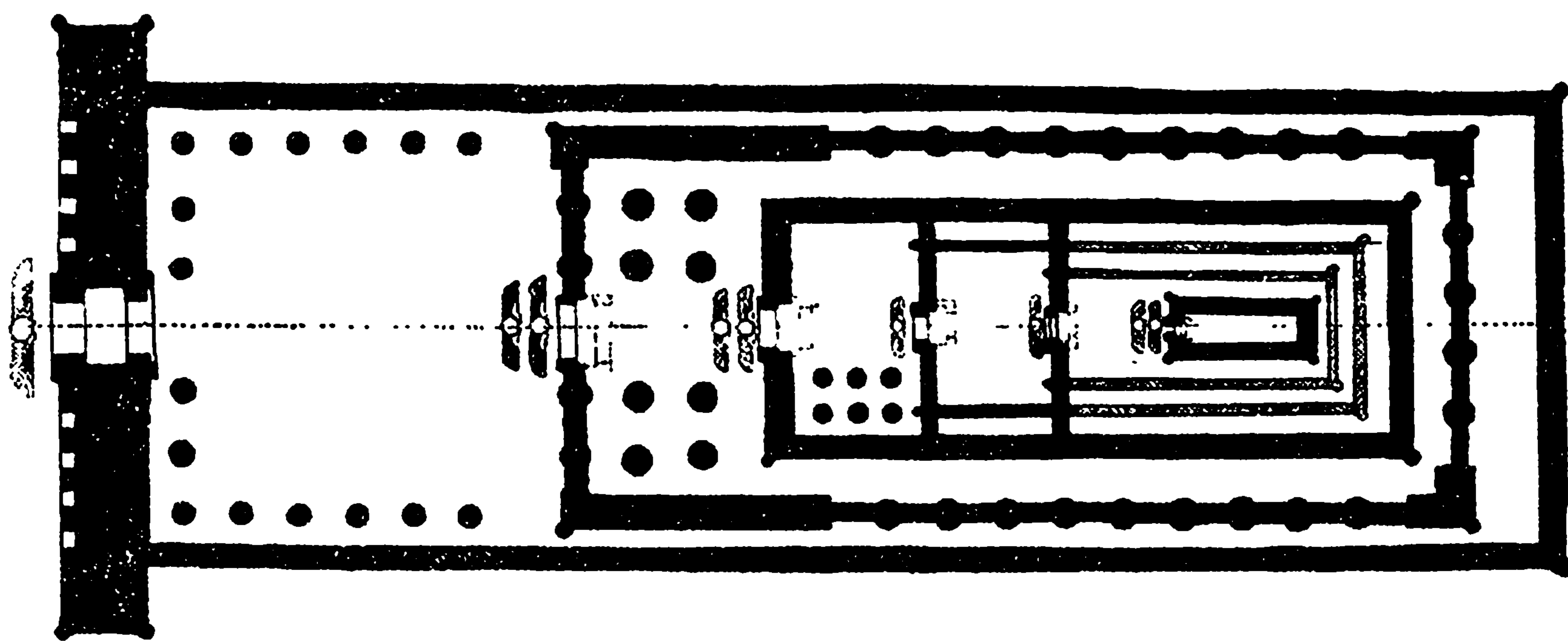
Вот «дыхание Востока», повторяющееся в *биографии каждого из нас*; войдем в дом, «*семейный*», — и в его отделениях мы откроем кой-что финикийское. Все приемные комнаты, парадная часть квартиры, куда мы входим внимательно одетые и где ведем речи внимательно обдуманые: здесь есть люстры, канделябры, но мы не чувствуем здесь необходимости *иконы, образа*. Это — жилище «как помещение», но — еще не жилище «как семья». Но мы, войдя, начинаем искать именно *семьи, ее теплоты*, — ее прекрасной и истинно мистической животной теплоты. Только если мы интимны с хозяевами дома, т. е. если к нам они питают

совершенное уважение и особенно доверие к нашей нравственной чистоте, к незагрязненности воображения и сердца,— тогда они перепускают нас в глубь жилища, где *комнаты меньше, темнее, все неубраннее*; и —

Рис. 21 (а).

План египетского храма сбоку. Потолок все опускается, пол все подымается.

Рис. 21 (б).

План египетского храма в разрезе. Кружки — основания колонн.

лишь истинного, непоколебимого друга вводят в пред-спальню, в хаос копающихся детей, одетой «по-домашнему» жены. Мы теперь в «душе» дома, и вот уже здесь *есть образ и лампада*. Совершенно — «по-египетски», если мы вдумаемся, где храмы все тоже «понижались», уменьшаясь, и в последней маленькой и невзрачной комнатке лежало «животное», т. е. просто одно из выражений «жизни». В спальне, куда и друг не переступает,— непременно есть «благословенный образ», т. е. коим мужа и жену «благословили» отец и мать в брак. Перед ним в таких случаях — *неугасающая лампада*; т. е. опять — это храм, начало храма, его первообраз; и он инстинктивно загорелся, засветился именно как окружение здесь совершающейся жизни. Всякий *дом и семья*, в отделениях своих и в расположении своем, это и до сих пор есть *вавилонский* ли или *египетский* храм, в миниатюре его, но в полной мысли его!! Таким образом, вот *расположение истории*, повторяющееся в *расположении*

квартиры. Семито-хамитическая Азия и была «внутреннею» частью, «задней половиною» всемирно-исторического поприща, — *интимною, глубокою*. Там жило великое «чрево», которое истинно свято постигло задачу «плодоношения». Оно подняло его «на высоту», окружило его «лампадами»; впервые в истории создало образ *фимиадного курения* и открыло *мелодию молитвы*. «Материнство», «отчество» — всему этому научило их; как оно же научает этому каждого из нас, научило Пушкина, Рафаэля. «Благословен Бог, сотворивший свет» — в Сионе, Тире, в Мемфисе, Вавилоне, в Москве. Мы понимаем «распускающиеся миндальные цветки» в Скинии Завета; распускающийся лотос — в Саисе, Гелиополисе. Мы, которые — забыв это теперь уже закрытое, застаревшее, не несущее более «чрево» — почти вовсе вынесли из него именно мелодию молитвы, «воздевание рук» к небу; и все это преобразовали «в логический способ выражения», в «имя», «слова», «λόγος». Но остановимся же еще раз на древностях.

Как только мы примем указанную точку зрения на них — решительно мельчайшие подробности «святого чрева» Азии высветятся для нашего постижения, сблизятся отдаленнейшие точки, сольются в нерасчлняемую картину разделенные тысячелетиями обычаи!! И поражающие дикостью «нравы»,

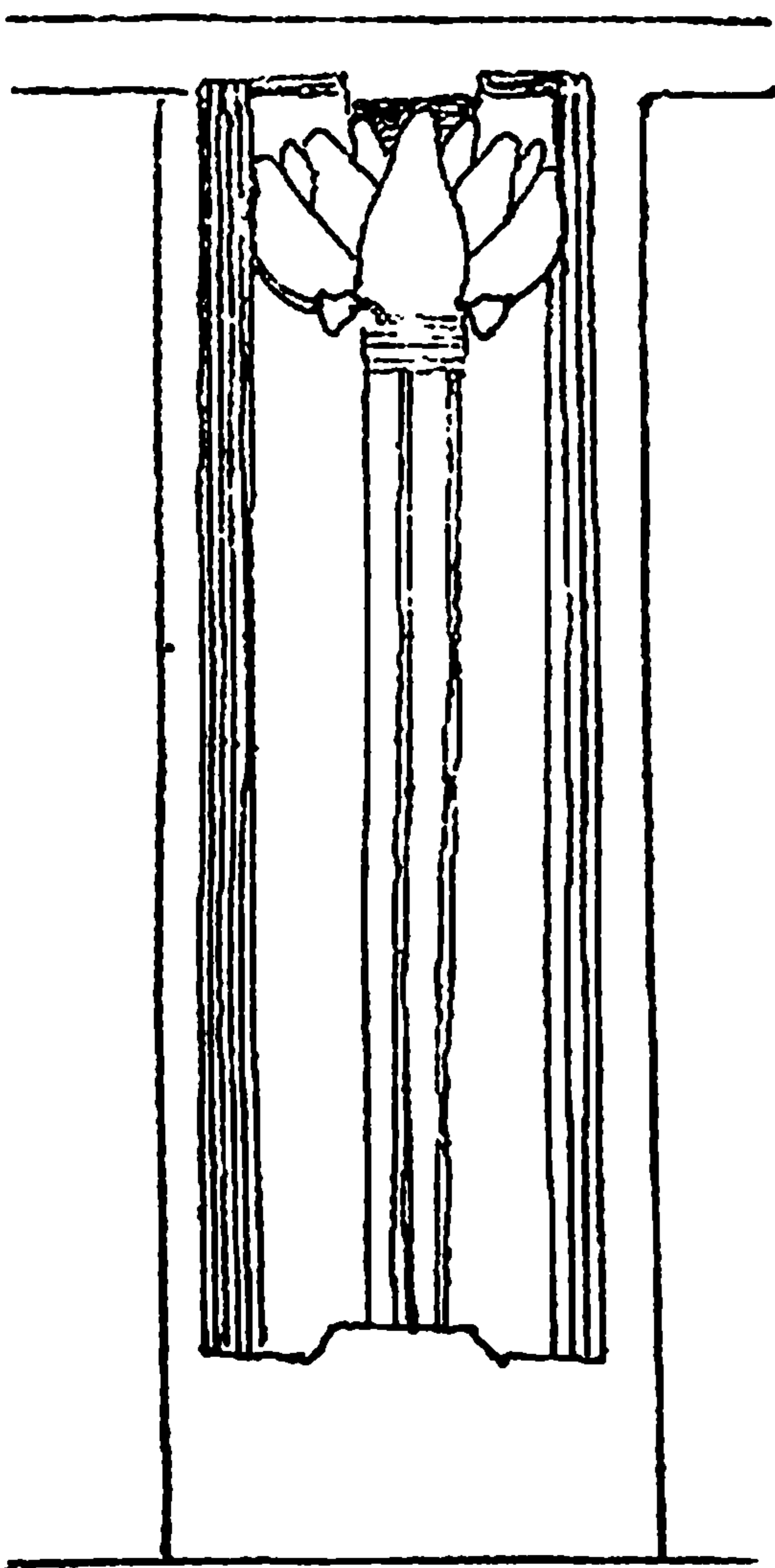

Рис. 22.
Колонна египетского храма.

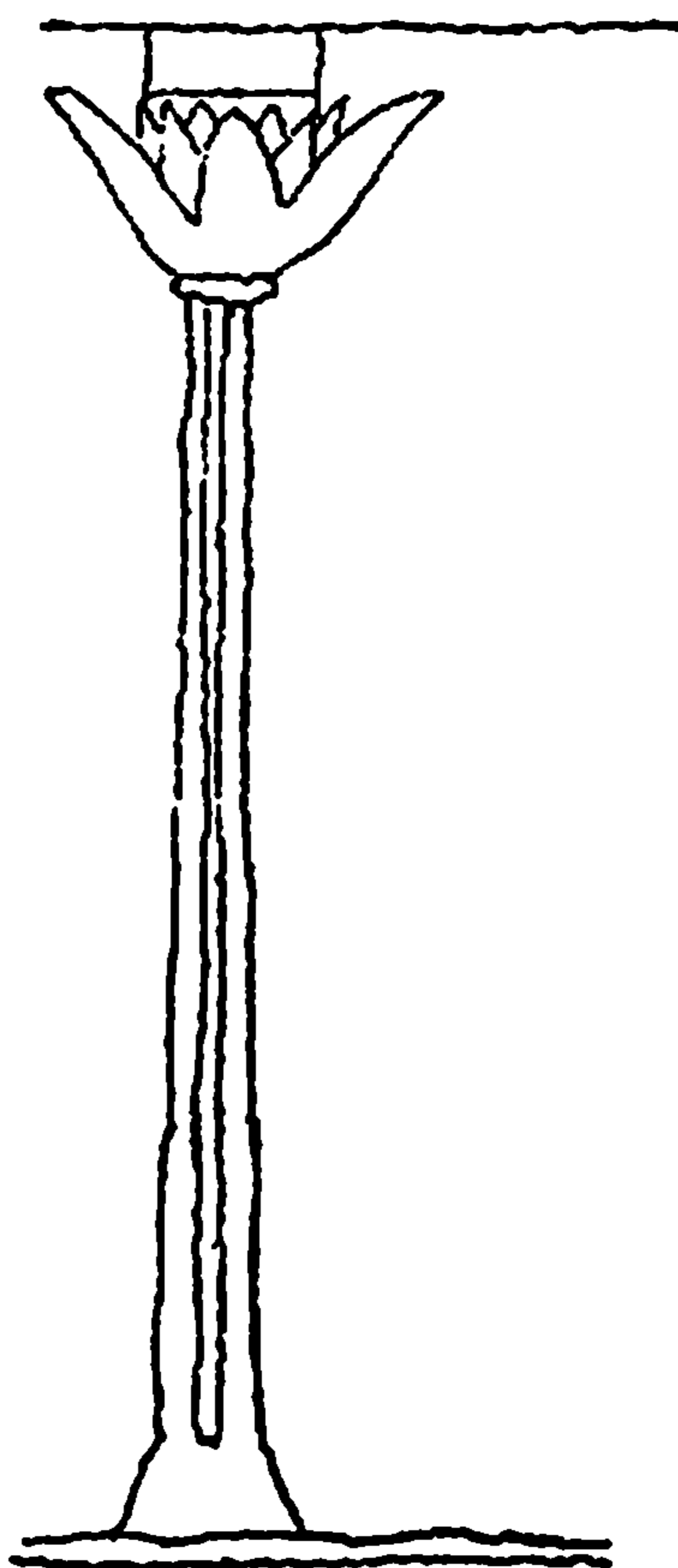

Рис. 23.
То же.

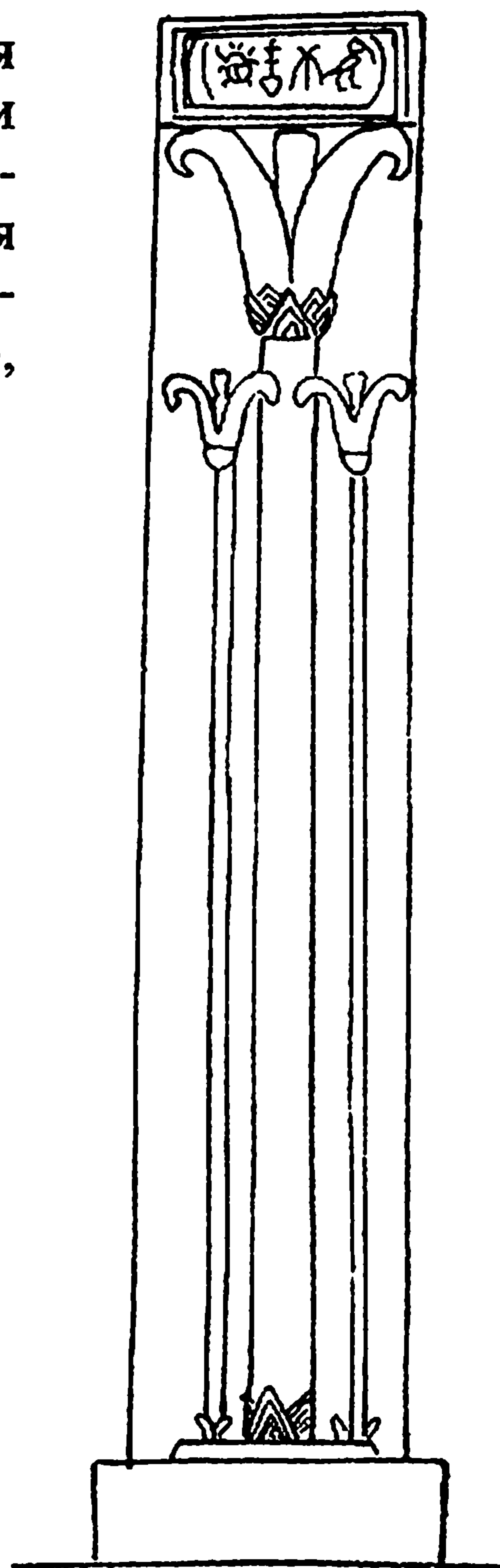

Рис. 24.
«Миндалинка распускающаяся» египетского храма (колонна).

«узаконения» получают простой и ясный смысл,— совершенно обратный тому, какой придавался им. Вот несколько иллюстраций. Евреи и по сей час не остаются хотя бы в редких единицах холосты, и среди этого племени неугасающего плотского света мы вовсе не находим ни «старых дев», ни «обманутых» и «покинутых» «любовниц». Закон «ужества» или «левирата» — столь непостижимый в укладе нашего обычая закон — по коему юная вдова становится принудительно женою ближайшего покойному мужу своему родственника, обеспечивает израильтянке материнство, пока она к нему способна. *Еврей и семья, еврейка и дети* — понятия неразделимые; но как уже разделенные — у нас!! У нас не разъединимы понятия «гражданин» и «просвещенный»: и не обеспечивая каждой девушке замужество, мы ей обеспечиваем — грамотность. Мы требуем — как естественного, как нормального и, следовательно, возможного, даже с принуждением — «всеобщего обучения грамотности». Переложим это требование из порядка логического выражения в порядок жизненной ткани — и мы получим «левират», постигнем плач летописца о дочери Иеффая — «она не познала мужа», и, напр., пойдем эту страницу из Геродота: «Между странными обычаями Вавилона более всего мне нравится следующий. В каждой деревне раз в год созывают всех девушек, достигших половой зрелости, и выводят толпою в одно место; кругом их располагается толпа мужчин. Глашатай вызывает каждую по одиночке и продает одну за другую — прежде всех самую красивую; когда первая бывает продана за большую сумму, глашатай вызывает другую, следующую по красоте за первую; девушки продавались под условием супружеской жизни с ними» — т. е. мы догадываемся, что они «выдавались в замужество»; и, без сомнения, странному обычаю уже предшествовали переговоры, соглашения, любовь, которая в этот миг получала только реальное осуществление. Геродот продолжает: «Все богатые вавилоняне, достигшие половой зрелости, одни перед другими покупали себе красивейших девушек, а такого же возраста люди простые вовсе не искали красивой наружности,— и с деньгами готовы были брать и очень некрасивых. Покончивши с продажей красивейших девушек, глашатай вызывает потом самую безобразную или калеку и спрашивает: «Кто желает жениться на ней с наименьшим вознаграждением?» Девушка вручалась тому, кто соглашался жениться на ней с наименьшею додачей денег; употреблявшиеся на это деньги собирались за красивых девушек, т. е. красивые выдавали замуж безобразных и калек» (книга I, глава 196).— Это — «всеобщая принудительная грамотность», но — переведенная на закон «святого чрева». «Искалеченность», «безобразие»,— что для нас как бы снимает с девушки образ человеческий,— для вавилонян не значило ничего особенного; — и *всеобщей заботой* они давали ее в «жену», т. е. возводили на высоту материнства. Красивейшие, счастливые, с чисто сестринским чувством отдавали свои средства, дабы и некрасивые не остались «без доли». Вот — животная

теплота; «любовь» тех внутренних частей покоя, где — дети, неубранность, лампада и полог. Во всяком случае, это есть та же забота, как и «лежират» у евреев: ведь и деверь может быть некрасив, невестка — безобразна или уже стара; но она должна взойти «в мать» — в Сионе, Вавилоне, сейчас — в Вильне. Один закон, одно явление; в сущности, одно «умоначертание». — «Следующий по степени мудрости обычай у них таков: больных выносят они на площадь, потому что врачей не имеют. К больному подходят и говорят с ним о болезни; подошедший сам, — быть может, страдал когда-либо такую же болезнь, как больной, или в такой болезни видел другого. Люди эти, подошедши, беседуют с больным и советуют ему те самые средства, которыми излечились сами от подобной болезни, или видели, что излечились этими средствами другие больные. У них не дозволялось пройти мимо больного молча, не спросивши о болезни» (Геродот, книга I, глава 197). Это — братство; — теплота коровьего хлева, где никому не холодно; — истинная любовь, потому что она реальна, потому что она плотска. — «О, если бы можно было представить город, все граждане коего связаны были бы плотским чувством: такой город был бы непобедим, ибо в нем каждый был бы готов умереть за каждого» — воскликнул в каком-то предвидении и волнении Платон в «Пире». Но вот такой «город» есть: это — Израиль; и, в самом деле, он — «непобедим», ибо «нельзя» в нем «пройти мимо больного и не спросить о болезни», нельзя израильтянке выйти за «чужого», — но зато каждой израильтянке обеспечен «свой». Т. е. ясно, что это есть плотский союз, и, собственно, закон «ужества» — он тайно действует на протяжении всего Израиля; в разреженной, прозрачной, едва уловимой, но, однако, реальной форме — он веет над всею массою 12 колен. Но сейчас нам станет понятен и закон «дубрав».

Кто была Ревекка, жена Исаака? — *Халдеянка*. «И пойдя в землю мою, на родину мою, и возьми оттуда девицу в жену сыну моему», говорит халдеянин же Авраам, колонист из города Ур (географическая точка в Месопотамии, теперь определенная) верному рабу своему. — «Пей, господин мой; я начерпаю воды и для верблюдов твоих, пока не напьются все» (Бытие, 24), говорит Ревекка недоумевающему и осматривающемуся рабу. Она подлежала закону дубрав, о котором читаем у Геродота: «У вавилонян есть, однако, следующий отвратительный обычай: каждая туземная женщина (т. е. не девушка) обязана раз в жизни иметь сообщение с иноземцем в храме Милитты. Многие женщины, гордые своим богатством, не желая замешиваться в толпу других, отправляются в храм и там останавливаются в закрытых колесницах; за ними следует многочисленная свита. Большинство женщин поступают следующим образом: в святилище садятся они с веревочными венками на головах: одни приходят, другие уходят. Во всевозможных направлениях здесь идут дорожки, и иноземцы, выходя, выбирают себе нравящуюся. Севшая здесь женщина не вправе вернуться

домой ранее, как иноземец бросит ей монету на колени и пригласит ее следовать за собою: «Зову тебя во имя богини Милитты». Как бы мала ни была монета ¹ — женщина не вправе ее отвергнуть, и, не пренебрегая никем, она следует за первым, кто бы он ни был... После сообщения женщина возвращается домой — «и, с того времени» — записывает наблюдательный историк, верно много расспрашивавший у туземцев, — «нельзя иметь ее ни за какие деньги». Вот обычай, который был выполнен матерями и Авраама и Ревекки. «И отпустили Ревекку (отец, мать, брат ее Лаван), сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраамова и людей его; и благословили ее, и сказали: — Сестра наша! — да родятся от тебя

Рис. 25.
Из быта халдеев.

Рис. 26.
Из быта халдеев.

тысячи тысяч и владеет потомство твое жилищами врагов твоих» (Бытие, 24). Вот психология, вот быт; «тысяча тысяч» в далеком потомстве — это и есть «чадородие», возведенное в культ, на «высоту» постижения, и вызвавшее странный обычай, так ужаснувший Геродота. «Напейся ты, а потом верблюды», говорит она чужеродцу, какого увидела в пришедшем из Ханаана Авраамовом рабе, --- и сказала это она после первого его слова. Покорность и ласка. «И побежал Лаван и сказал тому человеку: «Войди, благословенный Господом; зачем ты стоишь вне?

¹ Евреи не рассказывают, а историки и богословы не догадались обдумать, что «самая древняя и священная форма заключения у них брака» до сих пор есть следующая: жених подает девушке монету и произносит: «Беру тебя этою монетою в жены себе по закону отца нашего Моисея». Если девушка приняла монету — брак заключен, они -- муж и жена. Никаких других формальностей и обрядов при этом не требуется. Не только по форме («монета»), но и по существу столь большой легкости и только «согласия двух» — неоспоримо, что религиознейшее зерно (эта формула -- самая сакраментальная, священная, — как бы мы сказали: «От Ярослава Мудрого и по Русской Правде»), что самая священная форма заключения брака у евреев идет прямо от вавилонской священной проституции. Впрочем, гадкое слово «проституция» принадлежит ученым и никогда ни вавилонянами, ни евреями не применялось «к своим делам». Другой свет, учеными не разобранный. «Нужно согласие да любовь, и чистое тело и обильные роды». Но это — не проституция.

я приготовил дом и место для верблюдов». Еще Израиль только зачинается, но психика — типично израильская. «Благословен Бог — сотворивший свет», это будут говорить в Сионе, но сейчас это говорят в Уре халдейском. Но есть ли здесь принужденность в браке, тень которой не исчезла по сей час в России, Франции? «Когда раб Авраамов кончил речь свою, они (родители и брат) сказали: позовем девицу и спросим ее, что она скажет. И призвали Ревекку и сказали ей: «Пойдешь ли с этим человеком?» Она сказала: «Пойду» (там же). Мы упомянули о ласке и тепле, о всем этом — в приложении к чужеродцу. Но что же такое «дубравы» и имя «Милитты» ли, «Мадонны ли» — общее

Дам тебе я на дорогу
Образок?..

— Универсальное материнство, космическая животная теплота, самая бесспорная, непоколебимая. Как весело бежит Лаван к чужеродцу, не нашедшему постоянного двора: «Дом тебе готов, — и для верблюдов». Но распространим же эту ласку дальше, глубже; возведем это веселье бегущих ног — до неба, до «высоты» храма Бела; и возьмем безмолвие, неумелость выражаться логически — так до конца и не создавшее арифметики, когда уже создан был Экклезиаст: вот в этом всем и лежит родник «дубрав». У племен «обрезания», где все пошло в культуру пола, которая истончилась и углубилась до непостижимых для нас оттенков в понимании целомудрия, чистоты, святости, у этих племен и идея всемирной общности людей, их братской и сестринской¹ связанности — «несть иудей, ни эллин» — вылилась в единственном способе говора, каким они владели, — в говоре «дубравы». «Дубрава» — исключительно для иноземцев, за «самую мелкую монету», с калекой или уродом, «именем Милитты»... Ну, что имя —

оно прошло, оно пройдет.

Рафаэль его вспомнил под одним именем, Лермонтов — под другим. Эти «дубравы», как и записал точно Геродот, не носят вовсе никакого чувственного характера: их чувственно принимали иноземцы, но субъективно, но внутренне — это самоотвержение самое глубокое, «милостыня» — самая поразительная, слиянность с «варваром», «иудеем», «эллином», какой не выработали Афины, Рим, Париж. «Потом нельзя приобрести такую женщину ни за какие деньги» — записывает Геродот; он же прибавляет: «Выдающиеся красотой и сложением женщины уходят из храма скоро; все некрасивые остаются там долго, потому что долго им не удается исполнить свою обязанность». Вот полнота факта. Если мы вспомним, что эдикт Каракаллы, даровавший «право римского гражданства» всем «провинциалам», есть юридическое завершение

¹ Замечательно, что «родное» и «чистое» имя «сестра» есть общее для жены, дочери (книга Товита) и всякой вообще женщины у иудеев, в Хаанае и Халдее.

тысячелетнего развития Рима, мы догадаемся, что «умоначертание» дубрав и есть «ветхое деньми» расторжение национальных, городских, территориальных уз. Но — как это показалось Геродоту — это не есть «хладное» впускание к себе чужеродцев: чужестранец, калека, старик — лишь символ далеких, не виденных земель; «благословен Бог, сотворивший свет» — в Иберии, Галлии, где тоже какие-то есть люди:

что в имени тебе моем?..

— они не забыты вавилоняною, — и она не только «поит верблюдов», «снимает сапог и омывает ноги», но — «знатная и богатая», «гордая» (см. запись Геродота), имея вокруг «свиту» и «укутавшись в колеснице» — совершает самоотвержение, на которое для Инсарова — лишь выздоравливающего, ушедшего от смерти — в радости и счастья о бытии, о жизни *его* именно, решается Елена («Накануне»). Тут все поразительно, всякие частности: «иные некрасивые должны ждать по три и по четыре года», записывает Геродот. Как женщина, она не могла не чувствовать укола в самую больную точку (самолюбие, и самолюбие красотью) при каждом, прошедшем мимо и не остановившемся чужеродце: — «зеркало», показывающее ее «дурнушкою» целых три года... Всякая, даже терпеливая, разбила бы такое «зеркало», — но вавилонянка безмолвна и ждет. Тут есть такая глубина безропотности, смирения, самоотвержения, до каких не может поднять нас ни наука, ни философия. Итак, к исходу третьего года — уже приблизительно тысяча прошла мимо, и, по общечеловеческой психологии, мы не можем не догадываться, что, уже начиная приблизительно с двухсотого, халдеянка чувствует в этих грубых и невинно ее обижающих людях несколько «врагов» себе. Но вот 1001-й, небрежно уронив ей в колена монету, урод или старик, вовсе не понимающий (как и Геродот) смысла того, что здесь совершается, зовет ее «именем Милитты». — «Как бы ни мала была плата, она не может отказаться»: это бросил сирота на пире мирском, «матрос», «четвертое сословие». На секунду мы оглядываемся на устройство храма Бела, и видим, что вавилонянка точно понимает в брачном ритме небесное таинство; и она как «мирру» проливает это таинство на «меньшого брата» и «немножечко врага», который в течение трех лет показывал ей «некрасивое зеркальце». — «О, как я их *всех ненавижу*», не может не говорить каждая девушка, мысленно припоминая вечер, на котором сотни мужчин прошли *мимо ее*, не заметив ее. Природа человеческая — вечна; и как мы удивлены, что одна только вавилонянка не умеет ненавидеть: она оказывает 1001-му оскорбителю такой акт милости, склоняется около него такою «самаряною», жертвует такою ценностью, лучшею жемчужиною бытия своего, что — растерянные — мы можем только безмолвствовать. Это — Ревекка, т. е. страна Ревекк; и знакомая Аврааму, она и вызвала у него мольбу слуг:

«Вот, я стар: — положи руку под стегно мне (между бедрами — замечательно место утверждения клятвы) и клянись мне Господом, что ты не возьмешь сыну моему жену из дочерей хананеев, среди которых я живу; но пойдешь в землю мою, на родину мою, — и там возьмешь жену сыну моему Исааку» (какую-нибудь, имя, лицо, условия — не указаны: страна «добрых дочерей», «высокого подбора жен»). Библия и Геродот опять сливаются, но «отвратительное» для Геродота, для нас высвечивается *необычайным*, прямо небесным светом. Соня Мармеладова, но в невинности и бодрой улыбке, крепкой походке ее сестры Полечки.

— Вы любите, Полечка, вашу сестру Соню?

— О, да, я ее больше всех люблю; она такая добрая...

— А вы молитесь Богу?

— О, как же: сперва «Богородицу», а потом еще одну молитву: «Боже, прости и благослови сестрицу Соню», а потом еще: «Боже, прости и благослови нашего другого папашу (Н. В. — Мармеладова, см. сейчас ниже), потому что наш старший папаша уже умер, а этот ведь нам другой, а мы и об нем тоже молимся».

Раскольников вдруг наклонился.

— Полечка, меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне: «и раба Родиона» — больше ничего.

— Всю мою будущую жизнь буду о вас молиться, — горячо проговорила она и охватила его шею («Преступление и наказание» — изд. 84 г., стр. 173).

Вот — Халдея. Сейчас объяснится и последняя ее тайна, т. е. по крайней мере тайна ее ближней двоюродности — Финикии. Но сперва — черта из психологии и быта: Илие Фесвитянину, «души которого искали» «иконодулы»-финикияне, пришлось зайти в сидонский, т. е. финикианский же, городок Сарепту. Здесь, чувствуя голод, он попросил есть у встретившейся женщины. «Жив Господь Бог твой», — ответила поклонница Ваала и Астарты, — «у меня ничего нет, а есть только горсть муки и ложка масла; вот наберу полена два дров и приготовлю это сыну своему и себе: — и съедим, и умрем» (был голод, засуха). Какая покорность! — но израильтянин горд и властителен, и требует сперва — себе: «Не бойся, пойдя, сделай, что ты сказала; но прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня и принеси мне». «И пошла она, и сделала так, как сказал Илия»... Музыка слов и отношений совершенно так же, как на «браке в Кане Галилейской». Но вот у нее умирает «сын», — умирает тот, кто вырос из нее, как «миндалинка» в «светильнике», как ягодка на «расцветшем Аароновом жезле». И она приписывает, она убеждена, что это — от недоброй воли и волшебной силы Илии, сотворившего тогда же чудо неистощимой муки у нее в кадке. Мы сейчас должны припомнить ту сестру ее, халдеянку, которая три года терпеливо и покорно ожидает по закону Милитты, какой бы моряк-чужестранец «взял» ее. Ибо слова ее единственным во всемирной истории тоном

покорности и глубины совершенно соответствуют покорному духу и покорной судьбе халдеянок, как их описал Геродот. Она, убитая горем сирота, говорит пророку израильскому: — «Что мне и тебе, человек Божий? Ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить у меня сына». Вот — тембр души, вот музыка сердца, которая

пройдя веков завистливую даль,

переживет Парфенон и Капитолий, доживет до нас, станет томить наше сердце, как недостижимый идеал. Но чей же это голос? Да женщины, углубившейся в материнство, провалившейся в ее бездонные глубины, в невероятную сложность и утончение материнства:

Дам тебе я на дорогу
Образок —

«Мадонны» ли, «Астарты» ли —

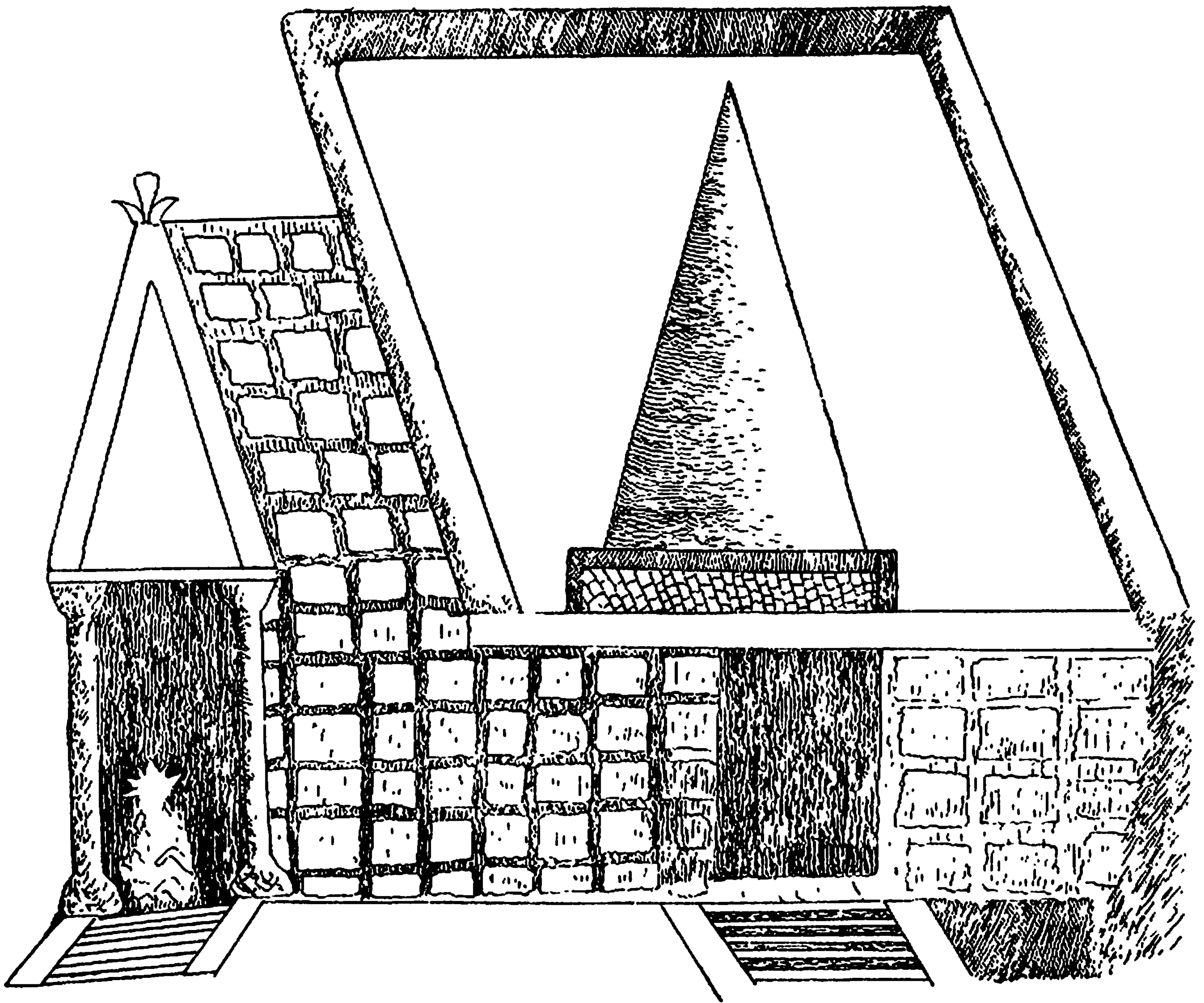
Что в имени тебе моем?..

Но, может быть, вдовица Сарептская была индивидуальным исключением? Нет, это тон быта, тон массы. Вот еще слова: «И пришли соглядатаи (от Иисуса Навина) в городок Лаис, и увидали народ, который в нем, что он живет покойно, по обычаю Сидонян, тих и беспечен, — и что не было в земле той, кто обижал бы в чем или имел бы власть; от Сидонян они жили далеко, и ни с кем не было у них никакого дела» (книга Судей, глава 18). Это, 2½ тысячи лет тому назад записанное, и по сей час выражает быт простолюдинов евреев, — их разбросанность по миру, их таинственную сосредоточенность каждого в своем месте и в своем часе, — с чертами духа одинаковыми от Спинозы до русского шапочника. Соглядатаи думают, однако, что это — «язычники», и вот входят в один дом. «Знаете ли, — передают они потом, вернувшись к своим, — что в доме этом мы нашли *эфод*, *терафим* (типичные богослужебные принадлежности у евреев), *истукан* и *литой кумир*. Итак, братья, подумайте — что́ нам с ними делать?» (там же, стих 14). Все решили переманить домохозяина к себе. «Они, — придя уже с 600 человек вооруженных, — вошли в дом, и взяли (себе!!!) *истукан*, *эфод*, *терафим* и *литой кумир*. Хозяин же дома сказал им: «Что́ вы делаете?» — Они ответили ему: «Молчи, положи руку твою на уста твои и иди с нами и будь у нас *отцом и священником*; лучше ли тебе быть священником в доме одного человека, нежели быть священником в колене или в племени Израильском?» (там же, стих 19). Только тупое воображение (и деревянная душа) историков, археологов и богословов помешала им рассмотреть в этих словах, *сплошь к другим приставленным в начальной книге истории Изра-иля*, — целую сокровищницу открытий для истории и для веры. Ведь кто приходит в Лаис, *финикийский городок*? Приходят можно сказать («живость воображения») «наши» евреи, история и религия которых есть «Аз» нашей религии, заучиваемой ортодоксально еще в гимназии («живость воображения»). Приходят они сюда *впервые* («живость воображе-

ния»), на *девственную* для них культурно и религиозно почву, — выведенные из Египта Моисеем, который («живость воображения») и для нас *доселе* есть «пророк и человек Божий». Теперь (синтез «живых воображений»): в Финикии очевидно — «финикийская религия», отнюдь им не навязанная Авраамом, который им ничего не пропагандировал, а был «в завете с Богом» *один и со своим личным потомством*, которое все *целиком и без остатка*, вместе с Иаковом, под старость его лет, переселилось в Египет. Переселился Иаков и все его 12 сынов с детьми и внуками. Повторяю, в Финикии пропаганды не было, да религиозная пропаганда даже *доселе* не в духе Израиля и даже враждебна Израилю («таящийся» характер религии, — только «для себя»; начало и дух полового затенения). Итак, была у финикиян *ихняя финикийская религия*, а у евреев была та «своя религия», которая есть вместе и *наша* религия, насколько Моисей и Иисус Навин суть «праведные и святые люди» для учеников наших гимназий и для родителей их. Вдруг, войдя в первый же дом, — войдя именно *девственно и первоначально*, — их «соглядатаи», в своем роде «лазутчики во враждебной земле», находят у «хозяина дома», в который она забрели случайно, такие принадлежности домашнего его богослужения, — богослужения семейного и родового, — которые «годятся и нам», т. е. «годятся» этим евреям времен Моисея и Иисуса Навина, и они настолько не видят разницы между собою и этим финикиянином, что зовут его *без экзамена и проверки вероисповедания быть священником (!!!)* у них, у евреев, для ихнего «колена израильского», соблазняя его в своем роде «обширностью прихода». — «Ты тут у себя и для одного своего семейства служишь, поклоняешься, читаешь молитвы; а у нас то же будешь делать — *для целого народа*». Не поразительно ли, не разит ли в голову наших богословов, как гром среди ясного неба!! Центр дела, очевидно: «То же богослужение будешь править, как у себя и для себя». *Какое же «богослужение»*, главное — *кому же?!!* Ведь «у финикиян — своя религия», «у евреев — своя», и между ними — «никакого сходства, полная вражда» (историки и богословы). А дело «приходится» и Библия рассказывает, что «он годился им в священники». «Рука» и «перчатка» и «рука входит в перчатку». Значит, она — «моя», или — «мы носим один номер». Явно и очевидно, что при возможной разнице в именах, как «Иван» и «Иоганн», суть и идея и чувство поклонения были абсолютно тождественны у финикиян и у евреев, и мы даже чувствуем — *в чем*: оба племени и обе религии молились одному и тому же богу или одним и тем же богам плодородия и чадородия, и как *предмет и содержание* молитв было одно, то и тембр не только одних молитв, но и разговоров (Илия Фесвитянин и вдова Сарепты Сидонской) и всей вообще целостной цивилизации был один и совершенно неразличимый ни для «соглядатаев», ни для позднего пророка израильского. Историки «разделили» там, где весь текст Библии говорит: «соедини», ибо «тут только разница в подробностях и именах». Тогда мы вдруг открываем, почему Авраам,

т. е. еще до зачала евреев, встречается в Ханаане Мелхиседека — «священника Бога Вышнего» (Бытие, гл. 14). «Израиль» начался гораздо ранее Израиля: и Авраам, оседая около «дуба Мамврийского», был каплею, капнувшею в свое море, как и из «своего» же моря, около Ура Халдейского, он вышел. Сейчас нам объясняется вся запутанность израильской истории: Соломон поклонился Астарте, но вот единственная в истории по колориту и настойчивости просьба Авраама: «Вот я решил говорить Владыке, я — прах и пепел: может быть до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за недостатком пяти — ты истребишь весь город» (Бытие, 18). Он — не недруг князю спаленных позднее городов: «Поднимаю руку мою к Богу Всевышнему, что даже нитки и ремня из обуви не возьму из того, что принадлежит тебе», — говорит он князьку, возвращая ему скот и имущество, отнятое обратно у кочевых хищников (Бытие, глава 14). И совершенно также понятно, что Хирам, царь тирский, встречая посланцев от Соломона, пришедших за зодчими, говорит: «Благословен ныне Господь, который дал Давиду сына мудрого для управления этим многочисленным народом» (третья книга Царств, глава 5) — т. е. он говорит Израильскую молитву, как и зодчие, специально храмовые, не спрашивают у Соломона планов постройки — но воздвигают все, что и как нужно. «Мы там нашли терафим и ефод, — что нам делать?» Но, может быть, неразличимое для соглядатаев, неразличимое для Соломона, неразличимое и для нас (восклицание сидонянки-вдовицы) — было различно, однако, всегда для пророков? Но нет, от имени израильского Бога говорит Иезекииль о финикийском Тире: «Ты — печать совершенства, полнота мудрости; ты находился в Едеме, в саду Божием; ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, — и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней; ты совершен был в путях со дня сотворения твоего» (Иезекииль, глава 28). «Со дня сотворения», — это же должно, в устах израильского и нашего пророка, что-нибудь значить для недоумевающих очей историков?! «С сотворения это был Мой любимый, Мною благословляемый город». Неужели это их не потрясает? Мы понимаем тогда родник неудержимых отпадений Израильского и потом наконец Иудейского царства в финикийский культ: — отпадений в самую творческую и оригинальную собственную пору, сейчас после Давида и Соломона, в стадию пророчества. «Чтили Господа, но поклонялись и Астарте» — вот строка, в которую укладывается классический период Израиля; мы ничего в нем не поймем, если не обратим внимания, что многие самые типичные, самые возвышенные и до сих пор повторяемые у нас в церквах слова, речения, строки — суть именно «дыхание» Астарты. Кто была Руфь? — Она была моавитянка, т. е. поклонница Хаммуса (четвертая кн. Царств, глава 23, стих 13). Но кто был Иов? — Из земли Уц, в северной Аравии, куда 12 колен не простирались. Т. е. перед «долготерпеливостью» Иова, кротостью сидонской вдовицы, преданностью и чистотой Руфи —

Рис. 27.

Образец финикийского Святилища. Святилище в городе Библосе, на берегу Средиземного моря. Стена преднамеренно невысокая. Крыши нет. Святилище, без сомнения, было обсажено невысокими деревьями и цветами. Внутри его на высоком, выше храмовой стены, постаменте поднимался в голубое небо чтимый фетиш. И святилища-то из-за деревьев и из-за построек городских не было видно, а только на небе и горел один этот фетиш, как земное солнце под небесным солнцем. И финикийцы и финикийки (фетиш — мужской), где бы ни проходили по городу, оглядываясь в сторону святилища,— постоянно видели чтимый фетиш, как бы «положенным на тверди небесной». Таково (я наблюдал) всегда впечатление линейного или удлиненного, без уступов и вообще без рисунка в себе, предмета, если он «прямо врезывается в небо» и если на него смотришь не очень близко. Изображение взято с бронзовой монеты города Библоса в пору подчинения Финикии Риму и увеличено мною в 36 раз. (Следы монеты уничтожены.)

потомки халдеев *Исаака* и *Ревекки* преклонились, как и мы доселе преклоняемся. Но откуда же мучительный гнев на это пророков? Мы ничего в этом не поймем, пока не обратим внимания на *состав гнева* и на одну маленькую современную нам подробность. Гнев льется на самое имя, на лицо «иных богов», не затрагивая так сказать «дыхание» поклонения, его внутренний нерв, его внутреннее существо; он не против «материнства» Астарты, но — против того, чтобы молитва «материнства» относилась к Астарте, когда должна быть (у евреев) отнесена к Иегове. Вот тембр, вот линия уклона и содержание всех пророчеств. «И высоты, которые перед Иерусалимом, направо от масличной горы, которые устроил Соломон, царь Израилев, Астарте, мерзости Сидонской, и Хамусу — мерзости Моавитской, и Милхому — мерзости Аммонитской — их осквернил Хелкия; и изломал статуи, и срубил дубравы, и наполнил костями человеческими это место» (четвертая книга Царств, гл. 23). Вот строка, — типичная и однообразная у пророков Израиля и у писателя книги Царств, — которая и запутала малодумные головы новых историков. Тут так ясно выговорено «мерзость», что какого же труда стоит повторить «мерзость» и уверять древле и — внове, что все «тирское и сидонское», все, следовательно, «от Руфи» и «от вдовицы Сарепты Сидонской», было по существу и делу для пророков — «мерзостью». По существу, по содержанию, по духу, по всему. Между тем ведь сами же экзегеты Библии говорят, да и пророки тоже говорят совершенно прямо, что «Бог Израиля» есть «супруг Израиля». Это так очевидно и такая «альфа» всего дела, что споров об этом нет и не предвидится. Из нее-то, из этой «альфы», и вытекает все дело и объясняются все пророчества и их неуклонно однообразный тон. Да они так и говорят, т. е. Бог Израилев устами их так и говорит своему народу: «Дети ваши — более не мои дети, а — дети мерзости сидонской», «мерзкого Ваала и Астарты», — как только евреи начинали вступать в смешанные браки с финикийцами, с египтянами, с моавитянами и аммонитянами. И — исключительно к этим-то смешанным бракам слова эти и относятся. Как и до сих пор анафема синагоги грозит каждому еврею и каждой еврейке за всякий смешанный с чужеродцем брак, за смешивание кровей, за смешивание семени. Историки же приняли это за смешение исповеданий, говоря нашим языком — за смешение «символов веры», за «переход из религии в религию», за богослужебную, храмовую измену. Между тем какому же супругу сладко, что дети «рождаются не от него?» И вот — гнев, ярость, типический гнев ревнования... В этом и лежат все пророки, — читайте!!! В этом и еще ни в чем другом. Ни в чем и никогда в другом!!! Читайте, читайте, читайте!!! Раскройте глаза на истину. Но ведь существо-то дела, самое-то плодородие, самая-то музыка «вдовы Сарепты Сидонской» или «Авраама с Саррою у дуба Мамврийского» остается одною и тою же, именно — плодородною, именно — чадородною. Говоря деревенским языком и говоря исключительно для истолкования истины историкам: «Хоша от Ивана, хоша от Петра: а дело — одно». Тут-то

и разверзаются глубины истории, всеосвящающие: что в поклонении и его сути никакой разницы у древних народов не было, — отчего «римские жертвоприношения и принимались в Иерусалимском храме», а что разница была «в именах» и «на чье имя записывать детей», ну — и в зачатии детей именно от израильтянина, и — с страшным запретом о чужой крови и о чужом семени. У римлян «законно-римское», и у евреев «законно-еврейское». Но, однако, суть-то и дело — одно!!! Дело — крови, дело — семени; и дело — кровно-семенного соединения. Еще скажем: дело — породы, традиционно «верного» происхождения от того же предка, со страшными заклятиями против допущения чужих кровей. Читайте! Читайте! Читайте! — Видьте, видьте: ничего кроме глаз, кроме очков и текста не нужно!!!¹

Таким образом, вот где коренится гнев пророков, — весь и прямо примыкающий к «завету обрезания» Авраамова. Весь — только поддерживающий этот завет, напоминающий о нем, проклинающий каждого, кто от него отступает. Везде пророки отторгают Израиля «от служения богам иным», т. е. не от храмового и молитвенного служения (мысль историков), а совершенно, совершенно от другого «служения»: от служения в «крови» своей и «наследниках» своих... Мы так и слышим из-под этих строк определение Богом Себя Моисею: «Аз есмь *огнь поядающий — Бог ревнующий*» (Второзаконие, глава 4, ст. 24). Огнь ревности

---

¹ Как это огненно сказано: «Слово Господне к Осии, во дни... Иеровоама, царя Израильского. Начало слова Господня к Осии. И сказал Господь Осии: — Иди, возьми себе жену блудницу и роди детей блуда; ибо сильно блудодействует земля сия, отступив от Господа. И пошел он, и взял Гомерь, дочь Девилаима; и она зачала, и родила ему сына. И Господь сказал ему: нареки ему имя Израель; потому что еще немного пройдет времени и Я положу конец царству дома Израилева. И зачала еще, и родила дочь, и Он сказал ему: нареки ей имя Лорухама (Непомилованная); ибо Я уже не буду более щадить дома Израилева, чтобы прощать им. А дом Иудин помилую. И, откормив грудью Непомилованную, она зачала, и родила сына. И сказал Он: нареки ему имя Лоамми (не Мой народ), потому что вы не Мой народ, и Я не буду вашим Богом. Судитесь с вашею матерью, судитесь; ибо она не жена Моя, и Я не муж ее; пусть она удалит — блуд от лица своего, и прелюбодеяние от груди своих, дабы Я не разоблачил ее донага, и не выставил ее, как в день рождения ее. И детей ее не помилую, потому, что они дети блуда. Ибо блудодействовала мать их, и осрамила себя зачавшая их; ибо говорила: «Пойду за любовниками моими, которые дают мне хлеб и воду, шерсть и лен, елей и напитки». За то вот, Я загорожу путь ее тернами, и обнесу ее оградой, и она не найдет стезей своих; и погонится за любовниками своими, но не догонит их; и будет искать их, но не найдет, и скажет: «Пойду я, и возвращусь к первому мужу моему; ибо тогда лучше было мне, нежели теперь». А не знала она, что Я, Я давал ей хлеб и вино и елей, и умножил у нее серебро и золого, из которого сделала *истукана* Ваала. За то Я возьму назад хлеб Мой в его время и вино Мое в его пору, и отниму шерсть и лен Мой, чем покрывается нагота ее. И ныне открою срамоту ее перед глазами любовников ее, и никто не исторгнет ее из руки Моей. И прекращу у нее всякое веселие, праздники ее, и новомесячия ее, и субботы ее, и все торжества ее. И опустошу виноградные лозы ее и смоковницы ее, о которых она говорит: «Это у меня подарки, которые надарили мне любовники мои», и Я превращу их в лес, и полевые звери поедят их. И накажу ее за дни служения Ваалам, когда она кадила им, и, украсив себя серьгами и ожерельями, ходила за любовниками своими, а Меня забывала, говорит Господь. Посему вот, Я увлеку ее, приведу ее в пустыню, и буду говорить к сердцу ее. И дам ей оглушающие виноградники ее и долину Ахор, в преддверие надежды; и она будет петь там, как во дни юности своей и как в день выхода своего из земли Египетской. И будет в тот день, говорит Господь: ты будешь звать Меня «муж мой», и не будешь более звать Меня: «Ваали» (Господин мой). И удалю имена Ваалов от уст ее, и не будут более воспоминаемы имена их. И обручу тебя Мне в верности, и ты познаешь Господа. И помилую Непомилованную, и скажу не Моему народу: «Ты — Мой народ», а она скажет: «Ты — мой Бог!»

чисто супружеской есть в то же время огонь религиозной ревности Израиля — «к иным богам». Место Астарты — в Тире; там ее — «10 или 15 колен». И с высоты Универса, для поклоняемого «Ока» — «Тир совершен в путях своих со дня сотворения своего» (Иезекииль). Но это именно — в Тире и об Тире. А с земли, откуда идет молитва, из «12» израильских колен — уклониться к этой тирской Астарте — *не по существу ее, а потому что она есть «тирская»* — значит уже уклониться в «блуд с иными богами». Да это так прямо и выражено, напр. у Иезекииля: «Я (Бог) проходил мимо тебя (Израиля) — и вот это было время твое, время любви. Ты достигла превосходной красоты — поднялись груди и волосы у тебя выросли. И простер Я воскрилия Мои на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе, и вступил в союз с тобою, говорит Господь Бог — и ты стала Моею» (Иезекииль, гл. 16)... «Но ты понадеялась на красоту свою и, пользуясь славою твоею, — стала блудить... с сынами Египта... с сынами Ассира... в земле Ханаанской, до Халдей» (та же глава у Иезекииля). Тон и мысль этого — у всех пророков. Если мы примем во внимание, что решительно духу всего Израиля и духу всей Библии противен способ риторической изобразительности, манера «образов» только украшающих, то мы догадаемся, что здесь дело идет о *действительности, т. е. о действительном ощущении, о способе «познавать» Бога*, который снова обращает наши глаза к вершине Вавилонского храма, к «бреду», показавшемуся «неправдоподобным вымыслом» Геродоту, и который, однако, и составляет глубочайшую и собственно всю тайну семито-хамитического Востока. Маленькая подробность, сейчас сохраняющаяся, вдруг объяснит и подтвердит эти древние тайны: у евреев до сих пор «выйти из религии», «отречься от Бога отцов своих» — и значит плотски разорваться ¹ в узах с племенем своим, напр. через брак с чужеродцем; т. е. «верность Богу», твердость «религиозная» проходит нитью именно в брачном ритме «со своим». Это именно прозрачный «левират», истончившееся в утренний туман «ужество», связавшее все племя —

По вечным, великим законам...

И плотская ткань его не была бы святою, неугасающею в истории, не продырявливаемою в тысячелетиях, если бы в самое «снование челно-

---

¹ Однако первая жена Соломона была египтянка; моавитянка Руфь стала женою Вооза; халдеянка Ревекка — женою Исаака; хананеянки бывали женами царей Израильских. В пределах «обрезания», т. е. «высокого» представления — брак возможен, хотя чуть-чуть затруднен («иные бози»). Но он совершенно невозможен с племенами «низкого» представления о брачном ритме, напр. с пами. Мы, по нравам и обычаям, «упиваясь вином», впадая в «скотоподобие», «допускаем» себя до ритма: это, мы учимся, — «животная» сторона нашей природы, коей мы делаем невольную «уступку». Евреи, не входя в наши рассуждения, но принимая во внимание наши чувства, и испытывают чувство гнусности от полового с нами общения; они не хотят нисходить из «храма» в «хлев»; и как по Второзаконию — «всякая, когорая становится перед скотом, да будет душа той истреблена из народа своего», — убивают или почти убивают, хотят «истребить» еврейку, решившуюся «стать перед» не-евреем.

ка» действительно не входило «дыхание» Божие ¹, и, так сказать, существо Божие не составляло бы суть вечной ткани. По крайней мере, это так в представлениях пророков, и бесспорно — в ощущении Израиля, по крайней мере в классическую пору его существования, от которого след сохраняется в теперешних обычаях, «предрассудках», инстинктах. Но это самое ощущение и составляет «дыхание» всех стран, обрезания: — оно есть в плане и мысли Вавилонского храма, в «милостыне» Милитте, «околохрамных» дубравах, в курении Товии, «миндалинках скинии»; и, наконец, в неизъяснимом представлении египтян, что «Апис зачинается от нисходящего с неба на корову луча света, от коего она и рождает его, после чего она уже никогда вторично не может быть стельною» (Геродот, третья книга, глава 27). Здесь общее и собственно единственно-важное — субъективное ощущение «высоты» брачного ритма, его «чистоты» и, наконец, «святости» — которое зажгло лампы, «подняло» храм Бела, насадило «дубравы» и создало, как у Израиля, весь необозримый ритуал «очищений», «курений», «новомесячий», «суббот». Но мы все это оговариваем, чтобы объяснить грозную и ужасавшую всех историков манифестацию религиозного чувства «в правом от дней рождения своего» Тире. Это — ужасная курящаяся кровь детей.

Ведь сидонянка, у которой попросил Илия Фесвитянин хлеба, ответила: «Съедем — сын и я, и потом — умрем». Сын — впереди матери, и нужно слишком не понимать существо материнское, чтобы не догадаться, что дитя и всегда везде предносится матерью. Но вот оно возносится в «огнь поедающий». — «Сожигали сыновей своих в огне Адрамелеху и Анамелеху, богам Сепарвимским, между тем чтили и Господа» — читаем мы в главе семнадцатой 4-й книги Царств. Вот поразительная тайна, отчасти Израиля, но главное — «жестокой» Финикии. — «Отец, где же жертва?» — спросил Исаак Авраама, неся дрова. — «Узнаешь, сын мой», — отвечал Авраам. Вот диалог из Бытия, единственный полный очерк таинственного акта, где нам вскрыта и его психология. В диалоге этом — столько кротости и преданности воле Божией, что он закрался кой-где и в церковные наши песнопения (как образ, сравнение); т. е. в эти песнопения мы завели, как драгоценную нить, единственную донесшуюся до нас черту из внутренней стороны непонятных жертв. «Как Исаак, несущий дрова для собственного заклания»...

Что такое жертва? Это — то, что всегда *трудно*, это — то, в чем выражена особенная *любовь*. Мы «стоим» в храме, и сочли бы непозволительным для себя — *сесть*; есть «долгие» и трудные «стояния», на которые особенно торопится народ; паломники предпочитают «идти»

---

¹ «И посетил Господь Анну, и зачала она, и родила еще трех сыновей и двух дочерей» (Первая книга Царств, глава 2, стих 21).

в Киев, а не едут туда по железной дороге. Величина, тягость жертвы — всегда в меру веры; и даже когда нищенка затепливает

свечу
Воску ярого

— она урывает копейку из пищи и прибавляет ее к стоимости свечи. Это — всегда, это — везде; в этом — смысл религии, что мы хотим и даже спешим в ней «жертвовать». Дитя предносится матерью, и в нем она *более, чем себя*, жжет. Вот свеча, достигающая неба — единственная в истории свеча: и мы предполагаем, что было и в основании ее что-то единственное в истории по яркости, по силе, т. е. соответственно предмету — по глубине и нежности, религиозное чувство. Где мы не в силах прямо постигнуть дела, мы должны искать ему аналогий, подобий. Это — костры в Испании. Как ужаснулись бы мы, если бы кто-нибудь подумал, что они были «потребованы свыше». И это — жертва, вид человеческого «усердия»:

В великолепных auto-da-fe
Сжигали злых еретиков...

— не своих детей, не «друзей», но «недрузгов», т. е. тут мы можем различить ясно злое — умерщвление «врага».

Теперь мы догадываемся, что как это «*in ma jogem gloriam*»¹ есть высшая степень логической *гордыни*, так есть некоторое *ниспадение* «до-лу» духа в принесении в жертву «миндалинок», выношенных «собственным» чревом, и при взгляде, что это чрево — свято, и, уж конечно, еще более непорочно и свято, еще более «чистый ярый воск» — само дитя. Мы не умеем это выразить, но ярко чувствуем, что тут именно другой полюс инквизиции: — те глубины *прощения и смирения*, которые выразились в слове сидонянки: «Что мне и тебе, человек Божий! — ты пришел напомнить грехи мои и умертвить моего сына». Во всяком случае это-то уже понятно и читателю, что «сожжение себя» есть нечто обратное, вывернутое по отношению к «сжиганию чужака»; что сжечь *свое дитя* — обратное, чем сжечь *недруга*. И, наконец, сжечь грешного «злого» еретика и сжечь невинное дитя — тут все обратно, тут все противоположно, с центром в обоих разошедшихся фактах пламени «огня поедающего». Там и здесь — «около Бога», «религиозное»; но — расходящееся в противоположные стороны. И, мы чувствуем, — тут есть расхождение в самых представлениях Бога. Но в кострах auto-da-fe не ложно мы видим ужасное зло, бездну черного и демонического, бури гневливости, дьявольскую жестокость и неправду; и только под углом этого сравнения мы вдруг откроем в «огнях», через которые «проводили своих детей» израильтяне с таким неудержимым рвением, — снова какой-то, нам вовсе непонятный, но, бесспорно, небесный и чистый свет *кротости*. Да вот ответ Ахава, сейчас после поражения сирийского царя Венадава; испуганный, этот царь, думая, что пришло время смерти его, «бегал из одной внутренней комнаты в другую», и о нем сказали Ахаву. «Разве он

¹ «для пользы кого-либо» (лат.).

жив?» — переспросил этот: «Он — *брат мой*». Снова этот тембр души, какой сказался в ответе сидонянки Илие. Мы заметили уже, что «дыхание» всего Востока полно «материнством»-«отчеством»; что этими чертами в себе человек обращен к небу¹, т. е., естественно, он обращен в брачном ритме, в секунды действительно таинственных разложений индивидуального существа в «отца» и «сына», «мать» и «сына». И именно в небе он видит, к небу он относит разлагающее так себя начало, т. е. он молится небесному «материнству» и «отчеству». Евреи особенно почувствовали «отчество»² в небе — противоположное и дополнительное ярко выраженной женственности³ себя как нации; более мужественные финикияне, отважные моряки и изобретатели, — ярче почувствовали в небе дополнительное к себе *материнство*. Существо, однако, здесь и там — одно: это — то существо, та тайна мира и истина его, которую инстинктивно ощущает даже современная нам наука, очень мало думающая о религии, решительно отказываясь признать начало жизни «обыкновенным» ростом из «стихии» земли, из «красной глины», без замешавшегося сюда высшего «дыхания»; и, например, устами, кажется, Цёльнера, высказала гипотезу, что «первая органическая клеточка, всроютно, упала на землю с метеоритом». С «метеоритом» или нет, но — с «неба», «не» с земли, «не» из «красной глины» поднялась, — вот что важно в утверждениях XIX века и что глубоко верно и точно почувствовалось еще строителями Вавилонского храма (девушка, на вершине храма ночующая, «к которой ночью приходит божество»). Но вернемся к евреям и Финикии: если характер финикиян был более суров, то специфически религиозное у них представление, так сказать небесное дополнение земного человека, будучи одной природы с еврейским, было *нежнее, глубже, любящее*. Тут и лежит разгадка столь поразительного явления, которое мы наблюдаем в Библии за всю *классическую* пору существования Израиля: что неподвижные, упорные, косные в религиозной сфере евреи — *неудержимо влекутся к слиянию с Финикией*; влекутся в пору Боговидения (Соломон), сейчас после псалмов Давида, в пору создания Экклезиаста и Песни Песней, при Иезекииле, при Илие, Исаие, Амосе. Теперь, когда все стало непонятно нам на Востоке, — непонятен и этот факт; но это была внутренняя борьба в одном по существу явлении: — «отчество» ли оно? но почему — и не «материнство»? почему «не материнство и отчество»?

¹ «Ибо когда увидят у себя *детей своих, дело рук Моих*», — говорит Господь, — то они свято будут чтить Имя Мое и свято чтить Святого Иаковлева и благоговегь перед Богом Израилевым» (Исаия, глава 29, стих 23). Еще полнее и общее в книге Иова: «если бы Бог обратил сердце Своё к Себе, и взял к себе дух земли и дыхание его, то вдруг погибла бы всякая плоть и человек возвратился бы в прах» (глава 34, стих 14 и 15).

² Однако первая строка Бытия: «В начале сотворил Бог...» Сотворил = «бара» — форма глагола в единственном числе — указывает на единство или нерасчленимую *слизность творческого акта*; но «Бог» = «Елогим» форма *не единственного* числа. Т. е. в первую строку и основное понятие Израиля завито было и *материнство к миру*.

³ Евреи — замечательно женственны, крикливы, нервны. и, например, у них, кажется, вовсе не встречается голосов «с октавой».

и, главное,— почему не еще усиленнее, не еще страстнее, не еще глубже, чем «у нас» (Израиль)? Это был порыв Израиля к чему-то универсальному, но в тех же самых линиях, в том же самом плане мысли, в которой и вечно, еще с Авраама, он двигался; было движение к «огнистым камням», «украшенным одеждам», к «полноте мудрости и венцу красоты»,— как это выразилось в отношении финикийского Тира с безмерною любовью у Иезекииля (глава 28). Но, однако, с местной и племенной, «12-коленной», точки зрения — это было уклонением от строгого и несколько жесткого «отчества», коему Израиль был обречен,— и он был остановлен пророками. Мы можем, в точках соприкосновения, везде отметить в Израиле *реакцию в сторону грубости*: ведь это Илия «порубил пророков» на Кедроне; и в сношениях с сидонянкою — вся нежность, покорность судьбе, готовность к помощи — на ее стороне; в случае с Ахавом: — едва он отпустил Венадава, как к нему является пророк и говорит: «Душу за душу... Вот, ты отпустил его живым, и за это заплатишь жизнью». Вообще, *черты грубости и жестокости*, порою решительно непереносимые, какие есть в книгах Царств, *везде суть реакция специфически-израильского духа против более кротких «дыханий» «материнского» соседства*. Книга Руфь, Книга Товита, Книга Иова и, наконец, Песнь Песней — вот отпечаток Моава, Ниневии, Аравии, Сидона на древе Авраамовом, на законе Моисеевом; и, с тем вместе, это суть самые нежные и высокие страницы в самой Библии; они гораздо выше и чище Второзакония. Есть даже удивительная высота в том, что «соседство» не оставило после себя никаких книг: оно *прожило «Песнь Песней»* вместо того, чтобы оставить памятник этой жизни *в слове*. Кстати об этом великом произведении. Мы догадываемся, что оно и есть памятник «дубравных» молитв; и, до известной степени, это есть в слове выраженная мысль и план Вавилонского храма. Образы Иезекииля об отношении Бога к Израилю — в сущности повторены здесь; и в то же время, в неясности говорящих здесь лиц, в том, что мы постоянно слышим голос которого-нибудь одного лица, что это есть вздохи, ожидания, но не встреча и не самое касание, мы как бы читаем ту ночь ощущений «туземной женщины» на «высоте» таинственного храма, описанного Геродотом:

«Я сплю — а сердце мое бодрствует; вот голос моего Возлюбленного, который стучится: «Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, чистая моя! Потому что голова моя вся покрыта росой, кудри мои — ночью влагою».

Я скинула хитон мой; как же мне опять надевать его? Я вымыла ноги мои — как же мне марать их?

Возлюбленный мой протянул руку сквозь скважину, и чрево мое взволновалось от него.

Я встала, чтоб отпереть Возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с пальцев моих мирра капала на ручки замка.

Отперла я Возлюбленному моему — а Возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил. Я искала его и не находила его; звала его и он не отзывался мне.

Встретили меня стражи, обходящие город, избили меня, изранили меня; сняли с меня покрывало стерегущие стены.

Заклинаю вас, дочери Иерусалимские! — если вы встретите Возлюбленного моего — что скажете вы ему? что я изнемогаю от любви.

Чем Возлюбленный твой лучше других возлюбленных, прекраснейшая из женщин? Чем он лучше, что ты так закликаешь нас?

Вид его подобен Ливану, величествен, как кедры, уста его — сладость и весь он — любезность. Вот кто Возлюбленный мой, и вот кто Друг мой, дочери Иерусалимские» (Песнь Песней, глава 5).

Конечно, мы можем тут улыбнуться, вспоминая

...игры Вакха и Киприды,

но нас остановит, бесспорно, религиознейший на земле народ — евреи, ибо именно эту «Песнь Песней», а не «Исход» и не «Второзаконие», что отвечало бы историческому воспоминанию, они читают в «субботу суббот», в «святую» Пасху. И наша церковь, которая также не знает

...игр Вакха и Киприды

и не может не видеть, что содержание Песни Песней есть чисто брачное, — признала, что содержание это обнимает не лицо, не индивидуумы, не землю, но обнимает землю в отношении ее к небу, содержит «поднятые» над землею «небесные воскрилия» (Иезекииль). Тут гипотеза Цёльнера, храм «древнего Бела», мечта Саиса, вздохи Сидона, мысль «обрезанного» под дубом Мамврийским Авраама, — вторая, не объясненная Аврааму, темная сторона обрезания, сказавшаяся в загадочном восклицании Сепфоры: «Ты теперь — жених крови у меня»... «И отошел Господь: она же прибавила — жених крови по обрезанию».

«Обрезание» и есть «обручение»-«обещание», коего *исполнение* начинается по достижении половой зрелости. «С первыми признаками зрелости, в 13 лет, еврей уже становится полноправным в народе и обязан исполнять все мицвы или религиозные законы» (Н. Переферкович. «Талмуд, его история и содержание». Спб., 1897 г., стр. 91). Здесь опять громовой недостаток воображения, — недостаток *силы представлять*, — был причиной, почему и этот переводчик на русский язык Талмуда, и тысячи ученых гебраистов и библейских историков, конечно, знавших это еврейское «правило веков», прошли глухо и немо мимо этого правила, хотя оно кричало им в ухо гораздо более, чем пресловутый «камень Хаммураби». Как было не заметить из него («в 13 лет — все мицвы»), что внутренняя сущность юдаизма, *вся сущность и всего юдаизма*, лежит не в «законах»,

не в «правилах», не в самых даже этих «мицвах», и равно не в «Моисее и пророках», но *исключительно и единственно в возрастном и половом созревании мальчиков у евреев, самчиков (самец и самка) у них, т. е. в их членах, в их теле, и зерне самого тела — семени. Что юдаизм есть религия семени — и не более, семени — и только, семени — и не иначе. Что все, что он «делает, мицвы и проч., — все, что он читает, молитвы и проч., — все только окружает и только охраняет «созревшее к 13 годкам семя мальчика», и не будь бы его — не было бы их, а раз оно есть, зреет в каждом, формируется во всяком, то вот седые и мудрые евреи, с Моисея, Авраама, а в сущности еще с Египта и в Египте впервые — сотворили все эти мицвы — эти или подобные, и вообще какие угодно — все равно. Ибо все равно — семя уже несется, а раз есть «подлежащее» — будет «сказуемое». То, что у нас в Европе называлось в один век «готикою» и «рыцарством», и в следующий век называлось «гуманизмом», а теперь вот называется «школою и конституциею», то в юдаизме от Мемфиса и Вавилона до Вильно и Белостока именуется без перемен одним именем: «мальчик», «13 лет», — и весь Израиль начинает точно прыгать около него, плясать, скакать, пировать, — сходится с ума, безумствует, надевает мурмолку и снимает мурмолку, что-то бормочет; а вслушивавшись в бормотанье, мы бы слышали: «Для таких-то мальчиков и сотворен мир»... Воистину — это Апис и год избрания его на царство... «Нашли нового Аписа! Нашли нового Аписа!..»¹ И Фивы шумели, Египет праздновал. Недоумевающий странник Геродот спрашивал: «Что такое *нашли*? Почему *нашли*?» — Ему насмешливо отвечали: «Как же, жук под языком», какое-то удивительное «изображение на лбу» и что-то такое «на крестце». Но, конечно, дело было *не в этом*, а в том, что «Апис созрел», а вот еврейскому мальчику — «13 лет». Ибо и «жук», и «изображения» — все оставалось на Аписе, и некуда было этому деться,*

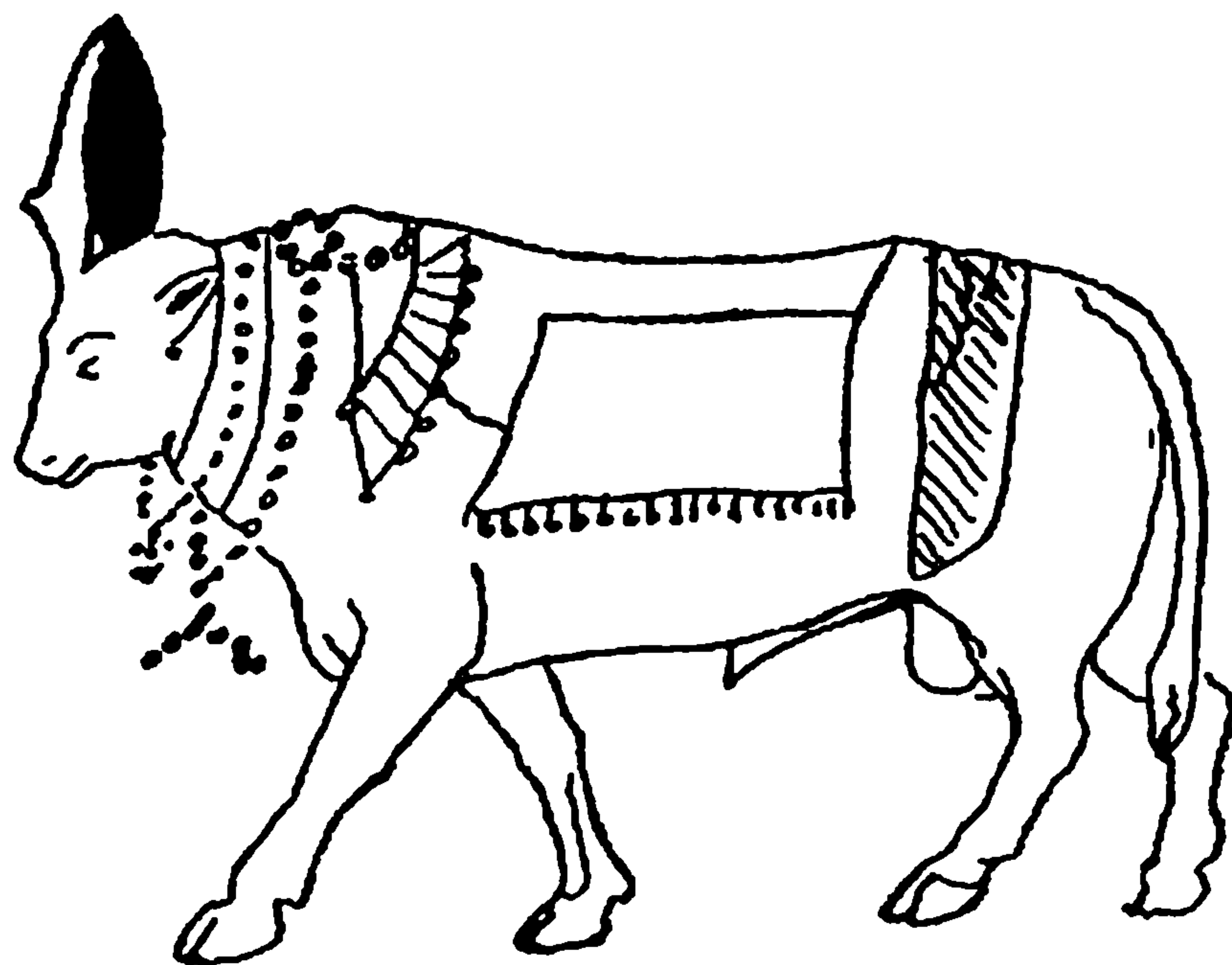

Рис. 28.

¹ Египтяне сделали нечто невероятное мастерством своим и усилием, — и, поистине, в данном рисунке Аписа труд веков, забота веков совершили чудо. В самом деле: можно ли *быку* придать *человечность*, можно ли, чтобы *лицо быка* было вот именно чем-то вроде лица *невинного* мальчика в 13 лет, который совершенно не догадывается, чему радуются его родители, как вот египтяне радовались «нахождению нового Аписа». Между тем это сделано, достигнуто, совершено. Бесспорно, — перед нами только что избранный Апис, «в первое ясное утро его». Он сам — утро, и это утро — в лице его, совершенно *невинном*, *чистом*, *отроческом*: хотя это в то же время и *лицо быка*, притом *зрелого*, «в *совершении*». Но еврейские человеческие Аписы «совершаются» в 13 лет, а египетские мальчики от коров (бычки) по законам всей земли «совершались» уже к истечению 3-го года от роду.

но как только «проходило время его» (старость, половая немощь) — так с него снимались все чины, короны и звезды, и он становился даже не «быком», а просто — животным, не то, чтобы выкидываемым вон, — деликатные египтяне не были к этому способны, — но во всяком случае «отставленным», «не нужным», во всяком случае — *более не Аписом*. Но вернемся к мальчикам.

Итак, поэтому *многих тысяч лет обыкновению* — вот у евреев «начало *полного гражданства*», применяясь к нашим терминам — начало «*togae virilis*»¹, наступающее в точке обрезания; и, собственно, самое «гражданство» лежит в ритме этой точки. Мы закончим это, несколько археологическое, исследование поразительным, как и храм Бела, изображением еврейской субботы, как оно сделано в интересной книге г. Переферковича, только что нами цитированной. Но сперва заметим, что «суббота» — начинается *с вечера*, кончается — *в полдень*, и не трудно догадаться, что центр ее — *ночь*. Суббота есть — ритм, одно биение в 4000-летнем пульсе:

«Переносить предмет из одной так называемой области в другую — запрещено; при этом понятие несения разлагается на два момента: *поднятие* вещи в одном помещении и *опущение* ее в другом. Таким образом, возможно нарушение этого запрета, даже стоя на одном месте: достаточно предмет *поднять* в одной области и *опустить* в другой. Ученые раввины различают четыре области: 1) *область неограниченную*, беспредельную — *решуд харабим*; сюда относится всякое пространство, не ограниченное со всех сторон; 2) *область ограниченную* — *решуд хаяхид* — собственно: *область частного лица*; сюда относится всякое со всех сторон огороженное пространство, напр. двор, такая крепость, ворота которой на ночь запираются, и др.; 3) *кармелит* — среднее между областью ограниченной и неограниченной, напр. море, тупик, т. е. глухой переулок, огороженный с трех сторон; и 4) *свободное место* — *маком-патур*; сюда относятся возвышения или углубления, которые можно рассматривать, как ограниченные со всех сторон. Не только несение из одной области в другую составляет нарушение, но даже несение в пределах *неограниченной области и кармелита*, на пространстве четырех локтей. Носить можно только внутри ограниченной области, какой бы величины она ни была. Однако делается различие между ограниченной областью, принадлежащей частному лицу, и такой, которая принадлежит многим лицам. Переносить предметы из одной ограниченной области в другую — запрещено. Вследствие этого нельзя, например, выносить из своего дома на двор, хотя бы он также представлял область ограниченную, так как на него имеют права все соседи»...

В изложенном мы имеем тончайшее как бы обоняние *области жилья человеческого*, — обоняние вообще *пространств, местностей*, с их как бы различными жилыми и нежилыми запахами. Мы, в Петербурге, Берлине

¹ «одсяния мужа» (лат.).

и Париже, уже совершенно не умеем вбирать в нос этих запахов, а потому и настоящий мотив этих распределений субботних пространств от нас ушел в вечность. Но мы ему должны доверять, т. е. верить, что здесь «содержалось *что-то*», что здесь «разумеется *что-то*», нам темное и важное. Но вот далее начинается понятная сторона «субботы»:

«Для того, чтобы вынос предмета на двор не составлял нарушения, должно, чтобы *все соседи представляли одну семью*»...

Вот *положительная черта* в субботе, вот *требуемое, искомое, должное*:

«...одну семью с фиктивным главою, со стола которого они, «члены семьи», получают пропитание, хотя живут в различных квартирах. Символом такого «родственного» отношения между совершенно чужими людьми является принесение всеми соседями хлеба к одному лицу во двор¹. Этим актом *все квартиры* одного двора *соединяются*, «*смешиваются*», так что все они вместе со двором представляют *одну и ту же частную область*. Этот акт называется *эрув* — «*смешение*»: благодаря ему становится дозволенным вынос предметов из частной квартиры на двор и обратно».

Читаешь и не надышишься. Читаешь и не наудивляешься. Это что-то параллельное «миквс израилевой» (бассейн с водою для погружения тела евреев и евреек). Не будет филологической ошибкой сказать, что евреи «семьями» и «общинами» магически и вещи *погружаются в свою субботу*, уходят «вглубь субботы» — на эти 20 часов скрываясь от европейского глаза и подглядывания. Уходят поистине «в себя». — Ибо об евреях поистине можно сказать, что они «облечены в субботу» (одеты ею).

«В субботу запрещается удаляться от города более, чем на 2000 локтей. Для этого устанавливается, при помощи измерения, городской *иббур*; т. е. описывающий весь город *прямоугольник*, стороны которого *соответствуют четырем сторонам горизонта* — *мировому квадрату*. На сторонах этого квадрата и строятся *субботние черты* — *техумы*. Они изображают из себя *прямоугольники*, которых одна сторона равняется данной стороне *иббура*, а другая 2000 локтей.

Для того, чтобы можно было в субботу исполнить какое-нибудь предписание — *мицву* — по ту сторону *техума*, дозволяется до наступления субботы фиктивно перенести свое жилище на такое место, откуда не запрещалось бы ходить как до обычного места жительства,

---

¹ Читайте внимательно, — до чего это поразительно! До чего это *ново для Европы*, «несет совсем другой запах», несет «теплый хлев», вносит «египетского навозного жука» (скарабей) в холодные северные (у нас) улицы, — куда мы напрасно впрыскивали из трубочки «братство, равенство и свободу», но никакого у нас «братства» не родилось, потому что какие же мы и почему же мы «братья» друг другу? Здесь через «навозного жука» — вопрос решен: через 6 дней в 7-й соседи воображают и по требованию религиозного закона чувствуют себя «одним хлевом», «одним стойлом», «одною семьею» — с «общеею едою». «Жук» все решил и сотворил мир на земле, — мир по крайней мере в одном племени, которое тайно исповедало «навозное насекомое».

так и до требуемого места. Символом нового жительства опять становится пища».

Поразительно. Все поразительно. Все необыкновенно для европейца,— не имеет никаких «соизмерений» себе в его цивилизации. Суббота, как мы видим и как это написано, собственно *территориально* *построится, вычерчивается на земле* — вот ее особенность. Это «праздник места», где что-то будет совершаться; *что́* совершаться — по обычаю еврейскому о всем главном — не выговорено. Как ведь не выговорено и о мальчиках, почему же именно «в 13 лет». Мы же договариваем, что если «праздник» — вычерчивается на земле, то, собственно — это «вычерчивается» храм. Вот мысль «субботы»: — это незримые для чужих и понятные только самим евреям «храмины», «кущи», «скинии» около каждой семьи, рода, родственников, «получающих еду с одного стола». Евреи не имеют «храмов», но они имеют «субботы». И в самом деле: «иббур» — это *двор* «храма»; за черту коего нельзя выйти, не прервав «празднования», т. е. не разрушив «храма»; «ограниченная область», «двор» с фиктивным главою и «хлебами предложения», которые хотя бы фиктивно, но соединяют жильцов отдельных квартир непременно «в одну семью», — есть в этом храме «святилище»: за его черту нельзя ничего «вынести», в нее нельзя ничего «внести», ибо тут — все Богово, как вне ее, в «мире» — все «не»-Богово. Но была еще в храме Соломоновом и в Моисеевой скинии «субботняя», радостная, высокая и святейшая часть: это — «Святое святых». *Что́* ей соответствует в «построяемом» доньше храме, в еженедельной субботе евреев? Отворим дверь, переступим через порог; сузимся в «субботе» от «иббура», от «двора» к теснейшему и внутреннейшему сосредоточению: мы — в «семье». Вот перед нами Авра-ам, еще вчера Аврам; около него Сар-ра, выросшая из пятничной Сары; и около них — «светильник»: это дети, живые «миндалинки», отвечающие огнистым миндалинкам древнего храма.

«По мысли раввинов», — заканчивает г. Переферкович, — «суббота» представляет совершенно особый, идеальный мир, имеющий очень мало общего с миром будничной суеты. В субботнем мире для еврея существуют лишь самые необходимые предметы, как, напр., пища, одежда, без которых жизнь в этот день не мыслима и которые были *заготовлены специально для этого дня*. Эти предметы составляют «мухан» — *заготовленное*. Все остальное, *что́* не может пригодиться в субботу, лежит вне субботнего мира и составляет «мукцэ» — *выделенное*. Предметы, которых не было при наступлении субботы (напр., яйцо, снесенное в самую субботу), лежат также вне субботнего мира: они — «нолад», *родившееся после*. Все не субботние предметы запрещено брать в руки или употреблять в пищу в субботний день» (стр. 122—124).

Вот поразительный праздник, так не похожий на наши! Мысль его — *разобщение* с миром, *отделенность* от земли, некоторая «духовная», сливающаяся с «плотскою», «высота»: «нельзя брать в руки» «не субботнего», нельзя выходить из дома за границу этих последних «техумов», нельзя

ничего мирского и внешнего переносить во внутреннейшую, интимнейшую часть «мирового квадрата». — «Там на верху есть комната; — однако никакого кумира нет; провести ночь там никому постороннему не дозволяется, за исключением...» (Геродот, I кн., гл. 181) — «за исключением чистых, как жертвы, детей» рассмеявшийся под дубом Мамврийским Сар-ры и «отца множества». — «Не смейся», — сказал ей Господь: «Через год в этот день Я буду у тебя — и будет у тебя сын» (Бытие, 15).

Так от субботы к субботе ритмирует этот народ, высвечивающийся изнутри, когда мы ищем освещения с боков, сверху, снизу. Неугасимый народ. Он догадался о *святом* в брызге бытия, — там именно, куда мы

Рис. 29.

Египетское материнство, охраняемое, сберегаемое и согреваемое ангелами. Ни одной нет и не было цивилизации, которая дала бы такую картину и мысль такой картины. Т. е. из соков которой соткалось бы и вышло к свету подобное изображение. И ничего другого не надо видеть, чтобы понять, чем был Египет и для чего он жил. Для чего Бог «воззвал его в историю». — Взят рисунок из храма в Ерменте, — большая комната, архитрав (Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Berlin, 1849—1858).

в понятиях своих отнесли *грех*. Мы из «греха» замешиваемся, — и ищем потом, позднее, вокруг помощи, опор, костылей для тягостного в природе своей и роднике существования. Ему «ветерок», «высота» сообщает воздушность созерцаний: «Благословен Бог, сотворивший свет». Он не имеет для себя центров внешнего сплочения, — иначе как принужденно, иначе как защищаясь. Центр его сплоченности — суббота, «некоторое идеальное место». Тайнственная ночь, перед наступлением которой зажигается светильник. «И сделай светильник из золота чистого... Стебель его, ветви его, чашечки его, яблоки его и цветы его должны выходить из него. Три чашечки — наподобие миндального цветка: а на стебле четыре чашечки наподобие миндального цветка с яблоками и цветами: все сделай, как Я показал тебе на горе» (Исход, гл. 25). Почти странствующий, кочевой народ доселе и всегда; какая-то толпа выкликающих «пророков» или «тихих и беспечных ремесленников», каких еще в Финикии увидели и описали пять соглядатаев: но после какой борьбы, какого сопротивления, в потоках самой горячей и свежее-бегущей крови они

срывались с места своего, казалось бы, «странствования»... Рим разлагался изнутри; Греция изнутри же умерла. «Стены города дрожат от таранов, а вы, граждане, сидите в цирке и забавляетесь ристаниями», — обращался в эпоху падения к «своим» Сальвиан (кажется). Какое расслабление: это — труп, который бессилён поднять руку, чтобы отогнать обнюхивающую его собаку. Но как трудно было Александру Македонскому сорвать «блистающий в цветных огнях» Тир с его «высоты». Какая кошачья цепкость существования. Так с «высоты» же был сорван Сион Титом. Узенькая полоска по «илистому», «влажному», «небесному» (Гомер) Нилу была после 4000 лет неутомленного существования едва покорена Камбизом, обладателем всей передней Азии. Везде, во всех этих случаях, — внешнее разрушение, «зарезанность» на «дороге»...

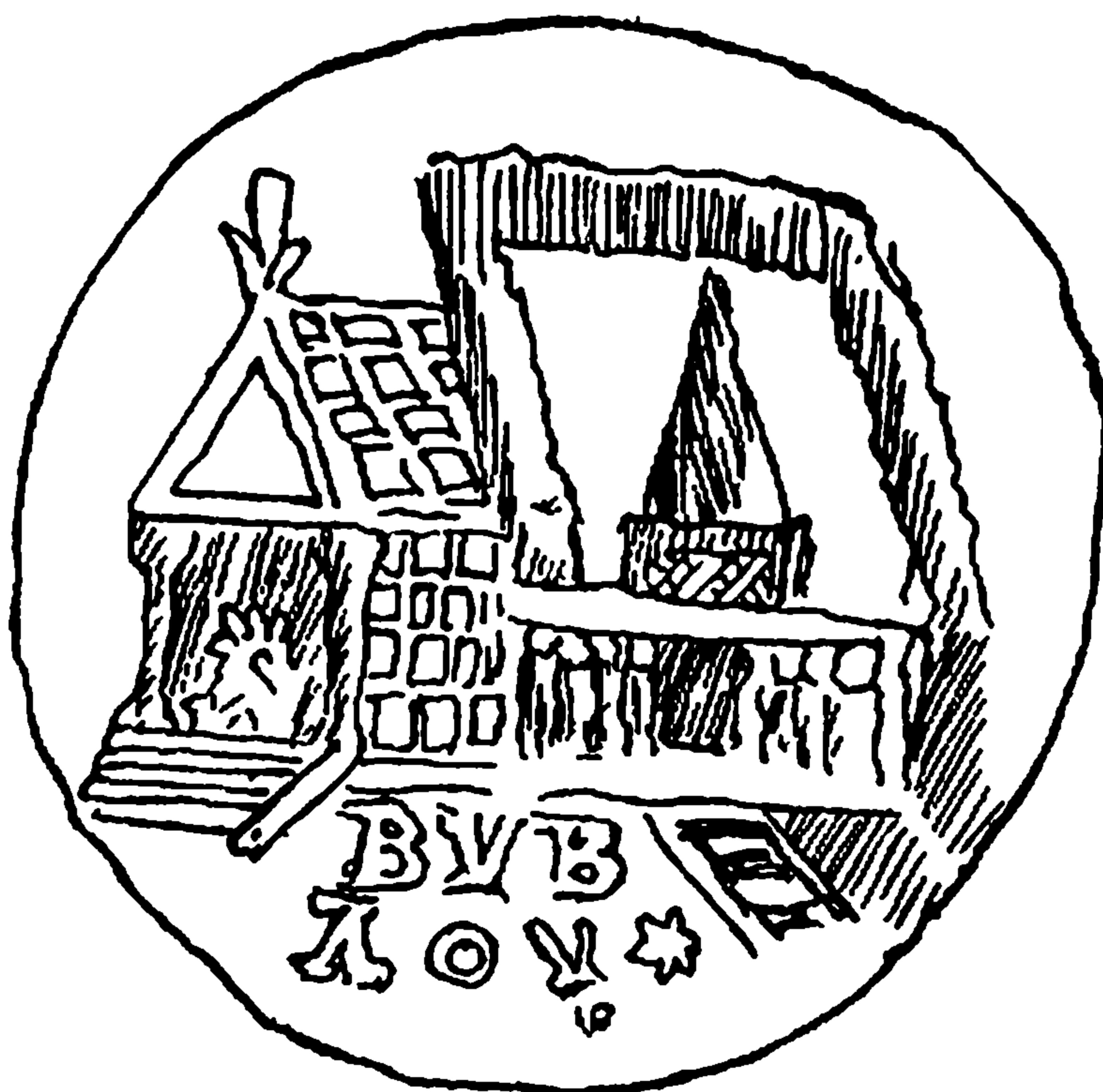
Но и после Камбиза «Мицраим» живет еще роскошною культурною жизнью. «Благословен Бог, сотворивший свет». Как этот особенный и специальный свет «суббот» и «миндалинок» — цепок в бытии, упорен в сопротивлении, жгуч и как бы переполнен кровью в секунду гибели, под разрезающим его ножом! Как глубоко «корни» этих племен ушли в «мать-землю». И какие памятники — в слове (Библия) или камне (пирамиды!!) Пуныне (Карфаген) едва сами не погубили Рим: «Hannibal ante portam»¹... Но и в самый последний миг, извне «срываемые», эти племена обрезания не несут, типичного в арийской смерти, *разложения и трупного запаха*: никаких морщин старости, утомленных мускулов; ни — Weltschmerz'a «мировой скорби», ни — «социальной анархии». Жизнетворцы «по вечным, великим законам», они в самом *нерве бытия исключили идею смерти*, — «не принимают идеи небытия», как выразился в «Федоне» Платон о бессмертии души. Напротив, у арийцев внесено « жало » отрицания в самый родник бытия, и это «жалящее отрицание» пульсирует в их жилах. Арийцы живут в смерть и поклонились гробу.

Мы до сих пор вращались в подробностях ритуала, остановимся же еще на одной и яркой черте его. Евреи, еще от времен Товита, т. е. живой Ниневии, прикоснувшись даже по необходимости или нечаянно к *трупу* — не смели до «завтра» войти в «святой» дом, место «бытия», «утверждения», снований жизненного челнока. И посейчас они кидают тела умершей жены, матери, брата в какую-то почти яму, без обряда, слез, без уважения, с отвращением и религиозной брезгливостью. *Труп* для них — «отец отцов нечистоты». Какой ужас в этом отношении — для нас; но под отвратительным обычаем — какая глубина мысли, яркость ощущения жизни, и разделительной линии, проходящей между нею и смертью. Мы лобызаем покойников с большим благоговением, чем живых; мы немножко им «поклоняемся», — и какая красота у нас погребального обряда! Но какое же чувство под этим? не утрата ли

¹ «Ганнибал у ворот» (лат.).

в самом ощущении нашем разграничительной между смертью и жизнью линии? не находение ли наше в области смерти, как бы еще при жизни? и, как выразился бы Платон,— не то ли это значит, не то ли символизирует, что мы «приняли идею небытия в самое бытие свое»?

И это — «жало смерти», «идея небытия» пульсирует в нашей крови.

Рис. 30.
Медная монета гор. Библоса, с которой взят образец финикийского храма.

ПОДРОБНОСТИ И ЧАСТНОСТИ

Как произошли «египетские» и другие «древние таинства»?

Теперь, когда я издаю эту книгу,— когда пробежали в голове все мысли «Из седой древности»,— то, бродя с корректурами в типографию, все приставляю палец к носу и спрашиваю себя:

— Да неужели в самом деле мог существовать в науке вопрос,— в истории вопрос, в богословии вопрос, в археологии вопрос, в греческой литературе вопрос, в новом обществе тоже вопрос,— о том; «в чем же состояли египетские, малоазийские, элевзинские, самофракийские, критские и другие таинства»? Т. е. неужели существовал ум и умы, которым не было известно, что если «заключение брака» есть пир и праздник, всем открытый, ибо это только «предисловие», а не «книга»,— *то самое осуществление его*, однако, «от всех закрыто», «ни один человек, кроме участвующих, туда не пропускается», и «никогда и никому об этом не рассказывается»? И, словом, что это «осуществление» несет в себе все до единой, все до крупинки, все до «йоточки» черты, о которых согласно свидетельствует древность: «египетских и малоазийских и прочих таинств никто не видел, никто о них не рассказывает, и о них запрещено говорить» и т. д.

Каким образом можно было писать томы и статьи? И,— как этот совершенно сделанный из кудели Лобек,— говорит в заключение двухтомного громадного труда, где «собраны воедино свидетельства всей древности»,— что «в элевзинских таинствах ничего особенного, по-видимому, не происходило» или, по крайней мере, «ничего нельзя узнать о происшедшем». Наконец, в более новых трудах, которые пишутся уже современными нам учеными, высказываются предположения и почти даже утверждения, что «наверное, таинства были местом схождения заговорщиков, где обдумывались планы свержения такого-то ига или такой-то гегемонии?» Я сам это читал своими глазами, и протираю глаза от изумления:

— Неужели это в самом деле напечатано?

Как есть «метафизика», которая следует «после всех наук» и доискивается того, что в них трактуется лишь с внешней стороны,— так когда-нибудь в отношении «наук» и «научных вопросов» будет построена «заключительная глава»: «каким образом в очень многих случаях ученым приходили на ум вопросы столь наивные, что они

не могли бы войти в голову никакого обыкновенного человека?» Потому что взглянув только на серию этих «удвоенных божеств», — «мужского около женского», — что повторяется во всех без исключения древних религиях, — «Зевс и Гера», «Ваал и Астарта», «Озирис и Изида», «Адонис и Кибела» и т. д., и т. д., и т. п., и т. п., — и имена в сущности даже не интересны, — как можно было не видеть с ясностью «пальца перед глазами», что эти все «религии», суть не то «семейные», не то «брачные», а во всяком случае и безусловно — «муже-женские» и след. «половые»: а «признак пола», первый — *не показываться, скрываться, затеняться, избегать имен, слов, названий*, — и избегать этого с какой-то «свирепо-

Рис. 31.

Пример восточных божеств. Фиванская эннеада, где около мужского божества рядом сидит соответственное женское. «Где не двое — нет жизни». Соответственно им располагались и люди на земле.

стью» и «наказанием за раскрытие»... Все, точь-в-точь, признаки «тайнств». И если бы даже у летописцев и историков, по причине какой-нибудь исторической или библиотечной катастрофы, не сохранилось ни единого упоминания, что «в древности были тайнства», то мы, только взглянув на устройство халдейского храма, «с комнаткою наверху», и на устройство финикийского храма, с «мужским фетишем» внутри его, сказали бы: «в этих религиях несомненно существовали *тайнства*», и даже: — «вот, приблизительно, в чем эти тайнства состояли»... Все это понятно решительно всем, кроме ученых; все это требует умозаключения до того короткого, что оно не приходит на ум одним ученым. Старец Лобек его не знал; но 14-летняя Джульета, конечно, знала.

«Конечно, — *тайнства!!!* Разве можно же *наружу*»? — «*На улице, открыто*»?! — И она, девочка, ударила бы по щеке каждого, кто промямлил бы: «а почему же и не открыто?»

Этот «удар Джульеты» пусть вынесут ученые. Позор, позор, позор. Я держу себя за нос и спрашиваю: «неужели этот позор был»? «Неужели об Элевзиниях и Египте спрашивали, гадали? Неужели были колебания, сомнения»? — «Размышляли, искали документов»? (И, конечно, ни одного не нашли.) Решительно *об этом* нигде и ни в одной литературе ни слова нет, ибо это в самом *естестве вещей есть тайна*, нечто «*не самопоказывающееся*»: но решительно все об этом знают, все и каждый, до детей почти, кроме одних ученых.

«В семейном доме есть нечто главное, чего увидеть никому не дано»... «Это — не дурное и худое: но увидеть — не дано». Самозакрывающаяся вещь. От создания мира сокровенная; сокровенная «в самой себе», без приказывания, без понуждения. Какие все признаки «таинств»? И — что о них «никогда никто не говорил». «Никогда и никто»: неужели по этому одному нельзя было узнать о вещи, о которой и до нашего времени — «никогда и никто не проговаривается», и даже ученые сами тоже — «никогда и никому» (о себе). Но ведь их и не просили «размазывать», достаточно было сказать: «мы, однако, знаем,— что́». Но они, именно, говорили: «не знаем», и прибавляли: «Невозможно узнать».

В предании об Астиаге, царе Мидийском, рассказывается, что «однажды ему приснился сон, будто из чрева его дочери выросло дерево, которое ветвями своими покрыло всю Азию». Какой характерный восточный сон. Мне же брезжится в самом начале труда, что из какой-то мертвой головы выросло сухое дерево, безлиственное, не зеленеющее,— и колючками и терниями залезло в головы бесчисленных ученых: и закрыло от них прямые, прямо стоящие перед глазами, памятники веры, молитвы, где народы «сами написали о себе», «сами изобразили в рисунках»:

- чему они молились...
- чему поклонялись...
- приносили жертвы...
- построили храмы...

и положили на ладонь ученым. Но они, вместо того, чтобы просто *описать* это,— стали придумывать самые необыкновенные и странные гипотезы.

Джульета опять приходит на ум... Неужели это не иллюстрация «методов»? Оспоримо ли для кого-нибудь, кто видал подлинные «открытые» статуи Озириса, и видал рисунки «поклонения этим статуям»,— в чем заключалась подлинная религия Египта? Искали «Отца»... бродили мыслью около «отцовства и материнства». Да об этом говорит не «Аз» памятников религиозных Египта, Финикии, Сирии, евреев, а говорят, кричат, взывают решительно «все буквы алфавита»... Рождалась — от Нила до Греции,— колоссальная религия, «отчества-материнства»,— и, следовательно, «сотворения мира, сотворения бытия»... Бродили около «загадки жизни», и как не написать — «около Загадки и Тайны жизни»... В «мистериях», конечно, все это было: и в «мистериях» отчасти показывали, отчасти — излагали. «Семейный дом» — но целого Мира: тут, конечно, войдут и животные (Египет). Как все понятно... Войдет ли сюда Солнце? Странный вопрос, когда «от него по весне рождаются травы»... Таинства? — О, «таинств» будет слишком много: больше, чем «в нашем семейном доме», потому что ведь «рождается»-то чудище-мир,

Рис. 32.
Лицо Изиды.

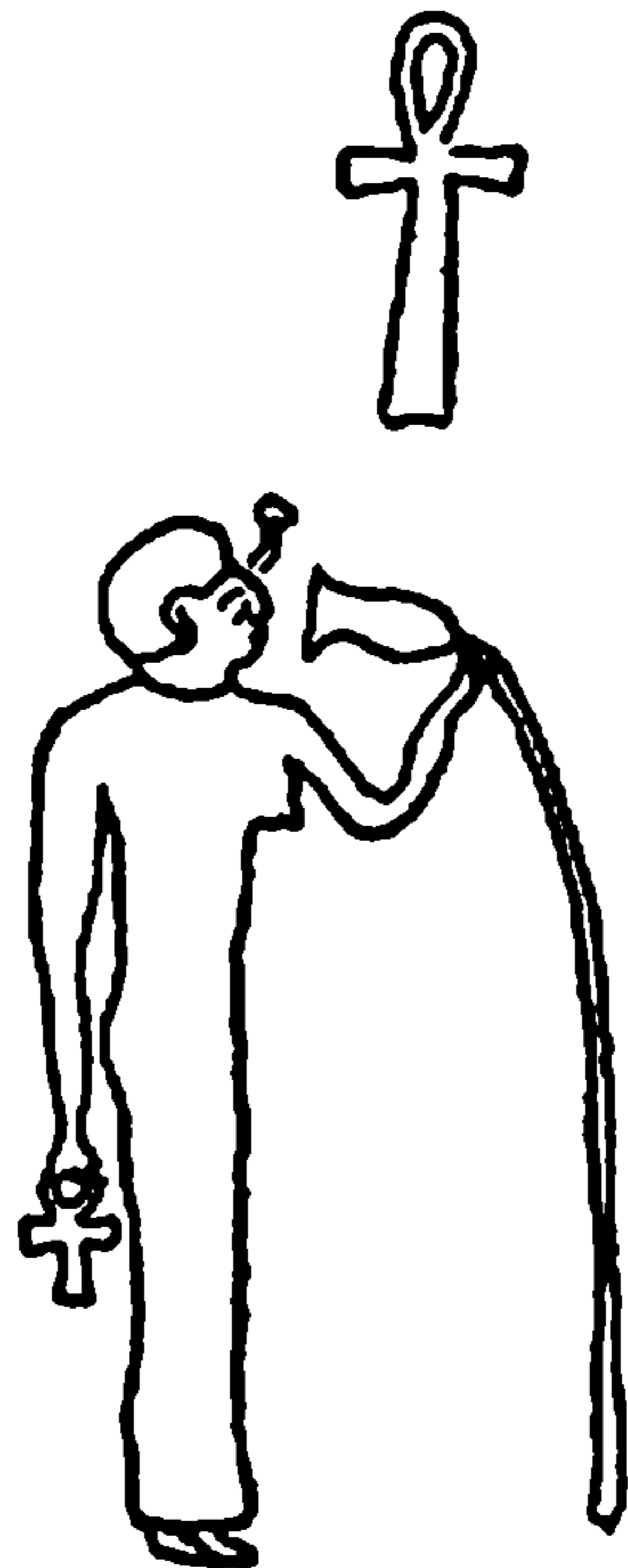

Рис. 33.

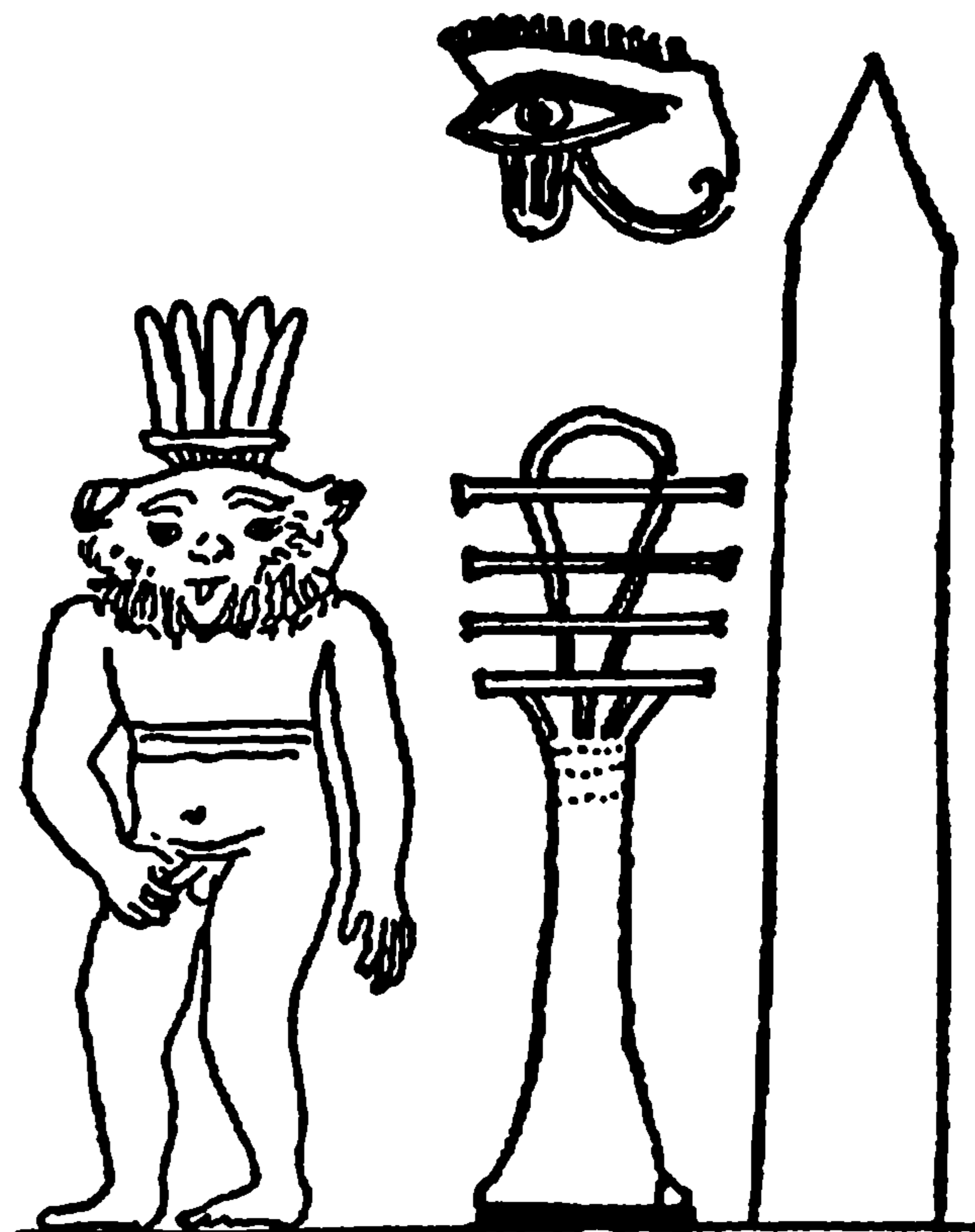

Рис. 34.
Ермент. Из «Denkmäler»
Lepsius'a, vol. V, лист 97.
Чрезвычайно редкое соче-
тание с глазом и с обелис-
ком мужской фигуры, но-
сящей имя «Бесса». Сама
фигура очень часта.

Рис. 35.
Повсеместно в египетских
храмах. Почти нет листа
ученых экспедиций, где не
находилось бы одного
или нескольких подобных
изображений.

Рис. 36.
Бронзовая монета города
Ольвии, III—IV века до Р.
Хр. Монеты с этим изоб-
ражением чеканились поч-
ти во всех городах древ-
ней Греции. Рисунок на
них обозначается в нумиз-
матике: «la masque imberb
de face avec la lanque
tirée» *— и не имеет ника-
кого объяснения.

Рис. 37.

такой огромный, неизъяснимый, великолепный. Как все ясно! На ладо-
ни! Чего искать? Вещь перед глазами. «Сложение религий» совершенно
очевидно в колоссальных очертаниях своих; именно — очевидно как
«тема и поиски», как «сюжет» и только «без подробностей»... И всему
этому научает простая улыбка Джульеты, — и небольшая «розга для
ученых», которые, сами себе завязав глаза, «ищут и никак не могут
найти»...

«Афродита Книдская»¹ и египтянка

Ну, что такое это —

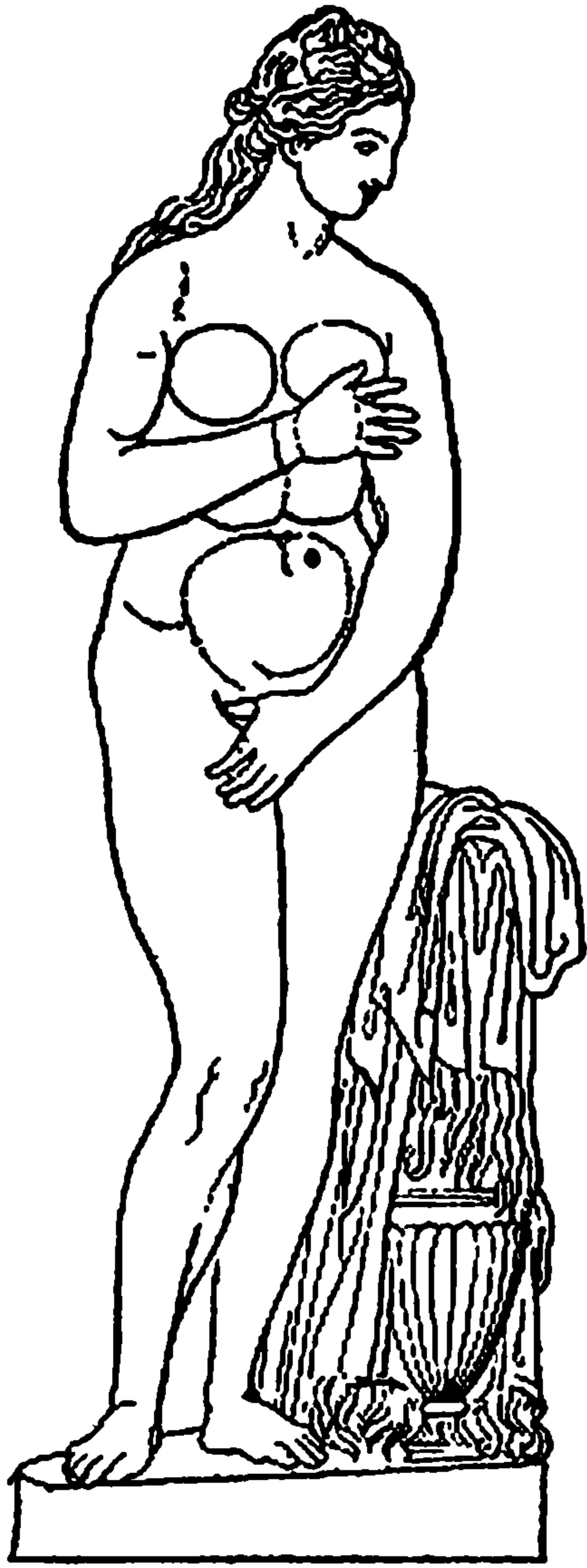

Рис. 38.
Красота
без биографии.

Рис. 39.
Красота
без будущего.

Рис. 40.
Красота
на «сейчас».

перед этим:

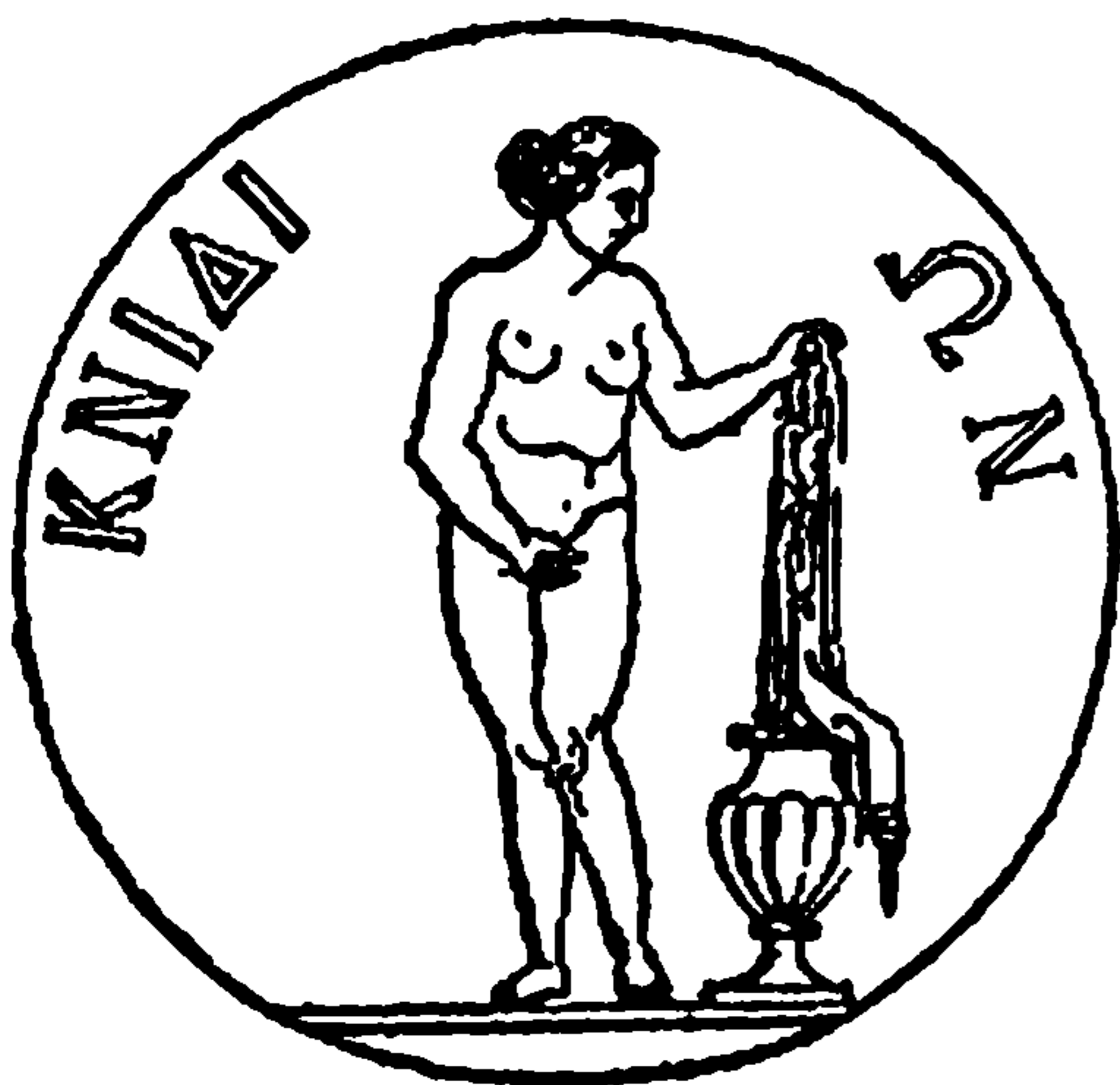

Рис. 41.
Красота,
в которой вообще
нет содержания.

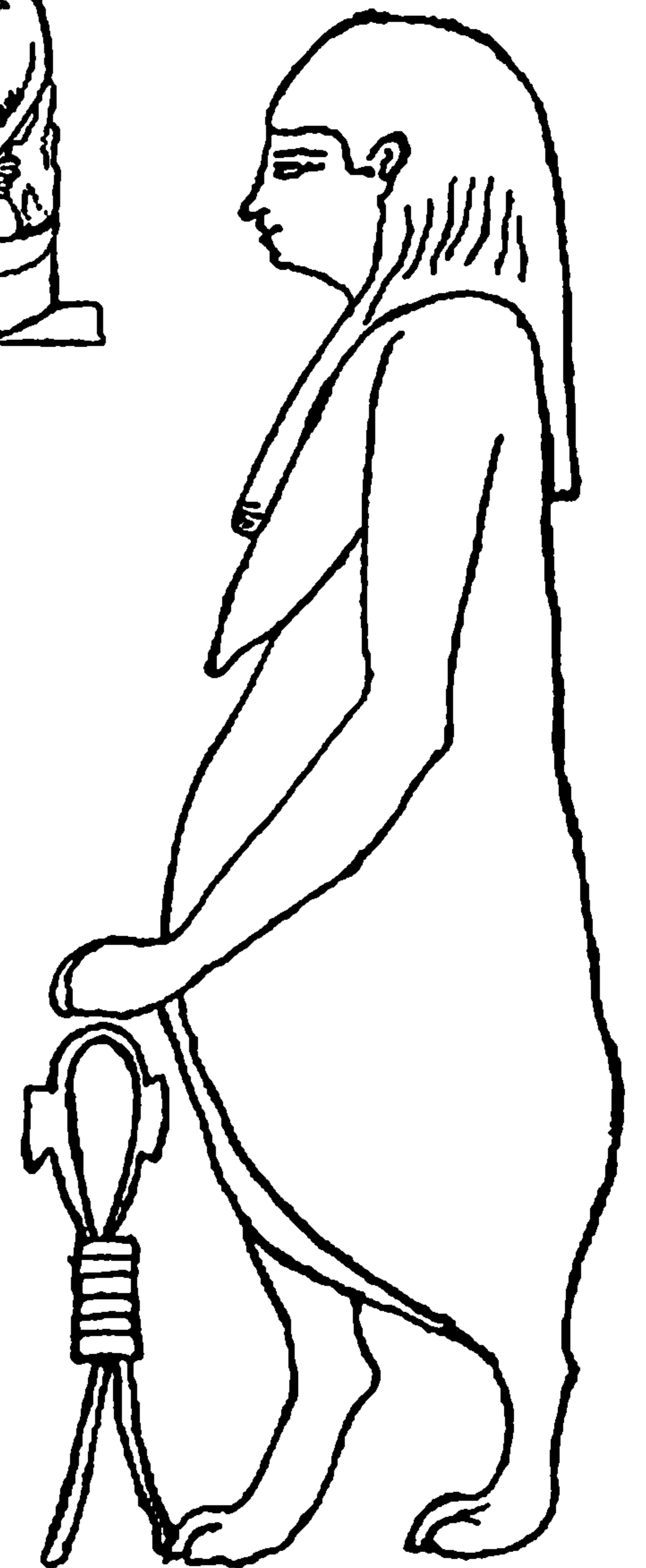

Рис. 42.
Будущее.

¹ К рисункам 38, 39, 40 и 41. Прототипом для всех музейных «Афродит» была Афродита Книдская, изваянная Праксителем и воспроизводимая часто на монетах города Книда (Кария, в Малой Азии).

Купающаяся или не купающаяся, в «раковине» или «из пены вод», — она равно эмпирична. И чтобы только «посмотреть» художнику-порнографу.

Красота? Самая малая вещь. Она придет «потом» и «сама собой». Кто молится как мать — она всегда к той придет.

Первая МОЛИТВА на земле

Вот кто первый помолился — это *Мать*. Когда она испугалась за своего заболевшего ребенка. Тогда она подняла руки кверху и сказала: «Ах»!

И прибавила: — «Помоги»!.. — «Помогите»!..

Кто — звезды, небо? Откуда солнце и свет? Откуда жизнь?.. Да, без солнца нет жизни. И она сказала: — «Солнышко, помоги! Солнышко, исцели!!»

Судьба ли темная? «Молюсь и Судьбе». «Не знаю, кому»... «Кто сможет, тот и спаси».

Наутро встало Солнышко, обогрело малютку и ему стало лучше.

«Вот видите», радовалась мать соседям.

Соседи передали другим. Старики оценили, поняли и изобразили здесь и еще во множестве таких же барельефов Египта *родоначальницу любви, надежды и веры — мать*.

К этому потом стали прибавлять. Размышлять и прибавлять. Вышла *религия*. Но «Аз» ее, молитву, сказала мать, поднявшая руки к небу над заболевшим ребенком.

Рис. 43.
(Повсюду в египетских храмах, увеличено мною в 4 раза.)

Это было так давно и рано, когда не было еще пророков, законодателей и никаких мудрецов. И письменности не было, ни букв, ни иероглифов. И люди только рисовали. Потому и первую на земле молитву они просто нарисовали, не понимая «что́ это», а только понимая, что это прекрасно и верно. Что «надо поднимать руки», что «хочется, когда боль в душе, поднять руки и что-то прошептать».

«От начала Египта до покорения его персами (Камбизом) прошло столько времени, сколько прошло времени от Троянской войны до Наполеона Бонапарте». И тогда не было, при первых египтянах, даже и дикарей с их «вещественным фетишизмом». Так эта вера — не из «поклонения камням», как говорят одни ученые, и — не «из почитания у дикарей *табу*», как другие говорят, и не потому, что кого-то «научили жрецы», единому Богу или «многим богам», а из того, что мать сказала «Ах» и подняла руки, когда ребенок кричал и мучился у нее на руках.

Но «ребенок мучился у нее на руках» — это было так давно, так рано, — давно и рано, — что еще никого почти не было на земле. У... у... у... Еще не рассветало.

Далее можно сказать, что у первой матери ребенок «мучился животом», и она кричала, бегала и кричала. «Ах! да помоги же, Солнышко. Ну, согрей животик моему малютке». И поднимала в лучи. И согревали лучи. И ребенку вправду делалось легче.

Европейцы же оскопители, будучи дикарями в религии, стали разъяснять, что «религию выдумали жрецы». Не сообразив даже того, что ведь *раньше, чем появились жрецы*, должна была возникнуть религия, коей они были «жрецами». Итак, религия раньше священника. Религия раньше и богословия, которое размышляет «над религией», и, значит, она уже *была*.

*Откуда же она? — Нет, от кого? Рисунок разъяснил, осветил:
— От Матери, ищущей Помощи.*

Как произошло изображение Изиды

Могло бы ведь быть и *так*, как у коровы.

Могло бы быть и так, как у собаки.

«Захватил губами и пей молоко».

Пьют же лошади воду. И могло бы у женщины так.

Но тут сотворен какой-то острый уголок.

Тут есть мысль:

«Ничего прекраснее женщины, кормящей грудью младенца своего не будет».

Бог сказал.

И люди сказали:

— Да.

Так вышло изображение Изиды ¹.

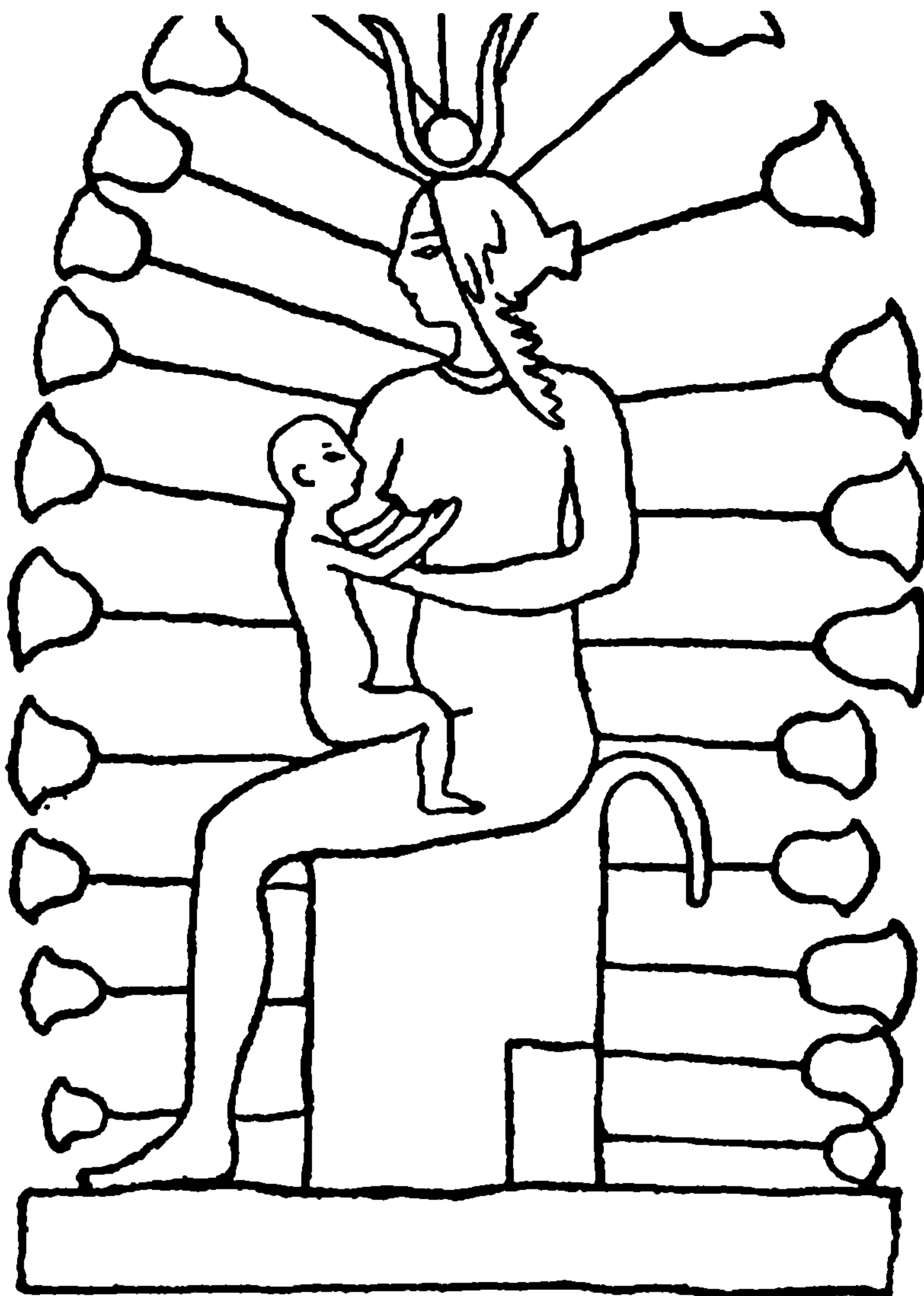

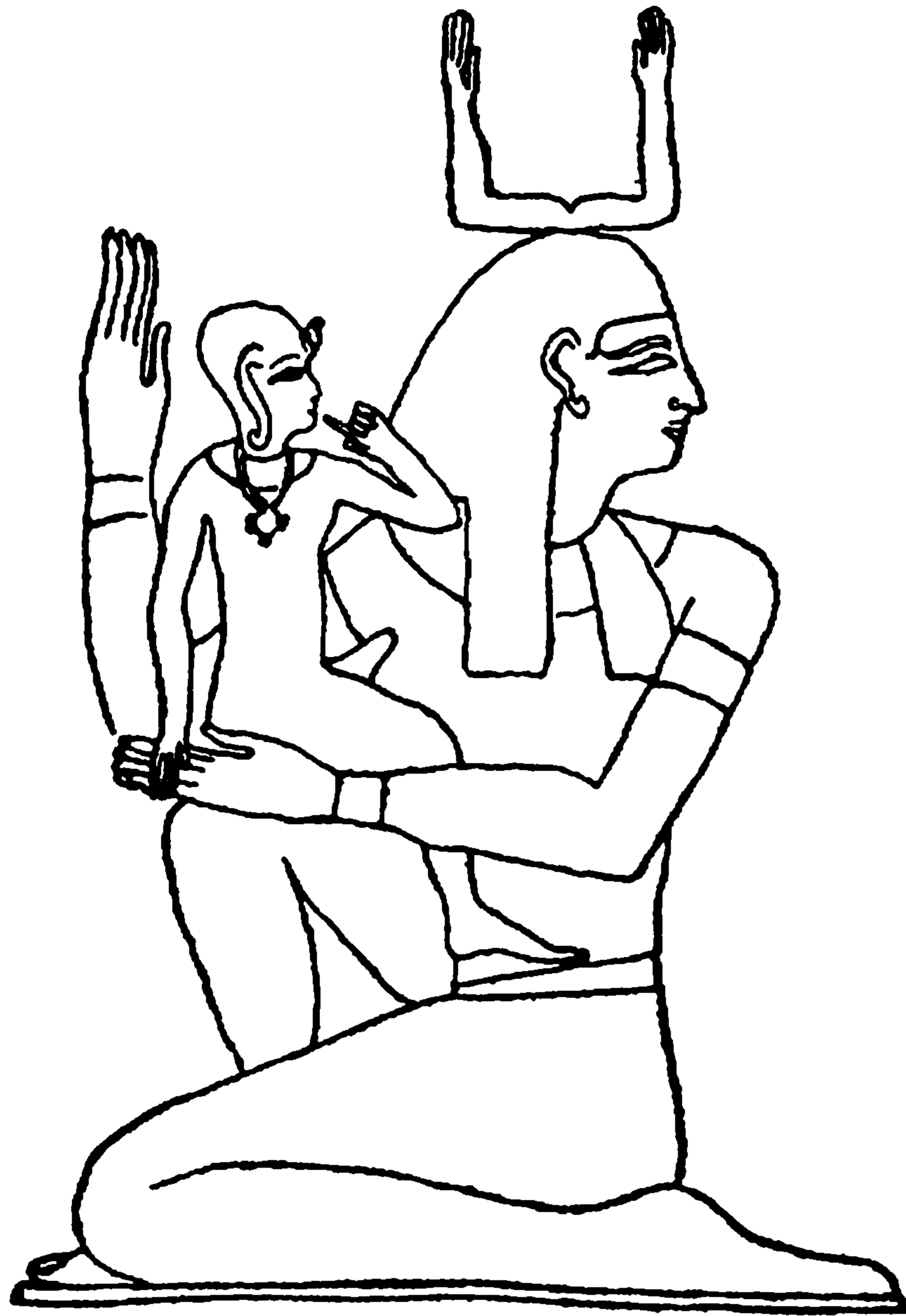
Рис. 44.

¹ Египтяне суть народ, поистине гениальный равно в религии, в морали и искусстве. Они не только не взяли в основу религии какое-нибудь отвлеченное понятие, например: «творец мира», «бог», «дух», и т. д.; или — «предки», «деды», «родоначальники», или же — «первые герои» и «цари»; а — взяли осязательнейшее и перед лицом каждого лежащее, — отца, обобщенно и у всех людей — «наши живые отцы», «наши живые матери». Но именно — живые и сущие, не «покойники», не «давно» и «прежде», как соскользнули все народы сюда, к «забытому», «неясному» и «археологическому». Это имело чрезвычайные последствия, сотворив необыкновенную свежесть, живость и мощь их религии. «Естественно каждому больше всего на свете любить свою мать»: и вот перед каждым египтянином мерцала мысль: «моя мать кажется есть Изида»... Тут «религия» и «быт», «небесное» и «мое» так слилось, что «коровки полезли мордочками в избу», а «небо спустилось к нам в дом». Но и в самой матери и материнстве что именно взять? Можно было бы взять «заботу», «хозяйство», «опечение о детях». Египтяне, и только они одни во всемирной истории, среди всех цивилизаций Востока, взяли — как я указываю — для изображения Изиды самый острый, страстный и нежащий «уголок материнства» — кормление грудью младенца. Кроме их ни один народ этого не сделал; и хотя мне раз это попало на халдейском рисунке, но только раз: и в Халдее оно почему-то не удержалось. Почему не удержалось? Не нашлось вкуса и понимания. Египтяне одни ухватили, что это — центр и суть. И самой «кормящей матери», как и младенцу, они придали вид исключительной нежности и глубины: сосок — уже во рту младенца, и сам он положил младенческую ручку на большую руку матери. Следовало бы написать особые диссертации и собрать в них всю, — говоря терминами археологии, — «иконографию Изиды», т. е. все варианты ее представления, изображения и воображения о ней как у народа, так и у жрецов. Можно сказать, нахождением «изображения Изиды» египтяне также много оказали услуг всемирной цивилизации, как и созданием ее понятия и сути. Нужно удивляться непониманию всемирному, каким образом молодые матери, всегда так счастливые «кормить своего ребенка», хотя бы для домашнего и уединенного наслаждения и для памятования детей своих — не снимаются на картинах и в фотографиях в минуты «кормления ребенка», что гораздо интереснее картин и фотографий «со шлейфом». Но с привычки и инициативы таких домашних изображений пойдет другая пора действительности и истории. Ну те-ка, матери...

У египтян это «зерно их веры» отразилось чудесным образом на сложении всей цивилизации: все отсюда и после этого пошло в нежность, деликатность, кротость. Ни жестоких войн, ни грубых нравов не могло уже образоваться. Зрелище прекрасного, — даже прекраснейшего в мире, — «умягчило злые души», когда они и рождались.

Как стали поклоняться Изиде

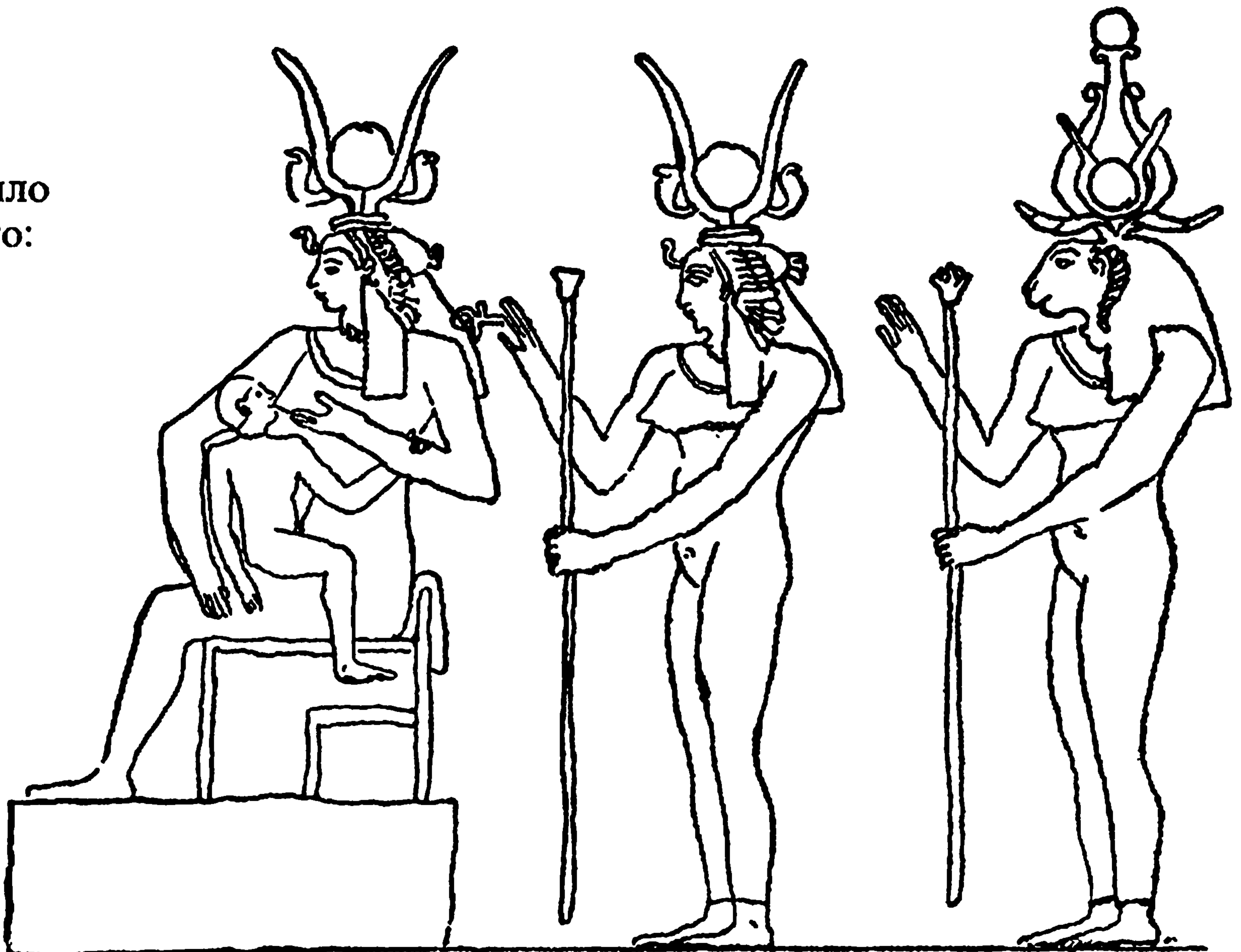
Из этого —

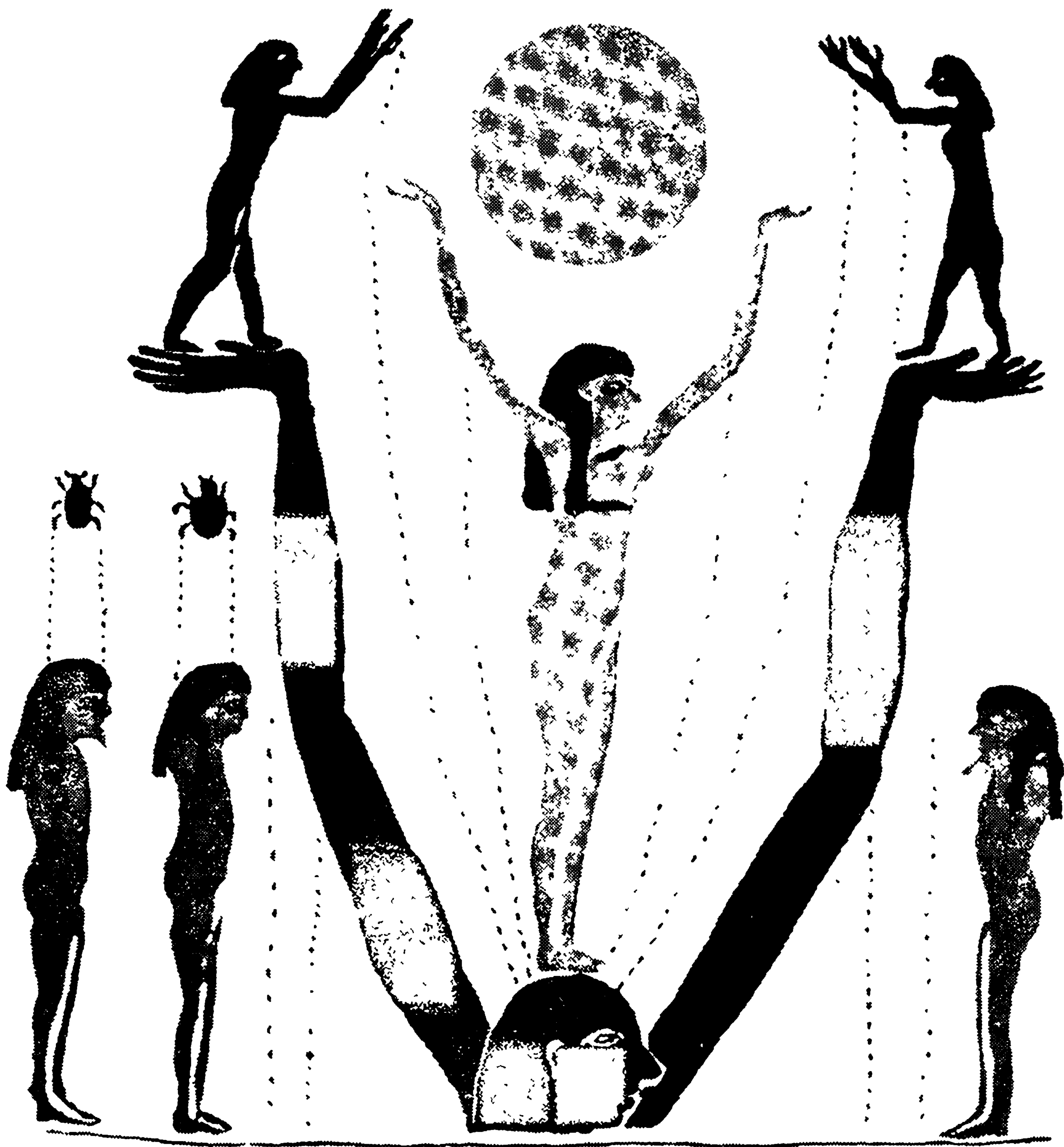

Рис. 45.

Рис. 46.

И ВЫШЛО
ВОТ ЭТО:

Рис. 47.

Очень просто.

Потому что человек благороден. И кто сам молится, тому украдкой стоя за спиною кто-нибудь незаметно и безмолвно тоже помолится.

Так произошли «святые» и «боги» и «богини» на земле.

Множьте, люди, молитвы,— множьте, люди, молитвы,— множьте, люди, молитвы. Молитвою земля греется, от молитвы солнышко горит.

Как на земле не останется ни одного уже молящегося, так солнце погаснет.

Зачем ему светить?

Сцена изображает собственно другое. Она изображает «сотворение человека»: видите, налево, стоят «сотворенные из красной глины» первые муж и жена. Направо — «дальше люди». Но нарисовавший картину бесспорно имел и мою мысль: «Черная мать-сыра-земля» подняла руки, подняла, подняла... И держит на ладонях черных, земляных — двух человечков, которые «протягивают руки к Солнцу»:

— Согрей!

— Освети!

— Накорми!

И солнышко радуется. Солнышко всегда радуется, когда люди молятся ¹.

Афродизианская красота

В искусство не вовлечешь того, чего нет в жизни. Искусство истинно даже и тогда, когда оно лжет. Это искусство «ложных образов» — по крайней мере относительно женщины — дала нам Греция. Это ее знаменитая «афродизианская красота», наполняющая наши музеи.

По существу и делу, это была странная бессемейная цивилизация. И она была таковою уже с эпических времен Троянской войны, разыгравшейся из-за жены, бежавшей из дома мужа. Не что-то «основное», не то, «на чем земле стоять», взято в центр великих песен. Великие песни Гомера пропеты о женщине, о которой мы не знаем, «где же у нее душа». Но и позднее, далее — мы видим тоже. Семья была в Греции «на заднем дворе», а на передний фас были выдвинуты гетеры. И вот это общее

---

¹ Если, с одной стороны, поставить перед собой все греческие скульптуры, и все рисунки, с ваз, с саркофагов, — и с другой это египетское изображение «солнца, земли, людей и молитвы», то мы разом и моментально поймем, чего же грекам «не хватало»? и даже — отчего Греция «так скоро прожила жизнь?». В рисунке все сказано: бесконечность содержания — у египтян, короткое содержание — у греков. Греки могли сказать «ах», — воскликнуть Афродитою, Гераклом, Ниобею. Но что же дальше «ах»? Увы, греки молчали. Не было содержания. Мы только пишем реторику около их искусства и даже около портретных их изображений, не видя того, что прямо перед глазами: что портреты их удивительно монотонны, вялы, и — не «говорят», без мысли и без содержания. Напротив, взглянув вот на эту «молитву, землю и солнце», — мы слышим нескончаемый гул голосов под землей, слышим говор народа и народов, стенания, мольбы, тоску, скорбь и широкую бытовую жизнь. А между тем дана — схема. Но «схема»-то как-то — «из жизни» и «пронизана жизнью». Посему «простой монотонный очерк в красках», без теней и перспектив, заставляет сжиматься и тосковать сердце. «Земля подняла из себя людей к солнцу»: о, какая это бесконечная мысль, какие дали, — даже и до Кампанеллы, даже и до Руссо... Воистину, египтяне были до христиан христианами. Что-то такое есть...

Но снова вопрос: почему же, почему греки этого не нарисовали? Такие «изобретательные» и «универсальные». Ведь у них была же «Деметра»? Да: это или «круглое лицо женщины», выражающее «крутой видимый горизонт земли», или — «Деметра едет на колеснице, запряженной драконами, и сеет зерна», и еще последнее — «она с красивой (все «хорошенькие») головою, украшенной хлебными колосьями». Зерно? Посев? Кусок круглый земли, и вне связи с этим — драконы — как это бедно и мало!! Кто не скажет, что бедно? А эта тоскующая о себе земля, черная земля, и черные рабочие руки, поднявшие черных рабочих людей к небу, с шепотом: «молитесь, молитесь, молитесь!» — о, как это чудно, возвышенно, сложно!

положение вещей, «ткань самой цивилизации», уже нельзя было изменить и поправить, перейдя к мраморному, золотому и бронзовому «изваянию жизни». «Ложь жизни» перешла в «ложь искусства».

Греческое искусство есть «для погляденья» искусство, а не для того, чтобы «с ним — жить». Например, нет и нельзя представить себе «Афродиту», с которой «провел бы долгий вечер» в «задумчивой беседе». Самое сочетание слов «Афродита» и «беседа» — вызывает улыбку. Афродита ясно «для выставки», а не «для дома». И это решает все.

«Я ее не люблю».

А это кончает и женщину. Страшный глагол, но его приходится выговорить: все Афродиты — не женщины. Странно, страшно, но — так.

«Она не сладка мне».

Она вечно «постыла». Как этот вечно остывший, холодный мрамор.

— Мне не нравится.

— Что же вам нравится?

— Биография, судьба. «Выскочив из пены волн», Афродиты будто застыли и не «пé», ни «мé». Безгласны. Господи, какой ужас: женщины без языка, без голоса. Но ведь мы тайным образом все чувствуем, что «Афродиты» действительно и в самом деле все «без голоса». Эстеты, юные и старые, осматривают их спереди, осматривают их сзади, осматривают даже с боков, и, наконец, «проводят пальцем» по руке, по ноге; как помню во Флоренции я сам сделал, взяв в свои три пальца мизинец «Афродиты Медицейской». Да, этот холод «выточен изумительно». «Выточен», а не «живет». Как мало для человека. Мало даже для петербуржца.

Почему же эстеты «разглядывают их так и этак»? Увы, по печальной и страшной вещи: что «богини» им «сами показывают» в себе то бедра, то шею, и особенно, «поворот головы»...

«Поворот головы»?.. Как страшно. Если бы кто-нибудь меня спросил: «какой поворот головы у вашей жены»? — я бы ничего не понял в вопросе. Но если бы другой спросил это о моей сестре, целомудренной и чистой девушке, я бы ударил его по лицу, сказав: «моя сестра не лошадь, а человек». «Спрашивайте иначе и о другом. А лучше всего ничего не спрашивайте: по вопросу я вижу, что вы тупой человек».

Страшным и странным образом «греческая красота» есть вся «тупая красота», притупленная: потому что и отвечает-то она на тупые вопросы эстетов и ученых, а не людей с молитвой, с жизнью и корнем. «Не коренная красота». Да почему?! Увы, на ней не лежит физиологизма. Все поднимут на меня камни, но я отвечу холодным: «все-таки самое-то красивое — ведь рожденное». Рожденная женщина, рожденная лошадь, рожденная собака. Все вот именно живое — одно подлинно и великолепно

но, неизъяснимо, божественно. «Афродиты» суть именно «не богини», потому что они слишком уж «из мрамора».

Между тем это доступно и кисти и мрамору: передать «со слезинкой в глазу». Но это грекам в голову не приходило. Вы скажете: «это — уже романтизм». Нет. Можно передать без страдания, без «чувств». А поглядевшему не захочется «обходить справа и слева», а сесть около статуи и поплакать с нею. И то, что грекам это никогда не пришло на ум,— показывает их какую-то глубокую душевную ограниченность. Какую? Не умею выразить. Но отвечу: — «Недаром пришел Христос».

Уж если для *кого* особенно пришел Христос, то для греков: — «Дети Мои, как о многом вы не догадались! О многом и лучшем, о многом и еще прекраснейшем».

Они выкинули биографию из лица, из скульптуры. Т. е. выкинули интереснейшее, да наконец — и красивейшее!! Все их мраморы пусты. Воистину пусты. О «богине», которую можно рассматривать и «справа», и «слева», можно сказать, что это не только не «богиня», но и «ниже человека». Потому что какой же человек не оскорбился бы, если бы его «рассматривали справа и слева». А это и есть показатель всего.

«Греческая красота» на самом деле и при глубоком анализе есть «оскорбительная красота». Христу воистину надо было прийти,— между прочим — для эстетического восполнения мира. Для тысячи причин еще и притом главных,— пусть не сердятся богословы; но, между прочим, и для этой маленькой и последней: для восполнения красоты мира.

Так Он «Единородный» и «рожденный» восполнил греческую красоту, которая решительно не была «рождена».

Так Он эту порочную и преступную («потому что не рождена») красоту восполнил чем-то живым. Пламенным и горящим. Ведь в греческих мраморах нет ничего пламенного и горящего,— с этим-то согласятся и эстеты.

Противопоставляя египтянку грекам, я хотел озаглавить: «Греческие Афродиты и египетская работница». В самом деле, египтяне точно нарочно устранили из фигуры всякий убор,— между прочим убор головы, неперменный почти без исключения на всех изображениях; и хотя по «лапам львицы», мы предполагаем, что это «богиня», но указываем на то, что египтяне придали ей вид не «выходящей из пены вод», а вид скорей всего работницы. Проста, пряма, работаща. Много рожала (вид груди). В последующем читатель увидит, как из этой «столь физиологической» красоты,— «слишком физиологической», «по горлышко»,— вышла изумительная, томительная для души красота египетских лиц

«с говором», — да таких, что мы узнаем и «контральто» и «сопрано». И, между тем, у египтян и египтянок передано это одной линией, простой линией. «Бедные мрамора», «бессильные мрамора». Но что «во-истину рождено» — то уж будет прекрасно. А у египтян, как и показывает эта замечательная фигура на стр. 79, все было уже «слишком рождено»...

«О, слишком»...

Бедные греки. Все-таки хочется о них сказать слово христианское. Они не умели, они не нашли. Какой-то их бес толкнул «все к формам». И не подсказал, заплакав, ангел: — «А содержание»?

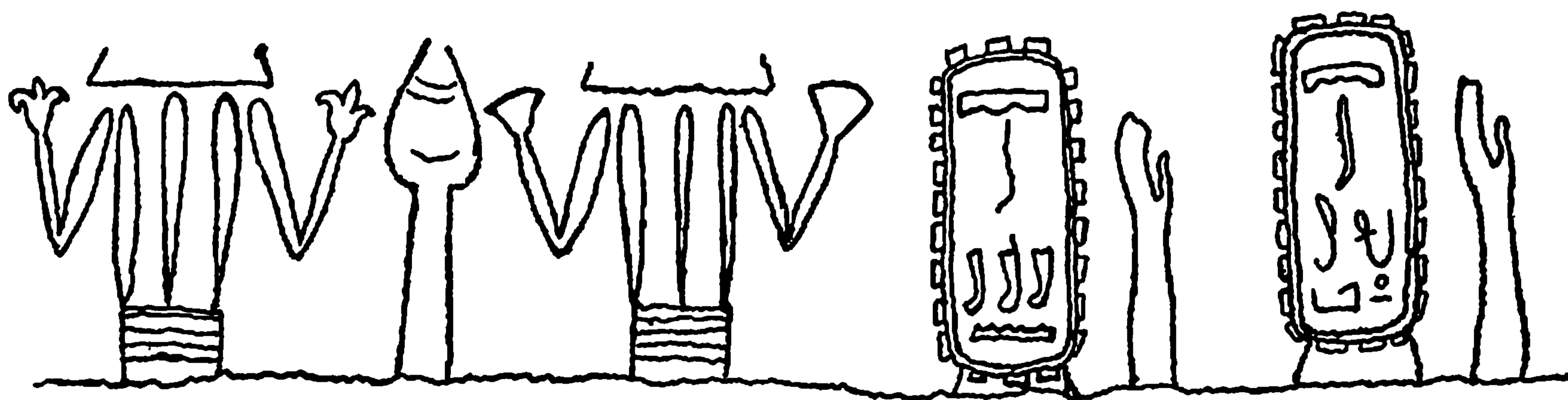

Рис. 48.

Пример физиологическо-религиозной живописи. Заимствовано из 2-го тома, стр. 129.— «Catalogue des monuments et d'inscriptions de l'Egypte antique. Ed. sous les auspices d'Abbas II, chediv, par la Direction générale du service des antiquités. Вена, 1895 г.».

Неоспоримо и извечно, что их идеал «афродизианской красоты» действительно повлек в яму не только «вечно прекрасный и благородный образ женщины» (он воистину благороден), но — по связи всех вещей и по господству у греков искусства — повлек в яму и целую греческую цивилизацию. — «Ибо, черт возьми, пересмотрев сто Афродит и еще одну, вновь найденную, — что же я сам-то буду делать?» Роковой вопрос, над которым и задохлась Греция. «Что же нам делать дальше?» — спрашивала Греция, спрашивали греки. Тайнственным образом, в Афродите и «афродизианстве» действительно не содержится «дальше», — и это есть ноумен их... И грекам, а за ними и римлянам, — пришлось оборотиться только к Востоку.

«Умираем! Задыхаемся! Все Афродиты похожи одна на другую, только одна немного лучше другой»... «Пересмотрели спереди, сзади, сбоку и теперь больше не знаем — еще с чего!!»...

«Воздуха! Воздуха!»

Отворилась дверь на Восток.

«Немножко физиологии. А то очень сухо»...

Нужно было векам пройти, чтобы один почти «штрих пером» до такой степени насытить природою. Явно, мы имеем две фигуры, два бюста человека, — «так, набросанные только пунктиром, недорисованные» — да они и в самом деле конечно недорисованы, некончены. Вот — голова, одною линиею, и до чего странною! Что это «голова», мы бы и не поняли, если бы не явно «две руки человеческие», согнутые в локте, но представленные стеблями растения. А на место «кистей рук» — цветы. Какая-то «раскрытая чашечка» в одном случае, «колокольчик» — в другом. Египтяне еще не устали и все выдумывают, — и в каждом штрихе пера у них — новое (это общий метод, постоянная манера у египтян: нет «стереотипа»). Разделены или вернее соединены они — бутоном. И тут — метод: у египтян, где можно или *идет*, всегда *два*, всегда — *дружба*. И дальше, в конце, какое чудо: точно из земли, да и явно из земли — протянутые вверх руки, наше «Господи, воззвах к Тебе», сказанное не голосом, а жестом. Таким, однако, вразумительным, что мы через 3000 лет читаем ясно. Вот объяснили бы историки, почему ни одному римлянину поздней эпохи, читавшему и Плиния, и Тацита, и Ювенала, ни разу не пришло на ум нарисовать где-нибудь на стене дома, в Помпеях, на стене храма, — этой вещи: чтобы всего «на 2¹/₂ квадратном клочке» места задышали чем-то единым, чем-то прекрасным и религиозным, — человек, ботаника и богословие! И как на ихнее: «мы Бога хвалим», не прошептать — «Хвалите Господа в века! Хвалите, рабы его».

Но кто в таинственном сознании души не почувствует, что обрисовавшие так «женщину» (стр. 79), как египтяне, — в конце концов когда-нибудь нарисуют и этот рисунок? Ибо в ее «чрезмерной физиологии» как-то пахнет и цветком, и молитвой. Ведь она «труженица» и «без нарядов». Да и с лица «не очень вышла». А кто любит трудиться, когда-нибудь полюбит и молиться. Наоборот, между «афродизианским представлением» и *отсутствием* таких у греков рисунков — тоже есть связь. «Ты слишком хороша собой, и будешь ли думать о цветках»? «Ты так хороша и счастлива, что молиться тебе и на ум не придет». В самом деле, вот уж кто никогда не помолится: это — Афродита! О, как она смертна поэтому! — и как, поэтому, египтяне долго прожили!

У ноги мужа

Ну, Афродиты, устыдитесь своей праздности!

Сегодня праздны, завтра праздны, вчера были праздны. Как не надоело!

Посмотрите, египтянка: тут уж читается библейское: — «Се, раба Господня»... «Вот я раба твоя».

Как Руфь сказала Ноемини: «твой закон будет моим законом, и твоя вера будет моею верою». Сказала — *по памяти мужа*, уже умершего.

Ибо так сотворил Бог женщину. Сотворил для любви и верности, для любви и памяти о любви.

«Я от тебя имела детей: какой вопрос, что я вечно твоя, даже и за гробом».

И вот, смотрите: взяла за ногу. Нет, держится за ногу. Навертываются слезы: это выше Дамаянти. Так плачет только наша Ярославна, — «в Путивле». «Полечу я зигзицею за Днепр. Омочу бобровый рукав в Днепре». Но оставим параллели. Ибо параллели всегда поглощают предмет и его особое, единственное лицо.

Как она села у колен. Как скромна. Тупой ученый надписал: «*Un grand seigneur égyptien, Ti, et sa femme*»¹: не замечая, что он — хромой.

Ведь у египтян в нашем смысле брака вовсе не существовало. Там была «свободная любовь»: и, по словам тех же ученых, «дочери знатнейших людей свободно отдавались проституции», т. е. отдавались «по любви», — кому и сколько хотели (о чем ученые не догадываются).

Но он — хромой: как же отдаться после него другому? И встряхнув волосиками, египтянка села у ног его и сказала: «Так как хромота твоя не пройдет — то я вечно твоя». И посмотрите: он так уверен, что она никуда не уйдет, что прямо не обращает на нее никакого внимания. По его лицу, жесткому и крепкому, очень красивому для женщин (*сильное лицо*), видно, что он ни малейше не озабочен дальнейшей судьбой, и спокойно сам знает, что «не уйдет».

Европейские историки культуры египетской все ищут легенд, рассказов, новелл, — ищут «хоть начала беллетристики», «по крайней мере, — хоть начала». Но зачем же египтянам было дважды писать то, что они уже великолепно и бесконечно написали в своих «в одну линию» рисунках. Ибо взглянув и особенно *своей рукой перечертив рисунок этот,*

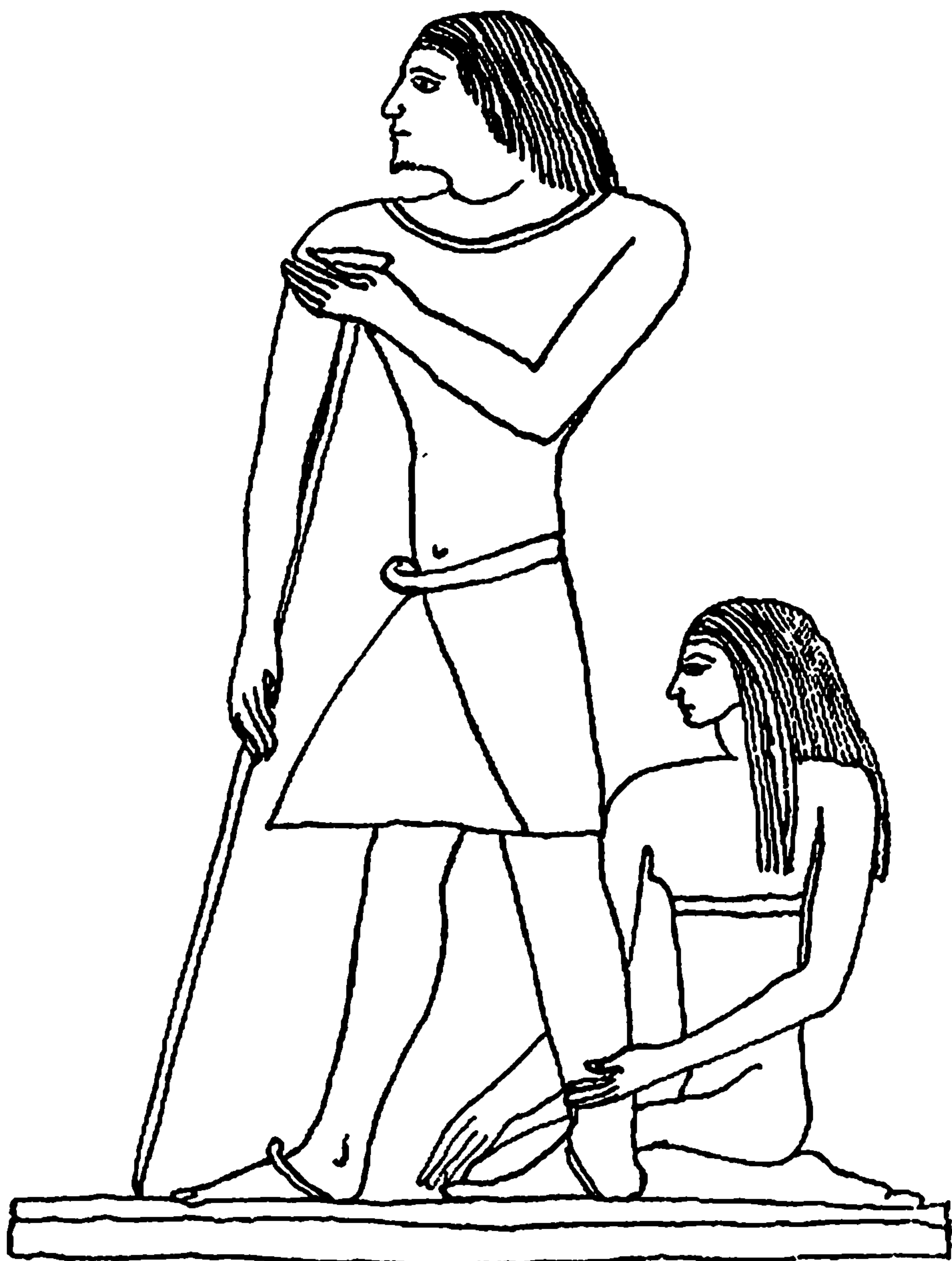

Рис. 49.

¹ «Большой египетский вельможа Ти и его жена» (фр.).

я знаю об этом египтянине и египтянке решительно все, что мог бы узнать из длинного «тома»: но знаю *музыкально*, как решительно не мог бы узнать из «тома». Суть и особенность египетских рисунков, что они все *музыкальны*, и, представляя «штрих», на самом деле рассказывают содержание. Но — без подробностей, право же *случайных* в каждой биографии. Ибо я, конечно, не знаю, к кому именно они ходили в гости, подолгу ли в гостях сидели, и о чем именно разговаривали. Это-то и есть обычные «страницы» беллетристики. Но зачем мне знать их? Я вижу по рисунку, что они были люди мирные, — он очень энергичен, она — тиха и скромна. Но он был человек строгий, справедливый, и соседи очень уважали его; а «род» и родственники его надеялись и опирались на «хромого».

И от них всем было хорошо. А от всех им было хорошо. «Вот и беллетристика». Чего вам надо? Зачем ищете? Вы прослушали музыку и все из нее узнали.

Тайна и чудо, глубина и прелесть египетской цивилизации заключалась в следующем. Что в ней «деревцо выросло как выросло». Оно и везде *растет*: суть дерева. Но оно у одних народов растет «как должно», у других — «как требуют». Еще — «как ожидают». Но у египтян никто не «ожидал», не «требовал» и не «делал»: ибо они были первые. Потому «деревцо росло как росло». Мы все у них находим «первичное» и «пекущееся в своем соку». У них не то, чтобы «не было брака»: но не было брака «по примеру римлян» или еще «по примеру евреев», по «закону Моисея» или еще «по образцу Порции и Катона». — «Как же делать?» И самого вопроса не представлялось: а — «нужно иметь детей». «Суть брака» сводилась к «нужно иметь детей». И у них выработались две линии, хорошо засвидетельствованные историей: на недоумение, «от кого же иметь детей», они ответили: «ближе всего — от брата». А дедовский инстинкт сказал: «я так хочу иметь внуков от дочери, что имущество свое отдам не ей, а ее беременному животу». Эти два восклицания «матушки-натуры» выработали две «семяно-дольки» египетского брака: братнино-сестринский брак, почти общепринятый у «*grand seigneurs égyptiens*»¹, и — «утробное право наследования». «Наследует не сын, и не дочь, а ребенок дочери».

У взглянувшего на картинку, как и наверное у сделавшего под нею подпись ученого, мелькнула мысль, — наша грустная европейская мысль, — что в рисунке сокрыто «рабство женщины», «рабство семейного ее положения у египтян». Без этой мысли наверное не было бы подписано: «*grand seigneur*»; и молчаливое подсказывание: «без рабства — он ее выгонит из дому», да и она «держится рабою, дожидаясь наследства от хромого и знатного мужа». Между тем, она просто сестра ему, и равна по имущественному и сословному состоянию. Она от него ни в чем не нуждается, а любит его. Почему же «любит», да еще «хромого»? Особенно-то любит именно потому, что он хром; а вообще

---

¹ великих египетских вельмож (*фр.*).

любит, потому что он «смирил» ее как муж. В Библии везде сказано, что муж в первый же момент, как «познает» жену, — «смирят ее». Отчего? Как? Да мы и до сих пор это знаем: муж передает в жену «путы», которыми она внутренне опутывается, связывается, и таким образом, что сама никак не хочет «уйти из них». В сладкий мед опущены мои ноги. И я хочу идти — но не могу почти. И все хочется сидеть дома и держать мужа за ногу».

Вот египетский рисунок. Это — любовное рабство, а не законодательное рабство, не экономическое рабство. Все подобное — не началось, не брезжилось в истории. Но суть любви — выразилась. О, как она выразилась, как хорошо выразилась; — говорим не с гордостью господства, но с бесконечной верой в красоту любви. И ведь он, правда, ее «не замечает», идя к делам своим «с костью-то». Да она и не держит его нисколько, лишь приложив ладонь к ноге, а не «ухватив его за ногу». Она говорит ему только: «ты вспомнишь меня, милый, и к вечеру — будешь мой». «Я сниму с тебя сандалии, и оботру пыль с них. И успокою тебя. И буду тебе лучше Суламифи».

Дети египетские

А о детях египетских нам нечего писать: вот они:

Рис. 50.
Сусна в могиле
египтянина Ти.

Особенно хороши носики и губа у обоих. Прямо — поцеловать хочется. Такие глупые. И преднамеренно придано (заметно в рисунке) глуповато-милое выражение. Особенно — сыну (заметно по формам, что это — ослица и ее сын).

И еще — вот:

Рис. 51.

Читатель спросит: как? что? почему?

Но Геродот же (книга II, гл. 36) сказал, как о «зрелище перед его глазами», что «египтяне жили вместе с животными», т. е. одним двором и в одной избе ¹. Там люди лежали «в середочках» между животными по-старше и животными по-моложе, между животными по-тяжелее себя и животными по-легче себя. И «в середочках» им было тепло-тепло. И они уж не знали, которые «ребятки» и девчонки родятся от них, а которые ребятки и девчонки родятся от коров, ягнят и свиней. И посмотрите: где не идет «мамка с ребятками», «батька с дочерьями», они непременно нарисуют осла «с осленком», свинью «с поросятами». И «без семьи» не воображали животных, как и себя. Как же им было не жить «тепло-тепло».

И они объединились с миром, не написав диссертаций «De rebus essentia» ², а нарисовав везде, что «essentia» всего мира — одна, что нет «много-сущия», есть одно-сущие, едино-сущие. Поздней мы увидим это в бесчисленных изображениях. Это-то и образует универсализм Египта. Но универсализм не «одной мысли, пронизывающей мир», а единого биения пульса, трепещущего в целом мире. От звезд и до былинки. А пока — вот картинка, где с одного взгляда видно, что египтяне точно «обхватили мир», в одну охапку, и, повалив на себя, воскликнули: «нам так хорошо, что на плечах своих мы выдержим целый мир».

¹ Рассказ Геродота везде прекрасно прост. Вот это место в связи с другими соображениями об египтянах: «В других местах священнослужители носят длинные волосы, в Египте жрецы стригутся. У других народов в обычае, что ближайšie к покойнику лица в знак траура стригут себе волосы; египтяне в случае смерти родственника отпускают себе волосы на голове и бороде, а обыкновенно ходят стриженными. У других народов люди живут отдельно от животных, египтяне живут вместе с ними».

² О существенных вещах (лат.).

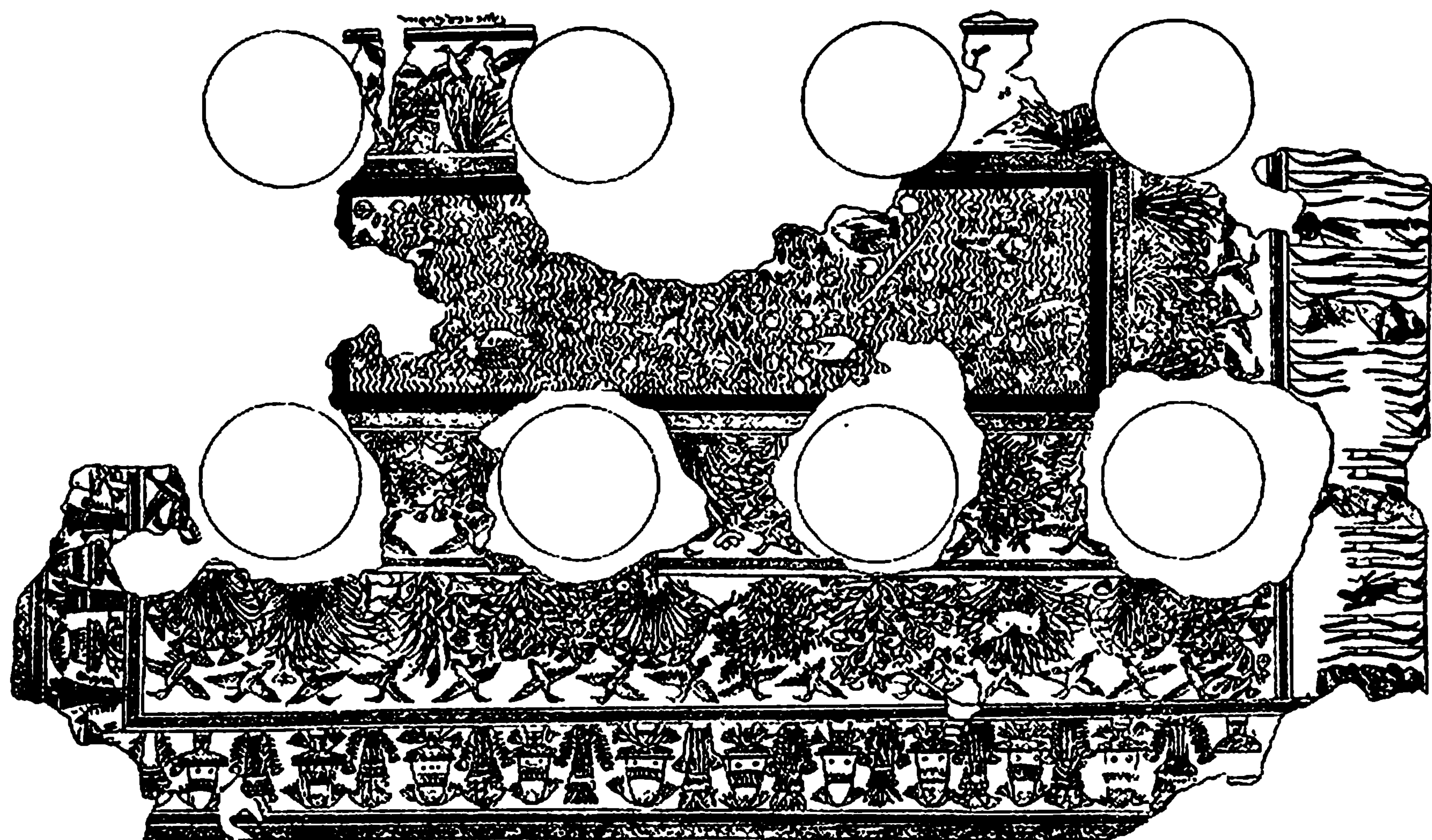
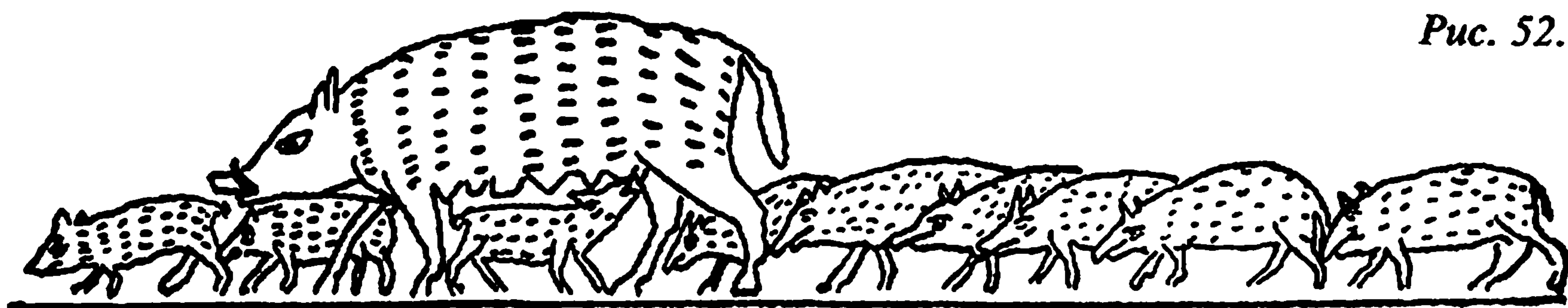

Рис. 53.

Настилка одной из зал дворца Аменофиса IV
(Эль-Амарна) ¹.

¹ Тут все «дни сотворения», — сотворения «в водах рыб больших», на земле — «животных», и над землею — «птиц летающих». Но обратите внимание: точно все «выскочить из себя хочет»: так все переполнено бытия, силы, утверждения. Мерцает в уме сближение с исполином-младенцем сказки, который будучи засмолен в бочку — «потянулся, уперся головою в доньшко, — и дно отлетело, а он вышел на землю». Здесь (и всюду в Египте) природа взята в резком чувстве начала бытия своего, «недалекости создания», и это ощущение составляет настоящее чудо Египта, тайну и загадку Египта. Но откуда, откуда? Почему, почему? Слепорожденные, разве вы не видите: наверху, над воздухом, в котором реют птицы, т. е. на каком-то «будто потолке над миром» стоит ряд тех самых изображений, какое финикияне Библоса воздвигли над святилищем своим. Это — мужской фетиш, от которого родится все, — «бысть битие всему». И, как я предположил, в Библосе «святилище было обсажено невысокими деревьями и цветами», так посмотрите здесь — фетиш украшен цветами, ветвями и растениями, — о, как украшен, до «преизбыточества»!!! И это не «рисуночек», а — дело, не «арабески художника», а он не смел сделать иначе, потому что это истина и сущность и исповедание Египта. Нельзя усомниться, что источник всего этого оживления и как бы воздушности, крылатости природы, лежал в египетских «тайнствах», где они как бы «венчались» с источниками бытия, приходили в необыкновенную близость с ними, прикосновение, касание. И «выходя на воздух» — смотрели на мир как «новобрачные»... Смотрите, ведь у «новобрачных» другой взгляд на вещи, чем у «старобрачных» и чем у «холостых». Египтяне вот и жили в вечном «новобрачии»: и это не природа «выскакивала у них из орбиты бытия своего», а это безумно свежий глаз их увидел, «по себе», и всю природу в «вечном медовом месяце». С рисунков их, правда, каплет мед. Смотрите, наблюдайте, замечайте!!!

Первая колыбельная песня на земле

Дам тебе я на дорогу
Образок святой,
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой,
Да готовясь в бой опасный
Помни мать свою...

. . . . .
. . . . .

Вот в этой песне, эмбрион всех кистей Рафаэля... всех его образов, понятий, чувств. И никакого — *еще* представления в основе его, кроме как этот рисуночек, нарисованный египтянами в так называемой у них «Книге мертвых», т. е. в книге «оживших там, на небе», каковую, начертав на папирусе, они давали в руки своим уснувшим.

И никто, никто, никто и доселе, до наших времен и до ресторанов в Париже, не смог от образа этой песни и от этого изображения египетского подвинуться ни вправо, ни влево, ни назад, ни вперед.

Ни в ощущении материнства, ни в тоне и мелодии Колыбельной песни.

И что так *просто* вышло у египтян, это — хорошо. Из этого «телёночка с коровой» через три тысячи лет мог и должен был образоваться Рафаэль, а из ста Рафаэлей только с одними его кистями и красками не

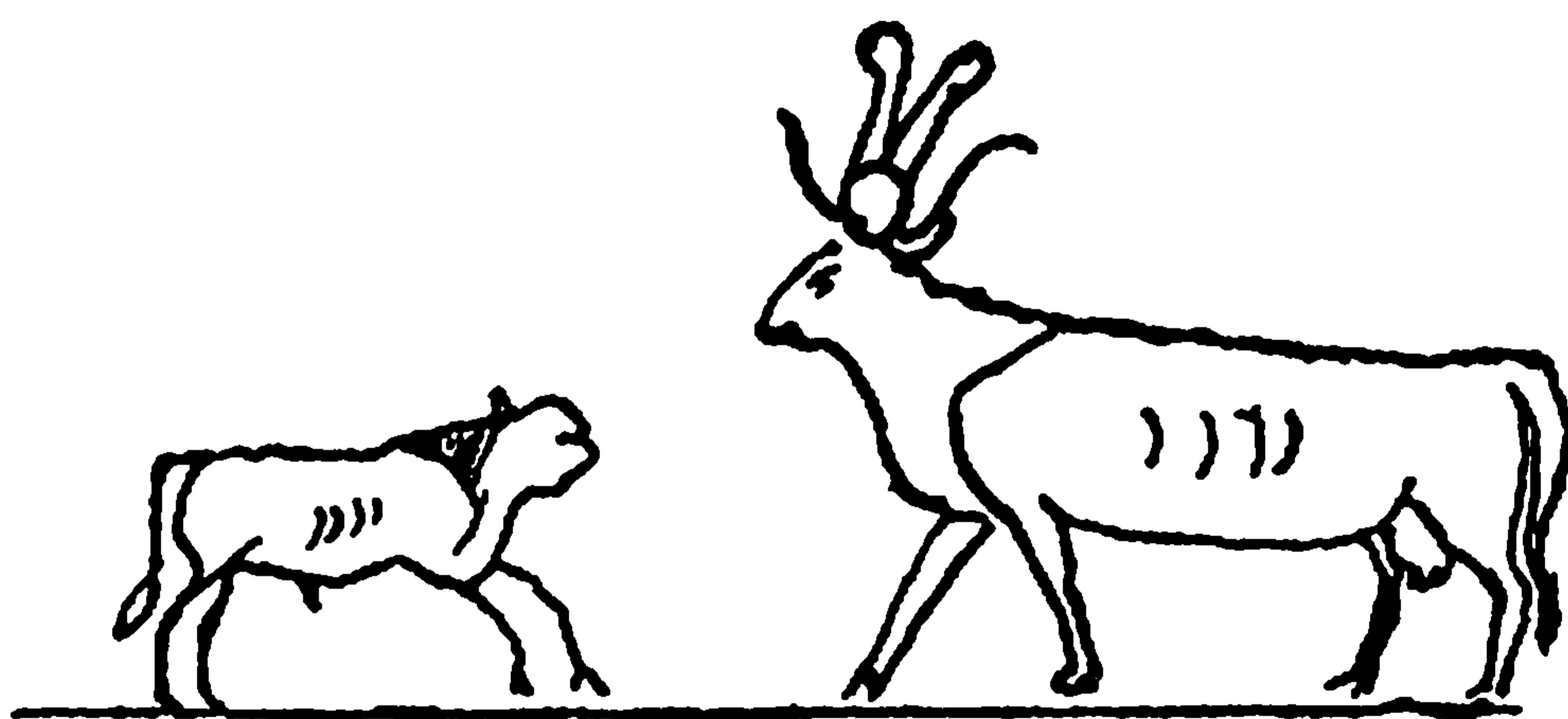

Рис. 54.

вышло бы все-таки такого рисунка. Ибо у того были кисти, а египтяне прóлили сюда сердце и вложили мудрость.

Песня песней

Есть две «Песни песней». Одну поют евреи в субботу. Но над каждым израильянином один раз поет «Песнь песней» Бог: это — когда он обрезывается. И ее слышат родители и веселятся. И слышат гости и подпрыгивают. Но чужим они никому об этом не сказывают.

Обрезание у египтян

Относительно обрезания у египтян Геродот выражается со знанием наличности. В общем течении рассказа, вот как он говорит о нем:

«...Тесто египтяне месят ногами, глину руками; руками же подбирают навоз¹. Прочие люди оставляют детородные органы в их естественном виде,— за исключением тех, которые усвоили себе египетский обычай; а египтяне совершают обрезание» (книга II, глава 36).

Глубокоуважаемый ученый наш, Николай Петрович Лихачев, бывший помощник директора Императорской Публичной Библиотеки, автор монументальных трудов по русской — светской и церковной — истории («Иконография Богоматери»), — оказывается не менее, нежели к русской, прилежит и к всемирной истории, и прилежит именно в ее основах, поднимающихся от Египта, Халдеи и Сирии, — от Авраамовых и Сезострисовых чресл. И вот он-то дал мне ознакомиться «в картине» с обрезанием у египтян. Едва была напечатана в газете первая же моя статья о Египте: «Пробуждающийся интерес к Египту», — как он из немногих строк ее, — для всякого вообще читателя даже и непонятных, — о «родительстве мира», об «отыскивании египтянами Отца-Небесного» — сразу прозорливо схватил всю мысль моих истолкований Египта, — истолкований, которые у египтологов не только не приняты, но и всеми мерами у них отвергаются, презираются и скрываются. И в длинных разговорах и трении «плечом около плеча со мною», стал совершенно на мою сторону. Именно: ученые все скрывают, вопреки тысячам египетских памятников, вопреки «всему зрелищу Египта», как он виден в монументах, описанных экспедициями Бонапарта, Лепсиуса (прусского правительства), Росселлини (итальянского правительства), — что Египет, и отчасти весь Восток, прожил четыре тысячи лет собственно для того, чтобы остановиться на теме и гениально разработать тему единую, всемирную, всяким человекам нужную, каждому из нас неизбежную, и кроме того радостную, восхитительную, согревающую Вселенную: тему и идею Отчества <...>

---

¹ Я думаю — это ритуально и религиозно: потому, во-первых, что коровы почитались на протяжении всего Египта священными, у нас бы сказано было — «святыми». Но и не это одно: вторая причина заключалась в высоком и даже высочайшем почитании скарабея, — «священного жука», который в то же время был «обыкновенным навозным жуком».

**Комментарии
и указатель имен**

КОММЕНТАРИИ

В публикуемых текстах сохраняются особенности авторской лексики. Написание собственных имен не унифицируется и не приводится в соответствие с ныне принятым (пояснения вынесены в аннотированный указатель имен). Цитирование чужих текстов отличается у Розанова неточностями, что в комментариях обычно не оговаривается.

В МИРЕ НЕЯСНОГО И НЕРЕШЕННОГО

Печатается по изданию: *Розанов В. В.* В мире неясного и нерешенного. 2-е изд. Спб., 1904. Первое издание этой книги вышло в Петербурге в 1901 году.

Позже Андрей Белый вспоминал «огонь, оплеснувший нас из книги «В мире неясного и нерешенного»...» (См.: *Весы*. 1906. № 1. С. 69). Действительно, эта книга Розанова, — где в центре внимания — пол как некая космическая величина, в которой берут свое начало человеческая история, семья, религия, — одна из самых поэтических его книг, самых «вдохновенных», «полных огня». (Именно на основе этой книги был написан один из лучших прижизненных очерков о творчестве Розанова: *Волжский*. Мистический пантеизм В. В. Розанова // Из мира литературных исканий. Спб., 1906.) И хотя она составлена из статей, публиковавшихся в разных изданиях, хотя она вобрала в себя многочисленные «полемиические материалы»: письма и статьи приверженцев и оппонентов, письма простых читателей, — она тем не менее не кажется пестрой. Напротив, все здесь уместно. И даже ненужные на первый взгляд подробности из публикуемых автором писем находят объяснение, и чисто розановское: «У меня — знойная привязанность не к одному делу, а и к поэзии вокруг дела, не к кафедре, а к дому; и неубранные завесы домашней жизни просто я не в силах отделить от строк, иногда немногих, важных для темы». И через несколько страниц, в другом примечании, иное, логическое: «А как брак есть сама жизнь, то и взгляды на него всегда надо оценивать, внося поправку или соображения о личности и возрасте и даже семейных обстоятельствах высказывающегося, о его темпераменте и проч.».

Стремление наполнить свою книгу живыми голосами, уже заметное в издании 1901 года, еще более обнаруживается во втором издании. Здесь добавлены «Два ряда выводов. Моим оппонентам, гг. Мирянину, Шарапову и Аксакову», расширена статья «Нечто из тумана «образов» и «подобий» (в первом издании она состояла лишь из последних четырех фрагментов и носила то же название, что и книга: «В мире неясного и нерешенного»), т. е. чуть более 20 страниц собственного текста. Зато к прежним откликам на затронутые в книге темы прибавилось около восьмидесяти страниц, самыми значительными из которых являются письма о протоиерея А. Устьянского (часть VII «Полемиических материалов») и «Письма о материнстве и супружестве».

Признание Розанова: «Я собираю здесь с величайшей любовью взгляды pro и contra» говорит о том, насколько важен был для него в книге сам

дух полемики. Но не менее ценно и другое признание — о том, как добывались эти материалы. Дабы вызвать более резкие, более отчетливые в своей непримиримости возражения, дабы сделать явным у оппонентов дух *анти-«сватовской»*, *анти-«сближающий»*, соединяющий, сводящий двух в плоть единую», Розанов «употреблял в полемике рискованные выражения, сильные мысли». В итоге: «Путем своей полемики я добыл нужные документы: и в этой книге их собрал и перепечатаваю».

Вряд ли такой «метод» достижения результата был возможен для Розанова ранее. Если в философском сочинении «О понимании» (1886) он установил, что понимание, как таковое, часто лежит и глубже науки, и (часто) вне ее, и тем самым расчистил себе путь из собственно философской сферы к книгам философско-публицистического характера, если в «Природе и истории» (1900) в полный голос зазвучал Розанов-памфлетист, где в статьях о Дарвине и о Бокле теоретические выводы соседствуют с сатирой, — то в настоящей книге уже совершенно отчетлив и внерациональный способ искания истины. Он поддерживает свои выводы не целью умозаключений, но стихами поэтов (по Розанову, поэт — это и «провидец»), он, по собственному признанию, «подслушивает *пожелания* мира, *идеалы* мира, *вздохи* мира».

Позже эти «подслушивания» найдут особую литературную форму в книгах В. В. Розанова «Уединенное», «Опавшие листья», «Сахарна», «Мимолетное» и других.

Книга «В мире неясного и нерешенного» произвела на современников огромное впечатление. Тематика ее оказалась действительно «жгучей». Быть может, поэтому свой отклик на книгу (и на 1-е, и на 2-е издание) большинство рецензентов стремилось превратить в статью, развивающую собственные идеи по затронутым Розановым вопросам.

Эта «хаотическая, полная гениальных прозрений книга Розанова — явление глубоко культурное и как таковая выходит за пределы литературной критики», это «святое дело скромного, бескорыстного собирания камней для фундамента будущей культуры», — писал Д. В. Философов (Мир искусства. 1901. № 5. Хроника. С. 285). По словам З. Гиппиус, ее автор — «великий «плотовидец» (как бывают духовидцы) — пишет полусловами-полузнаками, из звуков творя небывалые слова и небывалые их сочетания» (Антон Крайний. Влюбленность // Новый путь. 1904. № 3. С. 181). Розанов «выдвинул и осветил такие стороны нашего бытия, которые до него пребывали в темноте» (Мережковский Д. С. Новый Вавилон // Там же. С. 179). Наиболее подробную характеристику стиля книги дал Инфолио, сравнив Розанова с Ницше: «Тот же своеобразный, цветистый и образный язык, стремление говорить афоризмами, следование какой-то особой логике внутреннего самоопределения и выявление чего-то нарождающегося из сердца, из всего устремленного к истине существа писателя, болеющего и бременящего некоей тайной, быть может не знающего, что скажет он через строку и с трепетом радостного страха ждущего, что вот родится, вот само с пера сорвется нужное слово, порывы ввысь, упадок сил, туман, мгла, бормотание, почти эпилепсия слова и вдруг — ослепительно ясная, простая, прекрасная и глубокая мысль» (От Вифлеема до Голгофы // Новое время. 1901. 28 марта).

На книгу откликнулись также Д. Шестаков (Мир искусства. 1901. № 5. Хроника), А. Б. Богданович (Мир Божий. 1901. № 9), Б. Б. Глинский (Исторический вестник. 1906. № 6), А. В. Луначарский (В мире неясного, где хаос шевелится // Правда. 1905. № 7).

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

С. 7. *Гатчинский Отшельник* — псевдоним И. Ф. Романова.

ИЗ ЗАГАДОК
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ПРИРОДЫ

Впервые: Новое время. 1898. 15 мая. № 7978.

С. 21. *Кто разрешит мне, что тайна от века...*— Г. Гейне. Вопросы (1827) из цикла «Северное море». Пер. П. Вейнберга.

С. 24. *Стыдливый маленький цветок* — Р. Бернс. К срезанной плугом маргаритке (1786).

С. 25. *...Пером сердитый водит ум...*— М. Ю. Лермонтов. Журналист, читатель и писатель (1840).

С. 26. *Ах, няня, няня...*— А. С. Пушкин. Евгений Онегин, III, 19.

С. 27. *Восходит чудное светило...*— М. Ю. Лермонтов. Журналист, читатель и писатель (1840).

Не дорожа чужою тайной...— Там же.

...бедный листочек дубовый — имеется в виду стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» (1841).

Чинара стоит молодая... — М. Ю. Лермонтов. Листок (1841).

«*Душа человека и животных*» — перевод с немецкого лекций профессора Гейдельбергского университета В. Вундта издан в двух томах в Петербурге в 1865—1866 гг.

С. 31. *То был ли сам великий сатана...*— М. Ю. Лермонтов. Сказка для детей (1840).

С. 32. *Если б знал ты Виргинию нашу...*— М. Ю. Лермонтов. «Это случилось в последние годы могучего Рима...»

С. 34. «*О, пройду же и я мой квадранлион и узнаю секрет*» — Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Ч. IV. Кн. 11. Гл. IX.

С. 35. «*граафов пузырек*» — пузырьвидное образование в корковом слое яичника, содержит развивающуюся яйцеклетку.

С. 36. *Давно пора мне мир увидеть новый...* — М. Ю. Лермонтов. «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837).

«*Где-то параллели сходятся*» — Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Часть II. Кн. 5. Гл. III.

С. 38. *И месяц, и звезды...* — М. Ю. Лермонтов. Ангел (1831).

С. 39. *Посыпал пеплом я главу...*— М. Ю. Лермонтов. Пророк (1841).

ИРОДОВА ЛЕГЕНДА

С. 40. *Чтоб низости душою...* — Ф. Шиллер. Элевзинский праздник (1798). Пер. В. А. Жуковского (1833).

С. 41. *«В великоленных auto-da-fe...»* — А. И. Полежаев. Кориолан (1834). Розанов цитирует по роману Достоевского «Братья Карамазовы» (глава «Великий инквизитор»).

С. 42. *«Многоочитая» плоть, «исполненная внутренних очей»* — Откр. 4, 6—8.

Открылись вещи зеницы... — А. С. Пушкин. Пророк (1826).

С Олимпийские вершины... — Ф. Шиллер. Элевзинский праздник. Пер. В. А. Жуковского.

С. 43. *«Дыхание Божие повеяло в перси»* — Быт. 2, 7.

«Лесной царь» — баллада И. В. Гете (1782), переведенная В. А. Жуковским (1818).

Шатаюсь по ночам... — П. Беранже. «Как яблочко румян...». Пер. В. С. Курочкина (1856).

...записал один «разговор» Гете Эккерман... — Запись от 31 января 1827 г.

С. 47. *«и Слово — плоть бысть»* — Ин. 1, 14.

ИСТИННЫЙ

«FIN DE SIÈCLE»

Впервые: Биржевые ведомости. 1898. 8 ноября. № 305.

С. 55. *Тюбингенская школа* — направление в немецкой протестантской теологии, развивалось в университете г. Тюбинген. 1-й период — конец XVIII в. В 1830 г. возникла новая Тюбингенская школа, основанная Ф. К. Бауэром. Занималась критикой текста Библии, выявляя противоречия между различными евангелиями. Работы представителей школы Д. Штрауса и Б. Бауэра оказали влияние на Ж. Э. Ренана.

С. 57. *Old Gentleman* — псевдоним А. В. Амфитеатрова в «Новом времени».

НОМИНАЛИЗМ

В ХРИСТИАНСТВЕ

Впервые: Биржевые ведомости. 1898. 13 октября. № 259. В библиографии Цветкова сохранилось примечание Розанова, уточняющее название статьи: «Так названо «ради цензуры». Нужно: «Номинализм христианства» (т. е. всего, целого)».

С. 61. *А-т* — псевдоним Владимира Карловича Петерсена.

С. 62. *«что Бог сочетал, человек да не разлучает»* — Мф. 19, 6.

«Паломник» («Русский паломник») — еженедельное иллюстрированное издание, выходившее в Петербурге с 1885 по 1917 г.

«Амурские епархиальные ведомости» — имеются в виду «Благовещенские епархиальные ведомости», издававшиеся с 1894 по 1917 г. в Амурской области.

С. 63. «Странник» — духовный журнал современной жизни, науки и литературы. Издавался в Петербурге с 1860 по 1917 г.

«Пространное догматическое богословие» — Макарий. Догматическое богословие. Спб., 1883.

СЕМЬЯ КАК РЕЛИГИЯ

Впервые: Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 8 и 23 ноября. Статья Л. Л. Толстого «Прелюдия к Шопену» напечатана в «Новом времени» 3, 9 и 16 июня 1898 г.

С. 67. ...«лучше не жениться» — Мф. 19, 10.

«Я не разрушить пришел закон...» — Мф. 5, 17.

«Кто мать твоя и братья твои?» — Мф. 12, 48—50.

С. 68. «Ты — Петр, и на сем камне...» — Мф. 16, 18.

«Что есть человек? — трава сельная...» — Мф. 6, 30; Лк. 12, 28.

Религия «сред» и «пятков»... — т. е. постных дней, сред и пятниц.

С. 70. «Мне отмищение — и Аз воздам» — эпитафия к «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, взятый из: Рим. 12, 19.

...«и завесь завесою, и покрой крышкою» — Исх. 24, 33—36.

«И золото той земли хорошо...» — см.: Быт. 2, 12.

Бдолах — жемчуг.

С. 71. «Дай мне детей...» — Быт. 30, 1.

Но если сон виденья посетят? — У. Шекспир. Гамлет. Пер. А. И. Кроненберга (монолог из 1-й сцены третьего акта).

С. 72. Он душу младую в объятиях нес... — М. Ю. Лермонтов. Ангел (1831).

«чти отца и мать», «не убей» — Исх. 20, 12—13.

...чуждый тени... — М. Ю. Лермонтов. Спор (1841).

Два сфинкса — имеются в виду египетские сфинксы XV в. до н. э., установленные в 1834 г. на набережной Невы у Академии художеств. (В 1912 г. в Петербурге вышла книга В. В. Струве «Петербургские сфинксы».)

...по Хрисанфу — имеется в виду работа «Египетский метампсихозис» (Православное обозрение. 1875. № 1) духовного писателя, преподавателя Петербургской духовной академии Хрисанфа (Владимира Николаевича Ретивцева, 1832—1883).

С. 73. «Это — хорошо» — Быт. 1.

...в воскресении не будут родить, а будут как Ангелы Божии — Мф. 22, 30.

С. 74. ...он дал нам огонь с небеси... — Откр. 13, 13.

«жены, облеченной в солнце» — Откр. 12, 1.

«четырёх животных...» — Откр. 4, 6.

...определение в нем Себя Спасителем — Откр. 22, 12—20.

«Аз есмь хлеб животный...» — Ин. 6, 51.

«Аз есмь лоза и вы — ветви» — Ин. 15, 5.

С. 75. *«инуду»* — в ином (месте).

С. 76. *«Смерть — где твое жало?»* — Ос. 13, 14.

С. 77. *...в обетовании Божиим... Сарре и Аврааму* — Быт. 17, 16—17.

С. 78. *«а Евангелие передай Феде»* — Н. Н. Страхов. Воспоминания о Ф. М. Достоевском (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Спб., 1883. Т. 1. С. 324*).

...в «буре — Бог» — Иов. 40, 1.

С. 79. *Внимая ужасам войны* — одноименное стихотворение Н. А. Некрасова (1856), цитируется неточно.

«Вкусите Тела — и живы будете»... «Испейте Крови -- в жизнь вечную» — пересказ Ин. 6, 54.

С. 81. *...«бысть два в плоть едину»* — Быт. 2, 24.

«никто не возвращался» — Притч. 2, 19.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

С. 86. *...на воздушном шаре г. Андрэ...* — шведский воздухоплаватель С. Андре в 1897 г. попытался достичь Северного полюса с попутным ветром, но потерпел неудачу и погиб.

С. 88. *...«аки песок в море»* — Быт. 22, 17.

...«розовая тень», которой, по рассказам, молился Вл. Соловьев... — Розанов пишет об этом в статье «Концы и начала, «божественное» и «демоническое», боги и демоны» (см.: *Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 86*). См. также визионерскую поэму Вл. Соловьева «Три свидания».

С. 100. *...белый Георгиевский крест* — Георгиевский крест 4-й степени, выдававшийся за выслугу 25 лет.

С. 101. *...«несть более ни мужской пол, ни женский»...* — Гал. 3, 28.

С. 103. *...«не примирившись с братом твоим»* — Мф. 5, 24.

С. 104. *«Тайна сия велика...»* — Еф. 5, 32.

С. 105. *...«сияет в загрязненном фабриками узеньком переулке в Хамовниках»* — *Ежов Н. М. Музей П. И. Щукина // Новое время. 1899. 6 ноября. № 8511. Подпись: Нефельетонист.*

...газеты, издаваемой родовитым князем Мещерским... — имеется в виду «Гражданин», издававшийся в Петербурге с 1872 по 1914 г.

С. 106. *«раститесь и множитесь и наполните землю»* — Быт. 1, 28.

БРАК И ХРИСТИАНСТВО

Впервые: *Русский труд. 1898. № 47-52* с подзаголовком: «Моя переписка с православным священником».

С. 108. *...статьи в «Вопросах философии и психологии»* — имеются в виду статьи Розанова «Заметки о важнейших течениях русской философской мысли»

(1890. № 3), «О борьбе с Западом, в связи с литературной деятельностью одного из славянофилов (Н. Страхов)» (1890. № 4), «Цель человеческой жизни» (1892. № 14—15).

«Церковные ведомости» — еженедельное издание, выходившее в Петербурге с 1888 по 1917 г.

С. 109. *...не белый священник, но аскет Никанор...* — имеется в виду книга епископа херсонского и одесского Никанора «Беседа о христианском супружестве. Против графа Л. Толстого» (Одесса, 1890).

С. 111. *«Посмотри — в тени мелькает...»* — В. Я. Полонский. Вызов (1844).

С. 112. *«Аз есмь огонь поедаящий»* — см.: Ис. 9, 23.

С. 114. *Возьмите во внимание хотя одно заглавие некоторых из них...* — ср.: Бухарев Ф. О православии в отношении к современности. Спб., 1860; Бухарев Ф. О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М., 1865.

С. 115. *Сведения о Бухареве...* — об архимандрите Феодоре Бухареве Розанов написал статью «Интересный эпизод нашей умственной жизни» (Новое время. 1902. 12 и 17 декабря. № 9618 и 9623), позже перепечатанную в книге «Около церковных стен» (С. 17—39) под названием: «Аскоченский и архим. Феодор Бухарев».

...обширные статьи, как о Леонтьеве... — ко времени второго издания книги «В мире неясного и нерешенного» среди статей, где имя Леонтьева играло важную роль, следует упомянуть следующие: «Памяти дорогого друга» (Русское слово. 1896. 14 февраля. № 43), «Кому «горе от ума» в действительной жизни» (Русское слово. 1896. 19 февраля. № 48), «Поздние фазы славянофильства. К. Н. Леонтьев» (Торгово-промышленная газета. Лит. прилож. 1899. 4 апреля. № 2), «Национальные таланты» (Новое время. 1902. 2 февраля. № 9309), «Из переписки К. Н. Леонтьева» (Русский вестник. 1903. № 4—6).

С. 116. *...«погружении в лоно Авраама... отцов наших»* — см.: Лк. 16, 22—23.

С. 117. *...«печаль и воздыхание»* — Исх. 35, 10.

С. 118. *...«того ради оставит человек отца и мать... и прилепится... и будут два — в одно»* — Быт. 2, 24; Мф. 19, 5.

...«женщина забывает скорбь свою» — Ин. 16, 21.

С. 119. *«Женщина перед великою задачею»...* — Биржевые ведомости. 1898. 1 и 3 мая. № 117 и 119. Статья вошла в книгу В. Розанова «Религия и культура» (Спб., 1899).

...мысль о небесном Иерусалиме — Откр. 21, 2.

С. 120. *...«играть во чреве...»* — Лк. 1, 41.

«Величит душа моя Господа...» — Лк. 1, 46.

...«будьте мудры, как змий...» — Мф. 10, 16.

«лилиями полевыми» и «птицами небесными» — Мф. 6, 28.

«...Лазарь не умер, он — спит» — Ин. 11, 11.

...спросил Он о дочери Иаира — Лк. 8, 40—56.

«Я пришел для грешного...» — Мф. 9, 13; Мк. 2, 17; Лк. 5, 32.

С. 121. ... «блудницы и мытари вперед вас внидут...» — Мф. 21, 31.

...«доколе жетих с ними...» — Мф. 9, 15; Мк. 2, 19; Лк. 5, 34.

С. 123. В этом отношении нужно было бы посмотреть... — Бухарев Ф. О св. апостоле Павле. Спб., 1861.

«Господь привел к человеку всех животных...» — Быт. 2, 19.

...дольней лозы прозябаньи... — А. С. Пушкин. Пророк (1826).

С. 124. С природой одною он жизнью дышал... — Е. А. Баратынский. На смерть Гете (1832).

...вот тайны очень мало «сбившиеся нашим мудрецам»... — У. Шекспир. Гамлет, д. 1, сц. 5 (пер. М. Вронченко).

«Не хорошо быть человеку одному» — Быт. 2, 18.

С. 127. ...«муж да не владеет своим телом, но — жена»... — 1, Кор. 7, 4.

С. 128. ...духом «уныния, печали и празднословия»... — слова из великопостной молитвы Ефрема Сирина.

День гнева, этот день... — цитата из католического песнопения, сочиненного в XIII в. итальянским монахом Фомой Гельяно на библейские слова (Соф. 1, 15).

С. 132. И в поле каждую былинку... — А. К. Толстой. Иоанн Дамаскин (1859).

...голос мысли благородной... — М. Ю. Лермонтов. Журналист, читатель и писатель (1840).

С. 134. ...«сказавший ближнему своему: рака...» — Мф. 5, 22.

С. 135. По небу Полу-Ночи ангел летел... — М. Ю. Лермонтов. Ангел (1831).

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Полемика, вызванная статьями Розанова, печаталась в 1899 г. на страницах «Русского труда» в № 2, 24, 25, 26, 30—34, 43, 44. В книгу Розанов включил также и другие отзывы, в том числе и полученные им письма читателей.

С. 141. «В то время был человек из Цары...» — Суд. 13, 2.

С. 142. «Что скрыто на время...» — А. С. Пушкин. Вишня.

С. 145. «Женщина спасется чадородием» — 1 Тим. 2, 15.

Хвалю, мой друг, ее охоту... — А. С. Пушкин. К Родзянке (1825).

С. 146. «День же седьмой суббота — Господу Богу твоему» — Ис. 20, 10.

С. 153. «могий вместити да вместит» — Мф. 19, 12.

С. 154. Ораторами делаются, поэтами рождаются. — Цицерон. Речь в защиту Архия. 8, 18.

С. 160. ...«другая земля и новое небо — а прежнее свилось» — контаминация двух стихов из Апокалипсиса — Откр. 21, 1; 6, 16.

С. 161. ... «меч принес и разделение» — Мф. 10, 34—35.

...«там будет огонь неугасимый и скрежет зубовный» — контаминация евангельских стихов: Мк. 9, 43 и Мф. 8, 12.

- С. 162. ...«и к концу времен охладает в мире любовь» — Мф. 24, 12.
 ...«и будет проповедано евангелие во всех странах земли» — Мф. 24, 14.
 О. И. К-ц — О. И. Каблиц.
- С. 163. «Спаситель, Спаситель, чиста моя вера...» — А. В. Кольцов. Молитва (1836).
- С. 164. «Егда вознесусь...— всех увлеку за Собою» — Ин. 12, 32.
 «Иго Мое — легко, и бремя Мое — благо» — Мф. 11, 30.
- С. 166. ...верую, Господи, помози моему неверию — Мк. 9, 24.
- С. 173. «Яко сын мой сей мертв бе → и оживе, и изгibl бе — и обретеся» — Лк. 15, 24.
- С. 174. «...заклал еси ему тельца питомаго» — Лк. 15, 30.
 ...не говори: их нет...— В. А. Жуковский. Воспоминание (1821) (цит. неточно).
- С. 176—177. «...во гресех роди мя мати моя» — Пс. 50, 7.
- С. 177. «...язвен бысть за грехи наши...» — Исх. 53, 5.
- С. 181. ...«войди на половину... жеп твоего отца»...— 2 Цар. 16, 21.
- С. 184. «Разве я сторож брату моему?» — Быт. 4, 9.
- С. 186. «И вдунул Бог дыхание жизни» — Быт. 2, 7.
- С. 189. «Наша жизнь» — сборник стихов Пл. А. Кускова, изданный в Петербурге в 1889 г.
- С. 190. «Царствие Божие силою берется» — Мф. 1, 12.
- С. 191. *Орион* — псевдоним В. Розанова, обычно в газете «Гражданин».
- С. 199. ... «пусть... муж войдет эту ночь к тебе» — Быт. 30, 15.
- С. 201. ... «приобрела я от Господа» — Быт. 4, 1.
- С. 208. *Пашковцы* — секта евангельских христиан в России, которую в последней четверти XIX в. возглавил полковник в отставке В. А. Пашков.
- С. 209. ...я объяснил в статье «Смысл аскетизма»...— Новое время. 1897. 31 декабря. № 7846. Статья вошла в книгу В. Розанова «Религия и культура» (1899).
- С. 210. *Гангрский поместный собор* (376 г.) — собор, принявший решение против евстафиан, отвергавших в своем аскетизме брак не только для священников, но и для мирян.
- С. 211. *Шестой вселенский собор* — проходил в Константинополе в 680—681 гг.
- С. 213. *В только что вышедшей... книжке...*— Данилов И. А. В тихой пристани. В морозную ночь. Поездка на богомолье. Спб., 1899.
- С. 228. ...«да лобзает он меня лобзанием уст своих» — Песн. 1, 1.
- С. 236. *Страшно сказать* — «Метаморфозы» Овидия.
- VII Вселенский собор* — 2-й Никейский, проходил в 787 г.
- Стоглавый собор* — московский церковный собор, созванный Иваном Грозным в 1551 г.; в сборнике своих постановлений «Стоглав» запечатлел нравы и обычай той эпохи. *Московский собор 1666 г.* принял определение об исправлении церковных книг.

С. 237. *...на соборе Никейском.*— На 1-м Вселенском соборе (Никейском) Пафнутий Исповедник, епископ города Таиса, высказался против безбрачия духовенства.

...покушение «дракона» «пожрать рождаемого младенца» — Откр. 12, 13.

С. 241. *...«пала звезда на источник вод...»*— Откр. 8, 10—11.

С. 243. *«Покаянный канон Андрея Критского»* — читается первые четыре дня Великого поста.

С. 244. *«Прочитай и это — но не записывай»* — см.: Откр. 22, 10.

С. 245. *«Иди и проповедуй язычникам»* — Деян. 22, 21.

«отрясите прах от ног ваших...» — Мф. 10, 14.

«отраднее будет Содому и Гоморре в день суда...» — Мф. 10, 15.

«Они будут слышать — и не уразумеют, иметь очи — и не увидят» — Исх. 6, 9—10; Мф. 13, 14.

ХОРОШО ЛИ ЗНАЕТЕ, «КАКОГО ВЫ ДУХА»?

С. 261. *Миг возжеланный настал...*— А. С. Пушкин. Труд (1830).

С. 267. *... «все дам тебе, аще падши поклонишия мне»* — Мф. 4, 9.

Не то, что мните вы, природа...— одноименное стихотворение Ф. И. Тютчева (1836).

С. 268. *Ну, тащися, сивка...* — А. В. Кольцов. Песня пахаря (1835).

С. 276. *...Пройдя веков завистливую даль...*— А. С. Пушкин. К портрету Жуковского (1818).

С. 278. *«кристалл посреди престола»* — Откр. 4, 6.

С. Ф. ШАРАПОВУ, НАПОМНИВШЕМУ СЛОВА: «МОГИЙ ВМЕСТИТИ — ДА ВМЕСТИТ»

С. 283. *«Ничего проклятого»* — Откр. 22, 3.

НЕЧТО ИЗ ТУМАНА «ОБРАЗОВ» И «ПОДОБИЙ»

Впервые фрагмент от слов «Обратимся к разбору исторической части заметки г. Гатчинского Отшельника» до конца раздела был напечатан под названием «Заметки на статью Рцы «Бессмертные вопросы» в сборнике «Сущность брака» (сост. С. Шарапов. М., 1901. С. 181—198).

С. 287. *...«где два или три соберутся...»* — Мф. 18, 20.

С. 288. *Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...*— М. Ю. Лермонтов. Молитва (1837).

С. 291. ...«два крыла туда-то, два — сюда-то», и все «закрывали лица» — см.: Исх. 6, 2.

«Как будет сие, когда я мужа не знаю» — Лк. 1, 34.

«буди мне по твоему глаголу» — Лк. 1, 38.

С. 294. «Кто здесь? кто третий? о ком ты говоришь?» — Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Часть IV. Кн. 11. Гл. VIII.

«...кровь — она душа животного» — Втор. 12, 23.

С. 295. И лобзание... и слезы... — А. Фет. «Шепот, робкое дыханье...» (1850).

С. 298. «В приятное благоухание Господу» — Лев. 23, 18.

«да не будут тебе шши — кроме меня» — Исх. 20, 3.

С. 306. «Ты — Сын Божий! Ты — царь Израилев!» — Ин. 1, 49.

«Это — я под смоковницею» — Ин. 1, 50.

«Иуда лев сильный» — Быт. 49, 9.

«Лев ляжет подле ягненка» — см.: Исх. 11, 6.

С. 309. ...через «младенцев рождающихся стиралась глава Змия» — см.: 1 Тим. 2, 13.

«сестра моя, голубица моя» — Песн. 5, 2.

«Лань лежит около льва и лев ее не кусает» — см.: Исх. 11, 6.

С. 311. «Бог сделал человеку кожаные одежды» — см.: Иов. 10, 11.

С. 312. «белые одежды» — Откр. 3, 5.

вайя — листья папоротника.

С. 314. Табетички — люди, страдающие табесом, т. е. сухоткой спинного мозга.

...«да мимо Меня идет сия чаша» — Мф. 26, 39.

ИЗ ПИСЕМ

О МАТЕРИНСТВЕ И СУПРУЖЕСТВЕ

С. 318. ...вашим вчерашним фельетоном в «Нов. Времени» — имеется в виду статья В. Розанова «Голоса из провинции о миссионерстве» (1901. 29 ноября).

С. 320. «Да будет едино стадо и один Пастырь» — Ин. 10, 16.

С. 321. ...книжица Л. Толстого «О жизни» — философский трактат «О жизни» (М., 1888). Книга была запрещена и уничтожена цензурой.

С. 329. ...«курений на высотах» — 3 Цар. 3, 3.

С. 333. «Юдаизм» — серия статей В. Розанова в «Новом пути» (1903. № 7—12).

С. 335. Плосс — Плосс Г. Женщины в естествоведении и народоведении. Пер. с нем. Спб., 1900. Т. 1—2.

С. 336. ...книжка д-ра Мес. Погорельского — Погорельский М. В. О сифилисе по Библии: Зага аѳ, или Что такое библейская проказа? С приложением статьи «Об обрезании». Спб., 1900.

ИЗ ВОСТОЧНЫХ МОТИВОВ

До февраля 1917 года В. В. Розанов успел опубликовать только три выпуска книги «Из восточных мотивов» (Пг.: Сириус, 1916. Вып. 1—2; Пг., 1917. Вып. 3) из объявленных десяти. Пагинация во всех выпусках продолжающаяся, и разделение на выпуски условно: фраза, не законченная в предыдущем выпуске, продолжается в следующем. Третий выпуск также обрывается на незаконченном предложении.

В последней статье в «Новом времени», появившейся за подписью В. Розанова, он сообщал о ходе издания этой книги: «Корректурa двух листов четвертого выпуска, сданная в типографию в конце февраля месяца, была сдана мне в исправленном виде лишь через два месяца за полным отсутствием рабочих и наборщиков, могущих выправить типографский набор и произвести небольшую вставку. Все это — в типографии «Сириуса», превосходно оборудованной...» (Розанов В. Об издании книги «Из восточных мотивов» // Новое время. 1917. 13 мая. № 14776).

7 июля 1917 года, отчаявшись выпустить продолжение «Из восточных мотивов», Розанов записывает: «Египет — последний и самый лучший труд мой» (ГЛМ). После остановки издания в Петрограде Розанов предполагал печатать продолжение за границей, однако этот замысел не был осуществлен.

В письме Мережковским, продиктованном незадолго до смерти, Розанов с горечью говорит о несовершенных книгах: «Безумное желание кончить «Апокалипсис», «Из восточных мотивов» и издать «Опавшие листья», и все уже готово, сделано, только распределить рисунки «Из восточ. мотивов», но это никто не может сделать. И рисунки все выбраны. Лихоимка судьба свалила Розанова у порога» (Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 526).

В каждом выпуске В. В. Розанов помещал следующую рекламу:

ВЫПУСКАЕМЫЙ ТРУД МОЙ ИЗ ВОСТОЧНЫХ МОТИВОВ

будет посвящен рассмотрению преимущественно древнеегипетской цивилизации и будет заключен в десяти (приблизительно) выпусках, каждый размером в 4 печатных листа, формата in-quarto, с продолжающеюся в каждом выпуске нумерацией страниц.

Издание это будет содержать несколько сот изображений, выражающих собою основные точки зрения древних египтян и основные пункты ощущения ими мира; причем изображения эти воспроизведут в той самой величине снимки египетской цивилизации, как они были даны в трудах египетских экспедиций, начиная с трудов в двенадцати фолиантах французской экспедиции ученых, сопровождавших армию Бонапарта в Египет, и до Каталога египетских древностей, изданных попечением нынешнего Хедива Египетского Аббаса II. В некоторых же, — немногих, — центрально-важных пунктах мною будет дано фотографическое *увеличение* даже против трудов этих ученых экспедиций. И в этих увеличениях они будут даны *абсолютно впервые* для Европы. Так как труды ученых экспедиций совершенно неведомы не только русскому читателю,

но и немецким, английским и французским читателям, составляя достояние исключительно императорских и королевских библиотек, притом по их роскоши и дороговизне не выдаваемое в читальные залы,— то в настоящем моем издании *Египет будет увиден* читателями не только *русскими*, но и *европейскими впервые*. А почти полное *отсутствие* самых *жизненно важных* для египетской цивилизации изображений в историях Египта указывает, что на эти *столпы Египта* и не было обращено никогда *внимания*; а посему и самая история эта была описана лишь поверхностно, в тех ее чертах, какие схожи с чертами вообще всех народов (войны, договоры, торговля, промыслы, техника и искусство), а не в *собственных оригинальных египетских чертах и особенностях*. Почему я и думаю, что читатель будет хотя сколько-нибудь приближен к *истинному пониманию древнего Египта* впервые этим трудом.

Издание предполагается окончить в *два года*, делая по выпуску в два месяца.

Общая стоимость издания, если оно будет заключать десять выпусков, 30 рублей. Условия подписки: при получении 1-го выпуска вносится 6 руб., за выпуски от 2-го до 9-го по 3 руб. Последний 10-й выпуск, альбом храмов, портретов, танцев и музыкальных сцен, будет подписчикам выдан бесплатно.

Если текст статей и число рисунков, при четырех листах в выпуске, понудит расширить издание, то общие условия приобретения те же: т. е. 6 руб. за первый вып., бесплатный альбом в конце, и все промежуточные по 3 руб.

Подписка принимается исключительно в Петрограде, в книжном магазине «Нового Времени», Невский просп., дом 40.

В. Розанов

ВЕЛИЧАЙШАЯ МИНУТА ИСТОРИИ

Впервые: Новый журнал иностранной литературы. 1900. № 10. С. 446—452.

С. 341. ...указал Толстой — см.: Толстой Л. Н. Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана // Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 238, 243.

С. 342. *И на штыке у часового...* — Ф. Н. Глинка. Песня узника (1826).

С. 343. «Социальная статика», «Книга о воспитании» — речь идет о книгах Г. Спенсера «Социальная статика. Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества» (пер. с англ. Спб., 1872) и «Воспитание умственное, нравственное и физическое» (пер. М. А. Лазаревой. Спб., 1906).

С. 350. «Завтра праздник Господу!» — Исх. 32, 5.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС

Впервые: Весы. 1905. № 2. С. 17—29.

С. 354. *Первоначальных чистых дней* — А. С. Пушкин. Возрождение (1819).

эфод (ефод) — верхняя одежда первосвященника (Лев. 8, 8).

С. 355. *Загорит, заблестит луч денницы...* — В «Дневнике писателя» (1877, март, гл. 2, III) Ф. М. Достоевский цитирует эти строки из песни Рахили в драме Н. В. Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский» (II, 2).

ИЗ СЕДОЙ ДРЕВНОСТИ

Эпиграф — Быт. 9, 27.

С. 362. *Игры Вакха и Киприды* — см.: А. С. Пушкин. Всеволожскому (1819).

С. 363. *Дам тебе я на дорогу...*—М. Ю. Лермонтов. Казачья колыбельная песня (1840).

С. 364. *По вечным, великим железным законам...*— И. В. Гете. Божественное (1782).

С. 381. ... «*несть иудей, ни элин*» — Рим. 10, 12.

...оно прошло, оно пройдет — А. С. Пушкин. «Что в имени тебе моем...» (1830).

С. 384. *...пройдя веков завистливую даль* — А. С. Пушкин. К портрету Жуковского (1818).

С. 392. ... *свечу воску ярого* — А. В. Кольцов. Кольцо (1830).

С. 401. «*Гашибал у ворот!*» — крик римлян перед битвой при Каннах (216 до н. э.). Источник — Тит Ливий. Римская история от основания города (кн. 33, 16).

ПОДРОБНОСТИ И ЧАСТНОСТИ

С. 404. *Энеида* — в египетской мифологии девять изначальных богов.

С. 424. «*Пробуждающийся интерес к Египту*» — первая из серии статей Розанова о Египте, опубликованных в 1916 г. в «Новом времени» (3, 6, 11, 22 и 30 ноября).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А-т*, псевдоним Петерсена В. К.
- Аарон*, в Ветхом Завете первосвященник, старший брат Моисея — 106, 242, 288, 350, 354, 367, 383
- Аббас II Хильми* (1874—1944), египетский хедив (1892—1914) — 416
- Август* (63 до н. э. — 14 н. э.), римский император (с 27 до н. э.) — 340
- Аверкиев Дмитрий Васильевич* (1836—1905), писатель, театральный критик, публицист, переводчик — 44
- Авессалом*, в Ветхом Завете один из сыновей царя Давида — 181
- Авраам*, в Ветхом Завете патриарх, прародитель еврейского народа — 71, 77, 88, 105, 116, 173, 193, 199, 200, 221, 245, 246, 250, 259, 294, 297, 298, 303, 309, 329, 334, 339, 345, 356, 359—363, 372, 375, 379—382, 385, 386, 388, 389, 391, 394—396, 399, 424
- Аврелий Марк* (121—180), римский император (с 161) из династии Антонинов и философ-стоик — 341, 344, 347
- Агарь*, в Ветхом Завете служанка-египтянка, наложница Авраама — 200
- Адам*, в Ветхом Завете прародитель человечества — 50, 142, 177, 178, 194, 198, 199, 201, 202, 229, 230, 236, 241, 245, 257, 258, 286, 307, 308, 312, 317, 321, 326—329
- Адонис*, в финикийской мифологии бог плодородия — 404
- Адрамелех*, в ассирийской мифологии местное божество, согласно Ветхому Завету, почиталось в Сепарваиме — 391
- Аксаков Николай Петрович* (1848—1909), богослов, писатель, критик, историк, философ — 7, 235—240, 242, 243, 246, 247, 250, 253—260, 284, 322
- Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791—1859), писатель — 288
- Александр II* (1818—1881), российский император (с 1855) — 223
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.) — 401
- Александр Север* (208—235), римский император (с 222) из династии Северов — 344
- Аменофис* (Аменхотеп) *IV*, египетский фараон (1368—1351 до н. э.), религиозный реформатор, принял имя Эхнатон — 422

- Аммон* (Амон), в египетской мифологии бог солнца — 46, 359
- Амос*, ветхозаветный пророк — 346, 393
- Анамелех*, в ассирийской мифологии местное божество, согласно Ветхому Завету, почиталось в Сепарваиме — 391
- Анания*, в Новом Завете член раннехристианской общины в Иерусалиме, утаивший от апостолов деньги после продажи имущества — 217
- Андерсен Ханс Кристиан* (1805—1875), датский писатель-сказочник — 13
- Андрей Критский* (ум. ок. 726), византийский церковный деятель, проповедник, гимнолог — 207, 243, 249, 328
- Андромаха*, в греческой мифологии жена троянского героя Гектора — 163
- Андрэ Саломон* (1854—1897), шведский инженер, путешественник, воздухоплаватель — 86
- Анна*, в Ветхом Завете мать пророка и судьи Самуила — 391
- Анна*, по христианскому преданию мать Богоматери Марии — 109, 138, 197
- Анри Юбер Жозеф* (1846—1898), французский офицер, полковник, составитель подложного документа, изблещавшего А. Дрейфуса, после разоблачения и ареста покончил с собой — 58
- Антоний* (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898) — 319
- Антонин Пий* (86—161), римский император (с 138) из династии Антонинов — 341, 344
- Апис*, в египетской мифологии бог плодородия в облике быка — 195, 288, 391, 396, 397
- Аполлон*, в греческой мифологии бог — целитель и прорицатель, покровитель искусств — 15
- Ариадна*, в греческой мифологии дочь критского царя Миноса, которая помогла герою Тесею выйти из лабиринта, дав ему клубок ниток — 261
- Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый-энциклопедист — 25, 343
- Артемиды*, в греческой мифологии богиня охоты, покровительница рожениц — 13
- Архимед* (ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий ученый — 137
- Асаия*, в Ветхом Завете придворный иудейского царя Иосии — 158
- Аскоченский* (наст. фам. Оскошный, затем Отскоченский) Виктор Ипатьевич (1813—1879), писатель, журналист, историк, магистр богословия, издатель еженедельника «Домашняя беседа» (1858—1877) — 16, 122
- Астарта*, в финикийской мифологии богиня плодородия, материнства и любви — 133, 146, 152, 235, 269, 270, 276, 383, 384, 386, 388, 390, 404
- Астиаг*, царь Мидийской державы (585/584—550/549 до н. э.) — 405
- Афродита*, в греческой мифологии богиня любви и красоты — 13, 14, 374, 407, 413—417
- Ахав*, царь Израильского государства (877/871—854/852 до н. э.) — 392, 394
- Ахбор*, в Ветхом Завете придворный иудейского царя Иосии — 158
- Ахикам*, в Ветхом Завете чиновник при дворе иудейского царя Иосии — 158
- Ахитовель* (Ахитофел), в Ветхом Завете советник царя Давида — 181
- Ахмет*, торговец в Кисловодске — 180, 181

- Байрон* Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт, член палаты лордов (с 1809) — 55, 88
- Барсов* Николай Иванович (1839—1903), богослов и религиозный писатель — 17
- Беатриче* (Беатриче Портинари) (1265/1267—1290), флорентийка, идеальная возлюбленная Данте — 88
- Бедекер* Карл (1801—1859), Франц (1844—1925), немецкие книгоиздатели, выпускавшие путеводители по разным странам («бедекеры») — 191
- Бел* (от общесемитского Балу — «хозяин», «господин», «владыка»), в ассиро-вавилонской мифологии нарицательное имя некоторых богов — 374, 381, 382, 391, 395, 397
- Белинский* Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик, публицист, общественный деятель — 121
- Беляев* Александр Дмитриевич, богослов и религиозный писатель — 205
- Беранже* Пьер Жан (1780—1857), французский поэт — 43—45
- Беркли* Джордж (1685—1753), английский философ, епископ в Клойне (Ирландия) — 374
- Бёрнс* Роберт (1759—1796), шотландский поэт — 24
- Бецкой* Иван Иванович (1703/1704—1795), административно-политический деятель, при Екатерине II руководил всеми учебными и воспитательными заведениями — 192
- Болотов* Василий Васильевич (1853—1900), церковный историк — 340
- Брокар* Генрих (Андрей) Афанасьевич (1836—1900), владелец парфюмерной фабрики, коллекционер — 299
- Бронзов* Александр Александрович (1858 — после 1917), богослов и религиозный писатель — 16
- Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.), римский республиканец, один из руководителей заговора против Юлия Цезаря в 44 до н. э. — 63
- Брянцев* А., сотрудник церковных изданий, автор статей по проблемам брака — 16
- Бухарев* Александр Матвеевич (в монашестве архимандрит Феодор) (1824—1871), религиозный мыслитель, богослов, публицист, критик — 114, 115, 121—123, 137, 166, 212, 233
- Бухарева* Анна Сергеевна, жена А. М. Бухарева — 122, 218, 219
- Бюхнер* Людвиг (1824—1899), немецкий врач, естествоиспытатель и философ — 177
- В-ская* Анна, автор письма к Розанову — 318
- Ваал* (Баал, Балу — «хозяин», «господин», «владыка»), древнейшее название бога или богов в Финикии, Палестине, Сирии — 235, 383, 388, 389, 404
- Вакх*, в греческой мифологии одно из имен бога плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства и виноделия Диониса — 362—364, 395
- Валла*, в Ветхом Завете служанка Рахили и наложница Иакова — 159, 250, 367
- Валуев* Петр Александрович (1815—1890), политический деятель, министр внутренних дел (1861—1868), председатель Кабинета министров (1879—1881), автор «Дневника» — 127
- Варахия*, в Ветхом Завете отец Захарии — 158

- Варфоломей*, в Новом Завете апостол — 57
- Василий Великий* (ок. 330—379), христианский церковный деятель, теолог, философ, епископ Кесарийский (Малая Азия) — 232
- Василий II Темный* (1415—1462), великий князь Московский (с 1425) — 212
- Велиар*, в Новом Завете обозначение сатаны — 216, 221, 222
- Венадав* (Бенадад, Бен-Хадад) (IX в. до н. э.), царь Дамаска — 392, 394
- Венглер*, офицер, приговоренный к каторге за убийство собственного ребенка — 50, 52, 53
- Венера*, в римской мифологии богиня любви и красоты, соответствует греческой Афродите — 15, 18, 19
- Вениамин*, в Ветхом Завете младший сын Иакова, родоначальник одного из колен (племен) Израилевых — 345, 346, 357
- Вера* (II в.), христианская мученица, казненная в Риме — 250
- Веста*, в римской мифологии богиня домашнего очага — 13, 15
- Вирсавия*, в Ветхом Завете жена царя Давида, мать царя Соломона — 152
- Властов* Георгий Константинович (1827—1899), религиозный писатель и административный деятель — 127
- Вольтер* (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ — 60, 166, 345, 349
- Вооз*, в Ветхом Завете муж Руфи — 390
- Вулкан*, в римской мифологии бог разрушительного и очистительного пламени — 19
- Вундт* Вильгельм (1832—1920), немецкий психолог, физиолог и философ — 27
- Г-ч Екатерина*, автор письма к Розанову — 330—332
- Ганнибал* (247/246 — 183 до н. э.), карфагенский полководец — 401
- Гаршин* Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель — 57
- Гатчинский Отшельник*, псевдоним Романова Ивана Федоровича (1861—1913), писателя, публициста, друга Розанова — 7, 17, 18, 20, 133, 140, 143, 145, 147, 149, 156, 157, 175, 185, 191, 193, 195, 205, 240, 287—291, 293, 294, 298—301, 304, 311, 315, 317, 324, 325, 333
- Гейне* Генрих (1797—1856), немецкий поэт и публицист — 21, 55
- Гера*, в греческой мифологии жена и сестра Зевса, верховная богиня — 45, 343, 404
- Геракл* (Геркулес), в греческой мифологии герой, совершивший множество подвигов — 249, 413
- Геродот* (490/480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк — 34, 45, 46, 73, 306, 360, 369, 372, 373, 375, 378—384, 390, 391, 394, 396, 400, 420, 424
- Герострат*, грек из Эфеса, сжегший, чтобы прославиться, храм Артемиды Эфесской в 356 до н. э. — 313
- Герье* Владимир Иванович (1837—1919), историк — 340
- Гёте* Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель и естествоиспытатель — 18, 38, 43, 44, 345, 349, 354, 364
- Гильбер* Ивет (1867—1944), французская певица кафешантана, мемуаристка — 145
- Гиляров-Платонов* Никита Петрович (1824—1887), публицист, философ, литературный критик, издатель — 275, 276
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 9, 15, 55—58, 77, 206

- Гомер*, полупоэтический древнегреческий эпический поэт — 401, 413
- Гомерь*, в Ветхом Завете храмовая блудница, жена пророка Осии — 389
- Гончаров Иван Александрович* (1812—1891), писатель — 69, 290
- Гостомысл* (1-я пол. IX в.), легендарный предводитель и первый князь (посадник) новгородских словен — 193
- Гренков Александр Иванович* (1839—?), богослов и религиозный писатель — 219
- Грибоедов Александр Сергеевич* (1795—1829), драматург, поэт, дипломат — 37
- Григорий* (Георгий Петрович Постников) (1784—1860), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский (с 1856) — 226
- Григорий Богослов* (ок. 330 — ок. 390), христианский церковный деятель, поэт, теолог, философ, епископ г. Назианза (Малая Азия) — 236, 250
- Григорий VII Гильдебранд* (1015/1020—1085), папа римский (с 1073) — 38, 40, 41, 43, 45, 47, 48, 128
- Гусев Александр Федорович* (1842—1904), богослов и религиозный писатель — 219
- Гутенберг Иоганн* (1394/1399 или 1406—1468), немецкий изобретатель книгопечатания — 55
- Давид*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 1004 — ок. 965 до н. э.) — 48, 49, 58, 88, 89, 106, 126, 131, 132, 152, 158, 164, 176, 196, 198—200, 233, 386, 393
- Дамаянти*, в древнеиндийском эпосе жена царя нишадхов Наля — 16, 163, 417
- Дан*, в Ветхом Завете сын Иакова, родоначальник одного из колен (племен) Израилевых — 141, 305
- Данилевский Николай Яковлевич* (1822—1885), социолог, философ, публицист — 269—271, 275, 276
- Данте Алигьери* (1265—1321), итальянский поэт — 88, 106, 154
- Дарвин Чарлз Роберт* (1809—1882), английский естествоиспытатель, разработал теорию эволюции органического мира — 43, 105, 177, 269, 271, 276
- Дасье* — см. *Перье*
- Девилаим* (Дивлаим), в Ветхом Завете отец блудницы Гомерь — 389
- Деворра* (Девора, Дебора), в Ветхом Завете пророчица и судья — 355
- Декарт Рене* (1596—1650), французский философ, математик, физик, физиолог — 29, 41, 45, 48, 129, 304, 369, 374
- Деметра*, в греческой мифологии богиня плодородия и земледелия — 270, 413
- Демосфен* (ок. 384—322 до н. э.), афинский оратор — 343, 344
- Дернов Александр Александрович* (1857—?), протоиерей Петропавловского собора, публицист, сотрудник церковных изданий — 236, 237
- Дий* («ясное дневное небо»), в греческой мифологии обозначение Зевса — 306
- Димитрий Ростовский* (Даниил Саввич Туптало) (1651—1709), церковный деятель и писатель, митрополит Ростовский — 218, 219
- Диодор Сицилийский* (ок. 90—21 до н. э.), древнегреческий историк — 373
- Добролюбов Николай Александрович* (1836—1861), литературный критик, публицист, постоянный сотрудник журнала «Современник» — 121

- Достоевская* (урожд. Сниткина) Анна Григорьевна (1846—1918), вторая жена Ф. М. Достоевского — 219
- Достоевский* Федор Михайлович (1821—1881), писатель и мыслитель — 17, 29, 30, 33—39, 57, 58, 70—72, 75, 77, 78, 93, 95, 145, 272, 273, 275, 276, 293, 294, 299, 355
- Достоевский* Федор Федорович (1871—1921), сын Ф. М. Достоевского, специалист по коневодству и коннозаводству — 78
- Дрейфус* Альфред (1859—1935), офицер французского генерального штаба, родом из эльзасской еврейской семьи, обвиненный в шпионаже в пользу Германии (1894) и полностью реабилитированный (1906) — 54—58
- Дютуа де Мамбрини* Марк Филипп (XVIII в.), франкоязычный религиозный писатель, автор переведенного на русский язык сочинения «Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенной, человека и Священного писания» (ч. 1—6) — 197, 198, 200, 201
- Ева*, в Ветхом Завете жена Адама, пра-матерь человечества — 50, 194, 198, 201, 202, 229, 241, 245, 257, 258, 294, 308, 309, 311, 315, 317, 326—328
- Европа*, в греческой мифологии дочь финикийского царя, похищенная Зевсом — 306
- Екатерина II* (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 104
- Елизавета* (Елисавета), в Новом Завете мать Иоанна Крестителя — 117, 120, 305
- Елизавета* (1837—1898), австрийская императрица, жена императора Франца Иосифа (с 1854) — 55
- Елогим* (Элогим, Элохим, от обще-семитского корня «эл» — «бог», «дух»), обозначение Бога в неко-торых текстах Пятикнижия (Ветхий Завет) — 123, 178, 200, 209, 245, 248, 307, 393
- Енох*, в Ветхом Завете потомок Сифа, сына Адама — 126, 149
- Ер-ва* София, автор письма к Розанову — 326—328
- Жуковский* Василий Андреевич (1783—1852), поэт, переводчик, критик — 121, 223, 255, 256
- Загурский* Леонид Николаевич (1847—1912), юрист, историк права, профессор Харьковского университета — 14
- Заозерский* Николай Александрович (1851—1919), профессор церковного (канонического) права в Московской духовной академии, полемизировал с Розановым — 12
- Захария*, в Ветхом Завете один из свидетелей, на которого ссылается пророк Исаия, давший символическое имя своему сыну — 158
- Захарьин* Григорий Антонович (1829—1897), врач-терапевт, директор терапевтической клиники и профессор Московского университета — 57, 58
- Зевс*, в греческой мифологии верховный бог — 13, 45, 279, 343, 404
- Зелфа*, в Ветхом Завете служанка Лии и наложница Иакова — 250, 367
- Знаменский* Петр Васильевич (1836—1917), церковный историк — 115, 122, 219
- Зонар* (Зонара) Иоанн (ум. после 1159), византийский политический деятель, писатель, хронист, толкователь церковного (канонического) права — 210
- Зосима*, по христианскому преданию монах и священник, рассказавший историю жизни Марии Египетской — 260

- И. П.*, автор письма к Розанову — 321
- Иаир*, в Новом Завете начальник синагоги, дочь которого воскресил Иисус Христос — 120
- Иаков*, в Ветхом Завете патриарх, сын Исаака, родоначальник «двенадцати колен Израилевых» — 71, 72, 89, 93, 95, 106, 112, 113, 120, 173, 193, 199, 200, 228, 259, 279, 306, 309, 356, 360, 367, 385, 393
- Иаков*, в Новом Завете апостол — 105, 227
- Иафет*, в Ветхом Завете третий сын Ноя — 306, 356
- Иван IV Грозный* (1530—1584), русский царь (с 1547) — 11, 110
- Игнатий* (Дмитрий Александрович Брянчанинов) (1807—1867), богослов и религиозный писатель, епископ Кавказский и Черноморский (с 1857), с 1861 г. «на покое» в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии — 225, 226
- Иегова* (Яхве, рус. перев. Суций), в Ветхом Завете имя Бога, которым он назвал сам себя — 88, 105, 110, 278, 306, 360, 388
- Иезекииль*, ветхозаветный пророк — 20, 42, 108, 110, 138, 277—279, 291, 309, 346, 347, 386, 390, 393—395
- Иеремия*, ветхозаветный пророк — 56
- Иеровоам I*, первый царь Израильского государства (ок. 926 — ок. 907 до н. э.), основал святилище в Вефиле — 350
- Иеровоам II*, царь Израильского государства (ок. 787 — ок. 747 до н. э.) — 389
- Иероним Евсевий Софроний* (ок. 342/345—420), христианский теолог, писатель, переводчик на латинский язык Библии — 144
- Иеффай*, в Ветхом Завете судья (восначальник и правитель) — 356, 369, 378
- Изида* (Исида), в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности и семейной верности — 343, 360, 361, 404, 406, 409—411
- Израель* (Изреель), в Ветхом Завете символическое имя сына пророка Осии — 389
- Иисус Навин*, в Ветхом Завете сподвижник Моисея, а после его смерти вождь израильтян при завоевании новых земель — 149, 384, 385
- Иисус Христос* — 16, 40, 41, 48, 57, 60, 62, 63, 68, 72, 79, 80, 84, 85, 88—90, 94, 101, 105, 113, 117, 118, 120—123, 126, 133, 134, 138, 139, 141, 143, 147, 151, 153, 156, 159, 160, 163—169, 173, 176, 177, 179, 188—191, 193—196, 203, 206, 209, 210, 212—216, 218, 219, 226—229, 231, 233, 236, 241, 243—246, 250, 251, 253, 259, 306, 313—315, 321, 328, 340—345, 415
- Илий*, в Ветхом Завете первосвященник во времена судей, основатель рода священников-илидов — 356
- Илия* (Илия Фесвитянин), ветхозаветный пророк — 126, 276, 383, 385, 391, 393, 394
- Илья* (в монашестве Иоанн) (ум. 1186), священник, затем епископ Новгородский — 125
- Иннокентий* (Иван Евсеевич Попов-Всниаминов) (1797—1879), миссионер, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский (с 1840), митрополит Московский и Коломенский (с 1868) — 227
- Иоав*, в Ветхом Завете двоюродный брат и военачальник царя Давида — 350
- Иоаким*, по христианскому преданию отец Богоматери Марии — 109, 138
- Иоанн* (Владимир Сергеевич Соколов) (1818—1869), епископ Смоленский, религиозный писатель — 164

- Иоанн Богослов*, в Новом Завете апостол и евангелист — 25, 74, 108, 177, 230, 291, 312
- Иоанн Дамаскин* (ок. 675 — до 753), византийский богослов, философ, поэт — 233, 266
- Иоанн Елеукий* (XIX в.), священник — 217
- Иоанн Златоуст* (344/354—407), византийский церковный деятель, епископ Константинопольский (398—404), проповедник — 232
- Иоанн Кронштадтский* (Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908/1909), настоятель Андреевского собора в Кронштадте, религиозный писатель, проповедник — 217
- Иоанн Предтеча* (Иоанн Креститель), в Новом Завете пророк, предшественник Иисуса Христа — 14, 19, 117, 126, 167, 197
- Иов*, ветхозаветный праведник — 50, 78, 110, 126, 191, 307, 332, 386, 393, 394
- Иосиф*, в Ветхом Завете сын Иакова, проданный братьями в рабство и ставший наместником в Египте — 120
- Иосиф*, в Новом Завете муж Богоматери Марии — 342, 344
- Иосиф Флавий* (37 — после 100), древнееврейский историк — 40
- Ирод I Великий* (ок. 73—4 до н. э.), царь Иудейского государства (с 40/37 до н. э.) — 40, 41, 46, 120
- Ирод Антипа* («Ирод четвертовластник») (20 до н. э.— после 39 н. э.), сын Ирода I Великого, тетрарх Галилеи и Перее, при нем, согласно Новому Завету, был распят Иисус Христос — 46
- Исаак*, в Ветхом Завете патриарх, сын Авраама — 95, 159, 173, 193, 200, 250, 259, 298, 303, 334, 356, 379, 383, 388, 390, 391
- Исав*, в Ветхом Завете старший сын Исаака, уступивший свое первородство брату Иакову — 159
- Исаия*, ветхозаветный пророк — 58, 158, 346, 393
- Истар* (Иштар), в ассиро-вавилонской мифологии богиня плодородия, плотской любви, войны и распри — 269, 270, 274—276
- Иуда*, в Ветхом Завете сын Иакова, родоначальник одного из колен (племен) Израилевых — 158, 278, 306, 389
- К-ва Надежда*, автор письма к Розанову — 323—325
- К-кова Дарья*, автор письма к Розанову — 319
- К-ц О. И.* — см. Каблиц И. И.
- Каблиц Иосиф* (Осип) Иванович (1848—1893), публицист — 162
- Каин*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — 201, 311
- Камбиз* (Камбис), царь Ахеменидской державы (Персия) (530—522 до н. э.) — 401, 409
- Кампанелла* Томмазо (1568—1639), итальянский философ, поэт, политический деятель, монах-доминиканец, автор утопии об идеальном обществе — 413
- Кант Иммануил* (1724—1804), немецкий философ и ученый — 29, 137, 153, 275, 281
- Каракалла* (186—217), римский император (с 211) из династии Северов — 381
- Картуш Луи Доминик* (1693—1721), разбойник, главарь шайки, орудовавшей в Париже и его окрестностях — 54
- Катон Младший* (Утический) (95—46 до н. э.), римский республиканец,

- противник Юлия Цезаря — 15, 419
- Кибела*, фригийская богиня (великая мать богов), почитавшаяся во всей Римской империи — 404
- Киприда* (кипророжденная), эпитет, данный Афродите Гомером как рожденной из морской пены близ о. Кипр — 362—364, 395
- Киреевский Иван Васильевич* (1806—1856), религиозный философ, литературный критик, публицист — 205
- Кирик* (XII в.), иеродиакон новгородского Антониева монастыря, религиозный писатель — 125, 133
- Кифа* (арамейское «скала», «камень», греческое Петр), прозвище, которое Иисус Христос дал апостолу Симону — 204, 210
- Климент Александрийский* (ок. 150 — ок. 215), христианский теолог и писатель — 72
- Ковальницкий Аполлинарий Северианович* (1841 — после 1913), протоиерей, религиозный писатель — 14
- Кольшко Иосиф Иосифович* (1862—1920), публицист — 7, 82, 88
- Кольцов Алексей Васильевич* (1809—1842), поэт — 163, 268, 270, 271, 273, 275, 319
- Константин I Великий* (ок. 285—337), римский император (с 306) — 341, 345, 347
- Корреджио* (Корреджо) (наст. фам. Аллегри) Антонио (ок. 1489—1534), итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения — 305, 312
- Крупн Фридрих Альфред* (1854—1902), немецкий промышленник, владелец сталелитейных заводов в Эссене (Вестфалия) — 11
- Кудрявцев Петр Павлович* (1868 -?), религиозный писатель, профессор Киевской духовной академии — 12, 14
- Кулаковский Юлиан Андреевич* (1855—1919), историк — 340
- Кусков Дмитрий Платонович*, сын П. А. Кускова — 189
- Кусков Платон Александрович* (1834—1909), поэт, литературный критик, переводчик — 7, 188—191, 193, 194, 212
- Кювье Жорж* (1769—1832), французский зоолог — 28
- Л. И.*, автор статьи о браке и безбрачии в журнале «Богословский вестник» — 16, 124, 125
- Лаван*, в Ветхом Завете брат Ревски — 250, 380, 381
- Лазарь*, в Новом Завете житель Вифании (ссления около Иерусалима), воскрешенный Иисусом Христом — 120
- Лазарь*, бедняк из притчи, рассказанной в Евангелии от Луки — 321
- Ла-Менэ* (Ламенне) Фелисите Робер де (1782—1854), французский публицист и религиозный философ, аббат — 43
- Лары*, в римской мифологии божества — покровители семьи и дома — 15
- Лекки Уильям Эдуард Гарполь* (1838—1903), английский историк культуры — 313
- Леонардо да Винчи* (1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер — 124
- Леонтьев Константин Николаевич* (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик — 108, 113—115
- Лепсиус Карл Рихард* (1810—1884), немецкий египтолог — 73, 370, 400, 406, 424

- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт и прозаик — 27, 30—33, 36—39, 273—275, 342, 363, 381
- Линней* Карл (1707—1778), шведский естествоиспытатель — 307
- Литвин*, автор очерка на библейскую тему — 368
- Лихачев* Николай Петрович (1862—1936), историк и искусствовед — 424
- Лия*, в Ветхом Завете дочь Лавана, первая жена Иакова — 191, 193, 199, 250, 367
- Лоамми*, в Ветхом Завете символическое имя сына пророка Осии — 389
- Лобек* Кристиан Август (1781—1860), немецкий теолог, специалист по классической филологии — 403, 404
- Лобовников* Иван Иванович, профессор, покончивший с собой — 165
- Лопухин* Александр Павлович (1852—1904), богослов, религиозный писатель и историк — 142
- Лорухама*, в Ветхом Завете символическое имя дочери пророка Осии — 389
- Лот*, в Ветхом Завете племянник Авраама, спасшийся во время разрушения Содома и Гоморры — 11
- Лука*, в Новом Завете евангелист — 74, 173
- Лукреция* (VI в. до н. э.), жена знатного римлянина Луция Тарквиния Коллатина — 77
- Лухманова* (урожд. Байкова) Надежда Александровна (1844—1907), писательница, публицистка, переводчица, редактор-издатель еженедельника «Возрождение» — 330
- Любовь* (II в.), христианская мученица, казненная в Риме — 250
- Лютер* Мартин (1483—1546), немецкий религиозный реформатор — 43, 128, 304
- Лютецкий* А., автор письма к Розанову — 184, 185, 187
- М-ша* Варвара, автор письма к Розанову — 320
- Магомет* (Мохаммед, Мухаммед) (ок. 570—632), основатель ислама, в котором почитается как пророк, глава первого мусульманского теократического государства (с 630) — 180
- Мазини* Анджело (1844—1926), итальянский певец (тенор) — 174
- Макарий* (Михаил Петрович Булгаков) (1816—1882), богослов и церковный историк, митрополит Московский и Коломенский (с 1879), автор многолетнего труда «Богословие догматическое» — 63, 105
- Макарий Египетский* (Макарий Великий) (301—390), христианский монах-подвижник, проповедник аскетизма — 207, 218, 219, 249, 250, 260
- Малебранш* (Мальбранш) Никола (1638—1715), французский философ — 374
- Мандельштам* Леон Иосифович (1819—1889), писатель, переводчик на русский язык Пятикнижия (Ветхий Завет) — 53
- Маной*, в Ветхом Завете отец судьи и богатыря Самсона — 141, 147, 300, 304—306, 309, 312, 333
- Марго* (Маргарита Валуа) (1553—1615), жена короля Генриха Наваррского (ставшего французским королем Генрихом IV) (в 1572—1599) — 98
- Мариам*, в Ветхом Завете пророчица, сестра Аарона и Моисея — 106, 241, 355
- Мария* (Дева Мария), в Новом Завете Богоматерь, мать Иисуса Христа — 47, 109, 120, 142, 157, 305, 307, 326, 342, 344
- Мария Египетская* (V в.), по христианскому преданию, раскаявшаяся блудница, ставшая христианской отшельницей — 207, 249, 260

- Мария Магдалина*, в Новом Завете последовательница Иисуса Христа, изгнавшего из нее «бесов» — 121
- Марк*, в Новом Завете евангелист — 74, 340
- Марс*, в древнеиталийской и римской мифологии сначала бог плодородия и растительности, затем бог войны — 13, 19
- Масловский Петр*, священник и религиозный писатель — 226
- Матвей Ржевский* (Матвей Александрович Константиновский) (1791—1857), протоиерей из Ржева, духовник Н. В. Гоголя — 217
- Матфей*, в Новом Завете апостол и евангелист — 74
- Мелхиседек*, в Ветхом Завете царь и священник Салимский, благословивший Авраама — 386
- Меньшиков Михаил Осипович* (1859—1918), публицист, сотрудник газеты «Новое время» — 16, 254
- Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865—1941), писатель, публицист, философ, общественный деятель — 17, 18
- Меримэ* (Мериме) Проспер (1803—1870), французский писатель — 55
- Мессалина* (Валерия Мессалина) (ум. 48), жена римского императора Клавдия, известная своим распутством, властолюбием и жестокостью — 341
- Мещерский Владимир Петрович* (1839—1914), писатель и публицист, издатель газеты-журнала «Гражданин» — 105, 106, 219, 323
- Микель-Анджело* (Микеланджело) Буонарроти (1475—1564), итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт — 19, 124
- Милитта*, греческая форма имени западносемитской богини Ваалит («госпожа», «владычица») — 379—383, 391
- Милхом*, в Ветхом Завете главный бог аммонитян, по одной из версий тождественный Молоху — 388
- Милюкова Анна Сергеевна* (ум. 1935), переводчица и детская писательница, жена историка и лидера партии кадетов П. Н. Милюкова — 340
- Мирянин*, псевдоним университетского профессора богословия, критиковавшего взгляды Розанова по вопросам семьи и брака — 7, 147, 148, 153—155, 157—161, 164, 168—170, 223, 228—233, 237, 240, 255—257, 284, 321, 323, 324
- Митра*, в древнеиранской мифологии бог солнца, дневного света, мира между людьми, его культ был распространен во всей Римской империи — 341, 343
- Михаил* (Павел Васильевич Семенов) (1874 — после 1916), богослов, религиозный писатель, после 1906 г. перешел в старообрядчество — 16
- Моав*, в Ветхом Завете внук и сын Лота, родоначальник моавитян — 11
- Моисей*, в Ветхом Завете предводитель израильских племен, основатель религии иудаизма, пророк — 20, 70—73, 106, 109, 110, 125, 126, 130, 143, 149, 160, 200, 204, 232, 241, 278, 288, 294, 295, 298, 346, 349, 350, 354, 355, 357—360, 366, 368, 380, 385, 389, 394, 396, 399, 419
- Молешотт Якоб* (1822—1893), немецкий физиолог и философ — 177
- Молох*, древнепалестинское, западносемитское божество, которому приносились человеческие жертвы, упоминается в Библии — 346
- Мольтке Гельмут Карл* (1800—1891), немецкий генерал-фельдмаршал и военный теоретик — 11

- Моммзен* Теодор (1817—1903) немецкий историк — 340
- Монтескье* Шарль (1689—1755), французский правовед и философ — 42
- Надежда* (II в.), христианская мученица, казненная в Риме — 250
- Надсон* Семен Яковлевич (1862—1887), поэт — 57
- Наполеон I* (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март — июнь 1815), основатель династии Бонапартов — 54, 57, 154, 271, 348, 359, 361, 409, 424
- Нафанаил*, в Новом Завете апостол — 306
- Нейт*, в египетской мифологии богиня войны и охоты, воды и моря — 274
- Некрасов* Николай Алексеевич (1821—1877/1878), поэт, прозаик, общественный деятель — 79
- Неплюев* Николай Николаевич (1851—1908), религиозный публицист, общественный деятель, сторонник переустройства крестьянской жизни на основе трудовых братств — 122, 184, 187, 197, 215, 233, 321
- Нерон* (37—68), римский император (с 54) из династии Юлиев-Клавдиев — 341
- Никанор* (Александр Иванович Бровкович) (1827—1890/1891), архиепископ Херсонский и Одесский, богослов, религиозный писатель — 109, 141, 164, 165, 236, 362, 363
- Николай V* (Томмазо Парентучелли) (1398—1455), папа римский (с 1447) — 365
- Никольский* Павел Васильевич (1870—?), богослов и религиозный писатель — 16
- Никон* (Никита Минов) (1605—1681), патриарх (1652—1667) — 210
- Ниобея*, в греческой мифологии жена царя Фив, окаменевшая от горя после убийства Аполлоном и Артемидой всех ее детей — 413
- Нифонт* (ум. 1156/1157), епископ Новгородский — 125, 126
- Ноеминь*, в Ветхом Завете свекровь Руфи — 417
- Ной*, ветхозаветный праведник, спасшийся во время всемирного потопа со всей своей семьей — 202
- Ньютон* Исаак (1643—1727), английский математик, механик, астроном, физик, создатель классической механики — 295, 296
- Овсянников*, владелец книжного магазина — 114
- Озирис* (Осирис), в египетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, царь загробного мира — 103, 343, 360, 404, 405
- Олдама* (Алдама), в Ветхом Завете пророчица в Иудее — 158
- Old Gentleman* (Старый джентльмен — *англ.*), псевдоним Амфитеатрова Александра Валентиновича (1862—1938), писателя, публициста, критика — 57
- Олещицкий* Аким Алексеевич (1842—1907), богослов и религиозный писатель — 340
- Омар* (ок. 581/591—644), второй халиф в Арабском халифате (с 634), один из ближайших сподвижников Магомета (Мухаммеда) — 194, 253
- Онан*, в Ветхом Завете сын Иуды, отказавшийся иметь ребенка от своей жены и умерщвленный за это Богом — 278
- Ориген* (ок. 185—253/254), христианский теолог, философ, филолог — 72
- Осия*, ветхозаветный пророк — 389

- Островский* Александр Николаевич (1823—1886), драматург — 69
- Отеро*, французская певица кафешантана — 145, 146
- Офни*, в Ветхом Завете священник, сын первосвященника Илия — 356
- Павел*, в Новом Завете апостол — 16, 17, 109, 123, 126, 136, 137, 159, 160, 163, 167—169, 174, 176, 178, 202, 204, 209, 210, 216, 226, 231, 232, 241, 243, 245, 250, 257, 258, 313, 327, 328, 341, 342, 360
- Павзаний* (Павсаний) (II в.), древнегреческий писатель — 373
- Павлов* Алексей Степанович (1832—1898), богослов, профессор церковного (канонического) права Московского университета — 125
- Пальмер* Уильям (ум. 1879), англиканский священник, перешедший в 1855 г. в католичество, многолетний корреспондент А. С. Хомякова — 316
- Пан*, в греческой мифологии бог сначала стад, лесов и полей, затем всей природы — 14, 351
- Пандора*, в греческой мифологии созданная богами женщина, из любопытства открывшая сосуд (или ящик) и выпустившая на волю все несчастья, пороки, болезни — 352, 355
- Паскаль* Блез (1623—1662), французский математик, физик, религиозный философ, писатель — 47
- Пафнутий Исповедник* (кон. III — нач. IV в.), епископ г. Таис (Верхняя Фиваида), на I Вселенском (Никейском) соборе выступил против обязательного безбрачия духовенства, защищал святость брака — 237
- Пахомий Великий* (ум. 346), христианский подвижник, основатель монастыря в Египте — 237
- Пенелопа*, в греческой мифологии жена царя о. Итака Одиссея, ждавшая его возвращения из странствий в течение 20 лет — 15, 163
- Переверзев* А., исследователь проблемы брака в Ветхом Завете — 17
- Переферкович* Наум Абрамович (1871—?), филолог, переводчик на русский язык Талмуда — 367, 395, 397, 399
- Перье* (урожд. Паскаль) Франсуаза Жильберта (1620—1687), сестра Б. Паскаля, мемуаристка, автор книги «Жизнь Блеза Паскаля» — 47
- Петерсен* Владимир Карлович (1842—1906), публицист, военный инженер — 7, 61, 62, 65, 66, 180, 183, 185
- Петр*, в Новом Завете апостол — 68, 71, 109, 165, 241, 245, 247, 250, 313
- Петр* (Феодор Екатериновский), епископ Уфимский, затем Томский, религиозный писатель — 226
- Петропавловский* Иоанн Дмитриевич (1844—?), протоиерей и религиозный писатель — 219, 223, 234, 235, 323
- Пифагор* (VI в. до н. э.), древнегреческий философ, религиозный и политический деятель, математик — 354
- Платон* (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 29, 37—39, 110, 221, 274, 342—344, 374, 379, 401, 402
- Плиний Старший* (23/24—79), римский писатель и ученый — 417
- Плосс* Герман Генрих (1819—1885), немецкий педиатр, гинеколог, антрополог — 335
- Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907), обер-прокурор Синода (1880—1905), автор историко-юридических трудов — 126

- Погодин* Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, издатель — 233
- Погорельский* М. В. (1862—?), врач и писатель — 336
- Полозов* А., автор статьи по вопросам брака — 16, 124, 125
- Помпей Великий* Гней (106—48 до н. э.), римский полководец — 341
- Порфирий Успенский* (1804—1885), епископ Чигиринский, археолог, писатель — 109, 184, 219, 305
- Порция* (ум. 42 до н. э.), римская республиканка, дочь Катона Младшего, жена Марка Юния Брута — 15, 419
- Православный*, псевдоним архимандрита Никона (Николая Ивановича Рождественского) (1851—1918), издателя в Троице-Сергиевой лавре — 7, 104, 124
- Пракситель* (ок. 390 — ок. 330 до н. э.), древнегреческий скульптор — 306, 407
- Пресансэ* Эдмон де (1824—1891), французский протестантский теолог, политический деятель, писатель, автор книги «Христианская семья» (1856) — 227
- Прозерпина*, в римской мифологии богиня плодородия и подземного царства — 42
- Прометей*, в греческой мифологии титан, похитивший у богов огонь для людей — 166
- Птолемеи* (Лагиды), царская династия в эллинистическом Египте (305—30 до н. э.) — 343
- Пушкин* Александр Сергеевич (1799—1837), поэт и прозаик — 38, 39, 55, 116, 142, 174, 261, 291, 347, 362, 363, 377
- Ра*, в египетской мифологии бог солнца — 73, 371
- Рафаэль Санти* (1483—1520), итальянский живописец и архитектор — 28, 48, 88, 106, 305, 312, 364, 365, 369, 377, 381, 423
- Рахиль*, в Ветхом Завете дочь Лавана, вторая жена Иакова — 71, 72, 96, 112, 159, 191, 193, 199, 250, 367
- Рачинский* Сергей Александрович (1833—1902), ученый-ботаник, деятель народного образования — 57, 58, 136, 137
- Ревекка*, в Ветхом Завете жена Исаака — 93, 95—97, 100, 193, 250, 368, 379—382, 387, 390
- Ревиль* (Ревиль) Жан (1854—1908), французский протестантский теолог и историк — 341
- Рембрандт* Харменс ван Рейн (1606—1669), нидерландский живописец, рисовальщик, офортист — 141, 142, 147, 174, 300, 304—306, 311, 312
- Ремфан*, в Ветхом Завете ассирийский бог, олицетворение небесного светила — 346
- Ренап* Жозеф Эрнест (1823—1892), французский филолог, историк-востоковед, писатель — 306, 349
- Ровоам* — см. Иеровоам I
- Розанов* Василий Васильевич (1856—1919) — 82—110, 113—115, 118—126, 128, 133, 134, 136—139, 142—149, 151, 153—169, 175—185, 187—203, 205, 209, 210, 212, 215—222, 224, 229, 230, 233—238, 240—259, 318—330, 333—334, 336, 339
- Розанов* Василий Федорович (ок. 1822—1861), отец писателя — 193
- Розанова* (урожд. Руднева, по первому мужу Бутягина) Варвара Дмитриевна (1864—1923), вторая жена писателя — 189, 190
- Росселлини* (Роселлини) Ипполито (1800—1843), итальянский египтолог и археолог — 424

- Руднев* Иоанн Дмитриевич, священник, брат В. Д. Розановой — 7, 160, 175, 177, 180
- Руссо* Жан Жак (1712—1778), французский писатель и философ — 275, 413
- Руфин* Тираний (Руфин из Аквилеи) (345—410), христианский теолог, писатель, переводчик — 219
- Рубь*, в Ветхом Завете прабабка царя Давида — 11, 163, 191, 386, 388, 390, 394, 417
- Рюрик* (ум. 879), по летописному преданию, предводитель варяжского военного отряда, обосновавшегося в Новгороде — 193
- Савва* (XII в.), новгородский священник — 125
- Савин*, корнет, аферист — 54
- Савская царица*, в Ветхом Завете правительница Савского (Сабейского) государства (Аравия), посетившая царя Соломона — 281
- Сальвиан* (ок. 390 — ок. 484), христианский апологет и историк — 401
- Самуил*, в Ветхом Завете пророк и последний судья израильтян при переходе к эпохе царей (ок. 1000 до н. э.) — 112, 304
- Санфира*, в Новом Завете жена Анании — 217
- Сара*, в Ветхом Завете жительница лидийского города Екбатаны, вышедшая замуж за Товию — 138
- Сарра*, в Ветхом Завете жена Авраама — 77, 96, 97, 111, 117, 193, 200, 221, 303, 305, 309, 334, 355, 360, 361, 364, 388, 399, 400
- Саския* (урожд. ван Эйленборх или Эйленбюрх) (1612—1642), первая жена Рембрандта — 141, 305, 306, 311, 312
- Светлов* Павел Яковлевич (1861—1941), протоиерей, богослов, религиозный писатель — 16
- Северы*, династия римских императоров (193—235) — 341
- Сезострис*, мифический египетский правитель, завоевавший значительную часть мира, законодатель, в его облике воплощены черты некоторых реальных фараонов, прежде всего Рамсеса II и Шешонка (библейский Сусахим) — 424
- Секки* Анджело (1818—1878), итальянский астроном — 275
- Селиванов* Кондратий Иванович (ум. 1832), крестьянин, основатель секты скопцов — 40, 43, 48, 176
- Семирадский* Генрих Ипполитович (1843—1902), живописец — 341
- Сенкевич* Генрик (1846—1916), польский писатель — 341
- Сенфора*, в Ветхом Завете жена Моисея — 106, 241, 358, 359, 395
- Сильвестр* (Суходольский) (1770—?), богослов, религиозный писатель, ректор Киевской духовной академии, автор сочинения «Историческое рассуждение о догматическом богословии» — 105
- Сильченков* Константин Николаевич (1869—?), религиозный писатель, преподаватель духовной семинарии в Харькове — 124
- Сим*, в Ветхом Завете старший сын Ноя — 306, 356
- Син*, в ассиро-вавилонской мифологии бог луны — 269, 313
- Сиф*, в Ветхом Завете третий сын Адама и Евы после убийства Авеля Каином — 178, 307
- Скальковский* Константин Аполлонович (1843—1906), административный деятель и писатель, горный инженер — 332, 333

- Сменцовский* Михаил Николаевич (1870—?), богослов и религиозный писатель — 108—110
- Сократ* (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ — 25
- Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900), религиозный философ, поэт, публицист — 58, 88, 122, 127, 197, 215, 233, 254, 257, 320
- Соловьев* Михаил Петрович (1842—1901), начальник Главного управления по делам печати, писатель, публицист — 133, 136, 137, 165, 182, 257
- Соломон*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — ок. 926 до н. э.) — 38, 48, 49, 52, 109, 110, 152, 158, 191, 200, 281, 329, 340, 345, 349, 350, 369, 386, 388, 390, 393, 399
- Спенсер* Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 43, 343
- Спиноза* Бенедикт (Барух) (1632—1677), нидерландский философ — 384
- Страбон* (64/63 до н. э.— 23/24 н. э.), древнегреческий географ и историк — 373
- Страхов* Николай Николаевич (1828—1896), философ, публицист, литературный критик — 236, 289
- Суламифь* (Суламита), имя возлюбленной в библейской Песни песней — 420
- Тамерлан* (Тимур) (1336—1405), среднеазиатский эмир (с 1370) и полководец — 71
- Таммуз* (Фаммуз), еврейская форма имени шумеро-аккадского бога плодородия Думузи — 346
- Тарквиний* Секст (VI в. до н. э.), сын последнего царя Древнего Рима Тарквиния Гордого, обесчестивший Лукрецию — 77
- Тацит* (ок. 58 — ок. 117), римский историк — 341, 417
- Тернер* Федор Густавович (1833—1906), член Государственного совета, сенатор, товарищ министра финансов (1888—1892), автор книги «Государство и землевладение» — 127
- Ти*, древнеегипетский вельможа — 418, 420
- Тимофей*, в Новом Завете ученик и сподвижник апостола Павла — 168, 199
- Тирш* Генрих Вильгельм (1817—1885), немецкий протестантский теолог и писатель — 227
- Тит* (39—81), римский император (с 79) из династии Флавиев, будучи главнокомандующим при Веспасиане, разрушил Иерусалим (70) — 76, 400
- Тихонравов* Николай Саввич (1832—1893), литературовед и археограф — 56
- Товит*, в Ветхом Завете отец Товии — 394, 401
- Товия*, центральный персонаж библейской Книги Товита — 137, 373, 374, 391
- Толстой* Алексей Константинович (1817—1875), писатель — 25, 233, 266, 267, 271, 273, 276
- Толстой* Лев Николаевич (1828—1910), писатель и мыслитель — 17, 23, 30, 36, 37, 39, 63, 67—70, 74, 75, 77, 78, 89, 93, 99, 105, 106, 109, 133, 159, 170, 221, 236, 240, 254, 321, 341, 364
- Торричелли* Эванджелиста (1608—1647), итальянский физик и математик — 259
- Траян* (53—117), римский император (с 98) из династии Антонинов — 279
- Трубецкой* Иван Юрьевич (1667—1750), генерал-фельдмаршал — 192

- Гузов И. Л.**, владелец книжного магазина — 114, 123, 137
- Тургенев Иван Сергеевич** (1818—1883), писатель — 30, 69, 328
- Тютчев Федор Иванович** (1803—1873), поэт, публицист, дипломат — 267—273, 275, 276
- У-ский (Ус-ский) А.** — см. **Устьянский А. П.**
- Урия**, в Ветхом Завете муж Вирсавии, которого царь Давид послал на верную смерть, чтобы жениться на ней — 152
- Урия**, в Ветхом Завете священник — 158
- Устьянский Александр Петрович** (1854/1855—1922), протоиерей из Новгорода, друг Розанова и его многолетний корреспондент — 7, 14, 16, 108—110, 115, 123, 127, 134, 136, 137, 139, 142—144, 147, 151, 153, 154, 160, 162, 168, 170, 174, 175, 177, 181, 183, 185, 202, 205, 210, 212, 214, 215, 217, 219, 221, 224, 233—235, 238—241, 243—247, 249—251, 254, 260, 301, 323—325, 327
- Ухтомский Эспер Эсперович** (1861—1921), публицист, редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1896) — 182, 195
- Фаррар Фредерик Уильям** (1831—1903), английский писатель и теолог — 331, 340
- Фемистокл** (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), афинский полководец — 353
- Феодор Студитский** (Студит) (759—826), византийский церковный деятель, богослов и писатель, настоятель монастыря в Константинополе — 194
- Феофан Затворник** (Георгий Васильевич Говоров) (1815—1894), епископ Тамбовский (с 1859), Суздальский и Владимирский (с 1863), с 1866 г. в Вышенской пустыни, с 1872 г. стал отшельником, богослов, религиозный писатель, переводчик — 225, 235
- Филарет** (Василий Михайлович Дроздов) (1782/1783—1867), митрополит Московский (с 1826), богослов, религиозный философ, историк, проповедник — 109, 122, 177, 193, 202, 225, 347, 351, 357—359
- Филевский Иоанн Иоаннович** (1865—?), богослов, религиозный писатель, профессор Харьковского университета, полемизировал с Розановым — 12
- Филипп** (Федор Степанович Колычев) (1507—1569), митрополит Московский и всея Руси (1566—1568), убит по приказу Ивана IV Грозного — 11
- Филиппов Третий Иванович** (1825—1899), государственный и общественный деятель, публицист, знаток истории церкви — 126, 127
- Филон Александрийский** (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.), иудейско-эллинистический религиозный философ — 358, 359
- Финеес**, в Ветхом Завете священник, сын первосвященника Илия — 356
- Флобер Гюстав** (1821—1880), французский писатель — 340
- Фогт (Фохт) Карл** (1817—1895), немецкий философ и естествоиспытатель — 105
- Фома Аквинский** (1225/1226—1274), монах-доминиканец, средневековый философ и теолог — 41, 45, 126
- Фома Кемпийский** (Томас Гемеркен или Хемеркен) (ок. 1379/1380—1471), монах, теолог-мистик, писатель — 331
- Форнарина** (на римском диалекте «булочница»), так звали возлюбленную Рафаэля, дочь булочника Маргариту Лути — 88

- Хаммураби* (Хаммурапи), царь Вавилонии (1792—1750 до н. э.), завоевал значительную часть Месопотамии, Ассирию, законодатель — 395
- Хаммус* (Хамус), в Ветхом Завете главный бог моавитян — 386, 388
- Хвольсон* Даниил Абрамович (1819—1911), востоковед-семитолог, переводчик на русский язык Библии — 205
- Хелкия*, в Ветхом Завете первосвященник, нашедший в Иерусалимском храме книгу закона — 158, 388
- Хеттура*, в Ветхом Завете жена Авраама после смерти Сарры — 200, 334
- Хирам*, царь Тира (Финикия) (ок. 970 — ок. 936 до н. э.) — 349, 386
- Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860), религиозный философ, писатель, публицист — 233, 276
- Хрисанф* (Владимир Николаевич Ретивцев) (1832—1883), архиепископ, религиозный писатель, историк — 72
- Цельнер* Иоганн Карл Фридрих (1834—882), немецкий астрофизик — 393, 395
- Цельс* (II в.), римский (или александрийский) писатель, философ, врач, выступал против христианства — 105
- Церера*, в древнеиталийской и римской мифологии богиня плодородия и земледелия — 42
- Ч-ва С.*, автор письма к Розанову — 322
- Шалмун* (Шаллум), в Ветхом Завете муж пророчицы Олдамы — 158
- Шарапов* Сергей Федорович (1855—1911), экономист, публицист, издатель — 7, 14, 107, 113, 120, 126, 127, 134, 137—140, 143, 145, 147—154, 177, 178, 180, 182, 183, 204, 205, 228, 229, 235, 237, 240, 254, 255, 257, 259, 261, 266, 267, 272, 280, 284, 301, 306, 321—323, 330
- Шафон* (Шафан), в Ветхом Завете придворный писец иудейского царя Иосии — 158
- Шеарясув*, в Ветхом Завете сын пророка Исаии — 158
- Шекспир* Уильям (1564—1616), английский драматург и поэт — 112, 354, 355, 366
- Шестаков* Дмитрий Петрович (1869—1937), поэт и переводчик античных авторов — 82
- Шиллер* Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 40, 274, 373
- Шопен* Фридерик (1810—1849), польский композитор и пианист — 67, 82
- Шопенгауэр* Артур (1788—1860), немецкий философ — 214
- Штраус* Давид Фридрих (1808—1874), немецкий теолог и философ — 166, 306, 349
- Эдип*, в греческой мифологии сын царя Фив, по неведению убивший отца и женившийся на матери, узнав правду, ослепил себя — 21, 31, 352
- Эккерман* Иоганн Пстер (1792—1854), личный секретарь И. В. Гёте — 43, 44
- Энгельгардт* Николай Александрович (1867—1942), писатель, публицист, критик, историк литературы — 88
- Эстергази* Мари Шарль Фердинанд (1847—1923), французский офицер, по происхождению венгр, в 1896 г. был обвинен в причастности к шпионажу в пользу Германии, что

подтвердилось лишь впоследствии -- 54--58

Ювенал Децим Юний (ок. 60 — ок. 127), римский поэт-сатирик — 341, 417

Юдифь (Иудифь), в Ветхом Завете вдова, спасшая от ассирийцев свой родной город Ветилую — 96

Юнона, в римской мифологии жена Юпитера, богиня брака, материнства — 13, 45

Юпитер, в римской мифологии верховный бог — 45, 343

Юстин Философ (ок. 100 — ок. 165), христианский апологет, мученик — 110

Якшич Д., священник и религиозный писатель — 14

Ярослав Мудрый (ок. 978—1054), великий князь Киевский (с 1019) — 380

Ярославна (Ефросинья Ярославна) (2-я пол. XII в.), жена князя Новгород-Северского Игоря Святославича, дочь князя Галицкого Ярослава Владимировича Осмомысла — 15, 417

Составитель *В. М. Персонов*

СОДЕРЖАНИЕ

В мире неясного и нерешенного

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	8
ИЗ ЗАГАДОК ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ	21
ПРИРОДОВА ЛЕГЕНДА	40
ИСТИННЫЙ «FIN DE SIÈCLE»	54
НОМИНАЛИЗМ В ХРИСТИАНСТВЕ	61
СЕМЬЯ КАК РЕЛИГИЯ.	67

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

I. Сфинкс.— Стихотворение <i>Дм. Шестакова</i>	82
II. Брак — как религия и жизнь.— <i>Иосифа Кольшко</i>	—
III. Какими «рожцами» питается наша интеллигенция? — Из дневника <i>Православного</i>	104
БРАК И ХРИСТИАНСТВО.— Письма священника <i>А. П. У-ского</i> . С введением и замечаниями <i>В. Розанова</i> и с протестом <i>С. Ф. Шаранова</i>	107

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

IV. Бессмертные вопросы.— <i>Гатчинского Отшельника</i>	140
V. О В. В. Розанове и его «религии брака». — <i>С. Ф. Шаранова</i>	147
1. Открытое письмо к редактору «Русского Труда». — <i>Священника А. У-ского</i>	148
2. О воззрениях Г. Розанова на супружеское соединение. — <i>Мирянина</i> . С возражениями <i>В. Розанова</i>	153
3. Ad hominem.— Письмо-самооправдание к редактору «Русского Труда» <i>Гатчинского Отшельника</i>	168
VI. Разрозненные отзвуки спора	175
1. Письмо священ. <i>Иоан. Руднева</i> . С замеч. <i>В. Розанова</i>	—
2. Из письма <i>В. К. Петерсена</i> . С замеч. <i>В. Розанова</i>	180
3. Письмо <i>А. Лютецкого</i> . С замеч. <i>В. Розанова</i>	183
Ответ г. Лютецкому. <i>В. Розанова</i>	185
Второе письмо <i>А. Лютецкого</i>	—

В Содержании названия разделов иногда даются В. В. Розановым в измененном по сравнению с текстом книги виде.— *Ред.*

4. Три письма П. А. Кускова. С замеч. В. Розанова	188
5. Отзыв о письмах П. А. Кускова.— Гатчинского Отшельника. С возражениями В. Розанова	191
VII. Религиозное освящение супружества. — Письма священника А. Уско-го	196
1. Ветхий Завет о супружестве и 50-й псалом царя Давида.— Письмо священника А. Уско-го	—
2. Евангелие и ап. Павел о супружестве.— Письмо священника А. Уско-го	202
3. Супружество в первые века христианства.— Письмо священника А. Уско-го	210
4. Евреи.— Св. Макарий Великий и две праведные женщины.— Воспоминания об А. С. Бухаревой.— Письмо священника А. Уско-го	218
5. Сфера, оставленная без внимания, и задача наших молитв.— Письмо к редактору «Гражданина». Священника А. Уско-го	219
6. Путь спасения в браке.— А. Уско-го	224
VIII. Письмо в редакцию «Гражданина». — Священника И. Петропав-ловского	234
IX. О браке и девстве.— Н. Аксакова. С замечан. В. Розанова	235
X. Ответ г. Н. Аксакову. Протоиерея А. Уско-го	253
ХОРОШО ЛИ ЗНАЕТЕ, «КАКОГО ВЫ ДУХА»? — С. Ф. Шарапову на его «примечания» к статье: «Брак и христианство»	261
С. Ф. ШАРАПОВУ, НАПОМНИВШЕМУ СЛОВА: «МОГИЙ ВМЕСТИТИ — ДА ВМЕСТИТ».	280
ДВА РЯДА ВЫВОДОВ.— Моим оппонентам, гг. Мирянину, Шарапову и Аксакову	284
НЕЧТО ИЗ ТУМАНА «ОБРАЗОВ» И «ПОДОБИЙ»	287

ИЗ ПИСЕМ О МАТЕРИНСТВЕ И СУПРУЖЕСТВЕ

Об естественности этих состояний.— Письмо <i>Анны В-ской</i>	318
Обычай молитвы перед посевом хлеба в Тверской губернии.—Письмо <i>Дарьи К-ковой</i>	—
О семейном изображении «Поможение в родах». — Письмо <i>Варвары М-иной</i>	319
О евреях.— Из письма <i>И. П.</i>	320
О чистоте, важности и преимущественности, сравнительно с другими моментами жизни, минуты зачатия.— Письмо <i>С. Ч-вой</i>	321
О том же.— <i>Z</i>	322
О письмах А. П. Уско-го и И. Петропавловского.— Шесть писем <i>Надежды К-вой</i>	323
Когда чувственность бывает безнравственна. Об очистительной над роженицею молитве. О заключении брака. О разорванности бытия человеческого до брака.— Письма <i>Софии Ер-вой</i>	326
Об обрезании у евреев. О предметах, естественно сокрытых, хотя не худых, и о важности и ненарушимости тайн. О происхождении греха и страданий на земле.— Письма <i>Екатерины Г-ч</i>	329
О невозможности для нашего племени и эпохи религиозных ощущений в специальные минуты супружества.— <i>Гатчинского Отшельника</i>	332
Случайные наблюдения над обрезанием и его влиянием на самоощущение в супружестве.— <i>Читателя</i>	333

Из восточных мотивов

ПРЕДИСЛОВИЕ	339
ВЕЛИЧАЙШАЯ МИНУТА ИСТОРИИ	340
ЗАЧАРОВАННЫЙ ЛЕС	352
ИЗ СЕДОЙ ДРЕВНОСТИ	356
ПОДРОБНОСТИ И ЧАСТНОСТИ	403
Как произошли «египетские» и другие «древние таинства»?	—
«Афродита Книдская» и египтянка	407
Первая молитва на земле	408
Как произошло изображение Изиды	409
Как стали поклоняться Изиде	411
Афродизианская красота	413
У ноги мужа	417
Дети египетские	420
Первая колыбельная песня на земле	423
Песня песней	—
Обрезание у египтян	424
КОММЕНТАРИИ	427
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	441

**Василий
Васильевич
Розанов**

Собрание сочинений

В мире неясного и нерешенного

Заведующий редакцией
В. Г. Голобоков

Редакторы
П. П. Апрышко
и Ж. П. Крючкова

Художник
Ю. Н. Маркаров

Художественный редактор
О. Н. Зайцева

Технический редактор
Ю. А. Мухин

ИБ № 9868

ЛР № 010273 от 10.12.92.

Сдано в набор 06.06.95.

Подписано в печать 06.10.95.

Формат 60x84^{1/16}.

Бумага книжно-журнальная офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,97. Уч.-изд. л. 40,47.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 838. С 044.

Российский государственный
информационно-издательский
Центр «Республика»
Комитета Российской Федерации
по печати.

Издательство «Республика».
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма
«Красный пролетарий».
103473, Москва,
Краснопролетарская, 16.